

**Межрегиональные
исследования
в общественных науках**

**Министерство
науки и образования
Российской
Федерации**

**ИНО-центр
(Информация. Наука.
Образование)**

**Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)**

**Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)**

**Фонд Джона Д.
и Кэтрин Т. Мак-Артуров
(США)**

Данное издание осуществлено в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», реализуемой совместно Министерством образования РФ, ИНО-центром (Информация. Наука. Образование) и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Мак-Артуров (США). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

Культурные практики толерантности в речевой коммуникации

Коллективная монография

Ответственные редакторы
Н. А. Купина и О. А. Михайлова

Екатеринбург
Издательство
Уральского университета
2004

Рецензенты:

доктор филологических наук,
профессор Санкт-Петербургского университета
Галина Николаевна Скляревская,

доктор филологических наук, профессор
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Наталья Ивановна Формановская

К 906 **Культурные практики толерантности в речевой комму-**
никации: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина и
О. А. Михайлова — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та,
2004. — 595 с.

ISBN 5-7525-1260-3

Коммуникативная категория толерантности рассматривается в коллективной монографии как фундаментальный принцип культуры, связанный с плюрализмом, социальной и духовной свободой, непосредственно проявляющийся в разных сферах человеческого общения.

Авторы выявляют социолингвистические, когнитивные, прагматические, этические, идеологические основания толерантности в речевой коммуникации, характеризуют национально-культурную специфику толерантности в ее связи с государственной языковой политикой, описывают культурные практики толерантности / интолерантности в обыденном общении россиян, в дискурсах разных типов и текстах влияния. Особое внимание уделяется факторам интолерантности, описанию речевых средств, способствующих возникновению и обострению агрессии, внутрикультурных и межкультурных конфликтов. Специальный раздел книги посвящен преломлению культурных практик толерантности в сферах образования, переводческой деятельности, профессионального общения.

Для лингвистов, культурологов, социологов, философов, специалистов в области других гуманитарных наук, а также для преподавателей русского языка как родного и как иностранного, переводчиков, журналистов, социальных работников.

ББК Ю 621.21

ISBN 5-7525-1260-3

© Коллектив авторов, 2004
© Издательство Уральского
университета, 2004

Содержание

Предисловие	9
Раздел I. Категориальные основания коммуникативной толерантности	
<i>Михайлова О. А.</i> Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания	15
<i>Крысин Л. П.</i> Толерантность как социолингвистическая категория	27
<i>Купина Н. А.</i> О прагмоидеологической составляющей толерантной / интолерантной коммуникации	33
<i>Салимовский В. А.</i> Об этическом содержании понятия «диалогичность»	52
<i>Ермакова О. П.</i> Толерантность и проблемы коммуникации	60
<i>Дымарский М. Я.</i> Принцип толерантности и некоторые виды коммуника- тивных неудач	74
Раздел II. Национально-культурная специфика толерантности и проблемы языковой политики	
<i>Мустайоки А.</i> Толерантность в государственной языковой политике и коммуникации	87

Кожаневская-Берчинская И.

Польская толерантность в интерпретации современных мыслителей 100

Шарафутдинов Д. Р.

Толерантность и интолерантность как приоритеты языковой политики: современное языковое состояние на Украине 109

Туксаитова Р. О.

О межъязыковой толерантности в постсоветском Казахстане 125

Стернин И. А.

Проблемы формирования категории толерантности в русском коммуникативном сознании 130

Енина Л. В.

Этническая интолерантность в отражении уральских газет ... 150

Рябов О. В.

Межкультурная интолерантность: гендерный аспект 165

Раздел III. Культурные практики толерантности / интолерантности в обыденном общении

Матвеева Т. В.

Корректность речевого противодействия 183

Борисова И. Н.

Коммуникативная координация речевого поведения в «прекословных» разговорах 197

Шалина И. В.

Толерантность / интолерантность в просторечной семейной культуре 212

Норман Б. Ю.

Молчание как способ коммуникации 231

Вепрева И. Т.

О регулирующей функции извинения в обыденной коммуникации 244

Михайлова Ю. Н.

Фразеологизмы со словами «бог» и «черт» в обыденном общении 255

Шилихина К. М.

Коммуникативная интолерантность в русском общении ... 265

Денисюк Е. В.

Манипулятивное речевое воздействие: к вопросу об этической оценке 273

Раздел IV. Культурные практики толерантности / интолерантности в дискурсах разных типов

Чепкина Э. В.

Дискурсивные практики формирования оппозиции
«свой–чужой» в районной прессе (на материале газет
Пермской области) 287

Олянич А. В.

Драматургия политического и военно-политического
конфликта в массово-информационном дискурсе
(стратегии презентации «своих» и «чужих») 303

Чудинов А. П.

Политическая метафора как отражение политической
толерантности / интолерантности 323

Данилов С. Ю.

Проработка и дебаты: коммуникативные практики
идеологического взаимодействия 346

Чернова О. Е.

Способы формирования агрессии в современном
публицистическом дискурсе (на материале газеты «Магни-
тогорский рабочий») 364

Чернявская В. Е.

Факторы проявления толерантности / интолерантности
в научном дискурсе 372

Хомяков М. Б.

Религиозная толерантность в мультикультурном
обществе: поиск нового обоснования 378

Раздел V. Отражение культурных практик толерантности в текстах воздействия

Майданова Л. М., Соломатов С. И.

Практика присвоения статуса: Анатолий Чубайс
в зеркале газетных текстов 407

Черняк В. Д., Черняк М. А.

Конфликтность и толерантность в заглавиях текстов
массовой литературы 432

Болотнова Н. С.

Гармонизация общения и теория регулятивности
художественного текста 445

Пикулева Ю. Б.

Игровые трансформации рекламных текстов как средство
толерантного языкового сопротивления 455

Попова Е. С.

Способы демонстрации толерантности в рекламном тексте .. 471

Ким И. Е.

О текстах письменных обращений граждан к представи-
телям власти: языковые аспекты интолерантности 482

Раздел VI. Лингвотехнологические аспекты культурных практик толерантности

Бурвикова Н. Д., Костомаров В. Г.

Традиции и новации в методике преподавания русского
языка как иностранного: к проблеме толерантности 493

Лысакова И. П.

Методологические аспекты обучения тактикам толерант-
ности на родном и на иностранном языках 499

Дунев А. И.

Толерантность как свойство учебного текста 508

Павлова Н. С.

Проблема толерантности в практике перевода иннова-
тивных художественных текстов (на материале произве-
дений Ф. Кафки, П. Вайса, Б. Шлинка) 515

Майс Г., Далюгге-Момме Н.

Прикладные аспекты перевода и проблемы межкультур-
ной коммуникации 527

Харченко Е. В.

Моделирование толерантного вербального поведения
в профессиональной среде 538

Шкатова Л. А.

Технологии управления конфликтной коммуникацией:
лингвистические основания 548

Литература 557

Сведения об авторах 588

Предисловие

Исследование проблем толерантности, столь необходимое для теоретического осмысления основ открытого общества и практического формирования демократического общественного сознания, в нашей стране только начинается. Достаточно указать, что федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания» была создана лишь в 2000 г. За несколько последних лет в России сформировались научные и педагогические коллективы, исследующие феномен толерантности. В числе этих коллективов — Уральский МИОН.

Данное научное издание является вторым монографическим исследованием проблемы толерантности, в центре которого находится лингвистический потенциал этой категории.

Толерантность — универсальная многоаспектная категория, обладающая ментальной ценностью и регулирующая межличностные, внутрикультурные, межкультурные отношения. Толерантность действует на уровне отношений между людьми и только через отношения людей становится общественным явлением. Принцип толерантности приложим как к участникам коммуникации, так и к социальным институтам. Коммуникативная природа толерантности обуславливает комплексность данной категории, которая может быть рассмотрена в социологическом / социолингвистическом / философском / лингвофилософском, психологическом / психолингвистическом, этическом / лингвоэтическом, акциональном, этническом и др. аспектах. Лингвистический анализ в

его многочисленных вариантах позволяет выявить вербальную определенность механизмов толерантной коммуникации, установить очаги коммуникативного напряжения, болевые точки социокультурного пространства, составить представление о степени толерантности общественного сознания.

Монография состоит из шести основных разделов.

В первом разделе — *Категориальные основания коммуникативной толерантности* — исследуется лингвистическая природа толерантности. Так, *О. А. Михайлова*, отталкиваясь от системно-структурного анализа словарного языкового материала, выявляет когнитивные, прагматические и этические параметры, лежащие в основании коммуникативной толерантности; *Л. П. Крысин* демонстрирует различия речевого поведения носителей разных подсистем национального языка (разных субъязыков и субкультур), выявляет степень коммуникативной толерантности / интолерантности внутри отдельных субкультур и в ситуациях межкультурного общения; *Н. А. Купина* рассматривает прагмоидеологическую составляющую коммуникации, обусловленную реальным столкновением (конфликтом) официальной идеологической стратегии и индивидуальных интенций (*М. Горький, А. Сахаров, А. Солженицын*), а также образом адресата; собственно этическое содержание категории толерантности обнаруживает *В. А. Салимовский*, «пропускающий» эту категорию через философское и лингвистическое понимание диалогичности как ментальной данности; конкретные проявления толерантности в коммуникативном взаимодействии, имеющем реальный результат (удачи и неудачи), разновидности коммуникативных неудач, вызванных интолерантным речевым поведением, выявляют *О. П. Ермакова* и *М. Я. Дымарский*. В целом в первом разделе монографии толерантность описывается как универсальная категория, формирующая речевую коммуникацию, влияющая на ее механизмы и результаты.

Во втором разделе — *Национально-культурная специфика толерантности и проблемы языковой политики* — общая проблема разрабатывается в национально-культурном аспекте. Авторы исследуют стратегии реализации толерантности в языковой государственной политике разных стран и влияние этой политики на языковое существование внутри страны, на общественное языковое сознание носителей национальных культур: *А. Мустайоки* описывает преломление данной проблемы в Финляндии; *Р. О. Туксаи*

това — в Казахстане; Д. Р. Шарафутдинов — на Украине; И. Кожаневска-Берчинска — в Польше, И. А. Стернин — в России. Особое внимание уделено вербальному выражению межэтнических конфликтов (Л. В. Енина) и национально-гендерному аспекту межкультурной интолерантности (О. В. Рябов).

В третьем разделе — *Культурные практики толерантности / интолерантности в обыденном общении* — анализируется русский речевой быт, располагающий особыми средствами формирования толерантной коммуникации в ситуациях напряжения. Т. В. Матвеева, И. Н. Борисова, К. М. Шилихина демонстрируют речевые средства, сдерживающие агрессию и создающие кооперацию в «прекословных диалогах», характеризующихся противоборством сторон, Б. Ю. Норман сосредоточивает внимание на коммуникативном потенциале молчания; Ю. Н. Михайлова анализирует влияние употребления фразеологизмов со словами *бог* и *черт* на толерантный / интолерантный результат общения; И. Т. Венрева демонстрирует регулирующие функции извинения в бытовом диалоге; Е. В. Денисюк выявляет модели манипуляции в обыденном диалоге. Особенности культурных практик толерантности / интолерантности в рабочей семье характеризует И. В. Шалина. Большой интерес представляют выявленные авторами раздела лингвистические и экстралингвистические факторы, вызывающие коммуникативное напряжение.

В четвертом разделе — *Культурные практики толерантности / интолерантности в дискурсах разных типов* — рассматриваются газетно-публицистический дискурс (Э. В. Чепкина, О. Е. Чернова); массово-информационный дискурс (А. В. Олянич, С. Ю. Данилов); политический дискурс (А. П. Чудинов), научный дискурс (В. Е. Чернявская), религиозный дискурс (М. Б. Хомяков). Авторы выявляют универсальные и частные оппозиции, лежащие в основе конфликтов, характеризуют языковые средства конфликтности, факторы, определяющие сотрудничество и разобщение, описывают стратегии презентации «своих» и «чужих» как внутри культуры, так и в мультикультурном пространстве.

В пятом разделе — *Отражение культурных практик толерантности в текстах воздействия* — коммуникативная гармония и коммуникативные конфликты исследуются на материале текстов влияния в современном социокультурном пространстве России. В качестве объектов конкретного анализа использованы тексты газе-

ты (Л. М. Майданова, С. И. Соломатов), тексты массовой литературы (В. Д. Черняк, М. А. Черняк) и классической литературы (Н. С. Болотнова), тексты рекламы (Ю. Б. Пикулева) и тексты заявлений, адресованных гражданами представителям городских властей (И. Е. Ким). Воздействие и противодействие, суггестия и контрсуггестия, языковые средства, направленные на разжигание агрессии и способствующие чувству приятия иного / другого, в текстах, пользующихся повышенным читательским спросом, — все это находится в поле зрения авторов, раскрывающих с помощью социолингвистического и лингвокультурологического анализа социальные и психологические причины интолерантности.

В шестом разделе — *Лингвотехнологические аспекты культурных практик толерантности* — разрабатывается комплекс прикладных проблем. Внутри раздела можно выделить три направления. 1. Методика преподавания русского языка как родного и как иностранного (Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров, А. И. Дунев, И. П. Лысакова). Толерантность интерпретируется как принцип, лежащий в основе методических лингвокультурных технологий, позволяющих обучаемому войти в культуру, освоить и принять ее. 2. Практика перевода (Н. С. Павлова, Г. Майс, Н. Далюгге-Момме). Лингвоспецифические, когнитивные, культурологические участки оригинального текста интерпретируются как особого рода препятствия диалога культур. Приводятся приемы устранения этих препятствий. 3. Практика моделирования толерантного речевого поведения в профессиональной среде (Л. А. Шкатова, Е. В. Харченко). Толерантность понимается как необходимое условие существования профессиональных групп. Предлагаются технологии снятия коммуникативного напряжения и управления конфликтной коммуникацией.

Завершает монографию общий библиографический список работ, цитированных авторами. Источники материала, в случае их значимости для категории толерантности в ее динамике и локальной привязанности, выносятся в отдельный список и помещаются в конце соответствующей главы.

Н. А. Купина,
О. А. Михайлова

Раздел I

**Категориальные основания
коммуникативной
толерантности**

О. А. Михайлова

Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания

Толерантность является порождением современной культуры и представляет собой универсальную ценность, которая, однако, обладает разной значимостью в разных социальных сообществах. В русском языковом сознании, как неоднократно отмечалось в работах исследователей (см.: [Стернин, Шилихина 2001; Михайлова 2003; Стернин 2003]), концепт *толерантность* только начинает складываться, поэтому его границы достаточно неопределенны и расплывчаты. Предварительные результаты исследования этого понятия показали, что слово *толерантность* в современном русском языковом сознании оказывается многозначным. Оно понимается как: 1) высокое душевное *качество, способность* личности без внутренней агрессии воспринимать другого, имеющего иные / противоположные ценностные установки; 2) терпимое, лояльное *отношение* к другому, сознательно признающее право его существования; терпимое отношение к убеждениям, мнениям и верованиям другого; 3) *поведение* человека в ситуации конфликта, подчиненное стремлению достичь взаимного понимания и согласования разных установок, не прибегая к насилию, к подавлению человеческого достоинства, а используя гуманитарные возможности. Такое понимание позволяет определить толерантность, во-первых, как психологический феномен (душевное качество); во-вторых, как социальный феномен (отношения между личностями); в-третьих, как коммуникативный феномен (поведение личности).

© О. А. Михайлова, 2004

Толерантность многофункциональна, и поэтому ее рассмотрение возможно с различных позиций: философской, этической, религиозной, политической, повседневной и др. Но в любом случае назначение толерантности сводится к выработке определенной парадигмы поведения человека, поскольку она призвана выполнять регулятивную функцию. Толерантность есть спектр различных типов поведения. Понимаемая таким образом *толерантность* представляет собой коммуникативную категорию.

В теории речевой коммуникации нет однозначного определения коммуникативной категории. Под этим термином «понимаются самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления» [Стернин, Шилихина 2001: 34]. Коммуникативные категории «представляют собой категории речевого общения», они «участвуют в организации и / или регулировании коммуникативного процесса, имеют определенную структуру (в виде оппозиции, спектра, шкалы), собственное коммуникативное содержание, набор разноуровневых языковых и речевых (в том числе и невербальных) средств для выражения этого содержания» [Захарова 2000: 13]. Во всем разнообразии трактовок данного понятия содержатся общие, признаваемые всеми учебными признаки: коммуникативные категории выполняют регулятивную функцию, обладают национальной спецификой, имеют не жесткую структуру и достаточно размытое содержание. Назначение коммуникативных категорий — «упорядочение в сознании сведений о нормах и правилах общения и обеспечение речевого общения индивида в обществе по принятым в данном обществе правилам» [Стернин 2003: 335]. Именно поэтому в коммуникативных категориях выделяются два аспекта — информационный, т. е. концептуальное знание о коммуникации, и прескрипционный, т. е. предписание по осуществлению коммуникативного процесса [Там же].

Поскольку толерантность проявляется в отношениях между личностями и в поведении индивидов, она, бесспорно, принадлежит к числу коммуникативных категорий, но обладает собственными конституирующими признаками как в информационном, так и в прескрипционном аспекте, другими словами, коммуникативная категория толерантности базируется на когнитивных, прагматических и этических основаниях.

Когнитивными основаниями выступают, во-первых, категория чуждости, общее содержание которой, как известно, сводится к

оппозиции *свой / чужой*, и, во-вторых, сопровождающая ее категория идентичности, т.е. субъективное переживание человеком своей индивидуальности. Эти категории неразрывны, так как идентичность является «средством объединения с одними и дистанцирования от других» [Рябов 2001: 34], при этом противопоставление *свой / чужой* создается не только объективными данными, но и их субъективным отражением в сознании. О. В. Рябов и Э. Эрикссон выделяют в идентичности «позитивные» и «негативные» элементы. Позитивный аспект «характеризует соотнесение себя с определенным объектом, группой и принятие присущих ему ценностей в качестве своих», негативный аспект связан «с неприятием того или иного социального объекта идентичности и стремлением исключить приписываемые ему черты из собственного “Я”» [Рябов 2001: 34].

Идентификация себя в социальном пространстве обнаруживается и проявляется в процессе речевой коммуникации. Коммуникант очерчивает «свой круг», отграничивая себя от другого по какому-либо «идентификационному фактору» [Рябов 2001] — возрасту, этнической, социальной или гендерной принадлежности, профессии и др.

Например, в следующем диалоге мужчины и женщины основанием идентичности становится гендерный фактор — коммуникант четко противопоставляет себя противоположному полу.

Диалог происходит в ирландском пабе, где представлены различные символы Ирландии, в том числе по стенам развешены предметы хозяйственной утвари:

Ж. — *Ирландцы и русские действительно похожи / смотрите / даже домашняя утварь как будто вовсе не ирландская а русская / вон корытце и сечка //*

М. — *Это называется сечка? А что такое тляпка?*

Ж. — *А тляпка / простите / (СМЕЕТСЯ) это на земле то что / чем землю окучивают / мотыга //*

М. — *Да? Я не слышал такого слова // Вот у нас такая гендерная самоидентичность / (С ИРОНИЕЙ) мужчина не должен знать таких слов / по хозяйству / это женское / чужое / я от этого отчуждаюсь //*

Объективно существующее противопоставление *свой / чужой* как мужской и женский дополняется субъективно созданным противопоставлением: те, кто занимается домашним хозяйством, —

чужие для говорящего. В этом диалоге мужчина, хотя и с иронией, эксплицирует самоидентичность, но подобная рефлексия свойственна лишь образованной части общества. Обычно идентификация осуществляется с помощью местоименных оппозиций: *у нас, мы, наше — вы, ваше / они, их.*

Важное место в «идентификационной матрице личности» [Рябов 2001] занимает возрастная (поколенческая) идентичность. Люди старшего поколения обычно противопоставляют себя молодежи.

А. — пенсионерка, 65 лет. Б. — рабочая-маляр, 52 года.

А. — *Да/ дружные люди были //... парни в праздник пьяные не были // с гармонистом пойдем / девок девять / пятнадцать /...парни и с той и с этой улицы / и никто не пьяный // девки и парни вместе за руки возьмемся [возьмемси] и танцуем //*

Б. — *Сейчас [шас] молодежь не может время проводить //* (ЖРУГ: 25).

Именно идентификация по возрасту демонстрирует субъективность в выстраивании оппозиции *мы / они*. Ср. следующий диалог: А. — школьница, 17 лет. Б. — ее зять (муж сестры), 30 лет.

Б. — *Быстро быстро строят сейчас [шас] / только [токо] и народу много / молодежи много //*

А. — *Ну да / молодежь сейчас [шас] только [токо] брать умеет / делать ничего [ничо] не умеет //* (ЖРУГ 1995: 73).

Школьница-подросток не причисляет себя к молодежи, для нее это другое поколение, которое уже окончило школу и работает, об этом свидетельствует номинация «чужого круга»: *молодежь — они*, и этому чужому дана отрицательная оценка.

Нередко люди самоидентифицируют себя по социально-политическим признакам. «Психологический механизм социальной идентификации — это соотнесение личных интересов, ценностей и моделей поведения с интересами различных общностей, которые могут быть либо “своими”, либо “чужими»» [Рябов 2001: 30]. Ср. пример из устного доклада М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой:

Диалог двух пожилых женщин (А. и Б.) у Моссовета 4 октября 1993 г. во время штурма Белого дома. А. выразила сочувствие Александру Руцкому.

Б. — *Я пришла к демократам / а ты стоишь у демократов здесь / Коммунистка / стоишь здесь / у демократов //*

Жесткое противопоставление членов оппозиции *демократы / коммунисты* сформировано объективной ситуацией в России того времени. Скорректированные обществом стереотипы позволяют коммуникантам субъективно идентифицировать себя в социальной палитре. «Основная функция социальной идентификации для человека состоит в фиксации единства его интересов с интересами различных социальных общностей, которые (даже если сам он этого не осознает до конца) обеспечивают его самосохранение, защищают его основные интересы, способствуют реализации потребностей в самоутверждении, развитии и самовыражении» [Рябов 2001: 30].

Осознание своего круга и отграничение себя от «чужого» часто становятся причиной коммуникативного напряжения, которое требует своего разрешения.

Вопросы толерантности возникают только в ситуации конфликта, или — шире — разногласий. Изначально каждый из множества субъектов воспринимает мир по-своему. Мой мир — это только мой мир, и ничей больше. Другой субъект предстает передо мной как носитель чужой истины, которая враждебна мне уже потому, что ее говорит другой. В дальнейшем ценности и нормы другого индивида подвергаются сомнению только тогда, когда они существенно отличаются от моих ценностей. Если конфликт или разногласия между субъектами отсутствуют, т. е. одному из субъектов взаимодействия нет дела до ценностей другого, то следует говорить о безразличии — категория толерантности не является организующей такого взаимодействия.

В этом отношении интересные результаты дал опрос в Интернете. Пользователям предлагалось ответить на вопрос, какая разница между толерантностью и пофигизмом. Пятая часть опрошенных (это молодые люди обоего пола) не видят разницы между этими понятиями. Больше половины наших сограждан считают, что разница заключается только в знаке оценки: толерантность — это положительное качество, а пофигизм — отрицательное. Вот типичный ответ: *толерантность — более мягкое и вежливое название безразличия, а пофигизм — грубое*. И лишь в нескольких ответах содержится понимание действительного различия:

Пофигизм — это когда меня что-то не волнует, а толерантность — когда я к этому устойчив.

Пофигизм — отсутствие проблемы. То есть я вижу человека, и

мне по фигу, черный он или белый, мужчина или женщина. Для меня это абсолютно без разницы, и в каком-то смысле я этого просто не вижу. А толерантность — это когда я в силу воспитанности или каких-то иных причин на самом деле вижу и отличаю и женщину как прекрасную половину человечества, и цветного, но буду вести себя так, как будто этой разницы нет.

Таким образом, именно идентичность как дистанцирование от других, особенно так называемая «полемическая идентичность», когда личность агрессивно реагирует на других [Рябов 2001: 34], выступает когнитивным основанием коммуникативной категории толерантности и становится у с л о в и е м ее действия.

Поскольку толерантность — это категория, регулирующая процесс общения, важным для нее является п о в е д е н и е с у б ъ е к т о в — собственно деятельность участников коммуникации. Для того чтобы оценивать отношение одного субъекта к другому как толерантное или интолерантное, необходимо, чтобы субъекты, имеющие разногласия, вступили в диалог. Этот фактор представляет собой прагматические основания категории толерантности.

Приведу для подтверждения письмо в газету «Известия» М. В. Розановой-Синявской, издателя парижского «Синтаксиса». Она пишет: *Больше, чем с единомышленником (с ним же все понятно!), я люблю разговаривать с человеком, который думает не так, как я. Мне интересно. Вдруг я засомневаюсь и посмотрю на мир другим глазом? С другой стороны? Или какие-то метаморфозы коснутся легкими крылами собеседника — и он, мой противник, станет чуть-чуть ближе или хотя бы понятнее.* И далее писательница рассказывает о поведении своих идеологических противников — «заядлых патриотов» Владимира Бондаренко и Игоря Шафаревича: *Всякий раз, приезжая в Москву, я встречаюсь с Бондаренко, и мы бросаемся друг другу в объятия, а потом долго спорим и редко соглашаемся. А вот другой патриот — Игорь Шафаревич — с нами даже поговорить отказался, сказав что-то исконно-посконное вроде того, что на одном поле не сядет. Я подивилась такой крайней форме соборности и огорчилась чрезвычайно.* Отказ И. Шафаревича от диалога есть, безусловно, проявление агрессии, абсолютной интолерантности. Однако можно избегать вступления в диалог и с другой целью — не участвовать в конфликте. Такое поведение американские исследователи называют *кажущейся толерантностью*. В какой-то степени это тоже миро-

творческий процесс, однако в таком случае потенциал конфликта накапливается, что может привести к нежелательным результатам: стрессу или, напротив, взрыву конфликта. Именно такое поведение очень характерно для русского народа. Бердяев писал, что русский человек стремится до последнего уклониться от назревшего конфликта, а когда уклонение невозможно, без оглядки бросается в конфликт, не считаясь ни с чем. Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей.

Таким образом, когда нет диалога, взаимодействия, нельзя говорить о категории толерантности (о диалоге см. подробнее статью В. А. Салимовского в настоящей монографии). Если субъект решил вступить в диалог, то появляется следующий и, пожалуй, самый важный фактор для определения коммуникативной категории толерантности — это м о т и в а ц и я.

Мотивация связана с понятием «установки» на определенное поведение [Норакидзе 1975; Узнадзе 1966]. Установка же есть готовность субъекта определенным образом воспринимать, оценивать, трактовать объект восприятия и реагировать на него в определенной форме [Петровский 1990: 151].

Мотивация лежит в основе всех действий субъекта в процессе коммуникации и предполагает выбор субъектом стратегий и тактик его поведения, в том числе и речевого. Решение не примиряться с конфликтом, вступив в диалог, может быть основано на одном из двух мотивов и определяет тактики поведения. Руководствуясь первым мотивом, субъект стремится разрешить конфликт путем утверждения своих позиций, для чего использует силу, проявляет враждебность, т. е. избирает тактики, приводящие к дисгармонизирующему коммуникативному результату [Шалина 2000]. Конрад Лоренц, исследовавший агрессию в поведении животных, утверждает, что агрессивность является наиболее простой для индивида реакцией на самые разнообразные ситуации (см.: [Лоренц 2001]). Точно так же агрессия как реакция на вербальные и невербальные раздражители, как следствие напряженности, в коммуникативном акте возникает достаточно легко. В диалогическом взаимодействии, основанном на такой мотивации, игнорируется коммуникативная категория толерантности.

Второй мотив определяет такое коммуникативное поведение, когда субъект признает равноправие сторон в диалоге, отрицает

насилие и агрессию как способ разрешения конфликта и выбирает стратегии и тактики, приводящие к гармонизирующему коммуникативному результату (см.: [Шалина 2000]). Именно в таком диалоге реализуется коммуникативная категория толерантности.

Другими словами, взаимодействие партнеров по коммуникации может развиваться по одному из двух возможных вариантов. Первый — конгруэнция — представляет собой нарастающее подтверждение взаимных ролевых ожиданий партнеров, быстрое формирование у них общей картины ситуации и возникновение эмпатической связи друг с другом. Второй — конфронтация — есть, напротив, обоюдный (или односторонний) «обман» ролевых позиций, несовпадение в понимании и оценке ситуации и, как следствие, возникновение антипатии друг к другу.

Таким образом, толерантность выполняет регулирующую функцию и служит конституирующим признаком успешного диалога. Диалог позволяет осознать, что собственное существование не является единственно возможным, и, кроме того, выказать интерес к опыту другого, а также испытать чувство равенства. При этом диалог должен рассматриваться не только в узкой, лингвистической, трактовке — как форма или вид речи, но и в широком понимании, имеющем отношение не столько к лингвистике, сколько к самым разным проявлениям общественной деятельности. В этом случае диалогом нужно называть любое социально значимое взаимодействие. Такая трактовка диалога приобрела большую популярность, и само слово становится центральной метафорой в современном обществе: диалог культур, диалог межэтнический и пр. Именно для такого социального диалога коммуникативная категория толерантности является едва ли не самым значимым признаком.

Исходя из двух пониманий диалога — привычного для нас лингвистического и метафорического (назовем его социальным диалогом), в коммуникативной категории толерантности следует выделять два аспекта: межличностный (когда категория выступает как регулятор активного коммуникативного взаимодействия двух или более субъектов) и социальный (когда категория выступает как регулятор общественного взаимодействия). Для осознания специфики регулятивной функции коммуникативной категории толерантности в межличностном и социальном аспектах необходимо учитывать этические основания данной категории.

Этика как область философского знания лежит в основе коммуникативной категории толерантности, поскольку «заключена в ее неразрывности с реальной практикой человеческих отношений» [Голик 2002: 6]. Моральные концепции, нормативные, оценочные и прескриптивные суждения, максимы не могут быть найдены «ни в каком другом месте, за исключением исторической жизни конкретной социальной группы» [Макинтайр 2000: 359].

Социальное взаимодействие относится к одному из основных, необходимых условий жизни человека. Способность позитивного отношения конкретной личности ко всякой другой личности — это великое общественное достижение, но его нельзя получить естественным путем. При социальном взаимодействии чужими для субъекта являются те, кто не разделяет его убеждений, кто признает иную истину. В социальный диалог вступают носители разных взглядов.

Моделирование подобного диалога мы наблюдаем в телевизионных ток-шоу, в различных дискуссиях, посвященных какому-нибудь социально значимому вопросу. Такие полемические курсы создают *эффект толерантности*, поскольку предоставляют возможность диалога, обеспечивают вовлечение в коммуникативный процесс различных участников путем формирования пространства для высказывания. Однако средства массовой информации, создавая эффект толерантности, сами достаточно часто нарушают этические нормы, особенно при описании межэтнического взаимодействия, и не способствуют формированию толерантных установок. В Институте этнологии и антропологии РАН были проведены этносоциологические исследования прессы, в которых, в частности, анализировалась лексика, используемая журналистами для освещения этнических процессов в современной России. Выводы по этому параметру крайне неутешительны: интолерантных высказываний, например, такого типа: *Чужие не имеют права жить здесь; Украинцы вляпались в большую Кучму; Просто назойливые лица цыганской национальности; Будут проверять все лица не только кавказской, но и азиатской национальности*, — оказалось гораздо больше прочих, и в основном они встречаются в материалах московских журналистов, тогда как в региональных изданиях их значительно меньше.

Рассмотрим для примера социальный диалог, представленный газетой «Аргументы и факты». В нескольких номерах были опубли-

ликованы статьи Е. Бычковой «Почему мы не любим лиц кавказской национальности (из переписки с читателями)» (АиФ. 2002. № 45; 2003. № 4).

Название статей, очевидно, никак не отвечает принципу толерантности. Конфликт обозначен сразу, главной является проблема — как *ужиться в многонациональной Москве*, — и участниками социального диалога становятся, с одной стороны, москвичи, а с другой стороны — приезжие представители Кавказа. Автор приводит позиции обеих сторон — москвичей по отношению к приезжим: *Чужестранцы в Москве были всегда. И всегда признаком столичного тона считался праведный гнев против немосквичей, кто бы они ни были*; и приезжих по отношению к жителям Москвы: *Корни неприязни к Москве немосквичей надо искать в высокомерном самоуважении и презрительном отношении к приезжим*.

Письма читателей дают возможность проанализировать установки толерантного сознания в нашем обществе. Некоторые предложения по решению вопроса, как жить в одном городе, весьма агрессивны: *Кавказцев нужно точно высылать из Москвы*. Но таких писем, как сообщает автор, меньшинство, а остальная часть все-таки содержит какие-либо конструктивные предложения. Наиболее типична позиция, выраженная в следующем письме: в ней отчетливо проявляется особенность толерантного сознания наших соотечественников. Письмо начинается словами: *Россия проповедует политику национальной терпимости. Я это приветствую, поскольку это признак гуманизма* (ср. подобное суждение в другом письме: *Должны ли быть ограничения по национальному признаку? Нет!*). Общий постулат толерантного отношения к инациональным субъектам принимается автором письма, и он, следовательно, выступает как толерантная личность. Читаем далее в этом же письме: *Но... очевидная опасность для коренного населения в том, что кавказцы, устраиваясь в конторы, как кукушата, вытесняют оттуда не своих. Например, в стоматологической поликлинике, что около моего дома, с 1999 г. почти все врачи кавказцы, а до того не было ни одного*. И завершаются подобные рассуждения таким пассажем: *Путь решения проблемы без крови я вижу только один – ввести негласное ограничение на прием на работу лиц кавказской национальности*.

Как только затронуты личные интересы, отношение к чужим

меняется. То есть наиболее типична для наших сограждан двойственность позиции: абстрактно я принимаю идею равных прав для всех, а конкретно, если это касается моего пространства, отвергаю ее. Следует признать, что в социальном взаимодействии существует строго определенная граница толерантности. Особенности российской толерантности представлены сочетанием таких противоречивых черт, как широкая этническая терпимость и резкое отторжение живущих рядом представителей не своей нации.

Философская категория этики лежит в основании коммуникативной категории толерантности, поскольку мораль выступает способом нормативной регуляции [Апресян 1995: 10], понимается как совокупность «правил поведения», содержит идею упорядочивания, взаимодействия, договора. Осуществление идеи толерантности связано с нравственными ценностями, культурой личности и общества в целом. Толерантность предполагает способность к компромиссам, к примирению противоположных позиций, взглядов. Толерантность несет в себе нравственное содержание и, таким образом, становится регулятором социокультурных отношений.

Не менее важна категория толерантности для межличностного общения, где уже не может быть двойственности позиции в отношениях коммуникантов, поскольку не существует некоего абстрактного уровня восприятия «чужого» — есть только взаимодействие Я — Ты; и все, что Я принимаю или не принимаю, входит в сферу острых личных интересов.

Межличностная коммуникация изучается широко, и культурные практики толерантности в коммуникативном поведении аналогичны принципам сотрудничества П. Грайса и постулатам вежливости Дж. Лича. Этическое основание категории толерантности в межличностной коммуникации предстает как «коммуникативно-прагматическая категория» вежливости [Земская 1994: 131], поскольку «этика — это постоянное личностное усилие, акт бытия человека, являющийся в действии, поступке, которые из знания не выводятся» [Голик 2002: 17]. Суть вежливости — в презумпции уважения, она оберегает человека от насилия над другим, дает время настроиться соответствующим образом, адекватно отозваться, дешифровав поступающую информацию (подробнее о различиях между толерантностью и вежливостью см. статью О. П. Ермаковой в настоящей монографии). На этой основе формируется пре-

скрипционная составляющая коммуникативной категории толерантности (см.: [Стернин, Шилихина 2001]), включающая множество предписаний. Основными, как нам кажется, можно считать:

- необходимость разумно вести себя, не прибегая к насилию в конфликтных ситуациях и не создавая такого рода ситуаций;

- необходимость признать, что другая сторона обладает принципиально теми же правами;

- быть согласным / готовым воспринять нечто (духовное, нравственно-идейное, этико-эстетическое, религиозное) даже в том случае, если это нечто противоречит собственным мировоззренческим установкам;

- соблюдать коммуникативные нормы; быть вежливым, т. е. проявлять уважение к партнеру по коммуникации, что выражается в доброжелательном отношении к нему и уместном обращении, соответствующем его личностным и статусным позициям.

Культурные практики толерантности «предписывают говорящему не наносить своей речью и своим поведением ущерба другому, а напротив, всячески его поддерживать и создавать тем самым благоприятный климат общения» [Формановская 2003: 348]; лишь установка на доброжелательность способна создать атмосферу комфортности и возможности устранения разногласий и разрешения конфликта.

Таким образом, коммуникативная категория толерантности имеет когнитивный, прагматический, этический аспекты, пересекаясь с категориями чуждости, коммуникативной целесообразности, вежливости.

Л. П. Крысин

Толерантность

как социолингвистическая категория

Речевое поведение говорящих можно рассматривать как более /менее толерантное по отношению к партнеру коммуникации. В связи с этим возникает вопрос о социальных различиях в речевом поведении носителей разных подсистем национального языка в тех или иных ситуациях общения. Эти различия могут интерпретироваться в аспекте толерантности / интолерантности.

Интуитивное представление о поведении человека в разных социальных условиях позволяет предположить, что в культурной языковой среде, т. е. среди носителей литературного языка, степень толерантности в целом выше, чем в среде малокультурной, — например, среди носителей просторечия или носителей уголовного жаргона (но не среди носителей диалекта: согласно многочисленным наблюдениям, речевое общение в деревне отличается такими свойствами, как доброжелательность, стремление понять и принять точку зрения собеседника, самоирония, снисходительность к недостаткам собеседника, и т. п.). На это очевидное различие могут влиять разного рода ситуативные факторы, которые, с одной стороны, уменьшают степень толерантности в речевом поведении носителей литературного языка, а с другой, заставляют быть более толерантными тех, кто пользуется некодифицированными разновидностями языка.

В современном русскоязычном обществе активизированы те формы общения, которые отличаются повышенной напряженнос-

тью отношений между партнерами коммуникации: они используются, например, в городском транспорте в часы пик, в контактах населения с представителями жилищно-коммунальных служб, на тех городских рынках, где верховодят представители неисконного (для данной территории) населения, на политических митингах, в Государственной думе, на телевизионных шоу типа «Окна», «Большая стирка» и т. п.

В такого рода коммуникативных ситуациях нередко наблюдаются явная поведенческая и речевая агрессия участников ситуации, интолерантное отношение к партнерам.

Гипотетически можно выделить несколько факторов языкового, социального, социально-психологического и ситуативного характера, которые могут влиять на степень толерантности партнеров по речевой коммуникации. Необходимо подчеркнуть, что эти факторы не следует рассматривать как жесткие детерминанты поведения человека — речь идет лишь о большей или меньшей вероятности их влияния.

Общность языкового кода. Имеется в виду как общность языка, которым владеют партнеры коммуникации, так и общность подсистемы одного и того же языка (литературная разновидность, городское просторечие, социальный или профессиональный жаргон). При совпадении языкового кода у людей, которые хотят или вынуждены вступать в контакт, вероятность интолерантного — «некооперативного» (ср. Принцип Кооперации Г. Грайса [Грайс 1985: 222]), конфликтного, агрессивного, враждебного поведения меньше, чем при несовпадении. Например, в конфликтах покупателей и продавцов на современных городских рынках, которые нередко находятся «под крышей» азербайджанских, чеченских, грузинских и прочих «кавказских» торговых группировок, поводом для раздражения покупателей нередко является плохая русская речь представителей этих группировок: кавказский акцент, неправильное словоупотребление, ошибки в построении синтаксических конструкций и т. п. И хотя подобные языковые конфликты являются, скорее, поверхностным отображением конфликтов более глубинных — этнических и социальных, фактор несовпадения языкового кода оказывается существенным при характеристике речевого поведения участников коммуникативной ситуации с точки зрения толерантности / интолерантности.

С другой стороны, в социальной среде, которая отличается этнической, социальной и языковой однородностью, факторы лингвистического характера редко становятся источником интолерантного поведения людей. Например, соседи по лестничной площадке в городском коммунальном доме могут конфликтовать из-за каких-либо бытовых неурядиц, но очень редко — на почве языковых различий.

Общность апперцепционной базы. Этот фактор тесно связан с предшествующим: очевидно, что у людей, владеющих общим языковым кодом, апперцепционная база (то есть те фоновые знания, которые необходимы для взаимопонимания) обладает большей общностью, чем апперцепционная база людей, владеющих разными языковыми кодами. Однако и владеющие одним языковым кодом собеседники могут иметь разные фоновые знания, обусловленные внешними, неязыковыми причинами: например, возрастом, уровнем образования, принадлежностью к разным социальным группам, и т. п.

Чем больше сходство апперцепционной базы у разных носителей языка, тем полнее понимание ими друг друга и тем менее вероятна — при прочих равных условиях — интолерантность в их речевом поведении.

Принадлежность к одной социальной общности. Под социальной общностью можно иметь в виду как большие совокупности людей (социальный слой), так и компактные совокупности (малые социальные группы: семью, производственную бригаду, школьный класс и т. п.). Как правило, разные социальные группы имеют собственные системы ценностей, иногда значительно отличающиеся друг от друга: то, что в одной социальной среде оценивается положительно, в другой может восприниматься как отрицательное или не иметь никакой оценки. Например, телесная толщина в среде борцов сумо оценивается положительно, в среде топ-моделей — резко отрицательно, а в других социальных группах отношение к ней более или менее снисходительное. Другой пример: повышенная громкость обыденной речи и размашистая жестикация обеими руками, характерные для носителей городского просторечия, в интеллигентской среде неприемлемы; с другой стороны, книжность бытовой речи, свойственная некоторым представителям интеллигенции и проявляющаяся в фонетике и в просодии, в выборе слов, в синтаксисе (см. об этом подробнее:

[Крысин 2001]), носителями просторечия воспринимается как социально чуждая речевая черта.

Если оба партнера по коммуникации принадлежат к одной и той же социальной группе, то общность их в оценке предмета речи и тем самым вероятность их толерантного общения друг с другом выше, чем когда они относятся к разным социальным группам.

«Своя» — «чужая» среда общения. Еще одним фактором социально-психологического характера является разграничение коммуникативных ситуаций на ситуации общения в «своей» и в «чужой» среде. Несмотря на то, что важность такого разграничения (с точки зрения специфики речевого поведения человека) была отмечена давно (см., например, [Якубинский 1923]), — характер общения человека в «своей» и в «чужой» среде изучен недостаточно. Некоторое продвижение по пути такого изучения можно найти в книге О. С. Иссерс, в которой при весьма подробном анализе семантического и прагматического аспектов различных речевых тактик, используемых при уговорах, просьбах, оскорблениях, комплиментах и др., специально выделяется семантическая категория «свой круг» [Иссерс 1999а: 202–205]. В аспекте же толерантности речевого поведения участников коммуникативного акта фактор «*«своя» vs. «чужая» среда*», насколько мне известно, не исследовался. Разумеется, он заслуживает обстоятельного изучения. Пока же можно высказать некоторые предварительные соображения.

Одно из них заключается в том, что «своя» среда стимулирует говорящего, с одной стороны, к непринужденному, дружескому и тем самым толерантному общению, но, с другой, ощущение вседозволенности способно провоцировать человека на конфликтное (и тем самым — интолерантное) поведение. Многочисленные примеры этого мы найдем, исследуя общение человека в семье или в других долговременных малых группах. Отец по отношению к членам семьи может играть и роль заботливого кормильца, и роль диктатора, который вовсе не боится идти на конфликт с женой или детьми. Подросток в игровой группе ровесников в одно время и в одних условиях может быть солидарен с шаблонами поведения товарищей, а в иных условиях и в иное время — действовать наперекор этим шаблонам, тем самым ведя себя интолерантно по отношению к группе. Очевидно, что в тех и других типах ситуаций используются разные языковые средства.

Другое соображение касается поведения человека в «чужой» для него среде. Здесь также многое зависит от целей, которые преследует человек, по принуждению или по своей воле погружаясь в эту среду. Если он хочет избежать конфликтов с «чужими», то вынужден вести себя толерантно, мирясь с обстановкой или с неприятными для него людьми. Это касается, например, поведения новобранца в армейском подразделении, новичка — в больничной палате, заключенного — в новой для него камере.

Расположенность партнеров коммуникации к общению друг с другом. Очевидно, что этот фактор является весьма важным с точки зрения толерантности речевого общения. Если хотя бы один из партнеров не расположен к общению с другими, то «вынуждение» (см.: [Баранов, Крейдлин 1992]) его к этому общению может обернуться весьма нетолерантными реакциями с его стороны: ср. широко используемые реплики «посыла» собеседника с применением нецензурной лексики. Общение с продавцом в условиях российской торговли все еще продолжает оставаться (с советских времен) нетолерантным — по той простой причине, что, если продавец не заинтересован материально в лучшей распродаже товара, то он и не расположен к общению с покупателем.

Ситуативные факторы весьма разнообразны. Но их можно свести к нескольким типам, различающимся определенными признаками. Главные из этих признаков относятся к ролевым взаимоотношениям коммуникативных партнеров в рамках той или иной ситуации.

Равенство социальных ролей — условие, при котором легче достигнуть определенной степени толерантности в речевом общении, а их неравенство, то есть зависимость одного из партнеров от другого, может служить причиной не вполне толерантного или даже интолерантного общения.

Например, общение сослуживцев, находящихся на одной ступени служебной иерархии, таит в себе меньшую опасность интолерантного речевого поведения, чем общение начальника и подчиненного, у которых нередко имеются основания быть недовольными друг другом (подчиненный, как кажется начальнику, плохо работает, а начальник, как считает подчиненный, недостаточно ценит его труд).

В ситуации обращения к представителям власти — например, к главе местной администрации, в суд, в отделы социальной за-

щиты и т. п. — субъект обращения заинтересован в успехе своей апелляции и тем самым находится в определенной зависимости от адресата. При этих условиях он больше склонен к толерантному речевому поведению, чем его собеседник. Это обстоятельство, естественно, накладывает определенные ограничения на выбор лексики, на построение высказываний, на общий тон речи и т. п.

В ситуации экзамена экзаменуемый, конечно же, находится во власти экзаменатора, зависит от его действий, и это обуславливает определенные свойства их речевого общения: стремление экзаменуемого к максимально толерантному поведению по отношению к экзаменатору, с одной стороны, и возможность интолерантного поведения экзаменатора, с другой (например, при плохих знаниях экзаменуемого или даже просто при неважном самочувствии, раздражительности экзаменатора и т. п.).

Напротив, в ситуации допроса следователем подозреваемого в преступлении (формально эта ситуация имеет некоторое сходство с ситуацией экзамена), соотношение толерантности / интолерантности в речевом поведении участников ситуации не столь однозначно. С одной стороны, следователь должен добиться от подозреваемого нужных показаний, и в этом смысле он зависит от допрашиваемого; с другой стороны, подозреваемый кровно заинтересован в избавлении от следствия, и его зависимость от следователя тоже очевидна. Успех каждого из участников этой ситуации в достижении ими своих противоположных целей в определенной мере обусловлен тактикой их взаимодействия, в которой не последнюю роль играет правильное распределение толерантного и интолерантного речевого поведения (ср. такие разновидности речевых актов, имеющих место в рамках речевого жанра «допрос», как требование, просьба, божба, запирательство, откровенное признание, раскаяние, ложь и т. п.).

Таковы самые предварительные соображения, которые следует рассматривать как подступы к обозначенной теме.

Большая часть высказанных здесь положений нуждается в подтверждении конкретными результатами социолингвистических исследований.

Н. А. Купина

О прагмоидеологической составляющей толерантной / интолерантной коммуникации

Анализ толерантности с лингвистических позиций позволяет выделить в качестве самостоятельного прагматический аспект: «В любом акте речевого общения коммуниканты преследуют определенные неречевые цели, которые в конечном счете регулируют деятельность собеседника. Тип речевого взаимодействия можно определить по его исходу: достигнута ли коммуникативная цель, т. е. было ли общение эффективным или неэффективным. При этом сам тип речевого взаимодействия оказывается фактором мотивационного психического состояния субъектов общения и источником соответствующего поведения» [Михайлова 2001: 261]. Для русского коммуникативного поведения важным является идеологический фактор. В советскую эпоху процесс идеологизации языка и общественного сознания выработал особый тип идеологически правильного коммуникативного поведения, соответствующего официальным идеологическим нормам. Все разновидности данного коммуникативного типа поведения регламентировались языковой государственной политикой [Беликов, Крысин 2001: 13; 263]. В период перестройки этот тип поведения изменяется в связи с деформацией идеологических норм, происходящей на фоне либерализации языковой политики. В постперестроечную эпоху процесс деидеологизации языка и общественного сознания приводит к маргинализации идеологически правильного поведения советского типа и поиску новых идеологических опор коммуникативного вза-

имодействия. Языковая политика в этот период развития русского языка не оказывает заметного влияния на идеологическое поведение. Прагматическим результатом идеологически значимой коммуникации является осознание идеологической общности, формирование «своего круга», принятие форм поведения коммуникативного партнера, занимающего идеологически приемлемую ролевую позицию.

Формой представления идеологической позиции в процессе общения становится идеологема, или речевой отрезок любой длины, являющийся знаком, план содержания которого связан с денотатом-идеей. В советское время, например, ядерными идеологемами были слова и словосочетания типа *социализм, революция, диктатура пролетариата, демократический централизм*; в эпоху перестройки ключевыми стали идеологемы *гласность, ускорение, перестройка, плюрализм*; в постперестроечное время — *свобода выбора, открытое общество, вертикаль власти, демократические нормы* и др. Обязательным прагмоидеологическим результатом отличается массовая коммуникация, вырабатывающая жанры, приспособленные для выражения идеологического содержания.

Мы рассмотрим отражение прагмоидеологической толерантности в текстах публичных выступлений трех авторитетных носителей русской культуры в общезыковом контексте и с учетом влияния социальной среды, имея в виду, что «толерантность — это переходное состояние от конфликта, который может вылиться в насилие, к взаимопониманию и сотрудничеству» [Перцев 2003: 29].

1. Идеологически квазитолерантное коммуникативное поведение: вступительная речь А. М. Горького на открытии Первого всесоюзного съезда советских писателей (Горький 1953, 27: 296–297).

А. М. Горький, как отмечают энциклопедические справочники, вошел в советскую литературу как великий пролетарский писатель, основоположник литературы социалистического реализма, однако «в период подготовки и проведения Октябрьской революции Горький недооценил организующую силу партии, революционного пролетариата, возможность союза его с крестьянством, опасался напора анархо-индивидуалистической мелкобуржуазной стихии» (Краткая литературная энциклопедия

1964, 2:290), «преувеличивал значение старой интеллигенции, но позднее признал свои ошибки» (Малая советская энциклопедия 1959, 3:26). Тот факт, что «ошибки» Горького регулярно фиксируются официальными изданиями, свидетельствует не только о том, что взгляды писателя претерпели эволюцию, но и о том, что власть никогда не забывала об идеологической «чуждости» автора «Несвоевременных мыслей». Идеологическое «отступничество» Горького — очаг напряжения в его коммуникативных контактах с представителями власти, требующей полного подчинения мировоззренческим догмам, ибо «социализм — это общество, где всем запрещают одно и то же или навязывают одно и то же» [Алексеев, Крылов 2001:88].

К 30-м годам XX века русский тоталитарный язык сформировался как строго организованная система идеологем [Купина 1995]. Процесс идеологизации охватил все лексические сферы русского языка. Был выработан «фундаментальный лексикон» [Добренко 1990], с помощью которого идеологические догмы внедрялись в общественное сознание и становились фактом речевой коммуникации. Ядерные идеологемы тоталитарного языка выступали в речи как «яркие диагностические пятна» [Николаева 1991: 73], маркирующие принадлежность коммуниканта к кругу «своих». Советская мораль жестко разграничивала отношение к «своим» и «чужим», хотя и с некоторыми исключениями. Например, для писателей делалась уступка: снисходительное отношение допускалось к писателям-попутчикам. Попутчиком считали писателя, «примкнувшего к большевикам в их борьбе, но не понимавшего ряда особенностей революции в восстановительный период» (Мокриенко, Никитина 1998: 461). Попутчиками называли «беспартийных писателей из разночинцев и интеллигенции» (Там же). Идеологические колебания попутчиков могли оцениваться как преодолеваемые ошибки. В то же время «попутничество», будучи социальным маркером [Крысин 2003а: 79], связывалось с идеологической ненадежностью, вызывало подозрение и неприязнь.

Если признать, что «в политическом плане *толерантность* — это готовность власти допускать инакомыслие в обществе» [Михайлова 2003: 99], можно с уверенностью сказать, что никакого инакомыслия сталинская власть не допускала.

В несобственно идеологических сферах публичной коммуникации обязательной стала идеологическая лояльность, предпола-

гавшая полное приятие руководящей роли официальной идеологии. Например, в популярной лекции по астрономии нейтрально-благожелательное отношение к руководящей идеологической доктрине можно было обозначить с помощью композиционной рамки, заполненной цитатами из последней партийной директивы, или посредством ссылки на мнение вождя «первого плана». Основная часть лекции могла развиваться безотносительно к политическим предписаниям.

Выступление на съезде писателей Горький мог бы разработать на базе нейтральной идеологической модальности. Правда, последнее было сопряжено с риском: лояльность человека, не принявшего сразу большевистскую модель мира, представители власти расценивали как своего рода противостояние. Именно поэтому Горький избирает апологетическую модель речи. Он стремится к единственному прагматическому результату — быть безоговорочно поощренным властью и принятым в круг «учителей жизни», идеологов. Позиции попутчика, «колеблющегося», которые можно было бы ему приписать, он решительно исключает. Таким образом, его цели стратегически обусловили задачу идеологической самопортретистики. В соответствии с замыслом самопрезентация, самоподача [Прохоров, Стернин 2002: 186] была ориентирована на мировоззренчески неоднородную аудиторию, которой следовало указать нужное направление, ведь среди литераторов были люди сомневающиеся, «подлежащие идеологической обработке». Именно такой предстает в речи Горького аудитория писательского съезда, выступающая как контрастный идеологический фон по отношению к автору речи, стремящемуся «к самоутверждению за счет своего коммуникативного партнера» [Седов 2003: 22]. Скрытая фрустрация, основанная на возможности возникновения сопротивления писательской аудитории открытому идеологическому диктату, лежит в основе драматургии выступления, отражающей механизмы формирования виртуальной прагмоидеологической толерантности. Писателям адресуется отмеченное модальностью долженствования напутствие, следуя которому каждый литератор может влиться в трудовые массы, стать «своим» в пролетарском государстве: *Вот что надобно крепко помнить нам в нашей работе и во всех выступлениях наших перед миром.* Данное императивное высказывание включает слово *выступление*, которое заменяет тематически уместное слово *произведение*. Таким образом открытая

публицистичность признается главным признаком, обеспечивающим актуальность современной литературы. Мысль оратора сводится к тому, что литература должна отстаивать идеи победившей революции *перед всем миром*. Заменяющий глаголы речи / письма / мысли глагол *выступать* повторяется в тексте 6 раз (в 6 из 10 абзацев), акцентируя навязываемый оратором смысл 'высказываться, отстаивая идеи революционного пролетариата'. При этом декларируются обязательные для социалистического реализма ценности: общее выше индивидуального (*Литература... выступает как единое целое перед лицом пролетариата Страны Советов, перед лицом революционного пролетариата всего мира*); идейное выше художественного (*Мы выступаем, демонстрируя ... единство нашей цели, которая, конечно, не отрицает, не стесняет разнообразия наших творческих приемов и стремлений*); революционный пафос неотделим от гуманистического (*Мы выступаем как судьи мира, обреченного на гибель, и как люди, утверждающие подлинный гуманизм — революционного пролетариата, — гуманизм силы, призванный историей освободить весь мир трудящихся от зависти, жадности, пошлости, глупости — от всех уродств, которые на протяжении веков исказили людей труда*). Эстетическое подменяется в речи писателя идеологическим. Воздействующая функция литературы прагматизируется (*Наша цель — организовать литературу как единую культурно-революционную силу*) и вписывается в магистральную целеустановку партии. Профессиональная аудитория, к которой непосредственно обращается автор мобилизующей речи, на первый взгляд, укрупняется. В то же время декларируемые планетарные революционные задачи советской литературы, объединяя всех писателей, ущемляют отдельного художника слова как творчески одаренную личность, имеющую право на формирование индивидуального художественного мира. Конфликт личного и общественного (индивидуального и социального, эстетического и идеологического) подавляется масштабом насущных задач, от решения которых якобы зависит судьба мира. Энергия творческого протеста переключается на общего врага — мировую буржуазию: *Мы — враги собственности, страшной и подлой богини буржуазного мира...* «Своими» оказываются лишь носители идеологии революционного пролетариата. «Колеблющиеся» должны были уловить в словах Горького скрытую угрозу и предупреждение. Профессиональная общность, как следует из тек-

ста речи, трансформируется в общность идеологическую, созданную субъектами революционного процесса: *Мы выступаем в стране, где пролетариат и крестьянство, руководимые партией Ленина, завоевали право на развитие всех способностей и дарований своих. <...> Мы выступаем в стране <...> где неумолимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина.*

Партия и здравствующий вождь Иосиф Сталин становятся истинным адресатом речи Горького — адресатом, от которого писатель ждет понимания, приятия и поощрения. Комбинируя свое выступление как сетку идеологом, Горький отбирает в первую очередь те фундаментальные идеи большевизма, которые он резко критиковал в «Несвоевременных мыслях». Это идеологема диктатуры пролетариата и его смычки с трудовым крестьянством (*пролетариат, революционный пролетариат, пролетариат и крестьянство, рабочие и колхозники, мир трудящихся, люди труда*); идеологема руководящей роли партии (*пролетариат и крестьянство, руководимые партией Ленина*); идеологема вождя (*гений Владимира Ленина; железная воля Иосифа Сталина*). Об интеллигенции, судьбы которой так волновали писателя в годы революции, Горький не говорит ничего. В соответствии с коммунистической доктриной он использует идеологический примитив, позволяющий поляризовать *мир трудящихся* (и тех, кто отстаивает интересы трудящихся) и *мир буржуазии, отличающийся идеологическим бессилием*. Более того, объявляя писателей *врагами зоологического индивидуализма*, Горький уверяет власть в отсутствии свойственного любому писателю стремления к художественному выражению своей индивидуальности — стремления, без которого писатель не может существовать. Идеологические оксюмороны и мифы Горький преподносит как единственно правильные конструкты: *гуманизм силы; гуманизм революционного пролетариата; одичание и озверение буржуазии; чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина*. Апология доктрины воинствующего большевизма должна была рассеять сомнения власти в идеологической неблагонадежности Горького. Используя «язык власти», призванный «выражать ее основные идеологические и социально-политические установки» [Китайгородская, Розанова 2003:168], Горький демонстрирует перед писательской аудиторией свое вхождение во власть, а партии и вождю подает сигнал готовности осуществлять властные функции — идеологического руководства писательским цехом.

Искомый прагматический результат был достигнут: автор речи продемонстрировал искоренение личных идеологических ошибок, подтвердил статус пролетарского писателя, обнаружил идеологическую зрелость, необходимую для главы Союза советских писателей, заверил адресата в непримиримом отношении к врагу и готовности сражаться за общее дело. Объективно идеологическое поведение Горького можно определить как квазитолерантное: коммуникативная энергия выступающего была направлена на подавление подспудного идеологического напряжения, внутреннего протеста писательской аудитории, на нейтрализацию естественного конфликта между эстетическим и идеологическим, на манипулятивный перевод важных для писателей локальных творческих проблем в мировое идеологическое пространство, характеризующееся противостоянием двух систем.

Речь Горького имела сиюминутный и перспективный прагматический результат: он заслужил благодарность власти и вождя, завоевал право на статус безусловного идеологического лидера писателей, стремящихся войти в советскую литературу, стать «своими» в пролетарском государстве.

Имеющее четкую прагматическую установку идеологически правильное коммуникативное поведение, образец которого был проанализирован, создавало иллюзию бесконфликтности, гармонии, взаимопонимания. Прагматическим результатом коммуникации становились определенность ролевых идеологических позиций, сплочение круга «своих», укрепление границ идеологической общности квазитолерантного типа.

2. Идеологически толерантное коммуникативное поведение: выступление А. Д. Сахарова на Первом съезде народных депутатов СССР (Сахаров 1990: 111–116).

Съезд народных депутатов, на котором 2 июня 1989 г. А. Д. Сахаров произнес речь, был своего рода испытанием разрешенных «сверху» идей гласности и плюрализма.

А. Д. Сахаров выступает в роли гражданина и народного избранника, стремящегося к конструктивному взаимодействию с коллегами. Он использует формы адресованности, призванные привести в действие механизмы обратной связи: *уважаемые на-*

родные депутаты, товарищи депутаты, съезд, мы. Оратор рассчитывает на понимание со стороны коллег и пытается обозначить общую мировоззренческую базу: *В этом [итоговом] документе содержится много правильных и очень важных положений, много принципиально новых прогрессивных идей; Мы должны занять политическую и нравственную позицию, соответствующую принципам интернационализма и демократии;* и др. Речь А. Д. Сахарова включает ряд идеологем «фундаментального лексикона», которые должны были послужить платформой толерантного взаимодействия: *Вся власть Советам; Декрет о власти; взять власть в свои руки; принципы народовластия; граждане СССР; огромное международное значение; принципы интернационализма и др.* Сахаров, однако, употребляет эти идеологемы в их подлинных значениях, осмысляет их с нравственной позиции, а не с позиции сиюминутной политической целесообразности. Именно поэтому он оказывается «чужим» среди «своих». Оратор терпеливо призывает аудиторию к пониманию своей особой позиции: *я должен объяснить; по моему мнению; я... обращаюсь к Съезду с призывом; я прошу депутатов внимательно изучить текст Декрета; я предлагаю; я требую.* Сахаров осознанно моделирует поведение толерантного типа. Принимая «чужое», он просит понять и принять его личные возражения и предложения. Он начинает свою речь с высказывания, исключенного из оборота советских политических собраний: *Я должен объяснить, почему я голосовал против утверждения итогового документа Съезда.* Итоговый документ принято было принимать единогласно, он становился руководящим стержнем в организации важнейших сторон жизни страны. Сахаров же деритуализирует типовую ситуацию единогласного воодушевленного принятия итоговой резолюции как судьбоносного результата работы коллективного разума: ритуал [Формановская 2003: 351] исключает конфликт, разногласие, а оратор вводит разногласие и объявляет о твердом намерении его разрешить; ритуал предполагает объединение, сплочение «своего» круга, а оратор, заявив о своей несогласии со всеми, дистанцируется от присутствующих, провоцируя возникновение настороженности, разрушая привычную для депутатов идеологическую гармонию. Выведенная из автоматизма восприятия речи с трибуны, аудитория заражается агрессией, которую сценарий ритуала исключает [Лоренц 2001: 80]. Аудитория оказывается неспособной сознатель-

но подавить неприятие публичного речевого поведения, которое кажется ей неуместным и несвоевременным. Рационально-аналитическая стратегия, лежащая в основе сахаровской критики разработанного Съездом итогового документа, вызывает резкое отчуждение аудитории. Народные депутаты оказались не готовы к толерантному обсуждению позиции одиночки, какой бы справедливой ни была эта позиция. «Сахарову свистели, не давали говорить <...> однако он выступал как ни в чем не бывало, словно бы ничто не расстроило его, не могло остановить» [Гранин 1990: 124].

Сдержанность поведения оратора, противопоставленная близким «к биологическим проявлениям» [Седов 1999: 94] коммуникативным реакциям аудитории, сочетается с логичностью доказательств, которая не мешает отдельным уступкам, не нарушающим логику тезиса, но указывающим на невраждебность позиции автора речи. Вот как строится возражение против безальтернативных выборов Председателя Верховного Совета (М. С. Горбачева):

Съезд народных депутатов СССР избрал Председателя Верховного Совета СССР в первый же день, без широкой политической дискуссии и хотя бы символической альтернативности. По моему мнению, Съезд совершил серьезную ошибку, уменьшив в значительной степени свои возможности влиять на формирование политики страны, оказав тем самым плохую услугу и избранному Председателю.

По действующей Конституции Председатель Верховного Совета СССР обладает абсолютной, почти неограниченной личной властью. Сосредоточение такой власти в руках одного человека крайне опасно, даже если этот человек — инициатор перестройки. В частности, возможно закулисное давление. А если когда-нибудь это будет кто-то другой?

Уступка заключается в признании личных заслуг М. С. Горбачева как инициатора перестройки, в признании правомочности его избрания. Все аргументы строятся как объективные, опирающиеся на закон (конституцию) и общую для присутствующих идею *власти советов*, на историческую память (Сахаров имеет в виду разрушительные следствия культа личности).

Оратор называет вещи своими именами, разрушая сакральные мифы. Так, он выворачивает наизнанку миф о дружбе народов:

Мы получили в наследство от сталинизма национально-конституционную структуру, несущую на себе печать имперского

мышления и имперской политики «разделяй и властвуй». Жертвой этой политики являются малые союзные республики и малые национальные образования. <...> Но не в меньшей степени жертвой явились большие народы, в том числе русский народ, на плечи которых лег основной груз имперских амбиций и последствий авантюризма и догматизма во внешней и внутренней политике.

Здесь нет противопоставления народов по национальному признаку, напротив, и малые, и большие народы объединяются общим предикатом: они стали жертвой насильственной советской политики, которая принесла им страдания и лишения.

Следует признать, что общественное сознание не было готово к восприятию Советского Союза как империи, к отказу от иллюзий национального равенства, которое все считали уникальным социально-политическим достижением. Другими словами, ближайший прагматический результат, к которому стремился автор речи (осознать реальные факты, совместно их проанализировать и сделать практически полезные выводы), не мог быть реализован. Открытая критика несостоятельности опорных для советской системы идеологических догм воспринималась депутатской аудиторией как клевета. Возможно, устная форма публичной речи усиливала неприятие ее содержания. Чтение запрещенной по идеологическим соображениям литературы имело свои традиции, а несанкционированная устная публичная критика идеологических опор была непривычной, неожиданной. Эффект неожиданности усилил агрессивность аудитории, не готовой к аналитическому восприятию ряда болезненных проблем, поставленных Сахаровым. Коммуникативные усилия автора речи были связаны с попыткой перевести накопившуюся агрессивную энергию аудитории в рационально-аналитическое русло, заставить народных депутатов думать, спокойно рассуждать.

Сахаров не только аргументативно критикует, но и предлагает Съезду принять разработанный им Декрет. Такого рода инициативы не принято было выносить на всеобщее обсуждение без предварительного согласования с реально действующей властью. Понимая это, Сахаров, предлагая свой «Декрет о власти», апеллирует не только к Съезду, но и к народу, который является главным адресатом его речи: *Я прошу депутатов внимательно изучить текст декрета. <...> Я обращаюсь к гражданам СССР с просьбой поддержать декрет в индивидуальном и коллективном порядке.* Основу толе-

рантного взаимодействия Сахаров видит в конструктивном диалоге, который предполагает вдумчивое отношение к спорному мнению и всестороннее обсуждение острой проблемы. Традиции открытого политического диалога в СССР отсутствовали. Предложенные Сахаровым вразрез традиции формы толерантного идеологического взаимодействия народными избранниками не были приняты.

Идеологическая толерантность возможна лишь в открытом обществе. Это понимал А. Д. Сахаров, считавший, что главными принципами такого общества являются *свобода слова и информации, возможность судебного оспаривания гражданами и общественными организациями действий и решений всех органов власти и должностных лиц в ходе независимого разбирательства; демократизация судебных и следственных процедур*. Очевидно, что толерантное по форме и содержанию коммуникативное идеологическое поведение не всегда приводит к искомому прагматическому результату. Если адресат не является носителем культуры толерантного поведения, он не способен стать участником конструктивного диалога, призванного найти выход из проблемной (конфликтной) ситуации.

Можно ли считать прагматический результат коммуникативных идеологических усилий Сахарова отрицательным? Думается, что это не так. Несмотря на резкое неприятие позиции Сахарова «агрессивно-послушным большинством» (Ю. Н. Афанасьев) Съезда, часть народных депутатов поддержала Сахарова. Была создана Межрегиональная депутатская группа, внутри которой были многосторонне апробированы принципы толерантного идеологического взаимодействия. Поскольку заседания Первого съезда народных депутатов СССР транслировались в прямом эфире, граждане СССР стали свидетелями («наблюдателями») противостояния, возникшего в зале заседаний. Многие поняли, что Сахаровым «движет нравственная ответственность», «сознание своей правоты, вера в то, что люди ... поймут, не могут не понять, куда же они денутся от разумных вещей?» [Гранин 1990: 124, 125]. По словам А. И. Солженицына, «люди были захвачены жаркой поглядкой на телевизор, на заседания Верховного Совета, — ожидая, что там вот-вот откроются пути к новой жизни» (Солженицын 1998: 3). Выступления Сахарова на Съезде оказались в центре внимания общественности. Понимание нравственной правоты человека, рискнувшего публично отстаивать свою позицию, сама манера

выступления (спокойная, лишенная фальши, беспартийная), содержательная интерпретация идеологических стереотипов, продуманность, смелость и справедливость суждений, — все это обусловило привлечение на сторону Сахарова тысяч граждан. Таким образом, сиюминутный прагматический эффект речи был скорее отрицательным; в то же время коммуникативные усилия Сахарова на всех заседаниях Первого съезда народных депутатов СССР привели к прагматическому результату, значимому для общественно-го осознания феномена толерантности.

Инерция квазитолерантной коммуникации, загоняющей конфликт внутрь, препятствовала аналитическому восприятию мотивов собственно толерантного коммуникативного поведения. Вместе с тем ставшие общественным достоянием лучшие образцы публичного толерантного речевого поведения в ситуации конфликта способствовали осознанию возможности перехода от конфликта к взаимодействию, привели к формированию новых общностей «своих» в меняющемся идеологическом пространстве.

3. Путь к внутринациональной толерантности: выступление А. И. Солженицына в Государственной думе 28 октября 1994 года (Солженицын 1998: 329–339).

С момента выступления А. Д. Сахарова на Первом съезде Верховного Совета СССР прошло 5 лет. Распался Советский Союз. Россия стала суверенным государством. Обретение свободы слова привело к возможности публичного изложения идеологически противоположных мнений. Прекратила свое существование официальная государственная идеология. Появилась возможность выбора линии идеологического поведения (индивидуального и общественного). Реализацию этой возможности тормозил дефицит вербально оформленных актуальных идей. Е. В. Урысон справедливо отмечает, что идеи, во-первых, «могут быть выражены словесно, причем в достаточно сжатой форме», во-вторых, «отчуждаясь от своего субъекта, социальные, этические и т. п. глобальные идеи могут овладевать массами людей, склонных считать ту или иную идею высшей ценностью и готовых жертвовать даже жизнью ради ее воплощения» [Урысон 2003: 122]. От выступления Солженицына ждали вербальной формулировки идеи, которая могла бы овладеть общественным сознанием и стать общенациональной.

Демократические процессы изменили парламентариев: депутаты Государственной думы РФ, к которым обращается А. И. Солженицын, обнаружили большую терпимость к чужому мнению, чем делегаты Первого съезда народных депутатов СССР. Отпала необходимость в том, чтобы убеждать аудиторию в значимости аналитического восприятия информации.

Заседание Госдумы транслировалось по телевидению, и обструкция всемирно известного писателя, Нобелевского лауреата, была невозможной. Кроме того, А. И. Солженицын был приглашен Думой. Он никогда не скрывал своей антикоммунистической настроенности, ярко отраженной в его художественных и публицистических произведениях, то есть особенности мировоззрения писателя не могли взорвать аудиторию народных депутатов — носителей разных типов идеологии.

Речь Солженицына дает материал для наблюдений над механизмами коммуникативной толерантности. Кроме того, в ней содержатся идеи, связанные с формированием толерантности внутринациональной. А. И. Солженицын не оперирует термином *толерантность*, но, используя лексические единицы соответствующего языкового поля (см.: [Михайлова 2001: 262]), выстраивает концепцию, заслуживающую специального внимания философов, социологов, правоведов. В данном разделе будут рассмотрены лишь лингвопрагматические аспекты проявления толерантности в речи писателя.

Выступление в Государственной думе состоялось в год возвращения А. И. Солженицына на родину после долгих лет изгнания (он был выслан за пределы СССР в 1974 г.). Выступлению предшествовало путешествие писателя по России, его встречи с людьми.

Солженицын свободен от иллюзий сиюминутного прагматического результата своей публицистической деятельности вообще и отдельного выступления в частности. В предисловии к книге «Россия в облаве» он говорит: *...Я не надеюсь, что... мои соображения могут в близости помочь выходу из болезненного размыва нашей жизни* [Солженицын 1998: 3]. Авторская прагматическая установка имеет скорее перспективный характер. Об этом свидетельствует и мысль, сформулированная в финале выступления:

Я неоднократно повторял: наша высшая и главная цель — это сбережение нашего народа, столь уже измученного. Сбережение его физического бытия, его нравственного бытия, его культуры, его

традиций. И, может быть, еще нынешнему составу законодателей предстоит сделать первые исторические шаги на пути к подлинному, а не показно-фальшивому, народному самоуправлению.

Свою задачу автор речи видит в том, чтобы убедить членов Госдумы в необходимости *сбережения народа* и разработки законодательных основ истинно *народного самоуправления*. Оратор выбирает тактики, демонстрирующие его стремление к кооперативности. В выступлении четко обозначен адресат кооперативного коммуникативного взаимодействия — депутаты Госдумы. В тексте нет ни одного обращения, однако присутствуют номинации идентифицирующего типа, поддерживающие укрупненный образ коллективного адресата, в позиции которого выступают представители законодательной власти. Солженицын пытается продемонстрировать значимость статуса *думца*, включая своего адресата в исторический контекст:

По роду моей работы за много лет я прочел сплошь все стенограммы четырех дореволюционных Государственных дум. <...> Я рассматриваю вас сегодня как 5-ю Государственную думу на продолении той же линии развития.

Особо выделяются властные полномочия Думы как ветви власти, от которой зависит механизм законотворчества. Солженицын говорит о привилегиях, коррупции власти, корыстолюбию людей, стремящихся к власти, однако в его речи отсутствуют личные выпады, агрессия, напротив, в ней есть даже уступки:

К сожалению, ныне личный пример думцев не дает образца самоограничения другим ветвям центральной власти и эшелонам региональной власти. Небольшая часть депутатов, в свое время, я знаю, пыталась протестовать против привилегий...

Личное отношение к деятельности депутатов выражается словами группы сожаления / огорчения (*жаль, к сожалению, не могу скрыть огорчения*), но не обличения / обвинения. В речи отсутствуют собственно инвективные речевые жанры.

Средствами адресованности являются глаголы в апеллятивной функции. Вопросительные конструкции с этими глаголами содержат подтекстный упрек к коллективному адресату (законодателям) в бездействии, безответственности:

Скажите, где открытые суды?.. Скажите, где сегодня есть конкурсные условия для занятия должностей? Скажите, кто сегодня занимается контролем расширения штатов?..

Нежесткие императивы передают призывы к законодателям осуществлять свои широкие полномочия:

Дайте народу реальную власть над своей судьбой. Допустите — каждому гражданину быть экономической личностью; Так дайте населению действительно избирать...; ...пустуют российские земли. Так помогите нашим соотечественникам их заселить.

Средством укрупнения адресата служит не лишенный менторства тезис о тяжести и ответственности власти, ее высоком предназначении:

Власть — это не добыча в конкуренции партий, это не награда, это не пища для личного честолюбия. Власть — это тяжелое бремя, это ответственность, обязанность, — и труд, и труд.

Избегая прямых наставлений, оратор заостряет внимание на том, что власть имущие вообще в настоящее время не осознают меры ответственности перед народом:

И пока это не станет всеобщим сознанием власть имущих, Россия не найдет себе благополучия.

Автор речи стремится убедить депутатов в необходимости неотложного осуществления задач, стоящих перед властью, избранной народом. Используя косвенную формулу уважения, оратор дает понять депутатам, что обладает правом требовать и добиваться от них ответственного отношения к властным полномочиям. Взаимная ответственность сторон, участвующих в диалоге, становится основой толерантного коммуникативного взаимодействия и — одновременно — условием внутринациональной толерантности (субъекты взаимодействия — власть и народ):

Я сознаю свою ответственность выступать сегодня перед вами здесь, но еще большая ответственность лежит на вас перед народом, страдающим и ожидающим.

Солженицын говорит от имени народа, по поручению народа. К избранным народом депутатам Госдумы он обращается как делегированный народом «парламентарий». Такая ролевая позиция позволяет ему, с одной стороны, выстроить паритетную линию общения, а с другой, — убедить думцев в том, что его наблюдения и предложения идут от народа:

Мне по всему моему пути говорили, требовали, убеждали, умоляли: «Выскажите в Государственной Думе, скажите президенту, что накопилось, что накопело в душе простого человека».

Оставляя личные заслуги перед Россией в пространстве пресуп-

позиций, Солженицын ограничивает свои коммуникативные права возможностью, предоставленной ему народом: говорить от имени последнего. Он использует тактику самоукрупнения: *Я* — это «я (народный писатель) и народ». Такое же значение имеет местоимение *мы* в предикативных сочетаниях *мы знаем, мы хотим, мы должны, мы будем* и др.; *Я* — это также «автор выступления, пропустивший через себя опыт народа»: *я наблюдал, я насмотрелся, я встречал, я всюду спорил, я отвечал, я отрицал, я говорил, я верю, я знаю, я убежден, я за...*

Истинный адресат выступления Солженицына в Думе — *народ, масса, население*. Народ, по мнению Солженицына, — это субъект гражданской деятельности. Кооперация власти и народа, преодоление отчуждения, взаимодействие между властью и народом, сотрудничество с опорой на исторические традиции и национальный менталитет — вот путь к внутринациональной толерантности, который предлагает писатель. Средствами передачи идеи кооперативности в тексте речи являются идеологически значимое содержание, местоимения, акцентирующие общность утрат, бед, проблем: *у нас увеличилось число самоубийств; мы начали вымирать; наши беды и наши язвы; мы сейчас на переходе ... к демократии; у нас вообще нет единой государственной мысли; мы хотим идти к демократии, то есть к власти народа; нам одновременно нужны и сильная центральная власть, вертикальная власть, и широкая активность народа, тоже с поднимающейся вертикалью; признаем нашу всеобщую великую дремоту всех нас: и законодательной власти, и исполнительной власти, и всего нашего народа в нашем чудовищном равнодушии к 25 миллионам отрезанных от нас соотечественников; нелепо и преступно нам ронять российскую кровь между Таджикистаном и Афганистаном. Какое наше дело, что там происходит между группировками? Не там нам стоять; Мы должны с Казахстаном заключить...соглашение: кооперативное, по границам; и др.*

Солженицын стремится объединить власть и народ общностью проблем, задач, устремлений, заинтересовать *единой государственной мыслью*, напомнить всем об общих исторических ошибках. Он четко разделяет историю дореволюционную и историю советскую, противопоставляет *Россию, земскую Русь и Советский Союз*. Причину общих бед он усматривает в годах коммунистического рабства: *...Мы неизбежно должны были выйти такими после 70-летнего духовного вымаривания нас*. Общие размышления над

судьбами народа должны быть связаны, по его мнению, с изучением уроков истории, исторических традиций толерантности, или взаимодействия власти и народа.

Оратор с болью и недоумением говорит о фактической разобщенности власти и народа:

Людей низов практически выключили из жизни; все, что делается в стране, происходит помимо них. У них остался небогатый выбор — или влачить нищенское и покорное существование, или искать пути незаконных ремесел: обманывать государство или друг друга; Государство ограбило 70 миллионов вкладчиков, самых добросовестных, самых лояльных, самых доверчивых своих граждан. Дало жестокий урок: никогда не верь государству и никогда не работай честно; Государственные структурные чиновники не отвечают перед простым гражданином; Мы все знаем: план экономических реформ никогда не был объявлен. Почему?

Разобщенность, отсутствие взаимного доверия и общей цели, неконвенциональность взаимоотношений власти и народа исключают внутринациональную толерантность.

Обращаясь непосредственно к законодателям, Солженицын выстраивает трехчастную модель коллективной разработки идеи народного самоуправления, которая, по его мнению, составляет фундамент внутринационального диалога: уверение адресата в значительности интеллектуальных усилий (1); предъявление собственной точки зрения, имеющей некоторое сходство с точкой зрения адресата (2); призыв к взаимодействию с целью выработки общей концепции (3). Данная модель отражает механизмы толерантной коммуникации, направленной на достижение реального прагматического результата:

Сейчас в Думе, я знаю, готовится проект местного самоуправления, очень важный (1). ...Я нахожу, что местное самоуправление — это термин, ибо он ограничивает местное самоуправление сверху... Я считаю гораздо более удачным термин «земство» (2). Я в контакте с этим комитетом, мы с ним будем консультироваться (3). Как видим, между автором речи и адресатом намечается линия сотрудничества (постоянный контакт, реальный диалог, взаимные консультации), открывающая путь к взаимопониманию и принятию общего решения.

Лингвистические поиски убедительного вербального оформления идеи народного самоуправления приводят писателя к слову

земство, ставшему в советское время историзмом: *земство* (дореволюц.) — система учреждений местного самоуправления в России с дворянско-буржуазным классовым составом, введенная в 1864 г. (СУ 1935, 1: 1095). Солженицын стремится к тому, чтобы очистить данное слово от идеологических наслоений, подчеркивает внутреннюю форму, особо выделяет функцию земства, акцентирует его надклассовую сущность: *Земство — это совокупность всех людей, живущих на данной земле. Земство — это форма самоорганизации населения.* Делая шаг в сторону новой российской власти, он принимает новоидеологему *правительственная вертикаль*, показывая, как будет работать на эту вертикаль земство. Таким образом выстраивается неконфронтационное соотношение «верхов» и «низов», обеспечивающее их толерантное взаимодействие: *Правительственная вертикаль должна остаться — должна быть сильная президентская власть — и потом вертикаль вниз, но она книзу сужается, компетенция ее, функции ее сужаются. У земства наоборот. У земства наиболее широкая компетенция внизу, но она растет кверху до всероссийского уровня, хотя тут компетентные функции ее уменьшаются. И на всей высоте, на всех уровнях правительство должно контролировать земство, чтобы оно выполнило правительственные законы, а земство должно контролировать правительственную линию на ответственность и честность ведения дел.*

Условиями *внутринациональной толерантности*, по Солженицыну, становится взаимное *доверие* «верхов» и «низов», *взаимоконтроль, разделение функций* коллективных субъектов взаимодействия.

Параллельно обратим внимание на некоторую категоричность оратора, которая сопровождается штампами и не оставляет для адресата возможности выбора: *Я не вижу другого выхода. <...> Введение земства соответствует единственно верному общечеловеческому пониманию, что власть государственная не может быть вообще никогда источником народной жизни. Она может только или помогать ей, или вредить.*

Важная составляющая коммуникативной толерантности — стратегически обусловленный отбор лексики, влияющей на прагматический результат коммуникации. Высказывания-рефлексивы [Вепрева 2002: 78–79] свидетельствуют о том, что Солженицын придает большое значение наличию общего для коммуникантов аксиологического пространства. С помощью рефлексивов, включающих сегмент *так называемый*, а также попутных, иронических и

прямых оценок вербальных единиц, автор речи отчуждает ряд идеологических конструкторов. Например: 89 так называемых субъектов федерации (великолепное слово!); так называемая титульная нация, то есть та, по которой названа республика; Неясность нашего государственного устройства во многом происходит из так называемого федеративного устройства России; Некоторое ГПУ (надо же настолько потерять чувство языка!), ГПУ при президенте — это Главное правовое управление — поставило «нет»; Не случайно у нас загуляло снобистское словечко «электорат». Использование рефлексивов заостряет внимание адресата на слове, акцентирует лексическую точность и параллельно — идеологическую маркированность ключевых номинаций.

В целом реальный прагмоидеологический результат коммуникации зависит от традиций толерантного общения; от наличия общности культурного и идеологического фона общения; от определенности ролевых позиций партнеров общения; от выбора уместных форм вербальной презентации авторского «я» и форм адресации. Непосредственное влияние на прагмо-идеологический результат коммуникации оказывают: соблюдение ритуала; коммуникативная кооперация и степень ее неформальности; определенность идеологических позиций коммуникантов; идеологическая кооперация и степень личностной приверженности к идеологическим ценностям; открытость и ясность вербального обозначения идеологического конфликта, выделение проблемных участков обсуждаемой ситуации; наличие взаимных уступок (в том числе идеологических), идеологическая приспособляемость; моделирование этапов совместного решения проблемы (разрешения идеологического конфликта).

Источники

Горький 1953 — Горький А. М. Вступительная речь на открытии Первого всесоюзного съезда советских писателей 17 августа 1934 года // Собр. Соч.: В 30 т. Т. 27. М., 1953.

Сахаров 1990 — Сахаров А. Д. Выступление на Первом съезде народных депутатов СССР 2 июня 1989 года // Мир. Прогресс. Права человека. М., 1990.

Солженицын 1998 — Солженицын А. И. Выступление в Государственной Думе 28 октября 1994 года // Культура русской речи / Отв. ред. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. М., 1998.

В. А. Салимовский

Об этическом содержании понятия «диалогичность»

Диалогичность — одно из важнейших понятий теории общения. Как известно, оно сложилось в «философии диалога» первой половины XX в. (в работах М. М. Бахтина, М. Бубера и др.) и затем получило широкое распространение в лингвистике, психологии, герменевтике. Согласно определению В. Е. Хализева, сформулированному на основе этих работ, диалогичность представляет собой «открытость сознания и поведения человека окружающей реальности, его готовность к общению “на равных”, дар живого отклика на позиции, суждения, мнения других людей, а также способность вызывать отклик на собственные высказывания и действия» [Хализев 2002: 144].

Рассматриваемая категория, сохраняя живую связь с положениями «нравственной философии» (Бахтин), имеет во многом этическое содержание. Его анализ представляется важным, так как нравственная сторона коммуникации принадлежит к числу существенных ее свойств. Интересно, кроме того, сопоставить понятие «диалогичность» с понятием «толерантность», поскольку оба они предполагают некоторую концепцию отношений между *мною* и *другим*, неизбежно включающую этическую проблематику.

В самом деле, согласно М. М. Бахтину, предмет нравственной философии — это мир, в котором ориентируется поступок, т. е. мир, конкретно переживаемый (видимый, слышимый, осяза-

емый, проникнутый эмоционально-волевыми тонами). Его основные архитектурные моменты — *я, другой и я-для-другого* [Бахтин 1994а: 52]. Категория **Я–Ты** — центральная и в философии М. Бубера, где она эксплицируется системой концептов, несущих этическую нагрузку (*ответственность, община любви и др.*). В основе понятия «толерантность» тоже лежат указанные моменты: «Толерантность предполагает установку сознания на отсутствие враждебности к другому, иному, чужому» [Стернин, Шилихина 2001: 19].

Попытаемся проследить влияние идей «философии диалога» на конкретно-научные исследования М. М. Бахтина (речь, конечно, идет лишь о первых шагах в этом направлении) и выявить этические характеристики понятия «диалогичность».

Обращение ученого к вопросам диалога обычно связывают с его работами второй половины 1920-х гг. («Фрейдизм», «Марксизм и философия языка», «Проблемы творчества Достоевского» и др.). Это не совсем точно, так как уже в самых ранних его трудах высказывается мысль об отсутствии у культурной области (художественной, научной и др.) внутренней территории: «она вся расположена на границах» [1994а: 276], иначе говоря, на границах своего и чужого сознания, своей и чужой речи.

Но именно в указанных более поздних работах мысль о диалогической природе слова эксплицируется и развивается: «Всякое слово выражает “одного” в отношении к “другому”... Слово — мост, перекинутый между мной и другим... Слово — общая территория между говорящим и собеседником» [Бахтин 1993б: 94]. Это представление становится исходным при изложении М. М. Бахтиным предлагаемого им порядка изучения языка, отправляющегося от форм и типов речевого взаимодействия.

Однако данное представление не является самоочевидным и аксиоматичным. В философии М. Бубера аналогичная мысль обосновывается пониманием диалогического отношения как сферы проявления духа: «В Начале есть отношение» [Бубер 1999: 35] (далее номера страниц указываются по этому изданию. — В. С.); «Дух в его обнаружении через человека есть ответ человека своему Ты... Дух есть слово... Дух не в Я, он между Я и Ты» [С. 50–51]. «Каждое взятое в отдельности Ты есть прозрение к Вечному Ты» [С. 76]. Отсюда и «любовь не присуща Я таким образом, чтобы Ты было лишь ее “содержанием”, ее объектом; она между Я и Ты» [С. 33];

«Смысл мы находим не в вещах, мы не привносим его в них, но он может возникнуть между нами и ими» [С. 158].

Эти мысли высказывались М. Бубером в противовес «доктрине погружения», в соответствии с которой событие духа совершается в человеке, а не «между Я и Ты». Поиск истинного бытия в себе, считал философ, приводит «туда, где не правит сознание», — «к уничтожению» [С. 87].

Согласно М. Буберу, не только человек нуждается в Боге, но и Бог в человеке. Без нашего участия нет действительности. Становящийся мир взаимосвязан со мной — с моей жизнью, моим решением, моим творчеством. Мир — наше настоящее, он необозрим и в каждый миг нов для нас. Именно в явлении, а не в выводимом из него законе обнаруживает себя сущность. Все происходящее в мире — это знаки, которые мы можем воспринять, если освободимся от отторгающего их защитного панциря, это обращение, на которое мы можем ответить. Ответственность есть лишь там, где есть возможность ответа. Мы отвечаем мгновению и отвечаем за него. Тот, кого мы называем Богом, — всегда Бог конкретного момента. «Из Богов момента идентично возникает Господь голо-са, Единый» [С. 137]. Подлинная общность людей — это их пребывание в живом взаимном отношении к единому живому средоточию и друг к другу.

В отличие от религиозного экзистенциализма М. Бубера, концепция ранних работ М. М. Бахтина («К философии поступка», «Автор и герой в эстетической деятельности») охватывает мир не только в единичности его проявлений, но одновременно и «в его первоосновах и неотменяемых константах» [Хализев 1991: 7]. Согласно этой концепции, «сущность предшествует существованию, а не наоборот» [Там же]. Вместе с тем в философии М. М. Бахтина, как и в философии М. Бубера, ключевой является идея ответственной причастности человека окружающей действительности, в бахтинской формулировке — «пафос моего участного не-алиби в бытии».

Как считал М. М. Бахтин, в каждый момент своей жизни человек находится в неповторимых условиях меняющегося бытия, и то, что может быть им совершено с его единственного места, никем другим никогда совершено быть не может. Эта «точка» причастности бытию, проявления индивидуально-ответственной активности становится ценностным центром единого и единственного мира.

По мнению А. А. Леонтьева, суть такого подхода становится понятной, если вслед за Бахтиным допустить, «что смысловое единство мира определяется диалектикой взаимодействия различных ценностных центров... Мир (если он не “деперсонифицирован”, то есть если это человеческий мир) предполагает диалектику “я” и “другого”» [Леонтьев 2001: 257].

В дальнейшем, сохраняя верность идеям нравственной философии, М. М. Бахтин в силу внешних причин развивал в большей мере частные, чем стержневые, аспекты своего мировоззрения (см.: [Хализев 1991]). Он обратился к конкретно-научной проблематике, прежде всего к ее методологической стороне.

Связь этой проблематики с нравственной философией обнаруживается уже в том, что в работах второй половины 1920-х гг. М. М. Бахтин, полемизируя с З. Фрейдом и Л. Шпитцером, приводит аргументацию, по существу являющуюся критикой «доктрины погружения». Как писал ученый, «динамику взаимоотношения двух людей психологическая конструкция Фрейда проецирует в индивидуальную душу человека» [Бахтин 1993а: 79]. Л. Шпитцер, по мнению М. М. Бахтина, не прав в том, что он пытается вывести высказывание «из внутреннего мира говорящего как выражение этого внутреннего мира» [Бахтин 1993б: 103]. Между тем «“я-переживание” стремится к уничтожению; оно теряет по мере приближения к пределу свою идеологическую оформленность, а следовательно, и осознанность...» [Бахтин 1993б: 96].

Как отмечалось, в философии М. Бубера «доктрине погружения» противостоит мысль о первичности отношения Я — Ты. В исследованиях М. М. Бахтина этой доктрине противопоставлено представление о социальном взаимодействии, осуществляющем непрерывное становление коллектива, и о речевом взаимодействии, в конечном счете определяющем становление используемого коллективом языка. В понимании ученого диалогичность как форма речевого взаимодействия является фундаментальной онтологической категорией: «Быть — значит общаться диалогически» [Бахтин 1994б: 153].

Конкретизацией и развитием указанного представления в аспекте языковедческой проблематики стал ряд идей, спустя десятилетия воспринятых в качестве базовых теорией речевой деятельности, функциональной стилистикой, жанроведением, ориентированными на изучение текста направлениями социолингвистики.

К числу этих идей принадлежат мысли ученого о включенности речевой деятельности в деятельность неречевую, о высказывании как единице общения, о внутренней детерминированности высказывания ближайшей ситуацией речевого взаимодействия и более широкой социальной средой. Мысль о том, что слово приходит в нашу речь «уже населенным чужими голосами», легло в основу концепции интертекстуальности [Кристева 1995 и др.].

Таким образом, фундаментальные идеи М. М. Бахтина, повлиявшие на состояние проблематики современной филологической науки, соотнесены с исходным представлением «философии диалога» о человеческом существовании «на границах», о слове, преобладающем «между Я и Ты».

Эти философские представления обнаруживаются и в бахтинской концепции смысла и незавершимого диалога: «Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом» [Бахтин 1979: 334]. «В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенные моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде. Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения» [Там же].

Характеризуя ключевые положения теории диалогичности, приведем и близкие им мысли А. А. Ухтомского *о собеседовании*, представляющие этическое кредо ученого. Согласно его концепции, человек видит реальность такой, каковы главенствующие направления его деятельности, иначе, его доминанты. По существу, человек видит в ней самого себя, он видит то, чего искал и заслужил. И к каждому из нас люди поворачиваются так, как мы этого заслуживаем. «Это, можно сказать, “закон заслуженного собеседника”» [Ухтомский 2002: 355]. Труднейшая, но и необходимейшая задача человека — освободиться от своего Двойника. Она достигается перенесением доминанты с себя «на лицо другого» и состоит в умении открыть сердце, слух и ум другому, «видеть в ближайшем встречном человеке своего основного искомого, главного и лежащего на моей ответственности собеседника» [Ухтомский 2002: 385]. Выход к людям во всей их живой конкретности и реальности возможен, если есть любовь к ним. Закон «заслуженного собеседника» преодолевается только во всеобъемлющих законах любви и милосердия.

Определим теперь важнейшие этические характеристики понятия «диалогичность». Ими, как показывает анализ работ указанных авторов, являются:

открытость общения: «...там, где между людьми установилась открытость... прозвучало священное слово диалога» [Бубер 1999: 125]; Жизнь обогащается и оплодотворяется, «если душа открыта всякому человеческому лицу, которое встречается на пути» [Ухтомский 2002: 360];

стремление понять Другого: диалогичность предполагает умение «говорить с другим человеком, ощущая его сущность» [Бубер 1999: 142]; «Пока... выхода от убийственного Двойника к живому собеседнику нет, нет возможности узнать и понять человека, каков он есть. А без этого выпадает все свое ценное в жизни!» [Ухтомский 2002: 363];

принятие Другого в его своеобразии («инакости»), ценность индивидуальности Другого: с инакостью Другого «не ведется борьба как с существующим противником, ее структура вводится в собственное мышление»; «Лишь существо, чья инакость, принятая моим существом, живет рядом во всей своей экзистенции, приносит мне сияние вечности» [Бубер 1999: 149, 152]; «Лицо ведь тем и отличается от вещи, что оно ничем и никем не заменимо» [Ухтомский 2002: 318];

видение в Другом свободной равноправной личности: «...диалогичность как особая форма взаимодействия между равноправными и равнозначными сознаниями»; «Диалогическое отношение как единственная форма отношения к человеку-личности, сохраняющая его свободу и незавершимость» [Бахтин 1979: 309, 317]; «...пока реально не откроет человек равноценного себе человека вне себя, сам он не будет человеком» [Ухтомский 2002: 319];

стремление к согласию: диалогичность — «действительное движение навстречу другому», «обретение другого», «пребывание у другого» [Бубер 1999: 142]; «Согласие — одна из важнейших форм диалогических отношений» [Бахтин 1979: 304];

ответственность за Другого: «...жить из себя не значит жить для себя, а значит быть из себя ответственно участным, утверждать свое нудительное действительное не-алиби в бытии» [Ухтомский 2002: 139];

полнота самоотдачи в отношении к Ты: «В... диалоге человек участвует весь и всю жизнью... Он вкладывает всего себя в сло-

во...» [Бахтин 1979: 318]; «Основное слово Я-Ты может быть сказано только всем существом» [Бубер 1999: 30].

Нужно оговорить, что диалогичность здесь — это подлинный диалог, отличающийся от диалога технического, вызванного лишь необходимостью объективного взаимопонимания, и от замаскированного под диалог монолога, при котором Другой остается только объектом сознания (см.: [Бубер 1999: 140; Бахтин 1979: 318]).

Разумеется, общение не исключает несогласия и противоречий, но, по Буберу, если спор ведут открытые личности, между ними в определенных условиях может возникнуть отношение Я-Ты, и тогда мнения исчезают и «во плоти происходит фактическое» — спорящие, не отказываясь от своих взглядов, вступают в «царство, где закон убеждений не имеет силы» [Бубер 1999: 127]. Ср. устремленность раннего Бахтина к преодолению неслиянности культур (идей, точек зрения, ценностей) и действительной жизни.

Впоследствии М. М. Бахтин, говоря о взаимодействии *своей* и *чужой* культур, продолжал обосновывать ценности общения и единения. Он подчеркивал мысль о взаимном обогащении культур при сохранении ими своеобразия: культуры «не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [Бахтин 1979: 335].

Сравним в заключение понятия «диалогичность» и «толерантность» в интересующем нас аспекте. Очевидно, что если толерантность определяется как «взаимная терпимость без взаимного понимания» (М. Бубер), то диалогичность — этически более богатая и более гуманизированная категория.

Однако понятие «толерантность», активно используемое в политико-идеологической и в научной сферах, едва ли может оставаться неизменным. При выработке нравственных норм межличностных (межконфессиональных, межэтнических) отношений взаимная терпимость нередко рассматривается как необходимая, но все же недостаточная социальная ценность. В связи с этим понятие «толерантность», взятое за основу при формировании этических норм коммуникации, получает смысловые приращения. Показательно в этом плане, что в Декларации принципов толерантности ЮНЕСКО рассматриваемая категория определяется как «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия нашего мира, форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности» [Декларация 2000: 7]. Нетрудно

заметить, что приведенная дефиниция включает признаки, присущие диалогичности: *стремление к пониманию Другого, принятие Другого, его индивидуальности*, тем самым и стремление к согласию с ним, положительное отношение к нему. Эта модификация понятия «толерантность» говорит о важной роли наднациональных мировоззренческих доктрин (философских, религиозных, научных), в том числе концепции диалогичности, в формировании норм человеческого общения.

О. П. Ермакова

Толерантность и проблемы коммуникации

Категория толерантности, еще недостаточно освоенная в разных сферах отечественной науки, уже стала модной. Ее рассматривают в аспектах философии, культурологии и лингвистики.

Связь толерантности с проблемами коммуникации в настоящее время привлекает внимание многих лингвистов. Только в одной коллективной монографии («Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности». Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003) толерантности в речевом общении посвящены шесть работ. Автор одной из этих работ утверждает, что «наиболее яркий и очевидный аспект проявления толерантности в поведении индивида — коммуникативный» [Стернин 2003: 334].

Данное исследование посвящено связи толерантности и некоторых проблем коммуникации. Автор рассматривает следующие аспекты названной темы:

1. Толерантность и коммуникативные неудачи.
2. Толерантность и вопрос как речевой акт.
3. Толерантность и категория вежливости.
4. Толерантность и искренность.
5. Толерантность и оценка личности.

Толерантность и коммуникативные неудачи

Можно различить две стороны связи толерантности и коммуникативных конфликтов:

1. Нетолерантное поведение способно вызвать коммуникативные неудачи.

2. Коммуникативные неудачи нередко оказываются источником нетерпимости.

Я думаю, не надо приводить примеры, когда нетолерантное поведение может вызвать коммуникативные неудачи: всем известно, что при проявлении неучтивости, не говоря уже об откровенном хамстве, со стороны партнера коммуникации, человек нередко теряется, обида переключает внимание с содержания высказывания на бестактность, на грубые слова и т. п., и диалог может не состояться или отклониться от темы высказывания.

Одной из причин коммуникативных неудач является, в частности, нетолерантное сознание говорящих, ожидание упрека, «подвоха» со стороны партнера коммуникации, настрой на плохое даже при вполне хороших отношениях. Так, если высказывание содержит возможности неоднозначного восприятия слов, форм, конструкций, речевых актов, то, по нашим наблюдениям, собеседник чаще склонен уловить нежелательный для него смысл.

Приведу несколько примеров из нашей с Е. А. Земской работы о типологии коммуникативных неудач (см.: [Ермакова, Земская 1993]).

Некоторые виды синтаксических конструкций могут получать истолкование, не соответствующее намерениям говорящего. Так, временные и соединительные конструкции нередко воспринимаются как причинно-следственные. Здесь срабатывает ложное обобщение: иногда указание на время действия на самом деле может быть указанием на причину: *после этого* — значит 'по причине этого'. Ср.: А. — *Знаешь / после твоего ухода все очень развеселились* // Б. — (ОБИЖЕННО) *Что я всем мешала что ли?* А. — *Да не потому/ что ты ушла* // *Просто / наверное, вытили еще или не знаю почему* // *Разве не знаешь латинскую поговорку...* Б. — (ПЕРЕБИВАЯ) *Знаю, но знаю и другое* // *После вас мы серебряных ложек не досчитались* //

Еще пример. Экскурсовод: *Когда советские войска воили в Таллин / город был разрушен* // Один из группы туристов другому: *Что она говорит / разве наши войска разрушили Таллин?! Второй: Да нет / она хочет сказать / что до их прихода фашисты разрушили* //

Известно, что некоторые типы высказываний в русском языке

сочетают свою прямую функцию с косвенной. Эта особенность объективно заложена в языке. Например, в определенных случаях вопрос, внешне направленный на выяснение цели или причины действия партнера коммуникации, на самом деле выражает упрек, возмущение и т. п. Это нередко наблюдается в простейшей бытовой ситуации.

Например: Ты *зачем* взял мои ножницы?! — мать сыну, хотя видит, что сын этими ножницами режет бумагу. Следовательно, совершенно ясно — *зачем* взял, но не должен был брать, не спросив у матери (в доме есть другие — «общие» ножницы). Или: *Почему* ты позволяешь ему так разговаривать?

Из-за возможной неоднозначности функций вопросов с *почему* и *зачем* они нередко воспринимаются прежде всего в их непрямой функции, как выражение упрека или возмущения, что и создает непредусмотренную говорящим ситуацию. Ср. разговор двух подруг: А. — Ты почему *жаришь котлеты на растительном масле?* — Б. — (С РАЗДРАЖЕНИЕМ) Тебе не нравится, так жарь на сливочном. — А. — Да я только хотела узнать — ты это, чтобы не пригорали, или считаешь, что полезнее. — Вопрос был понят только как упрек. Другой пример. Две сестры. А. — А почему ты сегодня не пригласила Н. В. ? — Б. — Если он тебе нужен, пригласи его. — А. — Он мне совсем не нужен, просто ты его всегда приглашала на свой день рождения, мне интересно, почему сегодня не пригласила.

Вообще непонимание собеседником спрашивающего цели или причины действий, очевидных для говорящего (особенно если он и является действующим лицом), подчас воспринимается как нетерпимость и порождает нетерпимость.

Нередко в подобных случаях можно услышать: *Неужели это непонятно?* (с обидой); *Что тут можно не понимать!;* *Только тебе это непонятно!;* *Ясно, зачем!* и т. д.

Мудрый Фазиль Искандер показывает на конкретном примере, что иногда нужно воздержаться от такого вопроса, несмотря на желание его задать.

После первых стаканов он стал мне рассказывать длинную сагу о том, как он боролся с жителями одного поселка Анхары, которые хотели отделиться, чтобы жить своим колхозом, а он... их всячески не отпускал.

...Мне было непонятно, почему, почему их не отпускают жить отдельным колхозом.

Но, не спросив у него с самого начала об этом, теперь, когда он описал столько подводных рифов, которые ему удалось мягко обогнуть, я боялся, что мой вопрос прозвучит как сомнение в разумности его грандиозного предприятия (Ф. Искандер. «Табу»).

Непонимание со стороны партнера коммуникации нередко вызывает отрицательную реакцию независимо от того, какие возможности неоднозначного толкования содержит язык. Сам факт непонимания говорящего, сообщаемого что-то или просто имеющего отношение к сообщаемому, способен вызвать раздражение и даже агрессию. Крайне редко в такой ситуации можно услышать: «Извините, я, очевидно, недостаточно ясно все изложил».

Неоднократно приходилось наблюдать, как авторы научных работ чувствовали себя оскорбленными и выражали возмущение, когда прочитавший работу говорил, что не понимает ее смысла. «Как это Вы не понимаете — я ведь русским языком пишу!» Конфликтная ситуация в этом случае определяется тем, что непонимание предполагает отсутствие у автора логики или плохое, неясное изложение. Очевидно, нетолерантны обе стороны, а исходным моментом конфликта является непонимание психологии партнера коммуникации.

Случаев, ситуаций, когда непонимание текста, вывески, объявления и т. п. вызывает нетерпимость, даже агрессивное поведение, в нашей жизни встречается немало.

Но вот лишь некоторые примеры. Женщина заходит в небольшой магазин, на котором написано «Обувь из Европы», смотрит на цены и спрашивает: — *Если у вас подержанная обувь, то почему так дорого?* — Продавщица, в гневе: — *Вы что? Плохо видите? Так надо очки надеть! Здесь все новое!* — Однако именно название магазина «Обувь из Европы» вызвало недоумение посетителя (потенциального покупателя): она только что проходила мимо магазина, на котором было написано «Одежда из Европы». Это так называемый «Second Hand», в котором, как известно, продаются вещи, бывшие в употреблении.

Но роль непонимания в сфере нетолерантного поведения этим не исчерпывается. Здесь всегда есть две стороны:

1. Когда не понимают меня.
2. Когда не понимаю я.

Вторая ситуация ничуть не реже вызывает негативную реакцию в процессе коммуникации.

Люди нередко проявляют нетерпимость, даже агрессивность, по отношению к создателям таких произведений искусства, которые они не понимают.

Примитивным человеческим сознанием руководит убеждение: «Раз я не понимаю, это плохо», но на уровне подсознания непонимание рождает комплекс неполноценности. А это вызывает протест, проявляющийся в разных формах нетерпимости.

Есть такой психологический феномен: речь непонятная, «чужая», свидетельствующая об инородности говорящего, нередко бывает источником раздражения.

Один из наших политических деятелей шутливо заметил, что Е. Гайдар никогда не приобретет популярности в народе, потому что говорит слово *отнюдь*. А кто-то из избирателей вполне серьезно сказал «он обзывает нас *электоратом*». Напротив, высказывание В. Путина «мочить в сортире» (о чеченских боевиках) у большей части населения не вызвало возмущения: это не чужая речь, президент показал, что может быть «своим в доску».

Приведу один забавный пример, мягко говоря, нетолерантного восприятия непонятного высказывания одним из героев произведения Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна». Гек разговаривает с негром Джимом.

— *Гек, а разве французы говорят не по-нашему?*

— *Нет, Джим; ты бы не понял ни слова из того, что они говорят, — ни единого слова.*

— *Вот это странно. Как же это так?*

— *Не знаю, но это так. Я знаю немного по-ихнему из книг. Например, если человек подойдет к тебе и скажет «полливу-франзи» — что ты подумаешь?*

— *Ничего не подумаю, а возьму и стукну его по башке. Конечно, если это не белый. Но негру я не позволю так меня обзывать.*

— *Да что ты, это вовсе не ругательство. Это просто значит: «умеете ли вы говорить по-французски?»*

— *Так почему же он не может этого сказать?*

— *Да он это и говорит. Это так говорится по-французски [Гек искажает французские слова. — О. Е.].*

— *Ну, это чертовски глупо, и я не желаю больше слушать об этом. Это бессмыслица.*

Непонимание во время коммуникации, способное в определенных случаях вызвать нетолерантное поведение, может быть реак-

цией не только на вербализованные речевые акты. Неверно можно истолковать и молчание, которое тоже, как известно, является речевым актом.

Приведу некоторые примеры из доклада Б. Ю. Нормана «Молчание как способ коммуникации», прочитанного на конференции в Екатеринбурге в 2003 г.

— *Я же не кричал в прессе и по телевидению, что Гамсахурдия нам послал Бог. Меня обвинили в антигосударственной пропаганде. «Какая же это пропаганда, если я молчу?» — возражал я. «Да, ты молчишь, но молчишь против»* (Известия. 1999. 18 дек.)

— *...Должны были сразу честно сказать, внести в доклад! А то, как новость сенсационную подали! Накаляете страсти.*

— *Мы молчали, чтобы дать возможность самому Ивану Ильичу.*

— *Вот, вот!* (В. Дудинцев. «Белые одежды»).

Разумеется, коммуникативное непонимание, вызывающее агрессию, может быть продиктовано самыми разными причинами: нервозностью, мнительностью и т. п. В рассказе Чехова «Первый дебют» молодой адвокат, впервые выступающий на суде, воспринимает поведение всех участников судебного заседания как издевательство в связи с его, как ему кажется, крайне неудачным выступлением. Это приводит к агрессивности: *...Товарищ прокурора и гражданский истец, старый, матерый адвокат, вели себя не товарищески. Они, казалось ему, условились игнорировать защитника и, если поднимали на него глаза, то только для того, чтобы поупражнять на нем свою развязность, поглумиться, эффектно окрыситься. В их речах слышались ирония и снисходительный тон. Говорили и точно извинения просили, что защитник такой дурачок и барашек. Пятеркин в конце концов не вынес. Во время перерыва он подбежал к гражданскому истцу и, дрожа всем телом, наговорил ему кучу дерзостей.*

Но, как выясняется, все издевательства коллег были лишь следствием мнительности и нервозности первого дебюта, что и разъяснили, утешая его, «сами злодеи», — товарищ прокурора и гражданский истец.

Толерантность и типы речевых актов

По моим наблюдениям, из всех типов речевых актов наиболее часто способствует коммуникативным конфликтам вопрос. В обы-

денном диалоге именно вопрос осознается как проявление нетолерантности и вызывает в ответ нетолерантное поведение собеседника.

Это связано не только с непониманием истинной функции вопроса, но и с самой его природой.

Известно, что в обыденном диалоге вопросы нередко задаются тогда, когда для спрашивающего все очевидно и вопрос есть только выражение упрека, раздражения, возмущения, нетерпения, ехидного замечания по поводу каких-то действий. Явление это отмечено не мной, приведу только некоторые *примеры*, типичные для носителей русского языка в определенных ситуациях.

Дома

— *Мы сегодня не будем обедать?* (Обед задерживается.)

— *Ты сегодня не идешь на работу?* (в школу и т. д.) (Замечание тому, кто явно запаздывает, долго собирается и т. д.)

В магазине (на почте и т. д.)

— *Продавец когда-нибудь появится?* (Он вышел из отдела и долго не возвращается).

— *Кто-нибудь будет отпускать?*

— *Кто-нибудь подойдет сюда?*

— *Что, здесь никто не работает?*

Именно вопросу может сопутствовать целый ряд негативных с точки зрения субъекта моментов. Он может быть глупым, ненужным, прикрывать своей формой упрек или возмущение, быть бестактным, может исходить из чрезмерной осведомленности собеседника (*Вы не знаете, они любовники?*) и т. п.

Все эти моменты способны раздражать или оскорблять собеседника и провоцировать на резкий ответ или другое не вполне толерантное поведение.

Естественно, что один и тот же вопрос в разных ситуациях может восприниматься по-разному. И вопрос *«Ты сегодня не пойдешь на работу?»* совершенно лишен язвительности, если он задается для получения информации. Можно было бы описать и типизировать ситуации, обуславливающие различное восприятие вопросов. В данном случае отмечу только одну.

Когда один из партнеров, собирающихся вместе куда-то идти или что-то делать, уже готов (оделся, собрался, закончил другие дела и т. д.), а другой нет, вопрос: *«Ты скоро?»* в 90 случаях из ста

воспринимается как выражение нетерпения, желания подогнать и вызывает раздражение у собеседника, хотя спрашивающий, возможно, хочет узнать, не стоит ли ему пока заняться своими делами, т. е. пытается выяснить, каким временем он располагает до совместного выхода или совместного дела. Хотя тот же вопрос, когда речь идет о приезде, приходе собеседника, подобной реакции не вызывает.

Я хочу подчеркнуть, что во многих случаях сам факт вопроса как речевого акта может порождать нетолерантное поведение: ведь вопрос направлен на разъяснение информации, которую в обыденном диалоге один из коммуникантов считает или недостаточной, или неясной.

Конечно, это в первую очередь относится к вопросам с *почему* или *зачем* (о чем уже говорилось). К этим наблюдениям я хочу добавить, что нередко раздражение одного из собеседников (которое сплошь и рядом приводит к нетерпимости) вызывается количеством вопросов, задаваемых одним из участников диалога, на которые другой коммуникант не может ответить и которые, по его мнению, выходят за рамки сообщаемого.

В обыденном диалоге это наблюдается часто. Вот некоторые примеры.

Разговаривают две приятельницы средних лет. А. рассказывает о дне рождения общего знакомого.

А. — *У Максимова было довольно весело. Много пели.*

Б. — *А кто был, кроме Оли и Жени?*

А. — (ПЕРЕЧИСЛЯЕТ) *Да еще Шмелев был с Мамедовой.*

Б. — *Они что, поженились?*

А. — *Понятия не имею, мне это как-то в голову не пришло.*

Б. — *У них [Максимовых] большая квартира? -*

А. — *Большая.*

Б. — *Четырехкомнатная?*

А. — *Не знаю, я не спросила и всю квартиру не смотрела.*

Б. — *Они ее купили или поменяли старую? Наверное, купили, говорят, они старую сыну отдали.*

А. — *Я ничего этого не знаю. Откуда Вы это все знаете?*

Последняя реплика произносится с явным раздражением.

Две приятельницы говорят об общей знакомой.

А. — *Я на днях разговаривала с Верой. По-моему, она в хандре.*

Б. — *Она Вам так сказала?*

А. — Нет, мне так показалось. Вроде на конференцию не поедет. Они собирались вместе с Вале́й.

Б. — А она вызов получила?

А. — Не знаю.

Б. — А Валя получила?

А. — Не знаю, наверное, получила.

Б. — И она поедет? Одна?

А. — Я не знаю, я с ней об этом не говорила.

Б. — А какого числа эта конференция?

А. — (С НЕТЕРПЕНИЕМ) Я не знаю, Таня, я ведь не собиралась туда ехать, просто слышала, что Вера и Валя где-то в апреле едут на конференцию в Петербург.

В основе коммуникативного конфликта лежит несовпадение психологических типов собеседниц: одна из них любит допытываться до деталей обсуждаемых обстоятельств и нередко выходит за рамки предмета разговора, что явно раздражает собеседницу, которой многое из того, о чем спрашивает Б., не представляется в данный момент интересным. Кроме того, А. раздражает то, что на многие вопросы Б. ей приходится отвечать «не знаю».

По-видимому, в некоторых случаях обилие вопросов напоминает допрос, поэтому вызывает агрессию со стороны собеседника. Во многих детективных романах можно встретиться с ситуацией, когда один из собеседников говорит другому: «Ты задаешь слишком много вопросов. Ты часом не из полиции?»

— *Что имел в виду Тодд, когда сказал, что занимался торговлей картин раньше? Разве это не его магазин?*

— *Магазин прогорел, и он ищет повсюду кого-либо, кому бы он мог поплакаться.*

— *Например, вам?*

— *С чего вы взяли?*

— *Вы так думали?*

— *Вы задаете слишком много вопросов, мистер Арчер* (Р. Макдональд. «Бородатая леди». Пер. Л. Романова).

Вероятно также, по какому-то неписаному правилу этикета задавать слишком много вопросов незнакомым людям считается невежливым, особенно если собеседник не проявляет разговорчивости. Ср., например:

— *А вы, случайно, не репортер?*

— *Нет.*

— Он был слишком вежлив, чтобы продолжать задавать мне вопросы (Р. Макдональд. «Бородатая леди»).

Но, как справедливо отмечает Н. К. Рябцева, «любопытство становится этически маркированным и социально осуждаемым, когда оно направлено на другого человека... Чрезмерный повышенный интерес к подробностям чужой личной жизни осуждается в культуре, так как наносит моральный ущерб личности. Поэтому, в частности, считается плохим тоном задавать соответствующие прямые вопросы и рекомендуется прибегать к наводящим. <...> Нельзя чрезмерно интересоваться живописью, но можно чрезмерно интересоваться подробностями чужой жизни / скандала и т. п.» [Рябцева 2003: 181].

Разумеется, вопросы, направленные не на человека, не бывают бестактными. Но они могут вызывать раздражение, если представляются адресату глупыми, бессмысленными и т. п., отсюда возможны реакции: *Что ты ересь спрашиваешь!?*; *Это давно уж усвоить надо было!* и т. п. Ср.:

— *Можно ли сквозь копченое стекло увидеть линию, соединяющую центры солнца и земли?*

Я отвечаю ей, что эта линия проводится умственно.

— *Если она умственная, — недоумевает Варенька, — то как же на ней может поместиться луна?*

Не отвечаю. Я чувствую, как от этого наивного вопроса начинает увеличиваться моя печень (А. П. Чехов. «Из записок вспыльчивого человека»).

Толерантность и вежливость

Почти все исследователи толерантности отмечают связь этой категории с категорией вежливости; некоторые даже отождествляют эти понятия. Я приведу лишь некоторые мнения по данному вопросу.

И. А. Стернин пишет: «Основой бытовой повседневной толерантности является толерантность в общении» [Стернин 2003: 331]. И далее: «Коммуникативная категория *толерантности* объединяет совокупность более частных концептов и категорий — таких как *вежливость, сохранение лица собеседника...*» (курсив автора; цитату привожу не полностью. — О. Е.) [Стернин 2003: 338].

Н. И. Формановская так определяет связь категорий вежливости и толерантности: «Толерантность и вежливость — как бы две стороны одной медали: “в общении не делай плохого другому, делай ему хорошее”» [Формановская 2003: 360].

Разноаспектное рассмотрение категории вежливости содержится в работах Е. А. Земской (см.: [Земская 1994: 1997]).

Наверное; ни у кого нет сомнений в том, что эта категория относится к сфере нравственности; это категория сознания, которая может выражаться в толерантном поведении. Однако вежливость отнюдь не всегда свидетельствует о толерантном сознании человека, поскольку вежливое поведение может быть искренним, а может быть лишь маской (см.: [Формановская 2003: 353]).

На мой взгляд, очень важное различие толерантности и вежливости заключается в том, что вежливость проявляется непосредственно в общении и относится к собеседнику или к лицу присутствующему (лишь некоторые правила речевого этикета предписывают вежливое упоминание отсутствующих старших: не называть их *он*, *она* и т. п.). Толерантность же распространяется и на лицо отсутствующее. Ведь сплошь и рядом человек, отрицательно относящийся к чьим-то убеждениям, чужим национальным традициям, особенностям, не высказывает своего отношения «в глаза» — это было бы невежливо. Но в отсутствие носителя чуждых ему убеждений он нередко выражается резко, может быть, даже грубо. В таких случаях человек явно проявляет нетерпимость, нетолерантность в самом истинном смысле этого слова, но вряд ли можно назвать это невежливостью.

И здесь возникает еще один неоднократно обсуждавшийся вопрос: как связаны толерантность и искренность.

Толерантность и искренность в обыденном диалоге

Наблюдения показывают, что постулат искренности (один из постулатов Грайса) отнюдь не всегда соблюдается в естественном общении, поскольку искренность в определенных случаях может обернуться невежливостью, даже грубостью.

Как известно, о вкусах не спорят, но относиться терпимо к чужим вкусам, если они представляются вам низкопробными, очень трудно. Если один убежден в бездарности произведения искусства, а другому оно нравится, то единственная возможность прояв-

ления толерантности — уклониться от объяснения своих позиций, если не прибегать к лицемерию. И тем самым толерантность в обществе людей, для которых актуально понятие «хорошее воспитание», вступает в противоречие с искренностью.

Приведу здесь очень выразительный пример из рассказов о Раневской. Одной даме Раневская сказала, что та по-прежнему молода и прекрасно выглядит.

— Я не могу ответить вам таким же комплиментом, — дерзко ответила та.

— А вы бы, как и я, соврали! — посоветовала Фаина Георгиевна (Ф. Раневская. «Случай, шутки, афоризмы». М., 2003. С. 51).

В повести Пушкина «История села Горюхина» герой возвращается в свое поместье после некоторых лет жизни в городе и встречается с крестьянками.

Я был тронут до глубины сердца, увидя знакомые и незнакомые лица... Женщинам говорил я без церемонии: «Как ты постарела» — и мне отвечали с чувством: «Как вы-то, батюшка, подурнели» (А. С. Пушкин. «История села Горюхина»).

Конечно, ничего подобного этот человек не мог бы сказать женщине в другом обществе. Но показательно не только его отношение к крестьянкам (они «не имеют права обижаться») — слова, обращенные к барину, женщины тоже не считают обидными, потому что искренне констатируют очевидное: «Это ведь естественно, что же тут обижаться».

С этой точки зрения можно говорить не только о проявлении толерантности в разных культурах, имея в виду разные страны, разные языки, но и о понятии толерантности в разных уровнях культуры или разных речевых сферах одного народа.

Толерантность и оценка личности

В докладе на первой конференции по толерантности в Екатеринбурге я высказала мысль о том, что у русского народа терпимость к греху чаще всего зиждется на идее всеобщности (*все грешны*), а осуждение, нетерпимость вызываются в первую очередь исключительностью кого-то, чего-то (см.: [Ермакова 2003]).

Однако эти взгляды несколько иначе проявляются в отношении собственной личности. Определение человека как среднего, ничем не выделяющегося из массы, большинству людей представ-

ляется обидным. Утверждение «Мы все глядим в Наполеоны», разумеется, преувеличение, но мало кого устраивает роль посредственности.

Ср.: Какая жажда собственной исключительности. Как же ей хотелось быть первой, единственной, особенной! (А. Малышева. «Западня»).

— *Посмотрите на него: не правда ли в нем что-то есть?* — говорила она своим друзьям, кивая на мужа и как бы желая объяснить, почему это она вышла за простого, очень обыкновенного и ничем не замечательного человека (А. П. Чехов. «Попрыгунья»).

Какая потеря для нации! — сказал он с горечью. Это, если всех нас сравнить с ним, был великий, необыкновенный человек! (А. П. Чехов. «Попрыгунья»)

Она хотела объяснить ему, что то была ошибка, что не все еще потеряно, что жизнь еще может быть прекрасной и счастливой, что он редкий, необыкновенный, великий человек и что она будет всю жизнь благоговеть перед ним, молиться и испытывать священный страх (А. П. Чехов. «Попрыгунья»).

Князь Мышкин говорит Гане Иволгину: «Теперь я вижу, что вас не только за злодея, но и за слишком испорченного человека считать нельзя. Вы, по-моему, просто самый обыкновенный человек, какой только может быть, разве что слабый очень и нисколько не оригинальный...»

Ганя язвительно про себя усмехнулся, но смолчал. Князь увидел, что отзыв его не понравился, сконфузился и тоже замолчал.

Но потом Ганя выражает свое отношение к оценке князя:

«Вы мне говорите, что я человек не оригинальный. Заметьте себе, милый князь, что нет ничего обиднее человеку нашего времени и племени, как сказать ему, что он не оригинален, слаб характером, без особенных талантов и человек обыкновенный. Вы меня даже хорошим подлецом не удостоили счесть, и, знаете, я вас давеча съест за это хотел» (Ф. М. Достоевский. «Идиот»).

Но Ганя не случайно говорит о человеке «нашего времени и племени». Это стремление к исключительности не характерно для «простого народа». И показательно, что в просторечии ни исключительный, ни оригинальный не употребляются в тех значениях, которые свойственны этим словам в литературном языке. Оба эти слова трансформировались в выражение положительной оценки: Ср.: *Кофточку купила оригинальную, как все сейчас носят* (пример

Т. Г. Винокур); *Очень оригинальное платье. Я многим такой фасон шила. Всем нравится* (Устн. речь).

Любопытно, что в городском просторечии значение слова *оригинальный* трансформировалось в выражение *общей* положительной оценки (примеров много), аналогично употребляется и слово *исключительный*: *Мой первый муж был такой исключительный!* (Устн. речь); *Конечно, есть и помимо того разные исключительные и достойные случаи и чувства* (М. М. Зощенко. «Любовь»).

Известно, что в разных случаях характеристики со знаком «плюс» и со знаком «минус» совсем не обязательно совпадают. И нежелательная, с точки зрения представителя определенной общности людей, оценка может вызвать негативную реакцию, а в некоторых случаях — и нетолерантное поведение.

М. Я. Дымарский

Принцип толерантности и некоторые виды коммуникативных неудач

Связь между понятием коммуникативной неудачи (далее: КН) и принципом толерантности в общем случае очевидна. Обычно под коммуникативной неудачей понимается ситуация, когда коммуникативное намерение говорящего (инициатора диалога) не реализуется (ср. [Ильенко 1996: 5]), и чаще всего самый факт нереализованности коммуникативного намерения говорящего диагностируется на том основании, что в диалоге обнаруживается непонимание между партнерами. В многочисленных классификациях коммуникативных неудач (см.: [Падучева 1983; Городецкий и др. 1985; Ермакова, Земская 1993; Attardo 1993; Clark, Schaefer 1989; Kreuz, Roberts 1993; Lamprecht 1993; Ringle, Bruce 1982; Walton 1987]) рассматривается широкий спектр именно ситуаций непонимания, которое может быть вызвано множеством различных факторов. Если понимать толерантность, вслед за А. В. Перцевым, как «промежуточный этап в движении от конфликта к действительному взаимопониманию и взаимодействию» [Перцев 2003: 29] и связывать ее, вслед за Н. А. Купиной и О. А. Михайловой, с категориями диалога, разъяснения, сотрудничества и понятиями компромисса, примирения, уступчивости, бесконфликтности, вежливости [Купина 2001: 236; Михайлова 2003: 109–110], — то можно сказать, что в случаях традиционно понимаемых КН принцип толерантности начинает действовать с того момента, когда один из комму-

никантов осознает факт КН и начинает предпринимать усилия по устранению непонимания.

Между тем очевидно, что КН может быть вызвана отнюдь не непониманием. Среди целого ряда типов КН, вызванных не этой, а другими причинами, хотелось бы особо выделить два типа, первый из которых, в свою очередь, представлен бинарной оппозицией. Кажется интересным рассмотреть, как эти типы КН соотносятся с принципом толерантности, — если такое соотношение вообще существует.

Многочисленны случаи КН, причину которых можно обозначить как «сверхпонимание», когда неадекватный перлокутивный эффект основан на неверном прочтении адресатом иллокутивной силы высказывания адресанта. Теоретически источником неудачи в этом случае можно считать ошибку в прагматических presuppositions высказывания адресанта — например, неучет представлений адресата о типичных моделях поведения людей, или психологических доминант, вытекающих из жизненного опыта адресата и определяющих характер его восприятия; однако в реальности предусмотреть любую возможность искаженного прочтения иллокутивной силы высказывания практически невозможно.

Рассмотрим пример:

(1) — *Дайте я вам кошелку поднесу, — предложил я.*

Старуха отпрянула.

— *Это тебе зачем? — спросила она подозрительно. — Ты это оставь — не люблю... Кошелку ему!.. Молодой, да, видно, из ранних...*

«Не люблю старух», — подумал я.

(А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. «Понедельник начинается в субботу. Сказка о Тройке». СПб., 1993. С. 36–37).

Суть КН, которая могла бы повлечь за собой и более серьезный конфликт, сводится к тому, что старуха (Наина Киевна) восприняла вполне искреннее предложение комсомольца Саша Привалова как уловку, к которой прибегают жулики, чтобы затем сбежать вместе с кошелкой. Реакция старухи, в свою очередь, обижает Привалова. Психологическая основа подобных КН вполне прозрачна и обнаруживается в личном опыте: ошибившись хотя бы один раз в определении иллокутивной силы речевого акта собеседника, человек предпочитает во всех подобных речевых ситуа-

циях предполагать худшее и реагировать так, как если бы именно это — худшее для него — намерение собеседника имело место в реальности. Такая речевая тактика является частным случаем типа поведения, давно зафиксированного в поговорке: *Обжегшись на молоке, дует и на воду*. В сонме обыденных мудростей, с необыкновенной устойчивостью кочующих по речи поколений, есть и такая, прямо связанная с данным типом КН: *Каждый все понимает в меру своей испорченности*.

Случаи КН, вызванных «сверхпониманием», весьма частотны и фиксируются не только в художественной литературе, но и в анекдотах (2) и в диалогических штампах — образцах расхожего остроумия (3).

(2) — *Здравствуйте, Модест Моисеевич! Как вы себя чувствуете?*

— *Не дождетесь!*

(Примеры анекдотов, основанных на описываемом явлении, легко умножить.)

(3) — *Что-то я сегодня плохо выступил, по-моему.*

— *Да ладно, не напрашивайся на комплименты.*

Стоит заметить, что диалогическая техника, основанная на умышленном приписывании инициальной реплике собеседника заведомо несуществующей иллюкутивной силы (как и вообще на сознательном переосмыслении любых параметров реплики собеседника) — с последующим реагированием на фактически не существовавший речевой акт (высказывание), — является одним из наиболее широко признанных показателей остроумия (и не только бытового). На этой технике основан целый ряд диалогических тактик: от тактики ведения фатического диалога в жанре дружеской пикировки — до тактики затравливания нежелательного члена коллектива; от тактики безобидной стихийной ролевой игры, когда один из коммуникантов сознательно моделирует несвойственный ему тип восприятия и речевого поведения, создавая пародию на знакомый или условно знакомый персонаж, — до откровенно бессовестной демагогической тактики в дискуссии.

В свое время в театральной и околотеатральной среде было популярно понятие «неконтролируемых ассоциаций», которых следовало всячески опасаться, давая название спектаклю или концертной программе, выстраивая мизансцену, придумывая афишу и т. д. Нет необходимости доказывать, что попытки предупредить «не-

контролируемые ассоциации» представляют собой прежде всего стремление смоделировать специфическое восприятие чиновника, принимающего спектакль или концертную программу, и определить, в каком случае его причудливая логика может побудить его к «сверхпониманию», то есть — в данном случае — к усмотрению непозволительного политического намека там, где его нет.

Диалог, построенный на «вычислении» возможных выводов собеседника из произносимой говорящим реплики, независимо от того, что говорящий на самом деле имеет в виду, подчас превращается в пытку для участника:

(4) *Сталин слегка постучал трубкой по пепельнице:*

— *А — настроение молодежи?*

Вопрос за вопросом или как ножи, и порезаться достаточно было на одном. скажи «хорошее» — политическая слепота. Скажи «плохое» — не веришь в наше будущее. Абакумов развел пальцами, а от слов пока удержался (А. И. Солженицын. «В круге первом». М., 1990. С. 150–151).

Ясно, что предусмотреть все возможные сюрпризы «сверхпонимания» и избежать соответствующих КН принципиально невозможно.

Своеобразным зеркальным отражением описанной диалогической техники является еще один прием, который заключается в умышленном игнорировании очевидной иллюкутивной силы речевого акта собеседника, в нарочито буквальном его понимании. На этом приеме основаны, в частности, широко распространенные стандартные диалогические последовательности, используемые в ситуациях нарастающего межличностного конфликта. Степень стандартности этих последовательностей столь высока, что можно говорить даже об их ритуальном характере, причем, как и в любом ритуале, действия (в данном случае — речевые) его участников доведены до автоматизма, поэтому участник, несомненно хорошо знакомый с набором подобных диалогических штампов, все же попадает в примитивную ловушку.

(5) [1] М. — (НАСМЕХАЯСЬ НАД В., ЦИТИРУЕТ АНЕКДОТ) *Но достаточно будет и половины дозы / ага? [Дает совет В., какие действия предпринять в компьютерной игре, в которую В. продолжает играть во время разговора] И вниз / и вниз Валера / че нет-то? Че-то долго ты думаешь / (ЯЗВИТЕЛЬНО) это динамичная игра / между прочим //*

[2] В. — *Ну и че?*

[3] М. — (НЕБРЕЖНО) *Да ниче //*

[4] В. — *Ну вот и сиди //* [Борисова 2003: 390].

Развитие диалога, из которого извлечен фрагмент (5), определяется «транспозицией спонтанно возникающего жанра проработки (см: [Данилов 1999]) с коммуникативной заданностью отрицательно-оценочного компонента (осуждение) в сферу непринужденного межличностного общения» [Борисова 2003: 392], причем роль «прорабатываемого» отведена В.; «взаимодействие развивается по сценарию эмоционального подавления В.» [Там же], однако последний до некоторого времени, сохраняя установку на конформное речевое поведение, не позволяет разговору скатиться до открытой конфронтации. Фрагмент (5) завершает эту часть диалога, после которой М. предпринимает очередную атаку и все-таки добивается перехода к конфликтному типу взаимодействия (полностью пример и его анализ см. в указ. раб.).

В приведенном «раунде» диалога М. терпит микро-КН, попавшись на прием, использованный В. Реплика [2] имеет подтекст, который можно реконструировать примерно так: *‘Что следует из того, что я долго думаю и что это динамичная игра? Не хочешь ли ты сказать, что я туп для этой игры?’* — то есть иллюкутивная сила реплики заключается в провоцировании партнера на прямое высказывание отрицательной оценки личности говорящего или, наоборот, на отказ от обидных намеков. Небрежный тон произнесения реплики [3] подчеркивает, что М. выбирает второе, не решаясь пока на открытую конфронтацию*. Однако в подтексте реплики, сквозь небрежный тон которой проступает и насмешка, понижающая поведение М. в течение всего разговора, имплицировано утверждение *‘тебе бесполезно объяснять очевидное, ты так туп, что все равно не поймешь’*. Несоответствие локуции (≈ *‘я ничего не утверждаю’*) и иллюкуции (≈ *‘я утверждаю, что ты тупица’*) в данном случае отражает противоречивость позиции М., которому хочется посмеяться над В., но пока не хочется открытого конф-

* Показательно, что в рассматриваемом диалоге, несмотря на его откровенно конфликтное развитие в дальнейшем, М. последовательно воздерживается от прямых оскорбительных оценок. В случае его готовности к открытому конфликту реплика [3] должна была бы иметь вид ≈ *Да Х ты, только и всего!*, где Х — любое бранное слово, негативно оценивающее личность партнера (*осел, дурак, тупица, козел* и проч.).

ликта. В реплике [4] В., сознательно игнорируя легко прочитываемый стандартный подтекст реплики [3], отвечает только на ее «видимую» часть (*≈ раз ничего не утверждаешь, то и молчи*). Пронгрыш М. в коммуникативном «соревновании» очевиден: его реплика не достигла цели; его «поставили на место», используя его же слова; пытаться объяснять, что предшествующей репликой он хотел сказать совсем не то, что сказал, означает только усугубить поражение. Именно поэтому в следующей реплике он начинает новый раунд нападков на В., отказываясь от продолжения сюжета с компьютерной игрой.

Еще раз подчеркнем, что в обоих описанных случаях недостижения коммуникантом преследуемой цели (т. е., по определению, КН) подлинное непонимание отсутствует: имеет место или «сверхпонимание», или притворное непонимание. Обе зеркально отражающие друг друга разновидности КН — как основанные на реагировании на несуществующую иллюкутивную силу предшествующего речевого акта, так и основанные на игнорировании слишком прозрачной иллюкуции, — в подавляющем большинстве реализаций имеют сознательно провокативный характер. По меньшей мере один из участников подобных ситуаций чаще всего исходит из презумпции недоброжелательности партнера. Тот факт, что на описанных механизмах базируется огромное количество диалогических штампов*, которыми широко пользуется — или, во всяком случае, может пользоваться — едва ли не любой говорящий по-русски, свидетельствует о правоте И. А. Стернина, утверждающего, что концепт толерантности в русском языковом сознании «еще находится в процессе становления и поэтому не имеет очерченной структуры, не может считаться общеизвестным и тем более общенациональным» [Стернин 2003: 334].

Существует еще одна разновидность КН — возникшая сравнительно недавно, с того момента, когда на радио и телевидении получили широкое распространение передачи, идущие в прямом эфире и предусматривающие общение со зрителями по телефону.

Ситуация телефонного звонка в прямой эфир настолько специфична, что для разговора о ней необходимо пояснить некото-

* И, разумеется, шуток, например: — Скажите, пожалуйста... — Пожалуйста! — Спасибо... — Пожалуйста... Ясно, что в интерпретации второго коммуниканта первая реплика должна выглядеть иначе: — Скажите «пожалуйста»!

рые технические детали*. Позвонивший слушатель или зритель может задать вопрос, не имеющий прямого отношения к теме передачи; качество связи может быть неприемлемо низким и т. д. Следовательно, звонки необходимо «фильтровать», чего ведущий делать по понятным причинам не может. Поэтому позвонивший вначале излагает свой вопрос сотруднику редакции, который дежурит у телефона, и далее, если его вопрос сочтен интересным и если его хорошо слышно, он вынужден «висеть» — т. е. с прижатой к уху трубкой ждать момента, когда он сможет задать свой вопрос в эфире. Ведущему по внутренней связи сообщают, что «есть звонок», и дальше уже он сам выбирает момент, когда нужно «взять звонок». Передача между тем продолжается, «висящий» абонент продолжает ее слушать / смотреть. Когда ведущий говорит: «Давайте послушаем вопрос по телефону», — звукорежиссер переключает тумблер, «выпуская» слушателя в эфир, и телефонная трубка в руках последнего «оживает»: в ней возникает голос ведущего. Но этот же голос абонент продолжает слышать из динамика телевизора или радиоприемника; в результате срабатывает инерция, привычка лишь к пассивному (воспринимающему) участию, и абонент довольно часто не сразу сообщает, что ведущий обращается лично к нему и ждет именно его реакции. (Заметим, что этой ситуации можно было бы избежать, если бы сотрудник, который дежурит у телефона, непосредственно перед выпуском абонента в эфир предупреждал его об этом, но это не так просто технически и не всегда выполнимо в силу дефицита времени.)

В итоге довольно регулярно происходят «диалоги» примерно следующего характера:

(6) Ведущий (В.). — *Алло, здравствуйте, вы в эфире, представьтесь, пожалуйста.*

Абонент (слушатель или зритель) (А.). [Молчание.]

В. — *Алло, алло, вы в эфире, здравствуйте!*

А. [Молчание.]

В. — *Алло, алло, вы нас слышите?*

* Автор с 1997 г. является постоянным ведущим передачи «Как это по-русски?» на Радио России — Санкт-Петербург. До 2002 г. передача транслировалась в записи, с начала 2002 г. идет в Петербурге в прямом эфире (2-я и 4-я среды месяца, 22.10), в другие дни недели из Москвы в записи транслируются фрагменты прошедшей передачи.

А. — (РОБКО) Алло?..

В. — Да, да! Вы в эфире, здравствуйте! Как вас зовут?

А. — Это вы мне?.. — и т. д., причем далеко не всегда с таким «счастливым» концом. Часто ведущий так и не получает ответа на свои призывы и вынужден отказаться от намерения общаться со слушателем / зрителем.

Важно отметить, что подобные ситуации, сильно напоминающие «разговор слепого с глухим», возникают независимо от усилий ведущего и его речевого мастерства и — точно так же вне этой зависимости — могут приводить к патовому положению. Реплики ведущего в этом случае с полным основанием могут рассматриваться как коммуникативно неудачные, хотя обвинить его абсолютно не в чем.

Рассмотрим причины возникающей в этом случае КН. Первая причина заключается в очевидном информационном неравенстве коммуникантов: если второй коммуникант (позвонивший) понимает, с кем имеет дело, то первый (ведущий) не имеет о собеседнике никакого представления, кроме знания о том, что это слушатель / зритель, которому интересна тема передачи и который хочет задать вопрос. Поскольку этот признак никак не может служить дифференциальным, знание этого факта не облегчает положения ведущего, и прагматические пресуппозиции его высказывания относительно собеседника приближаются к нулю. Ведущий вынужден использовать для номинации собеседника средства, номинативная сила которых в данной ситуации уже не приближается к нулю, а просто равна ему (*Вы, уважаемый зритель / слушатель*). Даже если ведущий употребит сложную конструкцию вроде *Уважаемый зритель, тот самый, который позвонил и сейчас с трубкой в руках ждет приглашения задать вопрос, я к вам обращаюсь!* — это не гарантирует самоидентификации реального абонента с актуальным адресатом высказывания ведущего, так как зрителю известно, что «висеть» на разных телефонных линиях могут одновременно несколько человек. Таким образом, первый коммуникант лишен надежной возможности дать собеседнику понять, что обращаются именно к этому последнему.

Вторая причина коренится в специфичности канала связи. Поскольку в данном случае имеет место совмещение двух видов связи: телефонной и радио- или телетрансляционной, — постольку и коммуниканты выступают одновременно в двух ролях: 1) участ-

ников телефонного разговора; 2) ведущего и слушателя / зрителя. Для первого коммуниканта (ведущего) эти роли не вступают в противоречие: в обеих ролях он субъект инициативы, лидер, ответственный за слова, что звучат из его уст. Для второго коммуниканта все иначе: в первой роли он также активный субъект, а вот во второй — объект. Обычно пассивность второй роли (слушателя / зрителя) он может компенсировать свободными комментариями по поводу звучащего с экрана (из динамика), но это — в обычной ситуации — не меняет дела: повлиять на происходящее он не может. В ситуации же звонка в прямой эфир и возможность свободных комментариев снимается, что меняет психологическое самочувствие и создает напряжение (помимо естественного волнения): абонент-зритель во время ожидания не субъект, а объект с потенциальным переходом к субъектной функции, причем объект, лишенный привычного и психологически существенного признака. Кроме того, ему неизвестно, ни в какой момент ему будет предоставлена возможность перейти от роли объекта к роли активного субъекта, ни как он об этом узнает.

В итоге и создается парадоксальная ситуация: высказывания, прямо обращенные к нему, то есть к человеку, который именно в этот момент слушает ведущего внимательнее всех зрителей / слушателей, вместе взятых, — бьют мимо цели!

Своеобразие описанной ситуации заключается еще и в том, что происходит деформация ролей участников диалога. Изначально инициатором диалога по телефону следует считать, естественно, позвонившего. Однако, предлагая ему дождаться момента, когда можно будет задать вопрос в эфире, у него фактически отнимают функцию инициатора. Теперь инициатива в руках ведущего, который, исходя из базовой модели ситуации, должен был бы считаться не инициатором, а вторым участником диалога. Своей первой репликой, обращенной к позвонившему, ведущий иницирует начало отложенного диалога, якобы возвращая инициативу ее изначальному хозяину (то есть как бы предлагая ему: пожалуйста, осуществляйте вашу инициативу), на самом же деле продолжая оставаться хозяином разговора. Роль, которая при этом реально отводится задающему вопрос, явно несет признаки имитации: фактически имитируется его коммуникативная инициатива (в реальности у него отнятая), отчасти имитируется и собственно диалог. Ведь, задавая вопрос в прямом эфире, зритель / слушатель

задает его вторично: первый раз он его уже произнес в разговоре с сотрудником, дежурящим у телефона, то есть имело место некое подобие репетиции выступления в эфире. Если это так, то коммуникативная ситуация носит двойственный характер: в ней есть как элементы непосредственной, первичной коммуникации, так и элементы коммуникации вторичной, имитированной.

Понятно, что сложность, непривычный характер этой особой коммуникативной ситуации, вкупе с деформированной ролью участника диалога и другими факторами, служат дополнительным объяснением причин неадекватного поведения слушателя / зрителя и возникающей вследствие этого КН. При этом коммуникативное поведение ведущего, которое может быть квалифицировано как в высшей степени толерантное (он понимает затруднения, испытываемые партнером, и прилагает *все* усилия к их устранению), оказывается неэффективным.

Обобщая, можно сказать, что существуют такие коммуникативные ситуации, в которых действенность принципа толерантности сводится к нулю. В ситуациях применения диалогических техник, основанных на домысливании несуществующей или, наоборот, игнорировании существующей иллюзии (1–5) принцип толерантности бездействует потому, что в сознании коммуникантов, прибегающих к подобным техникам, доминируют установки, не имеющие ничего общего с этим принципом. В ситуациях диалога со слушателем / зрителем в прямом эфире принцип толерантности лишен действенной силы потому, что слишком затруднены, слишком деформированы, по сравнению с параметрами прототипа, условия коммуникации: в таких условиях установление контакта фактически не зависит от толерантности / интолерантности коммуникативного поведения обоих участников.

Иначе говоря, применимость принципа толерантности в человеческой коммуникации не безгранична. Границы устанавливаются, с одной стороны, параметрами прототипической коммуникативной ситуации, слишком сильное отступление от которых влечет КН и разрыв контакта; с другой стороны — психологическими особенностями / состоянием коммуникантов, их воспитанием, личным речевым опытом и доминирующей речевой практикой референтной группы, личностными установками и т. п. Если первую границу «сдвинуть» невозможно, то вторая может быть отодвинута усилиями, вектор которых намечает И. А. Стернин:

«...условием появления установок толерантного сознания является прежде всего формирование коммуникативной толерантности, через которую можно выйти на поведенческую толерантность и сформировать собственно ментальную категорию толерантности» [Стернин 2003: 344]. Представляется, что на первом из указанных этапов особенно важен сбор материала: диалогических штампов вида (5), стандартных моделей развертывания бытового диалога с применением описанных техник, — и его анализ в обозначенном ракурсе с целью последующего предъявления аудитории.

Впрочем, один способ избежать КН описанных типов все же существует. Рецепт давно сформулирован М. А. Булгаковым: «Никогда не разговаривайте с неизвестными». И с малоизвестными или непредсказуемыми, добавим от себя, — тоже. Правда, жизнь в этом случае станет такой же безнадежно пресной и невыразительной, как если бы все население Земли в один прекрасный день договорилось никогда не отступать от максим, сформулированных П. Грайсом. В. В. Набоков в этом случае, вероятно, сказал бы: «Мир снова томит меня бессмысленностью и пустотой»...

Раздел II

**Национально-культурная
специфика толерантности
и проблемы языковой политики**

Арто Мустайоки

Толерантность в государственной языковой политике и коммуникации

Вопрос о проявлении толерантности в языке имеет много аспектов. Я рассмотрю два из них: отношение к разным языкам на политическом, государственном и на личном, человеческом уровнях. Первый аспект будет проанализирован на конкретном примере — описании положения разных языков в Финляндии. Что касается второго, то он будет представлен в виде опыта классификации разных случаев, а также в виде некоторых наблюдений, связанных с отношениями русских и финнов к людям, говорящим на отличающемся от их собственного языке.

Язык и государство

Вряд ли в современном мире существует государство, все граждане которого говорят только на одном языке. Поэтому в каждой стране на разных уровнях административных и политических решений необходимо определять статус разных языков. Эта необходимость отражается в законах, постановлениях и практических действиях по поводу того, какой язык или какие языки являются «полноправными», а каким языкам предоставляются частичные права на существование. Подобные решения оказывают огромное влияние на то, какие языки останутся на Земле в будущем. Любопытный фоновый факт приводит Сюзанна Ромэн, утверж-

дая, что менее 4 % языков мира вообще имеют какой-либо официальный статус в странах, в которых на них говорят (см.: [Romaine 2002]).

В целом языковая политика страны проявляется во множестве форм. На положение разных языков влияют, в частности, следующие факторы:

- На каком уровне законодательства определяется положение языков (конституция, закон, постановление)?

- Является ли выбор языка индивидуальным решением человека или он определяется региональным принципом?

- Имеют ли носители языков меньшинств государственные советы для решения своих проблем?

- Существует ли у человека право говорить на родном языке при обращении к властям? И если нужен переводчик, кто платит за него?

- Сохраняется ли право говорить на родном языке в других коммуникативных ситуациях?

- Имеют ли люди право на фамилию, название фирмы или местности на родном языке?

- Какой язык используется в административных органах?

- Какие требования предъявляются к владению языками для государственных и муниципальных служащих?

- Существует ли закон, запрещающий дискриминацию на основе родного языка?

- На каком языке ведется обучение на разных уровнях образования? Если государство или город не предоставляют возможности обучаться на родном языке, может ли это компенсироваться образовательной деятельностью отдельных граждан или общественных организаций?

- Как реализуется «видимость» сосуществования разных языков: используются ли языки на вывесках, указателях и в прочих информационных источниках?

- Сколько и какой официальной информации существует на разных языках?

- Как особенности разных культур учитываются в обучении?

- Проводятся ли исследования, касающиеся разных языков и их положения?

- Как решены проблемы соблюдения норм культуры речи на разных языках?

• В какой мере допускается существование разных культурных и образовательных структур и как финансируется их деятельность? Существуют ли теле- и радиопередачи (специальные программы) на разных языках?

Подавление языков или, точнее говоря, дискриминация, ведущая к их исчезновению, считается неотъемлемым компонентом колонизации (ср. [Mufwebe 2002]). Серьезность языковых проблем проявляется в ставшем устойчивым словосочетании *языковая война*. Действительно, вряд ли можно преувеличить значение языка для самочувствия индивидуумов и целых народов. Несомненна также огромная роль полноценного владения языком школьного образования для хорошей успеваемости и интеллектуального развития ребенка.

Языковой политике и положению языков в разных странах посвящено немало публикаций (см. литературу в [Shiffman 1996; Skutnabb-Kangas 2000]). Для самых «бессильных» в борьбе за существование языков введен особый термин — *языки под угрозой* (endangered languages). Открыт веб-сайт Европейского бюро малоупотребляемых языков при Европейском Совете (www.lingualia.net). Там дается информация о языках, носители которых составляют меньшинство в какой-либо из стран Европы. В число этих языков входит и русский.

Официальным проявлением языковой политики какого-либо государства является юридический статус языка, утвержденный законодательством. Однако, как показывает Ромэн [Romaine 2002] на основе многочисленных примеров, охватывающих все континенты мира, прогрессивные законы не всегда гарантируют сохранение языков меньшинств. Многое зависит от того, как эти законы реализуются на разных уровнях администрации и официальных контактов. Большое значение имеют также, как легко понять, семейные условия: какой язык используется в ежедневных бытовых разговорах носителями этих языков.

После общих рассуждений перейдем к рассмотрению языковой ситуации в Финляндии. Почти для 93% пятимиллионного населения Финляндии финский язык является родным. Это весьма высокий показатель. Среди стран ЕС только в Греции доля говорящих на одном и том же языке больше. Такое прочное и убедительное положение финского языка привлекает внимание и тем, что, собственно говоря, история финского языка как государственного не

такая уж долгая, несмотря на то, что первая финская азбука появилась еще в 1543 г. Дело в том, что в тот период, когда Финляндия была частью Швеции (до 1809 г.), финский язык не имел официального статуса, а был только языком финского народа. Шведский язык был также языком образования; это касалось и единственного в то время университета на территории Финляндии. Правда, в нем преподавание велось в основном на латыни. Доля финноговорящих составляла в начале XIX в. 22 % от всего населения Швеции (см. [Mantila]).

Статус государственного финский язык, наряду со шведским, получил только в 1863 г., когда Финляндия была Великим княжеством Российской империи. Во второй половине XIX века возникли первые финские гимназии и в университетах стали читать лекции на финском языке. Только тогда в финском языке появились такие абстрактные слова, как *tiede* (наука) и *taide* (искусство). Любопытно, что финскому языку был предоставлен статус государственного языка благодаря деятельности шведскоговорящей интеллигенции, представители которой считали, что для процесса развития самостоятельности страны необходимо уважение к финскому языку и культуре. Известному финскому государственному деятелю XIX века А. Арвидсону принадлежит высказывание, которое до сих пор повторяется в финских школах: «Мы не шведы, русскими не хотим стать, будем финнами».

С тех пор государственными языками Финляндии стали шведский и финский. У этих языков равные права. Есть лишь одно исключение на государственном уровне: Аландские острова составляют автономную губернию, единственным языком которой является шведский. Есть и другие любопытные детали. Например, во всех финноязычных университетах студенты могут отвечать на экзаменах и по-фински, и по-шведски, а в шведскоязычном университете города Турку студентам не разрешается отвечать по-фински. Если в городе или муниципальном округе доля людей, говорящих на одном из этих двух языков, превышает 8 % или их больше 3000, он считается двуязычным. Это означает, что все официальные документы, уличные знаки, надписи должны быть даны на двух языках. Из 450 муниципальных округов 44 являются двуязычными; 19 — одноязычными шведскими; остальные — одноязычными финскими. Из шведскоязычных почти все округа находятся на Аландских островах. К этим фактам присоединим одно

интересное исключение: самый западный на материке Финляндии муниципальный округ Корснэс (Korsnäs) является «самым шведскоязычным муниципальным округом мира»: из его 2200 жителей 98 % говорят на шведском языке как родном. Даже в Швеции невозможно найти город или округ с такой высокой долей шведскоговорящих.

Все финские дети должны изучать в школе шведский язык. Это вызывает, естественно, протест, особенно на востоке Финляндии, где многие люди ни разу в жизни не видели человека, говорящего по-шведски. Необходимость изучения шведского языка обосновывается и тем, что его знание необходимо для сотрудничества северных стран. Действительно, до сих пор на многих заседаниях и встречах между представителями северных стран говорят на *skandinaviska* («скандинавском» языке). На практике это означает, что шведы, норвежцы и датчане, языки которых так же близки, как русский, украинский и белорусский, говорят на своем родном языке, а финны (и исландцы) — по-шведски. Финны никогда не называют людей, живущих в Финляндии и говорящих на шведском языке как на родном, *шведами*. Для них есть особый термин — *suomenruotsalainen* («швед Финляндии»). О *suomenruotsalaiset* иногда говорят, что они — самое привилегированное меньшинство в мире.

В ряде стран СНГ проблема статуса русского языка решена так, что национальный (титульный) язык является языком государственным, а русский — официальным. В Финляндии у финского и шведского — одинаковый статус: они оба являются официальными языками государства. Следующую по статусу языковую группу в Финляндии составляют языки коренного населения. В эту категорию входят:

- саамский язык;
- цыганский язык;
- язык глухонемых .

Граждане Финляндии, родной язык которых входит в число названных трех языков, имеют право получить образование на данном языке. Несмотря на одинаковый статус, положение языков весьма различно. Носителей саамского языка меньше 3000, но они живут достаточно компактно на самом севере страны. Им предоставляется возможность пройти школьное обучение на родном языке. Кроме того, от муниципальных служащих требуется знание саам-

ского языка. Сохранение языка затрудняется тем, что он существует в трех разных вариантах.

Число людей, говорящих на цыганском, больше — их около 10 000. Цыгане, однако, живут маленькими группами в разных частях страны. Кроме того, для цыган свой язык является определенного рода тайным языком, на котором они не говорят при других. Из этого следует, что нормальное школьное образование трудно осуществить на цыганском языке. Недавно вышел основательный финско-цыганоязычный словарь; составляется грамматика цыганского языка.

Глухонемых в Финляндии тоже около 10 000. Для них финский вариант языка глухонемых является родным. Как в большинстве стран, для глухонемых организуется образование на родном языке.

На фоне сказанного интересный случай представляет русский язык. Число русскоговорящих в Финляндии в последние годы быстро растет. Если в 1991 г. русских было 6500, то через десять лет — уже 31 000. Русские явно составляют самую большую группу людей, говорящих на языке, который не входит в число так называемых языков коренного населения. Носителей всех остальных языков (эстонского, английского, сомали и др.) меньше 10 000. Языки этой категории равны между собой, независимо от численности их носителей. Согласно нынешним правилам, детям, для которых эти языки являются родными, предоставляется возможность изучать родной язык два часа в неделю. Хотя статус русского языка официально равен статусу языков, численность которых невелика, на практике его положение лучше. Например, обучение родному языку организовано более систематически; есть адресная официальная информация на русском языке (одна брошюра называется по-русски достаточно интересно: *Равноправным в Финляндии — информация иммигранткам и иммигрантам*).

История русских иммигрантов в Финляндии и их языковые проблемы описаны сравнительно подробно в ряде работ: [Horn 1997; Протасова 1998; Jasinskaja-Lahti 2000; Leisiö 2001; Baschmakoff, Leinonen 2001; Протасова, Ниёмэнсиву 2002; Хямäläйнен 2003] и др. В связи с этим здесь нет необходимости останавливаться на этом вопросе более подробно. Стоит, однако, привести некоторые данные о русскоязычном населении. Доля женщин среди русских составляет 62 %, особенно много женщин в возрасте от 30 до 50 лет. Это объясняется, естественно, тем, что нема-

ло финнов женились на русских женщинах. Финское государство старается всячески помогать иммигрантам в «социализации», адаптации к финскому обществу: организуются курсы обучения финскому языку, курсы повышения квалификации и т. п. Тем не менее результаты не очень вдохновляющие: в 2001 г. 42 % русскоязычного населения не имели работы.

Положение русского языка в Финляндии заставляет задуматься, почему он уступает по значимости саамскому языку, носителем которого — только 10 % от числа русских. Языковую политику Финляндии можно объяснить прежде всего тем, что особое значение придается языкам коренного населения. Но этот критерий не вполне однозначен, поскольку понятие «коренное население» расплывчато. Ученые до сих пор спорят о том, на каком языке говорили первые жители Финляндии. Однако, без всякого сомнения, среди них не было цыган. Можно предположить, что и саамский язык требует особой защиты, поскольку нет страны, в которой он был бы самым распространенным языком. Кроме того, саамский язык входит в финно-угорскую группу языков. Правда, число носителей саамского языка (или, точнее, какого-либо из его вариантов) в Норвегии и Швеции намного больше, чем в Финляндии.

Мне кажется, что суть языковой политики Финляндии трудно оценить антропоцентрически — с точки зрения носителя того или иного языка. Речь идет о другом, а именно о правах языков: особой поддержки и охраны требуют языки, которые находятся под угрозой исчезновения. Русский язык, к счастью, к ним не относится.

Язык и индивидуум

Проблема «язык и индивидуум» многоаспектна. В частности, стоит задуматься: на каком языке мы говорим с людьми, чей родной язык отличается от нашего. С проблемой толерантного отношения к языку на личностном уровне мы сталкиваемся прежде всего тогда, когда рассматриваем отношения людей «своих» к людям «чужим», говорящим на другом языке. На шкале «свой (наш) — чужой» можно различать географический и языковой планы. В плане географическом «нашей» стране противопоставляются другие, «чужие» страны, т. е. все зарубежные, а в языковом плане мы имеем дело с разными отклонениями от «правиль-

ного» варианта нашего языка в зависимости от того, кто говорит. На основе этих критериев определим типы языковых личностей, отметив, что данную типологию можно использовать как тестовый материал для рассуждения по поводу толерантного отношения к «чужим» языкам:

1. Носитель «своего» языка, но не «нашего» его варианта:

- эмигрант₁: носитель «нашего» языка, живущий за рубежом, говорящий на нашем языке с легким акцентом; это обычно человек, живущий не очень долгое время в диаспоре;

- эмигрант₂: носитель «нашего» языка, живущий за рубежом, говорящий на языке, который следует считать вариантом «нашего» языка; это человек, принадлежащий уже не к первому, а ко второму, третьему поколениям, находящимся в изоляции от «своего» языка;

- носитель нелитературного языка₁: человек, говорящий на «нашем» языке, но не на литературном его варианте, а на просторечии;

- носитель нелитературного языка₂: человек, говорящий на «нашем» языке, но не на литературном его варианте, а на диалекте;

- ребенок, еще не владеющий «нашим» языком.

2. Носитель «чужого» языка, говорящий на «нашем» языке:

- носитель близкородственного языка, говорящий на своем или «нашем» языке: это наши соседи-«родственники»;

- иммигрант: носитель «чужого» языка, живущий в «нашей» стране;

- иностранец, говорящий на «нашем» языке.

Цель дальнейшего рассуждения — сопоставить отношение русских и финнов к разным категориям людей, говорящих на «нашем» языке не так, как мы. Необходимо подчеркнуть, что описание основывается на несистематических (но многолетних) наблюдениях автора, а также на дискуссиях с коллегами. В связи с этим оно требует дополнительных подтверждений. В характеристиках коммуникативного поведения используются данные, известные по работам И. А. Стернина [2001а, 2003 и др.]. В каждом народе можно, естественно, найти людей с противоположными взглядами и мнениями. В нашем описании мы должны довольствоваться некоторой общей типизацией носителей языка.

Эмигрант₁, эмигрант₂

Русские: пониженная толерантность, серьезное отношение к «чужому».

Русские относятся к русским эмигрантам в целом положительно. Однако акцент в их речи может вызывать отрицательные эмоции: «переехали за границу и еще язык теряют». В том случае, если эмигрант говорит на ломаном русском языке, например на таком, в котором склонение и спряжение слов сильно искажены (ср., например, [Polinsky 1997: 370–407]), возможно просто пренебрежительное отношение: «совсем испортили язык, образованный человек такого не может себе позволить». Объяснение, согласно которому такая речь представляет уже другой вариант русского языка, не радует, а скорее раздражает русского, говорящего на «правильном» русском языке.

Финны: нейтральная толерантность, «чужое» принимается с юмором.

Финны относятся к обоим типам эмигрантов достаточно спокойно, без особых эмоций. Устаревшие слова и архаические конструкции могут вызывать улыбку, но вряд ли раздражение. Правильность не является для финнов особенно важным свойством языка. Если эмигранты₂ постепенно создают себе свой вариант финского языка, это принимается как любопытное явление.

Носитель нелитературного языка: представитель просторечия

Русские: низкая толерантность, пренебрежительное отношение к отступлениям от нормы.

У русских (особенно у русской интеллигенции) сильно развито чувство нормы языка. Люди разделяются на две категории в зависимости от того, являются ли они носителями литературного языка или не являются. Различие их в том, что если носитель литературного языка допускает в своей речи ошибку, произнося ненормативное выражение или слово, он делает это намеренно, а носитель нелитературного языка не знает, как следует говорить согласно кодифицированной норме. Отрицательное отношение к ненормативной речи долго сказывалось и на научных исследованиях по русскому языку. И сейчас еще российские ученые (см., например, [Голев 2003; Лебедева 2003]) считают необходимым подчеркнуть, что все формы языкового материала вызывают их интерес.

Финны: высокая толерантность, терпимость, принятие вариантности.

В финской лингвистической традиции нет понятия «носитель литературного языка». Считается, что вариативность в языке обус-

ловлена особенностями разных речевых ситуаций, а не является постоянным свойством говорящих. Отличие от русской традиции можно объяснить двояко. Мы имеем дело: 1) с разными фактами, с разной социолингвистической ситуацией; 2) с разными интерпретациями одной ситуации. Мне кажется, что и то, и другое верно. Демократизация общества в Финляндии дошла до того, что в степени владения людьми родным языком нет больших различий. Большинство людей читают одни и те же газеты и журналы и смотрят одни и те же телевизионные программы. С другой стороны, финские лингвисты уже давно подчеркивают, что их интересует язык в таком виде, в каком он существует во всех его вариантах, без учета нормативности или ненормативности. В целом у финнов отмечается высокая толерантность к разным формам языка. Однако это не значит, что все явления современной речи, например обращение на *ты* («тыканье») в ситуации обслуживания, приветствуются всеми носителями языка.

Носитель нелитературного языка: представитель диалекта

Русские: пониженная толерантность.

Во всех языках существует определенная иерархия диалектов: одни имеют более низкий статус, чем другие. Русские, кажется, чаще одобряют некоторые черты южных диалектов, чем, скажем, оканье. В целом отношение русских к диалектной речи скорее отрицательное, чем положительное, особенно если на диалекте говорит человек, занимающий высокий пост в обществе.

Финны: смешанная толерантность, одобрение / неодобрение диалектного в зависимости от ситуации.

В Финляндии отмечается разная степень одобрения диалектной речи. В большинстве случаев, однако, лицам, занимающим высокие посты в обществе, не следует в публичной речи использовать диалект. Одновременно наблюдается ренессанс диалектов и городских сленгов. На часть диалектов переведены Библия и некоторые комиксы. Персонаж романов или телевизионных сериалов может говорить на диалекте. В нейтральную речь иногда вставляют заимствования из диалектов. Автор большого словаря сленга города Хельсинки профессор Хейкки Паунонен был удостоен государственной премии.

Ребенок

Русские: повышенная толерантность, менторство.

Русские, как правило, относятся к детям с большой заботой. Забота касается и языка. Ошибки ребенка, как правило, исправляются, причем это могут делать не только родители.

***Финны:** повышенная толерантность, невысокий интерес к чистоте речи.*

Финны, особенно финки, активно исправляют речь своих детей, однако они весьма редко вмешиваются в то, как говорят другие дети, независимо от того, имеются ли с ними родственные связи.

Носитель близкородственного языка

***Русские:** пониженная толерантность, раздражение, вызванное чувством превосходства.*

Для русских самые близкие «родственники» — украинцы и белорусы. Поскольку русский язык является «большим» языком, эти соседи, представители менее значительных языков, должны были бы говорить не на своем, а на «нашем» языке, и без специфического акцента. Здесь положение белорусов и особенно украинцев типичное: если они говорят на своем языке, это плохо, а если они говорят по-русски с акцентом, это тоже оценивается негативно.

***Финны:** пониженная толерантность, раздражение, вызванное чувством превосходства.*

Несмотря на то, что финский язык нельзя считать мировым языком, каким является русский, тем не менее иногда финны демонстрируют чувство превосходства по отношению к эстонцам. Финны полагают, что эстонцы должны были бы говорить и понимать по-фински. Есть и другое отношение к эстонскому языку, вызванное тем, что его звуковой облик кажется финнам забавным. К счастью, взгляды финнов на эстонский язык и Эстонию изменяются: становятся толерантнее.

Иммигрант

***Русские:** пониженная толерантность, раздражение.*

Русские относятся к иммигрантам, живущим в России, в целом отрицательно. Естественно, здесь могут быть разные варианты в зависимости от того, в какую этническую группу иммигрант входит и как долго он живет в России. Общее мнение гласит: «Раз они живут в России, они должны и говорить по-русски так, как мы».

***Финны:** смешанная толерантность, озадаченность, растерянность.*

У финнов можно встретить такое же отношение к иммигрантам, как и у русских, но оно касается культуры и быта, а не языка. Раньше финны практически не слышали свой родной язык из уст иммигрантов, поскольку последних было очень мало, и даже они долго не говорили по-фински. Кроме того, только в последние годы иммигранты утверждают себя в общественных формах общения: выступают по радио, в телевизионных передачах, на разных заседаниях. Очевидно, отношение к таким людям по шкале толерантности неопределенное. Скорее всего, скованность финнов в подобных ситуациях вызвана тем простым фактом, что у большинства из них мало опыта общения с человеком, для которого финский язык не является родным. В начале разговора финн чувствует себя озадаченным, растерянным, а если разговор продолжается долго, финн ощущает усталость.

Иностранец

Русские: высокая толерантность, терпеливое отношение к плохому владению русским языком.

Если к иммигрантам русские относятся не очень толерантно, то их отношение к иностранцам, говорящим по-русски, прямо противоположно. Русские терпеливо слушают неверное произношение иностранца, помогают ему, когда тот ищет подходящие русские выражения, не обращают внимания на бесконечные ошибки. Иностранцу иногда кажется, что русский благодарен ему даже за умеренное владение русским языком.

Финны: смешанная толерантность, озадаченность, беспомощность.

У финнов отношение к иностранцам, говорящим по-фински, приблизительно такое же, как и к иммигрантам. Финны удивляются тому, что иностранец вообще говорит по-фински. Чаше всего в такой ситуации финн сразу переходит на английский язык. Он думает, что ведет себя вежливо, что иностранцу будет легче говорить по-английски. Иностранцы же жалуются на то, что финны не дают им возможности упражняться в общении по-фински.

Я еще раз хочу подчеркнуть, что приведенные данные основываются на личных наблюдениях и дискуссиях с коллегами. Факты, естественно, требуют более тщательного анализа. Уже давно доказано, что географический и социальный диалекты влияют на то, какие характеристики мы приписываем говорящему (см. об

этом: [Ерофеева 1994; Китайгородская, Розанова 1999; Карасик 1992; Крысин, 2000, 2001; Пауфощима 1989; Сиротинина 1998; Современный русский язык 2003 и др.]), как суд относится к разным своим «клиентам» [Виноградова 1993; Шевченко 1983], как учителя оценивают учеников [Ладыженская 1998; Михальская 1998; Педагогическая риторика 2001], и даже на то, какие диагнозы ставят врачи [Бейлинсон 2001; Иванчук 1998; Миллз 2000]. Мне кажется, для изучения проблем толерантности есть потребность в такого рода систематических наблюдениях. Необходим также анализ конкретных речевых ситуаций общения между людьми с разными родными языками. Интересный пример такого рода исследований представляет недавно защищенная диссертация Саллы Курхила [Kurhila 2003] о разговорах между финнами и иностранцами, говорящими по-фински.

В заключение хочу обратить внимание читателя на подход к описанию разных групп носителей рассматриваемого языка. Дело в том, что в исследовании «своего (нашего) и чужого» я исходил — сам не замечая этого — из наблюдений над особенностями коммуникации людей своего языкового круга. В поле исследовательского внимания оказались те финны и русские, которых я знаю и с которыми я общаюсь. У них (нас), естественно, есть свое представление о «чужом» мире. Но это представление именно как о мире чужом, который не воспринимается как свой (т. е. правильный, нормативный). Это — естественная ситуация, но в ней кроется и зародыш интолерантности, причина частого непонимания чужого.

Иоанна Кожневска-Берчинска

Польская толерантность в интерпретации современных мыслителей

Толерантность — одно из самых модных понятий в современном гуманитарном дискурсе; можно даже рискнуть высказать мнение о том, что это понятие-стержень, ибо лишь его наличие гарантирует диалог, взаимопонимание, отсутствие или, по крайней мере, снижение уровня агрессивности и т. п.

Исходя из лексикографических интерпретаций, бытующих в польской культуре, толерантность — это *либерализм по отношению к чужим мнениям, верованиям, снисходительность по отношению к чьему-либо иному поведению* (Słownik... 1995). Тишнер воспринимает толерантность как *интегральную составляющую христианских ценностей*, отождествляя ее с уважением свободы совести [Tischner 2002:188]. В социополитическом аспекте толерантность — это *одна из основных ценностей открытого общества, гарантирующая плюрализм мнений и обычаев, уважение чужих убеждений и вкусов, связанных с личностным жизнеустройством. Согласно 32 статье Конституции Польши, все обязаны уважать права и свободы других* [Zieliński 1999].

Для того чтобы представить проблематику, связанную с современной польской толерантностью, целесообразно напомнить, что в XVI–XVIII веках Польша славилась этой добродетелью и данный факт акцентируется в мировой литературе по названному вопросу. Польская толерантность опиралась, в основном, на свободу совести, и поэтому Польша считалась «уютом для иеретиков»,

а также безопасным пространством для национальных меньшинств. Однако в эпоху триумфа контрреформации толерантность воспринималась уже как недостойная упоминаний особенность истории Речи Посполитой (см.: [Tazbir 1997:149]). Почти 150-летний период утраты независимости в результате разделов Польши, естественно, не мог способствовать даже формальному наличию толерантности в общественно-политической жизни. В сложные годы большей или меньшей политической зависимости от СССР (1945–1989) на первых порах понятие толерантности исчезло из польского общественного сознания, а после нашего Октября 1956-го надо было сызнова изучать ее азы. В результате «бархатной революции» 1989 г. было ликвидировано цензурное засилие, настало время духовных (и не только!) исканий, вызванных осознанием истины: толерантность, с одной стороны, высшая ценность и необходимость, а с другой — труднейшее испытание. Необходимость быть толерантным нередко оказывается для человека тяжелой ношей. Возникает болезненное противоречие между осознанием неминуемого и практической недостижимостью осознаваемого. Поэтому, как можно отметить, в современном польском культурном пространстве витают красивые и разумные слова о толерантности, которые, сталкиваясь с реальной действительностью, оказываются набором пустых и фальшивых предписаний.

Не удивительно, что в размышлениях современных польских приверженцев толерантности превалирует критическое осмысление тех факторов, которые ее умертвляют. Имеется в виду аура «всеприсутствующей» агрессивности, нежелания ни слушать, ни, тем более, — вслушиваться в суть того, что говорят другие, когда важнее всего оказывается жажда пропагандировать любой ценой свое мнение [Pietrasik 1995].

Сегодня польская специфика в области толерантности становится индикатором интеллектуальной деятельности мыслителей, которые сосредоточивают свое внимание на трех вопросах. Первый вопрос имеет более теоретический, обобщающий характер, и в конечном счете напоминает о толерантности как о главном условии успешности диалога — основы публичной (и не только!) коммуникации. Второй, более детальный и конкретный вопрос, относится к характеристике польского посткоммунистического пространства, густо «заселенного» разнообразными носителями нового единственно правильного учения, которое, разумеется,

признается единственно истинным. Таким образом, лагерь властвующих деградирует. <...> Здесь ведутся диспуты, четко изолированные от противоположных мнений и контраргументов. В аспекте чисток и индоктринации — это феномен сталинского толка: исполненный раболепия конформизм, психоз бесконечных расчетов с прошлым, торжествующий всюду дух возмездия [Wasilewski 1995:80]. Итак, в польском социополитическом пространстве мы имеем дело с безответственным применением слов: Слово «толерантность» слышится часто от людей, которым только кажется, что они наделены этой уникальной демократической добродетелью. Есть среди них «дежурные моралисты», признающие единственно правильной лишь собственную ценностную систему. Любой из тех, кто рассуждает и поступает иначе, провозглашается ими заклеянным врагом единственно правильного учения [Zieliński 1999].

Общественная жизнь зиждется на диалоге, ибо реляции «я» и «ты» предопределяют возможность нашего существования, нашей социальности. Неопровержим тот факт, что отношение человека к миру непосредственно зависит от взаимоотношений между людьми. В ситуации, когда человек становится врагом для ближнего, его мир преобразуется в поле боя [Tischner 2002:186]. В шуме битвы невозможны взаимопонимание, способность слышать друг друга, а значит, и диалог, который вместе с тем является ключом, перспективой, постоянным выбором [Tischner 1993:117]. Восприятие даже глубоко чуждой нам мысли — еще одно условие успешности речевого акта: Когда я отвечаю <...> значит, я услышал, что кто-то обратился ко мне со словом <...> которое есть знак другого (иного). И оно во мне звучит [Tischner, Żakowski 1997:7]. И панорамически, а также сугубо образно: Диалог обозначает, что люди вышли из укрытия, приблизились друг к другу, стали обмениваться мнениями. Начало диалога — это выход из укрытия, это большое событие. Надо ведь высунуться, переступить порог, протянуть руку другому, найти место взаимопонимания, которое уже не будет убежищем, в котором человек остается наедине со своим страхом, но местом встречи, началом какой-то общности [Tischner 1992:25].

Как можно предположить, под влиянием внешних стимулов польские мыслители напоминают еще и о других условиях, улучшающих взаимопонимание. Имеется в виду умение «вникать» в чужую для нас мысль, причем необходимо признать, что партнер

разговора всегда в чем-то прав. Никто не скрывается в убежище без оснований, всегда есть для этого какие-то причины. И эти причины надо узнать [Tischner, Żakowski 1997a:20]. Тем более что *то, что другой говорит обо мне, всегда заключает в себе долю правды* [Tischner 2000:64]. С этой идеей совпадает напоминание сути новой заповеди, рожденной под влиянием глухой агрессивности. Эта заповедь сегодня должна овладеть каждым: *Будешь понимать своих недругов. Ты должен осознавать, что твой недруг может сказать слово правды именно о тебе* [Tischner 2000: 62].

Приведенные выше, а также многие сходные мысли определяют á rebours границы польской толерантности. В представленных ниже рассуждениях мы предлагаем следующую триаду: свобода (совести) — свойства национального и «общечеловеческого» характера — уровень взаимопонимания. Составные компоненты триады помогают выделить уровни польской толерантности, формы и особенности польского диалога.

Речь идет о *новых носителях единственно правильного учения, или о польском антикоммунизме*. Если мы согласимся, что свобода совести — это не только ценный и одновременно щедрый дар, но также неимоверные страдания, связанные с необходимостью автономных выборов, решений, то сказанное не относится к сонмам поляков, не знающих сомнений. Они твердо уверены в том, что фундамент миропорядка построен на гармонической диаде «мы — они»: «мы», т. е. наделенные самыми положительными качествами, «мы», которых все обязаны слушать с благоговением; «они», т. е. любые инакомыслящие, которые достойны лишь презрения, ненависти и т. п. Тишнер иронически отмечает, что постоянной категорией польской восприимчивости является убежденность: *Существуем «мы» и «они», есть «наши» и «не наши». Между нами и ними пропасть. Мы готовы общаться лишь с теми, кого можем признать «нашими»* [Tischner, Żakowski 1997a:33]. Внешним симптомом отсутствия толерантности является эмфаза: «мы» произносится не для того, чтобы отличиться от других, но для того, чтобы клеймить, дискредитировать «их». Такие крайне нетерпимые и слепые «установки» рождены особой ментальностью довольно многочисленной прослойки людей, которые питаются осуждением, возмущением, настаиванием, угрозами [Tischner, Żakowski 1997a:48]. И очень резко: *В новом польском хаме отсутствует уважение чужой жизни. Мир создан лишь для того, чтобы демонст-*

рировать его, хама, существование <...> он не знает сомнений, ему абсолютно все известно, он не нуждается в информации [Pietrasik 1995].

Вольф-Повенска считает, что люди с подобным менталитетом, отказывая индивидам в своей идеологии, в собственных убеждениях, играют роль общеизвестного Инквизитора [Wolf-Powęska 1999]. Это самые настоящие фундаменталисты, которые с яростью навязывают другим свою безальтернативную концепцию добра и зла [Tischner 1997: 76]. Как правило, это воинствующие антикоммунисты (в том числе «апостолы» радикального и шумного крыла католического костела). Они жаждут мести, питаются ненавистью, и неспособны прощать, а таким образом, — и вести диалог с любыми инакомыслящими. Они признают завет *не убий ближнего своего*, но вместе с тем уверены, что ближний — это лишь человек с кожей, подобной моей, с тождественными моим убеждениями, с моей формой носа [Tischner, Żakowski 1997: 142]. Ими управляет непреодолимое желание навязать ближним свое видение — понимание добра. К названной многолюдной прослойке принадлежит большинство польских католиков, не исключая иерархов. Все они уверены, что у них в раю будет свое особое место, отгороженное могучей стеной от всех остальных — недостойных во всех отношениях. Нашим католикам для полноты счастья необходима убежденность, что они единственные обитатели рая [Tischner, Żakowski 1997: 193]. Такие особи не применяют и не принимают аргументов, им свойственно стремление к универсальной и неопровержимой сакрализации мира [Tischner 1993: 24], даже вопреки, и вообще — любой ценой. Тишнер называет их религиозными активистами, сыщиками демонов, евангельскими голубями мира; их нахальное присутствие в общественной жизни он именует диктатурой благонравных. Они руководствуются взглядами, которые адекватно выявляет метафора: *Сначала закрываются двери перед вопросами, а потом перед носом самих сомневающихся* [Tischner 1993: 8]. В их мировоззрении превалирует ханжество: *чтобы защитить святость, они готовы бросить камнем в человека* [Tischner 1993: 169]. К числу «одаренных» таким миро- и «человековосприятием» принадлежат многие «духовные пастыри», а также носители правой идеологии. Им недоступно мышление без опоры на образ врага. Приемы выявления врагов у них на высшем профессиональном уровне. Такого типа католики оказались в авангарде

алчущих декоммунизации, в авангарде изобилующей всеми признаками мстительности нетолерантности; это продолжение внутреннего коммунизма [Tischner 1993: 196].

Подобные ментальные явления метко обобщает А. Валицки: моральный абсолютизм, который пользуется принудительными средствами; офенсив правого национализма, сопряженного с «политическим католицизмом»; теоретический догматизм и идеологический фанатизм; воинствующий антикоммунизм. Иначе об этом говорят: антитоталитарный крестовый поход, в котором неопровержимым является однозначное деление на «добро» и «зло», в котором обязывает единственно правильная точка зрения, нетолерантность. Теперь наблюдается лишь одно добро, а тогда, при социализме, было одно зло. Таким образом, антитоталитаризм есть идеальное воспроизведение тоталитарной ментальности [Walicki 2000: 111]. Резюмируя подобные наблюдения, Валицки воспринимает Польшу как страну селективной толерантности <...> страну, в которой люди очень нетерпимо реагируют на любое нарушение определенного консенсуса. По этой причине расторгаются дружеские узы, применяется психологическое давление с целью элиминации некоторых взглядов, а также подвергаются остракизму носители «чужих идей» [Walicki 2000: 118].

Поляков, для которых характерен такой способ мышления, А. Михник называет *homo sovieticus*, человек такого типа считает святой обязанностью выявление и уничтожение тех, кого он считает противником частных (собственно его) святынь. <...> Он не умеет критически анализировать догмы собственного мышления [Michnik 1995: 624]. И в дополнение образа: *Homo sovieticus* — это приверженец теории сплошных заговоров, манихеизма. Это традиционалист с авторитарными наклонностями, страдающий ксенофобией. Мне хочется сказать, что это воскресший и приказавший долго жить вампир довоенного национального католика. В коммунизме он нашел свою экологическую нишу, он в ней прожил как ни в чем ни бывало, и сегодня ведет активную и крикливую жизнь [Michnik 1995: 161, 162]. В такой социопсихологической ауре любые сторонники левого толка — достойные презрения отщепенцы, а правые — самые настоящие, «законные» патриоты. Причина сказанному — это слепящая, маниакальная ненависть к вчерашнему. В свободной от «оккупантов» Польше нет атмосферы для подлинного диалога. Не может ведь быть речи о доброже-

лательном взаимопонимании между гонителями и гонимыми» [Wasilewski 1995: 25]. Кстати, этих последних Василевски именует *бесноватыми ошеломами*, в современном польском языке функционирует еще синоним *настоящие поляки*.

В свете вышепредставленного анализа лишь в категориях декларативности и благих пожеланий можно рассматривать императив *Нет толерантности для нетолерантности*. Для поляков наиболее существенным жизненным вопросом является *толерантность*. Она есть средство минимализации насилия, а также любого принуждения. <...> Никто не имеет права оценивать, осуждать и предопределять жизнь граждан [Czarniecki 1996]). В соответствии с опытом польской социополитической жизни можно сказать: *Попытка навязать всему обществу одну-единственную мораль тождественна попыткам ввести тоталитарный строй. Вместе с тем демократия — это релятивизм и разнообразие ценностей, плюрализм всевозможных взглядов (миропонимания), в том числе — моральных заповедей* [Łętowska 1997]. Еще мнение ученого-юриста: *Сегодня довольно много приверженцев взгляда, согласно которому отрицается право людей ушедшего режима выражать свои чувства и политические убеждения. <...> Огромным оказывается пространство нетолерантности, которая разделяет поляков на общей политической сцене* [Zieliński 1999]. Еще более категорично мнение Л. Колаковского, выраженное в статье под симптоматичным заглавием «*Партия-Религия и Религия-Орудие*»: *Любой из тех, кто считает, что он является монопольным обладателем правды и может терпеть инакомыслящих лишь как неизбежное зло, является учеником школы ленинизма-сталинизма, независимо от того, какого цвета его правда* [Kołodowski 1991].

Согласно такому видению вещей, можно быть уверенным, что надо остерегаться тех, кто под предлогом борьбы со злом и мракобесием навязывает людям приобретение вместо ушедшей идеологии нового «светлого» фундамента. Они есть мессии более опасны для толерантности, чем явные «администраторы душ», которые открыто пропагандируют веру в абсолютную истину [Kołodowski 1997: 30].

Подытоживая сказанное, можно процитировать обобщающее высказывание Э. Лентовской, которое актуально по сей день, ибо национальное предопределено вековой ментальной традицией и меняется в последнюю очередь: *Все или ничего. Кто не с нами, тот*

против нас. Белое-черное. Двухполюсность мировидения, нежелание одобрять «иность», стремление преувеличивать различия, и, одновременно, — неумение замечать то, что объединяет, а также ожидание от потенциальных и реальных союзников «декларации исключительности» чувств и действий — все это назойливо присутствует в нашей социополитической жизни. В результате: потерянные шансы, неиспользованные возможности, отсутствие умения находить положительные элементы даже в проигрыше, а ведь можно иначе... [Łętowska 1997].

Представленные рассуждения приводят нас к третьему вопросу — о границах толерантности. Напомним, что Вольтер был готов отдать жизнь за право других высказывать мнения, против которых он всегда боролся. Противоположный полюс намечает смысл современного анекдота об индивиде, толерантном до такой степени, что он готов расстрелять всех нетолерантных.

Современные российские мыслители выделяют (вслед за Бердяевым) «шараханье» как сугубо русское национальное свойство. На основе не только многолетних исследований, но и наблюдений, можно утверждать, что поляки обитают сегодня между Сциллой нетолерантности (прежде всего тех, у кого власть) и Харибдой «сверхтолерантности», определяемой адекватно посредством архетипа «нарушение приватности», которым злоупотребляют на каждом шагу. Хочу сказать о ситуации в польской школе, где ученик имеет все права, а работники надзора нацелены на борьбу с «метастазами репрессивной системы», обнаруживают болезненное опасение нарушить чувства собственного достоинства учащихся. Подобные установки обоснованы также буквальным пониманием современных рыночных лозунгов, согласно которым обучение — это лишь товар, а учитель является всего лишь рядовым работником сектора обслуживания. Масс-медиа культивируют моду на либерализацию, повсеместно внушая, что ученик в школе и его родители важнее учителя. Таким образом, школой практически управляет ученик, а молодежь стремится воспитывать взрослых.

Если не восторжествует равновесие, польское общество обречено в будущем на последствия бесстрессового воспитания. В этой связи полезно напомнить о парадоксе К. Поппера: *неограниченная толерантность ведет к ее атрофии. Если «обнимем» толерантностью даже нетолерантных, то толерантные будут уничтожены, а вместе с ними исчезнет толерантность* [Popper 1993].

Ключом для понимания вышеназванной, а также многих других «близкородственных» аномалий является рефлексия Оссовской — этика с мировым именем: *В моральной сфере границы толерантности тождественны границам чужих прав* [Ossowska 1970: 184]. Казалось бы, границы определены предельно точно, но ощущение их непреодолимости чуждо не только архитекторам польского современного жизненного уклада. Нарушение границ толерантности издавна принадлежит к любимым действиям поляков. Останавливаются лишь люди с «работоспособной совестью».

В заключение желательно напомнить, что *потенциал нетолерантности хранится в каждом из нас, ибо сильно желание навязать другим свой образ мира; мы хотим, чтобы все верили в наших богов, ибо тогда мы чувствуем себя духовно защищенными, тогда мы освобождены от необходимости сопоставлять «свое» с «чужим»* [Kořakowski 1997: 42]. Следует отметить, что сопоставление, однако, неизбежно, хотя бы из-за того, что оно заложено в человеческой натуре. Здесь можно рассчитывать лишь на некоторую долю самокритичной сдержанности в ниспровержении «чужого» и восхвалении «своего».

Итак, сегодня мы обречены на самостоятельный выбор, а это для общественности, которая вдруг стала свободной, становится труднейшей дилеммой. Мы, поляки, прекрасно умеем бороться за свободу, но испытываем огромные трудности в ситуации, когда ее надо использовать на практике (ср.: [Kořakowski 1997: 42]).

Д. Р. Шарафутдинов

**Толерантность и интолерантность
как приоритеты языковой политики:
современная языковая ситуация на Украине**

В последнее десятилетие на территории бывшего Советского Союза происходят серьезные политические и социально-экономические изменения, принципиально влияющие на функционирование и развитие языков, распространенных в этом обширном ареале. Распад СССР и образование вместо него ряда самостоятельных государств сделали актуальными, а подчас и политически острыми, многие проблемы языковой политики и языкового строительства. Прежде всего это вопрос о государственных и официальных языках и тесно связанный с ним вопрос о современном юридическом и фактическом статусе русского языка (государственного и официального языка Советского Союза) за пределами современной России. К этому блоку лингвополитических и лингвогеографических проблем примыкают также актуальные проблемы межнациональных и межъязыковых контактов и вопрос о средствах межнационального общения в новых независимых странах. Немаловажен вопрос о роли иностранных (в первую очередь западноевропейских) языков в жизни этих стран. Значимыми и неотложными представляются задачи юридического оформления существующего языкового состояния, законотворчества, разработки законов и других нормативных актов о языках.

Основные приоритеты культурно-языковой политики большинства новых государств далеко не всегда сочетаются с принци-

пом толерантности (исключение здесь составляют Белоруссия и Казахстан, в какой-то мере Азербайджан и Киргизия).

Решение вопроса о государственном языке — языке официальной сферы общественной жизни, на котором государство осуществляет свою внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность как субъект международного права, языке государственного управления, делопроизводства, образования, науки, крупнейших средств массовой информации — в некоторых постсоветских республиках представляет собой сложную политическую и специальную лингвистическую задачу. Во многих этих регионах значителен процент русскоговорящей части населения и в течение длительного времени реально, объективно существует ситуация двуязычия с участием русского языка, характеризующегося весьма существенным удельным весом. По разным причинам отнюдь не всегда этой реальной, фактической социолингвистической ситуации придается официальный правовой статус, предусматривающий юридическое равноправие языков. В большинстве случаев государственным становится лишь один из языков — язык «титупной» нации; русскому языку никакого официального статуса не предоставляется.

Именно таким образом сегодня выглядит языковая ситуация на Украине. В течение десятилетий в республике развивалось русско-украинское двуязычие. При этом важнейшее место в языковых контактах занимает именно русский язык: значительная часть населения страны не владеет литературным украинским языком свободно (в особенности его книжными разновидностями) и говорит либо на русском языке, либо на «гибридном» варианте русского языка, характеризующемся существенными отклонениями от стандарта метрополии вследствие сильного влияния языка украинского. Как утверждает один из ведущих современных украинских лексикологов В. В. Дубичинский, «человек, который владеет чистым украинским языком, у нас большая редкость» (здесь и в других случаях перевод автора. — *Д. Ш.*) [Дубічинський 2001: 3]. По оценкам ученого, на Украине число таких людей (к ним он причисляет филологов-украинистов, украинских писателей, журналистов, актеров театров украинской драмы, учителей школ с преподаванием на украинском языке и др.) колеблется в пределах от 50 до 500 тысяч, при общей численности населения республики свыше 50 миллионов человек [Там же]. Сложность ситуации усу-

губляется характерным для очень многих граждан Украины феноменом — принципиальным несовпадением этнической самоидентификации и лингвистической ориентации. На Украине людей, считающих себя русскими по национальной принадлежности (русских по самоидентификации), действительно, гораздо меньше, чем называющих себя украинцами (10,8 % и 56,7 % соответственно), однако говорящих на литературном русском языке, напротив, пока больше, чем владеющих украинским литературным. Особое этническое самосознание имеют так называемые «украинорусы» — лица, ощущающие себя украинцами и русскими одновременно и в равной степени (27 %). На украинском языке предпочитает говорить 65 % «украинцев»; на русском — 20 % «украинцев», большинство «русских» (89 %), «украинорусов» (70,5 %), представителей других этнических групп (71 %) [Евзеров 2000: 82] (в настоящей работе используются статистические данные, представленные в социологических и социолингвистических исследованиях: [Дубічинський 2001; Евзеров 2000; Кудрявцева 2003; Савоскул 2001]).

Украина — высокоурбанизированная страна, поэтому социолингвистические характеристики городского населения обладают особой ценностью. По результатам социологических опросов, реальное владение русским и украинским языками и использование их в городах Украины (за исключением западного региона) складывается сегодня в пользу русского языка, «хотя среди опрошенных русских более 1/3 (38 %) свободно владеют украинским языком, немногим более 1/3 владеют им средне, около 1/5 (21 %) — плохо, и 7,5 % не освоили его вообще. Но и украинцы (за исключением горожан Львовщины) говорят по-русски лучше, чем по-украински. Подавляющее большинство (89 %) опрошенных украинцев свободно владеют русским языком, из них 2/3, по их оценкам, — в совершенстве. В то же время свободно владеют украинским менее 3/4 (73 %) украинцев, а совершенно свободно — менее половины (46 %) опрошенных. Владеет русским средне каждый десятый украинец (украинский же в такой степени знают 23 %), плохо владеют русским 1 %, украинским — 3,5 %, совсем не имеют навыков, по их словам, в русском 0,2 %, в украинском — 0,5 %» [Савоскул 2001: 73].

В начале 90-х гг. специалистами были предложены два основных проекта решения языкового вопроса. Один из них предпола-

гал придать этой объективно существующей ситуации двуязычия официальный юридический статус — возвести в ранг государственных оба основных языка, используемых населением Украины. При этом сторонники проекта вполне обоснованно ссылались на опыт Швейцарии, как известно, имеющей четыре государственных языка, и на другие подобные примеры (ср. языковую ситуацию в Финляндии, особенности которой отражены в статье А. Мустайоки, опубликованной в данной монографии). Юридическое равноправие языков естественным образом может сочетаться с фактическим — по числу говорящих — преобладанием одного из них (как, например, в Канаде, где имеет место преобладание английского языка над французским, или в той же Швейцарии). Основная идея другого решения — объявить государственным только один из функционирующих языков — украинский (как язык «титულიной» нации и основного этнического компонента населения страны), а русскому языку не предоставлять статуса официального средства коммуникации. В итоге был избран второй путь. Сегодня вся официальная жизнь, все внутригосударственные отношения на Украине директивным образом переводятся на обслуживание украинским языком; это касается и тех сфер и отраслей, где такой традиции никогда не существовало.

Согласно десятой статье Конституции Украины, «государственным языком в Украине является украинский язык. Государство обеспечивает всестороннее развитие и функционирование украинского языка во всех сферах общественной жизни на всей территории Украины. В Украине гарантируется свободное развитие, использование и защита русского и других языков национальных меньшинств Украины. Государство способствует изучению языков международного общения. Применение языков в Украине гарантируется Конституцией Украины и определяется законом» [Конституция 2001: 311]. Прежде всего из текста этой статьи Конституции неизбежно следует вывод о роли русского языка в языковой иерархии: русский язык признается одним из языков национальных меньшинств. При этом Конституция наделяет русский, наряду с другими языками национальных меньшинств, представленными на территории Украины, равным с другими «малыми языками» юридическим статусом, гарантирует всем этим языкам некие равные права. Тем не менее анализируемая статья Основного закона все же содержит косвенные указания на специфическое

место русского языка среди языков Украины. Во-первых, русский язык упомянут особо и тем самым выделен в корпусе языков национальных меньшинств Украины; во-вторых, предпоследнее предложение декларирует государственную поддержку языков международного общения, следовательно, в первую очередь русского языка, поскольку именно он является мировым языком, остается основным средством межэтнического общения на Украине сегодня и, по-видимому, будет занимать эту «нишу» еще весьма продолжительное время.

Пребывание украинского языка в статусе единственного государственного в течение последнего десятилетия обуславливает функциональное перераспределение обслуживающих современное украинское общество языков и постепенное изменение языковой ситуации на Украине в целом. Прежде всего на государственный язык «переходят» структуры государственной власти, органы управления, системы среднего и высшего образования. По данным Госкомитета статистики Украины, приводимым в работе [Дубічинський 2001], к началу текущего столетия в стране функционировали тысячи учебных заведений (всего 21246). В их числе: школы с украинским языком обучения — 16032; с русским языком обучения — 2561; с румынским — 97; с молдавским — 11; с венгерским — 65; с польским — 3; с крымско-татарским — 6. В это время в некоторых областях Украины, например в Ровенской, уже не было ни одной школы с преподаванием на русском языке, а в самом Киеве оставалось лишь 9 % русскоязычных школ [Дубічинський 2001: 3]. «Школы с русским языком обучения, одновременно являющиеся в известной мере и очагами русской культуры, составляли в 1998 г. 12,1 % всех школ Украины. Напомним, что только русские, не говоря уже о миллионах других русскоязычных, составляют более 1/5 всего населения страны. Более 3/4, или 75,5 %, школ преподавали только на украинском языке, в 11,6 % школ шло обучение на двух языках. Еще показательнее данные о количестве русских школ (с обучением только на русском языке) в отдельных административных районах страны. Так, в Киеве в 1998 г. таких школ было 10. А в двух областях (в том числе в Киевской) их не было вовсе. По одной русской школе было в Винницкой, Волынской, Ивано-Франковской, Хмельницкой и Черкасской областях» [Савоскул 2001: 78]. Изучение русского языка в украинских школах начинается со второго — пятого классов, а украинского

языка в русскоязычных школах — с первого класса [Дубічинський 2001: 3]. В настоящее время проблематичность использования русского языка в украинской системе образования лишь усугубляется (см., например: [Кудрявцева 2003]). Надо полагать, что украинский язык сможет реально, а не формально (лишь на законодательном уровне) занять доминирующее положение на Украине только после качественного системного обучения этому языку детей и молодежи в течение многих лет, и власти хорошо понимают это.

При этом, согласно приведенным в публикации [Дубічинський 2001] данным, 55 % жителей Украины (а в Донбассе — 75 %) отдают предпочтение именно русскому языку как средству общения в повседневной жизни; более 80 % населения Украины считает необходимым повышение статуса русского языка; 46 % высказываются за признание русского языка вторым государственным. Автор статьи опирается на информацию авторитетных украинских социологических и политологических научных организаций — Международного института социологии Киево-Могилянской академии и Киевского центра политических исследований и конфликтологии (см.: [Дубічинський 2001: 3]). Отвечая на вопрос о месте русского языка в учебных планах украинских школ, почти половина опрошиваемых социологами (47 %) высказывается в пользу изучения русского и украинского языков в равных объемах; 28 % — за то, чтобы русский язык преподавался в объеме меньшем, чем украинский, но большем, чем любой иностранный [Евзеров 2000: 91–92]. Столь непростая социолингвистическая ситуация требует внимательного, тонкого и, главное, толерантного отношения к русскому языку и к русскоязычным гражданам республики со стороны властных структур и украинского общества в целом.

Нельзя не отметить усиление позиций украинского языка на Украине, обусловленное его высоким юридическим статусом и характером языковой политики нового независимого государства.

На протяжении трех веков украинский язык испытывал определенный прессинг со стороны русского — официального государственного языка метрополии, получившего чрезвычайно широкое распространение на территории Украины. В советский период господствующее положение русского языка также было закреплено законодательно и поддерживалось политически. Активному распространению и укреплению позиций русского языка на

Украине способствовало непрерывное увеличение доли русскоговорящих жителей за счет мощного притока русских и отчасти в связи с малой востребованностью книжных функциональных разновидностей украинского языка в сфере официального общения, государственного управления и в особенности — производства, образования, науки и техники. Русский язык в период существования СССР обеспечивал доступ к новейшим достижениям научно-технического прогресса и был, таким образом, главным «проводником» соответствующей информации. Более того, для огромного числа нерусских граждан Советского Союза русский язык фактически являлся «вторым родным». На Украине, как и во всех других советских республиках (особенно в крупных городах), русский язык был основным средством межнационального общения. «О широте распространения русского языка в Украине свидетельствует тот факт, что, помимо 11,4 млн русских, в 1989 г. среди людей, не считавших русский язык родным (т. е. в подавляющем большинстве нерусских), свободно владели им 23,3 млн человек. Таким образом, русскоязычные составляли больше 1/2 общей численности населения Украины» [Савоскул 2001: 64]. Украинский же язык обслуживал в основном (но не исключительно) сферу общедомово-бытовой коммуникации, причем не во всех регионах страны в равной мере: при продвижении с Востока на Запад Украины роль украинского языка в этой и других сферах возрастала.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что в советское время свободно развивались украинский драматический театр, песенное искусство, украинская литература, на титульном языке выходили газеты и журналы, радио- и телепередачи.

Отметим, что в советское время число украиноговорящих жителей республики неуклонно сокращалось, число русскоговорящих — увеличивалось. Эта же тенденция была характерна и для учебных заведений. «Процесс распространения русского языка, судя по данным переписей, со временем охватывал все более широкие слои нерусского (в большинстве своем украинского) населения страны. Так, если в 1970 г. среди людей, не считавших русский родным, свободно владели им 13,4 млн человек, или 38 % этой группы, то в 1989 г. — уже 68 % представителей этой языковой совокупности. Лидировали здесь более молодые поколения украинцев. Из этого неоспоримо следует, что основным распространителем русского языка была школа с преподаванием на русском

языке. В глазах родителей-украинцев значимость полноценного овладения русским языком состояла в громадном расширении для их детей перспектив социального роста, в том числе за пределами Украины: обучения в высших и других учебных заведениях, преподавание в большинстве которых в СССР (а среди наиболее престижных практически во всех) велось на русском языке, возможностей для широкого выбора сфер занятости на территории всего СССР наравне с русскими» [Савоскул 2001: 64]. Очевидно, что обсуждаемая специфика языковой ситуации советской Украины была обусловлена «жизненной, а не искусственной потребностью в полноценном овладении русским языком» [Там же].

В настоящее время ситуация изменяется, однако следует иметь в виду, что изменение это в принципе не может быть столь скорым и радикальным, как того хотели бы представители некоторых политических сил на Украине. Украинский язык как *государственный* находится пока лишь на стадии становления. Становление же единого государственного языка в многонациональной, многоязычной и поликонфессиональной стране требует не только политической воли, но и весьма значительного времени, нуждается в финансировании, предполагает разработку комплекса продуманных системных организационных мер, проведение эффективной просветительской работы. Ощущается необходимость в лингвистически фундированной долгосрочной программной языковой политике государства.

Современное направление культурно-языкового развития Украины во многом формируется совершенно определенными *политическими* установками. Планомерная методичная украинизация всех сторон общественной жизни, осуществляющаяся уже более десяти лет, естественным образом приносит свои плоды.

Так, очень интересный и в ономастическом, и в социолингвистическом, и в лингвокультурологическом отношениях материал дает современная карта Киева (центральной части города). В многочисленных переименованиях улиц, площадей и других участков городской среды отчетливо прослеживается тенденция к ослаблению русского, советского влияний и, напротив, к усилению национальной украинской составляющей. Если урбанонимы, связанные с крупнейшими деятелями русской культуры (от Пушкина до Льва Толстого), российской истории (от Суворова до Кутузова) пока сохраняются, то советский период «вычищен» с карты сто-

лицы почти полностью. Прежде всего элиминированы имена государственных и общественных деятелей советской эпохи, классиков марксизма, участников международного коммунистического движения. Например, в столице Украины улицы *Ленина* давно уже нет: она «поглощена» улицей *Богдана Хмельницкого*. Улица *Жданова* переименована в честь другого гетмана XVII века — *Петра Сагайдачного*, политического и военного союзника Польши, известного и «услугами, оказываемыми Речи Посполитой» (БСЭ 1975), и (позднее) стремлением к сближению с Россией. Бывшая улица *Кирова* теперь носит имя *Михаила Грушевского* — «одного из лидеров украинского буржуазно-националистического движения» (БСЭ 1972), крупного украинского историка, академика, автора «буржуазно-националистической концепции» истории Украины (Там же), Председателя Центральной Рады (1918), которого сегодня часто называют первым Президентом Украины. Возможно, выбор нового названия улицы не случаен: именно на этой респектабельной центральной магистрали располагается официальная резиденция нынешнего Президента — Мариинский дворец, а также здание Верховной Рады и Дом Правительства Украины. Вместо улицы *Чкалова* — улица *Олеся Гончара*, известного советского украинского писателя и общественного деятеля. Бывшая улица *Косиора* получила новое название — в честь недавно погибшего *Вячеслава Чорновола*, лидера «Народного Руха» Украины, известного своими националистическими взглядами. Бывшая улица *Калинина* теперь вновь *Софийская*, площадь *Калинина* — вновь *Михайловская*. Переименованы улицы *Карла Маркса*, *Фридриха Энгельса*, *Карла Либкнехта*, *Розы Люксембург* и многие другие.

Та же тенденция охватывает изменения названий, связанных с символикой и с историей советского периода, особенно с революционными событиями. Главная площадь Киева — бывшая площадь *Октябрьской революции* — уже давно переименована в *Майдан Незалежности* (*Площадь Независимости*). Площадь *Червоная* (*Красная*) — теперь *Контрактовая*. Бывшая площадь *Ленинского комсомола* ныне громко называется *Европейской* (подобные переименования демонстрируют также подчеркнуто западную ориентацию властей). Бывшей улице *Чекистов* присвоено имя *Филиппа Орлика* — украинского политического деятеля XVII–XVIII веков, сторонника гетмана И. С. Мазепы, генерального писаря, провоз-

глашенного в 1710 г. (после смерти Мазепы) находившейся в Турции казацкой старшиной гетманом и позднее «стремившегося организовать интервенцию западных государств в Россию» (БСЭ 1974).

На современной карте Киева все более значительное место занимают разнообразные конфессиональные урбанонимы (ул. *Трехсвятительская*, ул. *Костельная*, ул. *Лютеранская* и др.). Последнее название отражает также общий вектор культурно-языкового развития страны.

В массовом порядке переименованию подвергаются не только улицы и площади. Так, *Пионерский* парк переименован в *Крещатый*, парк *им. Фрунзе* — в *Куреневский*, парк *им. 40-летия Октября* — в *Сырецкий*. Находящаяся на центральной площади столицы крупнейшая в Киеве гостиница «*Москва*» сегодня стала отелем «*Украина*». Подобным образом переименованы многие предприятия и учреждения, объекты городской инфраструктуры — торговли, бытового обслуживания, транспорта (в том числе многие станции метрополитена), целые административные районы столицы — внутригородские объекты фактически всех типов.

В ряде случаев обсуждаемым компонентам городской среды возвращены так называемые «исторические» названия — ул. *Банковая* (бывш. *Орджоникидзе*), *Прорезная* (бывш. *Свердлова*), *Институтская* (бывш. *Октябрьской революции*) и др. При этом «исторические» названия понимаются исключительно как «первоначальные» или, по крайней мере, как старые, прежние. Хотя, со строго научной точки зрения, любое устойчивое, регулярно и массово воспроизводимое название следует признать историческим, тем более если оно существовало многие десятилетия.

Феномен многочисленных переименований последних лет свидетельствует о сложных глубинных социальных процессах, происходящих на Украине в течение продолжительного времени. Новые (в широком смысле, включая «старые новые») урбанонимы составляют специфическую группу собственных имен, объединенную внешними по отношению к языку социальными признаками: обостренным этническим и языковым самосознанием; стремлением властей к максимально широкой и отчетливой презентации идеи независимости государства; необходимостью обращения к образам национальной истории и культуры, а также возврата национальных традиций.

Рассматриваемые языковые единицы включаются в инструмен-

тарий политики, ориентированной на реализацию соответствующих идеологических установок. Во многом благодаря новым названиям постепенно формируется образ столицы Украины, отличный от того, который существовал еще десять — пятнадцать лет тому назад; обсуждаемые урбанонимы манифестируют принципиально иную картину мира. «Именной пласт города — это... его летопись (нередко переписываемая в полном соответствии с привычками этого жанра)», — подчеркивает М. В. Голомидова. «Комплекс урбанонимов — это знаковый континуум (текст в терминах семиотики), содержательная сторона которого создает некое информационное пространство, и в нем образ города прорисовывается в различных смысловых модальностях. “Прочтение” информационного пространства происходит в соответствии с определенными культурными нормами через вычленение элементов и структур, ответственных за передачу смыслов, через установление норм интерпретации и определение условий их применения интерпретаторами. Так задается семантический код, реализуемый средствами языка» [Голомидова 2001: 19–20].

Рассматриваемые массовые переименования не так уж мало значительны и безболезненны, как это может показаться на первый взгляд. Многие из них выполняют особую, социально-символическую функцию. «Во многих случаях... существенным оказывается бытование урбанонима в качестве социального символа, вовлеченного в круг представлений, выработанных той или иной формой массового сознания. Такой семантический код можно определить как социально-символический. <... > Присвоение улице имени в честь какого-либо реального лица становится символом пиететного отношения, выраженного в соответствии с действующими социальными оценками и этическими нормами. В любом из вариантов применения социально-символический код превращает именной знак в символ двойного означивания: его первичная семантика осложняется новым содержанием — своего рода высказыванием, утверждающим какие-либо приоритеты социального сознания» [Голомидова 2001: 21–22].

Приоритеты современной языковой политики дают знать о себе во многих сферах жизни украинского общества — прежде всего в политической, образовательной, информационной, культурной. Проявление этих приоритетов в области восприятия культуры может проиллюстрировать следующий пример. В Киевском нацио-

нальном оперном театре опера Дж. Верди «Травиата», как и другие произведения западноевропейского репертуара, исполняется на украинском языке. Однако программа спектакля включает краткое изложение содержания оперы на украинском и различных европейских языках, но не на русском. При этом атмосфера театрального зала свидетельствует о том, что многие зрители не понимают украинского текста, но вынуждены мириться с установленными театром порядками. Известно, что знание европейских языков на Украине не свойственно большей части жителей. У значительной части публики отдельные формулировки украинского текста вызвали ассоциации с русским просторечием, поэтому чтение либретто сопровождалось соответствующими эмоциональными замечаниями. Думается, что авторы-составители программы вполне могли бы предусмотреть возникновение иронически-уничижительной реакции в зале. Проще было бы дополнить варианты либретто русским текстом. В этом не было бы никакого проявления «несбалансированности» отношений между русским и украинским языками, ущемления прав последнего. Контрзамечание о том, что в российских театрах нет программ с украинскими текстами, в этом случае трудно принять как аргумент. Вообще та роль, которую русский язык играет в жизни современного украинского общества, по многим причинам пока весьма существенно отличается от роли украинского языка в жизни общества российского. Следовательно, потребность в русских текстах на Украине, с одной стороны, и в украинских текстах в России, с другой, также различна.

Важная примета современного этапа языкового строительства на Украине — это активное терминотворчество на основе украинского языка. Функциональный научный стиль украинского языка, в особенности научно-технический и научно-естественный подстили, не имеет украинской по происхождению стилеобразующей базы. Этот факт нельзя не учитывать при формировании нового стилового облика языка науки. Однако в обсуждаемом случае также не приходится говорить о толерантности по отношению к терминологии, заимствованной из русского языка или через русский язык. Иных «ревнителей чистоты» украинского языка не устраивают даже некоторые единицы общепринятой интернациональной терминологии, например названия отдельных врачебных специальностей, как известно, восходящие еще к латинскому и древне-

греческому источникам. Во многих подобных случаях интенсивно ведутся поиски национальных украинских эквивалентов.

В любом языке существуют лексические единицы, выступающие в качестве средств нетолерантного речевого поведения, направленного часто на достижение политических целей. Для некоторых подобных содержательно специализированных единиц украинского языка в современной ситуации характерна тенденция к семантическому преобразованию и расширению сферы функционирования. Например, слово *москаль* (первоначально имевшее значение 'солдат, военный'), бытовавшее в украинском языке как бранно-насмешливое, сегодня, по-видимому, употребляется не только как экспрессивно-оценочная единица, выражающая этническую неприязнь, но и расширяет свое значение. Так, участники состоявшейся в марте 2003 г. в Киеве демонстрации против войны в Ираке активно использовали «кричалку»: *Буш — москаль!*

Вместе с тем современная украинская действительность демонстрирует примеры и вполне толерантных решений в сфере языковой политики. Часть украинских электронных и печатных средств массовой информации выпускает свою продукцию на русском языке. В эфире представлены передачи российских телекомпаний, хотя и в урезанном виде. На Центральном железнодорожном вокзале Киева информация о прибытии и отправлении поездов дается на украинском, русском и польском языках (в зависимости от направления движения).

В настоящее время на Украине в плане решения проблем языковой и тесно связанной с ней культурной политики, в первую очередь вопроса о статусе русского языка, сложилась нестандартная, нетривиальная ситуация. Дело в том, что по поводу этого вопроса украинское общество «расслаивается» не столько по признаку этнической принадлежности, сколько по социально-политическим и социально-психологическим характеристикам; наблюдается специфическое расхождение элитарного и массового сознания. Украинская политическая элита, в том числе официальные власти республики, в большинстве своем демонстрирует достаточно жесткое, нетолерантное отношение к русскому языку, тогда как для основной части населения страны, в особенности в центральных, южных и восточных регионах, характерно совершенно другое, вполне толерантное, отношение к русскому языку (причем оно исходит не только от этнических русских, но и, что особенно важ-

но, от этнических украинцев). По данным социологических опросов, подавляющее большинство представителей украинских властных структур не видит необходимости в придании русскому языку статуса официального [Савоскул 2001: 69]. В то же время примерно треть (34,6 %) респондентов из числа жителей Западной Украины высказалась за устранение русского языка из официального общения. Всего же за дискриминационное отношение к русскому языку высказались около 10 % жителей Украины [Евзеров 2000: 91].

Что касается основной части населения Украины, то вполне естественно, что гораздо больше сторонников повышения статуса русского языка (вплоть до признания его вторым государственным наравне с украинским) среди русских, чем среди украинцев. Однако и из последних более четверти (26 %) поддерживают эту идею. В наибольшей степени сближаются позиции русских и украинцев по поводу необходимости официального использования как украинского, так и русского языков в вузовском учебном процессе, на телевидении, радио и во всех сферах общественной жизни [Савоскул 2001: 67–68]. 60 % русских считает принципиально недопустимым вытеснение русского языка из общественной жизни Украины [Там же: 72]. Большинство русских и большинство украинцев уверены в необходимости знания украинского языка русским населением и русского языка украинским населением страны, т. е. оценивают ситуацию общения на двуязычной основе (билингвизм) как оптимальную для сегодняшней Украины. Такая оценка корреспондирует с реально складывающимся соотношением идиомов: «В целом по Украине языковые предпочтения примерно равны (41,2 % — украинский язык, 44 % — русский язык, 14,8 % — одинаково)» [Евзеров 2000: 82]. «Подавляющее большинство и русских (85 %), и украинцев (92 %) считает необходимым преподавание в русских школах украинского языка, истории и культуры. Около 79 % русских и 64 % украинцев полагают при этом, что и в украинских школах следует изучать русский язык, историю и культуру России» [Савоскул 2001: 74–76].

Столь яркие показатели заинтересованности проживающих на Украине русских и украинцев в знании языка, культуры, истории друг друга свидетельствуют о достаточно высокой степени их взаимной языковой и культурной толерантности, способствующей сохранению в целом стабильных позитивных межэтнических отношений в республике.

Вместе с тем существует определенная опасность разрушения сложившейся модели толерантных взаимоотношений в этноязыковой сфере вследствие осуществляемых украинским руководством жестких поспешных решений культурно-языковой политики, форсирующих усиление роли украинского языка и украинской культуры. Представители украинского истеблишмента обычно объясняют политику ускоренной украинизации последних лет необходимостью быстрее избавления от последствий «десятилетий насильственной русификации» [Шевченко 2000: 111–112]. Однако сегодня велика опасность такого развития событий, при котором украинская государственная власть может впасть в противоположную крайность и подвергнуть уже принудительной украинизации прежде всего русскоговорящих и ориентированных на русскую культуру украинцев, а затем и живущих на Украине этнических русских и представителей других народов. Установка на жесткость, беспепелляционность и быстроту политических решений в обсуждаемой чрезвычайно тонкой сфере малоэффективна сама по себе и, к тому же, как было показано, идет вразрез с реальным мнением большинства граждан страны. Принципиальные расхождения в позициях официальных Москвы и Киева по поводу языковой политики украинских властей получили обостренное выражение в 2000 г. в ходе дипломатической «перепалки», получившей название «лингвистической войны» [Там же].

Сегодня, по утверждению многих украинских лингвистов, они «имеют счастливую возможность всесторонне развивать, а в некоторых случаях даже создавать (как это, например, делается в некоторых современных областях украинской терминологии) свой язык, издавать словарную, научно-методическую литературу на украинском языке» [Дубічинський 2001: 3], который обладает, уже не формально, высшим юридическим статусом.

Многие украинские специалисты считают придание русскому статусу государственного языка принципиально нецелесообразным, поскольку это не в интересах развития украинского языка (в соответствии с современной лингвополитической доктриной): на фоне специфических этноязыковых характеристик населения Украины в этом случае русский язык вновь существенно потеснит своего соседа и займет ведущие позиции. Кроме того, обычно говорят о временном и нестабильном характере ситуации официального двуязычия, о перспективах весьма драматического ее разви-

тия, чреватого опасностью фактического подавления одного языка другим (Бельгия) или даже угрозой территориальной целостности страны (Канада) (см.: [Дубічинський 2001: 3]).

Все эти соображения, несомненно, содержат рациональное зерно. Но все же не стоит забывать о том, что и русский язык является родным языком многих граждан Украины, миллионов людей. Исторически этот язык имеет особое значение в жизни украинского общества. Реальное положение русского языка должно быть оформлено при помощи соответствующего юридического статуса — по крайней мере, статуса восточноукраинского регионального официального средства общения и, в любом случае, статуса языка межнациональной коммуникации. Примечательно в связи с этим, что 48, 6% жителей Украины высказываются за придание русскому языку либо статуса второго государственного, либо статуса официального языка тех регионов, где этого хочет население [Евзеров 2000: 91] (о понятиях «государственный язык», «официальный язык», «язык межнационального (межэтнического) общения» см., например: [Алпатов 2000; Беликов, Крысин 2001; Мечковская 1996; Российская юридическая энциклопедия 1999]). Подобное лингвополитическое решение было бы вполне толерантным.

Р. О. Туксаитова

О межъязыковой толерантности в постсоветском Казахстане

Толерантность в широком смысле рассматривается как способность человека быть терпимым и снисходительным к мнению, поведению, поступкам, убеждениям других лиц. Нет сомнения в том, что данное качество, проявляющееся в уважительном отношении к людям и к миру вообще, закладывается в детстве. Вырастет ли ребенок агрессивным, враждебно настроенным к другим, неуступчивым или способным к сотрудничеству, доброжелательным, общительным, во многом зависит от принципов семейного воспитания, формирующих модель межкультурной коммуникации.

На наш взгляд, рассуждать о том, в какой мере понятие толерантности необходимо той или иной национальной культуре, неправомерно. Ведь речь идет об общечеловеческих ценностях: к какой бы национальности ни принадлежал человек, какого бы вероисповедания он ни придерживался, такие человеческие качества, как терпимость, уважительное отношение к культуре, языку, обычаям другого народа, наднациональны. Если с детства ребенка будут воспитывать в духе дружелюбного отношения к человеку иной национальности, языка, традиций, то надо полагать, что впоследствии особых коммуникативных затруднений он не будет испытывать.

В узком смысле слова понятие толерантности связано с коммуникативным взаимодействием и, несомненно, входит в сферу понятий речевой культуры. В нашем случае, когда речь идет о межкультурных взаимосвязях, можно говорить о диалоге культур.

Исторически сложилось так, что в Казахстане с давних пор проживают представители более ста двадцати национальностей. Особое географическое положение и определенные исторические условия существования этносов позволяют рассмотреть специфику проявления толерантности на примере сотрудничества языков и культур на территории Казахстана. В нашем случае — русского и казахского языков.

Несомненно, что для многонационального государства нужен язык, который был бы средством общения для всех граждан, проживающих на одной территории. Таким языком в Казахстане объективно является русский язык. Языковая ситуация в этой стране характеризуется небольшим количеством в городах казахоязычных семей. Родители, как правило, отдают ребенка в детский сад, в начальную казахскую школу, желая приобщить его к родному языку, но понимают, что среднее и высшее образование в настоящее время целесообразно получить на русском языке. Все это влияет на механизмы толерантных межъязыковых контактов в период национального казахского самоопределения.

Какова степень толерантности отношений между интересующими нас коммуникантами? Однозначно ответить на поставленный вопрос невозможно. На наш взгляд, в данном случае следует учитывать ряд факторов, определяющих толерантное общение. Одним из факторов является знание национальной специфики речевого общения, владение стереотипами национального речевого поведения. К примеру, в диалоге участвуют два лица (носители казахской культуры), знающие друг друга, имеющие общие проблемы, круг знакомых и т. д. В разговор вступает третье лицо — старший по возрасту. Непременным условием такого внутрикультурного диалога для казахов является переключение коммуникативного внимания на третье лицо. Необходимо расспросить о здоровье близких пожилого человека, о его родных, о повседневных проблемах. Лишь после этого можно вернуться к прерванному разговору. Незнание особенностей общения со старшим по возрасту человеком может привести в межкультурных контактах к недопониманию и даже к конфликту. Только знакомство с особенностями культуры, быта, коммуникативных традиций другого народа способствует успешной реализации принципа толерантности в речевом общении.

Принцип толерантности исключает агрессивное поведение по отношению к собеседнику, даже если видение проблемы, взгляды,

убеждения являющихся носителями казахской культуры коммуникантов не совпадают. В конкретных случаях можно выделить запретные темы общения. К запретным для казахов относятся, например, темы национальной принадлежности, темы личных и интимных взаимоотношений, религиозных взглядов и др. По нашим наблюдениям, коммуниканты сознательно обходят наиболее уязвимые темы, которые, на их взгляд, задевают национальное достоинство собеседника, его личное гражданское достоинство. (Обозначенные позиции контрастны по отношению к коммуникативным предпочтениям русских. Об этом пишет И. А. Стернин, разрабатывающий проблемы внутрикультурной русской коммуникативной толерантности, в том числе в работе, опубликованной в данной монографии.) Опыт совместного проживания различных национальных, этнических групп свидетельствует о том, что выбор темы для общения в этом случае не представляет сложности. Коммуниканты с удовольствием обмениваются впечатлениями о прочитанном, услышанном, делятся секретами национальной кухни, участвуют в обсуждении вопросов воспитания детей, совместного проведения выходных и праздничных дней и т. д. На наш взгляд, сознательное табуирование запретных тем выступает как залог успешного межнационального толерантного общения.

Есть основания говорить о различной степени толерантности в каждом конкретном коммуникативном акте. Степень толерантности в речевом общении зависит от возраста его участников и от степени знания языка, на котором ведется общение, и т. д.

Можно выделить несколько возрастных коммуникативных групп, и соответственно — степени толерантности речевого общения в каждой из них: «ребенок — ребенок», «подросток — подросток», «взрослый — ребенок», «взрослый — подросток». В казахских условиях взаимодействие в этих группах развивается по-разному, что, несомненно, сказывается и на степени толерантности речевого общения.

Как известно, языковая среда является доминирующим фактором при изучении того или иного языка. Опыт показывает, что именно в детском возрасте наиболее успешно усваивается язык, общение идет активнее, дети с успехом запоминают незнакомые слова, общаются на незнакомом языке, спрашивают, что означает то или иное слово. Если обучение осуществляется на русском языке, интерес проявляется к казахскому языку, и наоборот. В данном случае фиксируется высокая степень толерантности речевого

общения. Дети с удовольствием вовлекаются в игру, с легкостью повторяют незнакомые слова, запоминают их и при случае используют в речи. Межъязыковые контакты детей в непринужденной обстановке не затруднены.

В возрастной группе «подросток — подросток» степень толерантности каждого из коммуникантов зависит от многих факторов: проживания в селе или городе, степени владения им родным и русским языком, уровня общей культуры и др. Как известно, подростки, живущие в селе, владеют родным, казахским языком, но в недостаточной степени — языком русским. Подростки, проживающие в городе, как правило, хорошо знают русский язык, но в меньшей мере — казахский. Степень толерантности речевого общения в этой группе низка, что объясняется реальной языковой компетенцией коммуникантов. Высока вероятность конфликтности в ситуации общения данной группы. И только высокий уровень общей культуры коммуникантов позволит снизить тенденцию к агрессивности. Мы склонны думать, что участники коммуникации осознают необходимость знания как казахского, так и русского языков для успешного коммуникативного общения (заметно стремление к положительному результату общения).

Применительно к возрастной группе взрослых можно говорить о высокой степени толерантности. В общение вступают собеседники, преследующие решение стратегических коммуникативных задач, имеющие необходимые фоновые знания, которые реализуются в процессе межкультурных контактов. Данная группа участников речевого общения достигает полного взаимопонимания в случаях соблюдения норм культурного диалога. Особенно важным является выбор языка общения. Как правило, таким языком и в быту, и в деловых ситуациях становится русский. При этом в последнее время возросло, хоть и незначительно, число русских, владеющих казахским языком.

Наиболее сложна для определения степени толерантности коммуникативная группа «взрослый — ребенок». Участник речевого общения, для которого родным языком является казахский, общается, однако, преимущественно на русском языке. Жесткая языковая политика в Казахстане привела к тому, что живущие в городе этнические казахи владели лишь разговорным казахским языком. По-казахски казах-горожанин, получивший образование в советском вузе, как правило, может объясниться лишь в бытовой

ситуации. Для беседы с ребенком на темы небытовые взрослым родителям не хватает знания родного языка. При общении возможна низкая степень толерантности, связанная с неадекватным отношением коммуникантов к смешанному типу общения. Участник речевого акта, в данном случае взрослый, общаясь с ребенком, подростком на казахском языке, желает услышать ответную реплику соответственно на родном языке, однако чаще всего дети поддерживают диалог либо на русском языке, либо на «смешанном», перемежая фразы на казахском и русском языках. Естественно, в такой ситуации коммуникативный результат речевого общения не будет положительным, так как в недостаточной мере реализованы коммуникативные задачи.

На наш взгляд, применительно к Казахстану особую важность понятие межкультурной и межъязыковой толерантности имеет не только на бытовом уровне, но и на уровне государственном.

В Казахстане проводится достаточно разумная языковая политика. Десять лет назад был принят закон «О языках в Республике Казахстан», который определил статус языков страны. Казахский язык обрел статус государственного языка; русский язык — статус межнационального средства общения. Фактически русский язык выполняет функцию официального языка, так как используется не только в бытовых, но и в торговых, промышленных, научных контактах. К примеру, научно-практические конференции в университетах проводятся на русском языке, хотя рабочими являются языки казахский и русский. Как официальный, русский язык функционирует и в межгосударственных контактах. По всей вероятности, пройдет еще много времени, пока казахский язык реально обретет статус государственного.

Вопросы межъязыковой толерантности обсуждаются прежде всего в средствах массовой информации. Журналисты, политологи, ученые в выступлениях по радио, телевидению, в газетных публикациях анализируют проблемы взаимоотношений между различными этническими и национальными лингвокультурными общностями, предостерегают от возможного проявления нетерпимости на бытовом уровне. При постоянной целенаправленной работе по поддержанию толерантных отношений между различными этносами и социальными группами можно выработать определенные параметры поведения участников речевой коммуникации, способствующие реализации межкультурной коммуникативной толерантности.

И. А. Стернин

Проблемы формирования

категории толерантности

в русском коммуникативном сознании

Данная работа обобщает наши исследования толерантности как категории коммуникативного сознания народа (см. [Стернин 2001б; 2002а]) и акцентирует основные трудности формирования этой категории в русском коммуникативном сознании.

Коммуникативная толерантность представляет собой одну из граней *когнитивной* категории толерантности, т. е. составную часть толерантности вообще как компонента концептосферы народа. Коммуникативная толерантность — это толерантность, проявляющаяся, обнаруживающаяся в общении, объективируемая общением.

Коммуникативный аспект толерантности представляется нам важнейшим ее аспектом как с точки зрения *объективации*, так и с точки зрения потенциала коммуникативной толерантности в плане *формирования* толерантности как когнитивной категории, составляющей принадлежность когнитивного сознания нации.

Представляется, что в настоящее время категория толерантности приобрела универсальные черты и стала глобальным свойством сознания цивилизованного мира, что, однако, не означает, что содержание этой категории и процессы ее формирования в разных культурах полностью совпадают. Это в первую очередь касается коммуникативной толерантности, так как коммуникативное поведение народа обычно демонстрирует заметную национальную специфику даже у народов с близкими культурными традициями.

В коммуникативном сознании разных народов категория толерантности представлена в разном содержательном объеме и обладает разной степенью сформированности. В русском коммуникативном сознании эта категория еще только находится в стадии становления, и важно проследить основные направления и проблемы ее формирования.

Особенностью утверждения категории толерантности в русском коммуникативном сознании является сопротивление многих норм и традиций русского коммуникативного поведения. Эти проблемы и являются предметом рассмотрения в нашей статье.

Коммуникативная категория представляет собой единицу коммуникативного сознания народа — то есть той части сознания, которая отвечает за общение. Коммуникативная категория — это концепт высокого уровня абстракции, определяющий тот или иной аспект коммуникативного поведения народа.

Коммуникативные категории принадлежат коммуникативному сознанию народа, являются базовыми строевыми элементами коммуникативного сознания.

Структурными элементами коммуникативной категории являются следующие ментальные (когнитивные) единицы:

Прескрипция — обусловленное сущностью концепта (категории) общее, максимально обобщенное предписание, определяющее характер коммуникативного поведения.

Установка — более конкретное коммуникативное предписание, вытекающая из той или иной общей прескрипции рекомендация.

Коммуникативное правило — конкретная рекомендация по реализации установки. Коммуникативное правило имеет императивную форму (говори так-то, не говори так-то) и представляет собой максимально конкретную рекомендацию в области коммуникативного поведения.

Коммуникема — готовая единица общения, предназначенная в данной коммуникативной культуре для реализации того или иного коммуникативного правила (речения, этикетные формулы, стандартные сценарии общения). Языковые формы объективации соответствующих коммуникем вариативны, а выбор формы определяется коммуникативной ситуацией.

Концепт (категория) как единица концептосферы складывается из двух когнитивных составляющих — информационной и прескрипционной.

Информационная составляющая концепта объединяет признаки, образующие содержание концепта (категории) в их упорядоченности и отличающие определенный концепт от других. Она определяет, *что такое* данный концепт.

Прескрипционная составляющая содержит прескрипции (предписания, указания, требования, императивы, запреты), определяющие, *что должен делать* обладатель концепта, руководствуясь требованиями содержания концепта, как поступать, какие действия совершать, что говорить, чего не говорить и не делать и т. д. Прескрипции вытекают из содержания концепта и обусловлены его интерпретацией, поэтому, очевидно, прескрипционная составляющая концепта вычленяется в его интерпретационном поле (о структуре концепта см.: [Попова, Стернин 2003]). Например, информационной составляющей концепта *толерантность* являются определение толерантности и историко-культурные сведения об этом понятии, а прескрипционную составляющую концепта образуют предписания по осуществлению принципа толерантности в поведении и общении.

Информационная и прескрипционная составляющие должны присутствовать в структуре всех концептов и когнитивных категорий. Однако при этом, по-видимому, некоторые концепты и категории выступают как преимущественно информационные — например, научные, высокоабстрактные, в то время как в других прескрипционная составляющая гораздо ярче информационной (морально-этические, поведенческие, коммуникативные концепты).

Осознание носителем языка информационной и прескрипционной составляющих того или иного концепта может быть различным: носитель языка может владеть только информационной составляющей на рефлексивном уровне (чистое знание); обеими составляющими на рефлексивном уровне (знает содержание концепта, знает, что надо делать, но не делает); может владеть информационной составляющей на рефлексивном уровне, а прескрипционной — на бытийном (знает содержание и выполняет предписания). Обе составляющие *концепта толерантности* могут быть осознаны и на духовном уровне — как некоторые ценности национального сознания.

Рассмотрим с очерченных теоретических позиций когнитивную структуру универсальной глобальной коммуникативной катего-

рии *толерантности* и соотнесем ее с коммуникативной практикой русской лингвокультурной общности.

Представляется, что основными *прескрипциями* (установками) коммуникативной категории *толерантности* являются следующие:

- антиконфликтность;
- некатегоричность;
- неимпозитивность.

Проанализируем особенности реализации этих *прескрипций* в русском коммуникативном сознании и их связь с традициями русского коммуникативного поведения.

Антиконфликтность

Прескрипция антиконфликтности предполагает необходимость предотвращать споры и конфликты, а при их возникновении — необходимость урегулировать их через компромисс и сохранить в споре «лицо» собеседников. При этом компромисс рассматривается как положительная черта коммуникативного поведения собеседника, а умение его достигать — как положительная черта личности.

Установка на предотвращение (профилактику) конфликтов и споров реализуется в следующих императивных коммуникативных правилах:

- преобладание антиконфликтной тематики общения;
- беспроblemность бытового межличностного общения;
- нежелательность публичного обсуждения разногласий;
- недопущение открытого противостояния;
- минимизация споров (стремление избежать споров);
- минимизация эмоциональности в споре;
- некатегоричность выражения несогласия.

Установка на стратегию компромисса в урегулировании споров реализуется в следующих правилах:

- инакомыслие естественно и допускается;
- дискуссия должна носить кооперативный характер;
- стратегия спора должна быть направлена на взаимное выяснение точек зрения;
- целью спора является решение проблемы.

Установка на сохранение лица собеседника в споре предполагает выполнение следующих правил:

права в споре не должна выглядеть торжеством победителя;

побежденный в споре не должен быть оставлен в состоянии психологического унижения от поражения.

В русском коммуникативном взаимодействии многие из этих установок и правил не соблюдаются; более того, можно утверждать, что им нередко противостоят русские национальные коммуникативные нормы и традиции. Укажем на наиболее заметные из них.

В русском общении традиционно споры занимают большое место. Русский человек любит спорить по самым различным вопросам, как частным, так и общим. Любовь к спорам по глобальным, философским вопросам — отличительная черта русского коммуникативного поведения. Русского человека легко втянуть в дискуссию, он обычно с готовностью высказывает свое мнение по любому вопросу.

Русские не стараются всеми силами избежать спора, как это делают, например, англичане, финны, японцы, китайцы. Русский человек может вмешаться в спор незнакомых людей, если считает, что они высказывают неправильную точку зрения. Русский человек любит наблюдать и оценивать споры, дискуссии, ссоры, обсуждать и комментировать конфликты и их результаты, определять, кто прав, а кто не прав, кто лучше спорил, кто кому сумел доказать свою точку зрения, а кто кому нет, кто кому «здорово врезал». Русские люди нередко обсуждают между собой наблюдавшиеся ими споры и конфликты, как спортивные соревнования.

Достаточно распространен в русском общении такой жанр, как *выяснение отношений* — крайне эмоциональный спор с взаимным предъявлением друг другу чисто эмоциональных претензий.

Русские могут горячо спорить друг с другом в гостях, причем эмоциональный накал полемики может достичь очень высокой точки, но, к удивлению иностранных наблюдателей, никогда не приводит к обидам или разрыву отношений — спорщики тут же садятся вместе за стол и дружеское общение продолжается как ни в чем не бывало. Китайская переводчица говорила: «Китайцы после такого спора год бы друг с другом не разговаривали».

Русский человек в споре либо просто в условиях некоторого различия во мнениях обычно ведет себя достаточно бескомпромиссно. Бескомпромиссность — существенная черта характера и поведения русского человека, ярко проявляющаяся в его коммуникативном поведении.

Как замечают иностранцы, создается впечатление, что русскому необходимо во что бы то ни стало доказать собеседнику свою правоту, одержать верх в споре, заставить собеседника принять его точку зрения. Согласно формулировке английского учителя, «русский всегда спорит на победу».

Для русского человека некомфортна ситуация, когда он не доспорил, не смог доказать собеседнику свою правоту. Если его точку зрения не приняли, не признали, русский может серьезно расстроиться и даже обидеться. Интересно, что при явном выявлении несовпадения точек зрения у двух людей русские люди часто считают, что между ними произошла ссора.

Многие полагают, что уступить в споре — значит потерять лицо, оплошать в глазах свидетелей. Человек, который уступил в споре, нередко сильно переживает это сам, а также сплошь и рядом вызывает сочувствие окружающих, которые начинают успокаивать, утешать «проигравшего» — «его все равно не переспоришь, он такой упрямый», «ты все равно прав, ничего ты ему не докажешь». Такие ситуации типичны для культуры русского спора.

Русское коммуникативное сознание плохо различает принципиальные и непринципиальные споры, тем самым потенциально возводя в ранг принципиального любое разногласие.

Свою точку зрения русские, в отличие от представителей западной коммуникативной культуры, могут выражать достаточно безапелляционно, без какого-либо смягчения. Решение проблемы обсуждения в русском общении часто отличается категоричностью формулировки — *или-или, да-нет*; предлагается выбор из двух возможных вариантов, исключая компромиссное решение.

Стремление к достижению компромиссов мало свойственно русскому общению. Компромиссы русское сознание считает делом недостойным, рассматривает как проявление беспринципности. З. Бжезинский в 1991 г. на конференции «Запад — Восток», проходившей в Эстонии, говорил: «Есть разница в психологии западного и восточного мышления. Для Запада компромисс — это естественное состояние, это положительная черта политического

деятеля. Для восточного восприятия компромисс граничит с беспринципностью. Стоять до конца, не поступаться принципами считается доблестью и героизмом». Об этом же пишет Й. Ричмонд: «Англо-саксонский инстинкт — сгладить противоречия, примирить противостоящие элементы, достичь чего-либо среднего как базиса жизни» [Richmond 1996: 45]. Для русских это нехарактерно. Уверенность в своей точке зрения как единственно верной рассматривается как проявление принципиальности. При этом нередко полное отвержение точки зрения собеседника считается формой принципиального отстаивания своих интересов, их эффективной защитой. Именно благодаря этой черте получил в свое время прозвище «Мистер Нет» министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Интересно, что выражения *бесконфликтный человек*, как и более редкое — *компромиссный человек, человек компромисса*, в русском языке — синонимы с общим значением ‘бесхребетный, беспринципный человек, не умеющий постоять за себя, отстоять свою точку зрения, свои принципы’. Очень существенно для анализа коммуникативной бескомпромиссности русского человека понимание и употребление распространенного фразеологизма *и нашим, и вашим* — данный фразеологизм носит неодобрительный оттенок, характеризуя такое поведение, которое русское сознание не одобряет и не принимает.

Нетерпимость к чужому мнению с переносом неприязни на его носителя также проявляется в русском общении. Е. Г. Эткинд в журнале «Тетральная жизнь» отметил: «Ты знаешь, как спорят советские люди? Иначе, чем человек западной культуры. Те спорят как? Один, скажем, говорит: “Мне очень нравится эта бутылка русской водки: оригинальная форма, со вкусом сделанная этикетка, и она очень хороша на вкус”. Другой возражает: “Позвольте с вами не согласиться: форма бутылки не современная, этикетка недостаточно бросающаяся, приятнее, когда спиртное имеет цвет, вкус у водки слишком резкий”. Тогда первый говорит: “Как интересно! На один и тот же предмет можно, оказывается, посмотреть и так!”»

А наша схема спора другая. Первый: “Замечательная бутылка, клеваая наклейка, водка что надо, лучше не бывает!” Второй: “Что хорошего в этой стекляшке? Наклейка дрянь, водка дрянь!” Первый: “Эта водка дрянь? Сам ты дрянь!”. И оттого мы все врозь» (Театральная жизнь. 1990. № 150).

В целом русская дискуссия очень часто приобретает *некооперативный характер* — говорящий думает преимущественно о своих интересах, а не об интересах обоих или всех участников общения.

В русской коммуникативной практике принято открыто, публично выражать свое несогласие с собеседником: *Я против!*; *Я не согласен!*; *Я с вами никогда не соглашусь!*, что невозможно в большинстве западных культур.

Русские коммуниканты обычно готовы открыто говорить о существующем противоречии (к примеру, англичане, финны, японцы и другие народы всячески скрывают в общении разногласия, стараются, чтобы они не были озвучены).

Эмоциональность — одна из самых ярких черт русского коммуникативного поведения. Эмоциональный спор в русской коммуникативной практике очень даже поощряется и может продолжаться намного дольше, чем у других европейцев. В русском коммуникативном поведении не только категорично формулируются мнения и точки зрения, но и довольно безапелляционно выражается несогласие: *Нет!*; *Ни за что!*; *Ни в коем случае!*; *Никогда!* и т. п.

Й. Ричмонд отмечает как одну из наиболее заметных черт русского общения ярко выраженную любовь к критике: русские очень любят критиковать, практически все [Richmond 1996].

В то время как в Англии, Германии, США предпочитают избирать такие темы общения, которые не могут вызвать конфликта или в рамках которых не принято спорить, а принято соглашаться с собеседником или развивать тему (ср. английские разговоры о погоде), в русском общении подобных тематических табу практически не существует. Тема разговора может быть любая, если она интересна хотя бы одному из собеседников. Лишь в среде интеллигенции иногда проявляется тактика уклонения от возможных разногласий: *Давайте сменим тему*.

Своеобразно отношение русского сознания к инакомыслию. К инакомыслию в российском обществе относятся негативно. Выражение необщепринятой точки зрения очень часто вызывает непонимание, настороженность, а то и враждебность. Это обусловлено соборным менталитетом: русский человек считает, что на стороне большинства (коллектива, общества) правда; большинство не ошибается. Русскому человеку очень трудно идти против

коллектива, против большинства, а тем более выражать иную, отличную от господствующей политическую идею. И. П. Павлов писал, что в России нельзя противоречить общему мнению: «Стоит кому-либо заговорить не так, как думаете вы, и сразу предполагаются какие-то грязные мотивы, подкуп и т. д., стаскивают с места, называют шпионом и т. д.» [Павлов 1991].

К инакомыслящим российское общество относится с некоторой снисходительностью, как к людям, которые не понимают очевидного. Инакомыслящие — это белые вороны, они обычно вызывают жалость, близкую к подозрению в ненормальности. Не случайно в России политических диссидентов упрятывали в психбольницы. Й. Ричмонд пишет: «В России создание консенсуса либо в религии, либо в политике рассматривалось как желательное, а диссиденты считались странными — если иногда не умственно нездоровыми — за отказ присоединиться к нему» [Richmond 1996: 30].

Значительную долю русских споров составляют споры на абстрактные темы, не относящиеся к сфере непосредственных практических интересов участников спора, не связанные с решением практических задач сегодняшнего дня. Коммуникантов занимают глобальные проблемы, представляющим интерес для будущего страны, человечества.

Русского человека часто интересует спор не как средство обретения истины, а как умственное упражнение, форма эмоционального, искреннего общения друг с другом. Именно поэтому в русской коммуникативной культуре спорящие столь часто теряют нить разговора, легко отходят от первоначальной темы.

Обсуждение многих производственных проблем на совещаниях в коллективах часто заканчивается принятием самых общих решений — *повысить, усилить, обратить особое внимание* и др., сами решения принимаются не для выполнения, а для отчета, «для протокола» — чтобы засвидетельствовать, что вопрос обсудили.

Для русской коммуникативной культуры нехарактерна беспроблемность бытового общения, свойственная Западу. Русскими в быту, в домашних разговорах обсуждаются слишком серьезные, с точки зрения Запада, темы, причем такое обсуждение возможно даже в гостях, что особенно удивляет иностранцев. Э. Роберт отмечает, что русская беседа всегда нетривиальна — через несколько минут после ее начала предметом обсуждения уже становится смысл жизни, может возникнуть философская дискуссия [Robert 1993: 60].

В русском коммуникативном поведении допускается обсуждение и перекладывание собственных проблем на другого: *Что мне делать, не знаю; Что же мне делать?* В таких случаях у русских не принято отвечать, как на Западе: *Это твои проблемы*. Принято дать совет, хотя бы общего плана. Такова традиция, которая в настоящий момент изменяется.

В русском бытовом разговоре допустимо ставить перед собеседником трудные проблемы, задавать вопросы, поднимать темы, которые могут в принципе вызвать несогласие собеседника, привести к спору.

В русском общении по сравнению с западным собеседники чаще вспоминают плохое, обсуждают негативные факты, дают им прямые отрицательные оценки. Русский человек любит оценивать обсуждаемое по биполярной шкале: *хорошо — плохо*, без оттенков. В общении можно высказать негативную оценку ситуации и «оставить собеседника» с этой оценкой. В коммуникативной практике собеседники очень часто не дают друг другу в споре *сохранить лицо* — выставляют коммуникативного партнера «проигравшим». Не обязательно после завершения бытового спора или дискуссии успокаивать собеседника, обращать внимание на его чувства.

В русском языке нет специальных формул для примирительной констатации разногласий в конце разговора, хотя распространен стереотип *Я остаюсь при своем мнении* (у японцев, к примеру, такая фраза есть — приблизительно она переводится так: *Сделаю надлежащим образом*).

Некатегоричность

Важнейшей предскрипцией толерантности является *некатегоричность в общении*.

Эта предскрипция реализуется в установках на снижение негативной оценочности и смягчение категоричности высказываний в процессе общения.

Минимизация негативной оценочности в общении достигается с помощью следующих коммуникативных правил:

- избегать резких словесных оценок событий и друг друга;
- избегать ярких оценочных эмоций в процессе общения.

Смягчение категоричности высказываний предполагает использование следующих коммуникативных правил:

- смягчать просьбы и распоряжения;

избегать категоричных отказов;
избегать категоричных формулировок вопросов.

Реализация отмеченных установок и правил в русском коммуникативном поведении также наталкивается на ряд препятствий.

Русский человек исключительно искренен в общении. Он обычно не скрывает от собеседника своего настроения — его лицо отражает то, что он сейчас, в данную минуту, переживает, включая негативные реакции на ситуацию. Русские искренне и открыто демонстрируют свои эмоции, открыто радуются и печалятся, не скрывают свои чувства от окружающих. В вертикальном общении «сверху вниз» они допускают повышение голоса, использования резких императивных конструкций. Особенно это заметно в педагогическом и воспитательном общении.

Русское коммуникативное взаимодействие является высокооценочным: русские постоянно «раздают оценки» — ситуациям, событиям, третьим лицам и даже своим непосредственным собеседникам. Эти оценки очень частотны и в равной мере позитивны и негативны. Оценки высказываются открыто, без смягчения, в том числе и отрицательные.

Часто русские в разговоре относят людей к определенным *категориям*, т. е. используют ярлыки, прямо называют человека по его качествам: *нахал, эгоист, тупица, бездарь, дурак, идиот* и т. д.

Подобное коммуникативное поведение не способствует толерантному взаимодействию.

Неимпозитивность

Прескрипция *неимпозитивности* — третья важнейшая прескрипция, образующая категорию толерантности.

Под неимпозитивностью [Ларина 2003] понимается признание собеседником неприкосновенности личности, стремление не навязывать собеседнику себя, свое общество, свои мнения, не вмешиваться в его дела. Неимпозитивность предполагает вежливость дистанцирования, невмешательства.

Данная прескрипция реализуется в установках на минимизацию регулятивных речевых актов и поддержание дистанции в общении.

Минимизация регулятивных речевых актов предполагает выполнение следующих коммуникативных правил:

минимизация советов и распоряжений;
невмешательство в дела других без просьбы с их стороны.

Поддержание дистанции в общении подчиняется следующим коммуникативным правилам:

исключение близкого приближения;
ограничение физического контакта;
минимизация личных вопросов к собеседнику;
минимизация просьб к собеседнику;
строгое соблюдение норм формального, светского общения;
отсутствие быстрого перехода к неформальным отношениям;
воздержание от близкого личностного контакта с собеседником;
приоритетность деятельности перед общением;
невмешательство в общение других лиц.

Многие из перечисленных правил в русском коммуникативном поведении не реализуются в силу национальных коммуникативных традиций.

Так, вступив в контакт, русские люди часто стараются быстрее преодолеть формальную процедуру знакомства, формальные условности, и перейти к общению эмоциональному, искреннему.

В русской культуре наблюдается несомненная тяга к межличностным отношениям. Люди собираются прежде всего затем, чтобы пообщаться. Русские любят коллективные застолья, но общение в таких застольях в любом случае оказывается приоритетным: важно прежде всего поговорить, а уже потом — поесть и выпить. Еда и выпивка — это повод, обстановочный контекст общения.

Для русского коммуникативного поведения как в контактах со знакомыми, так и с незнакомыми, характерно стремление к паритетности в общении, к простоте, коммуникативному равенству. Русский человек любит говорить запросто, без церемоний, предпочитает иметь собеседника, равного себе. В такой непринужденной манере русские часто говорят даже с незнакомыми людьми, пренебрегая формальной вежливостью, формальными правилами речевого этикета.

Неформальное общение с людьми считается в русской коммуникативной культуре *более желанным*, нежели формальное; субъективно оно воспринимается как общение более *высокого класса*, чем официальное. Неформальный разговор дома или на

вечеринке неизменно ценится выше, чем официальный — в офисе или на работе.

Русский человек часто стремится скорее перейти на *ты* с новым знакомым (считается, что это сближает и свидетельствует о подлинных дружеских чувствах). Формулы *ты*-отношения считаются естественным проявлением расположения к человеку. Русский собеседник способен довольно близко подойти к коммуникативному партнеру, может в знак расположения, стремления установить дружеский контакт коснуться собеседника, дотронуться до него.

У русских возможно вмешаться в разговор незнакомых людей, высказать свою точку зрения, что-то подсказать им по своей собственной инициативе. Допустимо подключиться к разговору попутчиков (в самолете, в поезде, в автобусе) и выразить свое мнение относительно обсуждаемого.

Довольно часто разговаривающих людей перебивает наблюдатель, чтобы задать им какой-либо вопрос. Англичанин с удивлением отмечал, что русские не обижаются, когда их отвлекают от разговора. В учреждениях перебивание разговаривающих сотрудника и клиента другим сотрудником — обычное дело.

Русский человек легко заговаривает с незнакомыми на улице, при этом он может для установления контакта взять незнакомца под локоть и даже преградить ему путь. Русский может заговорить с любым человеком — как знакомым, так и незнакомым, как свободным, так и занятым, как молчаливым, так и разговаривающим с другими людьми. Вопросы о том, как пройти или проехать, как найти дом или учреждение, могут адресоваться любому встречному, а не только официальному лицу — милиционеру, дворнику, почтальону и т. п.

Для русского общения характерна традиция *предупреждать незнакомых о возможных неприятностях*. Принято сообщать об опасностях, подстерегающих детей (*у вашего ребенка шнурок развязался, он сейчас варежку потеряет, посадите его поудобнее* и т. д.), о непорядках в одежде (*у вас нитка висит, у вас пальто запачкалось, у вас пятно на жилете, у вас плащ порвался и др.*), о возможных материальных потерях (*у вас батон из сумки выпадет, у вас пакет порвался*) и др. Принято рекомендовать, как лучше встать или куда сесть в транспорте, как лучше разместить багаж или удобнее посадить ребенка (*а вы уберите сумку наверх, а вы возьмите ребенка на колени и др.*).

Невмешательство, понимаемое как недопустимость несанкционированного вторжения в личную жизнь собеседника, в русской коммуникативной культуре практически отсутствует: каждый русский может заговорить с каждым, вмешаться в дела каждого. Это — проявление коллективизма, соборности русского менталитета.

Считается необходимым делать замечания нарушителям общественных норм, общественного порядка — в том числе людям незнакомым. Необходимо заботиться о безопасности других, в том числе посторонних, предупреждать их о возможной опасности. Принято приходить на помощь в горе, трудностях, ибо, как гласит русская поговорка, *чужого горя не бывает*.

Более того, русским сознанием невмешательство во многих случаях осуждается — считается, что *надо* вмешиваться, помогать, совершенствовать деятельность и поведение остальных членов общества. Русский человек может искренне возмущаться: *Вчера поскользнулся и упал — хоть бы кто помог, никому и дела нет*.

Для русского человека приоритетен разговор по душам. Разговор по душам — это жанр общения, начисто лишенный официальности, формальности. Это длинный, без ограничения во времени, негромкий, эмоционально насыщенный разговор двух людей, в медленном темпе. Возможно прикосновение друг к другу. Это разговор преимущественно дома, в неформальной одежде, за едой или выпивкой, когда собеседники жалуются друг другу на жизнь, клянутся в дружбе и поддержке, взаимопонимании. Обсуждаются личные, в том числе психологические проблемы, включая проблемы интимной жизни. Любые темы допустимы, фактически нет тематических табу, могут задаваться любые вопросы.

Русские люди любят изливать, даже «выворачивать душу наизнанку», не стесняются рассказывать о сокровенном; они могут довериться постороннему (например, попутчику в поезде). Считается, что откровенность должна быть обоюдной. Существенно, что русский человек может серьезно обидеться, если собеседник «не подпускает» его к себе — таких людей не любят, полагая, что они скрывают что-то плохое. Отсутствие разговора по душам в ситуации долгого общения «один на один» рассматривается как уклонение от искренности: *Четыре часа вели светский разговор...* (т. е. время потрачено зря). Русский человек склонен рассматривать разговор ни о чем как коммуникативную неудачу. Человек,

уклоняющийся от задушевного разговора, оценивается собеседником негативно: он неискренен, недоверчив, скрытен. Это подозрительный, «не наш» человек.

Для русской лингвокультурной общности характерно особое отношение к светскому общению. Само выражение «светское общение» несет обычно в русском словоупотреблении некоторый неодобрительный оттенок: светское — значит 'ненастоящее', 'официальное', 'напыщенное', 'неглубокое'.

Светское общение традиционно считалось сферой дворянского речевого взаимодействия. Русская классическая литература поддерживала такое отношение к светскому общению: ср. иронию А. С. Пушкина по поводу Онегина, который умел «коснуться до всего слегка», «хранить молчанье в важном споре», «кланялся непринужденно»: *Чего ж вам боле? Свет решил, / Что он умен и очень мил*. Ср. строки М. Лермонтова, называвшего светское общение дворян «диким шепотом затверженных речей» и разоблачавшего «образы бездушные людей, приличьем стянутые маски»; ему хотелось бросить в лицо участникам светской беседы «железный стих, облитый горечью и злостью». Можно вспомнить иронически-разоблачительную тональность Л. Н. Толстого, изображающего салон А. П. Шерер в романе «Война и мир».

Светский разговор в современной коммуникативной практике представляет собой так называемый *разговор на общие темы*, не затрагивающий личных проблем. Однако даже сами выражения *разговор на общие темы*, *поговорили на общие темы* в русском словоупотреблении имеют обычно негативный оттенок, как и словосочетания *светская беседа*, *светский разговор*.

Еще одной заметной чертой русского коммуникативного поведения является устойчивая тенденция задавать собеседнику «интимные» вопросы (в западном смысле этого слова — то есть глубоко личные, затрагивающие интересы одного человека): о его зарплате, возрасте, семейном положении, о том, есть ли у него дети, а если нет — то почему, где он работает и кем, где живет собеседник (вплоть до точного адреса), где он учился, кто он по профессии, какая у него квартира, есть ли машина и дача, если он преподаватель — что он преподает и что это за предмет, живы ли родители, здоровы ли они, каковы место его жительства, источник существования, откуда собеседник приехал, где жил раньше, как сюда попал и т. д. Русский может спросить, является ли его собеседник

верующим, к какой конфессии принадлежит, за кого голосовал на прошлых выборах или за кого собирается голосовать. Все эти и подобные вопросы для западного коммуникативного поведения считаются табуированными; для русского же непринужденного диалога — это вполне естественное проявление дружелюбного интереса к подробностям жизни собеседника, это форма демонстрации интереса и внимания к коммуникативному партнеру. Не запрещены (хотя и не очень распространены) вопросы о физическом состоянии собеседника, его росте, весе, заболеваниях. Подобные вопросы крайне редки в западной коммуникативной традиции.

Для русского общения количество тематических и речевых табу по сравнению с западными коммуникативными культурами сравнительно невелико, причем имеющиеся табу не воспринимаются как жесткие.

Не исключаются, как частично было отмечено, служебные разговоры дома, разговоры о домашних делах на работе; звонки домой по служебным делам, а на работу — по личным; вопросы о семейном положении, месте жительства; профессии и должности собеседника, о профессии и месте работы жены, мужа, детей; вопросы о родственниках и друзьях собеседника; вопросы о политических взглядах и предпочтениях собеседника; о зарплате собеседника, источниках дополнительного заработка; допустимы вопросы, касающиеся религиозности человека; отсутствует табу на этнические анекдоты.

Все перечисленные темы обычно табуированы (жестко или мягко) в западной коммуникативной традиции.

Если в присутствии русского человека происходит конфликт между третьими лицами, которых говорящий знает (коллегами, соседями), русский человек обычно предпринимает попытку смягчить, уладить конфликт, погасить страсти, успокоить ссорящихся. Нередко взрослые вмешиваются в конфликты детей, подростков, в том числе и незнакомых, призывая их прекратить ссору. Таким образом, русское коммуникативное поведение допускает вмешательство в конфликт третьих лиц. В русском коммуникативном сознании действует нечто подобное концепции «ограниченного суверенитета личности», разрешающей, а во многих случаях предписывающей вмешательство в дела посторонних.

Русские любят модифицировать коммуникативное поведение

собеседника — исправлять его, рекомендовать внести изменения в речь, поведение. Возможность модификации поведения собеседника в русских коммуникативных традициях очень высока. Один из собеседников может сделать другому прямое замечание, касающееся тона речи или некорректного поведения.

Русские достаточно часто и в самых разных ситуациях пытаются регулировать поведение окружающих людей — детей (своих и чужих), которым все взрослые постоянно говорят, что надо и что не надо делать; знакомых, которым дают советы, как лучше поступать; незнакомых и иностранцев, которым делают замечания, говоря определенные требования, предупреждают об их неправильном поведении, исправляют речевые ошибки.

Русский человек может открыто (в лицо) предъявить претензии как знакомому, так и незнакомому, потребовать соблюдения определенных норм или правил.

С точки зрения западноевропейцев, русские постоянно вмешиваются в дела других. Английский преподаватель сформулировал это так: «В каждой ситуации в России есть кто-то, кто хочет контролировать поведение окружающих. Обычно это бабушки». Американский волонтер «Корпуса мира» замечает: «Каждая бабушка будет тебя ругать, что ты не оделся тепло в холодный день». Й. Ричмонд об этом пишет: «Русские чувствуют себя обязанными вмешиваться в личные дела других. Пожилые русские выговаривают совершенно незнакомым молодым мужчинам и женщинам за совершенные ошибки, используя неперсонифицированные обращения *молодой человек, девушка*. На улицах пожилые женщины выступают с добровольными советами молодым матерям по уходу за детьми. К американским родителям на улице пристали русские женщины и обвинили их в том, что они одевают ребенка недостаточно тепло для суровой зимы. Американец, ребенок которого был одет в изолирующий костюмчик, ответил в этой ситуации тем, что, расстегнув костюмчик ребенка, призвал русских женщин попробовать, насколько теплым было тело ребенка. В коллективистском обществе дело каждого — это и дело всех остальных. (Одно из вмешательств, которое приветствуется и ожидается, сообщение, что у вас уши побелели, — признак обморожения.)» [Richmond 1996: 19–20].

Важной формой проявления регулятивности русского коммуникативного поведения является часто реализуемая возможность

делать замечания и давать указания незнакомым: *Пройдите вперед!; Уберите сумку!; Снимите с плеча свою сумку!; Подвиньтесь, пожалуйста, вперед!; Станьте в сторону!; Подвиньте свои вещи!; Уберите руку!* и т. д.

В целом у русских допустимо (в какой-то мере принято) регулировать поведение других в следующих областях: в общественном транспорте при посадке и высадке, в процессе поездки; в любой очереди; при рассаживании в кино и театре, при неправильном поведении детей, молодежи. Можно также делать замечания чужим детям.

Еще одним важным проявлением регулятивности русского общения является наличие речевого акта замечания и высокая частотность данного типа речевого акта в коммуникации. К примеру, в американском коммуникативном поведении, как показали исследования К. М. Шилихиной [Шилихина 1997а: 76–77; 1997: 178–185; 1999], речевой акт замечания отсутствует.

Кроме отмеченных трех основных прескрипций категории толерантности существуют прескрипции вежливости — более общей категории, которые также способствуют формированию толерантности и сопровождают ее как коммуникативный феномен: внешняя доброжелательность, контактонаправленность, коммуникативный самоконтроль, скромность, общая культура речи и др. Все эти требования способствуют реализации толерантности в общении, но, строго говоря, не входят собственно в само понятие толерантности.

Толерантность — как концепт, так и само явление, сам принцип — необходима русской национальной культуре, русской политической культуре и русскому повседневному быту в качестве важного цивилизационного понятия, позволяющего российскому сознанию интегрироваться в мировой цивилизационный процесс.

Большое количество русских коммуникативных норм и традиций, как мне представляется, не поддерживают категорию коммуникативной толерантности.

Причина данного обстоятельства, видимо, кроется в историческом развитии России — пережитые ею многочисленные нашествия вызывали формирование высокого доверия к «своим» и настороженное отношение ко всякого рода «чужим», «не нашим». Суровые климатические условия, тяжелый труд, возможность выжить только совместно сформировали соборность жизненного

уклада и менталитета русского человека, что обусловило простоту и искренность отношений и общения со своими и недостаточное внимание характеру общения с чужими, незнакомыми. Данная проблема требует, разумеется, серьезного изучения, но трудности формирования толерантного сознания в российском обществе представляются в свете вышесказанного очевидными.

В России толерантное поведение — в большей степени пока декларируемая норма, которая в официальной обстановке может соблюдаться (хотя не всегда), а в межличностных отношениях, при инициативном общении, очень часто нарушается.

Для современного российского мышления в целом установки толерантности ослаблены, российское мышление тяготеет к бескомпромиссности, непримиримости, столкновению взглядов и т. д. Это нередко ведет к конфликтам, неумению пойти на компромисс, достичь сотрудничества, что в общественном плане приводит к расколу (политическая нетолерантность), служебным и бытовым конфликтам (в трудовых коллективах, в общественных местах, в семье), зависти, нетерпимости к отдельным социальным группам (предпринимателям, бомжам, беженцам) и др. Нетолерантность коммуникативного поведения контрастирует с высокой общительностью, эмоциональностью, контактностью и душевной щедростью русского человека.

Анализ возникновения категории толерантности в русском постсоветском коммуникативном сознании позволяет выдвинуть гипотезу о поэтапном формировании коммуникативных категорий как в этногенезе, так и в филогенезе.

На первом этапе концепт формируется как преимущественно информационная сущность, уровень осознания — рефлексивный (см.: [Зинченко 1997]). На втором этапе формируется прескриптивная часть концепта, но сначала на рефлексивном уровне, то есть как теоретическое осознание необходимости некоторых коммуникативных действий. На третьем этапе императивная часть концепта осваивается на бытийном уровне; появляется соответствующее нормативное коммуникативное поведение. Возможен и четвертый этап, когда информационная и бытийная составляющие (преимущественно — информационная!) осмысляются на уровне ценностном и становятся национальными ценностями, но это происходит только с отдельными, национально и социально-культурно важными концептами.

По-видимому, можно говорить о начале второго из вышеназванных этапов формирования коммуникативной категории толерантности в русском постсоветском общественном сознании.

Концепт *толерантность* в русском национальном сознании в настоящее время находится пока еще на рефлексивном уровне сознания образованной и либерально-демократически ориентированной части народа и не воспринят еще массовым сознанием. В российском обществе на бытийном уровне наблюдается непонимание слова и концепта *толерантность*, ощущается тенденция неприятия самого слова *толерантность*, как и слова *консенсус*, введенного в российскую политическую практику Горбачевым (см.: [Гришук 2000]).

Вместе с тем в современном российском обществе наблюдаются попытки политической реабилитации конфронтационной модели массового сознания (*кто не с нами, тот против нас*), попытки устранения или подавления плюрализма в политике и публицистике на основе идеи «усиления властной вертикали», что не может не настораживать российскую демократическую общественность.

Для формирования категории толерантности в русском коммуникативном сознании необходимо время и целенаправленные усилия общества.

Требуется специальные меры учебного, пропагандистского, культурно-образовательного характера для «социального укрепления» данного концепта в русской концептосфере. Эта задача представляется важной и необходимой для современной России, поскольку принцип толерантности является одним из основополагающих универсальных принципов цивилизованного демократического общества.

Л. В. Енина

Этническая интолерантность в отражении уральских газет

Категория толерантности в последние годы активно осмысливается отечественной гуманитарной наукой. Большую практическую значимость имеют исследования, связанные с коммуникативно-прагматическим аспектом толерантности. Следование принципам толерантности в разных сферах коммуникации предполагает мирное сосуществование групп людей с разной историей, культурой, религией; означает терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, идеям, мнениям, верованиям. Можно говорить о толерантности как по отношению к индивиду, так и к группе, в том числе этнической. Закономерно, что в полиэтнической стране особый исследовательский интерес вызывает этническая толерантность/ интолерантность.

В данной работе мы обратимся к газетному тексту как транслятору, репрезентанту взаимоотношений этнических групп в обществе, и используем материал уральской прессы. Уральский регион традиционно относится к полиэтническим регионам и при этом не имеет открытых межэтнических конфликтов. Вероятно, поэтому в региональных средствах массовой информации этническая тематика не является центральной. Мы придерживаемся концепции осознания толерантности в ситуации конфликта (см: [Хомяков 2000a]). В соответствии с таким пониманием анализируются тексты, воспроизводящие внутренний конфликт. Внимание к показателям интолерантного отношения обусловлено тем,

что без анализа речевых средств передачи интолерантности затруднен разговор о пропаганде установок толерантного сознания. Источником материала для нашего исследования послужили региональные газеты за 2001–2003 гг.

Будем различать субъект-1 интолерантности (те, к кому относятся с предубеждением, неприязненно, агрессивно) и субъект-2 интолерантности (те, кто с предубеждением, неприязненно, агрессивно относится к представителям другой этнической принадлежности). Понятия *интолерантность* и *речевая агрессия* (см.: [Речевая агрессия... 1997]) используются нами как синонимичные.

Сигналы речевой агрессии в журналистском тексте возможно рассматривать с трех аналитических позиций: лингвистической, идеологической, риторической. Лингвистический анализ предполагает выявление языковых средств, в первую очередь лексических, обладающих семантикой, направленной на эффект агрессии (последний выступает как коммуникативный результат адресного речевого высказывания или текста влияния как содержательного и модального целого). В фокусе идеологического анализа находится манифестируемая в тексте система ценностей, находящих свое речевое выражение в идеологемах. Риторический анализ сосредоточен на способах внутренней организации воздействующего текста. В конкретном тексте идеологическая составляющая может оказаться определяющей, поскольку от идеологической позиции говорящего (сознательной или неосознаваемой) зависит отбор языковых средств и способы организации текста.

Начнем с идеологического анализа журналистского текста. Будем исходить из следующих определений: *идеология* — «система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности» (Современный философский словарь 1998: 326); *идеологема* — это «закрепленный в языковой форме идеологический смысл» [Купина 1996: 50]. В речевой ткани любого текста отражаются тенденции и закономерности идеологических предпочтений. В качестве идеологемы может выступать лексическая, фразеологическая или синтаксическая единица, текстовый фрагмент или текст.

Идеологемы, манифестирующие интолерантную позицию к этнически чуждому населению, структурируются общей оппозицией *мы/они*. Эта оппозиция может порождать как идеологему

этнического врага, так и идеологему этнического чужака («чужие» не всегда становятся врагами).

Наиболее частотным сигналом речевой агрессии является формирование в тексте идеологемы *врага*. В роли врага, как правило, выступают иммигранты или мигранты. Идеологема *врага* содержит смыслы опасности, угрозы для «своих».

Идеологема *этнического врага* остро ощущается на фоне реальных социальных проблем. Частотным маркером этнической границы становится экономическая ситуация, что подтверждают данные социологических исследований: «Экономические факторы влияют на межэтнические отношения, по меньшей мере, по двум основным каналам. Прежде всего, в условиях депривации, в том числе относительной, работает известная в социологии модель “козла отпущения”. Начинают искать виновных, и ими, как правило, оказываются “другие”... Кроме того, обостряется ситуация за счет возрастания значимости “социальных ниш” в этнокультурном разделении труда» [Дробижева 2003: 44]. В тексты вводится дихотомия *коренные/приезжие*. Субъектом-1 интолерантности становятся мигранты. Помимо обобщенных наименований *мигранты*, *выходцы из стран Азии и Китая*, *лица кавказской национальности*, *нерусские*, выделяется группа имен, в семантике которых газетой как текстом влияния закрепляется культурно-коннотативный компонент ‘чужие по этнической принадлежности’: *азербайджанцы*, *дагестанцы*, *таджики*. Обратимся к иллюстрациям. Показателен текст под заголовком «Нашествие рабов от Афгана до Урала» (МК-Урал. 2001. 1–8 нояб.) о мигрантах-таджиках: *Это нашествие представляет гигантскую потенциальную опасность для коренных жителей Урала... Беда подкрадывается незаметно — вечные рабы, вывезенные с таджикских гор, терпеливо переносят все сложности жизни на Урале*. Характерно, что журналист не раскрывает, в чем именно кроется опасность, которую он гиперболически описывает как *гигантскую*, однако сама гипербола увеличивает воздейственность образа *нашествия*. Оппозиция *таджикские горы / Урал* конкретизирует идеологему этнического врага, опасного для «своих»; в роли «своих» выступают «уральцы» — топоним, не имеющий этнической окраски. Автор называет граждан Таджикистана *рабами*, что позволяет говорить об оскорблении целой этнической группы: *Психология извечного раба делает их ценнейшим средством производства*. *Пятидневное путешествие*

из Таджикистана в Екатеринбург стоит 80 долларов с носа... Поговаривают, что для «гibbonов» эти «скотовозы» — законная кормушка. Семантически сближенные номинации *раб*, *психология раба*, *средство производства* вносят в текст коннотации уничижения / превосходства. Основанием для выражения этнической интолерантности становится якобы присущая таджикам от природы психологическая особенность, которая, по мнению автора, утверждает «естественное» неравенство. Негативная оценка усиливается употреблением выражения *средства производства* с одушевленным существительным, зоонима *гibbonы* (из контекста неясно, относится это слово к самим таджикам или к работникам ГИБДД); просторечное название автобуса *скотовоз* здесь также буквализируется и выглядит оскорбительным по отношению к пассажирам.

В подобных текстах акцентируется численность мигрантов, активно используется лексика с отрицательным прагматическим компонентом значения: *вытесняют, заполняют, наводняют, нашествие, засилье*. Подобная лексика служит для внушения страха перед угрозой приезжающих. Мигранты наделяются отрицательными характеристиками, описываются злонамеренные действия «чужаков» по отношению к местным жителям: *лезут без очереди, нагледят, портят жизнь*. Таким образом, мигранты предстают не просто «чужаками», а врагами. Местные жители исполняют роль жертв. Показателен текст под заголовком «Нелегалы вытесняют из больницы екатеринбуржцев» (Вечерние ведомости из Екатеринбурга. 2002. 23 июля): *Целые потоки эмигрантов* (ошибка в словопотреблении, речь идет о мигрантах. — Л. Е.), *нуждающихся в медицинском обслуживании, наводняют больницу ... Люди по талончикам и беременные женщины сидят здесь с шести утра, они же лезут без очереди*. Приведенная реплика принадлежит персонажу текста (не журналисту), но заголовок косвенно указывает на идеологическую солидарность редакции с мнением «коренного» больного. Примечательно противопоставление: *потоки эмигрантов — люди, беременные женщины*, исключаящее право для мигрантов называться *людьми*. Подчеркивается, что мигранты нарушают годами заведенный порядок, сохранение которого имеет для читателей газеты культурно-ценностную значимость. Снова используется контраст, обостряющий отношение неприязни к «непрошеным гостям»: (люди) по талончикам... сидят — (они)... ле-

зут без очереди. В этом же тексте фиксируются (и тем самым закрепляются в массовом сознании) отрицательные эмоции, вызванные присутствием «чужих»: *Сотни выходцев из стран Азии «благодаря» близости рынка «Таганский ряд» ежедневно заполняют центральную городскую больницу № 3. Такая ситуация вызывает раздражение и жалобы у местных больных. Идеологема этнического чужака не несет негативных смыслов, пока ее не включают в отрицательный контекст. Уральские газеты активно эксплуатируют подобный контекст.*

Этническая принадлежность в журналистских текстах часто связывается с проблемами преступности. Включение наименований этносов в сообщения криминальной хроники — типичное средство актуализации идеологемы *этнического врага*. Неблагополучный социальный факт связывается с этнической принадлежностью персонажей текста, что придает социальной напряженности этнический колорит. Приведем почти полностью одну из типичных сводок о происшествии: *Сотрудники Октябрьского РУВД совместно с Фондом «Город без наркотиков» выявили цепочку наркоторговцев. Последний ее представитель — Владимир Айвезян — работал грузчиком на фабрике «Уралобувь», героин он сбывал прямо на фабрике. Наркотик купил у грузчика русский наркоман Алексей. Он и его подельник попытались съесть героин при задержании. По словам президента Фонда «Город без наркотиков», все члены банды — нерусские и представляют собой канал поступления и распространения зелья из Тюмени и Казахстана. При задержании твердили только одно: «Мамой клянусь — не торговал», а потом неожиданно во всем признавались и сдавали сообщников. На всех участников цепочки заведены уголовные дела. (Вечерние ведомости из Екатеринбурга. 2002. 12 марта). Этническая идентичность — только одна из форм идентичности индивида. В данном тексте журналист счел необходимым идентифицировать соучастников преступления по этническому признаку. Причем интолерантная установка проявляется открыто при упоминании покупателя наркотиков — русского наркомана Алексея. Указание в речи на русскую национальность в России нетипично [Йокояма 2001: 61–63]. Реализованная оппозиция *наркоторговцев — Айвезян, все члены банды — нерусские / русский наркоман Алексей* встраивается в сквозную для текстов СМИ оппозицию *нерусские наркоторговцы / русские жертвы*.*

«Основой этнической нетерпимости является повышенная чувствительность к лицам других национальностей. Она может выражаться в широком диапазоне — от легкого дискомфорта и раздражения, никак не реализуемых в поведении, до различных форм дискриминирующего поведения вплоть до геноцида» [Солдатова 2001: 38]. В приведенных контекстах негативные оценки этнически «чужих» усиливаются смыслами ‘опасности’, ‘угрозы’ с их стороны. Оценка в речи всегда обладает прагматическим потенциалом: предназначается для воздействия на адресата и имеет целью вызвать определенное психологическое состояние [Стивенсон 1985: 129–154]. В нашем случае нагромождение негативных оценок вызывает и/или поддерживает агрессивное состояние читателей, транслирует интолерантное отношение к этнически «чужим».

Н. Д. Арутюнова, обобщая работы по прагматической аксиологии, отмечает: «Отрицательная оценка в речи ... всегда принимается не как простая информация, а как руководство к действию» [Арутюнова 1999: 174]. Можно сказать, что публикации, подобные анализируемым, могут быть восприняты читателем как руководство к действиям против мигрантов. Отметим, что в газетных текстах встречаются и случаи одобрения физического насилия по отношению к этнически «чужим». Например, в уже упоминавшейся статье «Нашествие рабов от Афгана до Урала» прямого призыва к погромам нет, но автор не стесняется написать: *Время от времени в каком-нибудь сарае, где обитают иностранцы, устраивается варфоломеевская ночь, но рынок рабсилы имеет уже такие обороты, что место выбитого не пустует. Идеологема уничтожения передана прецедентным текстом Варфоломеевская ночь.* В тексте изначальный смысл ‘крайняя религиозная нетерпимость’ используется лишь как культурный фон, а смысл ‘физическая расправа’ выступает как непосредственное обозначаемое. Примечательно, что убийства не оцениваются негативно, они подаются автором фактографически как неэффективные, поскольку не могут существенно повлиять на количество приезжих.

Идеологема *этнического врага* в уральской прессе реализуется не только по отношению к мигрантам. Субъектом-1 интолерантности нередко выступает цыганский этнос: *В Чкаловском районе выявлен очередной клан цыган-наркоторговцев...* (Вечерние ведомости из Екатеринбурга. 2002. 22 марта). В толковании слова *клан* — ‘род, родовая община’ (МАС-2: 53) нет оценочного ком-

понента, однако в сочетании с существительным *наркоторговцы* выражение *клан цыган* приобретает отрицательные коннотации. Значимым становится акцент изменения вида деятельности (цыгане, как принято считать, гадают, пляшут, поют, любят кочевую жизнь, не склонны работать на производстве, воруют). В публикации подчеркивается, что именно цыгане занимаются наркоторговлей. Большую смысловую нагрузку несет на себе определение *очередной*, выделяющее регулярность нового бизнеса, несущего смерть «своим».

Текстовый фрагмент *Хозяева новых строений* — на 99 процентов люди цыганской национальности. Местные русскоязычные жители **не скрывают своей неприязни** к цыганским новостройкам и их хозяевам (МК-Урал. 2002. 4–11 апр.) содержит оппозицию *коренные / приезжие*; *местные русскоязычные / цыгане*. В качестве этнической границы выступает язык и материальный достаток: *цыганские новостройки*. На этой же газетной полосе опубликован другой текст под названием «Цыганская вольница», в котором присутствует прямое одобрение физического насилия: *Молодежные побоища, как кажется, невыводимы. Но наряду с тупыми утехами гопников, стайей накидывающихся на слабого, появилась «робингудовская» разновидность драчунов, которые пытаются физическими методами бороться с наркоторговцами и прочей дрянью. Из двух сторон одной медали последняя, безусловно, вызывает сочувствие и горячее одобрение населения. <...> Естественно, что действия народных мстителей были не совсем законны, но не в этом суть. Главное — цыганская вольница была вынуждена скрываться и остерегаться* (МК-Урал. 2002. 4–11 апр.). В воплощенной здесь идеологии уничтожения (представителей цыганского этноса) присутствует и смысл пренебрежения правовыми нормами, оправданного идеей «справедливости наказания». Молодые люди, избивающие цыган, названы *драчунами* и даже *народными мстителями и робингудами*. Прецедентные феномены *народные мстители, робингуды* имеют положительную коннотацию в современном культурном сознании. В газетном тексте воспроизводятся слова одного из «драчунов»: *Надоело нам смотреть на цыганский беспредел. Они наглейт и наглейт. Друзья один за другим умирают, когда цыгане порошок разбодяживают. Вот мы и решили их наказать. Мы сами все бывшие наркоманы, за что отсидели. А сейчас решили за ум взяться и цыганам жизнь подпортить, чтобы они*

ее другим не портили (МК-Урал. 2002. 4–11 апр.). В этом фрагменте чужой речи [Михайлова 2000] очевиден механизм формирования интолерантного отношения к этносу. Этноним *цыган* в системе языка является безоценочным; отрицательная коннотация этнонима приобретается в современном социокультурном контексте с помощью широко воспроизводимой в обществе, в том числе СМИ, упрощенной цепочки хода мысли, содержащей логический сбой: *наркоторговцы — плохие, (некоторые) цыгане торгуют наркотиками, следовательно, (все) цыгане плохие.*

Прямым призывом к уничтожению выглядит заголовок, в котором реализована та же логическая цепочка: *Бомби Афган — наркоты не будет* (Березниковский рабочий. 2001. № 213, 31 окт.). Лозунговость заголовка подчеркнута императивной формой глагола. Конечно, нельзя говорить об идеологии геноцида в указанных текстах, но пропаганда этнической интолерантности и призывы к насилию здесь присутствует. Отметим также, что идеологема *уничтожения* является периферийной на страницах уральских газет.

Прямыми сигналами речевой агрессии, как было показано, являются речевые средства, поддерживающие идеологему *врага* и идеологему *уничтожения*. Эти идеологемы проявляются прежде всего в текстах, связанных с описанием и анализом напряженной социальной ситуации на Урале, осложненной экономическими трудностями, действиями криминала.

Сигнал интолерантности — идеологема *этнического чужака*. Восприятие «чужого» (если он не представляет опасности) может быть насмешливым, снисходительным.

Рассмотрим тексты, полностью посвященные этносам или отдельным их представителям. Интересна с точки зрения проявления имплицитной речевой агрессии статья в «МК-Урал» под названием «Сваха от государства» (МК-Урал. 2002. 28 февр.–7 марта). В этом тексте речь идет о *манси*, живущих на севере Свердловской области. Во-первых, снисходительность передается на лексическом уровне словами с уменьшительным значением: *Когда русские завоевывали Сибирь, то отмечали высокий дух воинственности мансийских князцов* (здесь и далее выделено мною. — Л. Е.) ...*Даже мансийские деточки на вопрос о своей мечте отвечают: «Чтобы русские нам водку не возили».* Во-вторых, говоря о *манси*, журналист использует биологические термины: ...*свердловская популяция манси немногочисленна. Молодые не женятся, по-*

тому что все они — двоюродные братья-сестры. По науке такое **скрещивание** называется 'инбридинг'. Словарь дает следующее толкование значений выделенных слов: *популяция* (спец.) — 'совокупность особей одного вида (животных или растений), находящаяся на определенной территории' (МАС-3: 299); *скрещивание* — 2. 'спаривание животных или опыление растений разных видов, сортов, пород для выведения нового вида, сорта, породы' (МАС-4: 121). Таким образом, за счет неявной оппозиции *люди/животные* реализуется уничижительный смысл 'манси не совсем люди, они находятся на низком уровне развития'. В этом же тексте встрети-лась имитация речи манси по аналогии с анекдотами о **чукчах**: *А брать жену из северных соседей слишком дорого — калым надо, однако*. Ассоциация с анекдотом поддерживает насмешливое отношение автора не только к манси, но и к северным народам в целом. Текст «Сваха от государства» реализует идеологему этнического чужака. Снисходительность, ироничное низведение манси до уровня животных тиражирует социально и культурно неравноправные отношения к этому этносу, закрепляет негативный этностереотип, порожденный великодержавной идеологией.

Другой текст рассказывает о чернокожем гражданине Мали, женившемся на девушке из уральского города и поселившемся в Свердловской области. Общая тональность текста доброжелательная. Идеологема *чуждости* реализуется в подчеркивании другого цвета кожи и — главное — в описании реакции горожан-уральцев на непохожесть: *Для большинства ирбитчан приезд в их город на постоянное место жительства настоящего африканца стал просто потрясением. Многие из них до этого видели негров только по телевизору. А тут — живой, черный-пречерный да еще ветеринар. <...> Но не столько с «животными» проблемами обращались к ветеринару, сколько хотели посмотреть на человека другой расы, национальности... Он ведь темненький такой...* Журналист воспроизводит мнение одной из посетительниц ветеринарной клиники: *А то, что он чернокожий, так это кошек не пугает, а нам даже интересно* (МК-Урал. 2002. 21–28 марта). Снисходительность в описании необычного персонажа создается за счет использования лексики со значением сильного эмоционального переживания (*потрясение*), неоднородных определений в неожиданном сочетании (*живой, черный-пречерный да еще ветеринар*), иронической интонации (*что он чернокожий, так это кошек не пугает*).

Конечно, ирония не всегда является показателем интолерантности, но потенциальная интолерантность любой иронии заключается в том, что субъект иронического высказывания всегда дистанцирует *другого*, насмешливо ставит под сомнение его опыт.

Публикация «Национальный вопрос» с подзаголовком «Хроники езидских войн в Екатеринбурге. Кровавая месть в Уральских горах. Счет 4: 4» (МК-Урал. 2002. 14–21 марта) посвящена описанию конфликта между семьями иммигрантов-езидов (курдская религиозная община). Автор затрагивает сложную проблему «вписывания» традиции вендетты в современную ситуацию большого города. Журналист избегает прямых оценок и четко придерживается заявленного жанра — хроники. Коммуникативная стратегия — изложение фактов без уничижительной иронии, но с отстраненностью цивилизованного человека по отношению к менее цивилизованным. Отстраненность способствует установлению заведомо неравноправных культурных позиций автора и его героев, что позволяет интерпретировать текст как интолерантный. Идеология *этнического чужака* является проявлением этноцентристской системы взглядов, в которой «старший брат» всегда умнее и цивилизованнее «младшего».

К прямым проявлениям речевой агрессии следует отнести замечание журналиста, сделанное а горос: *В это время на езидов обратили внимание и правоохранительные органы столицы Урала: с одной стороны, они своим появлением вынудили наркоторговцев-цыган покинуть насиженные места в Цыганском поселке, но, с другой стороны, с их появлением участились разбойные нападения на богатых выходцев из Армении. Многие сотрудники милиции и прокуратуры считают, что именно разбои обеспечивали основные доходы клана. Однако никаких доказательств этому нет* (МК-Урал. 2002. 14–21 марта). Весьма симптоматично последнее высказывание: доказательств, что езиды незаконно добились материального достатка, нет, но все так думают. В другом тексте также фиксируется распространенный негативный этностереотип: *Пенсионерки души не чаяли в участковом-азербайджанце: «Он хоть и не русский, но очень хороший человек. Вежливый. Спокойный. И жена у него хорошая»* (МК-Урал. 2002. 6–13 июня). Противопоставление *не русский, но хороший* указывает, что в подтекст «уведены» отрицательные суждения о нерусских (см.: [Крысин 2003б: 462]). Этностереотипы вписываются в определенную си-

стему ценностей, поэтому даже единичное воспроизведение отрицательных этностереотипов в газетном тексте, пусть и с последующим опровержением участков их смыслового наполнения, способствует распространению идеологически интолерантного отношения к этнически чужим.

Следствием идеологических предпочтений является выбор языковых средств выражения при разработке автором газетного текста этнической тематики. На уровне языковых средств, маркирующих негативное отношение к предмету речи, обратимся прежде всего к явлению дисфемизации — нарочитого употребления грубых, вульгарных, стилистически сниженных слов и выражений с целью дискредитации личности, формирования восприятия объекта как подозрительного и нежелательного, вызывающего неприязнь, отвращение или ненависть¹ (см.: [Купина, Михайлова 2001]).

Примерами дисфемизмов являются случаи употребления, даже однократного, в газетном тексте грубо-оскорбительных номинаций: *азеры, жидаы, хохлы, даги* (дагестанцы): Неофициальные этнонимы присутствуют не в собственно авторской речи журналиста, а в речи персонажей текста (субъекты-2 интолерантности). Снижение тональности в речи героя интервью под названием «Бритоголовый патриотизм» происходит за счет наполнения местоименных слов пренебрежительно-уничижительной коннотацией: *всякие, какие-то* — ‘не стоящие внимания, безликие, не имеющие индивидуальности’: *Мы хотим сделать так, чтобы на русской земле русским людям жилось спокойно. А то от всяких там цветных уже прохода нет никакого. Они ведут себя здесь как хозяева. ... Мне стало за него обидно и вообще обидно за нас, за русских, которые на своей же земле подвергаются нападкам со стороны каких-то черных и желтых* (МК-Урал. 2003. 17–24 сент.).

В редких случаях дисфемизмы присутствуют в речи субъекта-1 интолерантности. Например, в тексте «Ваххабит с нашего двора» журналист цитирует Алену Абдулазизову, жену лезгина: *Здесь не любят нерусских. Когда Мадина пошла в школу, то ее все обзывали черножопой. Она приходила домой и плакала* (МК-Урал. 2003. 14–23 апр.). В текстовом фрагменте одновременно фиксируется и дисфемизм, и реакция ребенка на оскорбление.

Особого внимания требуют тексты, в которых в качестве субъекта-2 интолерантности выступает сам журналист. Подобные случаи свидетельствуют об отсутствии толерантного подхода ре-

дакции к освещению этнической тематики. Например, в тексте «Союз нерушимый республик голодных» журналист делится впечатлениями о своей поездке в Украину: *Поначалу было забавно слышать, как негры в американских боевиках гутарят на хохляком* (орфография сохранена. — Л. Е.). Доходило даже до смешного, когда в рекламе тренажеров мастер спортивных единоборств Чак Норрис вдруг заговорил, как гарный хлопец (Парма-Новости. 2000. 13 июля). Наряду с диалектным словом *гутарить* употреблено прилагательное, образованное от грубого наименования этноса. Кроме того, неприятие чужого языка передано ироническим использованием украинских слов *гарный хлопец*.

Одним из самых заметных лингвистических маркеров этнического различия в устной коммуникации является акцент. Повтор фонетических особенностей речи иностранцев с целью насмешки является грубым нарушением норм речевого этикета; передразнивание этнических особенностей в письменной форме увеличивает степень бестактности говорящего, в нашем случае — журналиста. В иронической заметке о визите редактора эстонской газеты «KES-KUS» в редакцию газеты Коми-Пермяцкого автономного округа «Парма-Новости» речь гостя передается следующим образом: *Этто эстонская казетта. <...> Я — клавный редакктор* (Парма-Новости. 2000. 13 июля).

Примеры реализации журналистом инвективной коммуникативной стратегии говорят о нарушении профессиональной этики, поскольку в поликультурном обществе, каким является современная Россия, журналист «неизбежно становится медиатором, посредником в межкультурной коммуникации. Он обращается к массовой недифференцированной аудитории и имеет в качестве адресатов представителей разных культурных групп» [Чепкина 2003: 475].

Говоря о лингвистических маркерах этнической интолерантности, укажем на то, что особого внимания заслуживают частотные случаи синонимичного употребления слов *российский* — *русский* — *православный* в региональных изданиях. При использовании слов *русский* — *российский* как взаимозаменяемых вновь реализуется этноцентристская идеология. В свете формирования этнической толерантности подобное словоупотребление является грубой фактической ошибкой. Например: «*Российские роднички*» — так назывался областной фестиваль, проходивший в эти весенние дни в Екатеринбурге. Певучее, истинно русское назва-

ние дано фестивалю не случайно, ведь его основное направление — народное творчество, русские песни, обряды, театральные действия (Рабочая правда. 2002. 17 мая). Поскольку речь идет об областном фестивале, на нем может быть представлен фольклор любых уральских этносов, и название фестиваля подчеркивает полиэтничность, однако для автора этой заметки на Урале живут только русские. Российское общество нередко предстает в журналистских текстах культурно однородным (русско-православным). В этом году из 37 зарегистрированных браков в поселке Малышево (Свердловская область) 20 прошли в местном ДК под русские обрядовые песни с хороводами и хлебом-солью... Семнадцать участниц ансамбля старинной и православной песни «Веселушки» в ситцевых сарафанах и кокошниках здороваются с новобрачными... Елена Константиновна (руководитель коллектива. — Л. Е.) принесла с собой православные песни из репетуара братьев Заволокиных (МК-Урал. 2002. 24–31 янв.). Почему обрядовые песни отнесены к православным песнопениям? Очевидно, что для автора нет различия в семантике этих слов.

В процессе данного исследования была выявлена также не имеющая отношения к толерантности в журналистике, но отмечаемая в текстах собственно лингвистическая проблема взаимодействия разных этнических групп — потребность правоохранительных органов в переводчике: *Ситуация осложняется еще и тем, что езиды говорят на своем языке, который лишь отдаленно напоминает курдское наречие, а переводчика найти никак не удастся, так как езид езиду — друг, товарищ и брат* (МК-Урал. 2002. 14–21 марта); *Более того, цыгане отказываются разговаривать с органами на русском языке, а цыганского переводчика у оперативников нет* (МК-Урал. 2002. 4–11 апр.).

Третий способ выявления маркеров интолерантности — риторический анализ текста. Рассмотрим критерий внутренней монологичности/ диалогичности текста. Категория диалога является ведущей категорией в анализе толерантных отношений. Внутренняя диалогичность — это взаимодействие во внешне монологическом тексте разных идеологических/ мировоззренческих позиций в отличие, например, от собственно диалогического газетного жанра — интервью. Как показывает наш материал, в текстах, посвященных этническим проблемам, нам ни разу (!) не встретились мнения представителей этносов, о которых пишет журналист.

Получается, что конкретным представителям этносов в буквальном смысле нет места на страницах газет. Однако толерантность невозможна без диалога, без представленности точек зрения всех участников конфликта. Отсутствие внутренней диалогичности в газетном тексте еще раз подтверждает вывод о главенствующей позиции идеологической установки.

Идеологический анализ текста в сочетании с лингвистическим и риторическим анализами позволяет выявить идеологемы, способствующие распространению экстремистских и этноцентристских идей в обществе. Однако следует подчеркнуть, что в средствах массовой информации толерантность носит особый характер: СМИ выполняют важнейшую функцию трибуны общественной дискуссии, в том числе по самым острым, беспокоящим общество вопросам. СМИ обязаны предоставлять слово, по выражению Ю. В. Казакова, «легитимной нетерпимости», суть которой — не одобряемое, но допускаемое в целях реализации и защиты фундаментального общественного интереса поведение [Казаков 2003: 276, 331]. Об этом же пишет Л. М. Дробижева: «Борьба с дискриминацией конкретных лиц любой этнической принадлежности, выступающих как граждане страны, не закрывает необходимости *обсуждать* (выделено мною. — Л. Е.) и предупреждать развитие ксенофобий, предубеждения и изоляционистского поведения» [Дробижева 2003: 14]. Поэтому и с коммуникативно-прагматической, и с этической позиций не стоит вводить цензуру или самоцензуру на публикацию интолерантных высказываний или текстов, содержащих идеологемы, несовместимые с пропагандой толерантных установок сознания. Однако иного отношения требуют лингвистические способы выражения интолерантных позиций, например, этически недопустимым является употребление дисфемизмов в средствах массовой информации.

Итак, по данным уральской прессы, субъектами-1 интолерантности выступают *азербайджанцы, дагестанцы, таджики, цыгане, нерусские*; субъектами-2 интолерантного отношения выступают, как правило, персонажи текста, реже — сами журналисты. Журналист, занимая в большинстве случаев нейтральную позицию, не дает своего и не приводит чужого комментария с противоположными взглядами, поэтому общий идеологический фон этнической тематики в журналистском дискурсе можно охарактеризовать как интолерантный. Основаниями для этнической интолерантности

служат сложная экономическая ситуация, напряженная криминальная обстановка, стереотипно приписываемые этнически чужим «естественные» психологические особенности. Основными маркерами этнической границы становятся внешняя непохожесть, язык, материальный достаток, разность культурных обычаев.

Источники

1. Березниковский рабочий. 2001. № 213. 31 октября.
2. Вечерние ведомости из Екатеринбурга. 2002. 12 марта.
3. Вечерние ведомости из Екатеринбурга. 2002. 22 марта.
4. Вечерние ведомости из Екатеринбурга. 2002. 23 июля.
5. МК-Урал. 2001. 1–8 ноября.
6. МК-Урал. 2002. 24–31 января.
7. МК-Урал. 2002. 28 февр.–7 марта.
8. МК-Урал. 2002. 14–21 марта.
9. МК-Урал. 2002. 21–28 марта.
10. МК-Урал. 2002. 4–11 апреля.
11. МК-Урал. 2002. 6–13 июня.
12. Парма-Новости. 2000. 13 июля.
13. Рабочая правда. 2002. 17 мая.

О. В. Рябов

Межкультурная интолерантность: гендерный аспект*

Межкультурное понимание предполагает особый вариант позиционирования себя в межкультурном дискурсе, специфический способ отношения к Своим и Чужим. Коммуникативная успешность современного диалога культур в значительной степени определяется тем, в какой мере будут реализованы ресурсы толерантности. Одним из аспектов исследования проблем толерантности является анализ закономерностей образа врага. Нам представляется наиболее точным понимание толерантности как «терпимости к “другому”, “иному” при отсутствии враждебности или отрицательного отношения к “чужому”» [Михайлова 2003: 105]. Как же в межкультурном дискурсе Другой превращается в Чужого в его крайней форме, форме Врага?

Мы разделяем точку зрения, согласно которой образ врага может быть рассмотрен как социальный конструкт [Aho 1994], определяемый не только реальными качествами соперничающей стороны, но и его функциями: во-первых, поддерживать идентичность

* Исследование выполнено в рамках проекта «Военный конфликт и гендер в культурных репрезентациях современного российского общества» (грант № 970-1214-2-03). Поддержка данного проекта была осуществлена Центром социологического образования Института социологии РАН совместно с ИНО-центром (Информация. Наука. Образование) за счет средств, предоставленных Фондом Форда. Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

социального субъекта, отделяя Чужих от Своих; во-вторых, доказать собственное превосходство (военное, нравственное, наконец, эстетическое) и тем самым способствовать победе над Врагом; в-третьих, упрочить внутренний порядок и провести символические границы в собственном социуме. Отмеченные функции этого образа обуславливают редукцию и референцию составляющих его черт. Враг должен порождать чувство опасности, вызывать убежденность в моральной правоте Своих и неправоте Чужих. Гнев, отвращение, безжалостность — еще один «кластер» чувств, который призван вызывать образ врага; они связаны с использованием такого пропагандистского приема, как дегуманизация Врага. Наконец, Враг должен быть изображен достаточно слабым и комичным, чтобы Своих не покидала уверенность в том, что их победа неизбежна [Frank 1967; Keen 1986; Rieber, Kelly 1991; Harle 2000].

Образ врага создается при помощи самых разнообразных видов дискурса, среди которых гендерный дискурс, на наш взгляд, является одним из достаточно значимых. Задача данного исследования заключается в попытке ответа на вопрос: как и почему гендерный дискурс используется в конструировании образа врага. Нам представляется уместным прежде всего уточнить основные понятия и теоретические подходы исследования; затем определить сущность, причины и формы включения гендерных образов, символов, метафор в образ врага; далее — остановиться на вопросе о гендеризации образа врага в межкультурном дискурсе; и наконец, проиллюстрировать отмеченные закономерности опытом культурного диалога России и Запада.

Исследования толерантности непосредственно связаны с проблемой Своих и Чужих (см.: [Михайлова 2003: 105]). Как известно, отношение между Своими и Чужими лежит в основе коллективной идентичности (см.: [Harle 2000]). Мы определяем коллективную идентичность как формирующееся на основе общности интересов и ценностей состояние групповой солидарности, включающее коллективный (осознание и переживание группой своей целостности и тождественности) и индивидуальный (осознание и переживание индивидами своей принадлежности к группе) уровни [Курнаева, Рябов 2004]. На наш взгляд, при исследовании феномена коллективной идентичности следует принимать во внимание три его характеристики: референтность, контекстуальность и гетерогенность.

Говоря о *референтности** коллективной идентичности, мы имеем в виду, что репрезентации Своих и Чужих обуславливают друг друга.

Другой важной чертой коллективной идентичности является *контекстуальность*. Нам представляются эвристичными идеи, высказываемые в рамках инструменталистского и конструктивистского направлений социально-гуманитарного знания: коллективная идентичность содержит элемент ситуативности, подвижности. Стратегии социального творчества определяют изменчивость приписываемых Своим и Чужим черт; неизменными остаются лишь ее функции.

Наконец, необходимо принимать во внимание *гетерогенность* коллективной идентичности. Каждая общность конституируется при помощи эталонного образца (в наибольшей степени воплощающего ее специфические черты), который и продуцирует иерархии и асимметрии внутри социума — иными словами, социум состоит из «более Своих» и «менее Своих» (скажем, «более русских» и «менее русских»); при этом наименее Свои воспринимаются в качестве внутренних Чужих, внутренних Врагов. Необходимо принимать во внимание, что репрезентации внутренних и внешних Врагов, как правило, взаимообусловлены. Нередко внешний Враг «изобретается» для того, чтобы маркировать определенные социальные и политические группы как Врагов внутренних. Кроме того, следует учитывать, что коллективная идентичность существует как процесс конкуренции различных дискурсов, соревнующихся между собой за определение Своих и Чужих, «наших» и «не-наших», и, соответственно, за определение нормы и девиации. Например, русскость представляет собой поле конкурирующих дискурсов, и мы можем наблюдать множество самых разнообразных, порой взаимоисключающих, интерпретаций того, что такое Россия и что означает быть русским. Очевидно, каждая из интерпретаций содержит собственные эталон и антиэталон, специфический взгляд на инаковость и «нашесть», особые варианты проведения символических границ между Своими и Чужими. Такой эталон формируется при помощи различных характеристик, в том числе и гендерных.

* Данный термин был использован А. Г. Здравомысловым применительно к национальному самосознанию (см.: [Здравомыслов 1996]). Мы полагаем, что он может быть использован для характеристики идентичности любой общности.

Мы понимаем гендер как систему отношений, которая делит множество «люди» на два подмножества — «мужчины» и «женщины». Вместе с тем гендер принимает участие в создании картины мира в целом и упорядочивает организацию социальных отношений не только между полами, но и между другими социальными группами (нациями, классами, культурами), а также между человечеством и природой. Поле гендерного дискурса коллективной идентичности формируют суждения о гендерном порядке Своих и Чужих, об идеалах мужественности и женственности, отношениях между полами, положении женщины, особенностях сексуального поведения, семейных устоях. Переплетаясь с другими видами дискурса (национальным, военным, политическим, межкультурным и др.), он испытывает их влияние и, в свою очередь, определяет их [Cohn 1993: 228]. Как и почему происходит подобное переплетение?

Во-первых, следует принимать во внимание отмеченную роль гендерного дискурса как маркера, механизма включения/исключения, конструирующего символические границы между сообществами. Таким образом, наряду с прочими идентификаторами, гендерный дискурс отделяет Своих от Чужих и определяет первое как норму и второе — как девиацию. Иными словами, Свои мужчины — самые мужественные в мире, Свои женщины — самые женственные, и так далее.

Другим фактором, позволяющим рассматривать гендер за пределами собственно отношений полов, является гендерная метафоризация. При этом иерархия мужественности и женственности как ценностей оказывает влияние на иерархию социальных субъектов (наций, классов, политических институтов), маркировка которых как женственных или мужественных влечет за собой атрибутирование им соответствующих качеств и соответствующего символического капитала. Таким образом, при помощи гендерного дискурса утверждаются и подтверждаются отношения неравенства и контроля. Причем, как показывает К. Кон, подобная маркировка представляет собой также средство формирования новых значений и оценок: манифестация таких, например, качеств, как способность абстрактно мыслить, умение быть беспристрастным, привычка апеллировать к разуму, а не к чувствам, является одновременно демонстрацией маскулинности, что, в свою очередь, означает быть в привилегированной позиции в гендерном дискурсе

(см.: [Cohn 1993: 229]). Это дает нам основания интерпретировать гендерную метафоризацию в качестве формы «символического насилия» [Bourdieu 1998: 103]. На наш взгляд, допустимо выделять такую функцию гендерной метафоризации, как установление и поддержание властных отношений — наряду, скажем, с когнитивной или художественной функциями. Трактовка феминного в качестве девиантного, нуждающегося в контроле, определяет доминирующую тенденцию гендерной метафоризации: маскулинизация Своих и феминизация Чужих — обычный прием внутри- и внешнеполитической борьбы*.

Таким образом, в самой оппозиции «мужское — женское» заключена возможность использовать гендерный дискурс для четкой маркировки границы между Своими и Чужими и для продуцирования отношений неравенства и контроля. Другой причиной востребованности гендерного дискурса в идентификационных стратегиях является кажущаяся «естественность» эталонов мужественности и женственности: эссенциализация, которая содержится в гендерных концептах, переносится, например, на обоснование сущностного и потому неустранимого характера противоречий между враждующими социальными субъектами. Наконец, особый эмоциональный заряд обусловлен тем, что отношения между полами, иерархия полов воспринимаются обыденным сознанием как едва ли не наиболее очевидный и понятный, а потому легитимный и не подлежащий рефлексии пласт человеческой культуры (см.: [Blom 2000]).

В исследованиях последних лет отмеченные закономерности подтверждаются на материале различных типов дискурса: социального, политического, военного, национального (см., например: [Cohn 1993; McClintock 1995; Рябова 2000; Рябов 2001; Goldstein 2001]). Анализ межкультурного дискурса** также показывает роль гендерных метафор, образов, символов в установлении границ и продуцировании иерархий как между культурами, так и внутри них.

* О различных способах «символического насилия» над Врагом в гендерном дискурсе см.: [Cohn 1993: 238; Hooper 2001; Goldstein 2001: 356–362].

** Понимание социальной коммуникации как «движения смыслов в социальном пространстве и времени» [Соколов 1996: 22] позволяет нам рассматривать коммуникацию межкультурную в качестве процесса, субъектами которого являются не только индивиды, но и сами культуры.

Проиллюстрируем функцию гендерного дискурса «разделять и оценивать» материалами пропаганды периода «холодной войны». Как известно, «холодная война» воспринималась по обе стороны «железного занавеса» не только как борьба двух социально-политических систем, но и как дуэль двух сверхдержав, СССР и США. Разделение мира между двумя полюсами продуцировало манихейское мироощущение, в котором каждый для другого был Врагом номер один. Сама идентичность Америки с середины 40-х гг. в значительной степени определялась ее ролью последнего оплота в борьбе с «мировым злом»: противостояние коммунистической России рассматривалось как главная историческая миссия [Sharp 2000: 73]. Быть «хорошим американцем» означало отличаться от «коммунистов» во всех отношениях, включая и гендерное. Девиантность гендерного порядка Врага изображалась при помощи различных приемов. Одной из ведущих в американском антикоммунизме, на наш взгляд, была тема «отсутствия секса» в СССР; так, одна из статей в «Ридерс дайджест» за 1982 г. была озаглавлена «Top Secret: Is There Sex in Russia?» [Там же: 133]. Ненормальность отношений между женщинами и мужчинами в СССР, равно как советские мужественность и женственность, — эти положения широко использовались в пропаганде [Там же: 101, 119]. Согласно указанному исследованию, в образах советских женщин подчеркивались как трудолюбие и покорность, так и отсутствие грации и «кокетства» [Там же: 101]. Еще вышедший в конце тридцатых годов фильм «Ниночка» с Гретой Гарбо в главной роли строился вокруг шаржированного изображения советской маскулинности, противопоставленной маскулинности западной, благодаря которой партийный функционер Нина Якушева и смогла сно-ва стать «нормальной женщиной».

Советская пропаганда также основывалась на контрасте Своих и Чужих; последние олицетворяли прошлое, реакцию, историческую обреченность, войну, эксплуатацию, бесчеловечность. В советской идентичности образ «капиталистического окружения» всегда играл первостепенную роль: Враг многолик, он везде. Основным Чужим в годы «холодной войны» и стал «американский империализм». В гендерном дискурсе активно использовалось конструирование образа врага. Своеобразный кинематографический «наш ответ Чемберлену» представляет собой фильм Г. Александрова «Цирк», также созданный еще в предвоенные годы. Парал-

лели с «Ниночкой» достаточно очевидны. Если в начале фильма Мэрион Диксон, героиня Любови Орловой, изображена подчеркнуто сексапильной (говорят, Л. Берия, первый раз увидев картину, даже обещал наказать режиссера за «порнографию»), то в заключительных кадрах фильма она — воплощение женского и человеческого достоинства в соответствии с представлениями советской идеологии. Это достоинство ей помогли обрести не только советский строй (*И никто на свете не умеет / Лучшие нас смеяться и любить*), но и советская маскулинность. Советский мужчина Иван Мартынов, роль которого исполнял С. Столяров, помогает ей «стать человеком».

Активно используется в межкультурном дискурсе и гендерная метафоризация. Анализ этого процесса позволяет наблюдать отмеченную тенденцию маскулинизации Своих и феминизации Чужих. Вместе с тем, на наш взгляд, названные стратегии гендерного дискурса можно постулировать лишь в том случае, если мы рассматриваем некую идеальную модель взаимодействия двух равных культур. Такая модель основана на допущении: диалог культур обогащает участников в равной степени, а участники межкультурной коммуникации чистосердечно стремятся повысить свою языковую и культурную компетентность. Однако если рассматривать сложившиеся в современном мире межкультурные отношения, то станет очевидно, что некоторые культуры «равнее других». Определенная «асимметричность» развития различных культур породила тот феномен, который, на наш взгляд, лучше всего отражен в названии известной работы С. Холла «Запад и Все Остальное: Дискурс и власть» [Hall 1992]. Согласно перспективе коммуникация между культурами может и должна быть интерпретирована и как создание форм культурного доминирования.

Характер взаимодействия между культурами в современную эпоху стал предметом анализа в постколониальных исследованиях, время появления которых обычно возводят к публикации труда Э. Саида «Ориентализм» [Said 1978]. В этой работе был предложен новый способ концептуализации истории отношений между Востоком и Западом, а именно: ориентализм есть дискурс эпохи Модерности, в котором знания Запада о Востоке связаны с доминированием над последним. Используя идею М. Фуко о невозможности неангажированного знания, о том, что все формы знания есть производство власти (конституирование чего-то или кого-

то как объекта знания предполагает узурпацию власти над ним), Э. Саид исследовал импликации западной конструкции Востока как объекта знания в период колониального владычества. По оценке Э. Саида, репрезентации Востока, производимые данным дискурсом, никогда не представляли собой просто отражение реальности (истинное или ложное), но были востребованы с тем, чтобы определить природу Востока и восточного как низшую и отличную от Запада, во-первых, и легитимировать западное управление им, во-вторых [Lewis 1996: 23].

Ключевые элементы ориентализма можно представить следующим образом. Ориентализм включает в себя убеждение, что Запад способен понимать Восток, представлять его интересы и управлять им лучше, чем это делает или мог бы сделать сам Восток [Lewis 1996: 16]. Запад при этом трактуется в качестве универсального референта: есть только одна модель, все остальное репрезентируется как девиация. При такой перспективе Восток оценивается в терминах «отсталости» и «недоразвитости»; настоящее же Востока — это прошлое Запада. Среди тех функций, которые фактически выполняет ориентализм, отметим, во-первых, его роль в конструировании идентичности Запада. «Запад» есть отрицание «восточности»; внутренние Чужие Запада, напротив, подвергаются ориентализации. Помимо прямого отождествления этих социальных групп с восточными «дикарями», им приписываются те же лень, чувственность, иррациональность, хаос, недостаток самоконтроля и др. [Hall 1992: 280]. Скажем, так в британской прессе XIX века портретировались ирландцы [Pickering 2001: 142–144]. Во-вторых, ориентализм помогает установить и поддерживать власть над Востоком за счет репрезентации данной культуры как низшей и неспособной к самоуправлению. Необходимо отметить, что образ Другого амбивалентен по своей сущности [Bhabha 1994: 66; Pickering 2001: 40]: экзотический Восток очаровывал, вызывал восхищение; особенно это отразилось в романтизме. Но «хорошая» сторона стереотипа Другого неразрывно связана с его «плохой» стороной, а «благородный дикарь» всегда может быть обращен в «неблагородного» [Hall 1992: 309].

Вопрос о гендерных аспектах ориентализма был поставлен уже в труде Э. Саида. Автор показал, что отношения между западным человеком и Востоком сексуализированы и гендеризированы: *homo occidentalis* представлен как мужчина, в то время как для

репрезентации восточности используется метафора женственности. Дальнейшие исследования показали, сколь значительна роль гендера в ориентализме. Восток ассоциируется с чувственностью, желанием, сексуальным обещанием, приглашением к проникновению и оплодотворению [Lewis 1996: 5]. К примеру, феминизация Индии и индийских мужчин — одна из дискурсивных стратегий британского колониализма [Krishnaswamy 1998: 35].

Отмеченные функции ориентализма реализуют себя и в гендерном дискурсе. Во-первых, это «натурализация» и легитимация колониализма. Репрезентации индийской культуры как женственной используются для объяснения и оправдания того, что Индия находится под британским управлением [Kennedy 2000: 23]. Метафора брака между британской мужественностью и индийской женственностью служит также «облагораживанию» образа колониального владычества, и истинные интересы британского империализма обретают необходимую респектабельность [Kennedy 2000: 35]. Во-вторых, феминизация Востока конструирует гендерную идентичность Запада — как абсолютно маскулинной культуры: сильной, рациональной, организованной, построенной на принципах права и индивидуализма. Ориентализм, следовательно, определяет гендерные отношения в самой метрополии [Lewis 1996: 14]. Так, сама мужественность эталонного образца британского джентльмена была бы невозможна не только без идеала леди — но и без феминизированной маскулинности, например, бенгальских мужчин.

Вместе с тем в постколониальной теории эта схема гендерной маркировки Своих и Чужих в межкультурном дискурсе была дополнена рядом положений. Прежде всего в «феминизме Третьего мира» (развивающемся в интенсивном диалоге с постколониальными исследованиями) был поставлен вопрос о том, что представления о патриархате, сформулированные в либеральном феминизме, отражают лишь перспективу «белой женщины среднего класса» западного мира [Mohanty 1997: 56; Constituting... 2001: 19]. Между тем им присваивается статус универсальных, а все прочие подходы в таком «режиме правды» маргинализируются. Это фактически означает «дискурсивную колонизацию» западными феминистками бытия женщин не-западных стран. По оценке Э. МакКлинток, западно-центристский феминизм объявил гендерный конфликт приоритетней всякого другого [McClintock 1995: 7], иг-

норируя взаимоотношения между гендером, классом и расой. Подобный «пангендеризм» фактически затушевывает другие виды неравенств и асимметрий современного мира, хотя в эксплуатации женщин «периферии» женщины «центра» принимают участие не меньшее, чем мужчины «периферии». Подобная интерпретация андроцентризма и патриархата позволяет выделить следующие характеристики саморепрезентации западных женщин: образованные, современные, обладающие свободой принимать собственные решения и контролирующие свои тела и свою сексуальность [Mohanty 1997: 56]. Таким образом, этот вариант феминизма выполняет все те же функции ориентализма: определяя иерархию феминностей, Запад снова (пусть своим только «женским лицом») выступает в качестве всеобщего референта. Есть лишь один универсальный критерий того, какими должны быть гендерные отношения в обществе, — и кто этому критерию соответствует в наибольшей степени, догадаться несложно.

Что же предлагается взамен? Во-первых, должна быть принята во внимание вариативность представлений о маскулинности и феминности в различных культурах. Критикуя эссенциализацию культурных различий и соглашаясь с тем, что они не только отражаются в дискурсе, но и конструируются в нем [Constituting... 2001; Scollon, Scollon 2001], необходимо в то же время учитывать определенную преемственность в развитии культур. Культуры — подобно тому как они различаются в производстве материальных благ, природных условиях, религиозных и политических традициях, языке, — различаются и в гендерных характеристиках, интерпретируя содержание гендерных концептов на свой собственный манер. Так, очевидно, что гендерная метафоризация в русской культурной традиции обладает спецификой, обусловленной национальными чертами образов мужского и женского начал [Рябов 1999]. В интерпретации мужественности и женственности каждой культурой, помимо общечеловеческих черт, есть и специфические, присущие именно данной культурной традиции. Так, в европоцентристском дискурсе жертвенность маркировалась как феминная и, плохо согласовываясь с принципом «заботы о себе», расценивалась как девиация; в индийской же культуре ценность философии самоотрицания, напротив, была очень высока и принята как в женском, так и в мужском идеалах [Blom 2000: 10]. Другими словами, в зависимости от системы ценностей, господствующей в

культуре, оценка мужественности и женственности будет различной — соответственно, и гендерная метафоризация носит различный характер.

Во-вторых, необходимо учитывать «инструментальный», ситуативный, подвижный характер представлений о мужском и женском, их контекстуальную обусловленность [Connell 2000: 10]. Не только оценочная, но и содержательная сторона гендерных концептов может меняться. Так, помимо отождествления феминного с подчиненным, уязвимым, страдающим, следует принимать во внимание все многообразие смыслов, заключенных в данном концепте, равно как и в картине взаимодействия двух начал. Гибкость гендерных представлений заметна, например, в военном дискурсе Первой мировой войны, когда образы Своих и Чужих подвергались и феминизации, и маскулинизации — в зависимости от целей пропаганды. В репрезентациях собственной страны использовались не только мужские, но и женские фигуры, призванные символизировать и беззащитность, и моральную чистоту, и человечность, и силу. Скажем, очевидное техническое превосходство Германии вынуждало русскую пропаганду интерпретировать отсталость России как преимущество, как свидетельство духовности и «человечности» русской культуры, и уповать на таинственную «примордиальную» женскую силу и покровительство матери-земли [Рябов 2003]. Другой пример: оппозиция «телесность — духовность», несущая в себе достаточно определенную гендерную маркировку, занимает важное место в ориентализме [Said 1978: 5]; в ориентализме же США Америка была представлена мускулистым, атлетическим, «империалистическим» телом, в то время как Индия репрезентировалась как духовное начало [Schueller 1998: 5–6]. При этом Колумбия — женский символ Америки — ассоциировалась с активностью, властью, мощью, стремлением к экспансии — то есть с такими качествами, которые традиционно кодируются как мужские [Schueller 1998: 12].

В-третьих, следует принимать во внимание, что гендер — это *все* множество отношений, вытекающих из деления людей на два класса по признаку биологического пола; то есть отношения между мужчинами, связанными с их принадлежностью к данному подмножеству, также являются гендерными — равно как и отношения между женщинами, обусловленные тем, что они женщины. В связи с этим большое значение имеет тезис о множественной мас-

кулинности: маскулинность не есть нечто гомогенное и единое. В гендерном дискурсе идет борьба ее различных типов; эти различия определяются классом, расой, этничностью, сексуальной ориентацией и другими факторами. Идея дискретного характера маскулинности позволила сформулировать тезис об иерархии типов маскулинности — гегемонной и подчиненных, маргинализируемых [Connell 2000; Connell 1995]. Например, в британском гендерном дискурсе колониальных времен храбрость — это характеристика не просто мужчины, но *белого* мужчины; трусость же ассоциируется не только с женщинами, но и с цветными *мужчинами* [Blom 2000: 10]. Еще одно положение «мужских исследований» представляется весьма эвристичным: гегемонная маскулинность далеко не всегда включает в себя маскулинные качества в «экстремальной» степени развития [Niva 1998]. Другими словами, отнюдь не во всех случаях маскулинность Терминатора (как стопроцентно рационального, организованного, не склонного к эмоциям, сильного, бесстрашного) будет являться доминирующей. Отмеченные факторы оказывают влияние и на гендерный дискурс. В антииракском дискурсе последних десяти лет Саддам Хуссейн был представлен в качестве «гипермачо», что, помимо прочего, подчеркивало его «отсталость» на фоне новой, «прогрессивной», маскулинности североамериканской культуры, где мужчины репрезентируются как одновременно «жесткие (“крутые”) и нежные» [Niva 1998]. Подобный прием играл не последнюю роль при освещении недавних афганских событий в американских медиа: талибов обвиняли в мизогинии и угнетении афганских женщин, которых благородные американские мужчины пришли освободить от «средневековой тирании».

В-четвертых, должны быть учтены гибридные формы [Bhabha 1994] гендерной метафоризации, порожденные делением человечества на Запад и «Все Остальное». Так, исследование Р. Кришнасами посвящено феномену, названному автором «effeminism». Автор показывает, что феминизированный образ мужчины Индии, призванный в британском колониальном дискурсе подчеркнуть неполноценность как самой Индии, так и индийской маскулинности, среди местного населения расценивался иначе. Это была скорее та форма индийской мужественности, которая, опираясь на устойчивые традиции индуизма с его андрогинным идеалом мужчины, была призвана стать реальной альтернативой бри-

танскому идеалу маскулинности — и тем самым «каждодневной формой сопротивления» [Krishnaswamy 1998: 8, 19, 42]. Этот феномен квалифицируется исследователем в терминах постколониальной теории как «культурная гибридность» и «колониальная микрия» [Krishnaswamy 1998: 9].

В заключение мы хотели бы предложить вариант интерпретации роли гендерного дискурса в репрезентациях отношений российской и «западной» культур. Чрезвычайно значимым для понимания характера этих репрезентаций является концепт «Матушка-Русь», популярный как в России, так и на Западе [Рябов 2001]. На наш взгляд, феминизация России, отраженная в содержании данного концепта, может быть объяснена при помощи постколониальной теории. Дискурсивная формация, репрезентирующая Россию как «радикально Иное» Запада, обозначается нами как *Russianism* [Riabov 2004] и рассматривается как форма ориентализма. Сама идентичность Запада конструируется через исключение России, которая обозначает границу европейской цивилизации. Воспринимая Россию как периферию по отношению к Западу-центру*, западные авторы не могли не приписывать России тех качеств, которые в бинарных оппозициях занимают место периферийное и потому традиционно маркируются как феминные. Таким образом, Россия была «обречена» называться «женственной».

Инаковизация России определяется целым рядом факторов и в различные периоды истории была различной. С одной стороны, *Russianism* — это исторический феномен, связанный с эпохой модерности и с теми ценностями, на которых та была основана и которые требовалось отрицать в Другом. Так, именно с идеей цивилизации, родившейся в трудах философов эпохи Просвещения, связывается «изобретение» Восточной Европы в исследовании Л. Волфа [Wolff 1994]. Россия воспринимается как нечто отсталое, как то, что принадлежит прошлому. С другой стороны, целый ряд факторов, берущих начало в более ранних эпохах (см.: [Harle 2000: 70]), способствовал превращению России в Другого (а иногда и во Врага номер один). Необходимо сказать о роли этнического фактора в установлении идентификационных границ Запада: эта пограничная территория репрезентировалась как населенная славя-

* Очевидно, что западный дискурс о России не является чем-то гомогенным и неизменным — скорее следует говорить о конкуренции различных дискурсов.

нами. Например, в годы «холодной войны» коммунизм (со всеми его не-западными коннотациями) выводился из «сущности славянства» [Wolff 1994]. Разделение христианства на западную и восточную ветви, взаимные обвинения в ереси обеих церквей также способствовали дискурсивному вытеснению православной России за пределы нормы под названием «Запад» [Harle 2000: 68–71]. Наконец, Россия представляла Восток в географическом, политическом, культурном, позднее идеологическом смыслах, — что стало основной формой ее инаковизации. Обогащение ориентализма новыми красками в годы противостояния двух сверхдержав отметил Э. Саид: в геополитическом лексиконе времен «холодной войны» Восток обозначал прежде всего СССР и его союзников [Saïd 1978: 74]. Многие грани русскости объясняют влиянием азиатского начала. Подобная «ориентализация» России встраивается как в «русофильский», так и в «русофобский» дискурсы [Рябов 2001].

Феминизация русскости и подчеркивание собственной маскулинности помогают обоснованию совершенно определенного отношения к России. Так, очевидна корреляция русофобии и женофобии. России «инкриминируются» те качества, которые в гендерной картине мира устойчиво маркируются как феминные: хаос, непредсказуемость, неспособность к самоконтролю, экстремизм, иррационализм, излишняя покорность, излишнее терпение, слабость воли, неумеренность: доброта и милосердие, и те вызывают опасения — ведь даже с самыми благими намерениями Россия может задушить в своих «медвежьих объятиях». В этом контексте идея необходимости контроля над ней — подобно постулату о том, что каждой женщине необходим контроль со стороны мужчины, — имеет немало сторонников (см.: [Рябов 2001]).

Разумеется, такая феминизация России в самой русской культуре вызвала критику, расценивалась как «изобретение германского империализма»; в русскости же подчеркивалась мужское начало — например, в пропаганде Первой мировой войны (см.: [Рябов 2003]). Вместе с тем существовала и традиция своеобразной аутофеминизации, которая отнюдь не является уникальной чертой русской культуры и в значительной степени определяется характером межкультурного модернистского дискурса, обнаруживая параллели с рассмотренным случаем ориентализма.

Разумеется, говоря о сходстве этих двух метадискурсов, нельзя не видеть и различий, которые определялись прежде всего тем фак-

том, что Россия не была колонией*, и ее возможности противостоять отмеченной инаковизации в духовном отношении была несравненно выше. Однако нельзя не обратить внимание на то, что, начиная с петровской эпохи, Запад превращается в универсальный референт русского национального дискурса. Западники и славянофилы, «почвенники» и «демократы», «патриоты» и «бездородные космополиты» так или иначе соотносили Россию с Западом: проклиная *Запад*, восхищаясь *Западом* или доказывая, что России нет никакого дела до *Запада*. Сама категоризация исторического процесса определяла необходимость сравнения русскости, например, с немецкостью, а русской маскулинности — с германской. Результаты такого сравнения различались не только оценочно (в «русофобском» и «русофильском») типах дискурса), но и содержательно.

Не-западные культуры *вынуждены* соотносить себя с маскулинностью как западностью — и в содержательном, и в метафорическом планах. Идея женственности России была принята в первую очередь в дискурсе (мы обозначаем его как «мессианский»), рассматривающем Россию как спасительницу Запада и всего человечества. Критикуемая западная цивилизация сохраняет все маскулинные характеристики и признается мужской, — но избыточно мужской, а западная маскулинность — чрезмерно (и потому девиантно) — маскулинной. Интерпретация русского типа цивилизации как высшего, дополняющего и спасающего германо-романскую цивилизацию, предполагала включение в «подлинную русскость» таких ценностей, как смирение, соборность, правда, религиозность, всечеловечность, — т. е. противоположных модернистским ценностям и маркирующихся как феминные. Образно-символическим выражением представлений о России как «радикально Ином» и стала идея ее женственности. Феминные бескачественность, не-определенность, беспредельность, не-зафиксированность, приписываемые России как «радикально Иному», интерпретировались в качестве условия ее особенной свободы и особого потенциала, ее устремленности в будущее — будь то западные истоки этой ментальной конструкции (Г. В. Лейбниц, Д. Дидро, И. Г. Гердер) или ее первая русская манифестация, связанная с работами П. Я. Чаадаева.

* Российская империя имела собственные колонии на Востоке и собственный ориентализм (вспомним хотя бы фильм «Белое солнце пустыни»).

Подведем итоги. Гендерный дискурс принимает участие в конструировании образа врага в межкультурных контактах, выступая в роли способа построения символических границ, во-первых, и инструмента продуцирования иерархий как между культурами, так и внутри них, во-вторых. Образ врага в международных отношениях имеет гендерное измерение, и неизбежность конфликтного интолерантного поведения обосновывается в пропаганде при помощи гендерного дискурса. На наш взгляд, такая постановка проблемы позволит расширить представление о логике толерантности. Как правило, рассмотрение толерантности в международных отношениях не учитывает гендерный фактор; в свою очередь, исследование гендерной интолерантности ограничивается такими проблемами, как, скажем, патриархатные представления о мужских и женских ролях или нетерпимость к маргинальным в гендерном отношении социальным группам. Мы полагаем, что два вида интолерантности, в межкультурном и гендерном дискурсах, не существуют изолированно, а обуславливают и усиливают друг друга.

Раздел III

**Культурные практики
толерантности / интолерантности
в обыденном общении**

Т. В. Матвеева

Корректность речевого противодействия

Настойчивое желание гуманитариев — знать больше о человеке в процессах общения — выдвигает в центр научных построений этические проблемы, важное место среди которых занимает культурное предписание. И. В. Пешков пишет: «Момент предписания появляется при осознании неразрывности *меня* и *другого*. Другой предписывает нам себя и в этом предписании вырисовывается истинно цельный предмет гуманитарных наук — человек общающийся» [Пешков 1998: 8]. В диалогическом речевом общении все участники являются активными субъектами предписывания и, параллельно, объектами предписания. В аспекте речевой деятельности это выражается в праве каждого говорящего на речевую инициативу, а также праве речевого реагирования на чужую речь во время ее протекания и после чужого высказывания. В процессе взаимного воздействия посредством речи складываются различные диалогические коллизии, гармонические и дисгармонические, конфликтные и конфликтные, ведь «предписание себя» может быть как принято, так и отвергнуто, при различной степени интенсивности содействия или противодействия собеседника.

Сосредоточимся на противодействии как наиболее остром варианте реакции на инициальное высказывание. Речевая инициатива любого из собеседников характеризуется неограниченным смысловым спектром. В инициальном высказывании может содержаться информационное сообщение, мнение, предложение или

приказ, выражение чувств, разнонаправленная оценка и др. Противодействие таким акциям выражается в речевых поступках игнорирования, возражения, отказа, неприятия выраженных эмоций и оценок, сомнения. Эти и подобные речевые реакции составляют неотъемлемую часть общения, именно через их посредство отстаивается свобода и равенство участников общения в случаях, когда собеседник посягает на них или между речевыми партнерами нет согласия изначально.

Будем исходить из того, что диалогическое речевое взаимодействие, как и любое речевое явление, имеет две смысловые составляющие: диктальную — связанную с объективным содержанием высказываний, или диктумом, и модальную — отражающую субъективную оценку излагаемого объективного содержания, или модус [Балли 1955]. Сказанное имеет отношение к каждой реплике диалога и усугубляется тем, что его участники могут элиминировать или акцентировать модус высказывания в зависимости от собственной коммуникативной роли на данном участке диалога. Роль речевого инициатора допускает доминирование как диктальных, так и модальных смыслов высказывания, роль реагирующего на инициативу усиливает значимость модальной составляющей.

Обобщенно, коммуникативно-культурная цель речевого общения сводится к установлению и сохранению баланса отношений с собеседником, к достижению коммуникативного равновесия [Стернин 2001а: 67]. Трудно достичь равновесия, когда диктальные цели собеседников (информационная, предметная, волюнтаривная) находятся в состоянии противоречия. Мир знаний, идей, мнений, позиций, предложений и даже фактов в диалоге персонализирован, он вербализован личностью, присвоен ею, пропущен через призму человеческого «эго», так что всякое противодействие (точнее, противоречие) со стороны другого затрагивает личную сферу говорящего. В то же время противодействие составляет неотъемлемую часть жизни вообще и речевого общения в частности: это реализация отстаивания собственных прав и свобод, когда они подвергаются опасности или хотя бы опротестовываются в диалоге. Существование в атмосфере исключительного обоюдного согласия утомительно, поскольку заглушает разнообразие, живое разноречие общения (в этом отношении показателен диалог героев пьесы И. С. Тургенева «Месяц в деревне»: — *Как вы думаете?* —

Я согласен. — Как это скучно! Вы всегда со мною согласны.), а по большому счету повсеместное и постоянное согласие просто невозможно. При столкновении же мнений, позиций, интересов вопрос об этике противодействия, т. е. о корректности последнего, встает во всей своей полноте.

Известное правило корректного общения гласит, что нельзя отождествлять мнение и носителя этого мнения в целом, безоговорочно переносить субъективную оценку с высказывания говорящего на него самого. Уважение к собеседнику состоит в том, чтобы, свободно противодействуя мнению собеседника о чем-либо (охраняя собственные личностные права), сохранить значимость и оберечь чувство собственного достоинства автора высказанного несовпадающего мнения (не нарушить личностные права другого). Остаться вежливым, уважительным, т. е. обеспечить толерантность высказывания, когда ты не разделяешь позицию другого, — задача говорящего в ситуации столкновения мнений. Выявить культурную практику персонализации, технику корректного противодействия — задача коммуникативной лингвистики. Попытаемся определить основные черты данной технологии, уделяя особое внимание «феномену второй реплики» [Арутюнова 1990], т. е. репликам-реакциям в составе диалога.

Прямые сигналы противодействия реализуются через лексику соответствующей семантики (*отказаться / отказываться, отвечать отказом, возразить / возражать, отвергнуть / отвергать, усомниться / сомневаться, ставить под сомнение* и др.); отрицание в разных его проявлениях (*не соглашаться, не давать согласия, не принимать, не допускать / не допустить, не понимать / не понять; неверно, неправильно, недопустимо, нецелесообразно, невозможно; не так, не доказано, не установлено, не соответствует действительности, непроверенные факты, больше ты ничего не придумал?, не может быть!*); утверждение отрицательно-оценочного или, шире, дезавуирующего содержания (*это голословное мнение, такой результат маловероятен, нужно действовать по-другому, вы ошибаетесь, вы намеренно искажаете ситуацию, плохое решение, это инфантилизм, сомнительный эксперимент, это еще вилами на воде писано, чушь собачья!*). Каждое из высказываний со значением открытого противодействия, независимо от его экспрессивных параметров, определено до окончательности, а иногда, особенно при наличии экспрессивности, категорично до полной беском-

промиссности. Снимем заранее возражение, связанное с тем, что в общении бывает необходима и бескомпромиссность, приняв его. Важны, однако, пропорции. Открытая фаза конфликта, окончательный разговор принципиального характера, предполагающий разрыв отношений (и не только в данном диалоге) — вот сфера приемлемости лобового противодействия с помощью изолированных прямых высказываний на основе приведенных выше языковых средств. Однако отсутствие намерения прекратить дальнейшее взаимодействие, характерное для неизмеримо более широкой сферы рутинных деловых, семейных, дружеских и прочих отношений, а также благородное желание осуществить акт противодействия с достоинством и честью требуют обращения к культурной технике корректного противодействия. Последняя связана с активными речевыми действиями, рассчитанными на управление восприятием речевого партнера и соответствующими основной идее толерантности: «Толерантность есть активное принятие существования другого даже при наличии возможности оказать то или иное воздействие на это существование» [Хомяков 2000: 8].

Различение диктума и модуса подсказывает два пути достижения корректности противодействия: обработку диктального содержания и позитивно-модальное оформление высказывания. Первый путь связан с опорой на содержание инициальной реплики диалогического единства или содержание всего предшествующего дискурсивного массива диалога и сопряжен с рядом информационных действий, нацеленных на смягчение отрицания речевой инициативы собеседника в контактной реплике-реакции его партнера; второй направлен на выбор и организацию непосредственно модального состава реактивного высказывания.

Суть смягчения силы отрицания на содержательной основе заключается в снижении негативного эффекта противодействия. Непосредственное категоричное отрицание тяжело для собеседника. Отказ, резкое возражение, полное непонимание или неприятие, явственное тяжелое сомнение не только разрушают интеллектуальный замысел инициативного собеседника, но и ранят его самолюбие, задевают чувства. Контактная реакция резкого прямого противодействия (выделяется курсивом — см. ил. 1, 2), как правило, порождает конфликтное развитие диалогического общения.

Ил. 1.

— Как только услышит, что я по лестнице спускаюсь <...>вынесет на подносе гостинцы, апельсины, орехи, изюм и загородит мне дорогу. <...> Пойдешь по лестнице, так он подкараулит да старается за руку поймать...

— *Неправда, неправда!* — оспаривал горячо Валентин, — *не верьте ей, сударь, барышня врет!*

— Сами вы врун! (И. А. Гончаров. «Валентин»).

Ил. 2.

— Ах, какая ты, право! Всегда умеешь все так неприятно вернуть. Письмо, конечно, очень хорошо, только — ты уж не сердись — у тебя совсем нет стиля. Понимаешь, иногда достаточно переставить или вычеркнуть какое-нибудь самое пустое слово — и все письмо приобретает особый колорит. А у тебя все как-то аляповато, уж ты не сердись!

— *Дура ты дура! Сама двух слов слепить не умеешь, а туда же — сти-иль!*

— Пусть дура, пусть не умею. Ты зато умна. Смотри сама: в четырех строчках четыре раза «не» повторяется. Это, по-твоему, хороший стиль? (Тэффи. «Долг и честь»).

Корректность речевого партнера заключается не в том, чтобы снять само отрицание, а в том, чтобы ослабить его воздействие и облечь противодействие в щадящие формы человеческой уважительности. Конечно, нельзя отрицать и этически отрицательной стороны данной технологии — возможной неискренности, хитрости собеседника, но здесь лингвистика бессильна.

Рассмотрим подробнее способы щадящих информативно-речевых действий при несогласии, имеющиеся в русском культурно-речевом репертуаре. Анализ материала позволяет выделить следующие способы такого рода: 1) оттягивание возражения; 2) ограничение сферы несогласия; 3) аргументация; 4) компенсация противодействия.

Противодействие предстает в значительной степени психологически смягченным, когда оно предваряется выяснением причин или подробностей инициативного высказывания, особенно в сочетании с частичным принятием сказанного (см. ил. 3–5; весь состав реакции противодействия выделяется курсивом, средства смягчения противодействия — полужирным курсивом).

Ил. 3.

Наталья Петровна. Да, кстати, что вы сделали с вашим жееем?

Беляев. Я его домой отнес. Мне показалось, что вам... неприятно было.

Наталья Петровна *(с некоторым смущением)*. *Отчего ж вам показалось? Оттого, что я Верочке... что я Верочку домой взяла? Нет, это... Нет, вы ошиблись.* (И. С. Тургенев. «Месяц в деревне»).

Содержательные способы детализации инициативного высказывания собеседника, предваряющие противодействие и смягчающие его, различны. Это дополнительная локализация содержания (выяснение информации о хронотопе и составе участников события, о котором говорит собеседник); тематизация содержания, если она не проведена инициативным собеседником; привязка семантического пространства содержания инициативного высказывания к актуальной для данного диалога реальной ситуации общения; выяснение причин инициального мнения, формулирование или переформулирование пункта разногласий и др. Вероятно, в данной связи уместно вспомнить, что в теории спора придается значение условному принятию довода [Поварнин 1994: 49], против которого готовится возражение, а «оттягивание возражения» признается позволительной уловкой [Там же: 61–62].

Отдельно следует сказать о таком способе оттягивания и смягчения возражения, как препозитивное положительно-оценочное высказывание, направленное на собеседника (ил. 4, 5). Такое высказывание основывается на диктальном и модальном (в том числе подтекстном — см. ил. 6) содержании предшествующей реплики или более широкого контекста и представляет собой субъективно-оценочную реакцию на нее.

Ил. 4.

Медведев. <...> Я люблю вас, не могу от тоски сидеть дома, каждый день хожу пешком шесть верст сюда да шесть обратно и встречаю один лишь индифферентизм с вашей стороны. Это понятно. Я без средств, семья у меня большая... Какая охота идти за человека, которому самому есть нечего?

Маша. Пустяки. (Нюхает табак.) *Ваша любовь трогает меня, но я не могу отвечать взаимностью, вот и все* (А. П. Чехов. «Чайка»).

Ил. 5.

Ракитин. Для меня сегодня то же, что вчера.

Наталья Петровна. (Протянув ему руку.) *Я понимаю ваш упрек, но вы ошибаетесь* (И. С. Тургенев. «Месяц в деревне»).

При отрицании с ограничением актуальна группа слов на базе глаголов *понимать / понять* и слово категории состояния *ясно*. Глаголы понимания, легко актуализирующие идею согласия в разных диалогических единствах, служат сближению с собеседником и психологическому смягчению отрицания. В разговорных диалогах сформированы клишированные речевые структуры высказываний с такими глаголами, например: *«пойми (те) + [возражение, отказ]», «я понимаю (вас можно понять), но [возражение, отказ]»* (ил. 5), *«ты понимаешь + [возражение]»* (ил. 6). Использование названных лексем с отрицанием вуалирует несогласие и направляет инициативного собеседника на разъяснение своей позиции: клише *«я не совсем понимаю, мне не очень понятно (ясно) + [пункт разногласия]»*. Конструкция *«я (все) понимаю: + [изложение чужого мнения]»* создает речевой ход сближения с собеседником на основе погружения в другое сознание (ил. 7):

Ил. 6.

А. И Леонардо смотрел и думал <как же я вот столько трачу сил / а он так просто пишет такие гениальные вещи> /

В. *Ты понимаешь / Леонардо в основном мыслитель он даже / это / живопись у него идет вот именно через философские вот эти вот /* (ЖРУГ 1995).

Ил. 7.

— *Александр, ты не должен делать этого жеста! Я все понимаю — ты яришься от будничности, от пошлости и мелочности жизни, от соблюдения неких формальностей, к которым она обязывает* (О. Николаева. «Инвалид детства»).

Еще один своеобразный способ оттягивания возражения — это неопределенное согласие на основе реплик *посмотрим; там видно будет; поживем — увидим; время покажет; еще дожить надо* и т. п. (ил. 8). Речевой партнер удерживает собеседника в зоне неопределенности, оставляя за собой право на возражение, но не реализуя это право здесь и сейчас. Это, скорее всего, тактика примиренчества, влекущая за собой отказ от прямых форм противодействия.

Ил. 8.

А. Лучше / лучше // Ты только храбришься / а ночью опять будем скорую вызывать // и давай / мать / договоримся / завтра ты идешь в больницу // со здоровьем не шутят!

Б. *Ладно / посмотрим* // (ЖРУГ 1995).

Ограничение сферы отрицания в реплике-реакции осуществляется с помощью контекстных уточнителей соответствующего значения: *не совсем, не вполне, сколько-то, отчасти, по отдельным позициям* и т. п., причем последние легко включаются в клишированные формы с предварительным частичным согласием: *в основном я с вами согласен, но по отдельным позициям (по поводу утверждения X) буду возражать; в целом вы правы, но я не вполне понимаю [что]*. Таким образом формируется распространенный прием отрицания на фоне утверждения, весьма своеобразно воспроизводимый в иронических формулах противодействия, например в ответ на неприемлемое предложение собеседника: *Сейчас [согласие], только шнурки поглажу (валенки зашнурую, уши накрахмалю)* [отказ].

Аргументация, т. е. обоснование противодействия, также способствует гармонизации общения, а в напряженных ситуациях служит фактором предупреждения конфликта [Третьякова 2002: 234–239] или, по крайней мере, удерживает общение в рамках приличий. Аргументативная часть реплики-реакции, как правило, находится в постпозиции по отношению к акции собственно противодействия (ил. 9, 10).

Ил. 9.

Я т ь (струсив). И никакого тут нет намека... Я не говорю о присутствующих... Это я так... вообще... Помилуйте! Все знают, что вы из-за любви... Приданое пустяшное.

Настасья Тимофеевна. *Нет, не пустяшное! Ты говори, сударь, да не заговаривайся! Кроме того, что тысячу рублей чистыми деньгами, мы три салона даем, постель и всю мебель. Поди-кась, найди в другом месте такое приданое!* (А. П. Чехов. «Свадьба»).

Ил. 10.

М у р о м с к и й. Благосклонный ваш взгляд всегда полезен.

В а р р а в и н (пишет). *Ошибаетесь. В ведомстве нашем ход делопроизводства так устроен, что личный взгляд ничего не значит.* (А. В. Сухово-Кобылин. «Дело»).

Содержание аргументов может быть добросовестным заблуждением, т. е. объективно недостоверным утверждением (ил. 8) или коммуникативной хитростью, например способом увеличения дистанции по отношению к нежелательному собеседнику (ил. 9), — однако в любом случае применение аргументов снижает опасность возникновения перебранки, «скатывания» диалога ко взаимным немотивированным обвинениям. Убедительный же аргумент (ил. 11) способен привести собеседника к признанию своего поражения, к действиям в пользу аргументирующего.

Ил. 11.

— Нет, ты слышал?! — Толик сардонически расхохотался и снова обернулся к Андрею. — Они нас еще учат!.. Ну, конечно, им отсюда виднее, что делается в наших лагерях!..

— *Мне виднее*, — устало подтвердил старичок. — *Я отсидел там тринадцать лет*. Извините, у меня еще сегодня много работы. Сожалею, что не смог быть вам полезным.

Толик сгреб со стола свои листочки, подхватил свой необъятный чемодан и, кренясь на ходу, как корабль, получивший пробоину, направился к выходу (Л. Филатов. «Свобода или смерть»).

Компенсация противодействия заключается в конкретных позитивных предложениях, адресованных инициативному собеседнику и построенных на основе речевых клише: *давай (те) лучше; а что если + [собственное предложение]*; *может быть, по-другому попробовать?*; *нет, тут не так надо действовать* и т. п. При этом возможно как действительное участие в развитии темы собеседника, так и переключение темы, отвлечение от темы инициативного собеседника, в результате чего разговор уходит в другое информационное русло. Нередко такие предложения следуют за прямым отрицанием инициативы собеседника: *нет, так нельзя; так ничего не получится; тут что-то не так; что-то не то получается; мне это не нравится; нет, это не по мне*, и т. п.

Компенсационные предложения заключают общую композиционную структуру корректного речевого противодействия. Полная логическая схема тактики корректного противодействия имеет, таким образом, следующий компонентный состав: «Уточнив и уяснив вашу позицию (1), я, с некоторыми ограничениями (2) не принимаю высказанного вами мнения (предложения, решения) (3) по таким-то причинам (4) и со своей стороны предлагаю дру-

гое (vs думаю, что возможно другое) мнение, предложение, решение (5)». По коммуникативной сути компонентов полная схема такова: (1) — оттягивание возражения, вводные речевые действия; (2) — ограничение сферы отрицания; (3) — акт прямого противодействия; (4) — аргументация; (5) — компенсация. Психологически унисонные и конформные диалоги могут развиваться по полной схеме, но чаще она реализуется с некоторыми сокращениями, причем опускаться может любой из пяти компонентов, в том числе собственно акт прямого противодействия (см. развитие ил. 8 в ил. 12: в разговоре супругов жена избегает открытого возражения мужу, хотя явно не собирается назавтра идти в больницу, как он на том настаивает; она многократно использует средства косвенного корректного противодействия).

Ил. 12.

А. Лучше / лучше // Ты только храбришься / а ночью опять будем скорую вызывать // и давай / мать / договоримся / завтра ты идешь в больницу // со здоровьем не шутят!

Б. *Ладно / посмотрим* / [оттягивание возражения]

А. Не посмотрим / а точно!

Б. Но у меня уж правда отлегло / ты зря переживаешь // *завтра все пройдет* // [аргументация]

А. Хорошо бы!

Б. *Ты лучше расскажи / что у тебя нового* [компенсация с уходом от предыдущей темы] (ЖРУГ 1995).

Таковы, в общих чертах, диктальные способы смягчения противодействия. Более внешние собственно модальные способы преимущественно традиционны. Это, прежде всего, использование средств речевого этикета, стандартных приемов и формул вежливости, в числе которых обращение к собеседнику по имени, формулы извинения, комплименты собеседнику, повторение его мысли и др. Тот или иной прием такого рода может составлять единственное сопровождение непосредственного акта противодействия, например: *Оставьте меня, прошу вас* (А. П. Чехов. «Черный монах»), но, как правило, собственно модальные смягчения сочетаются с диктальными, как, например, в бытовом разговоре о пропавшей книге: *Ну Вов / у нас с тобой столько вещей было тогда / что мы ее никак / не могли взять* (ЖРУГ 1995); *Он не поедет, это несерьезно для него / да он не поедет / Вова* // (ЖРУГ 1995) — для

смягчения противодействия используется имя и аргументация; в конфликтном диалоге-объяснении: — *Ольга, я об одном прошу вас*, — сказал художник умоляюще и приложив руку к сердцу, — *об одном: не мучьте меня! Больше мне от вас ничего не нужно!* (А. П. Чехов. «Попрыгунья») — используется имя, вежливая просьба и ограничение сферы противодействия. Иногда модальный ввод (возможно, в сочетании с «модальным пунктиром» — краткими дистантными этикетными вкраплениями) относится к целой группе высказываний противодействия (ил. 13), являясь формальным показателем корректности.

Ил. 13.

Филипп Филиппович, стукнув, снял трубку с телефона и сказал в нее так:

— Пожалуйста... да... благодарю вас... Петра Александровича попросите, пожалуйста. Профессор Преображенский. *Петр Александрович? Очень рад, что вас застал. Благодарю вас, здоров. Петр Александрович, ваша операция отменяется. Что? Совсем отменяется. Равно как и другие операции. Вот почему: я прекращаю работу в Москве и вообще в России. Сейчас ко мне вошли четверо <...> и терроризировали меня в квартире с целью отнять часть ее.*

— Позвольте, профессор, — начал Швондер, меняясь в лице.

— *Извините...* У меня нет возможности повторить все, что они говорили. Я не охотник до бессмыслиц. <...> В таких условиях я не только не могу, но и не имею права работать. Поэтому я прекращаю деятельность, закрываю квартиру и уезжаю в Сочи. Ключи могу передать Швондеру. Пусть он оперирует (М. А. Булгаков. «Собачье сердце»).

Специфический характер имеет предположение о нежелательном для собеседника модальном эффекте, предваряющее реакцию противодействия (речевые клише: *боюсь, что огорчу тебя (вас)*; *не хотелось бы тебя (вас) обидеть*; *вынужден(а) сказать неприятную вещь*. Закономерным следствием такого предположения является выражение сочувствия: *сочувствую, не расстраивайся*; *мне очень жаль*; *ты только не волнуйся* и т. п. Все они активно используются в конструкциях с противопоставлением, причем по сути это противопоставление модуса (общего позитивного отношения к собеседнику) и диктума (несогласия, отказа или др. вида интеллектуального или фактического противодействия, направляемого в тот

же адрес): *сочувствую, но (ничем) помочь не могу; мне очень жаль, но ответ отрицательный; к сожалению, ты ошибаешься; не расстраивайся, но сделать это невозможно; ты уж не сердись, но ничего не получается*. В той же роли выступают формулы извинения *прости(те)*, *прошу прощения, извини(те)* и др. (ил. 14). Видимо, эти формулы используются как препозитивное сопровождение акций противодействия в связи с нарушением универсальных постулатов гармоничного общения и принципа сотрудничества как их квинтэссенции [Грайс 1985]. Говорящий просит прощения у своего собеседника за то, что он намерен отступить от магистрального принципа общения, пойти вопреки ему. Если, шире, взять все этикетные формулы как реализацию принципа вежливости Дж. Лича, то в контексте акций речевого противодействия они, в полном соответствии с мнением Лича о дополнительности данного принципа по отношению к принципу сотрудничества (см.: [Баранов 1989]), выполняют компенсирующую прагматическую роль, особенно при выраженной конфликтности общения. С помощью средств открытой модальности и прежде всего этикетных формул напряженному или конфликтному общению придаются черты толерантности, важные для «сохранения лица» собеседника в ситуации речевого противоборства.

Ил. 14.

— *Прости меня, но в этом есть какое-то детское самолюбие: меня отвергли, и я еду погибать! Это юношеский инфантилизм, которого я в тебе не подозревала* (Николаева. «Инвалид детства»).

Корректный характер противодействия подчеркивается также субъективизацией отрицания, например: *Да не мог ты ее взять Вова с собой / мне так кажется* // (ЖРУГ 1995). Акт речевого противодействия представляется говорящим как исключительно субъективный и потому, возможно, ошибочный; противодействие при этом лишается категоричности и предстает в виде варианта, который может не приниматься во внимание или оспариваться. Распространены речевые клише такого рода: *возможно, я ошибаюсь (не прав, скажу что-то не то, пойду против всех)*; *так мне кажется; это мое сугубо личное мнение*. Иногда подчеркивается вынужденный характер противодействия (*должен, обязан, вынужден* [сказать нечто, идущее вразрез с твоей (вашей) позицией, мнением, предложением]), что может как соответствовать, так и не соответствовать действительности. Своеобразной модальной подготов-

кой отрицания служит также уверение в неслучайности, осознанном характере противодействия: *я глубоко уверен (убежден) в том, что этого делать нельзя (ты ошибаешься, это не выход, без этого можно обойтись и т. п.)*.

Названные модальные средства (речевые клише вежливости, предположения о психологическом ущербе собеседнику от предстоящего высказывания, выражение субъективизации противодействия) находятся в сложных отношениях с другими лексическими и фонетико-интонационными средствами выражения тональности высказывания. Типична лексическая согласованность клишированных фрагментов и общего лексического состава высказывания: вводные этикетные клише в акции противодействия как бы обязывают говорящего строить вербальный ряд высказывания в нейтральном и позитивном эмоционально-оценочном ключе, негативность собственной позиции выражать в логизированной форме. Интонационное же оформление, более непосредственное, может отвечать сути речевой акции — противодействию и выражаться в различных отрицательных окрасках: тональной напряженности, холодном тоне, тональности скрытого или полуприкрытого неприятия позиции собеседника. Диссонанс лексического и фонетико-интонационного выражения тональности способен создавать смысловую неоднородность высказывания и выражать общее неприятие речевой инициативы собеседника. Корректность либо некорректность реакции будет зависеть от качества и степени интонационно выражаемой отрицательной эмоции. Названные выше конкретные проявления негативного эмоционального состояния остаются в рамках корректности; обида, раздражение, пренебрежение, особенно интенсивные, способны «переиграть» вербальный позитив и сделать реплику-реакцию некорректной.

Таким образом, как диктальная, так и модальная составляющие «второй реплики», содержанием которой является речевое противодействие, существенны в плане корректности общения. Речевая акция противодействия должна быть структурирована как сложное целое, центральный ход которого подготавливается, «упаковывается» и обосновывается. И этикетное обрамление, и общая тональность, и глубокие информационные слои противоречащего высказывания вовлекаются в реализацию идеи смягчения отрицания. Конвенциональные правила толерантного противодействия сводятся к тому, что противодействие должно осуществлять-

ся: 1) не сразу; 2) не полностью; 3) с объяснением причин; 4) со встречным позитивным предложением или мнением [диктальный состав]; а также: 5) с применением этикетных формул вежливости; 6) в нейтральной или положительной тональности; а также, возможно: 7) с проспективным замечанием о психологическом эффекте своего высказывания для собеседника; 8) с подчеркнутой субъективизацией противодействия [собственно модальный состав]. При этом обе составляющие реакции противодействия, как собственно модальная, так и диктальная, работают на достижение комфортной (более комфортной) атмосферы общения, способствуют позитивной модализации спланированной акции противодействия.

Обширный набор средств и приемов корректного противодействия, распространяющихся не только на внешнее модальное оснащение, но и на содержательный состав высказывания, а также их распространенность в различных ситуациях и сферах общения, подчеркивают значимость данной технологии в культуре русского межличностного общения. Высокая степень повторяемости речевых клише на разных речевых срезах развития русского языка говорит об отработанности данных речекультурных стереотипов и устойчивости их во времени. Лингвокультурологическое описание феномена корректного противодействия открывает возможность обучения этой речекультурной технике.

И. Н. Борисова

Коммуникативная координация
речевого поведения
в «прекословных» разговорах

Рассмотрим коммуникативную координацию (далее: КК) речевого поведения в зоне интолерантного общения. За текстовую единицу анализа принимается разговор (см.: [Купина 1990]) или его фрагмент.

Как известно, М. В. Ломоносов, рассматривавший разговор как особый риторический жанр целого текста, выделял разговоры согласные, прекословные и сомнительные: «Согласные разговоры состоят из согласных мнений между собою рассуждающих лиц, так что один мнение другого новыми доводами подтверждает; в прекословных разговорах предлагаются два спорные между собою мнения, которые двое каждый свое защищают. Сомнительные состоят из такой материи, которую одно лицо вовсе защищает, другое в некоторых обстоятельствах согласуется, а в иных спорит и сомневается» [Ломоносов 1952: 333]. Категория «прекословного» разговора лингвистически точно не определена. Ясно, однако, что разговоры подобного типа относятся к сфере интолерантной коммуникации. Представляется, что применение категории КК для описания «прекословных» разговоров позволит выявить лингвистически релевантные параметры и типы таких разговоров.

КК речевого поведения свойственна диалогу в любой сфере общения, она является универсальной категорией диалогичности. Инвариантная прагматическая функция КК сводится к ориентации речевого поведения и речевого продукта на «другого», его пози-

цию и его «слово» (М. М. Бахтин). Психологический смысл КК в живом диалогическом взаимодействии определяется как интегративно-межличностный коллективный мотив, вызываемый объективной социально-коммуникативной необходимостью.

Категория КК была описана нами как категория диалогического дискурса, находящая речевое выражение в тексте диалога [Борисова 1997: 371–386]. Эта категория участвует в формировании модуса интегративности текста диалога, а именно его межличностной коммуникативной модальности, оценочности. Категория КК описывает взаимную ориентацию речевого поведения партнеров коммуникации и формирует интерперсональную модальность разговорного диалога (далее: РД).

Коммуникативная координация речевого поведения участников диалога — многоаспектная согласованность их речевых поступков в интеракции и речевых партий в диалогическом взаимодействии как целом. Тип КК задается значением ряда параметров: согласованность коммуникативных интенций в интеракции, кооперативность речевого поведения, солидарность модально-оценочных смыслов, унисонная тональность общения, симметричность коммуникативной активности, оценка коммуникативного результата как положительного — нейтрального — отрицательного [см.: Борисова 2001; 2003].

Анализ разговорных диалогов позволяет сделать вывод о градуальном характере проявления категории КК и о существовании нескольких типов координации речевого поведения. Границы степеней КК достаточно размыты, что в целом не мешает обозначить их ядро на шкале, которая, в нашем представлении, выглядит следующим образом:

КОНСЕНТНОСТЬ → КОНФОРМНОСТЬ → ПОЛЕМИЧНОСТЬ → КОНФЛИКТНОСТЬ

Стрелками указано направление убывания степени скоординированности речевого поведения и речевой продукции. К зоне интолерантного общения приближаются два последних значения на приведенной шкале. Конвенциональными для гармоничного диалогического взаимодействия можно признать консентный и конформный типы КК. Полемичный тип КК является конвенциональным для жанров спора ради истины, для диалога-обсуждения в ходе принятия совместного решения и вторичных диалогических жанров (дискуссии, прений, полемики и т. д.). Полемичность, гра-

начающая с конфликтностью, свойственна таким жанрам разговорных диалогов, как пререкания, «канючение», иронические «пикировки», спор ради победы и самоутверждения, выяснение отношений, уговоры и др., для которых типична транспозиция в поле фатики. Конфликтный тип КК характеризует ссоры и конфликты.

Полемическая КК проявляется в «сомнительных» и «прекословных» разговорах. Она характеризуется: согласованностью коммуникативных интенций речевых поступков в интеракции; ослабленной кооперативностью речевого поведения; отсутствием солидарности модально-оценочных смыслов; нейтральной, с возможными отклонениями от унисонной, тональностью общения; различной степенью заинтересованности и активности участников общения, а также взаимной поддержки коммуникативных инициатив; нейтральным или не вполне гармоничным коммуникативным результатом. Для более корректного описания модально-оценочных смыслов речевых поступков полезно разграничивать интерперсональную модальность — отношение к партнеру коммуникации, и экзистенциальную (предметную) модальность — отношение к теме разговора [Сухих, Зеленская 1997: 15].

Рассмотрим примеры разговоров с полемической КК, характеризующиеся различной реализацией ее параметров.

Ситуативный контекст: разговор в подсобном помещении завода*. ВВ. — Валерий Владимирович, 46 лет, слесарь, образование специальное техническое; М. — Максим, 27 лет, станочник, студент-заочник.

ВВ. — Наверно/ сегодня лучше валенки надеть//

М. — Так/ Валера//

ВВ. — А?

М. — Дай че-нибудь домой своровать/ да вообще/ Валера/ ты как начальник взял бы/ отрезал/ на матрасик-то//

ВВ. — Шкурки-то?

М. — Войлоку/ шкурки на матрасик/ как спать?

ВВ. — (С ОСУЖДЕНИЕМ) Максим Олегович!

М. — Давай че-нибудь украсть/ а это че?/ некондиция стоит?

* Разговоры рабочих, анализируемые в настоящем исследовании, записаны выпускником заочного отделения филологического факультета Уральского государственного университета М. О. Махнутиным.

ВВ. — Тебе че / надо?

М. — Надо / дай мне вот матрасик такой/ надо//

ВВ. — Зачем?

М. — Валера / надо //

ВВ. — Ну скажи / зачем?

М. — В долгу не останусь //

ВВ. — Ну надо / дам //

М. — Выдай / надо валенки / спать теплее // я седня без ног остался ночью / ты понимаешь / в валенках зажигаешь на машине / где по идее должно быть тепло / там холодно /

ВВ. — Другие захотят валенки //

М. — Ну а как?

ВВ. — Тогда не выдам //

Жанровая доминанта разговора — уговоры. Хотя интенции речевых поступков согласованы, интеракции характеризуются пониженной кооперативностью коммуниканта ВВ.: обилием отсроченных реакций, переспросов, уточняющих и выясняющих вопросов (*А? Шкурки-то? Тебе че/ надо? Зачем? Ну скажи/ зачем?*), присутствием возражений (*Другие захотят валенки [если тебе дам]*), отрицательной оценкой ВВ. позиции М., выраженной оценочно маркированным апеллятивом: (С ОСУЖДЕНИЕМ) *Максим Олегович!* Коммуникативный результат взаимодействия отрицательный, уговоры оказались неэффективными: ВВ. отвечает М. отказом: *Тогда не выдам [валенки]*. Но отрицательный результат — как коммуникативный, так и практический, — не сказывается на межличностных отношениях коммуникантов: отказ ВВ. не вызывает раздражения или вербально выраженного недовольства М.; некоторое время он продолжает вяло уговаривать ВВ., но, получив повторный отказ, меняет тему (*Г-ка не дождешься никогда*). Таким образом, интерперсональная модальность разговора остается нейтральной.

Приведем запись еще одного текста-разговора.

Ситуативный контекст: разговор в подсобном помещении завода. ВФ. — Виктор Федорович, 45 лет, электроэрозионист, образование высшее; М. — Максим, 27 лет, станочник, студент-заочник.

ВФ. — Как они живут/ немцы/ у них принцип жизни/ накапать на соседей// основа всей жизни//

М. — Почему накапать на соседа? может он за дело// там со-

сед может/ самогон гонит [нец.]// Вот как Антон//

ВФ. — Ну дак и че?

М. — А я ж молчать не буду!

ВФ. — Если вот сосед самогон гонит/

М. — А если он с целью продажи?

ВФ. — Ну и что?

М. — Ты не пойдешь же/ не накапаешь?

ВФ. — Что за жизнь [нец.]! Пошел/ тебя тут же заложили//

М. — Федорыч/ смотря куда пошел// тебя ж за то/ что ты хорошие дела делаешь/ никто ведь не заложит//

ВФ. — И за это заложат/ вот припаяю че-нибудь/ он там уже [нец.]//

М. — (С ШУТЛИВЫМ ВОЗМУЩЕНИЕМ) Так Федорыч/ я тебя давно бы уже заложил// тебя б десять раз посадили// ты сидишь/ паяешь// как только начал паять/ начался терроризм в стране// я же сразу это заметил// я же вижу что ты там делаешь!

ВФ. — Вот представь/ Максим/ ты купил машину там [*в Германии*]// они пришли к тебе [нец.] и спрашивают/ <где ты деньги взял?>

М. — А как? (С УВЕРЕННОСТЬЮ) Должно быть так/ правильно// правильно/ где деньги взял?

ВФ. — (ВОЗМУЩЕННО) А какое его собачье дело [нец.]?

М. — Потому что там есть возможность заработать//

ВФ. — (ПРОДОЛЖАЯ УПОРСТВОВАТЬ) А почему я должен докладывать/ где я взял деньги? Может/ я украл?

М. — (С ШУТЛИВОЙ НАСТОЙЧИВОСТЬЮ) А вот/ тебя посадят//

ВФ. — (УВЕРЕННО) Не пойманный не вор [нец.]//

М. — Тут-то тебя и поймают// для этого все и делается/ если тебя так не могли поймать//

ВФ. — Они должны все время/ того/ когда я (ПАУЗА)

М. — А-а-а/ нет//

ВФ. — А если я уже украл/ то (СМЕЮТСЯ)

М. — Федорыч/ ты не прав!

ВФ. — Ну как это не прав!

М. — Это че? Няньку поставить тебя охранять?

ВФ. — (УБЕЖДЕННО) Если украл значит все [нец.] // все [нец.] // было и нет //

Разговор М. и ВФ. развивается в русле спора; это «несогласный» обмен мнениями по одному вопросу (о необходимости декларирования доходов). Тема спора принимается обоими коммуникантами (речевые поступки интенционально согласованы, коммуникативная инициатива и активность распределяются равномерно), но оценочной солидарности коммуникантов не наблюдается, экзистенциальная модальность высказываний М. и ВФ. рассогласована (тема разрабатывается в различном оценочном ключе, мнения говорящих не совпадают). Стремление каждого коммуниканта отстоять свою позицию как «правильную» вызывает несогласие с мнением другого, обилие корректирующих реакций частичного или полного несогласия. Однако это несогласие обозначает позицию коммуникантов по отношению к предмету спора (экзистенциальная модальность) и не вторгается в личностную сферу, не отражается на межличностной модальности и тональности разговора. Хотя оба участника спора «примеривают» ситуацию на себя (*Вот представь/ Максим/ ты купил машину// они пришли к тебе [нец.]// и спрашивают/ <где ты деньги взял?>; А почему я должен докладывать/ где я взял деньги? Может/ я украл?; Тут-то тебя и поймают// для этого все и делается/ если тебя так не могли поймать// и т. п.*), гипертрофия эготемы и ксенотемы не нарушает нейтральную тональность. Такие «подначивания» и «подтрунивания» при некоторой модальной провокационности не выходят за рамки общего фамильярно-шутливого тона разговора и не переносятся в сферу личностного пространства коммуникантов: в фокусе их внимания все время остается проблема, а не личностные оценки. О возможности квалифицировать тональность спора скорее как шутливо-фамильярную, нежели недружелюбно-ироничную, свидетельствует присутствие шуток, а также эмоционально-обстановочный контекст (С ШУТЛИВОЙ УВЕРЕННОСТЬЮ, С ШУТЛИВОЙ НАСТОЙЧИВОСТЬЮ, СМЕЮТСЯ). Тональность остальных реплик выражает эпистемическую модальность уверенности (УБЕЖДЕННО, С УВЕРЕННОСТЬЮ). Экспрессивный тон (ВОЗМУЩЕННО) относится к оценке предмета речи, но не личности коммуниканта. Результат взаимодействия в эпистемической сфере — отрицательный: оба участника спора остаются при своем мнении, результат в модальной сфере — скорее нейтральный, в целом гармонический.

Небольшие фрагменты с полемичной КК могут вкрапляться

в разговоры с консентной КК. Возникающие «ситуации риска» (см.: [Шалина 2000: 275]) обычно не имеют дисгармонизирующих последствий, так как быстро нейтрализуются с помощью коммуникативных усилий участников взаимодействия, что демонстрирует нижеприведенный диалог.

Ситуативный контекст: застолье в подсобном помещении завода накануне праздника 8 Марта. Приглашены женщины — сотрудницы цеха (ТВ., Н., Ж.). В роли хозяев выступают мужчины — ВФ., ВВ., М. (паспорт коммуникантов см. в приведенных выше примерах) и Ш. (47 лет, станочник, образование среднее).

ТВ. — Сначала надо выпить/ потом есть//

Ш. — Вот-вот/ я и подаю//

ТВ. — Ой/ спасибо//

ВФ. — (ОБРАЩАЯСЬ К М.) Народу мало/ а ты расселся/ блин//

М. — (С РАЗДРАЖЕНИЕМ, ВЫЗОВОМ) У меня ноги не влазят//

ВВ. — (ПОДДЕРЖИВАЯ М.) И сесть некуда//

М. — (ВОЗРАЖАЯ ВФ.) Те куда много народу//

ВФ. — Ты один полстола занимаешь//

М. — (ЯЗВИТЕЛЬНО) Да/ ты вот на второй половине ютишься/ на том/ что осталось//

ТВ. — У-у-у/хорошие пироги// где заказывали/ там же?

Н. — Там же//

Ш. — (О ВИНЕ) Изюмом отдает/ типа хереса//

Этот фрагмент разговора-пререкания с полемической КК демонстрирует появление негативно-оценочных реакций, которые задевают личностную сферу коммуникантов. Упрек-замечание ВФ. в адрес М. (*Народу мало/ а ты расселся/ блин//*) вызывает кооперативную реакцию оправдания М. (*У меня ноги не влазят//*), окрашенную раздражением, и вербально выраженное недовольное возражение М. (*Те куда много народу//*). Повторное замечание ВФ., не желающего игнорировать или сгладить возникающую напряженность и прервать пререкания, вызывает встречное язвительное замечание-обвинение М. (*Да/ ты вот на второй половине ютишься/ на том/ что осталось//*). Возникает критическая точка, обозначающая возможность нарастания агрессивности коммуникантов и дальнейшего развития разговора по конфликтному сценарию, разрушения толерантности. Но этот эпизод не нарушает

общей консентной КК застольного разговора, поскольку ТВ. и Ш. предпринимают усилия для возвращения диалога в русло гармоничного протекания (ТВ. — *У-у-у/ хорошие пироги/ где заказывали/ там же?* Ш. — (О ВИНЕ) *Изюмом отдает/ типа хереса//*). Эти реплики меняют тему и отвлекают внимание ВФ. и М. от пререканий.

Таким образом, вариативность параметров КК позволяет выделить две разновидности разговоров с полемической КК: полемические разговоры, не задевающие личностную сферу коммуникантов (с нейтральной и положительно сбалансированной тональностью и межличностной модальностью); полемические разговоры с вторжением в личностную сферу коммуникантов (с негрубыми отклонениями от тонального нейтралитета и незначительным смещением межличностной модальности в область отрицательной оценки). Вместе с диалогическими взаимодействиями, организованными консентной и конформной КК, полемические диалоги первой разновидности составляют зону толерантного общения. Диалоги второго типа граничат с зоной конфликтного общения.

К о н ф л и к т н а я КК в непринужденной сфере общения проявляется в ссорах, словесных перепалках и др. речевых конфликтах. Она характеризуется повышенной импульсивностью и реактивностью речевых поступков с непрогнозируемым перлокутивным эффектом в зоне риска; некооперативностью речевого поведения при формальной согласованности коммуникативных интенций с преобладанием отсроченных (упрек — переспрос), конкурирующих (обвинение — встречное обвинение), корректирующих (упрек — одергивание) и отклоняющих реакций (констатация факта — отрицание факта)*; подчеркнутой конфликтностью отрицательных модально-оценочных реакций, смещенных в личностную сферу коммуникантов; диссонирующей тональностью общения с гипертрофией эмоциональности и эгоцентричности; преимущественно высокой степенью активности коммуникантов в предъявлении личных претензий; непрогнозируемым коммуникативным результатом в психологической и коммуникативной сферах. Коммуникативный результат реализуется в двух возможных коммуникативных исходах конфликтного диалогического взаимодействия: позитивном и негативном. Негативный коммуникативный

*Типы реакций даются с опорой на классификацию С. А. Сухих [1989: 84].

результат проявляется в последствиях различной степени тяжести (от ухудшения отношений и прерывания контакта до перехода сторон к активным конфронтационным неречевым действиям и до полного разрыва отношений). Конфликтная КК может проявляться в диалоге градуально, с различной степенью остроты. Позволим себе привести достаточно пространный пример, демонстрирующий перерастание полемической КК речевого поведения в конфликтную.

Ситуативный контекст: в подсобном помещении завода перед концом смены ВВ. (Валерий Владимирович, 46 лет, слесарь, образование специальное техническое) играет в компьютерные игры, М. (Максим, 25 лет, станочник, студент-заочник) и А. (Антон, 26 лет, электроэрозионист, образование среднее) пьют чай.

М. — ... (1) не понял/ кто мою ложку [нец.]? вообще оборзели?

ВВ. — Моя в варенье//

М. — (ПЕРЕДРАЗНИВАЯ) Твоя в варенье/блин/ (НЕДОВОЛЬНО) я знаю что ты в варенье// (НЕОДОБРИТЕЛЬНО) хлебом не корми/ дай варенья ему//

А. — (УСЛУЖЛИВО ПОДХВАТЫВАЕТ) Его хлебом не корми/ дай водки попить [нец.]//

М. — Ему-то? Да я знаю// (ОБРАЩАЯСЬ К ВВ., НАЗИДАТЕЛЬНО) Валера/ пора исправляться/ сходи в медпункт/ там вот/ наглядная агитация/ щас вот изучал//

ВВ. — Уже исправился (СМЕЕТСЯ)// отстань/ исправился//

М. — (РАЗЫГРЫВАЯ УДИВЛЕНИЕ) Как ты исправился? Ты не можешь так быстро исправиться/ ты должен покаяться//

ВВ. — Я/ я просто

А. — (ПЕРЕБИВАЕТ) Он вчера на обед не ходил/ прикинь/ какое покаяние было//

М. — О-о-о/ как он болел// (ОБРАЩАЯСЬ К ВВ., МЕНТОРСКИМ ТОНОМ) Валера/ нельзя же так/ блин/ два выходных/ понедельник взял [отгул]/ и во вторник еще болел//

ВВ. — В пятницу начал//

М. — (ЦИТИРУЯ ИЗВЕСТНУЮ ФРАЗУ ИЗ ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ ТЕЛЕПЕРЕДАЧИ) О-о как все запущено-о// постился/ да?

- ВВ. — Ага //
- М. — Жрать ниче нельзя / так водки значит // все с тобой ясно //
- ВВ. — Жрать ниче нельзя / точно ты сказал //
- М. — (О КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЕ) Давай-давай вниз //
- А. — На одну //
- М. — (НАСМЕХАЯСЬ НАД ВВ., ЦИТИРУЕТ АНЕКДОТ)
Но достаточно будет и половины дозы / ага? И вниз / и
вниз Валера / че нет-то? Че-то долго ты думаешь / (ЯЗ-
ВИТЕЛЬНО) это динамичная игра / между прочим //
- ВВ. — Ну и че?
- М. — (НЕБРЕЖНО) Да ниче //
- ВВ. — Ну вот и сиди //
- М. — (ИЗОБРАЖАЯ РАЗОЧАРОВАНИЕ) Я думал приду/
увидю тебя за работой //
- ВВ. — (2) (РАЗДРАЖЕННО) Сидите и не [нец.] тут // [нец.] ты
меня / Максим // с одной стороны конечно / когда ты
здесь [нец.] / но с другой стороны / к концу смены ты
так [нец.] // сначала вроде
- М. — (ПЕРЕБИВАЕТ, С УГРОЗОЙ) Все сказал?
- ВВ. — сначала вроде еще ничего / до обеда тебя терпеть можно /
- М. — (С НАЖИМОМ, ПОВЫШАЯ ТОН) Ты все сказал?
- ВВ. — (ЗЛО) Ну че те еще? (С ИЗДЕВКОЙ) и полхохла ты /
понял [нец.] / если б ты полный хохол / можно было б с
тобой поговорить //
- М. — (С НАРАСТАЮЩЕЙ УГРОЗОЙ) Че-е-е?
- ВВ. — (ГОВОРИТ ГРОМЧЕ И МЕДЛЕННЕЕ) Был бы ты пол-
ный хохол / с тобой можно было бы поговорить // а так /
полхохла //
- М. — (РЕШИТЕЛЬНО) Все сказал?
- ВВ. — (НЕСКОЛЬКО ТИШЕ) Нет еще //
- М. — (С РАССТАНОВКОЙ, РАЗДЕЛЯЯ СЛОВА) Теперь по-
смотри на часы / и пять минут / помолчи / понял / да?
время пошло //
- ВВ. — (ЧТО-ТО БОРМОЧЕТ НЕРАЗБОРЧИВО)
- М. — (СТРОГО, С НАПОРОМ) Я сказал / помолчи //
- ВВ. — (С ДОСАДОЙ И ИРОНИЕЙ) Эк
- М. — (ПЕРЕБИВАЕТ) И без <эк-пэк> блин // (ПАУЗА; М.
ПОДХОДИТ К КОМПЬЮТЕРУ, ОБРАЩАЕТСЯ К
А., ВСЕ ЕЩЕ РАЗДРАЖЕН) Ну? Где сеть? Сеть-то где?

А. — Работает //

М. — Работает? [М. *демонстративно переключается на разговор с А. о компьютерных играх.*]

На материале приведенного диалогического фрагмента отчетливо видна динамика конфликта, проявляющаяся в развитии взаимодействия от конформного (фрагмент 1) к конфликтному (фрагмент 2) типу КК. Провоцирует конфликт вторжение М. в личностную сферу коммуниканта ВВ., в принципе допустимое в данной коммуникативной группе, но отягощенное нелицеприятностью оценок (осуждение, наигранное возмущение, ирония, сарказм) и провоцирующим издевательским тоном.

М. — 1. Валера / пора исправляться / сходи в медпункт/ 2. (РАЗЫГРЫВАЯ УДИВЛЕНИЕ) Как ты исправился? Ты не можешь так быстро исправиться / ты должен покаяться// 3. Валера / нельзя же так / блин / два выходных / понедельник взял [*отгул*] / и во вторник еще болел // 4. О-о как все запущено-о // постился/ да? Жрать ниче нельзя/ так водки значит // все с тобой ясно // 5. (НАСМЕХАЯСЬ НАД ВВ., ЦИТИРУЕТ АНЕКДОТ) Но достаточно будет и половины дозы / ага? И вниз / и вниз Валера / че нет-то? Че-то долго ты думаешь / (ЯЗВИТЕЛЬНО) это динамичная игра / между прочим // 6. (ИЗОБРАЖАЯ РАЗОЧАРОВАНИЕ) Я думал приду / увижу тебя за работой //

Начальный фрагмент можно квалифицировать как транспозицию спонтанно возникающего жанра проработки [Данилов 1999] с коммуникативной заданностью отрицательно-оценочного компонента (осуждение) в сферу непринужденного межличностного общения. Происходит характерная для этого жанра поляризация позиций коммуникантов. Она разрушает модальное единство, тональный унисон, свойственные согласному течению разговора. Роль коллективной «прорабатывающей стороны» с заданными этой ролью особенностями речевого поведения присваивают себе коммуниканты М. и А.; роль «прорабатываемой стороны» достается коммуниканту ВВ., поведение которого является темой разговора и объектом отрицательной оценки. Взаимодействие развивается по сценарию эмоционального подавления ВВ., вынуждения его к оправданиям. Тем не менее кооперативное поведение ВВ. в первом

фрагменте диалога обусловлено нежеланием обострять ситуацию и организовано по типу консентной КК: это подтверждают оправдания (*Уже исправился (СМЕЕТСЯ) // отстань / исправился //*; *Я / я просто*); речевые поддержки и реакции согласия (*Ага //*; *Жрать ниче нельзя / точно ты сказал //*), уточнения (*В пятницу начал //*).

Стремление М. занять доминирующую позицию не поддерживается его социальным статусом в группе (он моложе ВВ. и не является его начальником). Адресованная обценная лексика*, негативная личностная оценка в совокупности с ее оскорбительным тоном, речевые выпады инвективного характера (подначка, колкость, издевка, сарказм) позволяют квалифицировать речевое поведение М. как не санкционированное общекультурными нормами и правилами общения, принятыми в данном коллективе, и поэтому провоцирующее конфликт. Конформное речевое поведение ВВ., обусловленное неудовлетворенностью, навязанной ему ролью «прорабатываемого», скрывает нарастающую эмоциональную напряженность и назревание коммуникативного конфликта. Критическая масса дисгармонизирующих речевых поступков М. нарастает, и у ВВ. наступает реакция отторжения и протеста (негативная личностная оценка М.), которая обозначает границу фрагментов с конформной и конфликтной КК: ВВ. — *Сидите и не [нец.] тут //* [нец.] *ты меня / Максим //* с одной стороны конечно / когда ты здесь [нец.] / но с другой стороны / к концу смены ты так [нец.] / / сначала вроде... сначала вроде еще ничего / до обеда тебя терпеть можно //

Фрагмент 2 с конфликтной КК речевого поведения демонстрирует лавинообразное развитие речевого конфликта. ВВ. переходит к открытым оскорблениям М., вызванным желанием унижить его: ВВ. — (СО ЗЛОСТЬЮ) *Ну че те еще? (С ИЗДЕВКОЙ) и полхохла ты / понял [нец.] / если б ты полный хохол / можно было б с тобой поговорить //*; (ГОВОРIT ГРОМЧЕ И МЕДЛЕННЕЕ) *Был бы ты полный хохол / с тобой можно было бы поговорить / а так / полхохла //*

* В речи мужчин, входящих в эту малую группу, нецензурные слова используются чаще как сигналы мужской общности, словесные вставки, слова-привычки. В этих случаях на них не обращают внимания, их употребление никак не задевает партнеров общения. В адресованной инвективной функции нецензурное слово фиксируется коммуникантами, являясь стимулом для конфликтных реакций.

М. избирает тактику игнорирования оскорбления ВВ. и переходит к серии ответных угроз с нарастающей дисгармонизирующей тональностью: М. — 1. (ПЕРЕБИВАЕТ, С УГРОЗОЙ) *Все сказал?* 2. (С НАЖИМОМ, ПОВЫШАЯ ТОН) *Ты все сказал?* 3. (С НАРАСТАЮЩЕЙ УГРОЗОЙ) *Че-е-е?* 4. (РЕШИТЕЛЬНО) *Все сказал?* 5. (С РАССТАНОВКОЙ, РАЗДЕЛЯЯ СЛОВА) *Теперь посмотри на часы / и пять минут / помолчи / понял / да? время пошло //*

Цель угроз — речевое подавление ВВ. и его коммуникативная изоляция. Коммуникативный исход взаимодействия — разрыв контакта между М. и ВВ., впрочем длившийся непродолжительное время: после пяти реплик коммуниканты А. и М. снова «принимают» ВВ. в общий разговор.

Интересен пример ретроспективной рефлексии причин конфликта, вышедшего за рамки речевой коммуникации.

Ситуативный контекст: случившийся накануне после вечерней смены словесный конфликт между ВФ. и Л. (Леонидом) перешел в драку. Инцидент неформально обсуждается в компании рабочих и служащих, знающих обе стороны. В полилоге участвует и ВФ., инициировавший драку.

М. — (ОБРАЩАЯСЬ К ВФ.) Начальник-то поругал поди?

ВФ. — Кого?

М. — Тебя //

ВФ. — Меня? за что меня-то?

А. — (ОБ ОТСУТСТВУЮЩЕМ УЧАСТНИКЕ КОНФЛИКТА, С ВОЗМУЩЕНИЕМ) [*Нец.*] / Баранам бесполезно [*нец.*] объяснять / тоже [*нец.*] //

М. — Да он не такой уж [*нец.*] / баран //

ВФ. — Че с ним спорить //

М. — Сразу под ср-у пинать / да? (СМЕЕТСЯ)

Ю. — Ему удовольствие доставляет/ когда заводится он// его подкалывать надо / вот это его [*нец.*] вообще выводит из себя //

ВФ. — Я ему грю / <иди домой [*нец.*]> / он ходит тут / надо мной ноет / бесполезно / зудит и зудит / одно и то же / бесполезно ему че-то объяснять / доказывать / только в рыло //

М. — (СМЕЕТСЯ) Кровожадный Шаолинь/ в рыло и все [*нец.*] //

ВФ. — Ну тут он сразу понял / в чем дело //

М. — Вот на <мужичошку> ты все-таки обиделся / понятно //

все уже рассказали в деталях // все мы уже восстановили по секундам //

ВФ. — Ну правильно / в репу только давать //

ВФ. — (ОБРАЩАЯСЬ К М.) Ты говоришь / <почему Витю не защитили> / надо было подумать / кого защищать //

М. — Но [нец.] // (С САРКАЗМОМ) Леню надо было защищать // я вообще удивляюсь / пацан там / штангой занимается / Леня-то //

А. — Леня-то? Да он дышит в кредит / [нец.] / штангист [нец.] //

Затем разговор соскальзывает на обсуждение спортивной формы второго участника конфликта (Л.); к теме конфликта коммуниканты больше не возвращаются. Обсуждаемый в полилоге конфликт заканчивается дракой его участников, что свидетельствует о крайней степени проявления агрессии и невозможности для данных коммуникантов разрешения ситуации речевыми средствами. Высказывания участников разговора позволяют судить о причинах конфликта, лежащих в сфере коммуникативного и собственно речевого поведения партнеров общения. Среди этих причин — нарушение коммуникативных норм толерантного общения: назойливость манеры речевого поведения Л. (...*Он ходит тут / надо мной ноет / бесполезно / зудит и зудит / одно и то же* /; *Ему удовольствие доставляет / когда заводится он // его подкалывать надо / вот это его* [нец.] / *вообще выводит из себя* //); провокационность речевого поведения Л. и ВФ., прибегнувших к адресованным инвективным и пейоративно-уничижительным формам (*Вот на < мужичошку> ты все-таки обиделся / понятно //* / *Я ему грю / <иди домой* [нец.]> /). Обращает на себя внимание низкий уровень культуры: участники общения (А. и ВФ.) допускают возможность разрешения конфликтной ситуации неречевыми средствами (ВФ. — ...*Бесполезно ему че-то объяснять / доказывать / только в рыло //* / *Ну правильно / в репу только давать //* / А. — [Нец.] / *Баранам бесполезно* [нец.] *объяснять / тоже* [нец.] //). М. и ВВ. считают переход участников ссоры к активным неречевым действиям недопустимым, хотя, судя по реакциям, драка не является исключительным событием (М. — *Сразу под ср-у пинать / да?* (СМЕЕТСЯ); *Кровожадный Шаолинь / в рыло и все* [нец.] // ВВ. — (ОБРАЩАЯСЬ К М.) Ты говоришь / <почему Витю не защитили> / надо было подумать / кого защищать //). Без сомнения, диалоги с конфликтной КК находятся вне зоны толерантного общения.

Во всех случаях важна оценка коммуникативного результата, эффективности общения [Ширяев 1996: 30] в аспекте его личностной и межличностной значимости для коммуникантов. Эта оценка варьируется в диапазоне: положительный результат — нейтральный результат — отрицательный результат. При этом коммуникативный результат может реализоваться в модальной, информативной (идеальной) и практической (материальной) сферах, а нейтральный результат психологически приравнивается к положительному. Конфликтные диалоги по критериям коммуникативной динамики и коммуникативного результата целесообразно разделить на две группы: диалоги с позитивной динамикой конфликта и благоприятным коммуникативным результатом (угасание конфликта за счет коммуникативных усилий его участников или вмешательства присутствующих, примирение сторон); диалоги с негативной динамикой конфликта и неблагоприятным для (обоих или одного из) партнеров коммуникации результатом (прерывание контакта, психологическая травма, физическое насилие и т. п.).

Заметим, что наши наблюдения позволяют сделать вывод о меньшей склонности женщин к коммуникативной конфронтации и речевой дисгармонии. Записи диалогов в «предконфликтных ситуациях» [Шалина 2000: 280] демонстрируют, что женщины с большей готовностью, нежели мужчины, предпринимают коммуникативные шаги, ведущие к сглаживанию и нейтрализации назревающего конфликта, используют отвлекающие тактики изменения темы, предложения примирения, способствующие гармонизации общения.

Описанные типы КК речевого поведения покрывают пространство интолерантного общения, реализуемого в форме диалогической речи в обыденных ситуациях. Уточнение лингвистических и прагматических параметров «прекословных» разговоров приблизит исследователей к разрешению теоретических и технологических проблем коммуникативной толерантности.

И. В. Шалина

Толерантность / интолерантность в просторечной семейной культуре

В поисках решения проблемы ощутимого разрыва между рефлексивным сознанием современного человека, декларированием им культурных ценностей и идеалов, с одной стороны, и бытийным сознанием, повседневным поведением, характеризующимся подчас бытовым бескультурьем, отсутствием коммуникативной гармонии, циничным отношением к идеям высшего порядка и конфликтностью, с другой стороны, исследователь проблем толерантности обращается к описанию речевого быта современников, стремится выявить причины существующего дисбаланса уровней сознания и дать рекомендации культурно-речевого характера по его преодолению (см.: [Стернин 2000а: 362–364; 2003: 337–338]).

Естественным источником формирования «культурной бытовой среды» [Стернин 2002б], воспитания толерантного сознания личности является семья. Именно в этом речевом коллективе «формируется отношение человека к жизни и к людям, происходит усвоение им основных нравственных норм» [Крысин 1989: 79], закладываются ценностные предпочтения, обкатываются механизмы межличностного диалогического взаимодействия, способствующие достижению «взаимного понимания и согласования разных мотивов, установок, ориентаций» [Михайлова 2003: 109].

Идея *крепкой семьи* входит в число ведущих ценностей национально-государственной идеологии наряду с традиционной культурой и языком, нравственными идеалами и православной эти-

кой, почитанием отечественной истории и общинностью [Пуляев, Шеляпин 2001: 69–75]. Эта ценность на уровне здравого смысла одобряется большинством людей. Так, по данным социологического исследования, 75,4 % респондентов-россиян определенно выразили согласие со следующим ценностным суждением: «В жизни максимальное внимание нужно уделять тому, чтобы установить *хорошие семейные и дружеские взаимоотношения*»; 76,7 % респондентов согласились с утверждением о том, что «*люди и государство должны больше всего заботиться о детях*» [Ценности... 1996: 74–76]. Как же реализуются обозначенные установки в повседневной коммуникативной практике?

Объект нашего исследования — семейное речевое взаимодействие в просторечном коммуникативно-культурном пространстве. Мы располагаем паспортизованным материалом: записями непринужденной разговорной речи жителей уральских городов (Екатеринбурга, Верхней Салды, Полевского, Ирбита). Информанты — носители просторечия, т. е. люди, «не владеющие нормами литературного языка» [Земская, Китайгородская 1984:67]. Семейные тексты-разговоры собраны методами открытой и скрытой аудио-записи. Это коммуникация в рамках «своего круга»: используется код, общий для членов семьи, привычный для данной среды и конкретных ситуаций общения. Пространство общения ограничено квартирой, домом. В разговорах принимают участие представители разных поколений.

Согласно современным научным представлениям, просторечие как социолингвистический феномен характеризуется неоднородностью. Так, Л. П. Крысин выделяет два круга носителей просторечия: горожане старшего возраста, не имеющие образования (или имеющие начальное образование), речь которых обнаруживает явные связи с диалектом и полудиалектом (так называемое *просторечие-1*), и горожане среднего и молодого возраста, имеющие незаконченное среднее образование, не владеющие нормами литературного языка, речь которых лишена диалектной окраски и в значительной степени жаргонизована (*просторечие-2*) [Крысин 2003а: 56]. С точки зрения возрастной иерархии, представители старшего поколения семьи — бабушки и дедушки — являются носителями *просторечия-1*. Это полуобразованные носители языка, уроженцы деревень, живущие в основном в небольших городах поселкового типа. Так, например, в числе наших ин-

формантов — семья Шепетковых. Г. О. Шепеткову (Г.) 77 лет, он родился на Украине, уроженец села Мощенка Черниговской области, но более 50 лет живет в г. Верхняя Салда, имеет неполное среднее образование. Г. долгие годы работал на металлургическом заводе, в настоящее время он пенсионер. Его жене, К. П. Шепетковой (К.) 75 лет, она родилась в д. Никитино (Верхнесалдинский р-н, Свердловская обл.). 50 лет К. живет в Верхней Салде. Получив неполное среднее образование, она работала страховым агентом; в настоящее время — пенсионерка. Речь старших членов семьи имеет диалектную окрашенность. Для нее характерны устойчивое оканье, «щеканье», вкрапления украинизмов, например: *К. Ты каким нащальником робишь? Ущиться оне меня не отпустили //*; *Дак ще? Ись-от будете?* (глагольная форма *ись* используется в значении ‘есть, употреблять пищу’); Г.: *Такие хлыбы [глыбы] получают //*; *У нас картошка росла там унизу [внизу] //*; *Смотри / Владь [Влад] //*; *Не помню / как его хвамилия //*. Любопытно, что длительные речевые контакты повлияли на произношение супругов: К. часто использует фрикативное [ʒ], а Г. «щекает». Кроме того, в их речи нами зафиксированы типичные как для диалектов, так и для просторечия отклонения от норм литературного языка — упрощение слоговой структуры слов: *спокон веку, ксперимент, сколь можно говорить*, редукция согласных и гласных, вплоть до полного выпадения: *хлеб-от дорожат; жись тяжелая; ружжо*. В области грамматики и лексики наблюдаются родовые смещения: *за шлангу тридцать рублей отдала, две помидоры выросло*. Встречаются отступления от падежно-числовых норм, специфично также несоответствие просторечного и литературного употребления глагольных форм: *везли профиля; волосья; я постовала; нельзя мне ести; я бы все клонилая и клонилая* (в значении ‘прилечь отдохнуть’). Частотно использование просторечной лексики: *придиристый, пошто, айда, болотина, навозу ложим, германцы*.

К носителям просторечия-1 мы относим также старших членов семьи, горожан, имеющих законченное среднее и среднее специальное образование. Они «прошли первичную социализацию в традиционной деревенской культуре» [Гольдин 2000: 56], но, осев в городе, «более или менее полно (курсив наш. — И. Ш.) овладели литературной речевой культурой или воплощаемой просторечием «третьей культурой»... и тем самым развили новые для себя вербально-семантические, когнитивные и прагматические струк-

туры» [Гольдин 2000: 56]. Нам представляется, что *уровень образования* как один из критериев выделения носителя современного просторечия является критерием нежестким, отчасти формальным. Носителями просторечия могут быть люди, обладающие совершенно разными социальными и возрастными характеристиками [Ерофеева 2000: 441], в том числе уровнем образования. Нами уже ставился вопрос о зависимости между образованием, образованностью и владением литературным языком [Купина, Шалина 2004]. Наличие аттестата (диплома) об образовании еще не свидетельствует о том, что человек активно владеет литературным языком. Определяющим фактором здесь является речевое окружение, среда коммуникации, индивидуальное языковое чутье. По мнению А. Ф. Прияткиной, «просторечник» сегодня помолодел, стал социально более значим, его характеризуют определенные качества личности, особый психолингвистический взгляд, типичное речевое поведение [Прияткина 2000: 236]. Выявить меру владения носителей просторечия литературным языком, особенности речевого поведения в различных коммуникативных ситуациях, найти и описать не только языковые, но и культурные маркеры, характеризующие просторечие как тип речевой культуры [Сиротинина 2003: 11], — как нам кажется, актуальная для исследователя задача.

Одной из наших информанток является Т., 67 лет. Она уроженка д. Курманка (Белоярский р-н, Свердловская обл.), после окончания Свердловского медицинского училища в 1956 г. осталась в городе, работала медсестрой, в настоящее время пенсионерка. В ее речи сохраняются лишь отдельные диалектные черты, например аналитическое выравнивание в формах глаголов: *лягем, те-кет*; обращения: *Неправильно / мила дочь / ты сына воспитываешь //*. Диалектные интонационно-фонетические особенности (оканье, ви-сячая интонация, характеризующаяся повышением тона в конце повествовательного предложения) заметны лишь в ситуациях непринужденного общения с людьми, которых она определяет как людей «своего круга» [Хорошая речь 2001: 242]. Свой круг — это старшие родственники, подруги детства и юности, отдельные знакомые и соседи. В основном речь Т. характеризуется отклонениями разного типа: ненормативное ударение и произношение в заимствованных словах *медикамэнт*ы, *кóкл*юш, *а*лфáвит, *а*фёра, *опё*-ка, употребление ненормативных грамматических форм *засрат*ый, *све*сьте колбасы, *поку*шенные *кле*щом (о детях). Беседа с близки-

ми, Т. использует просторечно-разговорные номинации и структуры: *бабушка у него титястая, опойка, забулдыга, извозюкаться в грязи, взвалехнулся на чистую кровать во всем рабочем; А это кто у телефона?* (инициальная реплика телефонного разговора с незнакомым коммуникантом). В стереотипных деловых коммуникативных ситуациях (например, общение с больными) Т. переключается на литературный язык, эффективно реализует жанры совета, рекомендации, профессионального вопроса, объяснения. В кодовых переключениях с просторечия на литературный язык проявляется принцип коммуникативной толерантности: Т. стремится соответствовать своему деловому статусу, старается быть адекватно понятой пациентами и принятой коллегами. По нашим наблюдениям, Т. испытывает сложности в коммуникации, попадая в нестереотипные официальные ситуации, затрудняется в построении устных и письменных монологических текстов, воспроизводящих факты общественной жизни, услышанные или прочитанные в СМИ. В сложных коммуникативных ситуациях она предпочитает молчать, проявляя умение слушать «другого».

Представители среднего и младшего поколений семьи (мать, отец, дети) — носители просторечия-2. Тем не менее они владеют литературным языком активно или пассивно. В живом диалогическом общении «коэффициент просторечности индивидуально варьируется» [Китайгородская 1988: 162]. Зная литературную норму, носители просторечия-2 могут реализовать просторечные варианты для поддержания контакта с родственниками, акцентирования статусно-ролевых характеристик старших членов семьи, для взаимного приспособления в конкретной коммуникативной ситуации. Таким образом, если носители просторечия-1, как правило, не способны перейти в общении на литературный код, носители просторечия-2 целенаправленно используют переход с одного кода на другой, интуитивно или осознанно стремятся к созданию атмосферы коммуникативной толерантности.

Предметом нашего описания стали содержание и способы ведения семейных диалогов, ролевые позиции коммуникантов, их права и обязанности, стереотипы семейного общения, культурно-ценностные предпочтения, формирующие семейный кодекс. Именно эти культурные маркеры обнажают грани коммуникативной гармонии и дисгармонии в семейном просторечном взаимодействии, вскрывают природу коммуникативных практик толерант-

ности, характерных для семейного общения. Опыт описания речевой культуры уральской семьи, культурных стереотипов просторечной коммуникации представлен в работе [Купина, Михайлова 2003]. В нашем исследовании мы стремились дать объективную картину речевого существования уральской семьи. Обратимся к анализу семейных диалогов, характеризующихся конфликтностью / кооперативностью.

Наиболее частой причиной семейного неблагополучия и ссор являются расхождения установок супругов в отношении распределения семейных обязанностей. «Семейные роли *мужа, жены, отца, матери* и т. п. в какой-то мере очерчивают круг прав и обязанностей каждого из членов семьи» [Занадворова 2003: 383]. За *мужем, отцом* по традиции закреплена роль кормильца, добытчика, зарабатывающего деньги, обеспечивающего прочную материальную базу семьи. *Жена, мать*, как правило, ведет хозяйство, воспитывает детей и заботится о них, организует досуг членов семьи. Представление о естественном гендерном разделении трудовых обязанностей, имеющее многовековую традицию, прочно укоренилось в сознании современных русских людей [см.: Piigainen 1997: 156]. Отказ выполнять обязанности, закреплённые традицией, в просторечной культуре осуждается. Если, вопреки культурным предписаниям, замужняя женщина вынуждена взять на себя функции по содержанию членов семьи, ей сочувствуют, а мужчину осуждают:

А. (23 г., работница склада, образование среднее, уроженка Магадана, живет в Екатеринбурге.) — *У нас баба одна работает / с мужиком живет / ребенок у них // Ни х... не работает / козлиная она его содержит // У нее отец больной там / под машину попал / дочка // Живут / просто потому что деваться некуда / не разводятся // Она по телефону с ним разговаривает / (ПЕРЕДРАЗНИВАЕТ) <Че надо? Че надо?! Куда деньги дел?! > Вот это всегда так / изю дня в день //*

Единственной причиной, которая, по мнению А., может оправдать асимметрию в распределении семейных обязанностей и, следовательно, семейные конфликты, является налаженная сексуальная жизнь супругов. По нашим данным, тема сексуальных контактов в разговорах молодых носителей просторечия детабуируется:

А. — *Ну я у нее спрашиваю / <А че ты с ним живешь?> // <Потому что он у меня первый> // А я у нее и спрашиваю / <И часто у*

вас там секс бывает?> // Она / <Раз там в месяц / раз в два месяца> // Я думаю / он наверно [нец.] все / что на стороне шевелится / или он дефективный какой / или он вот такой вот / наоборот //

В семейных диалогах употребляется стереотип *заиметь семью*, т. е. жениться, обзавестись семьей. Он закрепляет нормы мужского ролевого поведения (о женщине не говорят: *она заимела семью*). В разговорах отчетливо прослеживается цепочка хода мысли: *если мужчина заимел семью — обязан кормить и одевать ее, обязан вкалывать*. Нарушение ролевых ожиданий приводит к формированию очагов напряжения [Вепрева 2002] и, как следствие, — к семейным конфликтам. Так, следующий текстовый фрагмент эксплицирует возмущение тещи Т. (медсестра, 67 лет, среднее специальное образование), делающей выговор зятю З. (инженер, 45 лет, высшее техническое образование, живет в доме Т.).

- Т. — У меня муж без образования был / шо́фер / работага // Выпивал / но не было случая / чтобы на работу не вышел // Знал / что работа и семья на первом месте / вкалывал физически / деньги в дом приносил / кормил / одевал // Принесет получку / <На / мать / распределяй / че надо купи> // Повезет в автолавку/ отоваримся там // Если не хватит / из заначки достает // А ты / бездельник / лодырь / не можешь семью обеспечить / Женился / заимел семью / вот и вкалывай / (С ВОЗМУЩЕНИЕМ) А он спит до 9 часов // Под лежащий камень вода не течет //
- З. — Вы че / не понимаете? Если у меня работа такая / не надо с утра ходить // Нет у нас с утра работы / нече делать //
- Т. — Не понимаю / что это у тебя за работа такая // Кто сыночек будет кормить? Ишь как устроился / на всем готовеньком // Не можешь семью обеспечить / иди халтурь // Так все нормальные-то мужики делают //
- З. — Не понимаете ниче / дак не лезьте //
- Т. — Дак ты че / все на жену свалил? Сел на нас и ножки свесил? Я ни разу не видела, чтобы вы с женой сели обсудили / че купить / че сделать // Че это за семья такая? // Ешь всегда один / никогда жену не ждешь / по три часа за столом высисживаешь //
- З. — Как хочу / так и ем // У вАс в семье так было / у нАс по-другому // Отец всегда поздно приходил / поэтому мать никогда его не ждала / ели все отдельно //

Т. — *Мама у тебя точно с приветом / и ты такой же / с приветом // Придурок /*

По представлениям Т., если мужчина *спит до 9 часов*, значит он *бездельник, лодырь*. В обыденном сознании носителя просторечной культуры зафиксированы выявляющие ценностные предпочтения оппозиции. В данном случае: *без образования, работа-га, вкалывает физически — с образованием, занят интеллектуальным трудом; работа на первом месте — лодырь, бездельник; нормальный мужик — с приветом, придурок*. Они сформировались под влиянием привычного жизненного стереотипа (трудовой день Т. и ее мужа был нормирован, он обычно начинался в 8 часов и заканчивался в 17 часов), собственного семейного опыта и внутрикультурных стереотипов: *ТАк все нормальные-то мужики делают*. Семейные традиции и привычки закрепляют внутрисемейные нормы и модели поведения: право распоряжаться деньгами, заработанными мужем, планировать семейный бюджет, решать, что купить, принадлежало Т.; члены семьи обычно вместе ужинали, а в воскресные дни и обедали вместе. Эти нормы Т. стремится перенести в семью дочери. Столкновение с «иными» поведенческими стереотипами (*Увас в семье так было / у нас по-другому //; или все отдельно //*), отстаивание зятем права независимого поведения (*Как хочу / так и ем //*) обостряет межличностные отношения, способствует повышению конфликтности общения. Вместе с тем зять старается говорить «понятно», «отзеркаливает» отдельные фонетические просторечные модели, «не умничает», не нападает, а обороняется, т. е. стремится удержать конфликт на уровне ценностных разногласий. Это значит, что определенное приятие «иногo» со стороны зятя присутствует.

В ситуации семейного конфликта, выяснения отношений, в исповедальных разговорах с родственниками актуализируются речевые жанры оценки, осуждения, угрозы, упрека, запугивания, инвективы, жалобы, похвалы. Особую значимость для аргументации собственной правоты в женских семейных разговорах получает культурный стереотип *кровного родства*. Девиантное поведение родного отца по отношению к собственным детям оценивается отрицательно. Например, Н. (домохозяйка, 43 года; образование среднее, бывшая работница завода; разведена) в диалоге с родственницей осуждает бывшего мужа:

Н. — *Родной отец / родной отец! Ну как так можно / я не по-*

нимаю // Не мне ведь / а ребенку своему // Начала говорить / а ему че // Самопальный спирт берет у чурок // На Московский рынок / он там ходит / бьет (речь идет о выяснении отношений с конкурентами. — И. Ш.) / они ему за это спирт дают / а он же самопальный / Он напьется / и дурако-о-м становится на два часа // Потом снова из него выходит все // Че вот он / приходил / пил и все // Хоть проблемы / чтобы накормить ребенка или хоть копейку дать ему / нету / что ты // Вот так вот всю жизнь / всю жизнь! 20 лет / никаких проблем // Да че / за квартиру заплочено / за газ он не платит / и там (в другой семье) также не платит ни за че // Шатается по Большакова (улица в Екатеринбурге) // Вот образ жизни какой ведет / представляешь / вот //

То, что может найти оправдание в поведении отчима по отношению к чужим детям, недостойно отца родного: Родной отец / родной отец // <...> Хоть проблемы / чтобы накормить ребенка или хоть копейку дать ему / нету / что ты // Вот так вот всю жизнь / всю жизнь! 20 лет никаких проблем // Стереотип родной отец в представлении матери ребенка задает ряд требований: накормить ребенка или хоть копейку дать ему, а не шататься и пить. Разрыв семейных отношений не освобождает отца от необходимости содержать ребенка: *Не мне ведь / а ребенку своему //*

Представление носительницы просторечной культуры о ролевой позиции матери в семье в целом совпадает с общекультурным: если женщина родила детей — обязана оберегать их, следить за их воспитанием:

Н. — Я его (о сыне) всяко-всяко оберегаю / лишь бы он только делом занялся / оберегаю всячески / чтобы он никуда не залетел // <...> Вот видишь / Женька и Петька (о знакомых сына) нигде не занимались / не ходили // Походили и не стали / и все / попались // Стали шататься со всякими парнями и попали //

Объектом обсуждения и осуждения становится пьющая мать, пьяница, опойка, алкашка, которая не кормит своих детей, не проявляет о них заботу, ведет недостойный женщины образ жизни.

Т. — Ольгу (о соседке) седня утром видела / какая опойка стала! Вся в синяках ходит / запилась совсем // Из магазина

выгнали ее / устроилась дворником / щас метет ходит / у «Двойки» (так в семье называют ближайший продуктовый магазин) участок взяла // Костю-то (о сыне О., который сидит в тюрьме) как жалко // Как беспризорник рос / все по гаражам шатался // Единственного сына проворонила // 15 лет дали //

Заботливая мать надеется, что ее роль в семье будет оценена по заслугам. Актуализация жанра самопохвалы свидетельствует о недооценке родственниками этой роли, о неудовлетворенных претензиях женщины на право признать ее самоотверженность, преданность семье, детям:

Н. — *Мы с Люсей такие попались / ни пьяницы / ни алкашки // А вот Лиза (о соседке, пожилой женщине) уедет в Балтым к сестрам / оставит денег на продукты Петьке (о внуке) / Валька (о дочери Лизы) у него все деньги вынудит на бутылку // Они приехали с Лизой / ни хлеба / ниче нету // Вот так Ую мать-то надо / вот видишь / а Я берегаю //*

Стереотип *хорошая мать*, по мнению **Н.**, предполагает следующие ролевые обязанности — кормить ребенка: *У меня ребенок еще голодом не сидел / хотя и не работаю тоже /*; заботиться о его здоровье и социальном комфорте: *А я содержу / и я за все плачу // Проездной Я покупаю ему / за качаловку (о спортивной секции) плачу / на таблетки / на витамины / на еду / за школу плачу / Мне же никто не дает /; берегаю всячески /*. В представлении **Н.** воспитать плохого ребенка может только *плохая мать*. Так формирует цепочка хода мысли: *если у тебя плохой ребенок, значит, ты плохая мать: Н.* (обращается к свекрови) *Так вот такого и воспитала // Он у тебя всю жизнь ворует и пьет // Все утащил последнее из дому /; Н.* (обращается к бывшему мужу) *Ты всю жись такой сука / тебя сделала мама такого // А мы маемся / и дети маются //*. Это представление подкрепляется также ссылкой на общественно значимое для носителя просторечия мнение. Стереотип *люди говорят (соседи говорят)* является веским аргументом в отстаивании своей правоты: **Н.** *Люди говорят / <Он все ходит и пьет> /; Ты же так громко стучишь / сука / ты посмотри-ка // Мне вчера высказывают люди / все соседи высказывают мне //*

Одной из самых конфликтогенных тем семейных диалогов, зафиксированных нами, является тема денег. Обычно обсуждаются

факты покупок, а также вопросы: кто сколько зарабатывает, на что тратятся деньги, кто делает больший денежный вклад в семейный бюджет. Обсуждение «болевой» темы трансформируется в выяснение отношений между родственниками и часто заканчивается перебранкой или ссорой.

Приведем пример: Н. (домохозяйка, 43 года, образование среднее, бывшая работница завода; бывшая невестка Б.); Б. (пенсионерка, 74 года, образование начальное, бывшая свекровь Н.). Н. и Б. вынуждены жить в одной квартире. Разговор происходит на кухне. Для удобства анализа пронумеруем реплики коммуникантов.

- Н. — 1. Ты зачем говоришь ему (о бывшем муже) / чтоб мне денег не давал?
- Б. — 2. Я ему ниче не говорю //
- Н. — 3. Он мне сам сказал / да / <Мне мамка сказала> //
- Б. — 4. Он не работает / из дома телевизер утащил //
- Н. — 5. А мне-то че // А почему ты мне это говоришь?
- Б. — 6. Дак тебе че надо? Сережке 17 лет (о сыне Н.) / пусть идет работать //
- Н. — 7. Да че ты говоришь!
- Б. — 8. Ниче не говорю // Вот бы вдвоем работали / и покушать было бы //
- Н. — 9. А я содержу / мы не голодуем / и я за все плачу / за все плачу // Я один раз попросила у тебя на проезд / ты сказала / <Пускай пешком ходит> //
- Б. — 10. Правильно //
- Н. — 11. Я одной сказала женищине //
- Б. — 12. Раньше ходили пешком //
- Н. — 13. Да / это все // Так вот так Ого и воспитала // Он у тебя всю жись ворует и пьет // Люди говорят / <Он все ходит и пьет> //
- Б. — 14. Ходит вот и сплетничает / жалуется / бедняжка // (ПЕРЕДРАЗНИВАЯ) <Я одна воспитываю / да я его одеваю / обуваю> // Вот три года назад Я купила ботинки / а вот щас купи вот тЫ // И брюки вот третий год он носит //
- Н. — 15. А Я каждый месяц плачу 250 рублей за школу //
- Б. — 16. Ты мать! Ты че мне говоришь?
- Н. — 17. Слушай / я вас за людей не считаю //
- Б. — 18. А я тебя ваще не считаю никак // Я тебя считаю бомжихой //

- Н.** — 19. *А ты кто? Я когда пришла к вам / слушай / у вас ни мебели / ни (нец.) не было // Вы бомжи / и пыль / и грязь была //*
- Б.** — 20. *А ты прибралась / такая засранка // Ниче не делала //*
- Н.** — 21. *Да че ты говоришь / я на почете была //*
- Б.** — 22. (С ИЗДЕВКОЙ) *Да правда / дорогая / ты пришла и мебель принесла //*
- Н.** — 23. *А скажи / твой-то че купил // Ни тому / ни другому (о сыновьях) // Все утащил последнее из дому //*
- Б.** — 24. *Дак ты че мне об этом говоришь?*
- Н.** — 25. *Ниче // Дак ты кого воспитала? /*
- Б.** — 26. *Вот воспитала не воспитала / отвали // (Уходит.)*

В разговоре со свекровью установка на кооперацию отвергается бывшей невесткой с самой начальной реплики, носящей провокативный характер. В инициальной реплике звучат вызов, упрек, нападка на собеседника. Агональный характер общения формируется за счет столкновения эго-темы и ксено-темы [Борисова 2001]. В речевой партии каждого коммуниканта сгущаются личные местоимения, плотность которых велика. Они формируют речевые оппозиции: *я, мне — ты, тебе, вы, у тебя, у вас, твой*. Невестка выражает негативное отношение к свекрови с помощью тактик уничижения: *Я вас за людей не считаю //*; оскорбления: *Вы бомжи //*; упрека: *А скажи / твой-то че купил // Ни тому / ни другому //*; обвинения: *Все утащил последнее из дому //*. Тактики самоутверждения и защиты укрупняют собственную позицию: *Я содер-жу // Я за все плачу // Я на почете была //*. В свою очередь свекровь реагирует почти зеркально — оскорбление: *бомжиха, засранка*; передразнивание: *<Я одна воспитываю / да я его одеваю и обуваю> //*; ирония и издевка: *бедняжка; Да правда / дорогая / ты пришла и мебель принесла //*; обвинение: *Ходит вот и сплетничает / жалуется //*; самоукрупнение: *Вот три года назад Я купила ботинки //*.

Речевые партии **Н.** и **Б.** на одном из участков диалога (реплики 11–13) развиваются параллельно, независимо друг от друга: мены коммуникативных ролей не происходит, для речевых ходов каждого из коммуникантов не требуется иллюкутивного вынуждения. Это свидетельствует о нежелании слушать другого, о нетерпимости к чужому мнению. Аксиологическая подмена рационального обсуждения предметной темы приводит к открытой конфронтации. Разговор получает инвективную тональность, заканчивается

перебранкой и разрывом отношений между бывшими родственниками — свекровью и невесткой.

М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова выделяют в семейном локусе регулярно повторяющиеся ситуации-стереотипы, которые «однозначно задают определенные тематические и жанровые шаблоны», и спонтанно возникающие ситуации, которые «могут периодически повторяться, но их повторяемость не носит регулярного характера» [Китайгородская, Розанова 1999: 252–253]. Добавим, что подобные ситуации-стереотипы составляют базу речевых культурных практик толерантности/интолерантности. Описанный «пререкательный» диалог можно, пожалуй, отнести к спонтанно возникающим. Данная ситуация, однако, имеет тенденцию стать стереотипной применительно к субкультурной коммуникации: женщины в течение долгих лет предъявляют друг другу одни и те же претензии. Подобные речевые практики входят в привычку, формируют механизмы стереотипизации и составляют основу коммуникации. Взаимные упреки позволяют выплеснуть отрицательные эмоции, «разрядиться». Интолерантная коммуникация в то же время становится привычной, но именно привычность приводит к тому, что упреки и инвективы воспринимаются коммуникативными партнерами менее остро, чем это может показаться стороннему наблюдателю.

В ситуации встречи на кухне с бывшими родственниками Н., ощущая вынужденность этих встреч, напряженность отношений, раздражение и неприязнь к людям, ставшим давно чужими, часто инициирует тему денег. Обсуждение этой темы находит речевое воплощение в жанрах оценки, угрозы, оскорбления, запугивания, приводящих к коммуникативной дисгармонии, физическим побоям. Ср.: на кухне разговаривают Н. и Т. (краснодеревщик, 42 года, образование среднее специальное, бывший муж Н.).

Н. — *У тебя очень мать жадная / на деньги //*

М. — *Слушай / не наезжай //* У меня и так голова болит //

Н. — *Она ни разу не дала ребенку на проезд //*

М. — *Подожди / я вот не вытерплю / я тебя подыму и на ж... опушу //*

Н. — *Да что ты / надо же // Вот была бы как Валя / у тети Лизы / / Она каждый день запивает // Вот тогда бы узнал бы // <...> А сколько таких-то // А у меня ребенок еще голодом не сидел //*

М. — *Пошла на х...!*

Н. — *Сам пошел на х...!* (нец.) // *Иди отсюда* // *Вон Максим* (о сыне) *щас встанет / тебе* (нец. выраж.) // *Ты мне раньше* (нец. выраж.) / *щас тебя* (нец. выраж.) / *и бьют как собаку / вот / потому что ты придурок* / (нец.) //

Семейной «нормой» становятся рукоприкладство (муж бьет жену, сын поднимает руку на отца) и нецензурная брань как единственный способ выяснения отношений.

Специфика семейной коммуникации проявляется в ее закрытом характере, ситуативности, ослаблении контроля за собственной речью, эмоциональной раскрепощенности, аксиологической свободе. «Освобождение от социальных ролей, которые приходится играть в сфере официального и неофициального общения» [Байкулова 2001: 152] определяет активное отношение членов семьи к предмету речи и событиям контекста, жизни, которые становятся точками отсчета, запускающими интерпретационный механизм. Интерпретация сопровождает семейный дискурс, направляется на поиск взаимопонимания или становится причиной коммуникативного напряжения, определяет степень прагматического эффекта взаимодействия. Она предстает как ментальный акт, «многоаспектный процесс, регулируемый общими прагматическими и коммуникативными целями, иерархиями ценностей, структурой проблемной области, социально-ролевыми и индивидуально-психологическими характеристиками участников коммуникации» [Кобозева, Лауфер 1994: 64]. В интерпретации отражается процесс и результат осмысления накопленного коммуникативного опыта. Гармонизирующий характер интерпретации проявляется в стремлении понять чужое высказывание, выразить отношение к нему как самодостаточному суждению, имеющему такое же право на существование, как собственное высказывание, понять другого как равноправного субъекта мнения. Гармонизирующая интерпретация «предрешает, но не решает, рассуждает, но не осуждает, ценит, но не оценивает... примиряет данное видение с иным, примеряя их друг к другу» [Марова 2001: 256]. В семейном общении выявляется дидактическая функция гармонизирующей интерпретации: она становится ментально-речевой моделью для подражания, особенно в ситуации взаимодействия представителей разных семейных поколений, формирует толерантное речевое поведение.

Если один из членов семьи использует свой статус, позицион-

ную роль ради собственного самоутверждения и власти, отказывается координировать свои коммуникативно-речевые действия (см.: [Борисова 2001: 218]) с действиями других членов семьи, то общение сдвигается в сторону полемичности и конфликтности. Интерпретация высказываний нагружается оценочно. Результатом интерпретации становится непонимание, поляризация мнений и оценок, ценностное разобшение, разлад коммуникантов.

Приведем фрагмент разговора В. (дедушка, 64 года, пенсионер, образование среднее специальное) и П. (внук, 5 лет). Родители привели внука на выходные дни к дедушке и бабушке, а сами ушли в гости. Разговор происходит на кухне, где внук моет кружку.

П. — (ОБРАЩАЕТСЯ К В., КОТОРЫЙ ЗАШЕЛ НА КУХНЮ) Ты дурак //

В. — (КРИЧИТ) Что такое <дурак>? Ты хочешь сказать / что дед ниче не понимает?! (пауза) // Я тебе покажу <дурак>! Где ты взял такое слово? Дома? На улице? Где? И чтобы больше такого слова никогда мне не говорил // Можно другим говорить или своим ровесникам // а большИм нельзя // Маленький еще такие слова говорить // И мама и папа для меня тоже маленькие / мелкие //

П. — Они для тебя большие //

В. — Ты на меня не ори // Я могу тебя и отодрать // Я могу тебя и наказать //

П. — Это я могу тебя наказать // Ты поганый //

В. — Это у тебя мама и папа поганые/ и сам ты поганый // Понял / нет? Какой крутой // (ГОВОРИТ ТИШЕ) Быстро домывай //

П. — Нет // (УБЕГАЕТ И КРИЧИТ ИЗ КОМНАТЫ) Дурак / ты все равно дурак //

Как видно из диалога, попытка В. дать стандартную интерпретацию культурного потенциала слова «дурак», переосмыслить его, смягчить с помощью синонимической замены последовательно трансформируется в угрозу; запрос информации о бытовании слова, категорический запрет на его произнесение внуком, напоминание о семейной иерархии — все это подчеркивает доминирующую позицию старшего, главного в семье, *большого*, его высокий статус: *Ты еще маленький...//; И папа и мама для меня тоже маленькие / мелкие //*. Разрешение адресовать грубое слово ровесникам, а также чужим или другим задает двойной стандарт, форми-

рует своеобразную обыденную внутрисемейную этико-речевую практику: *Грубые слова можно чужим говорить или своим ровесникам / а старшим членам своей семьи нельзя //* Языковая несдержанность внука, его непозволительное поведение вызывают агрессивную эмоционально-оценочную реакцию деда: *Какой крутой //* (заметим, что это единственный пример использования жаргонного слова, встретившийся нам в речи носителя просторечия-1). Отметим также низкий прагматический потенциал и смысловую опустошенность культурно-речевых стереотипов увещевания и запрета на аномальные речевые действия. Эти стереотипы обычно тиражируются старшими членами семьи в ситуации воспитания детей и носят назидательный, менторский характер: *И чтоб больше мне / (я) не... и Маленький еще; Ты еще маленький.* (Ср.: *И чтоб больше я этого не видела //*; *Маленький еще старшим грубить //* и т. п.). Зеркальные речевые действия на уровне биологических реакций [Седов 1998] делают семейную коммуникацию неконструктивной, не имеют воспитывающего эффекта: *Ты поганый → Это у тебя мама и папа поганые → и сам ты поганый //*

В другой коммуникативной ситуации — ситуации уговоров — ощущается осознанная попытка деда найти общекультурные способы коммуникативно-прагматического воздействия на внука. Дед использует убедительные рациональные аргументы: *А ты / потому что болеешь / тебе нельзя в гости //* Дед стремится придать коммуникативной ситуации модус оптимизма: *Все будет хорошо / Оставайся / будем веселиться //*. Толерантная тактика укрупнения ролевой позиции младшего, стремление повысить статус адресата (*Сильный мужчина и плачешь / че ты как маленький //*; *Когда в магазин пойдем / купишь нам по мороженке //*), уйти от излишней императивности, создать дружескую, спокойную тональность (*Не реви //*; *Не надо плакать //*) — все это приводит к гармонизирующему коммуникативному результату. Приведем диалог в полном объеме:

В. — *Ну-ка брысь //* Как дам щас по попе / будешь знать // Набрызгал везде / пузыри напускал // Будешь спать здесь //

П. — (ПЛАЧЕТ) *Не буду здесь спать //*

В. — *Не реви //* Папа и мама уехали в гости / поэтому ты остаешься у нас //

П. продолжает плакать.

В. — *Они уже уехали //* Иди домой один и проверь / их нет //

*И будешь там один // А ты / потому что болеешь / тебе
нельзя в гости // Сильный мужчина и плачешь / че ты как
маленький! // Все будет хорошо // Вечером поиграем / те-
левизор посмотрим / лягем поспим // Завтра они тебя за-
берут // Оставайся / будем веселиться // Не надо плакать //*

П. перестает плакать.

В. — (дает ему баночку) *Вот сюда ты будешь слаживать де-
нежки // Когда в магазин пойдем / купишь нам по моро-
женке //*

П. — *Ладно //*

Умение найти речевые средства установления контакта с пред-
ставителями младшего поколения семьи свидетельствует о ком-
муникативной открытости просторечной культуры, о понимании
важности передачи семейных традиций и установления долгосроч-
ных коммуникативных контактов, наконец, об индивидуальной
коммуникативной чуткости. Таково, например, общение в семье
Шепетковых. Внук (Р.) — инженер и его молодая жена (С.) — спе-
циалист по работе с населением в жилкомхозе, всегда в общении
со стариками (Г., К.) переходят на просторечный код. В разгово-
рах представителей разных поколений наблюдается взаимная ус-
тановка на кооперацию, способствующую сохранению прочных
родственных контактов. В обсуждении бытовых тем активно уча-
ствуют все члены семьи. Старики открыто признают свою зависи-
мость от молодых, укрупняя их статус: Г. *Мы же старенькие / все
не можем // Вся надежда на вас // Будете помогать да так / нам сразу
хоть полегче //*. Младшие проявляют неподдельный интерес к быту
стариков, фактам их биографии, событиям семейной жизни, здо-
ровью.

С. — (обращается к К.) *Вам че-нибудь помочь / баб Клава? Да-
вайте? Может быть / хоть картошки почистить //; Вы-
пейте адефлан //; баб Клава / в общем Вам нужно схо-
дить к врачу / потому что вот так бесконтрольно таблет-
ки принимать // Может быть совсем не то пьете //; Вам
сосуды надо укреплять // Аскорутин Вам нужно / знаете /
в аптеке купите есть такие // как витаминки или таблет-
ки кисленькие //*

Вовремя спохватываясь, молодая женщина (С.) стремится ней-
трализовать книжную окраску речи: незнакомый медицинский

термин (название медицинского препарата «Аскорутин») она интерпретирует с помощью словесной замены, понятной адресату.

Терпеливо, не раздражаясь непонятливости и переспросам деда (Г.), внук (Р.) объясняет, как пользоваться слуховым аппаратом:

Г. — *Громче какую сторону делать?*

Р. — *Если вниз крутишь / то тише //*

Г. — *Тише это на себя вниз его / да?*

Р. — *Вниз / да / на плечо / если вверх / то вы... / то громче //*

Г. — *Понятно //*

Р. — *А если слабо / то между однеркой и двойкой //*

Г. — *Понятно //*

Пропорциональная мена коммуникативных позиций, коммуникативные подхваты и подсказки, шутки, взаимный интерес к жизни родственников — все это способствует созданию комфорта, формирует чувство семейного единения (о чувстве общности, укреплении «своего круга» в просторечной семейной культуре см.: [Купина, Михайлова 2003:16]).

Отношения между супругами становятся примером проявления семейной гармонии. Так, забота Г. о жене, беспокойство о ее здоровье, ворчливое недовольство по поводу строптивости, беспечного и легкомысленного отношения жены к болезни свидетельствуют о согласии и теплоте взаимоотношений. Дисбаланс ролевых позиций (муж требует, чтобы жена обратилась в больницу, — жена не подчиняется) носит ситуативный характер:

Г. — *Надо понимать / дорогая / Пóняла? Давление! я вот щас читал / там сказано ясно / от всей / шейсят болезней / и моть [может быть] от каждой болезни подниматься давление!// надо врачу сначала ее вести / понятно? Надо комплéсно лечиться / пóняла?*

К. — (СМЕЕТСЯ И ПЕРЕДРАЗНИВАЕТ) *Комплéсно //*

С. — смеется.

Г. — *Вот / и от жалудка / и от сердца / от легких / от всего //*
А потом и от давления // *А тебе вот / посылаешь и меся-*
цами в больницу послать не могу //

Р. — *Дак ее сколь посылали к врачу //* *Ты / пока корова не отелилась / иди в больницу //*

Г. — *Если тебе говорю / что щас / дочерей позову / будем связывать тебе / и везти тебе //*

- Р.** — *Пошла утром / собралась и пошла // Вон в багажник положим и увезем тебя / и сдадим врачам на руки //*
- К.** — *А я все думала пройдет //*
- С.** — *Не пройдет //*

Лингвокультурологический подход к описанию коммуникативного семейного взаимодействия позволяет сделать вывод о том, что в сознании носителя просторечной культуры сформировано ценностное отношение к семье. Речевой быт семьи определяется устойчивыми представлениями о существующих общекультурных и субкультурных традициях, а также индивидуальными речекультурными практиками. Закрепленность за членами семьи определенных прав и обязанностей [Матвеева 2000] регулирует их поведение. Отказ выполнять семейные обязанности, нарушение ролевых ожиданий осуждаются. Культурную значимость приобретает оппозиция «свой — чужой». Чуждые просторечной культуре речеповеденческие стереотипы порождают агрессию, провоцируют внутрисемейные конфликты. Интолерантное отношение к «другому» (им может стать бывший муж, зять, свекровь и др.) вербализуется открыто, путем навязывания собственного понимания семейной нормы, совпадающего с мнением авторитетных носителей культуры, трансформируется в личную неприязнь.

Старшие члены семьи чтут представление о семейной иерархии, однако в общих разговорах стремятся поддерживать коммуникативно-ролевой баланс, взаимный коммуникативный интерес. Культурные практики толерантности (кооперация, гармонизирующая интерпретация, семейное единение) становятся положительными маркерами просторечной культуры.

Б. Ю. Норман

Молчание как способ коммуникации

Непосредственно связанный с толерантностью в коммуникации феномен молчания привлекает к себе внимание многих наук: философии, социологии, этнопсихологии, лингвистики и др. С точки зрения философии суть проблемы заключается в том, обусловлено ли молчание объективными или субъективными причинами и что лежит в его основе: невозможность познания мира или неспособность к называнию, к выражению мысли [Jeziorowski 1999: 229–231]. Для литературоведения молчание — это «зона пустоты, в которой гложет звучание слова, избавленного от своих социальных и потому греховных связей» [Барт 1983: 342]. Культурологи и теологи исследуют данный феномен как проявление аскезы, их интересует место молчания в кругу прочих ритуалов...

С точки зрения лингвистики, молчание занимает свое место в системе средств коммуникации [Rokoszowa 1983; Трёмбовольский 1989 и др.]; некоторые исследователи прямо определяют его как «особый способ говорения» [Федосов 1993: 92].

Что значит *молчать*? Самая простая дефиниция здесь — отрицательная: *молчать* — это 'не говорить'. Любопытно, что и словари, как правило, толкуют данный глагол подобным образом. Скажем, Малый академический словарь из пяти значений слова *молчать* четыре объясняет через 'не': 'не говорить', 'не проявляться', 'не рассказывать', 'не высказывать' (Словарь русского языка 1958: 403). Тем самым *молчать* попадает в группу глаголов, обознача-

ющих отклонение от подразумеваемой нормы поведения. Для этих глаголов естественным является толкование посредством семы 'не', т. е. через отсутствие чего-то: *умирать* — 'переставать жить' (т. е. 'начинать не жить'); *голодать* — 'недоедать или сознательно не принимать пищу'; *спать* — 'не бодрствовать'; *бездельничать* — 'ничего не делать'; и т. д.

Значит ли это, что и молчание выступает как определенное отклонение на фоне естественной и нормальной речевой деятельности? В общем, да. Речь, говорение — характерный, конститутивный признак человека, выделяющий его из окружающей среды. Homo sapiens есть homo loquens. Это напоминает старый анекдот про армейского политработника.

Воинская часть перебазировается, все готовятся к переезду, солдаты зачехляют орудия, командиры возятся с документами... Один политрук ходит, насвистывает. Его спрашивают:

— А ты чего не готовишься?

— А мне чего, — говорит, — я рот закрыл — и готов.

В принципе таков и обычный человек: он всю жизнь проводит «с открытым ртом». Если же человек молчит (постоянно) или замолкает (в ходе диалога), то это явно вызвано определенными причинами и обращает на себя внимание.

Конечно, можно было бы, с учетом разумной природы человека, перевести оппозицию «говорение — молчание» в план противопоставления внешней и внутренней речи, или, по Л. С. Выготскому, «речи для других — речи для себя» [Выготский 1982: 316]. Такая трактовка означала бы, что молчащий человек ничем не отличается от говорящего, просто он еще не готов высказаться, сосредоточен на своих мыслях и, возможно, активно разговаривает сам с собой и т. п. Лучшая иллюстрация на тему «речи, загнанной внутрь», — еще один анекдот.

Приходит мужик к доктору.

— Доктор, я очень много говорю, но почему-то все утверждают, что я молчун. Вот был у друга на свадьбе, произносил тост за тостом минут по пять, а все говорят, что я нагло молча глушил рюмку за рюмкой, а я ведь говорил, а меня никто не слушал, поможете, доктор...

Доктор поднимает голову от бумаг:

— Ну, и долго мы будем молчать?

Молчаливость героя анекдота — это не патология, но опреде-

ленный тип темперамента, в котором соединились интравертность, неуверенность в себе, а, возможно, также неумение общаться словесно. Здесь открывается широкое поле деятельности для психотерапевта.

Для нас же самое главное заключается в том, что молчание — это ведь не только размышление про себя, оно амбивалентно, многозначно. Например, для стороннего наблюдателя молчание может сигнализировать, что человек:

- мертв (не живой);
- спит (не бодрствует);
- немой (лишен дара речи);
- дал обет молчания;
- соблюдает конспирацию;
- отказывается говорить в данной ситуации;
- не хочет говорить неправду;
- нездоров (без сознания и т. п.);
- не понимает вопроса;
- обдумывает ответ или вообще ситуацию;
- согласен с окружающей ситуацией;
- не согласен с ситуацией;
- чувствует себя обиженным и др.

Но если принимать молчание за отклонение от нормы, то следует сделать уточнение: сама эта норма носит культурно-типологический и национально-исторический характер. Иными словами, молчание входит в соответствующую систему поведения, и вне ее не может быть расценено правильно. Приведем некоторые иллюстрации.

По наблюдениям этнолингвистов, молчание занимает разное место в русскоязычном и англоязычном американском диалоге. Русский ведет себя в соответствии с поговоркой «Молчание — знак согласия»: если он никак не реагирует на высказывания своего собеседника, значит, он скорее всего с ним согласен. Американец же не умеет «слушать молча»: он регулярно поддакивает, словесно подбадривает своего собеседника, хотя затем, когда тот кончит говорить, может сказать что-то вроде: «Я с вами совершенно не согласен» [Токарева 2001: 206].

Хорошо известна немногословность скандинавских народов, финнов, эстонцев. По-видимому, данный тип культуры значительную часть информации переводит в разряд имплицитной или не-

существенной, как бы само собой разумеющейся. Но если финны или эстонцы немногословны по сравнению с русскими, то сами русские — «молчуны» по сравнению со многими средиземноморскими народами...

Пример из другой — исторической — сферы. В древнейшей книжной культуре не принято было читать литературное произведение про себя, молча. Поэтому когда Аврелий Августин (IV–V вв.) заставлял своего учителя Амвросия за «тихим чтением», это его поражало: «глаза бегали по страницам, сердце доискивалось до смысла, а голос и язык молчали» [Августин Блаженный 1992: 146].

Пример из области театральной. Актер на сцене может преднамеренно тянуть время, медлить с репликой. Тем самым он подогревает ожидание своих партнеров и публики, нагнетает особый эффект — любопытства, напряжения, тревоги и последующего облегчения и т. п.; на театральном языке это называется «держат паузу».

...Актер должен и сам насладиться ощущением того, что в этот момент он может делать с этой публикой все, что захочет. Сколько угодно, скажем, может держать в напряжении зал, не произнося ничего. Умение держать паузу — великое испытание для любого актера (Люди лунного света. 2002. № 2).

И еще одна иллюстрация на социолингвистическую тему: опять анекдот, и опять с бородой.

В семье проблема: ребенок не говорит. Уже ему два года, уже три — ни слова, родители в панике. И вдруг однажды на четвертом году дают ему утром кашу, а он: «Фу, пригорела!» Все к нему: «А что ж ты раньше-то молчал?» — «А раньше все нормально было». Лингвистическая суть этого анекдота в том, что даже если все «нормально», человек в домашней среде должен говорить, а не молчать, — это его естественная характеристика.

Молчание собеседника вызывает беспокойство, тревогу, коммуникативное напряжение не только потому, что за ним могут скрываться отрицательные эмоции, но и потому, что не всегда известно, что вообще за ним скрывается. И это легко приводит к коммуникативным недоразумениям и прямым конфликтам. Примером может служить следующий фрагмент, в котором показано место молчания в разрыве, назревающем между писателем и администрацией театра:

— Мы хотим спасти вас от страшного вреда! — сказал Иван Васильевич. — От вернейшей опасности, караулящей вас за углом.

Опять наступило молчание и стало настолько томительным, что вынести его больше уж было невозможно.

Поковыряв немного обивку на кресле пальцем, я встал и раскланялся (М. А. Булгаков. «Записки покойника»).

По-видимому, сила дискомфорта чувства (тревоги, раздражения, обиды и т. п.), вызываемого молчанием собеседника, прямо пропорциональна степени близости общающихся — не только духовной (например, родственной), но и пространственной — в случае, когда общающиеся вынужденно находятся в ограниченном, замкнутом пространстве. Очередная иллюстрация из художественного текста.

По утрам мы вместе поднимались в лифте... Лифт поскрипывал, шел вверх, и все в нем молчали. Все понимали, что нельзя так стоять, что надо что-то сказать, быстрее что-то сказать, чтобы разрядить это молчание. Но говорить о работе было еще рано, а о чем говорить — никто не знал. И такая в этом лифте стояла тишина, хоть выпрыгивай на ходу (В. Попов. «Две поездки в Москву»).

Особо следует сказать о раздражении или тревоге, которые вызывает молчание по телефону: в этом случае ни мимика, ни жесты собеседника помочь не могут, да и сам собеседник подчас неизвестен, например:

Нина сняла трубку.

— Алло!.. Слушаю. Ну что вы там молчите и дышите? Мяукнули хотя бы! (А. Володин. «Осенний марафон»).

Если общающихся больше двух, то внезапно наступившая пауза в разговоре (одновременное умолкание собеседников) трактуется в русском речевом этикете как неловкость, которую надо сгладить, разрядить, хотя бы шутливой репликой (Ангел пролетел; Дурак родился; Милиционер родился и т. п.).

Бабушка выпила молча и снова занялась углубленным изучением содержимого своей тарелки. Над столом зависла тишина.

— Милиционер родился, — сказал услышанную где-то глупость Левка.

— Почему милиционер? — заинтересовался дед.

— Потому что ему в школу пора, — без всякой логики выкрикнула из комнаты мама (В. Поляруш. «Дедушка из Австралии»).

Если же собеседник умолкает в ответственной минуту (когда

от него требуется незамедлительный ответ, принятие решения, выражение согласия и т. п.), то говорящий, не удовлетворенный молчанием, вправе активизировать речевую деятельность собеседника репликами типа *Что ж ты молчишь?*, *Язык проглотил?*, *Ну скажи же наконец!* *Не молчи!* и т. п. Он может выразить также свою неодобрительную оценку в 3-м лице: *Молчит, как в рот воды набрал!*, *Будто это его не касается!*, *Из него клещами слова не вытянешь!* и т. п. Ср. примеры:

Настасья молча и нахмурившись его рассматривала и долго так смотрела. Ему очень неприятно стало от этого рассматривания, даже страшно.

— *Настасья, что ж ты молчишь?* — робко проговорил он наконец слабым голосом.

— *Это кровь,* — отвечала она наконец, тихо и как будто про себя говоря (Ф. М. Достоевский. «Преступление и наказание»).

Леля сидит на полу, прижавшись щекой к его коленям.

Он молчит.

— *Митя, ну почему ты все время молчишь?*

Он молчит.

— *Ну скажи! Скажи что-нибудь!..*

— *Разве я молчу?* — говорит он (М. Ромм, Д. Храбровицкий. «Девять дней одного года»).

Дискомфортность или даже «конфликтогенность» молчания в подобных ситуациях подтверждает справедливость высказанного ранее тезиса: «неговорение» — своего рода отклонение от нормы, нарушение привычного хода вещей. Это связано с социальной природой человека и языком как ее важнейшим системообразующим фактором. Поэтому в оппозиции «молчание — речь» мы имеем основания именно первый член принять за маркированный; молчание — своего рода «минус-знак», который воспринимается на фоне говорения и тем самым отличается от тишины как природного феномена (см.: [Трембовольский 1989: 128; Федосов 1993: 92; Kita 2002: 105–106]). Причем на шкале духовных и нравственных ценностей данная маркированность может «расшифровываться» как положительно, так и отрицательно, что легко продемонстрировать на примерах из русской паремиологии.

Есть немало пословиц и поговорок, обобщающих традиции толерантного взаимодействия: молчание выглядит лучше, чем говорение. *Слово — серебро, молчание — золото;* *Большое вяканье*

доводит до баянства; Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке; Молча отмолчишься, как в саду отсидишься; Язык наперед ума рыщет; Язык мой — враг мой; Говори с другими поменьше, а с собою побольше; Много знай, да мало бай; Больше говорить — больше согрешить; Молчанкой никого не обидишь; Кстати промолчать, что большое слово сказать; Язык лепечет, а голова не ведает; Кто молчит, тот двух научит; Ртом болезнь входит, а беда выходит, и т. д.

В то же время существует множество паремий, которые высоко оценивают красноречие и вообще возможность словесного общения, ср.: *Наговорились, как меду напились; Иных язык способней рук кормит; Язык до Киева доведет; Мал язык, да всем телом владеет; Язык с Богом беседует; Без языка и колокол нем; Молчать, так и дело не скончатъ; Короткие речи и слушать неча; Что слово молвит, то рублем подарит; Языком не расскажешь, так и пальцами не растычешь; Вежества не купи, умелось бы говорить; Говорить — беда, а молчать — другая, и т. д.* (цит. по: (Даль 1957; Русские пословицы 1969)).

Ничего удивительного в такой амбивалентной оценке феномена молчания нет; народная мудрость и в других случаях столь же противоречива (ср., скажем, оценки, которые дают пословицы и поговорки концептам «работа» или «старость»). Паремии архаичны и семантически условны, и в этом смысле их нельзя считать точным отражением наивно-языковой картины мира.

Значительно показательнее в данном плане анализ реальных речевых ситуаций, в которых молчание занимает место обычной — словесной — реплики. Естественно, молчание в таком случае — лишь частный вариант общения. Как известно, у речевого акта есть не только адресант, адресат, референтная отнесенность, возможно, различающийся внешний и скрытый смысл, но и своя причина, свои условия, своя цель и т. д. Соответственно, все эти составляющие проявляются и в случае с молчанием: молчать можно из-за чего-то, для чего-то, о чем-то (как в песне на слова М. Исаковского: *И каждый слушал и молчал о чем-то дорогом...*). Приведем несколько иллюстраций, в которых актуализируются различные стороны или компоненты молчаливого общения.

Говорят, что Д. Д. Шостакович приглашал иногда М. Ростроповича зайти на чай; они чаевничали в тишине, и Дмитрий Дмитриевич не говорил ни слова. Они знали, о чем молчали. Им был

нужен этот беззвучный ритуал — знак молчаливой общности (Общая газета. 1996. № 3). Здесь молчание — знак взаимопонимания, а, возможно, также сознания своего бессилия перед жизненными обстоятельствами.

Я же не кричал в прессе и по телевидению, что Гамсахурдия нам послал Бог. Меня обвинили в антигосударственной пропаганде. «Какая же это пропаганда, если я молчу?» — возражал я. «Да, ты молчишь, но молчишь против» (Известия. 18 дек. 1999). Молчание в данном контексте — знак внутреннего протеста, несогласия с официальной точкой зрения.

Молчание может осознаваться в коммуникации как противодействие: *Мы много кружили в этот день по Москве и мало разговаривали. ... Нам оставалось домолчать пятнадцать минут, чтобы ничего не испортить* (Н. Давыдова. «Никто никогда»). Молчание здесь — компромисс между противоречивыми чувствами персонажей и попытка смягчить сложную жизненную коллизию.

В сущности, считать молчание знаком можно только в тех случаях, когда оно преследует определенную цель, и цель эта одинаково ясна как говорящему («молчащему»), так и слушающему. Если вспомнить все приводившиеся до сих пор ситуации, в которых «участвовало» молчание, то можно сказать, что лишь в некоторых из них мы имели дело со знаками (преднамеренными и обусловленными конвенцией); в остальных случаях перед нами были симптомы. Именно наличие слота «зачем» (или «для чего») отличает молчание-знак от молчания-симптома (имеющего свою причину, но не имеющего специальной цели). Если адресант не уверен, что его (или чье-то) молчание будет истолковано правильно, он может специально пояснить, выразить словами цель данного поступка, как это происходит в следующих контекстах:

— *...А ведь знают, паразиты, лучше меня знают — и молчат!*

— *Кто? — не понял сын.*

— *Ученые. У их микроскопы-то получше нашего — все видят. И молчат. Не хотят расстраивать народ* (В. Шукшин. «Микроскоп»). Предполагаемая причина (и цель) молчания ученых — желание сохранить общественное спокойствие.

— *...Должны были сразу честно сказать, внести в доклад! А то как новость сенсационную подали! Накаляете страсти.*

— *Мы молчали, чтоб дать возможность самому Ивану Ильичу...*

— *Вот, вот!* (В. Дудинцев. «Белые одежды»).

Цель молчания — дать высказаться другому лицу, соблюсти речевую «табель о рангах». Напомним, что правомерность молчания как компонента и способа коммуникации вытекает уже из необходимости дать высказаться собеседнику. Вообще «молчаливое участие» слушающего — одно из условий успешного общения.

Молчаливые «реплики» могут образовывать даже нечто вроде диалога — при условии, что каждый из общающихся понимает, какой смысл вкладывается в молчание собеседника, ср.:

— *Жениться официально нам нельзя, — вдруг загадочно проговорила она. — Нельзя жениться. Ты мне не веришь.*

«Да, — подумал Федор Иванович. — Нет, не «не верю», а знаю, что у тебя есть какая-то начиночка». И промолчал в ответ на ее вынуждающее молчание (В. Дудинцев. «Белые одежды»).

Здесь молчание одного из собеседников — своего рода провоцирование, подталкивание к ответу; молчание второго — уход от ответа, нежелание спорить. Хотя, конечно, если считать, что у молчания есть свой «синтаксис», то это прежде всего правила комбинирования пауз с обычными (словесными) репликами.

Вместе с тем невозможно отрицать, что молчание в своем противопоставлении звучащей речи недостаточно семиотично. Поскольку «говорение без слов» может быть знаком самых разных смыслов (по отношению к коммуникативной толерантности смыслов — согласия, несогласия, упрека, обиды, недоверия, презрения и т. п.), то естественно, что оно часто нуждается в контекстуальном (словесном) разъяснении. В противном случае собеседники могут по-разному это молчание расценить. Процитируем польскую исследовательницу: «Вот кто-то, кому задан вопрос, молчит. Что это — выражение незнания, колебаний, а может быть, пренебрежения по отношению к спрашивающему? Молчание сочувствия может быть понято как проявление равнодушия, молчание неодобрения или презрения — как выражение страха» [Dąbbska 1971: 85]. А теперь примеры:

— *Я могу дать тебе десять рублей на неделю, — предложил Лодя.*

— *Меня это не устроит.*

— *А больше у меня нет.*

Я молчал. Лодя воспринял мое молчание как недоверие (В. Токарева. «Пираты в далеких морях»).

Недоверие — вполне вероятная, но, понятно, не единственно возможная интерпретация молчания в данной ситуации.

Приблизившись, она подняла руки и показала часы на запястье.

— *А я ничего и не говорю, — оправдался Егоров. Он почувствовал себя виноватым за то, что явился раньше (В. Токарева. «Длинный день»). Герой рассказа комментирует свое молчание (А я ничего и не говорю), чтобы оно не было расценено как упрек.*

Можно сказать, что для слушающего в целом характерно стремление семантизировать молчание собеседника, увидеть в нем определенный смысл — в том числе и такой, какой говорящий не собирался в свое молчание вкладывать. Естественно, подобная интерпретация может быть для говорящего (молчащего) обидной или невыгодной, как в следующем примере:

В этот же день после обеда Слойкин сделал Шуре еще одно замечание:

— *Хитрый ты мальчишка. Себе на уме. Все молчишь и молчишь. Камень за пазухой держишь... Все говорят, а ты сидишь и слушаешь...* (А. Бухов. «Тихий мальчик»).

Понятно, что у знака есть некоторый предел многозначности, и в этом смысле молчание — плохой знак. Еще хуже то, что не всегда в реальной речевой ситуации удастся отграничить молчание-знак от молчания-симптома. Приведем иллюстрации из художественных текстов:

— *Кто обидел вас? Один из избранных эпохи?*

«Ваш брат, — хотел крикнуть Кавалеров, — тот же, кто обидел и вас». Но он промолчал.

— *Вам повезло. Вы знаете в лицо завоевателя (Ю. Олеша. «Зависть»).* Молчание героя здесь — то ли просто от нежелания обидеть спрашивающего, растревожить его раны, то ли это — знак: знак скромности, солидарности, духовной общности с собеседником.

Вошел санитар и, оглядев веселые лица, стал собирать белье на кровати Вратаря.

— *Берлинского защитника родины выписали как симулянта? — спросил Фрессер.*

— *Санитар, чего ты молчишь, — сказал Герне, — мы все мужчины, если с ним что-нибудь случилось, скажи нам.*

— *Он умер, — сказал санитар. — Паралич сердца (В. Гроссман. «Жизнь и судьба»).* Здесь молчание санитара, с одной стороны, — симптом скорби, с другой — знак упрека окружающим.

Подытожим сказанное: анализ речевых контекстов, включающих в себя молчание, обнаруживает множество ситуаций, пограничных между знаковыми и незнаковыми, или, говоря по-другому, нейтрализующих противопоставление знака и симптома.

В этом отношении молчание напоминает мимику и жесты, которые также обладают высокой степенью многозначности и нередко балансируют на грани знака и не-знака (см.: [Норман 2002: 271–272]), что не мешает им, однако, сохранять свою национальную и культурно-историческую обусловленность.

Впрочем, напомним: и звуковые сигналы, издаваемые человеком в процессе общения, не обязательно значимы и рассчитаны на внимание адресата (ср. такие явления, как хмыканье, покашливание, смех, плач, вздохи и др.). Соответственно, собеседник в каждом случае должен для себя решить, имеет ли данный сигнал определенную цель или же представляет собой естественный «шум», обусловленный физиологическими причинами. Ср. строки из стихотворения Д. Пригова:

То ребенок вдруг заплачет
За дощатою стеной
То ли это что-то значит
То ли так — само собой.

Молчание, судя по всему, хорошо вписывается в указанный ряд звуковых жестов (плач, смех, вздохи и т. п.), и в доказательство этого приведем еще один анекдот:

— *Дорогой, завтра к нам приезжает моя мама!*

Молчание.

— *Ненадолго, всего на пару недель!*

Молчание.

— *Ты слышишь, что я сказала?*

Молчание.

— *Ну вот и славно, я знала, что ты не рассердишься!*

Тяжелый вздох.

— *И не надо на меня орать!*

Молчание и вздох здесь воспринимаются как разные по силе, но вполне «языковые» реплики. Однако были ли они изначально рассчитаны на собеседника, или же представляли собой спонтанную «физиологическую» реакцию, сказать трудно.

Наконец, если быть последовательными в характеристике молчания, нужно признать, что и обычные (звуковые) слова естествен-

ного языка в разной степени отвечают критериям, предъявляемым к знакам. Мы имеем в виду прежде всего лексемы, выделяющиеся максимальной «размытостью» своего значения. Фактически вся их семантика может сводиться к эмоционально-экспрессивному компоненту, ср. такие примеры из русской речи, как *обормот* или *фигня* (с неодобрительной оценкой), *прелесть* или *чудо* (с положительной). Ср. также «неопределеннозначные» слова в современном молодежном жаргоне, вроде *фишка*, *блин*, *ништяк* и т. п.

Вообще, синкретизм, изначальная нерасчлененность причины и цели — явление, хорошо известное в истории языка. Но применительно к современной коммуникативной практике есть все основания говорить о продолжающейся дивергенции, «специализации» этих условий и предпосылок речевого акта. Тем не менее непохоже, чтобы молчание как частный случай коммуникации утрачивало свои позиции по причине неоднозначности. Наоборот, оно продолжает весьма широко использоваться в различных ситуациях. Значит, говорящего устраивает высокая степень энтропии, связанная с молчанием. Иными словами, у данного феномена есть какие-то достоинства, выгодные стороны, которые компенсируют или перевешивают его семантическую неопределенность. Что бы это могло быть? Предположим несколько вариантов ответа, значимых для формирования толерантного/интолерантного коммуникативного взаимодействия.

А. Проявление эгоизма говорящего, своего рода коммуникативного высокомерия. Это значит, что говорящий молчит (умолкает), не заботясь о том, каким образом это будет истолковано его партнером. Молчащего либо просто не интересует дальнейшее развитие речевой ситуации, либо он чувствует себя в достаточной мере хозяином положения.

Б. Абсолютное доверие к слушающему. Говорящий молчит, предполагая, что из всех возможных смысловых вариантов, объясняющих его поведение, партнер выберет один, единственно верный. Образ слушающего в таком случае конструируется говорящим как второе «я»: предполагается, что это человек с тем же жизненным опытом и теми же принципами.

В. Ощущение «несовершенства» языка. Говорящий предпочитает амбивалентное молчание языку слов с его слишком конкретными и бедными семантическими средствами. Несомненно, предыдущий коммуникативный опыт говорящего не раз давал ему

основания для такого скептицизма по отношению к языку. Квинтэссенция подобного отношения — тютчевский афоризм «Мысль изреченная есть ложь».

Г. Безыскусность, «природность» молчания в сравнении со «сложностью» словесного языка. Говорящий молчит потому, что не в силах вербализовать свои мысли и эмоции. При этом он рискует «заглушить» молчание, десемантизировать его, превратить из знака в симптом, но не останавливается перед такой перспективой. Фактически молчащий — на данный момент — пренебрегает дифференциальной ценностью речи и опускается до уровня рефлексорного (непроизвольного) действия.

Независимо от того, какая из этих предпосылок выглядит основательнее других и чаще реализуется в речевой практике, молчание сохраняет свои позиции в коммуникации и демонстрирует образец применения синкретичного и амбивалентного средства. Повторим еще раз: с позиций семиотики молчание — плохой знак. Но естественный язык как гибкая, нечетко-множественная, толерантная структура допускает участие в речевой деятельности и таких единиц, знаковая природа которых небесспорна.

И. Т. Вепрева

О регулирующей функции извинения в обыденной коммуникации

Проблема коммуникативной толерантности находится в русле вопросов, связанных с эффективным межличностным поведением. Эту проблему невозможно исследовать без учета категории вежливости, регулирующей отношения в цивилизованном обществе. Толерантность повседневного общения ориентирована на создание положительной эмоциональной атмосферы. Для успешного взаимодействия коммуниканты стремятся использовать определенные коммуникативные тактики вежливости, следовать установленным в данное время правилам коммуникативного поведения [Стернин 2003; Шамьенова 2001]. В наборе гармонизирующих тактик толерантного поведения одна из основных — готовность коммуниканта извиняться. Анализ ситуации извинения в аспекте толерантности посвящена наша работа.

Извинение является одним из ключевых элементов общечеловеческой культуры, одним из центральных проявлений категории вежливости. Как считал Дж. Остин, оно может стать основой целой отрасли философии [Austin 1961]. Извинения связаны прежде всего с нарушением говорящим той или иной поведенческой нормы. Норма как принятый в обществе способ держать себя может быть нарушена, и любая попытка загладить вину, признание факта нарушения, которое может быть различным по степени серьезности, называется извинением. При этом коммуникант с помощью извинения отвергает неправильный образ своего поведения и

изъявляет готовность выбрать правильную поведенческую модель, восстановить гармонию в межличностном взаимодействии. Основным мотивом извинения является попытка предотвратить негативную оценку своей личности, вызванную проступком.

К изучению данного речевого жанра обращались многие отечественные и зарубежные исследователи (см.: [Акишина, Формановская 1974; Гловинская 1992; 1993; Ратмайр 1998; 2003; Формановская 1989; Wierzbicka 1992]). Наше внимание сосредоточено на аспекте классификации «извинений» с точки зрения их коммуникативной цели. В частности, в работах [Ратмайр 1998; 2003; Верещагин, Костомаров 1999; Чинова 1999] с точки зрения целеполагания выделено два типа коммуникативных ситуаций, в которых осуществляется речевой акт извинения.

В первом случае извинения связаны с причинением серьезного ущерба, требующим даже материального возмещения. Сама ситуация извинения носит развернутый характер. Говорящему совершенно необходимо получить ответную положительную реплику адресата. Извиняющийся, испытывая чувство вины, подключает к просьбе о прощении свои эмоции (*Ах, я просто убита!*), выдвигает аргументы в свою защиту, зарекается от повторения проступка (*Больше такого не повторится!*), предлагает возместить ущерб. При этом второй коммуникант нередко склонен к конфронтации и может отклонить извинение. Учеными отмечаются и другие неоднозначные реакции адресата. Подобные извинения Р. Ратмайр называет «извинениями по существу» [Ратмайр 2003: 179–212].

Во втором случае говорящему не важна реакция адресата. Редуцированность ситуации извинения второго типа свидетельствует о незначительности повода, вызывающего извинение, о степени несерьезности проступка извиняющегося. Наличие клишированных формул говорит о допустимости автоматической формы извинения, при этом не проявляется эмоциональная сторона ситуации вины, говорящий имплицитно утверждает: *Я приношу свои извинения, потому что я воспитанный человек и предполагаю, что моя оплошность может быть для вас неприятной. Но в то же время я осознаю, что вина моя невелика, и не жду вашего прощения.* Другими словами, говорящий поступает по известному русскому принципу «это делать нельзя, но если очень хочется, то можно». Сам факт извинения выполняет в этой ситуации регулирующую функцию — извинившись без ожидания ответ-

ной реплики, говорящий сигнализирует о своем хорошем отношении к адресату. Множество подобных извинений носит формальный характер.

С настоящей полноценной ситуацией извинения редуцированную форму объединяет наличие устойчивых формул извинения. Последнее позволило, в частности, Л. Н. Чиновой утверждать, что это два самостоятельных речевых акта. Первую ситуацию она называет «просьбой о прощении», вторую — «принесением извинения» [Чинова 1999: 279]. Р. Ратмайр относит второй тип извинений к извинениям за нарушения социальных норм и этикета, или извинениям за «плохое поведение» [Ратмайр 2003: 159].

В рамках данного исследования мы обращаемся к анализу редуцированных извинений. Задача нашего наблюдения — выявить, какие типы нарушений вызывают у извиняющегося чувство легкого сожаления, но не глубокого раскаяния. Мы полагаем, что, с одной стороны, анализ речевых ситуаций подобного типа может стать ключом к пониманию оснований для выделения конвенциональных норм социального поведения; с другой стороны, что такой анализ будет способствовать выявлению релевантных признаков коммуникативного поведения русского человека.

Клишированными формами редуцированных извинений являются следующие единицы: *извини(-те)*, *извиняюсь*, *извините за*; к формам извинений в ситуации первого типа относятся, наряду с этими клише, единицы *простите*, *прошу прощения* (в английском для разграничения этих ситуаций используются *sorry* и *excuse me*). Подробно о разграничении этих стереотипных извинений пишет Р. Ратмайр [2003: 74–83]. В современной устной речи для формальных извинений широко используются заимствования *пардон* и *сорри*. Таким образом, мы можем утверждать, что формальным критерием разграничения извинений по существу и извинений «за плохое поведение» является клишированность формул извинения и их свернутость, поскольку «стандартные формулы оказываются достаточными только при извинении по малозначительным поводам, а при причинении серьезного ущерба нужно сформулировать более сложное высказывание» [Там же: 64].

Опираясь на данный формальный критерий, мы, наряду с выборкой словосочетаний, включающих клише *извини(-те)*, *извините за*, из современной периодики, подключили достаточно продуктивную форму сбора материала — поисковые системы в Ин-

тернете. В частности, задав данные словосочетания в поисковой системе Yandex, мы получили 1 838 129 словоупотреблений *извини(-те)*, *извините за*. При этом анализ лексем, заполняющих позицию объекта при глаголе, позволил выявить те типы проступков, которые, с точки зрения современного человека, носят характер незначительной вины; говорящий винится скорее по привычке, автоматически, чем осознанно. Говорящий легко приписывает себе вину в том случае, если она не носит характер серьезного проступка. Повторяемость ситуаций послужила критерием выделения типовых случаев нарушений.

Прежде чем обращаться к характеристике выявленных типов, необходимо сделать следующее замечание. Поскольку собранный материал носит безличный характер, то при его описании мы не будем останавливаться на специфике прагматических компонентов коммуникативного акта извинения, на различиях в статусной, гендерной и социальной составляющих участников коммуникации, степени их знакомства, на их личностных особенностях, уровне образования и т. д., хотя эти параметры напрямую могут быть связаны с частотой извинения в ролевом взаимодействии.

Типология проступков, вызывающих формальное извинение, строится нами на основании повторяемости ситуаций. Критерий частотности позволил выявить ряд инвариантных, обобщенных типов нарушений, которые покрывают многообразие конкретных извинений.

Основной тип извинений — за ошибку, неправильность в действиях и мыслях, имеющую непреднамеренный характер. Перечень характерных ошибок, получающих статус формальных извинений, позволяет причислить их к ошибкам незначительным. Что же так не страшно совершать в современном обществе?

Прежде всего, в обыденном общении частотен ряд извинений общего характера: *извините за ошибку, за то, что ошибся, за оплошность, за промах, за неправильность, за погрешность, окарался, промахнулся, дал маху*.

Ошибочные действия и речевые поступки могут именоваться: *извините за неточность информации, за нехорошие слова, за выражение, не так выразился, за глупый вопрос, за беспорядок, за вонь, за неудобства, за бешеную скорость, за то, что пока все вперемешку, за качество, за безобразие, за недогадливость, за долгое отсутствие, за банальность, за плохой почерк, за тон письма, не так на-*

жал, если что не так, была не права, я спешу, пришел без цветов, люблю прикалываться. При этом четко выделяются ситуации извинения, связанные с нарушением деятельностных норм, с проступками людей по отношению друг к другу, и ситуации, связанные с нарушением норм речевого поведения в межличностном общении.

Перечень конкретных причин, заставляющих говорящего виниться, достаточно велик, если не бесконечен. Но в них все же прослеживается определенная закономерность: во-первых, эти проступки носят непреднамеренный, случайный характер (*так получилось, я не хотел, нечаянно*), во-вторых, они несущественны с точки зрения извиняющегося. Извиняющийся полагает, что вина смягчается, если в его речи присутствует ссылка на уважительные причины (*извините, заболел, транспорт подвел*), на вмешательство злой силы (*бес попутал*), на то, что могло быть гораздо хуже.

Несмотря на обилие конкретных ошибок, самые частотные можно свести к двум инвариантным типам.

Одним из общих типов оплошностей, вызывающих формальное извинение, является проступок, нарушающий границы личного пространства человека. Внедрение в чужое пространство наблюдается как в области действий, так и в области речевого поведения: *извините, что вмешиваюсь, встречаю* (частотное извинение), *за то, что достал вас, толкнул, не заметил, задел, за навязчивость, за беспокойство, за настырность, за вторжение, за наезды, отнял у вас время, что к вам обращаюсь; извините, что помешала, врываюсь; прости за то, что лишь тобой дышу*.

Ряд формальных извинений часто воспринимается как квазиизвинения, выполняющие в речи другую функцию. Например, это извинения, использующиеся в функции косвенного обращения и восполняющие этикетную лауну в современном русском языке: *извините, Вы выходите на следующей остановке; извините, который час* и т. д. На наш взгляд, данные контексты можно интерпретировать как случаи извинений, совмещающие две функции — обращения и регуляции контакта. Обращаясь к незнакомому человеку, говорящий прежде всего извиняется за вторжение в личное пространство другого человека и, обратив на себя внимание, излагает свою просьбу или вопрос, тем самым избежав необходимости называть этого человека.

Второй тип извинений вызван эффектом обманутого ожидания. Человек извиняется за новизну ситуации, за впечатление нео-

жиданности, которое он создал своим поступком. Данный тип извинений подтверждает, что в основе любой общественной нормы лежит упорядоченность, прогнозируемость, привычность, одним словом, стереотипность. Новое всегда необходимо осваивать, а для этого требуется усилие в различных его модусах: эмоциональном, физическом, интеллектуальном. Говорящий приносит извинения за то, что заставил собеседника приложить эти усилия: *извините, адрес изменился, страница переехала, мероприятие официальное, попал не в то место, нет программы, нет возможностей, нет доказательств, пока не готова, за бездействие, за вопрос не в тему, забыл указать, за нестандартную подачу, за поздний ответ, не могу припомнить, за задержку, за то, что не по теме, комп занят; извините, что на свадьбах не играю, на застольях, извините, не пою.*

В данной группе извинений также встречаются формулы, совмещающие в себе несколько функций. Так, формула извинения может выражать несогласие говорящего с адресатом: *извините, но эта тема не запрещалась, извините, но это не дизайн; извините, но все же это дизайн, так как какое-никакое, а форматирование здесь наличествует.* Извинение может реализоваться в случае чужой ошибки: *Извините, вы ошиблись номером; Извините, я не Борис; Извините, но идею, надеюсь, все поняли; Извините, пожалуйста, Вы не наш клиент.* На наш взгляд, в этих случаях наличествует форма косвенного извинения за свой речевой проступок. Говорящий как бы вынужден признаться в том, что он должен сказать неприятное, не согласиться с собеседником, тем самым нарушив нормативное ожидание гармоничного сотрудничества.

В качестве смягчающей причины проступка говорящий указывает на негативные личные качества: *за любопытство, за свинство, за твердолобость, за нерасторопность, за тупость, за настойчивость, за незнание, за непунктуальность, за занудство, за грубость, за невоспитанность, за наглость, за невнимательность, за навязчивость, за нескромность, за нытье, за бессилие, за настырность, за нахальство, за назойливость, за ехидство, за забывчивость, за недогадливость, за многословие; я дурак, что..., извините идиота, вспылал, обидел, погорячился.*

Личные качества, свойства характера также сводятся в несколько общих групп.

Во-первых, это свойства личности, позволяющие вторгаться в

личное пространство другого: *любопытство, наглость, занудство, настойчивость, навязчивость, назойливость, настырность, нескромность, нахальство*.

Во-вторых, это свойства, приводящие к отсутствию необходимой реакции, поступка и, как результат, — к ошибкам: *невнимательность, непунктуальность, незнание, бессилие, твердолобость, нерасторопность, тупость*; ср.: дурак, идиот. По соответствующей причине чаще возникает эффект обманутого ожидания.

В-третьих, это черты характера, приводящие к конфликтному общению: *грубость, наглость, вспыльчивость, ехидство*. В этой связи вспоминается цитата из одной работы по этике: «Вежливость — гигиеническая процедура, которая оберегает человека от насилия над другими и от “заражения” собственной глупостью» [Голик 2002: 12].

Большое количество извинений в собранном материале — это извинения за допущенные речевые ошибки: *за незаконченность, за критику, я неправильно выразился, за выражение, за такое слово, что не по сути, не по теме, самое важное забыл сказать, чего-то я не понимаю, за спутанность мыслей, что повторяюсь* и др.

Извинения за собственные речевые проступки составляют достаточно самостоятельный класс внутри формальных извинений. Последнее позволило Р. Ратмайр выделить их в особую группу «метакоммуникативных извинений» [Ратмайр 2003: 138–158].

Перечень ошибок речевого поведения демонстрирует антинормы хорошей речи. На основе извинений можно сформулировать правила эффективного общения, которые совпадают с коммуникативными качествами хорошей речи. Говорящий извиняется при нарушении правильности речи (*я неправильно выразился*) и отдельных коммуникативных качеств: точности (*за неточность выражения, корявое изложение текста*), логичности (*за незаконченность, вопрос не в тему, не по сути, не по теме, самое важное забыл сказать, спутанность мыслей*), уместности (*за жаргонное выражение, такое слово, что назвала милым, за грубость, тон письма, пафосные слова*), ясности (*за неровный почерк, туманность изложения, сложность темы*), выразительности (*за банальность*), богатства (*за бедность слога, повторы, не могу найти слова*). Выявленные типы извинений подтверждают, что в сознании говорящего коммуникативные качества хорошей речи присутствуют как устойчивые нормативные установки, соблюдение которых необ-

ходимо для поддержания толерантной коммуникации, а отступление требует извинения.

Собранный материал позволяет сделать любопытное заключение о том, что в процессе общения оба коммуниканта считают себя ответственными за то, чтобы общение состоялось и сопровождалось взаимопониманием. Если говорящий неясно излагает свою мысль, его коммуникативный партнер берет на себя его вину, извиняясь за *собственную тупость, глупость, твердолобость, недогадливость, за вопросы, проясняющие суть дела* и т. д. Подобные извинения за коммуникативную некомпетентность «другого» демонстрируют своего рода лукавство собеседника, вынужденного пойти на самоуничтожение ради полноценного общения.

Кроме того, анализ извинений за речевые нарушения и недочеты, наличие в репликах самооценок дает возможность сделать вывод о формировании стилистических норм нового времени. Общеизвестна тенденция к стилистической сниженности современной литературной речи, к детабуизации многих тем, ранее публично не обсуждаемых. Динамизм стилистических норм поставил носителя литературного языка перед нормативно-стилистическим выбором, заставил говорящего давать оценку употребляемому слову с точки зрения уместности употребления в конкретных ситуациях общения. Предпочитая сниженное слово нейтральному, говорящий испытывает культурно-речевой дискомфорт. Ему приходится виниться: *Извините за грубое выражение, у нас либо по фигу, либо по блату* (ОРТ. Час пик. 11.02.97); *Мы не собирались, извините за это слово, смыться* (ОРТ. Время. Из интервью с космонавтом. 16.08.97); *... Чтобы не очутиться в левом, извините за жаргонное выражение, учебном заведении* (КП. 2000. Авг.); *Рядом должна быть очень сильная команда. Чтобы она не пристраивалась, извините, к заднице* (АИФ. 1999. Дек.); *В итоге в коллекции Юдашкина смокинг оказался надет на, простите, попу* (АИФ. 1999. Дек.) и т. д.

Парадоксальность данных контекстов проявляется в том, что, извиняясь, говорящий тем не менее употребляет ненормативную лексику. При этом говорящий извиняется не после того, как он употребил ненормативное слово, а перед нарушением нормы. Подобные превентивные извинения, на наш взгляд, как раз и выступают как сигналы процесса детабуизации сниженного слова, свидетельствуют о первом этапе внедрения сниженного слова в

литературный язык. Такие же превентивные извинения присутствуют в контекстах, включающих извинения за нарушения различных табу: *Извините за натурализм, анальные железы; Извините, выставил в Интернет свои личные переживания; Надежда, извините, Вы беременны?*

Стилистическое понижение сопровождается исчезновением высокого стилистического яруса. Экспансия разговорности в литературном языке привела фактически к утрате высокого стиля. Чаще всего говорящий выражает ироническое отношение к высокому стилю, которое сформировалось как реакция на лжевысокий стиль тоталитарного времени. Высокие единицы становятся равноценными тривиальным словам, лишенным оригинальности. При употреблении высоких слов участник диалогического взаимодействия вынужден комментировать свой выбор. Многочисленные метаязыковые реплики включают и извинения: *Это такая школа любви к родине (извините за эти пафосные, но очень искренние слова)* (МК-Урал. 2001. Янв.); *Извините за громкие слова, но надо говорить о чувстве ответственности за порученное дело* (АИФ. 2004. Янв.).

Таким образом, покушение на стилистический ярус носители языка воспринимают как событие, меняющее весь язык, поскольку люди в первую очередь обращают внимание на нормативно-стилистические качества речи. На эту традицию русской речевой коммуникации обращает внимание А. Мустайоки в работе, опубликованной в настоящем издании. Русский язык конца XX — начала XXI веков отражает изменение стилистической принадлежности единиц, изменение вкусового отношения к стилистическим сферам сниженной и высокой лексики. При этом формулы извинения являются своеобразными маркерами естественно складывающегося, меняющегося стилистического узуса. Употребление в речи образованного носителя языка сниженных или высоких слов с превентивным извинением за это употребление говорит о первом этапе ввода данной лексики в состав литературного языка, о формировании новых стилистических стереотипов. На втором этапе происходит кодификация этих стереотипов, которая обычно является ретроспективной. Активное включение в литературный язык сниженной лексики уже сейчас позволяет ученым говорить о возникновении общего жаргона [Розина 1999: IV]. Эксплицитно выраженная «боязнь» высоких слов, с одной стороны, ослабляет позиции высокого стилистического яруса, с другой сто-

роны, оставляет за высоким стилем заповедную область разговора об истинном и сокровенном.

Предложенные наблюдения позволяют сделать ряд выводов.

1. Перечень редуцированных извинений свидетельствует о том, что люди хорошо знают правила поведения, но знание этих правил не всегда сопровождается их исполнением. На бытовом уровне, в обыденном общении человек может нарушать данные правила, используя клишированные извинения, тем самым окрашивая свое речевое поведение определенной долей лукавства.

Но этот факт можно интерпретировать иначе — в реальной действительности человеку очень трудно соблюдать набор поведенческих и этикетных правил, социальных и речевых норм: всегда все выполнять в срок и качественно, не опаздывать, не грубить, не ошибаться (даже случайно), говорить правильно и хорошо, быть умным, все понимать, быть всегда на высоте. Это, скорее, поведенческий идеал, к которому следует стремиться. Извиняющийся человек на этот идеал ориентируется, но не всегда ему соответствует. Здесь уместно вспомнить высказывание Хайдеггера: «Человек есть то, чем он может стать».

2. Опираясь на речевой материал, можно выявить релевантные признаки коммуникативного поведения русского человека, составляющие основу толерантной/интолерантной коммуникации. И. А. Стернин [2003] сформулировал эти признаки в сопоставительном аспекте — на фоне английского и американского коммуникативного поведения. Выделим те коммуникативные признаки, которые значимы в ситуации извинения, и сравним их с нашим материалом. В результате сопоставления можно сказать следующее: у русского человека настойчивость при вступлении в контакт — высокая; допустимость грубости в отношении собеседника — заметная; стремление к модификации поведения собеседника — заметное; допустимость вмешательства в общение и поведение других — повышенная; степень табуированности — невысокая; публичное обсуждение несогласий — допустимо; возможность перебивания собеседника — высокая; степень употребления сниженной лексики — повышенная.

Единственный несовпадающий параметр — внимание к собственной речи. По данным И. А. Стернина, оно невыраженное, по нашим данным — выраженное: русский человек достаточно часто извиняется за свои речевые ошибки.

3. Редуцированные извинения могут выполнять, кроме своей прямой функции, дополнительные нагрузки: быть средством косвенного обращения к незнакомому человеку, метаязыковыми показателями сдвигов в общей стилистической структуре современного русского языка.

4. Формульность, стереотипность редуцированных извинений позволяет рассматривать их как специализированные средства, составляющие речевую основу культурных практик толерантности в обыденной коммуникации.

Ю. Н. Михайлова

Фразеологизмы со словами «бог» и «черт» в обыденном общении

Речевое общение как диалог складывается из речевых жанров, которые служат средством выражения намерений говорящего и реализуют его конечную стратегию, т. е. общую коммуникативную задачу. Человек — существо биосоциальное. Как существу биологическому, человеку свойственна агрессивность (см.: [Формановская 2003]). Негативные эмоции всегда присутствуют — явно или латентно — в поведении человека. В современном обществе «чрезвычайно высок уровень агрессивности в речевом поведении людей. Необыкновенно активизировался жанр речевой инвективы, использующий многообразные образные средства негативной оценки поведения и личности адресата...» [Крысин 1996: 385]. Как существо социальное, человек обязан подавлять свою агрессивность, согласовывать свое дискурсивное поведение с действиями партнера по коммуникации. Существуют специальные языковые средства, предназначенные для торможения агрессии, например ритуалы вежливости.

Таким образом, человеческое бытие и общение определяются двумя тенденциями: притяжением и гармонизацией, с одной стороны, и разъединением, противопоставлением и агрессией, с другой. Отсюда фундаментальные стратегии коммуникативного взаимодействия, обусловленные социальной и биологической природой человека, — это, во-первых, стратегия гармонизирующего речевого поведения, и, во-вторых, стратегия дисгармоничного рече-

вого поведения, индивидуального эгоизма. Гармонизирующее речевое поведение можно обозначить как толерантное, а дисгармоничное речевое поведение, соответственно, как интолерантное.

Названные стратегии реализуются в отборе речевых жанров, предназначенных для определенного коммуникативного акта. Под речевым жанром (далее: РЖ) мы вслед за М. М. Бахтиным понимаем относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний [Бахтин 1986: 255]. Важно заметить, что РЖ оформляется именно высказыванием, но, как показывает М. Ю. Федосюк [1997], высказывание может иметь вид и предложения, и междометной конструкции. Многие фразеологизмы в русском языке оформляются как высказывания и, будучи наделенными иллокутивной целью, функционируют как РЖ. Они выполняют важную роль в общении, являясь особыми лингвокультурными знаками.

Как известно, фразеология отражает национально-культурную специфику определенного этноса. В языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и которые при употреблении в речи воспроизводят характерные для той или иной лингвокультурной общности ментальные предпочтения. Система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях [Телия 1996: 215]. Фразеологизмы могут выполнять функцию эталонов, стереотипов культурно-национального мировидения или указывать на их символичный характер, и в этом качестве они выступают как языковые экспоненты культурных знаков. Одним из важнейших источников культурно значимой интерпретации фразеологизмов являются ритуальные формы народной культуры, такие как поверья, мифы, заклинания. Другим мощным культуросообразным источником для русского миропонимания послужило христианство с его теософией, нравственными установками и ритуалами. Религия репродуктивна, а поскольку религиозное миропонимание долгое время служило доминантой для поисков духовного и нравственного смысла в земной жизни, оно вошло «в кровь и плоть народа» [Телия 1996: 215]. Фразе-

ология любого языка несет на себе отпечаток религии, и фразеологизмы с религиозными компонентами помогают постичь особенности национального менталитета. Многие из подобных фразеологизмов устарели, поскольку «...спрятанная от народа нашими идеологами, Библия не была известна поколениям 1930–1980 годов, что привело к архаизации ряда библейских выражений» [Гвоздарев 1994: 11].

Материалом нашего исследования являются фразеологизмы с лексемами *бог* и *черт* и их синонимами *бог* — *боже* — *господи* — *господь*; и *черт* — *дьявол* — *леший* — *бес* — *нечистая*. Синонимический ряд лексемы *черт* значительно полнее синонимического ряда лексемы *бог*. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля зафиксировано около 40 наименований этого денотата: *нежить*, *нечисть*, *злой дух*, *демон*, *нелегий*, *морока*, *лихой*, *шут*, *шайтан*, *черная сила*, *лукавый*, *шиликун*, *шиш*, *шишига*, *хохлик* и др. Такая же картина наблюдается в английском языке: существует более 50 фразеологизмов, пословиц и поговорок со словом *devil* (черт) [Питина 2002: 131]. Подобное положение дел объясняется следующими причинами. Во-первых, концепт *бог* сформировался в народном сознании значительно позднее, чем концепт *черт*. Фигура и идея дьявола проходит через истории всех религий, начиная с первобытных, и вера в дьявола как в реальное существо проповедуется многовековой религиозной практикой. Во-вторых, в народном сознании глубоко заложено убеждение в неисчислимости и разноликости злого начала. «Как нет единства в иконографии дьявола (змея в Ветхом Завете, обезьяна бога, козлиный облик и т. д.), так и в словарном составе... любого языка отсутствует унификация наименований этой общекультурной мифологемы» [Питина 2002: 129].

Указанные фразеологизмы с точки зрения структуры могут представлять собой: а) предложения разных типов: *бог милостив*, *все под богом ходим*, *одному богу известно*, *видит бог*, *черт ногу сломит*, *черти в душе гнездились*, *черт попутал*, *черт принес*, *сам черт не брат*; *дай черту волю*, *живьем проглотит*; б) словосочетания: *молиться двум богам сразу*, *черт с рогами*; в) предложно-падежные формы: *с богом*, *от бога*, *до черта*. Нас интересуют фразеологизмы, функционирующие как отдельные высказывания и передающие определенные интенции говорящего.

На выбор речевой стратегии говорящего влияют системы цен-

ностей, убеждений, социальных норм, составляющие в совокупности диспозицию личности. Применительно к нашему материалу важным оказывается мировоззрение личности и тип порождаемого ею дискурса. Необходимо разграничивать две группы коммуникантов — с религиозным мировоззрением и со светским мировоззрением, а также два типа дискурса — религиозный [Карасик 2002] и светский. Особенности мировоззрения определяют, во-первых, саму возможность использования фразеологизмов с лексемами *бог* и *черт*; во-вторых, ситуации общения, в которых допустимо употребление подобных фразеологизмов; в-третьих, выбор соответствующего фразеологизма для оформления определенного РЖ.

В религиозном мировоззрении диада *бог* и *черт* — одна из центральных оппозиций христианства. *Бог* — Творец, создатель, вседержитель; верховное всемогущее существо, управляющее миром. *Черт* — нечистая сила, олицетворение зла, враг рода человеческого. В наивном сознании носителя культуры и языка с богом связано все положительное, что происходит в жизни человека, тогда как все беды, несчастья, страдания идут от черта. *Бог* и все с ним связанное лежит в пространстве «свое», а *черт* олицетворяет пространство «чужого». Однако религиозное мировоззрение накладывает жесткие ограничения на употребление номинаций *бог* и *черт*, и в религиозном дискурсе практически не встречаются фразеологизмы с лексемами *бог* и *черт*, что связано с заповедью *Не упоминай имя Господа всуе*. «Еще хуже — произносить имя Божие в шутках, и уж совсем страшный грех совершает тот, кто употребляет священные слова в гневе, во время ссоры, наряду с ругательствами и оскорблениями» [Жельвис 1997: 214]. Если же носители религиозного мировоззрения используют подобные фразеологизмы в повседневном общении в рамках светского дискурса, то это означает намеренное игнорирование табу-темы и четкое осознание греховности данного речевого поступка.

Для светского мировоззрения лексемы *бог* и *черт* не являются сакральными; более того, в светском дискурсе эти слова часто десемантизируются, утрачивают свое номинативное значение, что невозможно в дискурсе религиозном. Так же и фразеологизмы, включающие данные лексемы, в обыденной речи достаточно часто употребляются коммуникантом со светским мировоззрением как высказывания-пустышки, не несущие никакой информатив-

ной нагрузки, но значимые для фатического общения. Помимо этого, фразеологизмы используются в качестве междометных конструкций для выражения разнообразных эмоций. Иными словами, в светском дискурсе фразеологизмы функционируют как определенный РЖ, и употребление фразеологизмов с лексемами *бог* и *черт* не ограничено мировоззренческими особенностями, но имеет этические и коммуникативные ограничения.

Мы попытаемся проанализировать фразеологизмы, включающие данные лексемы, с позиций теории РЖ, и выяснить, влияет ли семантика и прагматика существительных *бог* и *черт* на характер иллокутивной силы высказывания.

В основу наших наблюдений положена классификация РЖ В. В. Дементьева [Дементьев 1999]. В зависимости от речевого замысла говорящего выделяются информативные жанры, цель которых — сообщение чего-либо, и жанры фатические, имеющие целью предпочтительно само общение [Винокур 1993]. Генеральной фатической интенцией является удовлетворение потребности в общении — кооперативном или конфликтном, с разными формами, тональностью и отношениями между коммуникантами.

Исследуемые фразеологизмы служат преимущественно строительным материалом фатических жанров, поэтому в дальнейшем для нас будет принципиальной классификация фатических жанров. В. В. Дементьев выделяет 5 основных типов фатических РЖ: 1) праздноречевые жанры — жанры, которые не улучшают и не ухудшают межличностные отношения, а сохраняют их; 2) фатические РЖ, ухудшающие межличностные отношения в прямой форме: прямые обвинения, оскорбления, ссоры; 3) фатические РЖ, улучшающие межличностные отношения в прямой форме: доброжелательные разговоры по душам, комплименты; 4) фатические РЖ, ухудшающие межличностные отношения в скрытой, косвенной форме: ирония, издевка, розыгрыш; 5) фатические РЖ, улучшающие межличностные отношения в скрытой, косвенной форме: шутка, флирт [Дементьев 1999: 105–106].

Жанры, улучшающие межличностные отношения, реализуют стратегии, благоприятные для адресата. И, соответственно, жанры, ухудшающие межличностные отношения, реализуют неблагоприятные для адресата стратегии. Последние могут создавать разные типы ситуаций межличностного общения: ситуацию риска, в которой отклонения от общекультурного стандартного сце-

нария прогнозируют возможность неудачи, опасности для одного из коммуникантов и в которой по крайней мере один из участников находит способ адаптации, позволяющий избежать открытого конфликта; предконфликтную ситуацию, когда зарождается конфликт; конфликтную ситуацию, когда сталкиваются интересы, стремления, индивидуальные цели людей [Шалина 2000: 195].

Рассмотрим функционирование фразеологизмов со словами *бог* и *черт* в повседневном общении — в рамках светского дискурса.

Фразеологизмы с лексемами *бог* и *черт*, как уже было отмечено, в подавляющем большинстве реализуются в границах фатических РЖ, служащих для выражения различных эмоциональных оценок.

1. Выражение восхищения и радости: *Черт возьми (побери, подери)! Черт (дьявол, леший) меня (тебя) возьми (дери, побери, подери)! — Слава богу! Бог (боже) ты мой!*

2. Выражение удивления, недоумения, изумления: *Черт возьми! Черт (дьявол) меня (тебя) возьми (взял) и т. д. — Боже (бог) ты мой! Бог (господь, черт, дьявол) тебя (его) знает; Бог с тобой.*

Фразеологизмы этих групп формируют праздноречевые РЖ, т. е. сохраняющие межличностные отношения. Однако, на наш взгляд, для среднелитературной и тем более для элитарной речевых культур эти выражения, несмотря на положительную эмоциональную окраску, нехарактерны, а часто и недопустимы, так как они могут восприниматься негативно носителями данных культур.

3. Выражение равнодушия, безразличия. *Бог (черт, бес, дьявол) его (тебя) знает (ведает); Одному богу (господу, черту) известно. Как (что) бог на душу положит; Бог тебя суди.*

4. Выражение раздражения, досады, крайнего недовольства: *Черт возьми! Черт меня (тебя) побери (подери)! Черт с ним (с тобой)! На кой черт (бес, дьявол)? Ни черта! Тьфу ты черт (господи)! Черт (бес, леший) дернул; Черт дернул за язык; Черт (леший) несет (принес); Черт те что! До черта! До чертиков! — Бог (господь, черт, бес, дьявол) его (тебя) знает; Бог (черт) знает что. Вот тебе бог, а вот порог.*

5. Выражение возмущения, гнева, негодования: *Черт возьми! Черт (дьявол) тебя подери! Черт знает что такое! Черт те что!* В составе РЖ с такой интенцией не встречаются фразеологизмы с лексемой *бог*.

Названные группы фразеологизмов могут сопутствовать конфликтным ситуациям, так как их употребление не способствует сохранению межличностных отношений, а ухудшает их. Подобные высказывания выражают интолерантное отношение к партнеру по коммуникации. Как видно из материала, в четырех из вышеназванных групп фразеологизмов лексемы *бог* и *черт* взаимозаменяемы. Вероятно, это говорит о десакрализации понятия «бог» в русском народном сознании. Такого рода неоднозначность в значительной степени обусловлена тем, что язык может отражать и доминирующие в той или иной культурной среде и в то или иное социальное время факты группового или корпоративного, а не только общенародного самосознания [Телия 1996: 235].

Многие фразеологизмы рассмотренных групп являются полифункциональными, охватывающими большой эмоциональный диапазон — от восхищения до негодования. Это свидетельствует, на наш взгляд, о семантической опустошенности лексических единиц *бог* и *черт* в составе фразеологизмов, о модально-междометном, диффузном характере значения последних.

Помимо собственно фатических РЖ, фразеологизмы со словами *бог* и *черт* функционируют как фатически значимые жанры с разными информативными интенциями.

Выражение категоричного возражения, отказа, несогласия, решительного отрицания: *Черта с два!*; *Черта лысого*; *Ни к черту не годится*; *На кой черт (бес, дьявол)?*; *За каким чертом?*; *Какого черта!* — *Помилуй бог!*; *Упаси (сохрани) бог (господи)*; *Избави бог (господь)*; *Боже сохрани (упаси)!*

Отказ, несогласие относятся к неблагоприятным проявлениям речевой коммуникации, к РЖ, ухудшающим межличностные отношения, поэтому их прямое выражение даже с помощью нейтральных конструкций (ср.: *Я отказываюсь*; *Я не согласен с Вами!*) способствует приближению к зоне конфликта. Еще более острым проявлением интолерантности является эмоционально-экспрессивное оформление этих РЖ с помощью междометных фразеологизмов.

Особенно употребительны в современном русском языке исследуемые фразеологизмы с иллокутивной силой угрозы, клятвы, проклятья. К таким РЖ относятся одни и те же фразеологизмы, что объясняется общим для этих жанров признаком — обозначение сакрализованной речи, слова, обладающих силой действия

[Толстая 1994: 174]: *Чтоб тебе (ему) на том свете черт бороду обжег; Чтобы черт тебя побрал, унеси тебя черт поскорее; Чтоб тебя черти съели; Семь чертей и одна ведьма вам в зубы; Иди ты к черту! Ну его к черту! Поди к черту! — Ну его к богу! Иди ты к богу!* Названные РЖ, безусловно, являются приметой дисгармонического общения. В. В. Жельвис рассматривает их как инвективные [Жельвис 1997: 209] и видит в параллельных высказываниях: *иди ты к черту!* и *иди ты к богу!* — один из самых виртуозных и изощренных приемов: «Оскорбительная сама по себе, такая “эквивалентность” предполагает объединение двух противоположных понятий. Произносящий это проклятие не только “упоминает имя Господа всуе”, не только подменяет имя дьявола священным именем Бога, он употребляет имя Господа, имея в виду нечто совершенно противоположное. Другими словами, создается новое понятие, в котором противоестественно объединены Господь и дьявол (выделено автором. — Ю. М.)» [Жельвис 1997: 210].

В следующих РЖ функционируют фразеологизмы либо только со словом *черт*, либо только со словом *бог*.

Как собственно информативный РЖ выступают фразеологизмы типа: 1) *До черта. Чертова пропасть!* 2) *У черта на рогах! У черта на куличках!*, передающие указание 1) на очень большое количество, 2) на дальнее местоположение. Однако фразеологизмы этой группы не относятся к нейтральным сообщениям. Основной компонент их семантики — это признак «чрезмерности» (количества или расстояния), который получает отрицательную оценку. Два последних фразеологизма, обозначая очень отдаленное местоположение чего-либо или кого-либо, коннотируют также идею «чужого» пространства, что проявляется в неодобрительном отношении к обозначаемому.

Фразеологизмы с лексемой *бог* оформляют следующие РЖ.

Выражение пожелания чего-либо хорошего, доброго: *Дай бог; Помогай бог! Бог в помощь!* Иллокутивная функция таких фраз — благопожелание, и они могут функционировать не только как собственно РЖ, обращенные к собеседнику, но и как «вербальные ритуалы» [Толстая 1994].

Выражение предупреждения, предостережения о нежелательности, недопустимости чего-либо: *Боже сохрани (упаси)! Избави бог (боже, господи); Не приведи (не дай) господи (бог); Упаси (сохрани) бог (господь).*

Выражение просьбы, мольбы. *Ради бога! Ради самого господа бога! Просить (молить, умолять) Христом-богом.*

Выражение оценки, характеристики чего-либо, кого-либо: *Не приведи (не дай) бог (господи); Не бог весть какой (о чем-то посредственном); Не бог весть как (оценка не особенно хорошей деятельности человека)* — объект оценки сопоставляется с богом как эталоном и, естественно, уступает ему, поэтому подобные фраземы используются применительно к тому, что не отличается совершенством.

Выражение уступки, согласия: *Бог (господь) с тобой.*

Названные РЖ служат гармонизации общения, поскольку с их помощью говорящий реализует благоприятные для собеседника стратегии: уступает ему или соглашается, желает благ или предотвращает нечто плохое. Поэтому можно утверждать, что большинство фразеологизмов с лексемой *бог* используют в РЖ, которые способствуют улучшению межличностных отношений.

Язык располагает незначительным количеством устойчивых единиц, в которых слова *бог* и *черт* сосуществуют в пределах одного фразеологизма: *Ни богу свечка, ни черту кочерга* (о посредственном человеке, с оттенком пренебрежительности); *На людей надеется как на бога, а на себя как на черта!* (о беззаботном); *Послал бог работу, да отнял черт охоту; Бог дал родню, а черт вражду; Смелым бог владеет, пьяным черт качает; Дитя падает — бог перинку подстилает; Стар падает — черт борону подставляет; Где Господь пшеницу сеет, там черт плевелы; Первая жена от бога, вторая от человека, третья от черта; Черт не возьмет его, а богу не надо.*

Очевидно, что даже в пределах одного высказывания эти лексемы противопоставляются. Все вышеприведенные фразеологизмы представляют собой сложные предложения, которые выражают отношения **противоположности** и **несовместимости**, при этом *бог* всегда оценивается положительно, *черт* — всегда отрицательно.

Таким образом, главные субъекты религиозного мира — *бог* и *черт* — оказались ядерными членами многих фразеологизмов. Как правило, фразеологизмы с компонентом *бог* содержат положительную, а с компонентом *черт* — отрицательную оценочность (этот факт отмечался и другими исследователями (см. [Лебединская 2001]). Фразеологизмы со словом *черт* употребляются в предконфликтных или в конфликтных ситуациях, реже встречаются праз-

дноречевые употребления фразеологизмов этого типа. Как видно из приведенных выше примеров, такие фразеологизмы характеризуют интолерантное общение; даже близкие к информативным РЖ, включающие лексику *черт*, приобретают дополнительную нагрузку и становятся отрицательно оценочными. Наши наблюдения в принципе подтверждают отношение наивного носителя языка к денотату, обозначаемому лексемой *черт*.

Фразеологизмы со словом *бог* амбивалентны. Они могут употребляться в гармонизирующих коммуникативных ситуациях, но в некоторых случаях используются для выражения негативного отношения к собеседнику или объекту речи из мира действительности.

Многие фразеологизмы многозначны и в зависимости от контекста способны передавать разные оценки. Как полисемантические обычно выступают наиболее употребительные фразеологизмы, такие как *черт возьми*, *черт знает*, *бог знает*. Поскольку *бог* и *дьявол* равно относятся к сакральным понятиям, в светском дискурсе возможно амбивалентное восприятие некоего единства, образованного их слиянием [Жельвис 1997: 210].

Использование или неиспользование фразеологических единиц с данными лексемами выступает в качестве четкого показателя принадлежности говорящего к светской или религиозной культуре.

К. М. Шилихина

Коммуникативная интолерантность в русском общении

Говорить о толерантности как о чисто лингвистической проблеме сегодня практически невозможно, поскольку эта проблема отличается многоаспектностью. Толерантность (или ее отсутствие) характеризует взаимоотношения людей. Толерантное или интолерантное отношение к окружающим людям, явлениям, идеям реализуется в процессе коммуникации членов социума. Неудивительно, что наиболее активно проблема толерантности рассматривается в рамках наук, связанных с изучением феномена человека как существа социального: социологии и психологии.

Философы, социологи и психологи предлагают различные определения толерантности в зависимости от исследуемой сферы человеческих взаимоотношений. Вот как в наиболее общем виде определяет толерантность А. Г. Асмолов: «В историко-эволюционном процессе толерантность выступает как норма устойчивости, определяющая диапазон сохранения различий популяций и общностей в изменяющейся действительности» [Асмолов 2002: 17].

Социологические исследования проблемы толерантности нередко посвящены основным особенностям толерантного/интолерантного поведения. Авторы выделяют различные сферы проявления толерантности. Их внимание сосредоточено главным образом на анализе политической, межнациональной, религиозной толерантности. Нас же в первую очередь интересует толерантность как лингвистическая проблема: как отражается эта система цен-

ностно-смысловых установок в языке и как она реализуется (или не реализуется) в речи.

О том, насколько полезны данные лингвистических исследований толерантности, свидетельствует, например, тот факт, что социологи начинают свои статьи с анализа лексем *толерантность*, *терпение*, *притерпелость*, чтобы разграничить существующие в нашей культуре способы мироощущения и мировосприятия. Сегодня не только лингвисты, но и социологи единодушно полагают, что *толерантность* и *терпимость* — это разные понятия, отражающие разные способы взаимодействия людей в обществе.

Отечественные исследователи, как правило, отмечают, что формирование толерантного сознания в современном российском обществе идет трудно. Причины этих трудностей — как исторические, так и социально-экономические. Например, анализируя понятия *терпимость*, *терпение*, *притерпелость*, Е. Ивахненко приходит к выводу о том, что существующие в нашей культуре давно, они практически не связаны с понятием *толерантность*. Скорее наоборот, они удаляют нас от толерантного отношения к миру, поскольку *терпимость* как духовное качество в русской культуре ассоциируется с жертвенностью, а *притерпелость* — это наше ощущение предопределенности неблагоприятных условий жизни. Притерпевшиеся люди не властны над этими условиями и не пытаются что-либо изменить, улучшить (см.: [Ивахненко 2002]).

В каком аспекте можно обсуждать толерантность в рамках лингвистики? Во-первых, мы можем говорить о формировании концепта толерантности в нашей культуре [Стернин 2001а: 124–127; Стернин, Шилихина 2001]. Во-вторых, имеет смысл лингвистический анализ проявления толерантности на уровне социальных институтов (например, в какой мере толерантное коммуникативное поведение практикуется в стенах учебных заведений или насколько толерантны/интолерантны сообщения СМИ). В-третьих, мы можем анализировать языковые способы формирования и трансляции стереотипов, поддерживающих интолерантное общение на межгрупповом уровне. Наконец, мы можем говорить о толерантном или интолерантном речевом поведении носителей русской коммуникативной культуры в повседневном общении.

Для удобства лингвистического анализа толерантности целесообразно выделить вербальный уровень.

На наш взгляд, уместно говорить о вербальной толерантности

применительно к социальным различиям (сюда можно включить не только национальность, вероисповедание, но и физическое состояние адресата высказывания) или к поведению окружающих в повседневном общении.

Вербальная толерантность/интолерантность в отношении к социальным различиям присутствует как в речи общественных деятелей, политиков, журналистов, так и в общении рядовых носителей коммуникативной культуры. Что же касается проявлений вербальной толерантности/интолерантности относительно поведения окружающих, то здесь материалом исследований служит в основном устная разговорная речь наших сограждан. Кроме того, особенности вербальной толерантности в русском общении ярко выявляются при сопоставлении русской национальной коммуникативной культуры с теми культурами, где толерантность не воспринимается рядовыми носителями соответствующих культур как нечто чуждое.

Обратимся к определению имени концепта в английском языке, поскольку именно в англоязычных культурах толерантность имеет долгую традицию; именно из этих культур это понятие было заимствовано нами.

TOLERANCE — willingness to accept or allow behavior, beliefs, customs, etc., which one does not like or agree with, without opposition (Longman Dictionary of Contemporary English).

Обращают на себя внимание два компонента словарного толкования: 'готовность *принять* или *позволить*'; 'без сопротивления'. Как нам кажется, именно эти семантические признаки являются базовыми при анализе вербальной толерантности. Если носители англоязычных коммуникативных культур готовы «позволить» поведение, с которым они не согласны, то носители русской коммуникативной культуры, как правило, «позволяют» какое-либо действие без сопротивления только в том случае, если это действие ими одобряется и принимается как правильное. В случае неодобрительного отношения сразу возникает сопротивление — чаще всего вначале вербальное.

В русском повседневном общении наблюдаются регулярные вербальные проявления интолерантности, порождающие массу конфликтов. Можно говорить о коммуникативной интолерантности как об открытом вмешательстве в высказывания или иные действия других людей, если они не совпадают с собственным мне-

нием субъекта. В процессе общения интолерантность проявляется в коммуникативной агрессии, в создании конфликтной коммуникативной ситуации. Агрессивная манера общения приводит к тому, что выйти из конфликтной коммуникации без потери собственного достоинства практически невозможно. Приведем пример подобного общения.

В переполненном в час пик воронежском троллейбусе громко выясняют отношения две женщины:

— *Че ты меня толкаешь?*

— *Никто тебя не толкает!*

— *Я тебе сказала, зараза, перестань толкаться!*

— *Да кто ж тебя толкает! Такая теснота, что даже толкаться негде здесь!*

Можно говорить о своеобразном поле трудностей коммуникации. Оно включает типовые языковые средства, например инвективы, уничижительное «ты» вместо «вы», приписывание ярлыков (например: *лица кавказской национальности, стадо баранов, класс дебилов*). В русской коммуникативной культуре существует широкий спектр прагматических ресурсов, т. е. агрессивных, конфликтогенных речевых актов *упрека, угрозы, оскорбления, замечания, запрета* и др.

В некоторых ситуациях конфликтогенным может быть «непрощеный» совет. Наблюдения показывают, что, как правило, совет, исходящий от незнакомого человека, нарушает «личное пространство» собеседника, становится источником конфликта.

На детской площадке после дождя ребенок сидит в песке. Издали это видит проходящая по двору пожилая женщина. Она подходит через двор к матери ребенка:

— *Подними ребенка, простудится, заболевает.*

— *Не простудится, она тепло одета.*

— *Заболеет, заболеет.*

— *Да не заболевает, женщина.*

— *Ох и мать! Еще и хамит!*

Одной из причин вербальной интолерантности является тот факт, что вербальные предписания и нормы этикета расходятся с образцами повседневного поведения. В результате этого основы интолерантного поведения начинают закладываться, как правило, в семье. С одной стороны, все взрослые люди знают, что кричать на детей, быть с ними грубыми нехорошо. Детям также вну-

шается мысль о том, что разногласия надо решать мирными способами, не вступая в конфликты с товарищами. С другой стороны, сами родители очень нетерпимо относятся к детским шалостям, испачканной одежде, жалобам окружающих (например, воспитателей) на поведение их детей. Критика в адрес ребенка нередко высказывается родителями открыто, в присутствии посторонних людей. Приведем реплики матерей, адресованные детям, играющим на детской площадке: *Ну куда же ты полезла, зараза маленькая!; Даша, засранка, встань с земли! Хватит уже валяться!; Тема, блин, ну ты опять в штаны наклал! Когда же ты просишься будешь по-нормальному?*

Следует заметить, что дети очень быстро перенимают подобные способы выражения неудовольствия как норму. В результате сами родители оказываются жертвами детской вербальной агрессии.

Еще один пример: в автобусе четырехлетний мальчик ведет себя шумно, привлекая внимание окружающих. Мать делает ему замечание:

— *Максим, не приставай к незнакомым людям, сколько раз тебе говорить!*

— *Мама, закрой свой маленький ротик и не лезь не в свои дела, понятно?*

Общение родителей с детьми в русской коммуникативной культуре можно охарактеризовать как эмоциональное, причем эмоциональность эта, как правило, негативная. Поэтому, несмотря на существование этикетных норм, в нашем обществе считается допустимым использование сниженной лексики в адрес собственного ребенка.

В результате родители, злоупотребляя негативно-оценочными высказываниями, сами того не осознавая, структурируют мир таким образом, что в глазах ребенка он становится полярным, черно-белым: есть идеал поведения, к которому нужно стремиться, и есть плохое поведение, продемонстрированное самим ребенком. Ничего промежуточного между этими полюсами не существует.

По мере взросления ребенок попадает в руки воспитателей и учителей, которые, в силу сложившихся традиций и профессиональных установок, тоже разделяют окружающий мир на две четкие категории: «наше, хорошее, правильное» и «чужое, плохое, неправильное».

«Куда претесь, бараны!» — кричит воспитательница детского сада детям, которые вышли на прогулку, не построившись парами.

Любое отклонение поведения ребенка от идеала наталкивается на *сопротивление* взрослых. Желание сделать так, чтобы поведение детей соответствовало идеалу (идеал этот формулируется исключительно в форме неоспоримых постулатов «в ситуации X ребенок должен Y», например, «когда взрослые разговаривают, дети должны молчать») можно объяснить наличием «судейского комплекса» в структуре русского национального сознания. «Судейский комплекс — это апелляция к некоторым эталонам и нормам поведения, значимым для всех, а потому для данных лиц объективным...» [Касьянова 1994].

Ребенку не позволяют отклониться от поведенческого идеала, и если поведение выходит за рамки этого идеала, взрослые не могут не говорить об этом, не могут сдерживать своих эмоций даже в присутствии посторонних людей.

Получается, что имеющийся в структуре русского национального сознания так называемый «судейский комплекс» препятствует формированию толерантного стиля речевого взаимодействия. Российские коммуниканты «приписывают» себе судейские функции даже в повседневном общении, в тех ситуациях, где «проблемные» мнения или действия не представляют никакой социальной опасности.

На наш взгляд, толерантность как мировоззрение тесно связана с категорией *privacy*, которая отчетливо осознается носителями западных культур и которая практически отсутствует в нашем общении. Отсутствие этой *privacy* подтверждается также и тем, что в русском языке нет лексемы, в какой-нибудь степени эквивалентной этому английскому слову. Поэтому мы будем пользоваться не вполне благозвучным аналогом *приватность*.

В американской коммуникативной культуре приватность является устойчивым культурным концептом и понимается как личное пространство, которое носители этой культуры стремятся оградить от нежелательного вторжения. В процессе общения вырабатываются нормы и стратегии, направленные на предотвращение возможных нарушений приватности (см.: [Прохвачева 2000]). К их числу можно отнести, например, политкорректность.

Насколько для нас, носителей русской коммуникативной культуры, не имеет значения понятие приватности, наглядно иллюст-

рирует пример из интервью с Р. Т. Августовой, педагогом, автором методики обучения речи, чтению и письму детей с синдромом Дауна:

— *Что можно сказать об учительнице, заявляющей одноклассникам мальчика, у которого есть брат с синдромом Дауна: «Даунов надо убивать»? Это говорится ученикам девятого класса на уроке литературы.*

Медсестра в поликлинике в присутствии шестилетнего ребенка с синдромом Дауна позволяет себе высказать странную для ее профессии точку зрения: *«Ну, я бы такого из роддома никогда не взяла!»* Эта реплика адресована матери.

В данном случае мы имеем дело с очевидными отклонениями от этических норм. Подобные этические ошибки можно объяснить невежеством, боязнью иного, влиянием определенных стереотипов и мифов.

Регулярному вмешательству со стороны посторонних подвергаются и молодые родители с физически здоровыми детьми. Если ребенок кричит в общественном месте, ребенка запугивают: *«Вот сейчас я тебя посажу в сумку и унесу»*; пожилые люди громко критикуют родителей за то, что они не могут утихомирить кричащего малыша.

Приведем пример: в магазин заходит мать с двухлетним ребенком. Ребенок хочет, чтобы ему купили игрушку, поэтому он начинает кричать. Стоящая в очереди пожилая женщина громко возмущается:

— *Работать продавцу невозможно, он так кричит! Что же это мать не сделает ничего! Скажите ему, чтобы перестал! Невозможно так!*

Интолерантное речевое поведение демонстрируют посторонние люди, сообщающие о своих намерениях *забрать плачущего ребенка с собой; отдать дяде-милиционеру; отвести к Бабе-Яге и др.*

Есть основания полагать, что вербальная интолерантность — примета современной городской коммуникативной культуры. Как можно снизить конфликтность общения? На наш взгляд, создание кодекса общения, основанного на принципах американской политкорректности, применимо только к той части вербальной интолерантности, которая связана с коммуникативной агрессией, направленной на представителей различных социальных групп.

С повседневной вербальной интолерантностью, вызванной поведением окружающих, дело обстоит сложнее. В обществе, привыкшем к делению мира на черное и белое, нелегко утвердить принципы толерантного общения. Возможно, понадобится не одно десятилетие для того, чтобы признать право человека на приватность, снизить конфликтность повседневного общения, убедить наших сограждан в том, что если какие-либо действия или мнения людей не несут в себе угрозы для окружающих, то нет причин проявлять нетерпимость в адрес тех, кто эти действия совершает.

Е. В. Денисюк

Манипулятивное речевое воздействие: к вопросу об этической оценке

Связь речи с мышлением, сознанием, восприятием реальности делает ее мощнейшим средством нефизического — психологического — воздействия на человека. И речевое воздействие совершенно закономерно вызывает интерес исследователей широкого круга научных дисциплин и направлений. Особое внимание уделяется манипуляции.

Безусловно, приоритет изучения данного феномена принадлежит психологической науке. С развитием коммуникативного подхода в лингвистике манипуляция как вид речевого воздействия попала в поле зрения таких сравнительно новых лингвистических направлений, как лингвопрагматика, лингвокультурология, а также психолингвистика. При изучении манипулятивного речевого воздействия в лингвистической науке наблюдается явная преемственность психологических определений и моделей манипуляции.

Манипуляция традиционно определяется психологами и вслед за ними лингвистами как скрытое программирование личного отношения к изображаемому или описываемым фактам или событиям, «неявное побуждение», «скрытая власть», «скрытая трансакция», при этом у манипулируемого обязательно сохраняется иллюзия самостоятельности решений и действий. Манипулятивное воздействие осуществляется с использованием обмана — разного рода искажений действительности (см.: [Берн 1992; Дементьев 2000; Добрович 2000; Доценко 1996; Карасик 1992; Yokoyma 1988 и др.]).

© Е. В. Денисюк, 2004

Такой способ речевого влияния находится за пределами русского риторического идеала (см.: [Михальская 1996]), а также противоречит общепринятым коммуникативным постулатам (см.: [Грайс 1985] и др.). Вследствие этого манипуляция оценивается лингвистами как интолерантное средство влияния. Для ее определения, как правило, используются слова с отрицательной коннотацией в понятийном содержании: *ухищрение, подтасовка фактов, махинация, ловкая проделка* и т. п. (БТСРЯ 1998: 519).

Речевое поведение манипулятора, посредством которого осуществляется манипулятивное воздействие, рассматривается как разного рода отступления от нормы (коммуникативной, этической). В риторике спора это непозволительные уловки, софизмы (см.: [Введенская, Павлова 2000; Поварнин 1994; Хазагеров, Ширина 1994] и др.); в риторике делового общения — «нечистоплотные, противозаконные, безнравственные» приемы, «хитроумные способы добиться превосходства над противником», которые «не выдерживают проверки на взаимность» [Фишер, Юри 1987: 173]; в исследованиях речевой деятельности — тактика «манипулирования адресатом с целью получить односторонние преимущества» [Тарасова 1993].

В целом поведение манипулятора относят к конфликтно-манипуляторскому подтипу конфликтного типа речевого поведения, ориентированного на коммуникацию, в ходе которой один из участников общения видит в своем собеседнике прежде всего объект манипуляции: самоутверждается, ставя адресата в конкретной ситуации общения на нижнюю по сравнению с собой статусную позицию, не испытывает к нему уважения, считает его существом менее развитым по интеллектуальным и этическим качествам. Доминирующая иллюкутивная установка манипулятора — навязывание своего мнения, преувеличение значимости личного жизненного опыта (например, с помощью следующих высказываний: *Я считаю...; Ты должен(а)...; Я бы на твоём месте...* и др.). В речевом поведении конфликтного манипулятора присутствуют конфликтогены, назначение которых — принизить, унижить коммуникативного партнера (см.: [Седов 2000: 303]).

Манипулятор обычно воспринимается как ущербный, безнравственный человек. Цель его воздействия характеризуется неблагоприятностью и связывается со стремлением получить одностороннюю выгоду. Манипулятор относится к собеседнику как к «вещи

особого рода», не признает равное право манипулируемого на свободное познание истины, игнорирует его интересы и стремления, сам стремится навязать ему определенные идеи, ценности, формы поведения и т. п., возбудить намерения, не совпадающие с актуально существующими у того желаниями (см.: [Алексеев 1991; Битянова 2001; Доценко 1996; Куницына и др. 2001; Фишер, Юри 1987; Шостром 1994 и др.]).

В связи с этим говорят о монологичности, императивности и авторитарности манипуляции. Ее конечная цель — принуждение партнера. Как отмечает О. С. Иссерс, манипуляция — это давление на адресата, «заманивание» его, насильственно осуществляемая власть над адресатом» [Иссерс 1999а: 145].

Манипулятивное воздействие достаточно резко характеризуется большинством исследователей как деструктивное, разрушающее личность, причем не только объекта воздействия, но и самого манипулятора. Вместе с тем и психологи, и лингвисты допускают возможность оправданного использования манипуляции, главным образом в двух ее формах — «лжи во благо» и «насилии во благо, или насилии во имя добра».

Как считают Т. Г. Хазагеров и А. С. Ширина, риторика допускает обман, но только обман временный и такой, «жертва которого признает, что он служил ее интересам» [Хазагеров, Ширина 1994: 102]. К. Ф. Седов говорит о так называемой «продуктивной манипуляции», которая, по мнению автора, неизбежна в повседневной коммуникации и является основой психологии влияния и теории речевого воздействия (см.: [Седов 2003]). Цель такого продуктивного манипулятивного речевого воздействия — расположить к себе коммуникативного партнера, используя его слабости. По мнению В. Н. Куницыной и др., приемлемость манипуляции зависит от того, используется ли она в качестве стратегии, как основное и постоянное средство воздействия, или же в качестве тактики, как ситуативное, косвенное средство воздействия. «В первом случае манипуляция выступает как специфическая установка на общение, хотя тактики, используемые человеком, могут быть и неманипулятивными — например, самораскрытие в беседе (эгоцентрическое), сочувствие, внимание, готовность помочь и т. д. Во втором случае манипуляция выступает как средство косвенного побуждения для создания дополнительной мотивации (например, в воспитании, обучении) или как средство защиты от чьих-то

нежелательных действий (в ситуациях давления, аффективного нападения, принуждения)» [Куницына и др. 2001: 182].

Причина такой неоднозначной этической оценки манипуляции, на наш взгляд, связана с неопределенностью самой феноменологической сущности этого явления. При исследовании манипуляции основное внимание уделяется приемам и средствам манипулятивного воздействия, в результате чего происходит подмена описания процесса манипулятивного воздействия описанием набора речевых средств, частных реализаций этого воздействия. Объективной оценки результата манипулятивного воздействия не происходит: манипуляция воспринимается как односторонний процесс, и при таком подходе результат процесса может быть рассмотрен лишь частично. Вместе с тем любое воздействие — это процесс *взаимодействия* субъекта и объекта, так как «эффект всякого внешнего воздействия зависит не только от тела, от которого это воздействие исходит, но и от тела, которое этому воздействию подвергается» [Рубинштейн 2003: 49], и, соответственно, результат воздействия — это финальное изменение и субъекта, и объекта. Оценить этот результат — значит оценить изменение субъекта и объекта в их взаимосвязи.

Рассмотрим процесс манипулятивного речевого воздействия, определим его результат и выскажем некоторые соображения относительно возможности его этической оценки.

Речь представляет собой лишь средство нефизического воздействия на человека. И сам процесс речевого воздействия осуществляется как бы над речью; его результат находится вне сферы лингвистики и, по сути, представляет собой психологическое явление. В связи с этим для лингвистического описания манипуляции необходимо использовать модель, позволяющую в равной мере исследовать и психологические, и лингвистические феномены.

Таким интегрирующим началом, по всей видимости, выступает деятельность — целенаправленная активность, сложная совокупность процессов, объединенных общей направленностью на достижение определенного результата, который является вместе с тем объективным побудителем данной деятельности, то есть тем, в чем конкретизируется та или иная потребность субъекта (см.: [Леонтьев, Панов 1963: 145]). Акт коммуникации (коммуникативной деятельности) — точка пересечения, место перехода психологического в лингвистическое. Здесь связаны воедино психологические

и лингвистические понятия: осознаваемое — вербализуемое, социальная ситуация — коммуникативная ситуация; когнитивная установка — коммуникативная пресуппозиция, психологическое воздействие — речевое воздействие; деятельность и поведение — речевые деятельность и поведение и т. п.

Деятельностный подход переносит нас в потребностно-мотивационную сферу коммуникантов. Порождающим фактором манипулятивного воздействия (как и речевого воздействия вообще) является стремление удовлетворить имеющуюся у субъекта воздействия потребность (см.: [Леонтьев 1977]). Особенности реализации воздействия определяются характером установки воздействующего субъекта — особой ценностной диспозиции по отношению к объекту воздействия [Зимбардо, Ляйппе 2000: 45].

Манипуляция представляет собой речевое воздействие в условиях специфической установки субъекта воздействия, которая состоит в *непризнании воздействующим субъектом равной ценности личности объекта речевого воздействия по сравнению с собственной* и проявляется в *непризнании равной ценности потребностей объекта речевого воздействия* (говоря бытовым языком, в неуважении потребностей / желаний другого человека). При этом не важно, ставит ли этот человек себя выше другого или воспринимает себя в сравнении с ним ничтожным; при отсутствии равного отношения второй человек всегда будет выступать средством для удовлетворения собственных потребностей. И властвующий и подчиняющийся суть одно и то же: они оба зависимы и оба используют личность другого как средство. Можно сказать, что манипуляция — это удовлетворение собственных потребностей за счет *использования, но не удовлетворения* потребностей другого человека, эксплуатация воли другого, что, по сути, и есть отмечаемое стремление получить одностороннюю выгоду, игнорирование интересов манипулируемого и т. п.

Важная составляющая манипулятивной установки — стремление добиться желаемого в случае конфликта интересов *без каких-либо уступок, то есть без каких-либо эмоциональных затрат*, — иными словами, получить нечто без платы, даром, в то время как коммуникация с неманипулятивным речевым воздействием — это всегда компромисс, договор. Не желая идти на компромисс, манипулятор, вместе с тем, и *не обнаруживает перед объектом воздействия сам конфликт интересов* — не идет на открытую конф-

ронтацию. По всей видимости, такое поведение и служит защитой от обратной связи, стремлением сделать влияние односторонним. Это отличает данный тип воздействия, например, от шантажа, при котором воздействующий субъект раскрывает объекту воздействия конфликт интересов и прилагает значительные эмоциональные усилия, чтобы, будучи «плохим» в глазах собеседника, побудить его выполнить что-либо. Важно отметить, что указанное стремление манипулятора избежать конфликта не является показателем толерантного отношения к объекту воздействия.

Там, где есть такого рода неравенство и стремление добиться желаемого без эмоциональных затрат, рано или поздно появится манипуляция. Манипуляция существует только тогда, когда присутствуют эти два условия. Речевое воздействие приобретает свойство манипулятивного лишь при наличии указанной установки воздействующего субъекта; идентифицировать манипуляцию можно лишь посредством анализа установки коммуниканта. Это и обуславливает отмечаемую всеми исследователями незаметность манипуляции с позиции манипулируемого: определить манипуляцию можно лишь с позиции манипулятора, которому, естественно, известна собственная установка, или с позиции стороннего наблюдателя, который также владеет информацией относительно установок коммуникантов. Прочие рассмотренные выше характеристики манипуляции (неискренность, обман, насилие и т. п.) являются проявлением указанного отношения к собеседнику, средством реализации данной установки.

Отношение манипулятора к объекту своего воздействия трансформируется в соответствующую коммуникативную установку и коммуникативную пресуппозицию (см.: [Борисова 2001: 106–131]), которые реализуются в речевом поведении манипулятора в акте коммуникации, что дает возможность рассматривать манипуляцию в рамках лингвопрагматики.

Манипулятивная установка накладывает определенные ограничения на план содержания речевых поступков коммуниканта-манипулятора и требует особого структурирования его речевого поведения.

Как речевое воздействие, манипуляция представляет собой побуждение объекта речевого воздействия к совершению действия (в широком смысле — в том числе и мыслительного), в результате которого будет удовлетворена потребность субъекта речевого

воздействия. Манипулятивное речевое воздействие направлено на создание для манипулируемого мотивации к совершению этого действия и является намеренным мотивационным опосредованием — процессом, состоящим из трех этапов (см.: [Вилюнас 1990]): 1) актуализации существующей у манипулируемого потребности; 2) интерпретации какого-либо предмета или явления как средства удовлетворения этой потребности; 3) интерпретации совершения какого-либо действия (средство второго порядка) как способа получить указанное выше средство. На третьем этапе проявляется цель воздействия манипулятора. Ради этого последнего действия манипулируемого и построено все мотивационное опосредование.

Единицей осуществления речевого воздействия является речевой поступок — адресованное партнеру коммуникации интенциональное контекстуально и социально обусловленное речевое действие, имеющее форму языкового выражения — языковой план выражения — и несущее воспринимающему некий межличностно значимый смысл — план содержания (см.: [Борисова 2001: 197; 201]). План содержания речевого поступка представлен прагматическим и коммуникативным смыслами. Прагматические смыслы речевых поступков манипулятора образуют этапы указанного выше мотивационного опосредования.

В качестве иллюстрации рассмотрим фрагмент диалога персонажей романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (Ильф, Петров 2001). Диалог, репродуцированный в художественном тексте, дает исследователю возможность оказаться в позиции осведомленного наблюдателя и позволит оценить коммуникативные целевые установки участников общения и их реализацию в процессе коммуникации. Созданный авторами-сатириками образ «великого комбинатора» Остапа Бендера относится к одному из классических типов коммуниканта-манипулятора.

Манипулятор — Остап Бендер. Его цель — «выколотить из васюкинцев деньги». Манипулируемые — группа шахматистов-любителей провинциального городка Васюки — края, отстоящего на 50 километров от железной дороги, с 8000 жителей, государственной картонной фабрикой с 320 рабочими, маленьким чугунолитейным, пивоваренным и кожевенным заводами. В городе «из учебных заведений, кроме общеобразовательных, лесной техникум». Модель мира манипулируемых сформирована, с одной сто-

роны, менталитетом провинциалов — жителей глубинки, с другой — их любовью к шахматам. Потребность манипулируемых — стать центром.

Для осуществления манипулятивного речевого воздействия манипулятор использует модель отношений «лидер — группа». Он избирает ролевой образ гроссмейстера мирового уровня из столицы (безоговорочный авторитет в модели мира провинциальных шахматистов-любителей), остановившегося на короткое время в маленьком городе.

...Гроссмейстер перешел на местные темы.

— Почему в провинции нет никакой игры мысли? Например, вот ваша шахсекция. Так она и называется: шахсекция. Скучно, девушки! Почему бы вам, в самом деле, не назвать ее как-нибудь красиво, истинно по-шахматному. Это вовлекло бы в секцию союзную массу. Назвали бы, например, вашу секцию: «Шахматный клуб четырех коней», или «Красный эндишиль», или «Потеря качества при выигрыше темпа». Хорошо было бы! Звучно!

Речевой поступок манипулятора соответствует этапу 1 мотивационного опосредования: характеризуя васюкинцев как провинциалов, сообщая о самой возможности преобразования города Васюки с помощью шахмат, манипулятор вызывает у манипулируемых зависть столице и тем самым актуализирует их потребность превратиться из глухой провинции в центр.

Идея имела успех...

...— Шахматы! — говорил Остап. — Знаете ли вы, что такое шахматы? Они двигают вперед не только культуру, но и экономику! Знаете ли вы, что ваш «Шахклуб четырех коней», при правильной постановке дела, сможет совершенно преобразить город Васюки? ...Да! — кричал он. — Шахматы обогащают страну! Если вы согласитесь на мой проект, то спускаться из города на пристань вы будете по мраморным лестницам! Васюки станут центром десяти губерний! Что вы раньше слышали о городе Земмеринге? Ничего! А теперь этот городишко богат и знаменит только потому, что там был организован международный турнир. Поэтому я говорю: в Васюках надо устроить международный шахматный турнир.

Речевой поступок манипулятора соответствует этапу 2 мотивационного опосредования: манипулятор интерпретирует проведение шахматного турнира в Васюках как средство, необходимое

для того, чтобы стать центром десяти губерний и получить международную известность.

— Как? — закричали все.

— Вполне реальная вещь, — ответил грессмейстер, — мои личные связи и ваша самостоятельность — вот все необходимое и достаточное для организации международного васюкинского турнира. Подумайте над тем, как красиво будет звучать: «Международный васюкинский турнир 1927 года». Приезд Хозе-Рауля Капабланки, Эммануила Ласкера, Алехина, Нимцовича, Рети, Рубинштейна, Мароци, Тарраша, Видмара и доктора Григорьева обеспечен. Кроме того, обеспечено и мое участие!

Речевой поступок манипулятора продолжает формировать этап 2 мотивационного опосредования.

— Но деньги! — застонали васюкинцы, — Им же всем нужно деньги платить! Много тысяч денег! Где же их взять?

— Все учтено могучим ураганом, — сказал О. Бендер, — деньги дадут сборы.

— Кто же у нас будет платить такие бешеные деньги? Васюкинцы...

— Какие там васюкинцы! Васюкинцы денег платить не будут. Они будут их получать! Это же все чрезвычайно просто. Ведь на турнир с участием таких величайших вельтмейстеров съедутся любители шахмат всего мира. Сотни тысяч людей, богато обеспеченных людей, будут стремиться в Васюки. Во-первых, речной транспорт такого количества пассажиров поднять не сможет. Следовательно, НКПС построит железнодорожную магистраль Москва — Васюки. Это — раз. Два — это гостиницы и небоскребы для размещения гостей. Три — поднятие сельского хозяйства в радиусе на тысячу километров: гостей нужно снабжать — овощи, фрукты, икра, шоколадные конфеты. Дворец, в котором будет происходить турнир, — четыре. Пять — постройка гаражей для гостевого автотранспорта. Для передачи всему миру сенсационных результатов турнира придется построить сверхмощную радиостанцию. Это — в-шестых. Теперь относительно железнодорожной магистрали Москва — Васюки. Несомненно, таковая не будет обладать такой пропускной способностью, чтобы перевезти в Васюки всех желающих. Отсюда вытекает аэропорт «Большие Васюки» — регулярное отправдение почтовых самолетов и дирижаблей во все концы света, включая Лос-Анжелос и Мельбурн.

Речевой поступок манипулятора продолжает формировать этап 2 мотивационного опосредования.

Ослепительные перспективы развернулись перед васюкинскими любителями...

... — Не беспокойтесь, — сказал Остап, — мой проект гарантирует вашему городу неслыханный расцвет производительных сил. Подумайте, что будет, когда турнир окончится и когда уедут все гости. Жители Москвы, стесненные жилищным кризисом, бросятся в ваш великолепный город. Столица автоматически переходит в Васюки. Сюда приезжает правительство. Васюки переименовываются в Нью-Москву, Москва — в Старые Васюки. Ленинградцы и харьковчане скрежещут зубами, но ничего не могут поделать. Нью-Москва становится элегантнейшим центром Европы, а скоро и всего мира.

Речевой поступок манипулятора формирует этап 2 мотивационного опосредования: манипулятор интерпретирует организацию шахматного турнира как возможность удовлетворить обозначенную потребность.

— Всего мира!!! — застонали оглушенные васюкинцы.

— Да! А впоследствии и вселенной...

... — Да-а, — выдал из себя одноглазый, обводя пыльное помещение сумасшедшим взором. — Но как же практически провести мероприятие в жизнь, подвести, так сказать базу?

Присутствующие напряженно смотрели на гроссмейстера.

— Повторяю, что практически дело зависит только от вашей самостоятельности. Всю организацию, повторяю, я беру на себя. Материальных затрат никаких, если не считать расходов на телеграммы.

Речевой поступок манипулятора формирует этап 3 мотивационного опосредования: манипулятор утверждает, что для проведения шахматного турнира (а значит, для того, чтобы Васюки стали центром) необходимо лишь собрать деньги на телеграммы.

Одноглазый подталкивал своих соратников.

— Ну! — спрашивал он. — Что скажете?

— Устроим! Устроим! — гомонили васюкинцы.

— Сколько нужно денег на... это... телеграммы?

Согласие манипулируемых свидетельствует о положительном результате манипулятивного воздействия.

— Смешная цифра, — сказал Остап, — сто рублей.

Манипулятор завершает этап 3 мотивационного опосредования, сообщая нужную ему сумму.

— У нас в кассе только двадцать один рубль шестнадцать копеек. Этого, конечно, мы понимаем, далеко не достаточно...

Но гроссмейстер оказался покладистым организатором.

— Ладно, — сказал он, — давайте ваши двадцать рублей.

— А хватит? — спросил одноглазый.

— На первичные телеграммы хватит. А потом начнутся пожертвования, и денег некуда будет девать...

Первые два этапа создания мотивации являются в случае манипулятивного речевого воздействия вспомогательными: они конструируются с таким расчетом, чтобы в итоге привести манипулируемого к необходимости совершить последнее действие. При создании этапов 1 и 2 манипулятором часто используется обман.

Понимание результата манипулятивного речевого воздействия как удовлетворения потребностей манипулятора и неудовлетворения потребностей манипулируемого позволяет соотнести его с целями воспитательного и психотерапевтического воздействия и дать иную, нежели этическая, оценку приемлемости манипуляции.

Конечная цель и воспитательного, и психотерапевтического воздействия — помочь другому индивиду стать счастливым. Счастье неразрывно связано с радостью и покоем (нестраданием). Радость и покой — основа психического здоровья — возможны лишь при удовлетворении потребностей *данного* индивида. Манипуляция же в любом случае, по своей сути, — это способ удовлетворить *только свои* потребности за счет деятельности другого. Например, манипулятивные отношения между родителем и ребенком можно определить как *непризнание родителем равной необходимости удовлетворения потребностей ребенка в сравнении со своими собственными*. Потребности родителя и ребенка идентичны: 1) физиологические потребности (голод, жажда и т. п.); 2) потребности безопасности и защиты; 3) потребности принадлежности и любви; 4) потребности самоуважения; 5) познавательные потребности; 6) эстетические потребности; 7) потребности самоактуализации, или потребности личного совершенствования (см.: [Маслоу 2003: 60–80]). Задача родителей состоит в том, чтобы находить адекватные, безопасные и социально приемлемые способы удовлетворения *потребностей ребенка* до тех пор, пока тот не научится делать это сам. Если неманипулятивное речевое воздействие

предполагает предоставление ребенку достаточно широкого выбора таких средств, то в случае манипулятивного воздействия альтернативы, по сути, не дается, ведь то, что должно служить лишь средством удовлетворения потребности, для самого манипулятора является целью воздействия — ради этой цели, как в рассмотренном выше художественном диалоге, все и затевается.

Именно поэтому основоположники нейролингвистического программирования (одного из способов психотерапевтического речевого воздействия, основанного на трансформациях глубинной структуры предложения) категорически против использования термина «манипуляция» применительно к разработанному ими методу. На существующее мнение о том, что нейролингвистическое программирование помогает людям программировать мышление других, чтобы контролировать их и сделать «менее людьми», Р. Бэндлер возражал: «Я никогда не понимал, как можно стать менее человеческим существом, изменившись и став счастливее» [Трансформация 1995: 29].

Представление речевого воздействия как процесса создания мотивации, а результата этого воздействия как удовлетворения / неудовлетворения потребностей субъекта и объекта может служить параметром оценки любого речевого воздействия на человека. Однако сама эта оценка производится за рамками лингвистики.

Источники

Ильф, Петров 2001 — *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев. М., 2001.

Раздел IV

**Культурные практики
толерантности / интолерантности
в дискурсах разных типов**

Э. В. Чепкина

Дискурсивные практики формирования
оппозиции «свой — чужой»
в районной прессе
(на материале газет Пермской области)

Районная пресса современной России отличается очевидным своеобразием. Интенсивный процесс изменений, характерный для российских СМИ в конце прошлого — начале нынешнего века, в «районках» проявился иначе, чем, скажем, в прессе федеральной. Местные издания представляют гораздо больше моделей, традиционных для советской журналистики, в них отчетливее звучит ностальгия по прошлому и громче — критика многих новых реалий. Соответственно и концепты «чужого» и «своего» здесь наполнены специфическим содержанием.

Дискурсивные практики — разновидность культурных практик, они включают в себя процедуры и правила создания и воспроизведения дискурса [Фуко 1996; Ван Дейк 1989]. Практики создания журналистского дискурса получают выражение в текстах СМИ в виде следов-кодов, которые могут быть выявлены и проанализированы (см.: [Чепкина 2000]). Анализ дискурсивных практик выстраивания оппозиции «свой — чужой» позволяет увидеть, как репрезентируется в районной прессе проблема толерантного отношения к социально-культурным различиям. В прагматическом плане анализ таких практик актуален, так как на СМИ в условиях поликультурности современной России лежит функция медиатора, организатора межкультурного диалога: между разными территориальными сообществами, разными поколениями, сторонниками разных моделей экономического развития, разных идео-

логических взглядов. Оппозиция «свой — чужой» может конструироваться с опорой на любое из названных оснований.

«Свой», «свое» («наше») — это сложный концепт, манифестирующий коллективную идентичность, границы «своего» и «чужого», конструирующий модель отношений индивида и общества. Какие ключевые смыслы лежат в основе формирования концепта «свой» в районной прессе? Это прежде всего *локальность* — связь с определенным «местом», в том числе принадлежность определенной культуре. «Место» здесь не следует понимать как некую территориальную или административно-политическую единицу (хотя районная газета — тип издания, формировавшийся именно по административно-территориальному принципу). Это *родное место*, которое у каждого свое. *Родной*, по мнению А. Д. Шмелева, это «лингвоспецифичный концепт», «специфически русское слово» [Шмелев 2002: 350; 365]. В концепте «родной» сопрягаются эстетические, этические и идеологические смыслы. Так как *родное* невозможно четко определить, концептуальная многослойность обеспечивает ему гибкость смыслового наполнения в разных контекстах. *Родное* неотменимо: в нем накладываются друг на друга смыслы биологической «врожденности» и эмоциональной, любовной, семейной близости. В *своем, родном* метафорически переосмысляются отношения кровного, семейного родства: *Встретились мы с ней уже спустя десяток лет, когда я приехала в родной колхоз после окончания института** (Она хотела, чтобы хозяйство было богатым // Осинское Прикамье. 2003. 19 июня. г. Оса). Здесь частное идентифицируется с общественным, по отношению к родному сообществу появляются моральный долг и эмоциональная привязанность: *Всю свою жизнь трудится В. А. Доронин в СПК им. Чапаева. За плечами почти 45 лет хлеборобского стажа. Работать на земле, выращивать хлеб — это его призвание, наказ отца не изменять родному полю* (Истинный хлебороб // Куединский вестник. 2003. 1 авг. с. Куеда).

Цементирующим фактором формирования сообщества «своих» («наших»), от имени которого и для которого издается районная газета, оказывается сам факт принадлежности к месту, локусу. Журналисты районных газет подают себя как представителей ин-

* Здесь и далее все выделения в используемом текстовом материале сделаны автором статьи. — Э. Ч.

тересов этого сообщества. Нельзя не отметить, что конструирование концепта «свой» прежде всего по признаку связи с родным местом имеет глубокую культурную традицию; дискурс районной прессы в этом, конечно, не оригинален. Не обращаясь к истории самой традиции, отметим ближайшие параллели — с советским временем. Ценностный концепт «малой родины» — ключевой в творчестве так называемых писателей-деревенщиков. Сходный концепт, например, присутствует в поэзии В. Высоцкого: «*Нашим, своим персонажи Высоцкого считают дом, двор, где тебя принимают таким, какой ты есть, где нет жесткой социальной иерархии*» [Купина, Муратова 2003: 314]. В этой традиции важен признак толерантного отношения к «своим».

Земляки, коренные жители, местные — вот типичные обозначения «своих» в журналистских текстах. То, что человек родился в этих местах, — факт, который специально подчеркивается. Это, пожалуй, самый яркий знак принадлежности к «своим»: *Сенокос — пора горячая... Мы побывали в двух хозяйствах района, где дела идут лучше других... «Быстро закончили, хотя сначала все дожди мешали», — порадовался за своих земляков Николай Мазунин, водитель УАЗика и наш добровольный гид. К слову сказать, человек он местный, в колхозе — без малого 20 лет (Когда день год кормит // Осинское Прикамье. 2003. 15 июля); ...Николай Паршин — известная в нашем городе личность. Он один из ведущих актеров Народного театра драмы... Николай — коренной добрянец. Его детство прошло в том микрорайоне города, который раньше назывался Захолщевка (Счастливые совпадения // Камские зори. 2003. 25 авг. г. Добрянка).*

Принадлежность к местному сообществу, которая уже сама по себе выступает как положительная характеристика любого персонажа журналистского текста, часто означает одновременно наличие других положительных качеств: *Славится наше село хорошими людьми, с душой относящимися к своей работе. Среди них по праву можно назвать Н. Ф. Алтышеву — лаборанта районной больницы. Более 25 лет трудится она в коллективе медиков (Делает свое дело с душой // Искра Прикамья. 2003. 22 июля. с. Елово); «Счастливые семьи живут в Печмени», — утверждает директор Печменского ЦСДК Зулейха Байрамова (Счастливые семьи живут в Печмени // Рассвет. 2001. 14 июня. с. Барда).*

Примечательно, что положительные качества, присущие «сво-

им», не исчезают, даже если люди оказываются вдали от родных мест. Так, заметка под названием «Наши и в Карелии лучшие» (Искра. 2003. 9 сент. г. Лысьва) сообщает, что ребята из местного детского дома отдыхали в детском лагере в Карелии и стали победителями туристического конкурса. Характерно смысловое расширение фразы, вынесенной в заголовок: его смысл связан с текстом, но вместе с тем усилен — превосходство «наших» выступает в качестве общего правила, которое лишь иллюстрируется еще одним фактом.

С гордостью газеты пишут о земляках, которые добились успеха, уехав из родных мест: *Взгляните в фотографию, уважаемые старожилы Елово. Узнаете? Это же Вера Шушканова, та самая активистка, комсомолка, спортсменка и просто красавица... Закончив школу в 1974 году, она вступила во «взрослую» жизнь с твердым намерением занять в ней достойное место. И вот, не прошло и 30 лет со дня выпуска, как Вера Александровна Лоскунина может сказать: цель достигнута. Председатель комитета по делам молодежи, культуры и спорта администрации Пермского района — место более чем достойное для уроженки самого маленького и бедного района области** (Двери клуба должны быть распахнуты для всех // Искра Прикамья. 2003. 28 авг.).

Важнейшей дискурсивной практикой конструирования смыслов «своего», «нашего» в синтаксическом аспекте является нарратив: о «своем» можно рассказать в виде истории, чаще всего — истории жизни одного из земляков. Для знакомства с биографией героя обычно используются жанры портретной зарисовки или заметки, а также письма читателей. Такие тексты строятся по одной схеме: с разной степенью детализации описывается биография героя от рождения до сегодняшнего дня, причем отбираются только те эпизоды, которые характеризуют персонажа положительно: *Трудную и в то же время интересную жизнь прожил наш отец. Родился он в очень бедной семье. Закончив несколько классов школы, совсем юным вынужден был идти на работу в колхоз. Он рано потерял отца, мать воспитывала одна большую семью. Жили, можно сказать, в нищете, с малолетства дети познали тяжелый крестьянский труд, в том числе и папа. <...> Хочется еще сказать, что мы любим нашего дорогого папу за его строгость, честность, тру-*

* Здесь и далее стилистические и иные ошибки и недочеты в газетных текстах не исправляются и не комментируются.

долгобие и справедливость. И по сей день он хочет, чтобы этими чертами обладали и мы. (Мы рядом с тобой, папа! // Верный путь. 2003. 12 сент. с. Орда)

Часто акцент делается не на биографическом повествовании, а на описании ценностных характеристик героя в настоящий момент, но за сегодняшними достижениями легко угадывается его жизненный путь: *Счастливая супружеская пара, прожившая в любви и согласии долгую жизнь, вызывает чувство восхищения и уважения. Таковы и наши юбиляры. Василий Семенович — хозяин в доме, мастер на все руки, знает технику. Их дом — один из лучших в селе и все здесь сделано его руками. Это скромный, трудолюбивый, надежный человек. А у хорошего мужика и жена хорошая. Мария Андреевна — уважаемая в селе женщина, всегда приветлива, внимательна, тактична. Это грамотный, ответственный специалист на своем рабочем месте. А еще Мария Андреевна жизнерадостная и веселая, заводила компании, певунья. Василий Семенович и Мария Андреевна — хорошие родители. У них трое детей. <...> В гостеприимном доме супругов Сосниных любят бывать родные и друзья (Серебряная свадьба // Сыпленские зори. 2003. 22 авг. с. Кишерт).*

Отбор культурно-ценностных характеристик одобряется «своим кругом»: личная скромность супругов, наличие семьи и детей, положительная производственная характеристика (*грамотный специалист*). Таким образом выстраивается жизнеописание, которое может служить образцом, достойным подражания. Часто этот смысл непосредственно эксплицирован в тексте. Вот как завершается рассказ о мужчине, который, несмотря на слабое здоровье, является хорошим работником и примерным семьянином: *В нашей действительности сколько абсолютно здоровых мужчин, с образованием, профессией, а не могут найти свое место, предназначение. Я бы привела им в пример Мухамметгали Мухамматнуровича (Мужчина познается в труде // Рассвет. 2003. 13 авг. с. Барда).*

Из сюжетов-биографий легко выделяются ключевые характеристики членов локального сообщества, детали биографии, типичные для «своих». Критерием включения в «свою» группу являются не только место рождения, проживание на данной территории, но и образ жизни. Очень важны повседневные культурные практики, которые стандартно отражаются в практиках речевых, дискурсивных.

Семантика «чужого» обычно вводится на фоне противопостав-

ления «своему», при этом со смыслом «свой» чаще всего сопрягается положительная оценочность, а негативно-оценочные, интолерантные высказывания относятся к тому, что воспринимается как «чужое», «не наше». Рассмотрим ключевое противопоставление, конструирующее границу «своего» и «чужого». Все остальные ценностные предпочтения и контрасты традиционно «пропускаются» через эту оппозицию.

Противопоставление «деревня — город» в районных газетах выступает как константная социально-культурная оппозиция. Так, уроженка с. Елово Вера Лоскунина (Шушканова) рассказывает о себе в интервью: *С успехом сдала экзамены в культпросветучилище на хореографическое отделение. Но учиться не стала — не смогла преодолеть отворачивания к городской жизни* (Двери клуба должны быть распахнуты для всех // Искра Прикамья. 2003. 28 авг.). Примечательно, что эта женщина давно живет в Перми, но ни она сама, ни журналист не видят противоречия между этим фактом и привычной, хочется сказать автоматической, практикой говорения о городе в негативном смысле. В целом в районной прессе город наделяется оценочно неоднозначными характеристиками: жить там легче, но одобряемые «своим кругом» традиции и духовные качества человека приписываются жителям деревенским: *Рожают как раз больше в деревнях. Горожанам и одного чада в семье много кажется. Наверное, боятся, что ребенок их объест. И периферия, как водится, снова отдувается за всю Русь-матушку* (Рожать не от кого и некому // Сылвенские зори. 2003. 29 авг.); *Об уровне культуры тоже можно спорить и спорить. Горожане, хотя и посмеиваются над «сельскими диалектами», а сами в большинстве тоже говорят «ложить» вместо «класть» и «заплотишь» вместо «заплатишь». В музеи, театры и картинные галереи родного города местные ходят преимущественно в составе школьных экскурсий; после окончания школы вряд ли вам удастся застать их в очагах духовного наследия. <...> Познакомится девчонка с парнем из города — и... начинает рассказывать подругам: «Он такой классный! У него квартира в центре». Вот вы мне объясните, как девушки умудряются связать одно с другим: «классность» и «квартиру»? ...Если исходить из женской психологии, то в деревне, конечно, сплошь живут «неклассные» и «неприкольные» парни. Огород семь соток, и живет с родителями в доме без удобств* (Городские парни лучше, чем сельские? // Сылвенские зори. 2003. 8 авг.).

Любовь к труду, необходимость постоянно трудиться служат в районной прессе ключевой характеристикой образа жизни местных жителей. Так, в зарисовке «Работой жила всю жизнь» заголовок отражает главную мысль, которая неоднократно повторяется в тексте: *Всю свою трудовую жизнь она отдала детям. ...Если можно сравнить педколлектив с бушующей лавиной, то она навсегда захлестнула эту женщину.* <...> *Трудовая жизнь позади. Все ли сделано правильно? Нет, не жалеет юбиляр, что выбрала учительскую профессию, что работой жила всю жизнь, забывая порой о домашних делах. Ее уважают односельчане, любят и ценят коллеги. Она стала мастером своего дела, получила высокое звание «Отличник народного просвещения». Бесспорно, эта прекрасная женщина — счастливый человек. Да будет вечно так!* (Работой жила всю жизнь // Искра Прикамья. 2003. 26 авг.). Здесь снова рассказана история жизни, которая представлена как образец на все времена.

Соответственно, **праздность, развлечения** получают, как правило, негативную оценку: *Молодежь предоставлена сама себе. И в основном это подростки. Более взрослым сейчас некогда развлекаться, они заняты на сельхозработах. А подростки — это как раз та категория людей, которые очень склонны к различным соблазнам. Они собираются группами, выпивают, курят... Так и до преступления недалеко (Хочу на летнюю дискотеку // Искра Прикамья. 2003. 22 июля).* Ничего неделание как путь к преступлению — стандартный дискурсивный (сюжетный) ход, используемый во многих публикациях, нередко в речевом жанре предположения (еще ничего не случилось), как в данном случае. О потенциальной опасности развлечений говорится и в следующем письме читателя: *Поменьше бы в нашем городе открывали ночных баров. Ведь молодые люди только туда и стремятся провести время. А там, как известно, пиво, вино, возможно, и наркотики... Кто в дальнейшем получится из нашей молодежи? Полноценный гражданин России? Нет, конечно! Идет борьба со СПИДом, а мы сами, взрослые, толкаем молодое поколение к этим «увлечениям». Думать и жить надо не вчерашним днем, а будущим. Если мы сейчас не примем конкретных мер, то потом будет поздно, и мы пожалеем об этом. В жизни многое, да почти все, зависит от здоровья людей, а здоровье — наше богатство* (Работать для блага людей // Маяк Приуралья. 2003. 2 сент. г. Чернушка). В этом тексте объекты интолерантного отношения к праздному образу жизни смещаются,

«скользят»: автор предлагает закрыть ночные бары, потому что молодые люди туда стремятся за развлечениями. Молодежь рассматривается как инфантильная группа, о которой должны позаботиться (закрыть бары) *мы, взрослые*. Место отдыха и развлечений рассматривается как вредное, опасное: опасность в связи с употреблением пива и вина «логично» увязывается с наркотиками и СПИДом. **Развлечения** — то, что мешает воспитать *полноценного гражданина России*. Правда, забота о воспитании граждан затем «соскальзывает» на уровень заботы о здоровье людей, хотя и здоровье провозглашается не личным, а общим *нашим богатством*.

Постоянство — еще одна ключевая культурная ценность, получающая речевую разработку в текстах районной прессы, причем это касается не только жизни в родных местах, но и работы на одном предприятии, на одном рабочем месте: *Заглянула на завод из чистого любопытства, да вот уже более двух десятков лет отсюда никуда. Завидное постоянство!* (Жила-была Любушка // Искра Прикамья. 2003. 7 авг.). Стандартный прием акцентирования этой важной характеристики жизни персонажа — деталь: указание на единственную запись в трудовой книжке: *В ее трудовой книжке только одна запись — воспитатель и учитель. 31 год встречала и провожала Анфиса Петровна самых юных школьников* (Звезд с неба не хватала, а просто работала // Искра Прикамья. 2003. 6 сент.). Ср. также заголовок *«Восемнадцать лет за прилавком»* (Искра Прикамья. 2003. 19 июля).

Следовательно, **непостоянство** — беда или грех, оно оценивается резко негативно не только в плане потери стабильного заработка, но и как путь к асоциальному образу жизни, к преступлению: *Многие трудоспособные граждане сегодня заняты случайными заработками. Не исключено, что некоторые из них в недалеком будущем станут не только правонарушителями, но и преступниками* (Дело всех граждан // Куединский вестник. 2003. 19 авг.). Здесь снова присутствует в свернутом виде нарративная схема: утрата ключевой для сообщества ценности — начало пути к преступлению, то есть к вытеснению за границы «своего круга».

Мобильность как социальная ценность осмысливается критически и отвергается: *С чьей-то легкой руки в ход пошла легенда-вездеход о том, что человек каждые пять лет должен кардинально менять род своей деятельности*. Большинство собеседников сходится в том, что эти слова — обыкновенная «отмазка», неуклю-

жая попытка оправдать государство, которое не может обеспечить стабильную жизнь для своих граждан... Задумайтесь, на что была бы похожа наша жизнь, если бы все, как один, воспользовавшись таким советом, с пятилетней цикличностью начали болтаться, как цветы в проруби. Ничего не было бы (Вверх по лестнице, ведущей вниз // Огни Камы. 2002. 29 июня. г. Чайковский). Автор полемически заостряет противопоставление **мобильности и постоянства** (если бы все, как один, начали болтаться), тем самым отрицая какую бы то ни было ценность мобильности.

Любовь к родным местам, к «своему» не предполагает приукрашивания условий сельской жизни. Напротив, *рассказывая о хорошем человеке* (так называется популярная рубрика в газете «Искра Прикамья»), районная пресса подчеркивает, что у такого человека **трудная жизнь**: *Как и у большинства сельских подростков, у Нагимзяна было трудное детство. «Еще босиком бегал по деревенским улицам, а приходилось уже колхозный скот пасти», — вспоминает он* (Участник, труженик, ветеран... // Верный путь. 2003. 17 сент.); *После одиннадцатилетки решила сразу пойти на работу, т. к. знала, что семья не в состоянии помочь учиться дальше* (Работой жила всю жизнь // Искра Прикамья. 2003. 26 авг.); *Трудную и в то же время интересную жизнь прожил наш отец. Родился он в очень бедной семье. Закончив несколько классов школы, совсем юным вынужден был идти на работу в колхоз. Он рано потерял отца, мать воспитывала одна большую семью. Жили, можно сказать, в нищете, с малолетства дети познали тяжелый крестьянский труд, в том числе и папа* (Мы рядом с тобой, папа! // Верный путь. 2003. 12 сент.).

Трудности относятся не только к прошлому персонажей (абсолютное большинство героев газетных полос — люди немолодые). Социальные проблемы села, **бедность** его жителей сегодня — постоянная тема публикаций: *Несмотря на нищенскую жизнь, они (жители нескольких деревень. — Э. Ч.) смогли выделить из своего бюджета кто по сто, кто по двести рублей на храм* (Всем миром // Куединский вестник. 2003. 2 сент.); *Практически семья живет благодаря личному подворью. Но материальное благополучие для хозяйки дома — не главное. Она не требовательна к нарядам. Уже не помнит, когда покупала что-то для себя. Если появится копейка-другая, стараются супруги одеть подрастающих сыновей. Хотя порой бывают моменты, когда так хочется почувствовать себя*

настоящей женщиной, одеть красивый костюм, платье — накатывают грусть и отчаяние, какая-то безысходность. Но не такой человек Татьяна, чтобы долго предаваться ханде и унынию. <...> За ее неугомонный характер, ответственность, активную жизненную позицию местная администрация поручила ей выполнять обязанности старосты (Есть женщины в сельских глубинках... // Искра Прикамья. 2002. 26 окт.). Приведенные иллюстрации показательны: в рассказывании «своего» фиксируется не столько сама бедность, сколько умение стойко ее претерпевать, жизнеутверждающий взгляд на мир, сохранение нравственных ориентиров (забота о детях, о восстановлении храмов). Противостояние бедности выступает как моральная ценность, присущая «своим».

Материальный достаток становится маркером «чужого», в том числе часто увязывается с нравственно отвергаемыми качествами: *Те, кто сейчас и молод и богат, шарахаются от одной мысли пополнения своей семьи. Кто-нибудь видел многодетного денежного магната? Или миллиардершу — мать-героиню? Правильно, таких нет* (Рожать не от кого и некому // Сылвенские зори. 29 авг. 2003); *Дети чужие не в своем дворе — а в своей квартире. Родители променяли их на мебель. Мало того, что решетки на окнах и двери железные повесили, так еще и шторы двойные, не пропускающие воздух и свет. Родители сильно любят барахло, а для детей не оно нужно. <...> Матери не приучают к труду девочек, отцы — мальчиков. Почти у всех сады и машины, но детей они туда не возят, чтоб не мешали* (Мы все недодаем чего-то детям // Искра. 2003. 6 сент.).

Одобряется жизнь сообща, когда **индивид прежде всего член сообщества**. Об этом — заголовок письма от читателя: *«Как мало мне надо, как надо немного, жила бы деревня моя»* (Куединский вестник. 2003. 1 авг.). «Как все» — характеристика, безусловно положительная для героев районной прессы: Как и у большинства сельских подростков, у Нагимзяна было трудное детство (Участник, труженик, ветеран... // Верный путь. 2003. 17 сент.); *А дома, как у всех, своя семья. Им тоже нужны забота и ласка мамы-учительницы* («Звезд с неба не хватала, а просто работала» // Искра Прикамья. 2003. 6 сент.). В последней иллюстрации вынесенные в заголовок, сильную позицию текста, слова героини зарисовки *Звезд с неба не хватала, а просто работала* подчеркивают то же единство с односельчанами. Показательно переосмысление фра-

зеологизма: снят отрицательно-оценочный смысл 'не отличаться выдающимися способностями, дарованием, умом и т. п.; не совершать что-либо выдающееся, из ряда вон выходящее' (Фразеологический словарь 1986: 504), таким образом усилена положительная характеристика для человека, входящего в число «своих». Эту черту общества, устроенного по типу семьи, отмечает Ханна Арендт: «...общество...точно так же, как прежде сфера... семьи, исключает действие в смысле свободного поступка. Его место занимает поведение, которое... ожидается от всех его (общества) членов и для которого оно (общество) предписывает бесчисленные правила, все сводящиеся к тому, чтобы социально нормировать индивидов, сделать их социальными и воспрепятствовать спонтанному действию, равно как выдающимся достижениям. <...> Семейственно-своейское окружение людей, принадлежащих к нашим, не только никогда не смогло бы убедительно подтвердить превосходство, но оказалось бы прямо-таки подорвано стремлением выделиться из всех» [Арендт 2000: 54; 64].

Личная самостоятельность, индивидуализм получают устойчивую негативную оценку: *Думая каждый только о себе, что мы сделаем для того клочка суши, который все еще называется нашей Родиной? Не стоит кивать на Запад и повторять все выдумки о нем, которыми нас потчуют уже 15 лет. Он удержался на плаву во многом благодаря нашей безграмотности и глупости... Жаль, что мы вовремя не вспомнили Льва Толстого: «В нашей студенной стране можно выжить только сообща»* (Вверх по лестнице, ведущей вниз // Огни Камы. 2002. 29 июня).

Сохранение традиционного уклада жизни также можно рассматривать как ценность, которую отстаивает районная пресса. *«Село — это не просто населенный пункт, село — это образ жизни, и рыночная экономика здесь не совсем приемлема»* — под таким заголовком вышло интервью с депутатом Государственной думы РФ Ю. Г. Медведевым (Сылвенские зори. 2003. 22 авг.). Интервью с этим политиком публиковались во всех районных газетах в связи с выборами в Государственную думу в декабре 2003 г. Ю. Г. Медведев претендовал в своих выступлениях на роль выразителя интересов жителей сельскохозяйственных районов Пермской области. Эта стратегия характеризует все выступления политика. В анализируемом тексте уже на уровне заголовка подчеркнута культурная обособленность, уникальность села. Этот

смысл является ключевым для текста в целом: *Не секрет, что ситуация в сельском хозяйстве России критическая. Люди буквально бегут из села в город в поисках лучшей жизни. <...> И такая ситуация складывается не столько из-за неэффективной работы сельскохозяйственных производителей, сколько из-за экономических условий. Мы очень долго тешили себя надеждой, что такое понятие, как рыночная экономика, приживется и даст свои положительные плоды. Но слишком поздно поняли, что село — это... образ жизни, и рыночная экономика здесь не совсем приемлема. ...Крестьянин работает в поте лица, а «сливки снимает» не он. Разве это справедливо? ...Мы работаем над тем, чтобы больше оставалось производителю, а не переработчику. В настоящее время введены квоты на поставку мяса из-за рубежа. Российский крестьянин мог бы заполнить образовавшуюся нишу. Но переработчик поднимает цену и тем самым снижает покупательскую способность населения!* В этой публикации образ жизни села рассматривается Ю. Г. Медведевым прежде всего в экономическом аспекте, однако здесь сохраняется структура универсального противопоставления «своих» и «чужих»: села и города.

Реформы, социальные перемены (даже те, которые облегчают жизнь, например развитие сферы обслуживания) нередко получают в районных газетах негативную оценку: *Вся страна превратилась в один гигантский уездный город N, большинство граждан которого занимаются одним-единственным делом: куплей-продажей. Причем количество продавцов давно превысило количество покупателей. ...Это пока у россиян еще есть кое-какие деньги, обслуге есть кого обслуживать, но без материального производства все быстренько накроется крышкой. <...> Все вышеизложенное отнюдь не означает, что коммерческая деятельность должна быть предана анафеме. Другое дело, что в силу непонятной (или напротив — совершенно понятной) государственной политики это дело, как болото, засасывает людей, еще недавно создававших материальные, интеллектуальные и духовные ценности. Скоро останутся одни бизнесмены и бизнесвумены. А вдруг наш лучший друг — Запад, под предлогом антитеррористической операции в Афганистане уже расположивший свои военные части и подразделения на наших границах, захочет перекрыть нам кислород? (Вверх по лестнице, ведущей вниз // Огни Камы. 2002. 29 июня).* Приведем еще одну иллюстрацию — из текста с показательным заголовком

«Киоски и магазины наступают на интересы жителей»: *Еще свежа в памяти история, когда жители многоквартирных домов по улицам Бианки, Богомякова общими усилиями дружно отстаивали право дышать чистым воздухом: выступили на страницах газеты против строительства во дворе своих домов автостоянки с магазином. И проблема имела для граждан положительный результат — антинародное постановление об отводе земли под стоянку отменили.* <...> *В конце концов надо думать не только о прибыли* (Киоски и магазины наступают на интересы жителей // Осинское Прикамье. 2003. 16 авг.).

Надо отметить, однако, что тексты политико-экономической тематики часто демонстрируют размытость границы «своего — чужого» в отношении социальных перемен, они менее однородны в оценочном плане, чем рассказы о людях: *Предприниматели у народа вызывают чаще негативную реакцию, типа, наживаются на нас и т. д. Но со временем отношение меняется в лучшую сторону, ведь предприниматели, например, помимо всего прочего, создают рабочие места* (Все бизнес-леди стригутся в «Миледи» // Маяк Приуралья. 2003. 28 июня).

В целом любовь к «своему» легко сопрягается как с дискурсом, поддерживающим власть (нынешние районные газеты находятся в сильнейшей зависимости от дотаций со стороны местных властей), так и с критикой властей всех уровней. В этом смысле говорить об идеологическом, политическом единстве сегодняшней районной прессы не приходится. Правила говорения, то есть дискурсивные практики манифестирования «своего», очень эластичны в плане сопряжения с самыми разными идеологическими воззрениями. Это именно правила говорения, по большей части не зависящие от политических симпатий и антипатий.

Отсутствие четкой границы между «своим» и «чужим» присуще текстам разной тематики. Деление персонажей текста на противопоставленные друг другу группы «своих» и «чужих» не всегда осуществляется по одному признаку, иногда смешиваются разные основания выделения той группы, к которой выражено интолерантное отношение: *День ото дня хуже и хуже живет глубинка. Детсады где закрывают, где урезают по штату и расходам на содержание до минимума. То же самое происходит со школами, библиотеками, почтовыми отделениями. На последнем издыхании держатся СХПК. Получается, что образование у нас нынче в заго-*

не, культура тоже не в чести, без малого не поставлен крест на сельском хозяйстве, и подошла очередь здравоохранения? Того, оговорюсь, здравоохранения, которое для крестьянина — опоры земли русской... Престижные, суперсовременные городские клиники ему не по карману — там лечатся те, кого еще совсем недавно называли всего лишь «слугами народа», а сегодня зовут «господами». Те, кто тяжелее авторучки, микрофона или мобильного в руки не берет, а зарплату получает не в пример более солидную. И регулярно. Маленький ФАП с гнилым полом, замерзшие ампулы с дорогими лекарствами, ощутимо бьющие по без того скудным доходам — такое «слугам народа» разве что в страшном сне может присниться! (Даже полы сгнили // Светлый путь. 2003. 7 сент. с. Большая Соснова). В этом тексте мы можем вычленить следующие противопоставления: жители глубинки — жители города (или столицы, центра); крестьяне — опора земли русской — «слуги народа» (депутаты, представители власти); господа — простые люди (принимающие эту этикетную форму обращения как социальный ярлык, исключаяющие себя из круга тех, кто «эксплуатирует чужой труд»); получающие скудные доходы — имеющие солидный заработок, и т. д. Центральным, очевидно, является противопоставление «крестьян» (жителей «глубинки») всем «другим», живущим в лучших условиях, получающим более высокие доходы и имеющим качественное медицинское обслуживание. Таким образом, группа-объект интолерантного отношения представляет собой некоторое множество с неопределенными границами; «другие», составляющие это множество, включены в него по разным основаниям.

Размытость границ концепта «свой» демонстрирует следующая иллюстрация: *С 1994 года работает почтальоном в д. Норочье Крюковской сельской администрации Татьяна Александровна Трубина. Встреча с этой женщиной произвела на меня неизгладимое впечатление. Прежде всего, мне было интересно, как такая интересная женщина попала в самую настоящую сельскую глубинку? <...> Вроде бы не коренной житель эта женщина, но до глубины души переживает она за экономический спад сельскохозяйственного производства, отрицательно относится к расхитителям народного добра, пьяницам, тунеядцам (Есть женщины в сельских глубинках... // Искра Прикамья. 2002. 26 окт.).*

Итак, анализ следов дискурсивных практик в текстах показывает, что оппозиция «свой — чужой» конкретизируется через ряд

значимых культурных противопоставлений (экономических, идеологических, этических, эстетических) и имеет специфическую семантику. Локальное сообщество — такое, каким оно предстает в районной прессе, не является прозрачным и рационально организованным: «свое» выступает скорее как этическая и эстетическая категория (объект любви и гордости, нравственный образец). В текстах многократно подчеркивается тяжесть сельского труда, низкие доходы, тяжелые бытовые условия сельчан. «Свое» сообщество ценно и любимо именно вопреки этим рационально негативным характеристикам, оно привлекает своей возвышенной, нематериальной красотой. В нем есть обостренное чувство причастности к коллективному общему, которое остается объектом бескорыстной любви.

В практиках конструирования оппозиции «свой — чужой» обращает на себя внимание штампованный язык с обилием идеологем советского времени. Вот еще один пример: *Живет в нашем селе Урталга Виктор Анисимович Доронин. Есть у него хорошая черта, которая красит любого человека, — это трудолюбие. Когда встречаешься с такими людьми, как Виктор, невольно думаешь: без них, без рядовых тружеников, заглохла б нива жизни. Они не думают о подвигах и о мужестве, а просто работают на совесть, растят детей. В этом смысл их жизни. Всю свою жизнь трудится В. А. Доронин в СПК им. Чапаева. За плечами почти 45 лет хлеборобского стажа. Работать на земле, выращивать хлеб — это его призвание, наказ отца не изменять родному полю* (Истинный хлебороб // Куединский вестник. 2002. 1 авг.).

На наш взгляд, обилие штампов объясняется не только стилистической неграмотностью журналистов или отсутствием языкового вкуса. Воспроизводство культурной традиции таким способом — в языке — оказывается важнее инновации, представляется не недостатком, а достоинством с точки зрения сохранения и воспроизведения культурного образца. С другой стороны, речевые штампы советского времени могут оказаться коммуникативным препятствием для восприятия ключевых текстовых смыслов молодыми читателями, которые мало знакомы с текстами советского времени, не находятся в плену идеологических стереотипов.

В синтагматическом аспекте, как уже было отмечено, семантика «своего» обычно развертывается через нарратив-жизнеописание, а также с помощью контраста, антитезы «своего» (положи-

тельного) — «чужого» (негативного). Не только стилистическая, но и структурная устойчивость историй, канонических жизнеописаний, которыми заполнены уже много десятилетий российские районные газеты, как кажется, свидетельствует о важности выполняемой ими функции: формировать коллективные нарративные ожидания по поводу «своих», «своего», транслировать культурные образцы поведения, ведь принадлежность к культуре определенного сообщества определяется и знанием его типичных историй. Предсказуемость сюжетных элементов и их последовательности — устойчивый дискурсивный конструкт, культурный образец (поведенческий и речевой).

В аспекте прагматики важной функцией конструируемой оппозиции, на наш взгляд, является следующая: данные дискурсивные практики предоставляют адресату этих изданий готовый механизм самоидентификации, притом что эта самоидентификация в годы реформ и динамичных изменений социальной жизни затруднена. В этом смысле особенно важно то, что в районной прессе слышен язык, «голос» тех групп, которые мало представлены в других СМИ (или не представлены совсем).

Что касается ресурса толерантности рассмотренных дискурсивных практик, по нашему мнению, имеет значение то обстоятельство, что в анализируемых изданиях актуальна идея переживания, «обращения к чувствам» в оценке социальной реальности, когда жизненный уклад, образ жизни оценивается не только по рациональным критериям, в том числе вне критерия экономической эффективности или целесообразности. Такая позиция обращена к эстетическим и этическим культурным традициям советской глубинки. Этически и эстетически ориентированное сознание, по мнению философа Вольфганга Велша, предполагает чувствительность к различиям [Welsch 1996]. Актуальность оппозиции «свой — чужой», в том числе по эстетическим основаниям, открывает две перспективы в плане развития толерантного сознания. Сосредоточенность на специфичности, уникальности «своего» может рождать слепоту к «другому», отсутствие установки на культурный диалог с «иным». Но эта же «чувствительность к различиям» может стать реальной основой терпимости, когда рождается уважение к «иному», интерес к отличному, к различию как таковому. Практика районной прессы показывает, что в ней находят отражение названные тенденции.

А. В. Олянич

**Драматургия политического
и военно-политического конфликта
в массово-информационном дискурсе
(стратегии презентации «своих» и «чужих»)**

В семиотическом аспекте моделирование Мира представляет собой «произвольную метафорическую экстраполяцию первичного терминологического языка описания некоторого мира, т. е. некоторой определенной части или предметной области Мира, на некоторый другой мир, т. е. на некоторую другую определенную часть или предметную область Мира, и далее — на все другие миры, т. е. на все другие определенные части или предметные области Мира, и на весь Мир как на тотальную совокупность всех миров, что является произвольной же глобализацией данного языка описания его пользователем» [Максапетян 2001:2]. Такая произвольная экстраполяция и последующая глобализация языка описания означает не что иное, как спекулятивное индуцирование и проецирование пользователем данного языка истинных и действительных только для определенного мира признаков и принципов (включая его свойства, структуру, принцип организации, конфигурацию объектов, функции элементов и т. д.) на некоторый другой мир или на все миры, т. е. тем самым — на весь Мир, как признаков и принципов истинных и действительных всего Мира, как для тотальной совокупности всех миров, и в качестве неких всеобщих онтологических признаков и абсолютных метафизических принципов, из которых уже вторичным порядком дедуцируются или выводятся, как его частные следствия и проявления, положения дел или вещей в разных определенных мирах. При этом данный

определенный мир, первичный терминологический язык описания которого используется для описания другого мира, или других миров, или всех миров и всего Мира, становится естественной моделью Мира (естественной, потому что моделями здесь служат реально существующие, наличные, актуальные миры, а не искусственно сконструированные, идеальные, виртуальные миры), а сам данный определенный язык описания, в терминах и категориях которого интерпретируется содержание другого мира, или других миров, или всех миров и всего Мира, становится моделирующим языком, и, наконец, сам пользователь данного определенного языка описания становится носителем соответствующей модели Мира.

Как это ни прискорбно, но сегодняшние лингвокультуры существуют в рамках когнитивно освоенной дуалистической милитаристской модели бытия: пребывание в постоянной борьбе, противопоставленной кратковременному мирному (невоенному, неконфликтному) состоянию, активизирует такую потребность человека, как стремление обладать ценностями или их репрезентантами путем захвата и завоевания, что соответственно отражается как в собственно захватнической интенции, так и в интенции отобразить ее языковыми средствами. Так мир отражается языком человека-воина, и соответственно даже сугубо «гражданская» — «цивильная» концептосфера приобретает милитаристский характер и становится дуалистически оппозиционной, разделяя бытие на свое / чужое, а коммуникантов внутри всеобщего бытия на «своих» и «чужих». Воистину, до сих пор актуально высказывание Марка Аврелия — *Vivere militare est* («Жить — значит воевать»)!

Нам представляется, что справедлива точка зрения А. Г. Максапетяна по поводу того, что «военный язык, как ключевой моделирующий язык для воинов, изначальными пользователями которого они являются (язык воина), и дуально-антагонистическая милитаристская модель как базовая модель Мира для воинов, изначальными носителями которой они являются (модель воина), во многом обуславливают как преимущественную или приоритетную жизненную идеологию и стратегию воина в целом, т. е. соответствующий тип мышления и поведения вообще, так и уже вполне реальное поведение воина в иных, невоенных, ситуациях, вплоть до практического применения собственного военного опыта в других мирах, в том числе — в сфере межчеловеческих отношений...» [Максапетян 2001:19]. Иными словами, военный смотрит

на мир глазами военного и номинирует мир милитаристскими языковыми средствами, экстраполируя свой специфический военный дискурс на дискурс общечеловеческий, внося дух борьбы в жизнь и в общение, вовлекая в коммуникацию концепт *войны*.

Концепт *война* является одним из важнейших элементов лингвокультуры человечества именно в силу своей тотальной операбельности: конфликтность бытия предопределяет конфликтность коммуникации, поскольку человек реализует свои потребности за счет своего социального окружения, за счет среды обитания, и, соответственно, он вступает в конфликт со средой. Биологическое противостояние живых существ оборачивается противостоянием социальным в рамках оппозиции «свой — чужой», что немедленно сказывается на коммуникативном пространстве, создаваемом человеком. Так уж парадоксально устроено бытие, что даже потребность в мире реализуется через войну и соответственно отражается в «мирном» дискурсе — ср. например, такие метафорические фигуры, как *борьба за мир, трудовые битвы, битва за урожай, бороться за жизнь, бороться за демократию, трудовые подвиги, трудовые победы, борьба со стихией* и т. п.

Концепт *война* реализуется в эстетически структурированном лингвосемиотическом пространстве и имеет давнюю презентационную (эстетическую) историю. Так, Алексей Левинсон отмечает, что армейская среда «наиболее богата эстетически проработанными знаками с жестко закрепленными значениями» [Левинсон 1999]. Военная геральдика, знаки различия, знамена, ордена и др. предназначены внешним наблюдателям (считается, что противнику, но практически — «своим» штатским). Существует ряд относящихся к военному обиходу утилитарных, незнаковых предметов, которые тем не менее становятся знаками и символами. Немало таких символов пришло из прошлого, а в современности их дополнили силуэты знаменитых кораблей, популярные марки военных автомобилей и др. Отметим один из объектов с уникальной семиотической биографией — автомат Калашникова. Он был использован даже в качестве элемента герба одной из африканских стран. Известный своими характерными очертаниями сотням миллионов людей, он является не только меткой распространения «советского влияния», но и знаком массовой культуры для маркирования принадлежности к общностям и людям определенного склада.

Часть военных объектов относится к «интимно-военным», т. е. их не наблюдает ничей взгляд извне. Таковы технические устройства, документы, помещения и пр., специально охраняемые военной тайной. Но есть и не секретные объекты, которые тем не менее скрыты от посторонних. Таковы не только многие военные машины и приборы, но и детали обмундирования, предметы военного быта. Все они значимым образом отличаются от своих «штатских» аналогов (если таковые есть), и эта значимость адресована не штатским людям как таковым, а тому чувству, что осталось от штатской жизни в душах кадровых военных и проходящих срочную службу призывников.

Главной особенностью реализации концепта *война* в коммуникативном пространстве является виртуальный характер последней: война при общем негативном отношении к ней социума представляется самому социуму или его части необходимым средством приобретения мира, и сам человек претерпевает череду превращений — ролевых метаморфоз или трансформаций — в связи со своим участием в военном конфликте. Мирный крестьянин берется за вилы и становится воином, мирное население уходит в подполье и превращается в партизан, представитель мирного этноса (например, чеченец) становится боевиком или «воином Аллаха».

Подобной виртуализации подвергается и само отношение к войне: физическое устранение противника возможно только при возникновении «праведного гнева» масс, который необходимо на этого противника направить, чтобы одержать победу. Так формируется «реальная виртуальность» конфликтной коммуникации [Красных 1998], поддерживаемая особым образом конструируемыми дискурсами — *дискурсом политическим, дискурсом военно-политическим* — и отражаемая *дискурсом массово-информационным**. Виртуальность отношения к войне также возникает тогда,

* Массово-информационный дискурс по своей сути — это подготовленное, отредактированное, подлежащее цензуре и режиссуре общение, рассчитанное на зрелищный эффект. Будучи по природе своей явлением интегративным, он распадается на множество подтипов и жанров, стремительно меняющихся в новых типах коммуникативной среды — прежде всего в электронных средствах массовой информации (см.: [Косова 2001; Алещанова 2000]). Иногда такой дискурс именуется *масс-медийным*, или *дискурсом масс-медиа* [Желтухина 2003; Кочкин 2003]; последние два подхода не совсем корректны, поскольку так скорее следует именовать специфический дискурс журнализма как корпоративного способа общения.

когда она оценивается социумом с безопасного расстояния («этот кошмар происходит где-то далеко и не со мной»), именно в этом обстоятельстве коренится основная причина высокой степени эвфемизации военно-политического дискурса.

На наш взгляд, следует говорить именно о военно-политическом дискурсе применительно к социальной освоенности концепта *война*: некоторые исследователи* называют этот феномен военным дискурсом; однако так, по всей видимости, следует называть речевую коммуникацию военных как специалистов, пользующихся терминологическим милитаристским подязыком. В нашем исследовании военно-политический дискурс предлагается рассматривать как разновидность массово-информационного дискурса — когда военные предстают перед прессой с отчетом о военных действиях и вынужденно увязывают свои ответы на вопросы представителей средств масс-медиа с политическими интересами власти, распорядившейся применить военную силу по отношению к субъекту государственности (другой стране). Военно-политический дискурс предстает как комбинация терминологически насыщенной милитаристской речи и речи политической / политизированной / эвфемизированной, целью которой является политическое оправдание развязывания военного конфликта или начала военной операции.

Как было сказано выше, военно-политический эвфемизм составляет сегодня языковую основу такого дискурса: это касается любой лингвокультуры нашего времени. Сами военные действия именуются не иначе, как *кампания, операция, конфликт, зачистка* и т. п. Как отмечает Михаил Ходаренок, «можно смело говорить о внезапной языковой революции в Вооруженных силах СССР и России в середине 90-х гг. уже ушедшего в историю XX в. Из нашего военного лексикона как-то незаметно, понемногу ушли простые и ясные понятия — “рассечь”, “окружить”, “разгромить”, “истребить”, “принудить к безоговорочной капитуляции”. Взамен появились и пустили прочные корни обтекаемо-округлые “маниловские” словосочетания: “пресечение любого вооруженного насилия”, “прекращение войны на возможно более ранней стадии и восстановление справедливого и прочного мира”, “создание пред-

* См.: [Жуков 2001; Водак Р. 1997; Кара-Мурза 2002; Макаров 1998; Pietro 1982: 83–97; Anup 2003; Barsky 1997; Becton 1998].

посылок для урегулирования конфликта путем переговоров на приемлемых условиях”, “локализовать”, “нейтрализовать”, “стабилизировать” и, наконец, “вытеснить”» [Ходаренок 2003].

Важным свойством военно-политического дискурса (как и дискурса сугубо политического) является то, что он драматургичен по своей сути: театральность изначально присутствует в нем как основополагающий элемент феномена войны и всего ее лингвосомиотического пространства. Не случайна и показательна стертая метафора *театр военных действий*: всякая война имеет своих сценаристов и режиссеров (штаб), ведущих актеров (генералитет, офицерский состав), массовку (действующая армия, солдаты, матросы), реквизит (форма, оружие), службы обеспечения спектакля (изготовители вооружений, униформы, символов и артефактов противоборствующих сторон — знамен, знаков отличия), музыкальное сопровождение (военный оркестр), службы рекламы (военная пропаганда), театральных критиков (военные аналитики и военные корреспонденты) и даже заказчиков и спонсоров, в роли которых выступают государственная власть и сочувственно настроенный к ней бизнес. Аналогия с театром может быть усмотрена даже в наличии собственных средств освещения событий (ср. издания: «Театральная жизнь», «Театральное обозрение» — «Военное обозрение», «Soldiers of Fortune» и др.).

Иными словами, военный конфликт обретает культурную форму, которая закрепляется в сознании масс путем ее многократного и подробного трансформирования через средства масс-медиа. Как справедливо утверждает Г. Зверева, «идейное и риторическое позиционирование производителей массовой продукции, выбор ими тех или иных эстетических (выразительных) и риторических, вербальных и визуально-образных средств определяют способы конструирования *события, сюжета и повествования*» [Зверева].

Драматург масс-культурного продукта определяет событие («что-то случилось») как явление, которое может быть или стать «значимым» для общественного потребления. В соответствии с выбираемыми дискурсивными стратегиями событие получает от автора определенное имя, приобретает черты информационного высказывания и включается в сюжет и повествование, которые задаются жанром и рамками вербального или визуального произведения массовой культуры. В этой связи уместно привести следующее высказывание Ж. Бодриера: «Событие, о котором идет речь,

было столь минимальным, что могло бы вовсе не иметь места, но его воспроизведение на экране получило максимальный размах. Никто не переживал связанные с ним перипетии, но все получили его изображение. Оно сделалось чистым событием, существующим вне всяких естественных связей с окружающим, и его эквивалент вполне можно было бы представить в виде синтезированных изображений» [Бодрийер 2000: 118].

Селекция событий и выстраивание их в сюжет требуют от автора отбора эстетических средств, которые были бы доступны массовому восприятию. Они также требуют использования образов и словесных формул, легко опознаваемых потребителем выбрасываемой в массы информации. Процедура максимального упрощения или усреднения предполагает его соотнесение со стереотипами, с привычными оппозициями «свое — чужое». Процесс придания событию сюжетности включает в себя поименование персонажей, определение их иерархии в соответствии с ролевыми (словесными и поведенческими) характеристиками, соблюдение формульности образов и поступков персонажей. Важно, чтобы в сюжете присутствовали два протагониста — Герой и Злодей, а сам сюжет структурировался бы как их конфликт в виде драматической борьбы Добра и Зла с открытым финалом.

Как пишет Е. И. Шейгал, «содержание политической коммуникации на функциональном уровне можно свести к трем составляющим: формулировка и разъяснение политической позиции (ориентация), поиск и сплочение сторонников (интеграция), борьба с противником (агональность). Соответственно, в семиотическом пространстве политического дискурса будем разграничивать три типа знаков: знаки ориентации, интеграции и агональности.

Эта функциональная триада проецируется на базовую семиотическую оппозицию политического дискурса «свои — чужие»: ориентация есть не что иное, как идентификация агентов политики (кто есть кто? где свои и где чужие?), интеграция — сплочение «своих», агональность — борьба против «чужих» и за «своих» [Шейгал 2000: 121–122].

Оппозиция «свои — чужие» представляется культурной константой, одним из важнейших противопоставлений в жизни и устройстве общества, сохраняющих свое значение на протяжении веков (см.: [Степанов 1997]), наряду с другими концептуальными оппозициями, отражающими архетипные представления об устрой-

стве мира («мужской — женский», «старший — младший», «верх — низ», «жизнь — смерть», «свет — тьма» и др.) (см.: [Маслова 1997]).

Оппозиция «свои — чужие», или, по К. Шмитту, «друг — враг», определяет специфику политического, так же как оппозиция «добро — зло» является базовой для области морального, «прекрасное — безобразное» — для области эстетического, «полезное — вредное» или «рентабельное — нерентабельное» — для сферы экономического. «Смысл различения друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации <...> Не нужно, чтобы политический враг был морально зол, не нужно, чтобы он был эстетически безобразен, не должен он непременно оказаться хозяйственным конкурентом, а может быть, даже окажется и выгодно вести с ним дела. Он есть именно иной, чужой» [Шмитт 1992]).

Права Е. И. Шейгал [2000: 122], утверждая, что «любые ценностные противопоставления в политическом дискурсе будут являться вторичными по отношению к оппозиции “друг — враг”, производными от нее. Противопоставление “свои — чужие” в политическом дискурсе может эксплицироваться как оппозиция различных социокультурных ценностей: это может быть материальный и образовательный статус, этническая принадлежность и даже, в качестве политической метафоры, — состояние здоровья: *Борьба идет между здоровыми и больными. Здоровые — это все мы, законопослушные граждане России. А больные — это все преступники, независимо от того, чем они занимаются и где работают. Нам надо вырвать свое родное национальное искусство из рук растленных и больных*» (Возрождение. 1997. № 11). Это положение справедливо и в отношении к дискурсу военно-политическому.

Важным представляется еще один вывод вышеупомянутого исследователя: «в политическом дискурсе оппозиция “свои — чужие” реализуется как эксплицитно, при помощи специальных маркеров, так и имплицитно — в виде идеологической коннотации политических терминов, через тональность дискурса, его подчеркнутую этикетность или анти-этикетность, а также целенаправленный подбор положительной или отрицательной оценочной лексики. “Свои” часто маркируются возвышенной лексикой и торжественно-приподнятой тональностью, в то время как для указания на “чужих” используется сниженная лексика и презрительно-

саркастическая тональность (графическим эквивалентом которой являются кавычки)» [Шейгал 2000: 122].

Оппозиция «свой — чужие» концептуализируется в массово-информационном дискурсе при помощи четырех логико-когнитивных способов: идентификации как разграничения Добра и Зла в соответствии с представлениями идентифицирующего (*Ты был мне другом, но теперь ты враг мой*); атрибуции или сближения по свойствам (*враг, который имеет ряд отрицательных характеристик — друг, который имеет ряд положительных характеристик*); стереотипизации (*враг, потому что дружит с моим врагом; враг, потому что так выглядят все враги*); установления ассоциативных связей (*враг, потому что с Запада, а все на Западе — враги*) (см.: [Баженова, Лапчева 2003: 16–18]).

Важно отметить, что семиотическая оппозиция «свой — чужой» оказывается основой ролевой структуры как сугубо политического, так и военно-политического дискурса, т. е. она носит архетипный характер [Бакумова 2002: 37]. Конкретизацией данной оппозиции являются следующие коммуникативные роли: *друг, союзник, сторонник ↔ враг, оппонент, вредитель, предатель, шпион*. Являясь базовым для политической и военно-политической коммуникации, противопоставление «свой» («друг») ↔ «чужой» («враг») четко разделяет участников общения на полярные группы. Всякое объединение политиков, любой союз или партия, военная группировка или противоборствующий милитаристский клан ставят перед собой задачу выработать свою систему идентифицирующих признаков, которые бы позволяли отличать «своих» от «чужих». Обычно таким общим идентифицирующим дейктиком служит местоимение *мы*: оно указывает на сторонников той или иной политической ориентации; тогда как местоимение *они* соответственно будет ассоциироваться с противниками по политической арене (см.: [Водак 1997]. Г. Г. Почепцов полагает, что противопоставление «друг — враг» активизируется «в политике даже в совершенно спокойной обстановке. Парламент становится оппонентом Президента, партии раздают ярлыки направо и налево. Это не вызывает отторжения у населения, поскольку наличие врага делает политику гораздо более зрелищной и понятной» [Почепцов 2000: 495].

Весьма эффективным риторическим средством для завоевания симпатий масс является применение так называемых идентифика-

ционных формул, т. е. языковых оборотов, которые как бы приглашают слушателей или читателей идентифицировать себя с говорящим (пишущим), с группой, к которой он принадлежит, его партией (см.: [Михальская 1996]).

Таким образом, идентификация в сфере политической коммуникации может реализовываться посредством так называемого «мы-дискурса» (Р. Водак), который строится с использованием следующих языковых средств (см.: [Филинский 2001: 93–100]: личных и притяжательных местоимений (*мы, наш*); лексем со значением совместности (*вместе, единство*); названий партий и движений, которые эксплицитно или имплицитно выражают концепцию единения («*Отечество — Вся Россия*», «*Единство*», «*За Победу*»); собирательных лексем с компонентом совместности, выступающих в функции вокатива с коннотацией групповой (социальной) отнесенности (*друзья, товарищи, сограждане, соотечественники*), часто вместе с эмотивно заряженными прилагательными (*дорогие сограждане*); этнонимов (*россияне, москвичи*); топонимов (*Россия, Москва, Санкт-Петербург*); сравнительных оборотов со значением причастности (*я, как и вы*); грамматических форм непрямого императива со значением включения в сферу его действия говорящего (*Пожелаем друг другу тепла, счастья, любви*); специфических маркеров социальной (групповой) отнесенности (*пролетарский, коммунистический, демократический, либеральный*); безагенсных (*надо настоять, было сделано, требуется*) и псевдоагенсных конструкций (*обстановка требует, течение событий покажет, СМИ должны*), которые в свою очередь деперсонифицируют политического деятеля и соотносят его с некоей референтной группой.

Понятие идентификации в сфере политической коммуникации можно соотносить с феноменом солидаризации, который также направлен на интеграцию в рамках отдельных групп или объединений.

Идентификация и идентичность как ее следствие позволяют говорить о *дискурсе идентичности*, противопоставленном *дискурсу исключения*, или *дискурсу отчуждения* (discourse of exclusion, rhetoric of othering) [Буряковская 2000].

Понятие идентичности и дистанцирования от других социальных групп образуют устойчивую оппозицию, поскольку процесс поиска, обретения и выражения индивидуальной и социальной идентичности всегда оказывается также процессом отделения

себя от других. По сути, эти два процесса являются полюсом одной шкалы. Объектами языковой идентификации и дистанцирования в сфере политической и военно-политической коммуникации становятся прежде всего идеи, цели, ценности, а также социальные группы и отдельные личности. Субъектами актов идентификации / дистанцирования могут быть как лица, облеченные властью, так и определенные слои общества, народ [Sprache 1998].

По мнению целого ряда исследователей, идентификация и дистанцирование осуществляются в двух аспектах: убеждении адресата в обоснованности своего отношения к каким-либо идеям, целям, ценностям, личностям и группам; выработке у адресата нужной позиции в плане идентификации/дистанцирования с теми объектами, которые соответствуют преследуемым целям политической и военно-политической коммуникации.

Установление образа «своего» и дистанцирование его от образа «чужого» по завершении этого процесса требует следующего коммуникативного шага — выработки стратегий и тактик внедрения этих образов в массовое сознание.

Стратегия — понятие, заимствованное как раз из лексикона власти и военного лексикона*. Под стратегией понимается способ поведения человека в условиях некоторого конфликта, т. е. в условиях непосредственной недостижимости поставленных целей. Выбор стратегического пути решения проблемы предполагает создание игровой ситуации, которая характеризуется такими параметрами, как ограниченность в пространстве и времени, наличие конфликта и потенциальная возможность выигрыша. В политическом и военно-политическом дискурсах стратегии оказываются основой для формирования различных жанров (например, жанров президентских теледебатов или военных брифингов), превращая таким образом коммуникацию в ее особый вид — стратегическую коммуникацию (см.: [Иванова 2003]). В основе стратегической коммуникации лежат стратегии речевого воздействия.

Стратегия речевого воздействия представляет собой способ

* См. следующее определение стратегии: **Strategy**, art of employing all elements of a nation or nations to accomplish the objectives of a nation or an alliance in peace or war; also the art of military command in combat. Strategy involves the use and close integration of economic, political, cultural, social, moral, spiritual, and psychological power [Encarta® 98 Desk Encyclopedia © & © 1996-97 Microsoft Corporation].

оперирования информацией с целью изменения поведения объекта речевого воздействия (т. е. того, кто подвергается речевому воздействию) в направлении, планируемом субъектом речевого воздействия (т. е. тем, кто осуществляет речевое воздействие).

Стратегии, организующие речевое поведение в агональном диалоге, образуют определенную систему. Она представляет собой иерархию уровней, коррелирующую с темпоральной организацией диалога и его ролевой структурой. Первый (базовый) уровень этой иерархии соответствует интродуктивной или презентационной, второй — варьирующей, а третий — аддитивной стратегии. В структуре каждой из стратегий выделяется набор тактик, которые соотносятся со стратегией как варианты с инвариантом [Иванова 2003].

В данном исследовании будет рассмотрен только первый тип — интродуктивные (презентационные, драматургические) стратегии, поскольку война выступает прежде всего как феномен психолого-идеологический [Почепцов 2000; 2001]. Борьба сознаний и борьба за овладение чужим сознанием с целью доминирования и получения преимущества в конкретном физическом противостоянии обеспечивается двояко: во-первых, демонстрацией собственного могущества и силы врагу, при этом устрашение как презентационный инструмент подкрепляется театральностью. В семиотическом смысле стратегия устрашения — это создание знаков страха (вспомним страшные маски Бога войны в кельтской мифологии, боевую раскраску индейцев, маскировочную «тигровую» окраску танков, «маски-шоу» омоновцев) и дискурсивное оперирование ими (ср. *бряцание оружием, поигрывание кинжалом*). Во-вторых, преимущество приобретает за счет создания у социума, как своего, так и социума противной стороны, собственного позитивного имиджа. Здесь презентация выступает как инструмент психолого-идеологического воздействия. Как выразилась бы сегодня советская пресса времен холодной войны, «ястребы рядятся в голубей»*.

Война подается одновременно как спектакль и как собственно игровой феномен (ср. *игра в солдатики; штабная игра, т. е. уче-*

* Нельзя не вспомнить известные карикатуры Кукрыниксов в газете «Правда» 70–80 гг., в которых эта метаморфоза неоднократно и навязчиво подчеркивалась.

ния; военно-патриотическая игра «Зарница»; игра актеров и игра в покер)*. Таким образом снижается степень негативного восприятия военных действий социумом и возбуждается его позитивное отношение к «освободителям».

Людическая (игровая) и драматургическая составляющие военно-политического дискурса позволяют маскировать истинные цели военных, а соответственно — камуфлировать коммуникативными стратегиями стратегии сугубо милитаристские; под коммуникативной стратегией нами понимается концептуальное мировоззренческое намерение и его действенное осуществление касательно производства содержания коммуникативного процесса, т. е. выбор того или иного коммуникативного пространства, той или иной среды коммуникации, того или иного типа взаимодействия, того или иного места порождения смысла, и, тем самым, одного или нескольких дискурсивных измерений, относительно которых строится дискурс коммуникации.

Существует множество попыток выделения типов и построения классификации коммуникативных стратегий в зависимости от специфических задач той или иной научной парадигмы, вовлекающей понятие стратегии в сферу своих интересов**. Некоторые исследователи полагают, что все выделяемые типы стратегий могут быть в самом общем виде сведены к трем обширным классам — *презентации, манипуляции, конвенции* [Дацюк 2003; Доценко 1996; Иссерс 1999б: 74–79]. По уровню открытости, симметрии и способу производимой коммуникации они тоже отличаются: *презентационный тип является пассивной коммуникацией; манипуляционный*

* Близость концептов *война* и *игра* очевидна: они напрямую соположены в менталитете, чему самым простым свидетельством является увлеченность детей «игрой в войну». Военные также сначала играют в войну (штабные учения, затем учения на местности). Элементы игры сохраняются и в реальном военном конфликте. Игровая суть военно-политического дискурса показательно выявилась в манипуляциях американских военных с игральными картами, когда начался поиск иракского генералитета и соратников Саддама Хусейна по завершении военных действий: все фигуры в окружении Саддама были обозначены в соответствии с расположенными по старшинству и значимости игральными фигурами: Саддам как туз пик, Тарик Азиз как восьмерка пик, и т. п. Иракская верхушка ассоциируется с колодой карт, значимость каждого саддамовского фигуранта в этой колоде подвергается презентации на брифингах военных.

** Обзор соответствующих исследований см. в работах: [Астусфарова 1997; 2003: 15–25].

тип является активной коммуникацией, конвенциональный тип является интерактивной коммуникацией. По мнению С. Дацюка [2003], основными средствами этих стратегий служат: для презентации — послание, для манипуляции — сообщение, для конвенции — диалог.

По нашему же убеждению, в политическом и военно-политическом дискурсах коммуникативные стратегии сводятся преимущественно к презентации с элементами манипуляции и конвенции. Последние встраиваются в презентацию в качестве «подручных средств» реализации целей и намерений осуществляемой коммуникации. Таким образом, речь может идти только о презентационных стратегиях, которые представляют собой способ производства коммуникативного пространства и способ представления этого коммуникативного пространства в среде коммуникации за счет работы по изменению структуры этой среды. К основным презентационным стратегиям относятся: адекватное и активное воплощение коммуникативного пространства в структуре коммуникационной среды безотносительно к задачам расширения или структурного изменения среды коммуникации — то, что в деловом дискурсе метко именуется *промоушн* (продвижение); смысловое изменение коммуникативного пространства, влекущее за собой изменение структуры коммуникационной среды (но не всегда ее расширение) — своеобразный *имиджмейкинг*; расширение и детализация структуры коммуникационной среды при неизменном, как правило, коммуникативном пространстве — *расширение информационного присутствия*.

Для исследователя редкой удачей оказывается возможность заполучить в сферу изучения образчики современного военно-политического дискурса, поскольку военные весьма неохотно появляются перед объективом телекамеры. Война в Ираке — классический образец презентационных стратегий всех выделенных типов. Военные действия коалиции стран (возглавляемых вооруженными силами США и Великобритании) против Ирака преследовали ряд целей, основными из которых являлись свержение диктаторского режима Саддама Хусейна и восстановление демократических основ государства Ирак. Не случайно сама операция получила наименование «Iraqi Freedom» — «Свобода Ирака». Перед зрителями — представителями прессы и телезрителями (брифинги транслировались практически всеми основными телеканалами планеты)* раз-

вертуется целое действо — презентация по всем правилам ее ведения и конструирования. Вот как основные цели союзнических сил формулируются в выступлении генерала Пентагона:

First, end the regime of Saddam Hussein.

Second, to identify, isolate and eliminate Iraq's weapons of mass destruction.

Third, to search for, to capture and to drive out terrorists from that country.

Fourth, to collect such intelligence as we can related to terrorist networks.

Fifth, to collect such intelligence as we can related to the global network of illicit weapons of mass destruction.

Sixth, to end sanctions and to immediately deliver humanitarian support to the displaced and to many needy Iraqi citizens.

Seventh, to secure Iraq's oil fields and resources, which belong to the Iraqi people.

And last, to help the Iraqi people create conditions for a transition to a representative self-government.

Почему следует говорить о комбинации (сплаве) военно-политического и политического дискурсов и о реализации этой комбинации в дискурсе массово-информационном, явствует уже из формулировки целей в примере: генерал оперирует сугубо милитаристскими клише для изложения военных целей операции, однако, перечислив терминологически декорированные военные «вводные», он очерчивает задачи, изложение которых более уместно в устах гражданского политика, выступающего перед средствами массовой информации.

Первая коммуникативная презентационная стратегия — промоушэн — состоит в продвижении внутри коммуникативной среды военного конфликта образа военных сил союзнических государств как освободителя угнетенных жителей Ирака, как борца с терроризмом, как непобедимого и грозного защитника обездоленных и слабых. В своем обращении к согражданам президент Джордж Буш-младший лично «продвигает» этот образ:

* Телевизионная трансляция брифингов в дни конфликта велась в прямом эфире на английском языке телеканалами BBC-World, CNN International, Euronews, Fox-News, ITN, NBC, CBS, с переводом на соответствующий язык каналами Al Jazeera, RAI International, Canal + France, Deutsche Welle, российскими телеканалами РТР, «1 канал (ОРТ)», НТВ, ТВС. Транскрипты брифингов взяты на сайте Центрального Командования вооруженными силами союзнических сил в Ираке: <http://www.centcom.us.gov>.

«The enemies you confront will come to know your skill and bravery. The people you liberate will witness the honorable and decent spirit of the American military».*

Стратегия имиджмейкинга, заключающаяся в поддержании ориентированного на социум образа страны-миротворца, вплотную примыкает к стратегии адекватного и активного воплощения коммуникативного пространства в структуре коммуникационной среды. Прокламация «мира через войну» призвана, с одной стороны, успокоить мировую общественность, а с другой — создать у противоборствующей нации отношение к себе как спасителю. Коммуникативная цель — убедить в отсутствии захватнических намерений — усматривается уже в речи Джорджа Буша:

«I want Americans and all the world to know that coalition forces will make every effort to spare innocent civilians from harm. <...> Helping Iraqis achieve a united, stable and free country will require our sustained commitment. <...> We come to Iraq with respect for its citizens, for their great civilization and for the religious faiths they practice. We have no ambition in Iraq, except to remove a threat and restore control of that country to its own people. Our nation enters this conflict reluctantly...»

Эта же цель прослеживается и на встречах военных с мировой прессой во время брифингов в Катаре. Военные прокламируют заботу об экономическом будущем Ирака:

«The coalition's efforts to preserve Iraq's future resources also continue on a daily basis <...> our oil engineers and ordinance disposal teams are continuing to make assessments in the Ramallah oil fields and the southern oil field region <...> Seventh, to secure Iraq's oil fields and resources, which belong to the Iraqi people».

Они обещают обеспечить его политическую стабильность:

«And last, to help the Iraqi people create conditions for a transition to a representative self-government».

Коалиционные силы демонстрируют заботу о мирном населении:

«Our civil affairs teams continue their efforts to make great progress wherever they do their work. For example, I reported that a children's school opened in Umm Qasr recently. The next photo here shows another

* См. транскрипт обращения Джорджа Буша-мл. к нации 19 марта 2003 г. на сайте: www.whitehouse.gov

school, this one near An Najaf, where civil affairs teams are orchestrating and assisting repairs, getting it cleaned up to get it put back into use. This is a school. Also in An Najaf, the coalition is providing fresh water and interfacing with the populace whenever they can».

Весьма эффектен здесь прием эвфемистической виртуализации события: уверения военных в том, что ими применяется высокоточное оружие (precision weapons) только для уничтожения военных объектов иракской армии и очагов террористического режима Саддама Хусейна, сопоставимы с образом врача, вознамерившегося отрезать у раненого ногу без анестезии и уверяющего пациента в том, что ему не будет больно:

«Every attack that has occurred has been a precision attack against a specific regime structure or against a military complex, something that has military relevance. Unlike previous wars in history, there is no bombing of a city. there is no bombing of a population».

Эвфемистическая составляющая этих уверений действительно виртуальна, поскольку весь мир увидел кадры, отражающие точность попаданий «высокоточного» оружия именно по гражданским, а не военным объектам.

Что же касается «заботы» о будущей экономике Ирака и о политической стабильности в этой стране, то можно сослаться на мнение экспертов: экономический кризис США оказался катализатором всего иракского конфликта, и чтобы из него выйти, США остро нуждаются в иракской нефти, а стало быть — и в марионеточном правительстве, которое обеспечило бы легкий доступ к нефтяным запасам Багдада. Презентационные компоненты дискурса военных свидетельствуют о том, что они манипулируют общественным мнением, одновременно пытаясь получить одобрение своих действий, т. е. установить конвенциональные отношения с оценивающим эти действия мировым сообществом.

Стратегия расширения информационного присутствия воплощается в речи президента США как постепенная и спланированная реализация намеченных целей. Президент выступает не только от своего имени и имени своей нации, но и информирует об участии в кампании многих стран, тем самым намекая на широкий спектр информационного освещения конфликта:

«On my orders, coalition forces have begun striking selected targets of military importance to undermine Saddam Hussein's ability to wage war. These are opening stages of what will be a broad and concerted

campaign. More than 35 countries are giving crucial support — from the use of naval and air bases, to help with intelligence and logistics, to the deployment of combat units.».

Стратегия расширения информационного присутствия весьма важна для коалиционных сил прежде всего потому, что за интенсивностью обвинений иракского лидера в деспотизме и поддержке мирового терроризма кроется стремление информационно замаскировать реальную захватническую (агрессорскую) роль США и союзников: как известно, иракский народ не просил государства — участников антисаддамовской коалиции о вмешательстве в свои внутренние дела и не нападал на эти государства.

Нормы международного права грубо нарушены и проигнорированы коалицией, и факт этого нарушения перекрывается контринформационной сеткой пропаганды, заглушающей или замалчивающей агрессивные действия сил союзников в Ираке. Во время брифингов прямые упреки прессы, адресованные военным и связанные с вышеизложенными обстоятельствами, либо наталкивались на уклончивые ответы генералитета, либо просто им игнорировались, либо объявлялись сферой чужой компетентности. В то же время в информационном отношении военные пытались взять под контроль любое информирование о ходе операции и «выдавливали» средства масс-медиа с информационного пространства конфликта, используя обвинения ряда репортеров в разглашении секретных сведений, непатриотизме, предательстве и др. Стремление к тотальности информационного присутствия обусловило гипертрофированность национал-патриотической риторики в дискурсе военных в виде патетических военно-политизированных клише. В этом отношении весьма показателен следующий фрагмент брифинга:

Ahmed Samir, Abu Dhabi Television. We have been seeing reports of U. S. soldiers killed, missing, and captured, and the state of resistance of Iraqi in many cities which you claimed before taken full control, such as An Nasiriyah and Umm Qasr. Are you facing a new Vietnam in Iraq, or are you victims of over-self-confidence?

Ахмед Самир, телевидение Абу-Даби. Мы уже имеем сведения об американских солдатах, которых убили, которые пропали без вести и захвачены в плен, знаем также о сопротивлении иракцев во многих городах, над которыми, как вы утверждали, вам удалось установить полный контроль, такими, как Ан Насирия и Ум Каср. Вы столкну-

General Abizaid. War is a very, very risky business for everybody. We are not over-confident about this *endeavor*. We are confident about the ultimate outcome of this *endeavor*. We are soldiers, sailors, airmen and marines in a combined, in a joint team that is very powerful, and one of the most integrated and well-trained forces ever put together. There won't be anything that stops us on the battlefield.

лись с новым Вьетнамом в Ираке, или вы оказались жертвами чрезмерной самоуверенности?

Генерал Эбиззид. Война — дело, весьма рискованное для каждого. Мы не самоуверенны в этом *усилии*. Мы уверены в полном успехе этого *приложения усилий*. Мы — солдаты, матросы, летчики и морские пехотинцы — составляем общую и слаженную команду, которая очень сильна и является одной из самых слаженных и отлично тренированных сил, которые когда-либо оказывались воедино. Не существует ничего такого, что остановит нас на поле сражения.

Реакция на прямое обвинение в агрессии, напоминающей вьетнамскую войну, — патриотическая / патетическая тирада американского генерала, сопоставимая с известными лозунгами Красной Армии (*Броня крепка, и танки наши быстры*). Обратим также внимание читателя на эвфемизм *endeavor*, заменяющий напрашивающееся в данном контексте слово *агрессия*.

Подведем некоторые итоги.

1. Базовая человеческая потребность в обладании средствами к существованию (ценностями) и контролю за территориями, где эти средства существования (ценности) располагаются, а также за производителями и добытчиками этих средств порождает намерение отчуждения (захвата) последних, что ведет к вооруженному конфликту (военному противостоянию).

2. Намерение отчуждения ценностей порождает оппозицию «свой — чужие», которая формирует лингвосемиотическое пространство военного конфликта, определяет позиции комунитантов и предопределяет стратегическое направление их деятельности по реализации потребности захвата ценностей и контроля за ними.

3. Среди коммуникативных стратегий, формирующих военнополитический дискурс, как базовые выделяются презентационные стратегии, направленные на оправдание и камуфлирование захватнических действий, на устрашение противника и пробуждение

в мирном населении сочувственного отношения к захватнической стороне военного конфликта.

4. Презентационные стратегии воплощаются в виде тактик, призванных выполнять задачи, маскирующие истинные намерения. Выделяются игровой и театральный типы виртуализации концепта *война*, базирующиеся на внедрении в сознание пассивных наблюдателей за военными действиями (мировое общественное мнение) сдержанного отношения к военным событиям. Последнее достигается за счет широкого использования военно-политической эвфемизации.

А. П. Чудинов

Политическая метафора как отражение политической толерантности / интолерантности

При исследовании проблем толерантности необходимо охарактеризовать, во-первых, субъект толерантности (кто проявляет толерантность), во-вторых, ее сферу и объект в составе этой сферы (по отношению к чему проявляется толерантность) [Хомяков 2000а]. В частности, по сфере проявления различается толерантность религиозная, политическая, идеологическая; в зависимости от объекта в политической сфере выделяется толерантность к личности политического лидера, к его политическим взглядам, к программным документам и деятельности политической партии, к политическим институтам, к политической системе и деятельности государства. Субъектами толерантности в политической сфере могут быть индивид, политическое объединение или властная структура.

Как справедливо отмечает А. В. Перцев, «в новой для себя роли действительного, а не номинального члена мирового сообщества России приходится осваивать новые правила жизни, основанные на этике толерантности. Утверждение принципов толерантности в ее внутренней и внешней политике уже не может быть предметом споров — это выражение жизненных интересов страны и народа» [Перцев 2003: 25]. Рассмотрим, в какой мере проявляются указанные принципы в текстах современных средств массовой информации.

Источником для настоящего исследования послужили метафорические высказывания ведущих политических лидеров и журна-

листов России по проблемам современной политической ситуации в стране. В соответствии с представлениями современной когнитивной лингвистики (М. Джонсон, Ф. Джонсон-Лэрд, Е. Киттей, Дж. Лакофф, М. Тернер, Ж. Фоконье, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, Т. Г. Скребцова, А. П. Чудинов и др.) метафора — это не столько способ выражения мысли и украшение текста, сколько основная ментальная операция, способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира. Человек не выражает свои мысли при помощи метафор, а мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира. Метафора в языке и речи — это лишь отражение аналоговых механизмов мышления, а поэтому метафору нередко образно представляют как своего рода зеркало, в котором вне зависимости от чьих-либо симпатий и антипатий отражается индивидуальное и национальное сознание. Таким образом, исследования в области концептуальной политической метафоры способны внести определенный вклад в изучение проблем политической толерантности.

В нашем представлении современная политическая метафора — это не просто зеркало, а своего рода комплекс «зеркал», в котором, во-первых, отражается ментальный мир человека и общества в целом (метафора дает нам обширный материал для изучения когнитивных механизмов в сознании человека и социального мировосприятия), во-вторых, в этом зеркале мы видим отражение обыденных («наивных») представлений людей о понятийных сферах-источниках пополнения системы политических образов, а в-третьих, метафора отражает человеческие представления о сфере-магните метафорической экспансии (в данном случае это современная политическая реальность). Система метафорических моделей — это важная часть национальной языковой картины мира, национальной ментальности, она тесно связана с историей соответствующего народа и современной социально-политической ситуацией.

Метафорическая модель — это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X — это Y». Например, **политическая деятельность** — это

война; избирательная кампания — это путешествие; **политические ресурсы** — это деньги. Отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие: «X подобен Y», «**Политическая деятельность подобна войне**». В соответствии с названной формулой система фреймов (слотов, концептов) одной ментальной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования ментальной системы другой сферы (сферы-магнита). При таком моделировании в сфере-магните обычно сохраняется не только структура исходной области, но и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника, что создает широкие возможности воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата в процессе коммуникативной деятельности.

В соответствии со сложившейся традицией для описания метафорической модели (по другой терминологии — модели метафоры) хотя бы по минимальной схеме должны быть охарактеризованы ее следующие признаки:

1. Исходная понятийная область (в других терминах — ментальная сфера-источник, сфера-донор, откуда-сфера, сигнификативная зона, источник метафорической экспансии, область источника), то есть понятийная область, к которой относятся неметафорические смыслы охватываемых моделью единиц. Во многих случаях существует возможность указать не только исходную понятийную область, но и ее отдельные участки, служащие источником метафорической экспансии.

2. Новая понятийная область (в других терминах — ментальная сфера-магнит, сфера-мишень, куда-сфера, денотативная зона, реципиентная сфера, направление метафорической экспансии, область цели), то есть понятийная область, к которой относятся метафорические смыслы соответствующих модели единиц. Как и в исходной области, нередко есть возможность указать не только понятийную область-магнит, но и ее отдельные участки, притягивающие соответствующие метафоры.

3. Относящиеся к данной модели фреймы, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира. Эти фреймы изначально структурируют исходную концептуальную сферу (сферу-источник), а в метафорических смыслах служат для нетрадиционной ментальной категоризации сферы-магнита. По определению В. З. Демьянкова, фрейм — «это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ас-

социаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия... Фрейм организует наше понимание мира в целом... Фрейм — структура данных для представления стереотипной ситуации» (Кубрякова и др. 1996: 188). Для описания модели в равной степени важен состав фреймов как в сфере-источнике, так и в сфере-магните.

Система фреймов предстает как своего рода когнитивный динамический сценарий, отражающий представления о типичной последовательности развертывания модели. Например, характерная для политической коммуникации метафорическая модель с исходной ментальной сферой «болезнь» предполагает следующий сценарий развертывания: *заболевание — выявление симптомов — определение диагноза — лечение — уход за больным — выздоровление*.

4. Составляющие каждый фрейм типовые слоты, то есть элементы ситуации, которые образуют какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации. Например, фрейм «вооружение» включает такие слоты, как *огнестрельное оружие, холодное оружие, боевая техника, боеприпасы, средства защиты от оружия и маскировки* и т. п.

При характеристике составляющих слота мы употребляем термин «концепт»; для обозначения этих концептов чаще всего используются слова естественного языка. Как отмечает Е. С. Кубрякова, концепт отражает представления «о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких **квантов** знания» (Кубрякова и др. 1996: 90). Концепт, в отличие от лексической единицы (слова), — это единица сознания, ментального лексикона. По словам Е. В. Рахилиной, «главным свойством концептов нередко считается их неизолированность, связанность с другими такими же — это определяет то, что всякий концепт погружен в домены, которые образуют структуру... Домены образуют тот фон, из которого выделяется концепт» [Рахилина 2000: 3]. Совокупность всех существующих в национальном сознании концептов образует концептуальную систему, концептосферу.

5. Компонент, который связывает первичные (в сфере-источнике) и метафорические (в сфере-магните) смыслы охватываемых

данной моделью единиц. Например, при анализе метафорической модели «политическая деятельность — это война» необходимо определить, какие признаки позволяют метафорически сближать указанные сферы, чем именно политическая деятельность может напоминать войну, почему понятийная структура сферы-источника оказывается подходящей для обозначения элементов в сфере-магните.

6. Дискурсивная характеристика модели, то есть типичные для соответствующих метафор концептуальные векторы, ведущие эмоциональные характеристики, прагматический потенциал модели, ее взаимосвязи с существующей политической ситуацией, конкретными политическими событиями, политическими взглядами и интенциями субъектов коммуникации и др.

7. Продуктивность модели, т. е. способность к развертыванию и типовые направления развертывания в тексте и дискурсе. При необходимости можно вычислить и частотность использования соответствующих модели метафор, сопоставить частотность различных моделей с учетом стилистических, жанровых и иных признаков текста.

При когнитивном анализе метафорических моделей элиминируются все ограничения, определяющие особенности традиционного структурного подхода, в том числе не только требование о принадлежности рассматриваемых элементов к одной лексико-семантической группе или хотя бы к одной части речи, но и ограничения, связанные с уровнями языка: в рамках единой системы рассматриваются собственно лексические единицы, фразеологизмы и их компоненты, а также другие воспроизводимые единицы (половицы, поговорки, афоризмы и т. п.). При характерном для когнитивистики широком понимании метафоры к ее сфере относятся многие явления, которые при традиционном подходе рассматриваются как сравнение, метаморфоза, гипербола и литота [Баранов, Караулов 1994; Кобозева 2001; Скребцова 2002; Чудинов 2003].

Комплекс концептуальных метафор отражает самые различные аспекты состояния общества и, в частности, степень его толерантности. Каково общество — таковы и его политические метафоры [Lakoff 1991]. Специальные исследования показывают, что к числу доминантных для современной российской политической коммуникации относятся метафорические модели с исходными

понятийными сферами «Криминал», «Война», «Спорт», «Театр», «Мир животных», «Финансы», «Анатомия и физиология», «Дорога», «Дом», «Механизм» [Чудинов 2001; 2003]. Обратимся к рассмотрению первой из названных моделей.

Метафорическая модель **«современная Россия — это преступное сообщество»** — одна из ярких примет современной политической коммуникации. Эта модель представляет современное российское общество как преступный мир, где нет места гуманистическим отношениям. По-видимому, это связано, в частности, с тем, что вместо прежних социальных заблуждений об отмирании преступности в мире побеждающего социализма в нашем обществе все шире распространяется миф о всемогуществе преступного мира, о преступлении как единственном средстве добиться справедливости и даже просто выжить, о России как стране преступников.

Специалисты отмечают, что в российской ментальности сформировалось совершенно недоступное пониманию иностранцев отношение к справедливости, закону и его нарушителям [Вежбицкая 1996: 37; Левонтина, Шмелев 2000: 282; Степанов 1997: 432–433; Рябцева 2000; и др.]. Многие граждане проявляют удивительную снисходительность к преступникам, ищут и находят для них всевозможные оправдания, искренне считают, что в «этой стране» невозможно жить в гармонии с законами, поскольку давно известно, что строгость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения.

Следует отметить, что криминальная метафора достаточно традиционна для российской политической речи: например, в советской прессе политических противников правящей элиты (троцкистов, зиновьевцев, позднее — диссидентов) постоянно называли уголовниками, бандитами, гнусной шайкой, однако никогда ранее в СМИ не было такого разгула криминальных образов.

При детальном рассмотрении метафорической модели «Россия — это преступное сообщество» легко выделяются следующие фреймы.

1. Фрейм «Преступники и их специализация».

Анализ этой группы образов показал, что в современном политическом дискурсе граждане России метафорически (то есть без каких-либо юридических оснований) представлены как гангстеры, уголовники, шпана, грабители, жулье, джентльмены удачи,

киллеры и проститутки, наперсточники и шулеры, бандиты и рэкетеры. Ср.:

Аграрная фракция — это политические мошенники (В. Жириновский); Людям, подготовившим такой грабительский бюджет, просто нечего делать в Белом доме (А. Куваев); Он-то [Горбачев] думает: ошибся в кадрах, обложился мелким жульем, передоверился кому не следует (А. Костиков); Анатолий Лукьянов управляет съездом, как опытный наперсточник (А. Собчак); Распространяемые в Думе слухи — это политические киллеры. Они разят напо-вал (А. Плутник).

Прагматические смыслы, продуцируемые метафорами этой группы, можно сформулировать следующим образом: российская элита состоит из людей, презирующих законы, готовых пойти на все ради собственной выгоды.

2. Фрейм «Преступные сообщества и их структура».

В российской политической жизни трудно выжить в одиночку. Для более эффективной деятельности наши соотечественники объединяются в банды, шайки, мафиозные «семьи», «кланы» и «команды», члены которых оказывают посильную помощь друг другу и вместе борются с конкурентами. Ср.:

Мы никогда не простим и проклинаем ту бесовскую шайку, которая своей жирной задницей села на шею России (Завещание не сдавшихся защитников Белого дома, 1993); Банду Ельцина — под суд (лозунг в «Советской России»); Якобы прибыль, получаемая из России, шла не только в карман Пакколи, на прокорм «семьи» и кредитку Ельцину, а в основном тратилась на косовских албанцев (А. Хинштейн).

Внутри преступных сообществ, организуемых российскими политиками, существуют иерархические отношения: глава банды — пахан или крестный отец, уважаемый человек — авторитет, «вор в законе» или просто вор, на низшей ступени социальной лестницы находятся шестерки. К этому же слоту следует отнести концепт «подельники» — в преступном жаргоне так называют людей, вместе совершивших преступление. Ср.:

А. Батурин — член мафиозной семьи Лужкова, его шестерка (Н. Доренко); Суть проблемы изъяснила принадлежащая Гусинскому радиостанция: «Мы имеем дело с актом государственного бан-дитизма, нами правят паханы — пальцы веером, сопли пузырем (М. Соколов); Развал СССР объясняют не тем, что это государствен-

ное образование себя полностью изжило, а тем, что Ельцин и его «подельники» перегрелись в беловежской бане, выпили лишнего (Ю. Черняков); Собчак — крестный отец города (А. Соснов).

Типичные прагматические смыслы метафор этой группы — у власти (в государстве, в его регионах, на отдельных предприятиях и т. п.) находится преступное сообщество, которое иерархически структурировано.

3. Фрейм «Быт преступников и их профессиональная деятельность».

Подобные образы формируют типичные представления о деятельности наших сколько-нибудь примечательных соотечественников. В этой сфере разграничиваются быт «братвы» и ее профессиональная деятельность, отношения с «лохами», в роли которых нередко оказываются и государственные структуры.

Наиболее полно обычную профессиональную деятельность членов «семей» и «команд» представляют такие концепты, как *огрбить, изнасиловать, убить, пристрелить, прихватизировать, украсть, шулерские махинации, беспредел, террор, геноцид, рэкет* и т. п. Впрочем, деятельность государственных структур нередко очень похожа на занятия «братвы». Ср.:

Журналисты «МН» поступили правильно, назвали вещи своими именами, а именно скупка краденого. Все подельники Березовского в Кремле живы и здоровы. А журналистов НТВ и ТВ-6 преследуют как врагов народа (Л. Расс); Новый директор оказался зрелым мастером, прекрасно владевшим этими шулерскими махинациями (Н. Горшенин); Сможет ли новый президент остановить беспредел на высших этажах власти (А. Фадеев); Многие сотрудники спецслужб держат «крыши» коммерсантам, но Рушайло и Качур пошли дальше — они узаконили «крышевание» (А. Хинштейн).

Преступные семьи и команды — это особый мир со своим языком и своими представлениями об этикете, долге и справедливости. Братаны *ботаю* по фене, живут в законе, ловят кайф. Паханам приходится не столько самим воровать и грабить, сколько поддерживать порядок в преступном мире, то есть *разводить* (улаживать недоразумения, выступать в роли арбитра), *смотреть за общаком*, наказывать тех, кто *крысятничает* (ворует у своих), много *гонит* (обманывает братву), *стучит* (доносит) или иным образом поступает не по понятиям. Этим же занимаются и многие политики. Ср.:

В российскую элиту пришли — в основном — распальцовщики,

разводящие, чисто конкретные, ничего не читавшие и ничего не смотревшие (если не считать смотрения за общим) (А. Архангельский, Г. Бовт, Ю. Богомолов); *Необходимо поднимать зарплату и во властных структурах: нищие чиновники начинают крысятничать* (С. Петухов); *Нынешние выборы были рекордными по числу жалоб, оппоненты активно «стучали» в избиркомы друг на друга* (С. Поршаков).

Типовые прагматические смыслы подобных метафор — действия властей жестоки, эгоистичны, часто бессмысленны и наносят значительный ущерб обществу; такое поведение противоречит фундаментальным ценностям российского общества, но вполне соответствует криминальным «понятиям».

К рассматриваемому фрейму относятся также такие подгруппы концептов, как «жилье, место сбора преступников» (*притон, блатхата, малина*), «орудия совершения преступлений» (*кастет, отмычка, яд, бомба, шулерские наперстки* и др.) и «экипировка» (*перчатки, маска* и т. д.). Эти номинации в политических текстах метафорически используются при описании разнообразных действий нефизического характера. Ср.:

Проблемы НТВ всегда решались одним и тем же способом — при помощи информационной заточки (О. Добродеев); *Хотя есть смысл проследить, как действует паралитический яд пропаганды* (А. Ципко); *Новый Мавроди уже готовит шулерские наперстки, предвкушая доходы от лохов* (А. Зуев).

Метафорические употребления, соответствующие рассматриваемому фрейму, характеризуют отношения внутри политической элиты как особый мир со своими законами и своей моралью. Соответственно как преступные характеризуются методы и инструменты политической и экономической деятельности, и вся эта деятельность в целом. Внушается представление о бессмысленности честной борьбы в стране, где никто не уважает общечеловеческие моральные нормы и даже законы.

4. Фрейм «Жертвы преступников и иные не относящиеся к преступному сообществу граждане».

К этому фрейму относятся слова, обозначающие жертв преступных действий (*лох, заложник, фраер и терпила*), и слова, обозначающие людей, не имеющих отношения к преступникам. По представлениям преступного мира, все эти люди не достойны даже сочувствия. Приведем несколько примеров:

Журналистов мне жалко. Они стали, к сожалению, заложниками политических интриг (Б. Немцов); Народ опять держат за лопухов, доверяющих политическим наперсточникам (Н. Андреев); Если делить, то пахан это делает гораздо лучше, чем ученый, почитавший какие-то книжки. — То есть, пахан это делает лучше, чем фраер? (В. Найшуль, М. Леонтьев).

Типичные прагматические смыслы данного фрейма сводятся к тому, что в нашей стране люди, не ставшие преступниками, удивительно глупы и доверчивы, поскольку все их более сообразительные соотечественники уже давно перестали уважать законы.

5. Фрейм «Места лишения свободы и их обитатели».

Обозначения мест лишения свободы обычно используются для наименования-характеристики нашей страны. Можно сказать, что эти слова (*Гулаг, лагерь, зона, тюрьма, тюремная камера, концлагерь*) стали своего рода контекстуальными синонимами для слова *Россия* или каких-то частей России. Ср.:

В России сейчас ГУЛАГ. ГУЛАГ преступности (А. Тулеев); Лидеры «агрогулага» не забыли пообещать поддержку фермерам (С. Разин); И как бы ни пытались гайдары, чубайсы и прочие, кто ненавидит все русское, советское, народное, загнать нас в ширпотребовский, интеллектуально-бытовой концлагерь, у них ничего не выйдет (Г. Зюганов).

Если Россия — это большая зона, тюрьма, то для обозначения ее граждан (содержащихся в местах лишения свободы) лучше всего подходят слова *эзки* и *лагерники*, которые, впрочем, иногда бывают и бесконвойными. В некоторых случаях их могут даже реабилитировать. Ср.:

Бывший ельцинский пресс-секретарь, переметнувшийся на сторону «Отечества», сейчас реабилитирован (Е. Салина); А вот публика... По-моему, с ними произошел «эзковский» синдром. Им очень хотелось обратно в зону, им хотелось кнута (И. Ильин).

Подобные словоупотребления формируют прагматический смысл «Россия — это страна диктатуры, ее граждане несвободны и смирились с этим, у них ущербная психология».

К рассматриваемому фрейму относятся также слова, отражающие быт в местах лишения свободы: *камера, решетка, баланда, пайка, нары, параша, оковы* и др. Подобная лексика используется для описания повседневной жизни граждан нашей страны. Ср.:

Регионы должны зарабатывать, а не ждать «пайку», которую

будет раздавать правительство (А. Горков); Нет смысла пробивать головой стену камеры, если рискуешь в результате всего лишь оказаться в другой (Г. Горин); Россия освободится от оков ельцинизма (В. Петухов); Республики были крепко-накрепко прикручены друг к другу ключей проволокой тоталитаризма (А. Новиков).

Характерные прагматические смыслы — ужасающие условия жизни народа: уравниловка, бедность, наказуемость инициативы, неумение пользоваться свободой и генетическая память о ГУЛАГе.

6. Фрейм «Милиция и охрана». Данный фрейм вполне естественно вписывается в рассматриваемую модель: если существуют преступники, если существуют места лишения свободы, то существуют и люди, которые должны оберегать покой честных граждан от преступников и следить за порядком в местах «не столь отдаленных». К тому же в России «ельцинской поры», как и в старые времена, была весьма распространена «ротация», в соответствии с правилами которой «охранники» и «охраняемые» периодически меняются местами (министр юстиции Ковалев, глава КГБ Крючков, несколько сменявших друг друга генеральных прокуроров и т. п.).

Элементы анализируемого фрейма обычно используются для обозначения государственных служащих, а также людей, положительно отзывающихся о России, ее лидерах и государственной власти. Как известно, государственных служащих в России чаще всего презрительно именуют «бюрократы», противопоставляя тем самым государственную службу честному труду, демократическим нормам, образу жизни порядочного человека. Вместе с тем для обозначения «бюрократов» постоянно используются и элементы рассматриваемой метафорической модели. Это, прежде всего, слоты «Охрана» (*конвоиры, надсмотрщики, вертухаи, «Верные Русланы», охранники*) и «Милиция, сотрудники, предупреждающие преступления и отыскивающие преступников» (*сыщики, секьюрити, сторожа, чекисты*). Ср.:

Лидеры партий, когда требуют солидарного голосования, действуют, как надсмотрщики (С. Петухов); Сейчас каждый олигарх завел по Верному Руслану в виде телекиллера и собственную секьюрити (А. Зуев); Руцкой придумал для области уникальную систему: он совмещал функции пахана и конвоира (В. Дубов); Пока идеологические вертухаи олигархов твердят о неизбежности «нового мирового порядка», Куба стала социальной лабораторией, где дышит дух равенства и дружества людей (И. Шамир).

Рассматриваемая модель обладает высоким прагматическим потенциалом. Соответствующие метафоры внедряют в сознание населения типовые представления о жестокости, агрессивности и преступности современного общества. Показательно, что эта модель практически всегда сопровождается негативной оценкой действительности: особо выделяются отсутствие в стране свободы, нравственная ущербность и виктимное самосознание русского народа, который безропотно мирится со своим положением, а на выборах отдает предпочтение законченным негодяям.

В качестве средства контекстуальной поддержки рассматриваемой модели часто используется лексика блатного жаргона. Это позволяет подчеркнуть естественность и общепонятность преступного слова, а вместе с тем и преступных порядков, преступного поведения, преступного мировосприятия. «Блатная феня» все чаще звучит даже из уст высших государственных служащих и лидеров крупнейших политических партий, широко известных в стране журналистов и бизнесменов: иногда может показаться, что некоторые жаргонные слова и жаргонные значения общеупотребительных слов (*беспредел*, *закозлить*, *наезд*, *разборка*, *крыша*, *откат*, *знать*, *наезд*, *мочить*, *стучать* и т. п.) превращаются то ли в политические термины, то ли в публицистические «штампы». Ср.:

Как Руцкой пытался закозлить генерала ФСБ Суржикова (Н. Варсегов); Мы считаем наезды на Ковпака в подконтрольной Росселию прессе политическим заказом (В. Коршунов); В центре Екатеринбурга продолжает твориться предвыборный беспредел (С. Сыпачев); В. А. Гусинский славен своим искусством разводить на бабки, а для успеха разводок иногда надо пренебрегать строгими требованиями эстетической цельности действия (М. Соколов).

Криминальная метафора — явление вполне традиционное для русской речи, и она отражает определенные векторы национального сознания. В какой еще стране «тюремные песни» стали столь заметным жанром и традиционного, и современного фольклора? В каком другом государстве фраза «В детстве я рос хулиганом» стала почти общим местом в мемуарах крупнейших политиков? Где еще в мире едва ли не ежегодно проводятся амнистии? В каком еще обществе в парламент постоянно избирают людей с уголовным прошлым, а бывшие депутаты и министры нередко оказываются на скамье подсудимых? Для русского самосознания пре-

ступник — это не обязательно враг общества; во многих случаях это смелый человек, решившийся от отчаяния нарушить несправедливые законы, а заключенный — возможная жертва ошибки. Вместе с тем очевидно значительное усиление частотности и продуктивности криминальной метафоры именно на данном этапе развития русского политического дискурса.

Криминальная метафора пронизана концептуальными векторами тревожности, опасности, агрессивности, противоестественности существующего положения дел, резкого противопоставления «своих» и «чужих», что, видимо, отвечает потребностям современной политической речи. Можно предположить, что одна из причин активизации данной модели — это реальное обострение криминальной обстановки, что отражается в народном сознании и находит выражение в речи: давно замечено, что находящиеся в центре общественного сознания явления становятся источником метафорической экспансии. Вместе с тем активное использование в речи «криминальной метафоры» (как и едва ли не смакование в средствах массовой информации картин реальных преступлений), несомненно, влияет на общественную оценку ситуации в стране, внушает мысль о том, что общество действительно пронизано криминальными связями и отношениями, что в России преступление — это норма, а подобные умонастроения опосредованно могут сказываться на уровне преступности в обществе.

Можно задать вопрос: неужели представление современной России как преступного сообщества — это единственная или хотя бы основная модель ее метафорического моделирования? Конечно, есть и другие модели, но большинство из них пронизаны духом интолерантности не в меньшей степени, чем криминальная метафора. В частности, очень активна метафорическая модель «**Политика — это мир животных**». Подобная метафора представляет политические партии, их лидеров и высших руководителей страны как хищных животных, которые постоянно кусают, грызут и царапают друг друга; подобные «лидеры» воспринимают народ как быдло, стадо баранов, дойную корову или запряженную клячу. Типовые прагматические смыслы, формируемые этой моделью, — жестокость, нецивилизованность, грубость, нерациональность. Ср.:

В любом обществе, как и в стае волков, должен быть вожак (Д. Аяцков); На эти «стада», чтобы они не очнулись, и направле-

на вдалбливающая 'скороговорка «родственников» с «Эха Москвы» (С. Сергиевский); Глядя на столичных барбосов из СМИ-стаи, им подражают и провинциальные моськи (А. Кузнецов); Мне интереснее тот, кто злобнее. И на собачьих боях Доренко, пожалуй, задрал бы Киселева (Э. Успенский); Всем известно, что Путина рьяно поддерживали разного рода волки из СПС, «медведи» из «Единства». Вот эти зверята и ощетинились на народ России (К. Петров); Взаимоотношения кандидатов укладываются в схему: кто кого больше укусит и ужалит (Н. Тишков); Нет спору, наша грызня ветвей иногда отвратительна, но так развивается демократия (Б. Семенов); Медведи заломают коммунистов (Б. Грызлов).

Бестиальная метафора представляет современную политическую атмосферу как бесчеловечное общество, проникнутое концептуальными векторами дикости и агрессивности. Образно уподобляемый животному политический лидер (или иной субъект политической деятельности) забывает о гуманности, ведет себя как эксплуататор, он далек от грациозности животных, их верности, отваги и других качеств, которые так привлекают нас в живой природе. Иначе говоря, современная политическая метафора не в полной мере использует бесконечно разнообразные возможности зооморфных образов. Причины этого коренятся, разумеется, не в особенностях исходной понятийной сферы и не в возможностях русского языка, а в том, какие реалии необходимо обозначить и какие эмотивные смыслы востребованы политической ситуацией.

Очень активна в современной политической коммуникации и милитарная метафора, образно представляющая современную российскую действительность как **войну всех против всех**. Политические деятели, партии, бизнесмены, журналисты и самые обычные граждане постоянно с кем-то воюют: наступают (часто под тем или иным флагом), дерутся врукопашную, обороняются, подводят мины, прячутся в окопах, занимают, оставляют или захватывают стратегические высоты, используют крупнокалиберную артиллерию, дымовую завесу и т. п. Политические войны идут под руководством генералов и полковников, которые разрабатывают стратегию и тактику боевых действий, планируют десантные операции и другие способы достижения побед. Ср.:

Демократы убедились, что междоусобицы контрпродуктивны для оппозиции (А. Дубинин); Парламентские выборы смертельно

ранили НДР, выздоровление невозможно, и Виктору Черномырдину придется вместе с остатками своего «Дома» проситься на постой в берлогу (А. Спицын); Пока, похоже, мы проигрываем информаци- онную войну. Никак не можем доказать миру, что наши действия в Чечне законны и справедливы (С. Иванов); Коммунистический ре- ваниш на выборах-2000 уже невозможен, но медвежий поход не бу- дет простым (А. Зуев); Рядовые солдаты избирательной кампании не всегда догадываются о стратегических планах своих команди- ров (Н. Зайков); Ельцин — полководец без армии (С. Говорухин); Наступление «Яблока» пройдет по всем фронтам (Я. Петров); Кам- панию лидеру «Яблока» пришлось вести под массированным огнем государственных СМИ (А. Дубинин).

Типовые прагматические смыслы, задаваемые метафорами этой группы, можно сформулировать следующим образом: современ- ная российская действительность — это война всех против всех; наши политики, бизнесмены и даже самые обычные люди ориен- тированы не на совместное решение возникающих проблем, а на агрессивную борьбу с себе подобными.

Рассмотренные и многие другие примеры свидетельствуют о том, что в дискурсе политической борьбы применяются самые раз- нообразные метафоры из концептуальной сферы «Война»: перед началом выборов, как и перед войной, создаются арсеналы, в по- литических штабах готовятся стратегические планы и разрабаты- вается тактика будущих схваток за голоса избирателей, во время предвыборной кампании, как и в боевых действиях, используют- ся разведка и маскировка, применяются диверсии и психические атаки, в сражениях используют мины, танки, крупнокалиберную артиллерию и другую военную технику. Идущая на выборы по- литическая партия, забывая о внутренних противоречиях, высту- пает как своего рода армия, в составе которой выделяются гене- ралы, офицеры и рядовые бойцы, объединенные в отряды, полки и армии. В таких битвах одни побеждают, другие терпят пораже- ние, кто-то из бойцов получает награды, тогда как на долю дру- гих достаются только ранения и контузии. Милитарная по сфере- источнику метафора одновременно фиксирует существующее сход- ство между военной и избирательной кампаниями и в то же время сама сближает эти концептуальные сферы, подсказывает полити- ческие решения, что, в свою очередь, в той или иной мере предпо- ределяет стратегию и тактику предвыборной борьбы.

Военная метафора позволяет, с одной стороны, представить средства политической борьбы как максимально эффективные, способные нанести противникам решительное поражение, а с другой — обозначить отношения внутри партий и движений как своего рода «фронтовое братство», скрепленное тяжелыми испытаниями; в результате суровые боевые законы как бы распространяются на избирательную кампанию. В сознании наших политиков кандидаты от другой партии — это не партнеры, которые предлагают другой путь к процветанию родной страны, а воины враждебной армии, которую необходимо взять в плен или уничтожить. Обстановка напоминает времена средневековой междоусобицы: самые ожесточенные битвы ведутся между недавними союзниками, постоянно создаются причудливые коалиции, и каждый мелкий успех кажется эпохальным событием, а не очередным шагом к полному разорению страны. И, как семь столетий назад, находится немало желающих съездить к Батыю, чтобы поклониться, пожаловаться на врагов из соседнего городка и что-нибудь выпросить для себя.

Активное использование военной метафоры, видимо, отражает особенности национального самосознания наших современников, имеющиеся в нем мощные векторы тревожности, опасности и агрессивности, а также традиционные для русской ментальности предрасположенность к сильным чувствам и решительным действиям, уважение к военной силе и боевой славе. Показательно, что милитарная метафора, в отличие от криминальной, часто обладает положительной эмоциональной окраской.

Концептуальные векторы соперничества очень характерны и для метафорической модели **«Политическая борьба — это спортивное состязание»**, однако такие метафоры отражают значительно меньшую степень интолерантности. Для спорта характерен культ «честной борьбы»; в данном случае борьба не предполагает обязательной враждебности, нетерпимости к сопернику. Политическая борьба (особенно предвыборная) в современной России часто метафорически представляется как соревнование на скорость преодоления определенной дистанции (гонка, марафон, забег). Ср.:

Не надо говорить о президентстве Примакова, поскольку я еще не решил, участвовать мне в гонке или нет (Е. Примаков); *Соотношение сил на промежуточном старте предвыборного марафона особенных сенсаций не обещает* (И. Горфинкель); *А кто возглавлял список фаворитов предвыборной гонки в апреле 1999?* (Г. Явлинский).

В других случаях борьба за голоса избирателей метафорически представляется как командная игра (чаще всего это наиболее популярные в России футбол и хоккей). Ср.:

Как человек я не люблю Президента. Однако как футболист я играю с ним в одной команде (В. Новодворская); В команде НДР есть опытный капитан, который не допустит своеволия: некоторые игроки уже отчислены (А. Горбунов). Борис Николаевич до последнего сомневался: идти ли на второй срок с таким рейтингом. А на скамье запасных — ноль (А. Гамов).

Политическое соперничество нередко метафорически интерпретируется и как спортивное единоборство: преимущественно как поединок боксеров или борцов, реже теннисистов; еще реже встречаются метафоры, относящиеся к другим видам спорта (стрельба, фигурное катание, прыжки, тяжелая атлетика и др.). Ср.:

Борьба во втором туре развернется между политическими тяжеловесами (О. Вартанова); Когда появилась книга, наши оппоненты взбесились. Все это говорит о том, что мы попали в «десятку» (С. Шойгу); После выборов НДР оказался в глубоком нокауте (В. Филимонов); Долгая работа с Ельциным в областном хозяйственном аппарате действительно сделала из нынешнего губернатора закаленного политического борца (И. Белых).

К периферии рассматриваемой сферы можно отнести настольные игры, которые далеко не все специалисты считают спортивными (карты, домино, шахматы). Ср.:

Карта коммунистов бита! Надо все менять (В. Жириновский); Каждому из тройки аутсайдеров будет уготована участь разменной пешки, а посему жаль, что эти кандидаты будут участвовать в чужой игре (А. Выборнов); В первой партии получилась «рыба» — предстоит второй тур выборов (А. Сенин); Обижаться не на что: начинается самый горячий месяц, и разыгрываются будут самые разные карты (А. Сергеев).

Как показывают приведенные (а также многие другие) примеры, в дискурсе политической борьбы активно используются самые разнообразные фреймы из концептуальной сферы «Спорт»: перед началом выборов, как и перед началом спортивных состязаний, специалисты называют фаворитов, во время кампании обнаруживаются лидеры и аутсайдеры, а после соревнований выявляются победители и побежденные. Спортивные состязания, как и выборы, проходят по определенным правилам, а участники, их

нарушающие, могут быть наказаны или полностью дисквалифицированы судьями. Выборы по партийным спискам больше напоминают командные состязания, но даже участнику президентских выборов нужна слаженная команда.

Широкое распространение в современной политической коммуникации получила и метафорическая модель **«Современная Россия — это больной организм»**. В подобного рода материалах политические и экономические структуры государства (и страна в целом) метафорически представляются как страдающий от болезни человек, и традиционно подчеркиваются все реально существующие и даже мнимые недостатки: идущие «во власть» политики (и поддерживающие их «команды») стремятся показать, до чего довели страну их оппоненты; соответственно «партия власти» демонстрирует, как много ей удалось сделать в чрезвычайно сложных условиях. И те и другие стремятся представить себя опытными медиками, способными не только поставить диагноз, но при помощи эффективных лекарств и заботливого ухода добиться полного выздоровления пациента. Соответственно политические оппоненты метафорически обозначаются как физические и психически больные люди, уже принесшие родной стране много несчастий и способные окончательно ее погубить. В соответствии с этой моделью постоянно говорится о язвах и болезнях общества, которое надо срочно лечить сильнодействующими лекарствами, поскольку отдельные части организма уже омертвели. Ср.:

При «переливании крови» в главных сосудах новой власти Анатолий Борисович имел возможность добавить кое-кому адrenalина. Только нужен был для стерильности операции одноразовый инструмент. Не готовил ли господин Чубайс во время обсуждения с Лебедевым ситуации в Чечне именно такой хирургический скальпель из закаленного генерала (А. Бархатов). Если в обществе нет интереса к политике, то это здоровое и благополучное общество. Интерес к политике подогревают социальные болезни (В. Кучерук); Тяжелая болезнь постигла Россию в обличье коммунизма. Может быть, она была пущена нам, чтобы избавить от какой-либо более страшной грозившей нам чумы (патриарх Алексей Второй); Нужно дать обществу некий идеологический наркот, призванный сделать предстоящую операцию менее болезненной как для пациента, так и для его просвещенных хирургов

(Г. Кертман); *По мере приближения выборов страсть политиков к торговле своими голосами становится настолько маньячной, что эту ситуацию нельзя рассматривать, ее можно только осматривать, как в поликлинике* (Е. Енин).

Метафоры, образованные по рассматриваемой модели, носят преимущественно эмотивный характер, то есть они создаются прежде всего для того, чтобы перенести имеющееся у читателя эмоциональное отношение к понятию-источнику (его обозначает слово в основном значении) на понятие, которое концептуализируется метафорическим значением слова. Например, вполне традиционное для русского национального сознания сочувствие к больному закономерно переносится и на Россию, которая сопоставляется Патриархом Алексием с излечивающимся от тяжелой болезни человеком. Соответственно, страх и осторожность всякого человека по отношению к опасной инфекционной болезни, благодаря использованию метафоры, как бы переносятся и на отношение к коммунистической теории и практике.

Рассматриваемая понятийная сфера детально структурирована, что обуславливает продуктивность базисной метафоры. Если Россия — нуждающийся в срочной помощи пациент, то люди, партии и иные организации, стремящиеся что-то сделать для страны, обозначаются как врачи, целители, хирурги, терапевты, акушеры, анестезиологи, наркологи. Медицинская метафора закономерно способствует формированию прагматических смыслов, связанных с заботой, уходом, бережным отношением, и вместе с тем предопределяет отношение к стране и обществу как к пациенту, который уже не может и не должен в полной мере отвечать за свои действия. Подобное словоупотребление позволяет образно обозначить причины бедственного положения страны, вызывает наглядное представление об истоках недостатков и обостряет негативное отношение к их виновникам.

Типовые прагматические смыслы рассматриваемых метафор определяются тем, что сфера-источник хорошо известна читателям, соответствующие реалии вызывают эмоциональное отторжение, а значит, образ больной страны становится особенно действенным: так, обозначение недостатков как «гнойников» или «язв», оценка содержания речи как «брёда», а экономических трудностей как «приступов удушья» или «предсмертных конвульсий» делает картину очень наглядной и активизирует эмоциональное воспри-

ятие читателями соответствующих реалий. Жаль только, что современные российские политики вынуждены пока говорить о гипотетическом выздоровлении больного, а не об уверенном лидерстве родной страны в соревновании мировых держав.

Политическая борьба в современной России постоянно представляется метафорической моделью «**Политика — это театр**». Подобная метафора (в отличие от спортивной или военной) акцентирует не жесткое противоборство, а лицемерие участников политической жизни, лживость предвыборных обещаний, предрешенность результатов избирательной кампании, наличие тайных режиссеров и сценаристов в политической жизни страны. Ср.:

Десять дней до выборов. Предвыборный спектакль — в полном разгаре. Продолжается действие, жанр которого трудно поддается определению: комедия, трагедия, драма, фарс, трагикомедия — все смешалось на сцене (Д. Никаноров). Артисты, то есть кандидаты всех мастей, сбиваются в труппы, ездят по всей стране, гастрوليруют (С. Образцов); Региональные выборы носят характер репетиций накануне всероссийских избирательных кампаний (В. Носов); Для большинства партий преодоление пятипроцентного барьера — это грандиозный успех, но для ЛДПР это почти фиаско. Такого провала у Владимира Вольфовича еще не случилось (А. Перцев). А сколько бутафорских фигур для отвлечения внимания от действительных претендентов можно включить в избирательный бюллетень (А. Выборнов).

В соответствии с рассматриваемой моделью на политической сцене по заранее разработанным сценариям и под руководством опытных режиссеров разыгрывались комедии, трагедии и фарсы, в которых играли свои роли актеры (порой по подсказке суфлеров). Иногда восторг у публики вызывали и провинциальные артисты (например, из Петербурга, Екатеринбургa и Нижнего Новгорода), исполнявшие главные партии в Большом театре. Но основные события разыгрывались за кулисами, или, наоборот, на больших площадях, где в массовых зрелищах использовались даже танки. Трансляцию подобных шоу вели все телеканалы, подробнейшие рецензии публиковались в газетах.

Во многих случаях театральная метафора замещалась метафорой циркового представления, и тогда на политической арене появлялись клоуны и фокусники, их сменяли дрессировщики, акробаты и политические лилипуты, а порой даже привезенные из Пе-

тербурга ученые медведи, умело жонглирующие яблоком и способные поставить в нужную позу даже красно-коричневую гадину. Ср.:

Некоторые из кандидатов пытаются сделать вид, что у них шансы на победу велики — но это все предвыборные фокусы (Ф. Крашенников); Люди устали от этого политического цирка, все трюки они видят насквозь (М. Светлова); Выборы — это пляски под гармошку и акробатические этюды из желания понравиться народу (Е. Енин); Сегодня и ежедневно на арене нашего политического цирка непревзойденная команда клоунов (А. Демидов).

Прагматический потенциал этой метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности: субъекты политической деятельности не живут подлинной жизнью, а вопреки своей воле исполняют чьи-то предначертания.

Политическая жизнь современной России своей красочностью, некоторой карнавальностью и непредсказуемостью во многом напоминает театр, где публика бывает то «дурой», то высшим судьей. И, видимо, не случайно многие известные артисты активно участвовали в избирательных кампаниях то в функции хорошо оплачиваемых клакеров, то, по примеру Рональда Рейгана, в роли официальных кандидатов на высокие должности. И только к концу века актеров в избирательных списках начали серьезно теснить генералы. Видимо, действительно начинается другая эпоха.

Детальное и всем хорошо известное структурирование понятийной сферы «Театр» часто помогает журналистам найти подходящее метафорическое обозначение для политических реалий. Театр как сфера-источник создает великолепные условия для реализации эмоционального заряда метафоры. Зрелищные искусства, как и литература, традиционно служат в нашей стране «учебником жизни»: и важнейшим источником информации, и примером для подражания, и нравственным ориентиром. Поэтому «зрелищная метафора» обычно хорошо воспринимается адресатом.

Рассмотренный материал в полной мере иллюстрирует мысль об особой значимости концептуального вектора, отражающего типовые представления о двуличии, неискренности участников политической жизни, о неподлинности и излишней карнавальности находящихся в центре общественного внимания событий, о несамостоятельности многих с виду грозных людей и о наличии ка-

ких-то тайных сценаристов и режиссеров (мафиозной «семьи», всемогущих «олигархов», зарубежных «кукловодов» и др.) в политической жизни страны. Вместе с тем метафорическое зеркало отражает искреннюю боль за судьбу страны, стремление к переменам, привлекает внимание общества к наиболее острым проблемам политической жизни России.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в современном российском политическом дискурсе получили широкое развитие метафорические модели с концептуальными векторами жестокости, агрессивности и соперничества (война, криминал, спорт, мир животных и др.), отклонения от естественного для человека порядка вещей (болезнь, криминал, мир животных и др.). Еще одна группа сильных концептуальных векторов современной российской политической метафоры — это неправдоподобие происходящего, неискренность политиков, излишняя карнавальность находящихся в центре общественного внимания событий, несамостоятельность публичных политиков, подразумевающая наличие каких-то тайных сценаристов, режиссеров и тренеров в политической жизни страны (театральная, игровая и спортивная метафора). Исследуемая система концептуальных метафор отражает типовые социальные представления о характере современной политической ситуации и свидетельствует о том, что нашим политическим лидерам и журналистам по-прежнему не хватает толерантности. Инакомыслящие образно представляются не как соратники в борьбе за процветание родной страны или товарищи по общему делу, а как недостойные уважения преступники, воины вражеской армии, комедианты или психически нездоровые люди.

Создается впечатление, что российское общество (в том числе многие политики и журналисты) еще не осознало, что свобода слова не исключает хотя бы нравственной ответственности за сказанное, что, щедро поливая грязью политических оппонентов, невозможно сохранить чистыми собственные руки, и что подобная грязь обладает свойствами бумеранга. В народном сознании справедливо осуждаются люди, которые ради красного словца не жалеют родного отца и родную страну. Нам необходимо научиться (как научились этому в странах с богатыми традициями свободы слова) отличать респектабельные издания от бульварной прессы, а солидных политиков от скандалистов. Политический язык новой России еще только формируется, пока далеко не все в нем отвеча-

ет реальным потребностям общества. Нет сомнений в том, что уже в ближайшее время будут созданы необходимые средства для взвешенного описания социальной реальности, что политические гиперболы окончательно выйдут из моды. Все более заметны признаки того, что общественное сознание уже устало от однообразных образов военной, криминальной, бестиальной и морбиальной сфер и ждет совершенно новых концептуальных метафор. Это позволяет надеяться на то, что уже в не столь отдаленном будущем дискурс российской политической жизни будет отличаться актуализацией совсем других метафорических моделей, что политические лидеры, журналисты и все участники политических процессов станут более толерантными.

С. Ю. Данилов

Проработка и дебаты: коммуникативные практики идеологического взаимодействия

Крупные речевые формы, повторяясь, трансформируясь, обрстая сопутствующими текстами, становятся самоценными и активными феноменами культуры; в них заложены основания коммуникативных практик, направленных на освоение категориальных ценностей соответствующей эпохи. Современные нам речевые формы и коммуникативные практики могут быть описаны и осознаны в сопоставлении с речевыми формами, выработанными в тоталитарном государстве, по методике речежанрового анализа крупных форм, апробированной на материале коммуникативных практик тоталитарной культуры.

К постановке вопроса

«Каждая эпоха и каждая социальная группа имеет свой репертуар речевых форм жизненно идеологического общения» [Волошинов 1995: 233]. Отследить культурно значимую жизнь языка можно в тех ситуациях, которые актуальны и регулярны для изучаемой эпохи. Особенно важно досконально изучать те коммуникативные практики, которые создаются и частотно воспроизводятся силами, претендующими на осуществление языкового строительства. Ю. В. Рождественским в «Теории риторики» сформулирован «закон связи речи и общества»: «становление, развитие и существование любой общественной структуры обеспечивается

становлением, развитием и существованием определенных видов речи, и наоборот» [Рождественский 1997: 138]. Этот закон не противоречит представлению об изменчивости и гибкости языкового знака (В. Н. Волошинов), о текучести языкового существования (Б. М. Гаспаров). Язык «вмещает в себя неопределенно большое — принципиально неисчислимо — количество разнородных “кусков” предыдущего языкового опыта, имеющих самую разнообразную форму и объем. Эти фрагменты языковой ткани не лежат в памяти неподвижно, в качестве постоянных единиц хранения. Условия их существования в языковом сознании говорящего скорее напоминают плазму, через которую непрерывно, по все время изменяющимся направлениям, проходят токи ассимилятивных и ассоциативных взаимодействий. Существование каждого фрагмента в конгломерате языковой памяти неустойчиво и релятивно, его физические границы и смысловые очертания подвержены постоянным изменениям» [Гаспаров 1996: 13–14]. Именно эта подвижность «коммуникативных фрагментов» в сознании говорящих, на наш взгляд, позволяет осознанно воздействовать на культурно-речевую ситуацию. Другими словами, государство, образовательные институты, средства массовой информации, используя свое влияние на широкую аудиторию, предлагают носителям языка те «искусственные» (в противовес элементарным, естественным) речевые формы, которые способны управлять (или претендуют на управление) языковым существованием. Вокруг этих речевых форм и ключевых речевых жанров (далее: РЖ) разыгрывается сценарий становления одних ценностей на фоне пересмотра других.

Проработки, чистки, доносы и анонимки были символами русской коммуникативной действительности эпохи тоталитаризма. В начале двадцать первого века заметным явлением в русскоязычной коммуникативной культуре стали разного рода дебаты: политические (в том числе — предвыборные), учебные, даже бизнес-дебаты, о которых мы скажем ниже.

Дебаты — это публичное обсуждение какой-либо общественно важной проблемы с формулированием и аргументацией различных точек зрения. При этом обсуждение строится по заранее известным правилам и организовывается заинтересованной в обсуждении стороной. «Дебаты не призваны определить на месте, кто прав и как решить проблему (это не дискуссия), они призваны дать возможность участникам и слушателям получить и ранжи-

ровать некоторые аргументы для последующего обсуждения и принятия решения в будущем» [Купина 1999а: 170].

Назовем только три факта, свидетельствующих об актуальности дебатов в современной русской культуре. Риторiku преподают студентам всех гуманитарных специальностей в высших учебных заведениях, и тема «Дебаты», как правило, включена в учебную программу. Дебаты стали одной из популярных форм ток-шоу («Культурная революция» с М. Швыдким в роли ведущего, «К барьеру» с В. Соловьевым). Наконец, дебаты входят в программу предвыборных кампаний законодательной и исполнительной власти.

Дебаты воспринимаются многими как речевая форма, позволяющая цивилизованно обсуждать проблемные темы, а значит, опирающаяся на идеологический конструкт толерантности, — т. е. воспринимаются как коммуникативная практика толерантности. Вместе с тем дебаты как реальность современного русскоязычного коммуникативного пространства, как многообразно воплощающаяся жанровая форма, изучены недостаточно.

Организованное речевое общение в тоталитарной культуре: жанр проработки

Сфера политического в советской культуре не имела очерченных пределов, проникала во все области жизни, прямо или косвенно формировала общественное и индивидуальное сознание [Купина 1995]. Человек жил в идеологическом пространстве, не имея представления о его членимости, вне осознания своей отдельности от него, вне понимания абстрактности предложенных рациональных схем. Но существовали и прообраз церкви, и учение, и сложная структура идеологического сознания. Поэтому исследователи приходят к выводу о синкретичности идеологического пространства советской действительности. Синкретичности, позволяющей пространству вбирать самые разнообразные и даже противопоставленные друг другу схемы освоения и завоевания общественного и индивидуального сознания (см. также: «Идеология и утопия» Маннгейма). Идеологическое воздействие посредством мифологизирующих первоисточников проводилось непрерывно. Е. А. Ермолин справедливо отмечает: «Человек не принадлежал себе и не был равен своему естеству; он был неадекватен своей

будничности. Вся система воспитания на живых примерах и лозунгах служила тому, чтобы единичная особь ощутила себя везде и всюду гражданином СССР, участником строительства светлого будущего, сыном партии и учеником вождей. В этом было подлинное определение человека в свете официального мифа» [Ермолин 1996: 3].

Но знание проникало в сознание масс при использовании соответствующих «механизмов». Механизм введения сакрализованных знаний связан с ритуалом. «Информация, запечатленная и сберегаемая в системе ритуалов определенного этноса, содержала в себе, во-первых, ту или иную картину мира и, во-вторых, некоторую модель (стереотип, образец) поведения людей в особо значимых ситуациях. Смысл ритуала — именно в повторении, в воспроизведении сложившейся у племени картины мира и представлений о должном поведении в ответственных и критических обстоятельствах. Соблюдение ритуалов ощущалось архаическим социумом как залог безопасности и процветания» [Мечковская 1998: 53]. Советские ритуалы суть ритуалы социального характера, в них человек реализуется не как отдельная личность, а как член общества, где «основными массовыми акциями являются демонстрация и чистка» [Ермолин 1996: 4]. Чистка описывается исследователем как «весьма распространенный в конце 20–30-х гг. советский обряд. Члены парторганизации, сотрудники учреждения, работники предприятия собираются, чтобы выяснить соответствие идеологическому стандарту некоторых из присутствующих. Критерии *чистки* задаются Учением. По его логике, новый мир создается “из ничего”, путем преодоления всего старого, с которым идет непримиримая борьба. Действительность поляризована, все ее явления разведены на полюса» [Ермолин 1996: 107].

Из процедур чистки выделилась более приспособленная к повседневному употреблению процедура *проработки* некоторых членов группы на собрании. Эта процедура стала ключевой коммуникативной практикой тоталитарной культуры. Именно в *проработке* поддерживались актуальные идеологемы и воспроизводились ритуалы восхваления / поругания и воссоединения / отречения, характерные для тоталитарной культуры и связывающие участников *проработки* круговой порукой.

Под *проработкой* мы, вслед за М. Я. Гловинской, понимаем «особый советский тип осуждения — коллективное осуждение (на

собрании, на заседании)», который являет собой «последовательные выступления разных субъектов, объединенные общей темой и объектом оценки» [Гловинская 1993:198]. С нашей точки зрения, *проработка* достигает своей канонической реализации в условиях обязательной политической оценки проступка объекта проработки. Не случайно герой «Красного треугольника» А. Галича, уличенный в супружеской измене, на известном собрании каялся перед товарищами:

И в моральном, говорю, моем облике
Есть растленное влияние Запада...

Проработка в своей основе имеет presupпозицию 'Х считает, что ситуация Р либо свойства, либо действия У-а Р — политически опасное, чуждое, плохое' (ср.: [Гловинская 1993: 196]).

Подчеркнем еще раз, что сложившаяся политическая (шире — культурно-речевая) ситуация привела к появлению крупной речевой формы, претендующей на организацию коммуникативного пространства в рамках советской действительности, к появлению *проработки*.

В современной коммуникативной лингвистике выработано множество методик анализа крупных речевых форм (см.: [Макаров 2003]). На данном этапе представляется целесообразным обращение к анкете речевого жанра, предложенной Т. В. Шмелевой [Шмелева 1997]. Эта анкета, на наш взгляд, позволяет кратко и убедительно описывать речевые жанры разной природы. Особенно важно, что эта анкета не противоречит динамическому пониманию речевого жанра. При этом РЖ предстает не мертвой схемой, а культурным феноменом. Мы позволили себе внести в эту анкету некоторые дополнения, обусловленные спецификой изучаемых РЖ.

Во-первых, коммуникативная цель рассматривается нами в трех аспектах. Мы останавливаемся на организующей РЖ интенции, которая определяет целостность жанра. Далее мы обращаемся к собственно прагматической (материальной) цели, которая стоит за актуализацией РЖ в культуре. Наконец, мы говорим о целенаправленном создании текста определенного типа. Во-вторых, нам приходится учитывать позицию условного «автора», который может не совпадать с говорящим в конкретный момент времени, который конструируется «суммой» речей. Мы также говорим о

«расслоении адресата» в ситуации, когда РЖ по-разному обращен к потенциальным участникам речевого события. В-третьих, говоря о коммуникативном прошлом и коммуникативном будущем, мы разделяем ближайшее коммуникативное время, включенное в изучаемое речевое событие, и отодвинутое коммуникативное время, которое находится за пределами изучаемого события. Речевой жанр *проработки* при этом будет описан следующим образом.

Коммуникативная цель

Организирующее намерение: позитивное идеологическое воздействие на объект проработки. Этот позитив более всего ясен там, где проводится собрание, но нет директивы на устранение:

Варя была поражена: хорошо знакомые люди, с которыми она виделась каждый день, с которыми у нее установились самые дружеские отношения, вдруг сделались подозрительными, готовыми уличить ее во лжи, точно выполняют бог весть какое ответственное государственное дело (Рыбаков).

Собственно прагматическая, материальная цель: наказание объекта проработки и/или его устранение, удовлетворяющее личные или групповые потребности прорабатывающих (устранение конкурента, подтверждение верности идее и т. п.): *...уезжающего еврея тащат на собрание, и все, кто с ним раньше работал вместе, должны хорошенько плюнуть ему в рожу, а если есть охота, можно и поддать ногой под зад. Независимо от того, был ли ты с ним дружен прежде или враждовал. Бей, не щади, иначе сам попадешь на заметку (Севела).*

Текстовая цель: создания вторичного по отношению к директиве проработочного текста, отражающего единение группы вокруг директивы:

Речь отгрохал хорошую, обстоятельную, рвачей почистил от борными словами, — с песочком, но без мата, — зацепил и промфинплан, отметив, что комсомольская бригада перевыполнила задание на одиннадцать кубометров. Фразы, готовые, привычные, такие, какими поставляли их газеты, — в хорошем лозунге слова не переставишь, — летели из него, как из мясорубки: и ликвидация кулака как класса, и шесть условий, и овладение техникой. От рвачей из ночной смены, пропущенных через эту мясорубку и измолотых на котлеты, остались лишь, как дощечки на кладбище,

одни позорные ярлыки: кулацкие подголоски, предатели рабочего класса, враги социализма (Ясенский).

Образ автора

В проработке говорящий не соотносится с представлением об «авторстве». Так, И. Грекова, художественно осмысляя этот феномен, пишет: *Действующие лица говорят об истинных инициаторах загадочно: «нам говорили», «нам указывали», «имеется мнение».* Важно, что у жанра, в котором предполагается многосторонний обмен репликами, не может быть «автора» в качестве говорящего, образ автора следует искать в драматическом сценарии жанра и культурно-речевой ситуации, благоприятствующей появлению, закреплению и активному функционированию жанра. В статусно-ролевом аспекте образ автора соотносится с позицией «идеологически чистого», непримиримого к недостаткам и их носителям:

Я не специалист, но автор задел за живое каждого советского человека, и я считаю своим гражданским долгом высказаться по поводу ряда принципиальных общенаучных вопросов, возникающих при чтении этой статьи. <...> Почему, когда речь идет о прошлом, он обходится без марксистского анализа, без связи творчества писателей с социальными процессами? <...> Переводная литература — острейший участок идеологической работы. Нельзя отрывать авторов оригиналов и авторов переводов от общественной действительности, определившей их мировоззрение. <...> Ведь очевидно, что после Великой Октябрьской социалистической революции важны не заповеди контрреволюционера Гумилева, а великого Ленина (Эткинд).

Образ адресата

В проработке этот образ расслаивается. Осуждение адресованно объекту проработки (адресат 1). Между тем процедура и соответствующий протокол конъюнктурно адресованы власти (адресат 2), как доказательство идеологической веры / верности. Кроме того, процедура адресована аудитории (адресат 3), которая пропитывается идеологическими эмоциями страха и избавления (очищения). Все эти три типа адресата актуализированы в следующем фрагменте, воссоздающем одну из трансформаций проработки 30-х гг. XX века:

На пионерской линейке Туся (пионервожатая. — С. Д.) поставила перед строем второклассника Борьку Кауфмана, сына инженера с ЗИСа, и заставила всех скандировать: «Борин папа — враг народа», «Борин папа — враг народа». Маленький Боря стоял, вытянув руки по швам, закусив губу, стараясь не расплакаться. Не выдержал, всхлипнул, и тут же строй взревел еще радостней: «Борин папа — враг народа» (Рыбаков).

Диктумное содержание

Проработка проходит на собрании, заседании идеологически напряженных субъектов в окружении символов идеологического могущества, в присутствии явных и тайных наблюдателей.

На слабо освещенной сцене, прямо под громадным портретом Ленина, сидели люди. Они занимали середину длинного стола, покрытого красным сукном (Сорокин).

По сути, это протоколируемые последовательные высказывания разной степени подготовленности, отражающие текущую идеологическую ситуацию (отталкивающиеся от актуальных директив); высказывания, развивающие тему идеологической вины объекта *проработки* и меры общей и индивидуальной ответственности членов коллектива.

Итак, мне снова предстояла проработка, на этот раз, кажется, спасительная: ритуальное действие могло успокоить жаждущего крови Толстикова (Первый секретарь ленинградского обкома КПСС. — С. Д.), чем свирепее окажутся ораторы, тем лучше. Жертва сама понимала, что чем больше ее будут бить, тем больше шансов выжить (Эткинд).

Коммуникативное прошлое

Ближайшее коммуникативное прошлое соотнесено с проступком. Но проступок прорабатываемого только на поверхностном уровне может осознаваться в качестве коммуникативного прошлого *проработки*. Подлинное коммуникативное прошлое соотносится с директивой, прямо или косвенно иницирующей *проработку*, и подготовительным этапом, на котором распределяются роли выступающих, согласовывается сценарий собрания, проводится «разъяснительная работа». *Проработка* всегда готова оторваться от фактов, потому что сегодняшняя газета «Правда» в тоталитарной культуре значительно правдивее вчерашней. Ярким свидетельством существования подготовительного этапа стали разбираемые

на собраниях «сигналы», документальные и воссозданные в художественном тексте:

А это от профячейки... Члены цехового профсоюзного комитета просят заводской комитет рассмотреть на очередном заседании поведение фрезеровщика Виктора Пискунова. В течение последнего месяца Пискунов регулярно нарушал производственную дисциплину, являясь на работу в нетрезвом виде и не выполняя производственных норм. Шестнадцатого июня Пискунов нанес в пьяном состоянии сильное повреждение своему станку, тем самым на целый день задержал работу всей бригады. Снятие с Пискунова прогрессивки никак не повлияло на него, — он по-прежнему продолжает нарушать дисциплину, грубит цеховому начальству и товарищам (Сорокин).

Отдаленное коммуникативное прошлое соотнесено с опытом участников и с политической хронологией событий (проработки конца 30-х гг. существенно отличаются от проработок 70-х). Каждый из присутствующих опирается на свой опыт участия в процедуре *проработки*, на знание разных позиционных ролей; опыт сурового наказания объекта *проработки* при наличии карательной директивы, а также опыт чудесного избавления (*где надо, разберутся*) определяет логику предпринимаемых действий.

Коммуникативное будущее

Ближайшее будущее: решения, приказы, отчеты и «принятие необходимых мер».

Будущее, выходящее за пределы конкретной процедуры: поиск новых жертв, связанных с только что проработанной. *Проработка* — это циклический процесс, который повторяется до тех пор, пока новая директива не задаст новые цели, не запустит очередную волну *проработок*.

Раз начавшись, проработка развивается как ветвящийся процесс. Прежде всего, некое деяние (статья, книга, устное высказывание) осуждается и вносится в резолюцию (чего — безразлично). Так зарождается основной ствол (или русло) проработочного процесса. Далее он начинает ветвиться, подобно дереву или дельте реки. <...> Идет процесс размножения резолюций (Грекова).

Языковое воплощение

В целом для *проработки* характерны ориентиры на типовую советскую речь — новояз, и на сакрализованность языка ритуала,

характеризующуюся противостоянием «“земному”, “межчеловеческому” общению — не только бытовому, повседневному, но и служебному, официальному, праздничному» [Мечковская 1996: 78]. Яркими приметами текстов проработки становятся актуализация категорий идеологической оценки и тональности в ущерб категории темы, а также «коллективный монологизм» речи (все повторяют одно и то же).

Я Бродского лично не знаю. Я знаком с ним по выступлениям в нашей печати. Я выступаю как гражданин и представитель общественности. Я после выступления газеты возмущен работой Бродского. Я захотел познакомиться с его книгами. Пошел в библиотеку — нет его книг (Второй суд над Иосифом Бродским, запись Ф. Вигдоровой).

Изучение речевого жанра *проработки* в тоталитарной культуре привело нас к своеобразному пониманию речежанрового анализа крупных речевых форм. Выявление идеологических составляющих *имени жанра* [Данилов 2001], исследование текстовых категорий [Данилов 2000], анализ ролевого поведения участников [Данилов 1999], описание сценария процедуры, а также изучение коммуникативных тактик в пределах речевого события [Данилов 2002] позволяют сделать вывод о культурологической специфике жанра. Будучи порождением тоталитарной культуры, *проработка* наследует ее основные свойства и реализует ее основные функции, а именно: обеспечивает идеологический контроль за членами группы (прорабатываемыми и потенциально прорабатываемыми); формируясь на основе директивы, поддерживает специфическую директивно-ситуативную норму, распространяющуюся на выбор ярлыков, тематику коммуникативного взаимодействия и на приспособление строевых речежанровых элементов к идеологическому контексту. Процедура *проработки*, построенная с учетом идеологической композиции, стимулирует процесс идеологического «заражения» коммуникативной ситуации. Несмотря на диалогическую (полилогическую) форму существования *проработки*, РЖ приобретает монологический характер, который обеспечивается директивной заданностью и гипертрофированными коммуникативными правами прорабатывающих. «Масочность» и театрализованность тоталитарной культуры в *проработке* проявляется в наличии правил игры, в механизмах мены ролей, а также в

вытеснении статусных характеристик коммуникантов позиционными.

Организованное общение в современной культурно-речевой ситуации: дебаты

Дебаты, как и *проработка* в тоталитарной культуре, заданы «сверху». Но если в тоталитарной культуре *проработка* задана и по форме и по содержанию, а ее прямой результат предсказуем (кто-то будет наказан), то дебаты — это «рекомендованная» форма обсуждения тех проблем, которые представляются актуальными разным группам влияния на общественное мнение (государственным органам, учебным заведениям, средствам массовой информации). Вместе с тем дебаты становятся механизмом наполнения современного идеологического пространства.

В нашем распоряжении оказались материалы дебатов, проведенных екатеринбургским иллюстрированным журналом «Стольник» в ноябре 2003 г. (магнитофонная запись всего публично сказанного всеми участниками, около полутора часов записи; статья, опубликованная в декабрьском номере журнала, и подготовительные письменные материалы). Уже письменное приглашение, рассылаемое участникам дебатов, позволяет судить об идеологической направленности спора. Приведем этот документ полностью.

ИСКУССТВО РЕКЛАМЫ

Уважаемые господа!

Приглашаем вас к участию в Бизнес-дебатах, которые позволяют вам заявить о своей позиции по спорному вопросу и поддержать добрую репутацию фирмы.

Как и вы, журнал «Стольник» заинтересован в том, чтобы клиенты осознанно выбирали время и место, в которых они потратят свои деньги с максимальным удовольствием.

Поэтому журнал продолжает проведение Бизнес-дебатов, которые позволят читателям выбрать оптимальное решение своих проблем, а фирмам позволят еще раз напомнить о преимуществах работы и отдыха именно с ними.

Для проведения Бизнес-дебатов приглашаются специалисты из Уральского государственного университета, помещение предос-

тавляется журналом «Стольник». Журнал «Стольник» размещает фотографию участника дебатов и называет фирму, которую представляет участник, а также помещает репортаж о споре между участниками дебатов. Акция проводится без взимания платы с участников.

В новогоднем номере будет обсуждаться тема «Должна ли реклама быть искусством?». В дебатах участвуют представители мира искусства, рекламисты и рекламодатели. В каждую команду входит три человека, которые отстаивают общую позицию.

Организаторы просят участников придерживаться следующего определения:

Искусство — это деятельность, направленная на создание гармоничного продукта, эстетически воздействующего на потребителя и побуждающего к ответному эмоциональному или логическому действию.

Участник дебатов готовит:

Или аргумент в пользу того, что реклама прежде всего искусство. Чем лучше произведение искусства, тем большее число потребителей ощущает доверие к рекламируемому продукту.

Или аргумент в поддержку того, что реклама — это бизнес, и эффективность этого бизнеса зависит не от эстетических удач рекламного продукта.

Выступление должно содержать актуальный пример из опыта создания или восприятия рекламы. Хорошо подготовить и запасные аргументы, чтобы не было повторов с коллегами. Результаты обсуждения станут материалом статьи в журнале «Стольник».

Время и место проведения дебатов будет сообщено дополнительно.

Ключевыми идеологемами приведенного текста становятся слова: *бизнес, фирма, клиенты, коллеги, деньги, тратить, эффективность, добрая репутация*. «Общий знаменатель», объединяющий всех участников дебатов, — это выгода (*клиенты ... потратят свои деньги с максимальным удовольствием*), поэтому подчеркивается малозатратность проекта для спорящих сторон (*акция проводится без взимания платы с участников*). Даже определение искусства сформулировано с использованием слов *создание, продукт, потребитель*, то есть таким образом, что искусство представляется неким «бизнесом», в сугубо коммерческом понимании.

Неоднократный повтор номинации *журнал «Стольник»* свидетельствует о заинтересованности организаторов в продвижении своего бренда посредством проводимых *бизнес-дебатов*. Попут-

но отметим, что в качестве участников и наблюдателей привлекаются либо рекламодатели, либо люди, чьи слова значимы и интересны для целевой аудитории журнала.

Характерно, что в этом приглашении не отражены правила, по которым проводятся дебаты, не оговорен институт судейства, ничего не говорится о статусе победителей и побежденных, о том, что дебаты проводятся в присутствии наблюдателей. На наш взгляд, это объяснимо намерением организаторов снять напряженность, свойственную каждому спору. Необходимо это, во-первых, потому, что формат иллюстрированного журнала не предполагает конфликтных материалов; во-вторых, потому, что сложные правила, жесткий регламент и необходимость внутрикомандной подготовки отпугивают потенциальных участников.

Вновь обратимся к анкете речевого жанра, которая позволяет выявить некоторые болевые точки дебатов и сформулировать жанровые ожидания, с которыми организаторы берутся за проведение дебатов. Заметим, что исследование велось на базе текстов учебных дебатов, официальных политических теледебатов и организованных журналом «Стольник» *бизнес-дебатов*, тогда как в статье используется иллюстративный материал *бизнес-дебатов*.

Коммуникативная цель

Организующая интенция: объединение группы вокруг темы, которую организаторы дебатов объявляют актуальной, социально значимой. Заявляется необходимость цивилизованного доказательства правильности выбранной участником позиции по спорному вопросу.

Прагматическая цель: склонение аудитории к своей позиции, то есть командная победа в споре. (В учебных дебатах прагматическая цель — освоить технологию толерантного аргументированного высказывания по спорному вопросу, изучить методики поиска компромиссных решений.)

Текстовая цель: создание текстов, которые высоко оцениваются по информативным, этическим и эстетическим критериям, выражают вашу личную позицию и в то же время способны убедить «кого угодно в чем угодно».

Следующий текстовый фрагмент выражает позицию директора крупного торгового центра. В его выступлении не ставится под сомнение важность разговора. Избегается употребление слова

«искусство», вместо этого говорится о «креативе», что вполне соответствует прагматическим командным целям (*Я все равно представляю бизнес*). Речь изобилует терминологией менеджмента, на которой и строится аргументация; таким образом достигается названная «текстовая цель». При этом характерны повторы основной мысли и демонстрация психологической и экономической «учености»*.

Постараюсь быть столь же краток / насколько это будет возможно // Я все равно представляю бизнес // Получается в голове существует / очень строгая / жесткая разбивка // Что я делаю / для чего я делаю / кому это необходимо // поэтому в любом случае / каков бы ни был бизнес / существует / у любой компании / по крайней мере должна существовать / все равно должна существовать миссия / должно существовать виденье компании / в связи с этим у человека должно быть строго разложено по полочкам в голове / кроме этого должны быть сразу определены у компании цели и задачи // цели это / куда идем? Задачи / это какие вопросы мы должны решить для достижения этих целей // Менеджмент в целом / маркетинг в частности / реклама / продвижение / система хостис там и так далее // Все равно это является частностями уже бизнеса / И каждая компания уже в частности определяет / в какой мере ей необходим тот или иной / информационный рекламный продукт / И опять же / если жестко структурировать этот вопрос все равно получается / что существуют цели и задачи / а затем уже существует под это выделение определенных ресурсов / бюджет на достижение рекламными / информационными средствами этих целей и задач // Только на следующем этапе / э / возникает роль / насколько необходимо той информации / для достижения целей / придать м-м / ту или иную степень / креативности / для того чтобы все эти идеи / идеи и информацию о продукте или ресурсе необходимо довести до целевой аудитории до потребителя чтоб она до него дошла и мы получили в итоге конкретный результат // Зачастую / очень часто получается / когда креатив в компании / не знаю / у директора / у директора по маркетингу / либо у отдельно взятых руководителей / которые работают в компании / креатив берет верх / и

* Мы приводим речь не полностью, в связи с ограниченным объемом статьи. К сожалению, пришлось опустить аргументацию, связанную с обращением к теориям социальной психологии.

*как последний ва / последний вагон поезда опережает непосредственно/ сам локомотив /и в этом случае получается картина что /э/ этот креатив может быть никому не нужен / либо он не достигнул цели / бизнес / он не может работать только в креативе / он должен/ идти на выполнение / или достижение основополагающих целей компании / и мне кажется что это является базисом / все остальное является надстройкой //**

Образ автора

В дебатах говорящий не соотносится с представлением об «авторстве». Концепция автора прослеживается в наличии правил и степени строгости их соблюдения. Каждый говорящий при этом выражает и свою личную позицию, и позицию своей команды. В связи с этим говорящие часто ощущают игровую подоснову дебатов и отступают от личной позиции в пользу игровой роли. Толерантность и цивилизованность автора теоретически отражена в позиции ведущего, который беспристрастен и зачастую настроен на поиск компромисса и «лучшего» решения (на практике ведущий далеко не беспристрастен).

Ведущая: *Я думаю / а сейчас как раз стоит предоставить слово клиентам / которые выступали в виде наблюдателей //*

Наблюдатель: *Почему же клиенты?*

Из аудитории (перекрикивая друг друга): *Гости / Гос-ти //*

Ведущая: *Вы сами выберете / сами выберете свою роль //*

Образ адресата

1. Условный адресат — команда противника, которую стараются переубедить, что вряд ли возможно. Соответственно, демонстрация толерантности или интолерантности к позиции соперника — лишь часть игры.

2. Дебаты направлены на неопределившуюся аудиторию, которая должна принять ответственное решение по спорному вопросу.

3. Дебаты адресованы в равной степени всем участникам, ко-

* Нельзя не отметить, что речь сорокалетнего (может быть, даже более молодого) мужчины, директора крупного торгового центра, делающего ставку на дорогие товары (одежду и аксессуары известных мировых производителей), изобилует советизмами.

торым внушаются мысли о ценности обсуждаемой проблемы и о важности подобного организованного (цивилизованного) решения проблем.

Таким образом, адресат — это человек, который готов сформировать свою позицию по значимому вопросу на основе игровой процедуры. Для него принципиальны общественное мнение, лидерство в группе, эрудиция, высокая коммуникативная компетенция и умение подчиняться правилам.

Позиция автора и адресата интересно проявлена в речи директора салона модного белья, которая присутствовала на бизнес-дебатах в качестве наблюдателя. Высказывание подытоживало выступления команд.

Тут значит такая интересная дискуссия / Интересна она / на самом деле / предметом // Мне было интересно / потому что я наблюдала со стороны // В принципе будучи по образованию философом / я честно говоря с удовольствием могу / вот тут побегать вот да // С одной стороны / за эту команду / и с этой точки зрения / И с другой стороны / от этой точки зрения я тоже могу как человек который дает рекламу нижнего белья // Позиция реклама как искусство / она очень красива // Но как циничный бизнесмен [из аудитории: бизнесвумен (смех)] / я скажу / и есть такое желание значит / тут такие умные / такие продвинутые слова / я вот (передразнивая ведущую. — С. Д.) как клиент / как потребитель рекламы // Главная цель / продать товар // Говорите тут что хотите // Креативный / продвинутый / мотивы / так стильно / или наоборот // Продать! Продать!

Диктумное содержание

Дебаты проходят в подготовленном помещении, аудитория обычно разделена на сторонников команд и на неопределившихся, то есть аудитория специально подготовлена. При использовании некоторых моделей дебатов ведущий начинает свою работу с опроса аудитории. Команды и аудитория подчиняются единым правилам, отступления от которых рассматриваются как слабость и ошибка. Контролируют регламент и содержательность дебатов судьи или контрольная группа, отобранная из наблюдателей. Ведущий обычно не так жестко ограничен регламентом, что дает ему массу возможностей управления ситуацией.

Описанное событийное содержание частично явлено в следующей

щем текстовом фрагменте. Ведущая дебатов продвигает процедуру от первой команды к выступлению соперников.

У меня предложение // После выступления / пусть прозвучат вопросы // Если вопросы возникают в процессе речи / ваших оппонентов / вы можете задать вопросы / Но ограничимся / например/три вопроса / Да? И / кроме этого / конечно же / зрители / может быть жюри / тоже / если есть вопросы / пожалуйста / задавайте // Сейчас есть вопросы? Нет пока // Команда противников? (следующая фраза произносится со смехом, который поддержан и участниками. — С. Д.) Все берегут свои мысли для собственного выступления // Ну что ж тогда/ ответное слово имеет Сергей // Пожалуйста //

Коммуникативное прошлое

Ближайшее коммуникативное прошлое: подготовительная работа внутри команды и с организатором дебатов.

Отдаленное коммуникативное прошлое: участие в спорах, чаще всего семейных, дружеских или в деловых переговорах; работа в тренингах, которые включали в себя дебаты и другие ролевые игры.

Коммуникативное будущее

Ближайшее будущее: объявление решения жюри, а также кулуарное обсуждение микропобед и микропоражений участников («разбор полетов»).

Будущее, выходящее за пределы конкретной процедуры: высказывания по обсуждавшейся проблеме в тональности «знатока»*.

Языковое воплощение

В целом для дебатов характерен ориентир на полуофициальное общение, на аргументативный тип действий побудительной направленности. По данным собранного материала, дебаты не обходятся без конфликтных речевых тактик, с высмеиванием соперника, с перекрикиванием, с нарушением регламента. Яркой приметой их текстов становится доверие фактам, в том числе полухудожественного толка. Заданная тема дебатов легко идеоло-

* Факторы коммуникативного будущего и коммуникативного прошлого на данном материале проанализированы не были. Можно отметить лишь то, что «протокол» дебатов был отражен в журнальной статье и во многом не совпадал с реальными событиями.

гизируется, отрываясь от бытовых повседневных практик говорящего, что находит отражение в построении системы идеологем, а следовательно, и в наполнении текстовых категорий.

Все сказанное представляет собой самые предварительные замечания на подступах к изучению языкового существования в рамках дебатов как сложной речевой формы. Очевидно, что дебаты нельзя безоговорочно отнести к коммуникативным практикам толерантности. Необходимо изучать функцию игрового начала дебатов, их значимость в разных сферах человеческой деятельности, взаимодействие коммуникативных целей описываемой речевой формы. Подчеркнем свою солидарность с точкой зрения Б. М. Гаспарова: «Основу языкового умения составляют не абстрактные правила, с помощью которых можно было бы создавать различные построения из языкового материала, — но скорее сам этот материал как первичная данность, усваиваемый в конкретной форме и применительно к конкретным условиям употребления» [Гаспаров 1996: 104]. Следовательно, дальнейшие наши исследования будут ориентированы на продолжение сбора текстового материала и изучение дебатов, «живых» и телевизионных, по той схеме, которая была создана для анализа жанра *проработки* в тоталитарной культуре. При этом целью исследования станет выявление результатов проводимой в обществе языковой политики, а также речежанровый очерк современной культурно-речевой ситуации в лингвоидеологическом аспекте.

О. Е. Чернова

Способы формирования агрессии
в современном публицистическом дискурсе
(на материале газеты «Магнитогорский
рабочий»)

«Сейчас в мире никакой идейной борьбы не происходит, происходит борьба интересов и кулаков», — писал в 1937 г. Н. Бердяев [Бердяев 1991: 123]. В период тоталитарной идеологии эти слова были крамолой. С позиции нашего посттоталитарного общества это высказывание представляется истинным. Поражаясь критическому мировосприятию Н. Бердяева, мы искренне верим, что навсегда освободились от влияния времени «всеобщей борьбы со злом». Но так ли это? Постараемся ответить на этот вопрос, сравнив газетные публикации двух эпох: тоталитаризма и посттоталитаризма. Материалы для исследования взяты из газеты «Магнитогорский рабочий» (далее: МР) 1933–2003 гг., которая является ежедневным городским общеполитическим изданием и выходит в свет с 1 января 1930 г.

Ценность власти и ее морали часто связывают с материальным благополучием. Убежденность в том, что государство обеспечит экономическое процветание, делает миллионы людей приверженцами той или иной идеологии. Обыденное сознание создает образ идеальной власти — образ людей, которые представляются блюстителями справедливости и равенства.

Аспект социальной справедливости с точки зрения общественного равновесия относится к наиболее уязвимым. Проблема распределения продуктов труда в обществе — та основа, которая обуславливает разделение мира на два враждебных лагеря бо-

гаты и бедных. Материалы МР показывают, что это разделение является актуальным как для тоталитаризма, так и для пост-тоталитаризма.

В основе идеологии советского общества лежит оппозиция *социализм — капитализм*. В зависимости от оппозиции политических сил распределяются оценочные функции: *положительная оценка явления — отрицательная оценка явления*. Речевое поведение всецело подчинено одной из этих двух установок, а именно положительной оценке всего, что принадлежит *социалистической* идеологии, тогда как отрицательная оценка *капитализма* рождается сама собой.

Идея противостояния формирует образ врага. Анализируя содержание газетных статей, можно заметить, что борьба ведется в двух направлениях — с внешними врагами и с внутренними. В условиях всеобщего равенства, провозглашенного социалистической идеологией, внутренние враги (*бывшие кулаки, торговцы, карьеристы, шкурники, бюрократившиеся элементы*) представляют меньшинство, уничтожение которого — вопрос времени. Поэтому внутри советского государства оппозиция *богатые — бедные* и экономический конфликт распределения материальных благ не актуальны.

Внешние враги — это представители иностранного буржуазного лагеря. Их политика характеризуется газетой как *политика кабалы, эксплуатации и гнета для трудящихся* (МР. 1933. № 156). Действия *капиталистов*, совершаемые во вред *трудящимся*, в своей основе содержат экономические противоречия, возникающие при распределении материальных ценностей. Факты ущемления интересов *трудящихся* капиталистических стран вызывают идеологически заданное агрессивное отношение к внешнему врагу. Для социалистического общества конфронтация *богатые — бедные* является внешней, свойственной области «капиталистического», поэтому советские граждане поставлены в положение сочувствующих бедным.

Тоталитарная модель формирования агрессии, направленной на внешних врагов, реализуется в советской прессе разными способами. Они остаются актуальными даже после смены политического строя. Разрушение тоталитарного режима принесло с собой изменение идеологических установок [Купина 2000: 183]. Однако процесс деидеологизации практически не затронул аспект «эко-

номической несправедливости». Деидеологизировались только идеологические стереотипы, касающиеся буржуазного общества. Враг внешний исчез, но враг внутренний остался. *Трубящиеся* в посттоталитарном обществе утрачивают роль сочувствующих бедным, поскольку сами становятся бедными. Их агрессия в экономически нестабильном государстве активно направляется на тех, кто путем быстрого обогащения стал обладателем материальных ценностей. Можно предположить, что искусственное разжигание агрессии между богатыми и бедными политически необходимо для любой идеологии, потому что оно придает политической деятельности смысл, суть которого — поиск неясного идеала лучшей жизни и большей социальной справедливости.

Публицистика — эффективное средство формирования агрессивного отношения трудящихся к нетрудящимся. Идеологически заданное описание существующей ситуации создается разными способами. Цель — вызвать у бедных интолерантное отношение к богатым.

Первый способ формирования агрессии — констатация фактов чрезвычайной ситуации.

Газеты советского времени жестко противопоставляют социализм капитализму. Мир капитализма характеризуется как система с низким уровнем макроэкономической и социально-политической ситуации. Ср.: *Во всем капиталистическом мире среди трудящихся царит ужасающая нужда. Ненасытные богачи, миллионеры, пользуясь кризисом, снизили жизненный уровень масс* (МР. 1937. № 100); *Нуждой, нищетой, безысходной тревогой за завтрашний день наполнено существование рабочих и крестьян в капиталистических странах. Рабом рождается там человек, умирает в нищете и, умирая, знает, что та же участь ожидает его семью, его детей* (МР. 1937. № 233).

Пейоративное отчуждение всего, что относится к капитализму, создается посредством употребления оценочной лексики *ужасающая, нищенская, ненасытные, безысходная*, а также слов-аффективов *нужда, нищета*. В совокупности эти средства эмоционального воздействия заставляют читателя ценить достижения социализма.

В посттоталитарной прессе описание современной действительности уподоблено характеристике, которую давал тоталитаризм капиталистическому обществу: *Социальная картина ужасающая*:

нет рабочих мест, нет зарплаты, нет отчислений в бюджет, нет социальных выплат (МР. 2000. № 78); *Безденежье и безработица, мздоимство чиновников способствуют росту пьянства, наркомании, детской беспризорности, высокой смертности, преступности* (МР. 2002. № 118); *Новый мир, совсем новый мир начался. Это жесткий, расчетливый режим. Здесь слабые и неудавшиеся должны погибать* (МР. 2002. № 70).

Контексты подчеркивают новизну социальной жизни, но это законы капитализма. Внешняя оппозиция проникает внутрь общества. Для создания мрачной картины используется эмотивно-оценочная лексика (*ужасающая, жесткий, расчетливый*) и слова-аффективы (*безденежье, безработица, мздоимство, пьянство и т. д.*), которые резко отрицательно характеризуют условия жизни в России и формируют у читателя ощущение подавленности и страха. Эмоциональное состояние адресата поддерживается не только лексическими, но и синтаксическими средствами. Используются стилистические фигуры: синтаксический параллелизм (*нет... нет... нет...*), повтор (*новый мир*), бессоюзие. Они способствуют смысловому усилению коннотации 'экономический кризис'.

Моделируя новую реальность, газета использует и развернутую метафору: *Здесь слабые и неудавшиеся должны погибать* (МР. 2002. № 70). Сравнение с естественным отбором животного мира провоцирует агрессивное отношение к богатым. В данном случае метафора является очень продуктивным средством для языкового моделирования ситуаций поведения. По словам А. Б. Бушева, «образное выражение управляет поступками не буквально... а путем прямого внушения через иносказание» [Бушев 2002: 36]. Оно облекает мысль в общедоступные образы, которые легче проникают в сознание человека, чем какие-либо другие средства воздействия.

Итак, способ констатации фактов экономического кризиса является эффективным средством возбуждения в адресате агрессивного отношения к оппоненту, так как он активизирует в человеке самое сильное чувство — страх за свою жизнь и свою собственность.

Второй способ — обвинение оппонента в присвоении им материальных ценностей. В прессе тоталитарного периода эти обвинения иллюстрируются такими высказываниями: *Доходы, выжимавшиеся эксплуататорами из народного труда...* (МР. 1934. № 25); *Основой бюджета царской России было ограбление трудящихся*

для обогащения капиталистов (МР. 1937. № 12). Ситуации распределения трудовых доходов присваивается номинация *ограбление* (*ограбление трудящихся для обогащения капиталистов*). Новое именование освещает «предмет» с «нужной» для идеологии стороны: оно представляет незаконность действий эксплуататоров в моральном и юридическом планах.

Наделение Организатора труда вторичной ролевой функцией Обладателя-реципиента способствует развертыванию текста следующим образом: *эксплуататоры, те, кто организывает трудовую деятельность... незаконно получает всю прибыль*. Распределение ролей подобным образом обуславливает появление устойчивых смыслов при воспроизведении ситуации распределения трудовых доходов. Сообщение, что Х осуществляет трудовую деятельность в капиталистическом обществе, воспринимается и как сообщение о том, что труд возложен на Х-а, и как констатация каких-либо ограничений на деятельность и ее результаты (доминирующая сема 'принуждение').

Схема несправедливого распределения трудовых доходов как средство возбуждения агрессии активно перенимается посттоталитарной прессой. Например: *Истоки зла в нашей теперешней жизни — в политике, которую навязали нам ельцинисты-«реформаторы», разделив общество на жирующую кучку богачей и подавляющую массу обездоленных, в захвате всенародной собственности узким кругом лиц, в несоразмерном распределении плодов труда, создаваемых трудовыми коллективами* (МР. 2003. № 16). Эксплицитная оппозиция *богачи — обездоленные* актуализирует статусные отношения, право на приоритеты. Автор придерживается точки зрения *обездоленных*, которых *подавляющая масса*; на противоположном полюсе лишь *узкий круг лиц, кучка*. Интересно, что в контексте к *обездоленным* относятся и *трудовые коллективы*. Выстраивается целая система устойчивых образов-противопоставлений: мы нравственные, благородные; они подлые, злые, безнравственные; для нас характерна честность; для них — изворотливость, наглость, склонность к жульничеству. Разрушительная деятельность последних всячески подчеркивается: *захват всенародной собственности, несоразмерное распределение плодов труда*. Словосочетание *плоды труда* характеризуется смысловой неопределенностью. Из-за частого использования оно превратилось в политическое клише, которое, несмотря на потерю семан-

тической наполненности, обладает большой пропагандистской силой. Его употребление в стандартных коммуникативных ситуациях формирует в языковом сознании устойчивые ассоциации. Этот процесс влечет за собой закрепление в лексическом значении слова коннотаций, отражающих представления носителей данной идеологии о характере явления, стоящего за словом. Находясь в одном ряду со словами *захват*, *несоразмерное распределение*, словосочетание выражает социально-отрицательную оценку описываемого и актуализирует устойчивую ментальную формулу тоталитарной эпохи: *те, кто организывает трудовую деятельность... незаконно получает всю прибыль — эксплуататоры*. Эта модель провоцирует следующие выводы: Х, который осуществляет трудовую деятельность, будет испытывать ограничения на ее результаты, следовательно, его эксплуатируют. Факт эксплуатации, несомненно, порождает агрессию у читателя.

Третий способ заключается в том, что номинация оппонента поддерживает в адресате агрессивное состояние. Инвективные конструкции для номинации оппонента служили в газетах тоталитарного периода популярным средством создания агрессивного отношения к врагам: *Не страшны пролетарской диктатуре ублюдки разбитых вдребезги классов* (МР. 1933. № 164); *...напыщенные мещане и хвастливые педерасты, почитающие себя избранныками богов...* (МР. 1937. № 35); *Все яснее вырисовываются волчьи клыки врага* (МР. 1933. № 178); *Змией проползли они туда и там, усыпляя бдительность, стремились творить свое черное дело* (МР. 1933. № 51).

Высказывания содержат прямые инвективы (*ублюдки*, *педерасты*), а также метафору, в которой объект речевой агрессии обозначается как представитель животного мира (*волчьи клыки*). Обращает на себя внимание орфографическое написание *змией*, которое провоцирует ассоциативное сопоставление со Змием из Ветхого завета. Высказывание в общих чертах повторяет сцену библейского злодеяния Змия: *проползали туда, усыпляли бдительность, творили черное дело*. Актуализируемые глубинные религиозные представления, по мнению авторов, должны порождать агрессию по отношению к богатым.

В современном публицистическом дискурсе инвективные номинации создаются по таким же моделям: *Сущим бичом для рабочего стала многомиллионная управленческая рать, эта куча са-*

ранчи способна сожрать в государстве все (МР. 1992. № 68); Но тут же Н. С. обзывает «начальников» и «торговцев»... паразитами (МР. 1993. № 15); ... различных «прилипал» — посредников, паразитирующих на труде десятков тысяч металлургов (МР. 2002. № 21); Земной рай — вора, преступникам и бандитам (МР. 2000. № 85).

Политические оппоненты описываются уничижительно — в образах преступников или животных. Метафорическое именование оппонента как представителя животного мира (*саранча, паразиты, прилипалы*) осуществляется по аналогии с основной функцией объекта номинации — использование другого организма. Сема 'живущие за счет других' одновременно присутствует и в словах, обозначающих предмет речи (*торговцы, посредники*), — и в названиях животных (*паразиты, прилипалы, саранча*). В слове *саранча* актуализируется сема 'огромное количество', что косвенно указывает на масштабы класса эксплуататоров. Эти инвективы формируют тональность агрессивности, которая предполагает насилие.

Четвертый способ — прямой призыв адресата к агрессивным действиям против богатых.

В тоталитарном публицистическом дискурсе возбуждение в адресате агрессии против врага неразрывно связано с призывами к его уничтожению: *Они будут стерты с лица земли* (МР. 1933. № 164); *Нанесем сокрушительный удар* (МР. 1933. № 99); *Требуем устроить показательный суд* (МР. 1933. № 50); *Пощады не должно быть никакой!* (МР. 1933. № 164).

Выражения *стерты с лица земли, сокрушительный удар, пощады не должно быть* содержат сему 'физическое уничтожение'. Ее активизация способствует превращению обыденной жизни в военную и провоцирует выработку у индивида агрессивных схем мышления и поведения. Виртуальное уничтожение экономически благополучного индивида вызывает чувства самосохранения и превосходства. Их аффективная сторона создает впечатление пешного выживания в обществе.

Современный «МР» не позволяет себе прямых выпадов против нетрудящихся. Все чаще появляются публикации, в которых говорится о пресыщении читателя негативной информацией: *Надо взять под контроль этих писак, а то совсем обнаглели, пишут, что им вздумается, выливают свою ненависть и злобу на невинных людей* (МР. 2002. № 54); *И снова пестрят в наших призывах слова:*

«сломать», «разрушить», «уничтожить», снова смерч разрушений и насилия. Не кажется ли вам, что в очередной раз мы топим себя в кровавожадных словах? (МР. 1992. № 60).

Недовольство общественности средствами массовой информации выражается в несогласии с содержанием газетных полос, раздражении этической некорректностью журналистов.

Таким образом, сопоставительный анализ публикаций тоталитарного и посттоталитарного публицистического дискурса показал, что, несмотря на деидеологизацию общества, современная печать активно использует для создания агрессии языковые способы советской эпохи. Однако однообразные схемы разжигания вражды вызывают в обществе усталость и раздражение, что позволяет говорить о желании людей видеть на страницах газет толерантные стандарты поведения.

В. Е. Чернявская

Факторы проявления толерантности / интолерантности в научном дискурсе

Проблема, подлежащая обсуждению в данной статье, может быть уточнена следующим образом: как влияют когнитивные и социальные факторы на открытый характер науки как условие толерантности.

1. В сегодняшнем мире научная деятельность находится под влиянием двух различных факторов — с одной стороны, внутренних (внутринаучных) законов познавательно-творческого процесса, с необходимостью отражаемых при текстообразовании, с другой — внешних, социальных факторов. Наука как социально обусловленное явление предстает в виде особой институционально организованной научной деятельности с иерархией отдельных ученых (исследовательских коллективов), существующей в условиях конкуренции. Это означает, что результаты научно-исследовательской деятельности подвергаются общественной оценке, где критериями являются престиж, общественное признание, социальный статус ученого. Эти социальные факторы, внешние по отношению к законам научного познания, способны в достаточно большой степени влиять на современные научные процессы и судьбу научных открытий.

2. Представляя когнитивные основания толерантности в науке, констатируем следующее: в научном тексте отражается содержательно-смысловой и формальный коммуникативно-познавательный процессы. Абсолютное текстообразующее влияние имеет ин-

тертекстуальность как выражение текстовой разгерметизированности и открытости в широкое дискурсивное пространство. Интертекстуальность выступает как универсальный принцип построения научного текста на уровне содержания. Она отражает имманентную диалогичную сущность текста как основанного на коллективном сознании и развивающегося по законам научной премущественности, поступательности и эволюционности. Говоря о научном тексте как абсолютно открытой системе, мы имеем в виду следующие уровни текстовой открытости: *содержательно-смысловая незамкнутость* текста по отношению к иным текстовым системам; *открытость читателю*, тезаурус которого также представляет собой незамкнутую систему (так называемые вертикальная и горизонтальная, т. е. рецептивно-ориентированная, проекции); *внутритекстовая проницаемость* содержательных и формальных структур (текстовых единиц) по отношению друг к другу; *идейно-тематическая и логическая прогрессия* в масштабе авторской системы творчества, или его архетекста; *типологическая* («прототипическая») *открытость* текстов одного типа и — шире — функционально-коммуникативная соотнесенность текстов одного класса в общей таксономии. Ядро интертекстуальной открытости составляет единство ее межтекстовой и межсубъектной проекции, ибо именно их актуализация в тексте обеспечивает осуществление интертекстуальностью своей основной функции — выступать как средство тексто- и смыслопорождения в науке (см.: [Чернявская 1999]). Эти уровни текстовой открытости представляют инвариантную модель научного текста, вербализующего новое научное знание (фрагмент знания) в соответствии с законами научного творчества.

3. Универсальная диалогичность научного текста определяет основополагающую роль научного сообщества при порождении, верификации, оценке нового знания. В научном коллективе преодолевается замкнутость отдельного ученого, который всегда соотносит полученный лично — новый — исследовательский результат с существующей системой знаний. Очевидно, что новые открытия в науке не имеют и не могут иметь абсолютной «субъективной привязанности», подобно произведениям художественного творчества. Если бы не было или не стало того или иного ученого, его открытие, тем не менее, неизбежно получило бы свое воплощение, ибо конкретный ученый идет к своему новому смыслу,

влекомый поступательным и закономерным ходом развития целого направления. И его индивидуальность не играет в науке такой абсолютной роли, в отличие от искусства, где каждое вершинное творение уникально. Подтверждением тому служат нередкие факты одновременных одинаковых открытий, сделанных независимо работавшими учеными.

Итак, каждый субъект науки ведет свой творческий поиск в рамках системы научного знания, сложившейся к моменту создания конкретного текста и определяющей методологические границы научного поиска его автора. Иными словами, каждый новый создаваемый текст служит элементом, структурным составляющим единого научного дискурса. При этом дискурсивная формация выступает как система, формирующая научный стиль мышления и, следовательно, способная осуществлять влияние. Исследователи полагают, что в научном дискурсе играет основополагающую роль такая речевая стратегия, как персуазивность [Гончарова 2001: 64–65], т. е. воздействие на читателя с целью убеждения последнего в истинности/ложности тех или иных идей и направленное на изменение его отношений, установок, оценок. Персуазивное воздействие осуществляется в интересах отправителя сообщения. Это подводит наши рассуждения к следующему существенному заключению.

4. Дискурс как особая формация, выражающая надындивидуальные (или «серийные», по У. Маасу) коммуникативно-когнитивные стратегии восприятия, интерпретации и переработки знаний, способен спровоцировать, породить характерную интолерантность — нетерпимость или невосприимчивость этой системы по отношению к «чужеродным» идеям. То, что дискурс может быть инструментом осуществления власти, а власть успешно осуществляется именно в дискурсе, обосновано теорией дискурса М. Фуко. Творчески восприняли его идеи немецкие ученые (см.: [Jäger 1993]). Более развернуто этот вопрос рассмотрен нами в работах [Чернявская 1999; 2001: 11–22]. «Власть дискурса», по Фуко, возможна потому, что дискурсивная формация охватывает правила, условия и возможности — всю сеть когнитивных отношений, так или иначе релевантных для возникновения определенного знания, она позволяет определить историческое место каждого высказывания, теории, текста, каждой новой идеи — т. е. каждого дискурсивного события; показать и объяснить, почему реализуется то, а не иное

высказывание. Следуя принципам дискурсивного анализа, возможно было бы выяснить, почему участвующие в свое время в дискурсивной практике индивиды, будучи ограничены рамками своего знания, не могли думать, говорить иначе, чем они это делали; благодаря каким предпосылкам стало возможным появление новых идей, тем; какие условия воспрепятствовали развитию иных взглядов. Дискурсивная формация детерминирует конституирование самих тем, выбор, точнее отбор, релевантных понятий и речевых высказываний и выбор коммуникативных стратегий их связи между собой. «Власть дискурса» проявляет себя в том, что он охватывает все возможности для появления определенных высказываний или действий и, следовательно, обладает возможностью управления и направления высказываний.

5. Эти идеи дают нам основание высказать следующее суждение: в научном сообществе, точнее, в границах одной дискурсивной формации в тот или иной период времени, истории могут появляться черты частичной закрытости — невнимание к конкурирующим, альтернативным и вообще другим идеям. В этом случае «властные механизмы» дискурса проявляют себя как механизмы исключения («это не релевантно»), установления границ научной значимости, целесообразности, важности и даже запретов, примером чему служат советские тоталитарные дискурсы, охватывающие разные области научного знания. Таким образом, начинают включаться и действовать механизмы суггестивного влияния, порождающие не критическое отношение к фактам, результатам исследований, восприятие «на веру».

Не менее показательна в этой связи и судьба «несвоевременных» открытий или открытий, оставшихся малоизвестными современникам. Например, в статье В. Г. Вайятта «Когда информация становится знанием?» (1976) рассматриваются причины позднего вхождения в научный оборот открытия 1944 г. О. Эвери, собственно положившего начало молекулярной биологии. Труд этого ученого, однако, не получил своевременного признания, так как: 1) в заголовке статьи не содержалось ключевых слов, которые способствовали бы ее известности; 2) в заключении не содержалось никаких терминологических понятий, позволяющих связать это открытие с более общими идеями генетики; 3) автор ограничился лишь беспристрастной констатацией фактов, без какой-либо их интерпретации. Г. В. Вайятт полагает, что «новая инфор-

мация усваивается лишь тогда, когда она без особого труда укладывается в общепринятые представления» (цит. по: [Котюрова 1996: 144]). Применительно к нашим рассуждениям это означает, что публикация не содержала сигналов, способных показать включенность данного текста в современный ему дискурс (в данном случае — биологии) и через это — правильно характеризующих соотношение известного, «старого» знания и нового, полученного автором открытия. Невыделенность метакоммуникативного компонента при описании открытия привела к тому, что текст как носитель нового знания оказался невостребованным современниками. Действительная, объективно существующая включенность этого и всех других «несвоевременных» открытий в соответствующий дискурс научной области подтверждается уже позже — *post factum*, при ретроспективном теоретическом осмыслении дискурсивной формации.

Итак, вытеснение за рамки данной системы знаний и через это их неприятие, исключение из научного оборота может произойти из-за несоблюдения определенных, сложившихся в научном сообществе правил, представления нового результата в текстотворчестве коммуникативно-когнитивных стратегий, которые детерминированы сущностными закономерностями научного познания — поступательного, преемственного, выстраивающего каждый новый фрагмент знания на основе предшествующего с его оценкой, обобщением и углублением.

Вместе с этими когнитивно обусловленными факторами нельзя не учитывать и того, что мы обозначили как социальные факторы научного развития. В современной ситуации постоянного продуцирования новых текстов «имя в науке», занимаемая ступень в профессиональной иерархии могут определить судьбу научного результата, его общественного приятия или отчуждения, влиять на то, что качественные и действительно значимые достижения малоизвестных исследователей в течение длительного времени могут оставаться незамеченными в научных кругах. Социальная надстройка вступает в противоречие с характером научного познания, в процессе которого разные субъекты науки должны рассматриваться как равные, и персональные характеристики не могут приниматься во внимание при оценке качества научного результата.

Социально и институционально порождаемая конкуренция в

науке создает дополнительные условия для проявления интолерантности.

Интолерантность как тенденциозность, догматизм, замкнутость научного направления или сообщества может проявляться внутри отдельной дискурсивной формации, объединяющей тексты (систему высказываний), обращенные к одной проблеме, теме, концепту на основе общей методологии получения, обоснования и развития знания, и организующей научную деятельность в той или иной предметной области в определенное время. Интолерантность противоречит открытости и разгерметизированности научного познания в целом.

Механизм преодоления замкнутости в отдельном научном коллективе — своего рода иммунитет против нее — заключен в самом характере научного познания как универсального открытого диалога. Основным контрольным механизмом этого явления служит рефлексивная деятельность познающей личности, направляющей свои познавательные действия на поиск объективной сущности явлений и связей между ними и руководствующейся в конечном итоге своей функцией ученого.

М. Б. Хомяков

**Религиозная толерантность
в мультикультурном обществе:
поиск нового обоснования**

Толерантность представляет собой довольно сложную идею, по поводу которой до сих пор ведутся оживленные дискуссии — и не только в российском общественном сознании, где идея эта лишь недавно приобрела признание и популярность, но и в западной, преимущественно англо-американской социальной науке, несмотря на существующие в ней весьма давние традиции изучения толерантности. При этом все большее значение приобретает проблема толерантности религиозной, которая, казалось бы, уже давно была успешно разрешена западным демократическим обществом посредством введения принципа отделения церкви (и религии) от государства. В последние несколько лет религии вновь приобретают значение «разделяющих» сил в многочисленных конфликтах, и воздействие религиозных разногласий на эти самые конфликты отнюдь не способствует их скорейшему разрешению. Конечно, социальные и международные конфликты чаще всего вызываются вовсе не религиозными причинами — в их основе лежат причины экономического или политического порядка; религия лишь *символизирует* уже имеющиеся различия, но такая символизация делает эти конфликты практически неразрешимыми. В самом деле, успешный переговорный процесс вполне возможен, если противоборствующие стороны выставляют политические или экономические требования, но его вероятность по существу равняется нулю, если подоплекою такого конфликта становятся религии-

озно-апокалиптические настроения, не подразумевающие выдвижения каких-либо внятных выполнимых требований.

Ближайший печальный пример превращения политического конфликта в религиозную войну дает нам история развития ситуации на Ближнем Востоке. В одной из недавних статей соединение экономических, политических и религиозных причин ближневосточного конфликта описывается следующим образом: «В течение многих десятилетий конфликт между Израилем и палестинцами принимал многие формы: от межэтнического до межгосударственного, и вновь межэтнического конфликта. В целом до недавнего времени у него не было какого-то однозначного религиозного измерения, хотя подобное направление, конечно, всегда присутствовало, а для некоторых людей по обе стороны и определяло условия конфликта. Подъем *Гуш Эмуним* в Израиле после войны 1973 года и недавнее усиление движения *Хамас* среди мусульманского населения указывают, конечно, на такое религиозное обрамление конфликта — но также напоминают и о том, насколько ограниченным был этот религиозный язык и сколь сильно этот конфликт оставался укорененным в политиках простых интересов и конфликтах этих интересов скорее, чем в утверждениях, связанных с последней религиозной истиной, между которыми, как нам следует помнить, компромисс маловероятен. Поэтому одновременно и трагичен, и ироничен тот факт, что в тот самый исторический момент, когда на горизонте брезжит некая форма разрешения этого конфликта, получают особое распространение религиозные аргументы, делающие компромисс и понимание намного более трудными и даже, быть может, недостижимыми» [Seligman 2003: 5.] Сам факт трудности достижения соглашения в религиозном конфликте ставит вопрос, во-первых, о возможности и границах религиозной толерантности, и, во-вторых, о действительности «западноевропейской» модели толерантности, при которой религия рассматривается как личное (частное) дело каждого человека, а государство исповедует политику невмешательства в дела совести своих граждан, если только, конечно, те или иные религиозные убеждения не угрожают свободе других членов общества.

Такая устоявшаяся в демократическом обществе модель религиозной толерантности как простого невмешательства в дела другой веры вслед за немецким религиоведом середины прошлого века

Г. Меншингом может быть названа «формальной», в отличие от «внутренней» (*intrinsic*) толерантности, то есть «положительного признания другой религии как подлинной и легитимной возможности встречи со священным» [Mensching 1955: 12]. Проблема состоит в том, что формальная толерантность в виде принципа свободы совести, допуская индивидуальную свободу вероисповедания в государстве, не является при этом безусловным гарантом против указанной выше религиозной символизации политических конфликтов. Более того, привыкнув к пониманию религии как «частного дела», того, что «none of my business», человек современного демократического государства относится ко всякой религии, претендующей на общественное значение, как к чему-то фундаментально подозрительному. Об этом свидетельствует уже полемика, связанная с ношением мусульманской одежды (религиозный элемент) учащимися французских школ (общественная сфера); но гораздо более опасным здесь является подозрительное отношение к исламу, особенно распространившееся в западном обществе после трагических событий 11 сентября 2000 г. Переводя религию в разряд «частного», «не важного» и, по сути, индифферентного, общество постоянно находится под угрозой обострения религиозных разногласий (при соответствующем изменении ситуации). Конечно, этим вовсе не ставится под вопрос необходимость разделения «сфер влияния» государства и религии, но на повестку дня выходит качественно иная проблема — вопрос об отношении одной религии к другой, т. е. именно проблема внутренней толерантности. По моему глубокому убеждению, вопросы, связанные с религиозными конфликтами, могут быть удачно разрешены лишь при условии *дополнения* формальной толерантности свободы совести *внутренней* толерантностью различных религий. В противном случае всегда будет существовать угроза интолерантных действий как со стороны тех, кто не приемлет этой самой «формальной» толерантности государства, так и со стороны либерального большинства, то есть всех тех, кто видит в претензии религий на обладание истиной в последней инстанции что-то принципиально нелегитимное.

Итак, «внутренняя» толерантность необходима. Но возможна ли она? Для того, чтобы понять этот вопрос и попытаться на него ответить, необходимо кратко рассмотреть определение толерантности, структуру толерантного сознания и некоторые *conditiones*

sine qua non религиозной толерантности, т. е. условия возможности внутренней религиозной толерантности. И лишь затем мы сможем четко формулировать вопрос о границах, пределах религиозной толерантности, ибо совершенно понятно, что определение этих границ зависит от концептуального описания сущности религиозной толерантности.

1. Что такое толерантность?

Для более четкого понимания проблемы религиозной толерантности, как представляется, следует воспользоваться классическим, «узким» определением этого понятия, которое дал Питер Николсон в статье «Толерантность как моральный идеал». Этот британский философ обобщает все «строгие» определения толерантности в следующих основных положениях [Nicholson 1985: 160].

1) Толерантность возможна лишь по отношению к некоторому отклонению. Наличие чего-то отклоняющегося от того, что субъект толерантности привык считать должным, является одним из главных *conditiones sine qua non* толерантности. В самом деле, если нет такого отклонения, то попросту пропадает сам предмет толерантности и речь может идти о любви, уважении или принятии.

2) Это отклонение должно быть важным, нетривиальным для индивида, касаться его самых глубоких убеждений или чувств. В этом смысле не стоит говорить о толерантности к религии большинства неверующих членов либерального общества. Религия для них есть личное дело каждого человека, входит в сферу его *privacy* и должна навсегда оставаться в этой сфере. Либеральное общество попросту *безразлично, индифферентно* к религии — в этом, как представляется, и состоит тайна тех превращений, которые претерпевает сегодня отношение «свободомыслящего» населения западных государств к религии, внезапно покинувшей границы личного *мнения* и выступившей с претензиями на общественное значение и признание.

Интересно, что именно за это превращение толерантности в индифферентность критиковал западное общество еще в 1969 г. Герберт Маркузе. По его мнению, толерантность в современных демократиях становится «чистым», абстрактным и скептическим принципом внутреннего равенства всех мнений. Это создает ситуацию равенства смысла и бессмыслицы, т. е. положение, когда

«к глупому мнению относятся с таким же уважением, как и к мнению интеллигентному, а пропаганда стоит рядом с образованием, и истина — с ложью» [Marcuse 1969: 94.]. Следовательно, продолжает философ, «если объективность связана с истиной, и если истина представляет собой что-то большее, нежели предмет логики и науки, то объективность подобного рода ложна, а такая толерантность бесчеловечна» [Marcuse 1969: 98]. Вот почему, по Маркузе, этот «чистый» вид толерантности покровительствует скорее власти имущим, нежели диссидентам, т. е. является именно «репрессивной толерантностью», в отличие от «освобождающей толерантности» эпохи европейских религиозных войн.

Элемент важности, причем именно моральной значимости, который, по мнению П. Николсона, присутствует в толерантности, предостерегает нас от некритического соединения этого понятия со сферой *privacy* или же с отношениями *политической корректности*, которые, чаще всего, представляют собой как раз отношения безразличия, индифферентности.

3) Толерантный человек должен обладать некоторой возможностью воздействия на существование морально важного для него отклонения. Воздействие это может быть различным — от возможности прямого физического уничтожения отклонения до силы влияния на общественное мнение посредством выражения своих взглядов. Бессмысленно говорить, что человек толерантен к явлению, на которое он при всем своем желании не способен оказать решительно никакого воздействия. Конечно, он вполне может обладать некоей внутренней установкой на толерантность даже и при отсутствии у него реальной способности эту толерантность проявить. Поэтому, видимо, имеет смысл различать потенциальную толерантность (внутренние установки индивида приведут его к толерантности, когда у него появится необходимая власть), и актуальную толерантность (индивид обладает реальной силой воздействия на неприятное ему отклонение, но не пользуется этой своей властью). Николсон вводит данное свойство толерантности с тем, чтобы отличить ее от вынужденного бездействия перед лицом неприятного отклонения.

4) Толерантный человек воздерживается от употребления своей власти во вред отклонению. Этим, собственно, толерантность и отличается от гонений, преследований, и прочих нетолерантных явлений.

5) По Николсону, толерантность есть благо и даже «моральный идеал». Данное свойство этого отношения, между тем, вовсе не очевидно. Николсон и сам полагает его наиболее дискуссионным из всех названных выше характеристик. В самом деле, непонятно, каким образом толерантность может рассматриваться как некое благо-в-себе, как абсолютная ценность. В конце концов ее всегда оправдывали как *необходимую для чего-то иного*, для укоренения какой-то *другой* ценности: прогресса человечества (Поппер, Милль), свободы (Милль), справедливости (Роулз). В других случаях необходимость терпимости связывалась и с нерациональностью интолерантности (Локк), но не с внутренней ее ценностью. Многие современные авторы (К. Нидерман, М. Крэнстон, Д. Уолдрон и др.) полагают толерантность необходимой, но лишь в качестве чего-то «второсортного» (*second-best*). Такая логика более понятна: раз уж мир настолько несовершенен, что в нем невозможны любовь и уважение всех ко всем, толерантность для этого мира является единственно приемлемым (хотя и второсортным) решением проблемы различия. В этом последнем случае необходимость толерантности связывается скорее с августиновским пессимизмом по отношению к миру, нежели с оптимизмом Николсона по поводу достижимости *морального идеала*.

Итак, суммируя все вышесказанное, толерантность можно определить как добродетель (или, по крайней мере, нечто *близкое* к добродетели) отказа от силы воздействия на существование морально неприемлемого отклонения. В этом случае, однако, толерантность является внутренне парадоксальной. Почему это так?

2. Парадокс толерантности

Итак, согласно «классической» либеральной модели, толерантность не есть безразличие (индифферентность), вынужденное бездействие или абсолютное принятие отклонения. Это — странная ценность воздержания от употребления своей силы во вред *принципиально неприемлемому* отклонению. Так понимаемая толерантность представляет собой что-то действительно странное, причем настолько, что британский философ морали Бернард Уильямс [Williams 1996: 18–27.] объявил ее одновременно необходимой и невозможной, а израильский теоретик Дэвид Хейд присвоил ей наименование «ускользающей добродетели» [Toleration 1996: 18–27].

В чем же «странность», «ускользающий характер» или даже «невозможность» этой столь необходимой современному обществу ценности? Толерантность внутренне противоречива, парадоксальна. С одной стороны, индивид признает существующее в обществе отклонение чем-то принципиально недопустимым, неверным или даже морально вредным, с другой — толерантность требует от него отказа от своей силы влияния на существование этого самого отклонения. Например, искренне религиозный человек не может не признавать гомосексуализм тячайшим грехом, противозаконным извращением, оказывающим, к тому же, морально разлагающее влияние на общество. С другой стороны, в рамках либеральной демократии как толерантный субъект он обязан воздерживаться не только от физического, но и от словесного оскорбления «людей нетрадиционной сексуальной ориентации». Означает ли это, что человек в современном обществе как бы «раскалывается» на две противоречивые части — человека, имеющего убеждения, верования и принципы, и субъекта политических отношений? Кроме того, совершенно уже непонятно, почему, ради чего убежденный верующий должен отказываться от искоренения греха, когда именно к этому призывают его собственные убеждения и принципы? Но ведь грех совершают все инославные, еретики или сектанты. Разве не следует из самой логики религиозного сознания необходимость всемерно содействовать искоренению греха и торжеству истинной веры?

Логика верующей интолерантности неплохо выражена Фомаю Аквинским при постановке проблемы веротерпимости. А именно, задав вопрос о том, «следует ли терпеть обряды неверных» (*utrum ritus infidelium sit tolerandi*), он отвечает, что во-первых, поскольку неверные грешат посредством совершения своих обрядов и, во-вторых, грешит и тот правоверный, кто не запрещает греха, если способен это сделать, то и сама эта толерантность к обрядам неверных и еретиков принципиально греховна [Aquinas Qu. 10, Art. 11]. Правда, справедливости ради следует заметить, что сам Аквинат в дальнейшем рассуждении все же находит основания для толерантности и к обрядам неверных (иудеев, например), и к верованиям некоторых еретиков. Этим, однако, лишь слегка ослабляется жесткость положения о греховности толерантности, само же утверждение остается незыблемым.

Получается, что логика интолерантности встроена в логику

религиозного отношения к миру, и формальная толерантность государства к различным религиям в его составе есть единственно возможная форма религиозного плюрализма. А значит, внутренняя религиозная толерантность необходима, но невозможна. При этом невозможность религиозной толерантности является частным случаем парадоксальности толерантности как таковой, а потому ставит под сомнение возможность толерантности как отношения, отличного от индифферентизма, абсолютного принятия различия или же вынужденного сосуществования с ним.

Именно о невозможности «внутренней» религиозной толерантности и религиозного плюрализма говорит один из современных израильских исследователей — Авишай Маргалит — в своей статье «Кольцо: о религиозном плюрализме». Логика этого утверждения следующая. А. Маргалит основывает свой аргумент на утверждении и доказательстве следующих основных посылок: 1) всякое откровение является пропозициональным, то есть высказывается в форме утверждения, которое может быть оценено с точки зрения его истинности или ложности; 2) откровенные истины являются конститутивными для религии и спасения посредством религии (т. е. откровение, выраженное в форме истинного или ложного утверждения, признается принципиально важным для спасения верующего); 3) внутренняя ценность религий связана с тем, что они дают человеку основу для его спасения и достижения религиозного совершенства (иначе говоря, религия ценна постольку, поскольку ведет к спасению, основанному, как следует из вышеизложенного, на истинном откровении); 4) имеются противоречия между откровенными истинами каждой пары из трех традиционных религий (христианства, ислама и иудаизма), что, по сути дела, означает истинность лишь одной из этих религий; 5) поскольку откровение является единственным источником религиозных истин, ложные религиозные утверждения не имеют ценности (в отличие от научных заблуждений, которые могут быть ценными); 6) все указанные выше предпосылки соответствуют исторической реальности христианства, ислама и иудаизма. Вывод, который делает А. Маргалит, очевиден: «Религия, основанная на конститутивной, откровенной, относящейся к спасению истине, не может приписывать ценности религии, противоречащей этим истинам. Таким образом, каждая религия считает себя единственно истинной религией и не видит никакой ценности в прочих ре-

лигиях. Другими словами, религиозный плюрализм невозможен» [Margalit 1996: 149–150].

Представляется, что данный аргумент очень хорошо демонстрирует весьма простую истину: что религия, считающая себя истинной, не может считать истинной (а значит, ценной) любую противоречащую ей религию. Но разве тот же Фома Аквинский, который утверждал греховность толерантности к обрядам неверных, не полагал необходимой терпимость к иудаизму на том основании, что обряды иудейской религии «прообразуют» обряды христианства? Разве иудейский автор XIII столетия Ха Меири не считал христианство и ислам ниже иудаизма лишь в *сравнительном отношении*, но вовсе не абсолютно ложными (поскольку, в отличие от древнего язычества, современные не-иудейские религии все же признают Единое Божество)? [Katz 1961: 114–128.] Эти факты бросают тень на строгий логически выдержанный аргумент А. Маргалита, основанный, по сути дела, на применении парадокса толерантности к религиозной сфере.

Следует, в таком случае, задаться следующим вопросом: обязательно ли признание другой религии «законным» способом встречи с абсолютным (то есть «внутренняя» толерантность, по определению Меншинга) означает признание внутренней ценности этой религии как одного из возможных путей к спасению (что отрицается в аргументе А. Маргалита)? Другими словами, значит ли «законность» такого способа неизбежное принятие «истинности» другого откровения?

Если это так, то в структуре религиозной толерантности должно содержаться *утверждение об истинности* того верования, к которому верующий должен относиться толерантно (это также следует из доказательства Маргалита). В этом случае сама толерантность (как и откровение) есть *пропозициональное утверждение*, т. е. сама может оцениваться с точки зрения истинности или ложности (просто потому, что всякое суждение об истинности того или иного утверждения само является либо истинным, либо ложным). Но так ли это? Не противоречит ли понимание толерантности как утверждения истинности другого верования тому определению этой концепции, на котором мы решили основываться выше? В самом деле, если, толерантно относясь к мнению А, я тем самым утверждаю *истинность этого А*, то можно ли назвать данное отношение толерантностью? Вряд ли, поскольку здесь не дос-

тает элемента *принципиального несогласия* с предметом толерантного отношения, и в таком случае речь должна идти не о толерантности, а о согласии, принятии или уважении, что в случае религиозного верования: означает (согласимся здесь с А. Маргали-том) попросту *переход в иную веру*.

Но что, в таком случае, представляет собой *внутренняя* религиозная толерантность? Как может, например, христианин, полагая, что вера в Св. Троицу является необходимым условием спасения, толерантно относиться к иудейскому представлению об абсолютном единстве (без троичности) Божества и *vice versa*? Разве, принимая одно, мы не отрицаем с необходимостью другое, и разве в этом отрицании не содержится императивное для верующего требование бороться всеми доступными ему методами против ложного, еретического, и тем самым *греховного* (а потому развращающего), верования? Сила аргумента Маргалита, как и мощь отрицания возможности религиозного плюрализма, основываются на кажущейся очевидности ответов на эти, на деле весьма непрос-тые вопросы. Для того, чтобы приблизиться к разрешению этой проблемы, следует задать следующий вопрос: что предполагает толерантное отношение к иному верованию, если не принятие его истинности? Такой вопрос может быть задан и в иной форме: как может быть описана, имея в виду определение Николсона и все вытекающие из него парадоксы, сама структура толерантного сознания?

3. Структура толерантного сознания

Анализируя структуру толерантного сознания, следует задать вопрос о том, *что предпринимает толерантный человек для того, чтобы, сохранив верность своим убеждениям, отказаться при этом от интолерантного воздействия на то или иное отклонение?* Веруя в истинность *A* и, тем самым, утверждая ложность любого верования, из которого вытекает *не-A*, толерантный человек, однако, при рассмотрении вопроса об употреблении своей силы воздействия на это *не-A* откажется от использования такой силы. Толерантность в таком случае не будет пропозициональной, т. е. не будет некоторым утверждением об истинности или ложности *не-A*. Скорее, в решении о неприменении силы будет присутствовать какое-то принципиальное (но временное) «забвение» своего

несогласия с *не-А* и переключение внимания толерантного субъекта на что-то иное: право других людей исповедывать *не-А*, например, или же их свободу жить так, как, они считают, будет для них лучше всего. Иначе говоря, толерантный человек как бы «забывает», выносит за скобки свое несогласие (которое, однако же, всегда остается), фокусируя внимание на личности того, с чьим поведением или мнением он не согласен.

Джей Ньюмен говорит об этом следующим образом: «толерантность к религиозному верованию... не подразумевает принятия ...этого верования самого по себе, скорее, она требует принятия возможности для человека иметь это верование» [Newman 1982: 8]. Дэвид Хейд называет толерантность в этом смысле «добродетелью восприятия» [Heyd 1996: 11], поскольку она подразумевает некоторую *персонализацию перспективы* — внимание толерантного человека словно переключается с неприемлемого для него мнения или поведения на личность того, кто это мнение имеет. В этом смысле толерантность оказывается чем-то противоположным добродетели научной объективности, ибо ее аргументация всегда апеллирует к человеку — носителю неприемлемых для субъекта толерантности мнений, поведения или убеждений; всегда представляет собой аргументацию *ad hominem*. Хейд говорит здесь о некотором «гештальт-сдвиге» — от внимания к тому, что является для индивида морально неприемлемым, к личности человека — носителя этого неприемлемого.

Такая интерпретация толерантности облегчает нам выход из указанного выше парадокса, но еще не решает его раз и навсегда. В самом деле, данная модель не объясняет того, как совершается этот самый «гештальт-сдвиг», или «персонализация восприятия» субъекта, благодаря чему у субъекта появляется возможность «забыть» о своем несогласии и отделить мнения или поведение от их носителя. Пока мы имеем два ряда рассуждений или мотивов — один обосновывает необходимость интолерантных действий по отношению к тому, с чем индивид принципиально не согласен, другой же заставляет его уважать личность носителя этих неприятных мнений или поведения и, тем самым, воздерживаться от силового воздействия на него. При этом важно отметить тот факт, что оба ряда мотивов *обоснованы* и коренятся не в каком-то предубеждении, связанном с отсутствием образования или понимания чужой культуры (как, кстати сказать, часто бывает в случае

расовой или этнической вражды), но во внутренних глубоких убеждениях людей. Иначе говоря, в случае религиозной толерантности мы имеем не просто внутренний конфликт, но, зачастую, *конфликт ценностей*. Как, на каких весах можно взвесить эти ценности? И еще более важно — при каких условиях в этой ситуации возможен выбор толерантности? В конце концов, вера не является предметом рационального выбора, ее не выбирают, к ней «приходят». И что делать человеку, если его вера требует от него бороться с тем, что в рамках этой религии считается злом — современной культурой, гомосексуализмом, еретическими воззрениями, другими религиями? Как возможен выбор ценности толерантности при сохранении верности своим собственным убеждениям? Конфликт этот вовсе не нов — с ним религиозные люди сталкивались на протяжении всей истории религии — как же иначе можно понять заповедь любви к грешнику, но ненависти к греху? Правда, верно и то, что в истории религии эта самая любовь часто приводила к самым страшным последствиям — очищающему огню инквизиции, например. Тем самым задача еще более осложняется — толерантный человек не просто выбирает уважение (или любовь) к носителю еретических или греховных заблуждений, но такое уважение, которое было бы гарантией против *любых* интолерантных действий по отношению к ее предмету.

Во всяком случае, уже теперь ясно, что всякое толерантное отношение предполагает некоторую *процедуру взвешивания двух мотивов* — мотива всеми средствами уничтожить неприемлемое отклонение и мотива признавать право личности выбирать то, что она считает нужным, даже если при этом она и выбирает что-то морально неправильное. В таком случае, когда человек будет толерантен? — очевидно, только если у него будут какие-то основания для следования именно второму, а не первому ряду мотивации.

Здесь мы, наконец, и подошли к самому главному. Вопрос заключается теперь в том, при каких условиях возможен выбор в пользу «персонализации», т. е. когда поступки человека будут мотивированы не осуждением поведения, мнения или верования, а уважением к личности их носителя? И здесь также имеются, как минимум, две возможности. В самом деле, если происходит «взвешивание» двух разнонаправленных мотиваций, выбор совершается в пользу второй либо если ослаблена первая, либо в случае

особенного усиления этой второй мотивации. То есть человек выбирает в пользу толерантности, или если как-то ослаблено его несогласие с отклонением, или же если его уважение к личности носителя этого отклонения является особенно сильным (возможен, конечно, также и случай некоего соединения этих оснований). Понятно, однако, что для того, чтобы быть толерантными, нам всегда необходимы сами эти основания: и это — *основания второго порядка*, позволяющие нам сделать выбор между основаниями уважения к личности, с одной стороны, и морального неприятия мнений или поведения, с другой, являющимися в структуре толерантного сознания основами первого порядка. Но такие основания, в свою очередь, может дать лишь соответствующая (и вполне рациональная) теория, объясняющая, почему при конфликте ценностей моральный выбор должен осуществляться именно в пользу толерантности. Понятно поэтому, почему в области содействия толерантности всегда были столь важны философские теории, могущие обеспечить основу терпимости.

4. Парадигмы религиозной толерантности

Итак, толерантность представляет собой отношение, требующее *теоретического обоснования* своей возможности. Как мы уже сказали выше, самая логика структуры толерантности показывает, что такое отношение возможно либо если ослаблено моральное несогласие с отклонением, либо если имеются особые причины для уважения личности носителя этого отклонения.

Рассмотрим первую возможность, тем более что именно она представляет самую большую загадку. В самом деле, с одной стороны, толерантность требует серьезного отношения к различию, отношения морального несогласия, принципиальной неприемлемости отклонения для субъекта этого отношения (как это следует из определения Николсона). С другой же стороны, толерантность как отношение возможна при условии какого-то ослабления этого несогласия (как это следует из нашего анализа структуры толерантного сознания). Не впадаем ли мы здесь в новый парадокс, ведь выходит, что толерантность требует какого-то не совсем серьезного отношения к серьезности своего несогласия. Иначе говоря, христианин будет толерантно относиться к иудею, если при всей важности их догматических различий он не станет относить-

ся к ней (этой самой важности) слишком серьезно, и сможет на время забыть о разногласиях с тем, чтобы переключить свое внимание с иудаизма-верования на иудея-человека. Разве это не парадоксально?

И все же логика нашего рассуждения требует отнестись к этой возможности как к *реальной*. Если же она реальна, должны быть несколько «ослаблены» одна или несколько предпосылок в аргументе А. Маргалита. Иными словами, внутренняя религиозная толерантность возможна, если: 1) вовсе не всякое откровение является пропозициональным, т. е. может быть оценено с точки зрения его истинности или ложности; или 2) откровенные истины не конститутивны для религии и спасения посредством религии; или 3) внутренняя ценность религий не связана с тем, что они дают человеку основу для его спасения; или 4) не существует противоречий между откровенными истинами трех традиционных религий (христианства, ислама и иудаизма); или 5) ложные религиозные утверждения имеют некоторую ценность. Далее, если окажется возможным найти такие религиозные теории, в которых одна из этих предпосылок является истинной, можно считать вполне доказанной возможность внутренней религиозной толерантности на основании смягчения несогласия с другой религией.

Первое из этих условий выполняется в скептицизме, который, по мнению П. Кинга, имеет «символическое отношение» к толерантности. А именно, «толерантность подразумевает антипатию по отношению к некоторым идеям, совмещенную с убеждением в том, что не следует исключать и возможности их правильности; скептицизм означает одобрение некоторых идей, совмещенное с убеждением в том, что не следует заранее отвергать аргументов, которые могут доказать ошибочность этих взглядов. Толерантность... всегда подразумевает скептицизм...» [King 1976: 120]. Иными словами, мы толерантно относимся к мнению, с которым не согласны, если, несмотря на это несогласие, мы допускаем, что это мнение все же может быть верным, а наше — ошибочным. Подобный «умеренный» скептицизм выразил в своих рассуждениях о толерантности и Карл Поппер. По его мнению, основаниями толерантности являются три положения: «1) я могу ошибаться, а ты вполне можешь оказаться прав; 2) посредством рациональной дискуссии мы можем исправить наши ошибки; 3) посредством рациональной дискуссии мы можем приблизиться к исти-

не» [Popper 1987: 26–28]. При этом первый, скептический принцип, собственно говоря, и является основой толерантности; два других необходимы Попперу для того, чтобы отличить толерантность от морального релятивизма и индифферентности.

Все это понятно; ясно также и то, что, будучи воплощен в религиозной мысли, скептицизм ослабляет пропозициональный характер откровенных истин. Конечно, положения откровения являются либо истинными, либо ложными (т. е. откровение пропозиционально), но мы (в силу ли слабости нашей способности суждения, или же по причинам более глубоким) не способны *установить* эту истинность или ложность. Мы лишь *предполагаем* и *верим* в истину наших религиозных убеждений, но этого недостаточно для того, чтобы оправдать интолерантность к еретикам.

Нужно сказать, что, несмотря на принципиальное различие образа мышления позитивистов вроде Поппера и религиозных философов, в истории религии мы действительно находим самые разнообразные версии скептицизма — от *теологического скептицизма* до *пробабилизма* типа Новой Академии Цицерона и утверждения принципиальной *невозможности* для человека (в отличие от Бога) судить о ценности искренних убеждений верующих. Первая разновидность скептического подхода широко распространена в апофатической традиции от Дионисия Ареопагита до Николая Кузанского. Суть этого подхода великолепно выразил философ-неоплатоник IX столетия Иоанн Скотт Эриугена в своем знаменитом положении о том, что даже Сам Бог не знает, что Он есть, поскольку Он не есть «что». Познавать значит ограничивать (ибо *omnis determinatio est negatio*), Бог же принципиально безграничен, а потому не способен знать Сам Себя. Если же Бог познается в неведении, молчании и мраке, то как возможна интолерантность по отношению к еретикам? В отличие от представителей подобного теологического скептицизма, не занимавшихся специально вопросом отношения к еретикам и неверным, философ XII столетия Иоанн Солсберийский действительно выводил принципы толерантности из своего пробабилизма. По мысли Иоанна, большинство спорных догматических вопросов принадлежит к разряду *вероятностных* суждений, а потому в этой области вполне допустима (и даже необходима) свобода религиозной дискуссии (подробнее см.: [Nederman 2000: 39–52]). Наконец, третью версию скептицизма вполне можно обнаружить у Уильяма Оккама, по которо-

му только Один Бог способен судить о ценности искренних верований, а потому наказания, налагаемые на еретиков, свидетельствуют о чрезмерной гордыне церковных властей, претендующих на место, им не принадлежащее [Shogimen 2001: 599–622]. Таким образом, умеренный скептицизм религиозных теорий, ослабляя, но вовсе не разрушая пропозиционального характера откровенных истин, *на самом деле* приводил следовавших ему мыслителей к той или иной степени толерантного отношения к инославным.

Вторая предпосылка (откровенные истины не конститутивны для религии и спасения посредством религии) довольно широко присутствует в теориях так называемых *безразличных вещей* (*res adiaphora*) в религии, получивших особенно широкое распространение в эпоху Реформации и Просвещения. Примеров теорий подобного рода можно найти множество. Остановимся на двух. Джон Локк в своем «Послании о веротерпимости» полагал, что большинство споров среди христиан подобны спорам о том, какой дорогою, прямой или обходной, нужно идти в Иерусалим; идти с проводником, увенчанным митрою, или же без него, и т. д. Ведь «...к таким вещам принадлежит большинство вещей, вызывающих столь ожесточенные распри... тогда как ими вполне можно пренебречь ... без всякого ущерба для религии и спасения души» [Локк: 106]. В этом с Локком вполне согласен Григорий Сковорода: «На что местоположение тленного рая? Какую душе нашей пользу принесет форма и мера ковчегова? ... Один дух нам вкусен и полезен... Сии-то сеют расколы во всем мире. Спорятся о сакраментах, о вере, о церемониях, о ангелах, о муках, о блаженствах и проч., враги креста Христова и заповедей его животворящих» [Сковорода 1973: 62–63]. Все эти вещи (каждый автор имеет для них свой собственный список, а потому каждый устанавливает свои собственные *границы* религиозной толерантности), будучи безразличными, не оказывают воздействия на спасение души, а значит, вполне могут быть терпимы. Справедливости ради, правда, следует заметить, что в этих теориях толерантность опасно приближается к индифферентизму — ибо, конечно, раз сами вещи являются «безразличными», то и отношение к ним должно быть индифферентным. К тому же, за редким исключением практически уже неверующих философов, эта аргументация применялась для утверждения мира среди христианских вероисповеданий, не затрагивая отношений действительно межрелигиозных. Правда, практически все

теории, «смягчающие несогласие» с инославными вероисповеданиями, неизбежно приближают толерантность к безразличию: одни (как умеренный скептицизм, сохраняющий субъективную уверенность) меньше, другие (как теории безразличных вещей) — больше. И все же этой опасностью вовсе не отменяется значение описываемых теорий в реальном *содействии* межконфессиональной и межрелигиозной толерантности.

Третья предпосылка (внутренняя ценность религий не связана с тем, что они дают человеку основу для его спасения) в точном виде не выполняется нигде, поскольку, очевидно, является ложной. Религии ценны именно тем, что они дают основу для спасения, и это положение бесспорно. И все же нам удалось найти одно религиозное учение, которое видит ценность религиозности не только в спасении, и именно на основании этого «не только» проповедует толерантность к другим монотеистическим вероисповеданиям. Иудейский автор рубежа XIII и XIV веков, Ха-Меири, следуя рационалистической традиции школы Моисея Маймонида, полагал значение религии «не только в доктринальном понимании сущности Божества, но и в ее функциональном аспекте, в установлении хорошо организованного (*well-ordered*). Занятно, что для описания концепции средневекового философа автор использует здесь термин учения Дж. Роулза) общества» [Suzanne Last Stone 2003: 110]. Согласно Ха-Меири, религии состоят из двух основных компонентов — интеллектуального и практического, но ни один из них не может быть развит без некоей начальной степени откровения. Современные религии — христианство и ислам, происходя из иудаизма, обладают откровением в такой минимальной степени, а потому вполне способны к установлению политического и морального порядка. Более того, христианские и исламские народы способны и на некоторое теологическое развитие, поскольку «признают Божество» или «верят в существование Бога, Его единство и могущество...» (цит. по: [Katz 1961: 121]). И все же ценность христианства и ислама — не в их теологической составляющей, а в их способности к поддержанию правовых институтов и моральных стандартов общества. На этом основании Ха-Меири относит сегрегационные законы Талмуда, запрещающие большинство контактов с язычниками (в число которых в той версии Талмуда, которой пользовался сам Ха-Меири, входят и христиане) лишь к «народам древности», религии которых были основа-

ны на идолопоклонстве. Современные же ему христианство и ислам относятся скорее к категории «братьев», упоминающихся в Писании. Поэтому Ха-Меири утверждает в противоположность законам Талмуда возможность для иудея делать подарки христианам и мусульманам, моральное равенство иудеев, христиан и мусульман перед законом, и даже отрицает необходимость наказания иудеев-отступников, принявших одну из этих религий. При этом Ха-Меири вовсе не перестает быть самым правоверным иудеем, считая иудаизм религией, дающей своим последователям «все виды совершенств, совершенства добродетелей в той же степени, сколь и совершенства интеллектуальных и доктринальных идей» (цит. по: [Katz 1961: 120]. Иными словами, хотя христианство и ислам далеки в духовном совершенстве от иудаизма, их значение в практической области весьма велико.

Кроме того, эту же предпосылку (правда в частичном, неполном виде) можно обнаружить и в учении Фомы Аквинского о толерантности к иудеям, по которому, как мы уже отмечали, христианам следует толерантно относиться к их обрядам «ради некоего блага, из них происходящего» [Nicholas of Cusa 1990: 6]. И, конечно, такое благо состоит вовсе не в том, что обряды иудеев обладают каким-то спасительным действием, но в том, что в них «прообразуется» христианская вера, и в том, что они представляют собой свидетельство истины, данное врагами христианства. Заметим, что, несмотря на открытое утверждение необходимости толерантности к обрядам иудаизма, последователи этой религии определяются Фомой не иначе как враги истины и христианства. Как бы то ни было, и в учении Ха-Меири, и в философии св. Фомы толерантность основана на том положении, что внутренняя ценность религий связана не только с тем, что они дают нам твердую основу для спасения души. Кроме того, учение Фомы вполне можно отнести и к осуществлению нашей пятой предпосылки (то есть, что ложные религиозные утверждения все же имеют некоторую ценность).

Четвертую предпосылку (не существует противоречий между откровенными истинами различных религий) в истории религиозной мысли можно обнаружить в целом ряде различных теорий. Во-первых, можно выделить учения, основанные на своеобразном *рациональном редукционизме* — сведении содержания различных религий к одной общей основе. Теории этого толка весьма много-

численны, но одной из самых ярких из них является учение Николая Кузанского о религиозном мире, выраженное в его трактате *De Pace Fidei*, написанном после знаменитой резни в Константинополе. Сущность этого учения состоит в том, что посредством философского рассуждения содержание практически всех религий вполне может быть сведено к общим для всех них представлениям. Ибо, обращается Кузанец к Божеству, «кажется, что /Одного/ Тебя, Подателя жизни и бытия, различно ищут в различных обрядах и именуют различными именами» (*in diversis ritibus differenter quaeri videris et in diversis nominibus nominaris*) [Nicholas of Cusa 1990: 6]. Формула религиозного мира и толерантности, которую предлагает Николай Кузанский, состоит в утверждении одной религии в многообразии обрядов (*una religio in rituum varietate*), т. е. в положении о достаточности того, чтобы мир был бы установлен по отношению к вере и закону любви, тогда как обряды были бы взаимно терпимы («*Sufficiat igitur pacem in fide et lege dilectionis firmari, ritum hinc inde tolerando*» [Ibid. P. 56]). По сути дела, об этой теории можно говорить и как о разновидности учения о безразличных вещах, ибо толерантность к обрядам основана как раз на их безразличном для спасения души характере.

Во-вторых, четвертая предпосылка воплощается в некоторых разновидностях мистицизма, в общем и целом склонного к нивелированию различий между различными религиями. В самом деле, если все вещи являются теофаниями, Богоявлениями; если весь мир причастен Божеству, то вполне оправдана толерантность к различиям, существующем в этом мире. Различия религий снимаются в высшем Единстве Божества. Г. Меншинг считает, что мистицизм «имеет толерантность в крови», в отличие, например, от профетических религий, в рамках которых за толерантность нужно бороться [Mensching 1955: 64]. Немецкий религиовед находит образцы такой «внутренней» толерантности мистической традиции, основанной на «идее универсального единства» [Mensching 1955: 78], в религиозно-философских учениях от Упанишад до теорий Майстера Экхарда, Беме и Ангела Силезия.

Наконец, одним из оснований толерантности, как отмечает Кэри Нидерман [Nederman 2000], может быть национализм в его ранних формах. Так, в рассуждениях Николая Кузанского о толерантности к различию обрядов (*rituum varietatem*), содержится и мысль о том, что приведение этих обрядов к единообразию неже-

лательно, поскольку различные народы лучше будут почитать Бога, если их особые обряды станут служить предметом специфической национальной гордости («Augebitur etiam fortassis devotio ex quadam diversitate, quando quaelibet natio conabitur rituum suum studio et diligentia aplendidiorem efficere, ut aliam in hoc vincat et sic meritum maius assequatur apud Deum et laudem in mundo» [Nicholas of Cusa 1990: 62]. Не случайно поэтому, что в отличие от многих других средневековых текстов, касающихся догматических различий между религиями, в диалоге *De Pace Fidei* принимают участие не представители религий как таковых, но «мудрейшие мужи» различных народов, среди которых грек, итальянец, араб, халдеец, еврей, индеец, представители Скифии и Богемии, перс, сириец, испанец, турок, немец, татарин, армянин, англичанин и пр. Человек спасается верою, а различие обрядов спасению не помеха, поскольку обряды «установлены и приняты как чувственные знаки (signa sensibilia) истины. И вовсе не означаемое, но знаки подвержены изменению (mutationem capiunt) («Augebitur etiam fortassis devotio ex quadam diversitate, quando quaelibet natio conabitur rituum suum studio et diligentia aplendidiorem efficere, ut aliam in hoc vincat et sic meritum maius assequatur apud Deum et laudem in mundo» [Nicholas of Cusa 1990: 52]. Следовательно, вполне естественно, что обряды изменяются «в зависимости от места и времени», что, в конечном счете, означает их изменчивость согласно различному национальному характеру.

Как мы видим, по крайней мере некоторые из предпосылок, делающих возможным смягчение религиозного несогласия, действительно воплощались в истории религиозно-философской мысли. Однако, помимо редукции несогласия, имеется, как было уже сказано, и еще одна возможность для установления религиозной толерантности, а именно — наличие особых оснований для уважения личности носителей неприятных религиозных убеждений. В этом случае религиозная толерантность возникает в силу того, что глубина уважения к личности человека «перевешивает» любое несогласие с его мнениями, позволяя «забыть» о нем, заключить его в скобки.

Одним из исторически первых оснований уважения к личности человека был так называемый *функционализм*, довольно широко распространенный в теориях общества и политики позднего Средневековья. Идея функционализма состояла в уподоблении

общества организму, каждая часть которого имеет специфические, свойственные только ей функции. Именно поэтому, согласно нашумевшему в свое время *Defensor Pacis* («Защитник мира») Марсилия Падуанского, всякая часть общества, вносящая свой вклад в его благосостояние, заслуживает уважения как таковая, вне зависимости от своих религиозных воззрений. Теория Марсилия была основанием утверждения толерантности к членам различных религиозных (в том числе еретических и нехристианских) сект. С одной стороны, мы имеем здесь прагматический аргумент — интолерантность вредна, поскольку люди, против которых она направлена, *полезны* для процветания общества. Но у Марсилия дан не отрицательно-прагматический (секту не уничтожают, *пока* она полезна) аргумент, но, скорее, моральная положительно-прагматическая аргументация, суть которой состоит в том, что все части общества достойны *уважения*, если вносят свой вклад в благосостояние общества. Секту теперь не уничтожают не просто потому, что это невыгодно, но поскольку принадлежащие ей люди вполне достойны уважения со стороны других членов общества. Уважение, конечно, еще обосновывается пользой, которую приносят члены той или иной секты, но здесь уже имеется существенный сдвиг в восприятии от утверждения пользы как таковой — к моральному отношению к человеку.

Новейший *либерализм прав человека*, зародившийся в либеральных теориях Канта и Милля, полагает уважение к личности человека, выражающееся в признании его прав (в том числе и на моральную ошибку — *rights to do wrong*), краеугольным камнем любого демократического общества. Признание прав других людей следовать тому образу жизни, который представляется им самим наилучшим, вероятно, является наиболее стабильной основой толерантности по отношению к индивиду. В самом деле, концепция прав человека не допускает гонений ни при каких условиях. Интолерантность здесь не приемлема не потому, что мы «почти согласны» с отклонением, и не потому, что его носители заслуживают уважения, как приносящие обществу некоторую пользу, но поскольку всякий человек (в том числе и тот, поведение или взгляды которого *отклоняются* от того, что мы считаем моральной нормой) имеет неотъемлемое *право* жить так, как он считает нужным. В первых двух случаях интолерантность еще возможна (если, скажем, ту или иную секту преследуют не по причине не-

согласия с ней, но потому, что ее существование угрожает целостности общества; или же если члены секты перестали быть *полезны* для общества, утратив право на уважение); в последнем случае практически невозможно представить то, что может послужить достаточным основанием для нарушения *неотъемлемых* прав (кроме, само собой разумеется, нарушения прав других людей, что и ограничивает толерантность в либерализме).

И все же сама идея прав человека на деле представляется столь сложной, что зачастую (и особенно в случаях столкновения различных культур) не способна быть стабильной и эффективной основой толерантности. В самом деле, во-первых, эта концепция основана на принципе *автономии индивида* (как у Канта и Милля), который противоречит не только принципам большинства незападных культур, но и основаниям практически всех религий, в рамках которых человек понимается как фундаментально гетерономное существо (ср. «Священное является неотвратимо Другим, тем, что не может быть схвачено или обменено... Его заповеди налагают обязанности, которые попросту принадлежат к другому порядку опыта, включающему в себя совершенно иные послышки, нежели те, что очерчиваются той игрою взаимности и автономии, на которой основывается режим прав. Принесение Исаака в жертву является, очевидно, для религиозности моментом парадигматического порядка. Услышать вековой резонанс этого факта можно, обратившись, например, к Кьеркегору. Но момент этот плохо согласуется с любой концепцией индивидуальных прав или прав человека» [Seligman 2003: 9]. Министр иностранных дел Талибана, по сообщению «Нью-Йорк Таймс», заявил в 2001 году: «Мы верим в то, что мы и в самом деле находимся здесь для того, чтобы служить правам человека, но имеется небольшое различие в определении этих прав. Мы верим в права по Исламу, и если кто-то пытается навязать нам свое определение прав человека, он находится в прискорбном заблуждении, поскольку этот мир не есть мир одной культуры или одной религии» (цит. по: [Seligman 2003: 6]). Слова эти лишний раз свидетельствуют о том, что либеральное понимание прав автономного индивида не является предметом сколько-нибудь широкого общественного согласия, а потому не может (несмотря на всю свою внутреннюю *силу*) выступать как *единственный* приемлемый способ обоснования религиозной толерантности.

Имеется, однако, и еще более сложная проблема. Слова министра талибов содержат в себе утверждение *мультикультурности* мира. Мультикультурность же — понятие вполне бессмысленное с точки зрения либерального индивидуализма (ср., например, утверждение Майкла Игнатъефф о незначительности любых групповых отличий, по сравнению с различиями индивидуальными. См.: [Ignatieff 1999: 77–106]). В самом деле, если носителем прав является автономный индивид, то культура значима лишь как характеристика последнего, как одно из многочисленных индивидуальных свойств, отличающих одного индивида от другого. Общество с точки зрения либерализма прав человека представляет собой совокупность атомарных индивидов, различающихся (и свободных различаться) между собой *в том числе* и по языку, культуре или религии. Идея мультикультурализма же предполагает нечто совершенно другое: признание некоторой степени субъективности за культурой; утверждение прав, свойственных не индивиду как таковому, а культуре как целому. За культурой признается реальное существование, и она воспринимается как носитель прав (к примеру, права *другой* («исламской») интерпретации прав человека). Тем самым, мультикультурализм имеет своей основой философский *реализм*, тогда как либерализм атомарных индивидов в конечном счете *номиналистичен*. Разницу понимания толерантности как системы групповых прав (в многонациональных империях) и системы прав индивидуальных (в либеральных национальных государствах) хорошо ухватили независимо друг от друга Уилл Кимлика и Майкл Уолцер [Kymlicka 2000: 81–105; Уолцер 2000: 29–52.]. В первой системе свободой и правами обладает группа (этнос, религия, церковь, миллет Османской Империи и т. д.), индивидуальные же права (такие, как право выхода за пределы групповой идентичности вообще) отрицаются, а всякая попытка их реализации жестко преследуется. Во второй модели носителем прав является индивид («права человека»), и при этом нивелируется возможность общественного признания идентичности групповой.

Вряд ли можно понимать эти две парадигмы как следующие друг за другом во времени, наподобие традиционного и индустриального обществ, т. е. считать, что в процессе модернизации первая («имперская») парадигма с необходимостью уступает место второй («либеральной») модели. Дело обстоит таким образом, что

в современном мире эти две парадигмы *со-существуют*, причем даже в самых что ни на есть «либеральных» обществах. Разве право некоторых религиозных сект (духоборы, гуттериты и пр.) в США забирать детей из школы до достижения ими возраста 18 лет не является нарушением индивидуального права на информацию в пользу группового права на сохранение религиозной идентичности? Разве официальное признание самоуправления за племенами американских индейцев, исключающее эти группы из сферы действия Билля о правах и допускающее формирование теократического правления со всеми вытекающими отсюда дискриминационными следствиями для индивидов, не признающих официальной религии, не противоречит столь защищаемым США правам человека? Современное мультикультурное общество вовсе не является *консенсусом* этих двух моделей, представляя собою, скорее, некоторый их *компромисс*. А если это так, то что дает теоретику право утверждать основанную на правах автономного индивида толерантность в качестве *единственно верной* модели толерантного сознания?

Можно, конечно, рассматривать либеральную модель как *идеал*, а существующий мультикультурализм — как временный компромисс своеобразного *modi vivendi* современного общества. При таком понимании признание групповых прав предстает временным компромиссом модерности с некоторыми реликтами традиционного общества, в скором времени обреченными, как любые реликты, на окончательное вымирание. Дело, однако, состоит в том, что подобное понимание не выдерживает критики. Во-первых, большая степень модернизации вовсе не означает на практике меньшего присутствия групповых прав. Напротив, наиболее «продвинутые» в области модернизации иммигрантские общества, такие как США, Канада или Австралия, обнаруживают сравнительно большее официальное признание прав групп, вплоть до нарушения индивидуальных прав человека. Во-вторых, признание групповых прав имеет вовсе не «вынужденно-компромиссный», а нормативный характер. Групповые права признают не потому, что не могут их не признать в условиях недостаточной модернизации, а потому, что считают такое признание справедливым, а групповую идентичность, на защиту которой это признание направлено, — ценной. Указанный компромисс, поэтому, есть не компромисс между *традиционной* и *современной* практи-

ками, а компромисс двух *нормативных* описаний, которые оба являются составными частями противоречивого нарратива модерности.

5. Заключение

Историю современного концепта толерантности можно рассказывать по-разному. Толерантность как практика в либеральном нарративе индивидуальных прав человека возникает в ситуации европейских кровавых религиозных войн, а как теория разрабатывается у Джона Локка, Джона Мильтона, Роджера Уильямса и прочих европейских проповедников либерализма XVII–XVIII веков. Затем, согласно этой истории, теория толерантности претерпевает изменение у Милля, выступавшего против «тирании большинства» викторианской Великобритании, а свою совершенную современную форму обретает в «Политическом либерализме» Джона Роулза с его теорией «перекрывающегося консенсуса» (*overlapping consensus*) (примеров подобных рассказов множество. Один из самых ярких см. в [Mendus 1989]).

Другой историей будет нарратив постмодернизма, феминизма и вообще того, что можно было бы назвать «философией различия». Разделяя с либерализмом представление о начале толерантности, истолкователи этого рода отрицают роль данной ценности в том, что называют «пост-современным» состоянием общества. Конец модерности означает для философии различия окончание атмосферы толерантности, всегда пытающейся найти стабильный социальный консенсус на основании тех или иных общих (пусть даже и предельно «тонких», абстрактных, как в теории Роулза) ценностей. Конец модерности в этом нарративе оказывается окончанием любых надежд на достижение консенсуса в мире, характеризующимся принципиальным плюрализмом несовместимых ценностей. Конфликты в таком обществе неизбежны, а любое относительно стабильное состояние будет представлять собой временный политический баланс интересов, или — общественный *modus vivendi* (см., например: *Grey J. Pluralism and Toleration in Contemporary Political Philosophy // Political Studies. 2000. Vol. 48*)).

Третью историю могут нам рассказать, к примеру, мусульмане, верующие в «права человека по исламу» и отрицающие возможность повсеместного укоренения секулярного либерализма.

В таком нарративе и либеральная, и постмодернистская истории окажутся лишь частными европейскими рассказами об укоренении толерантности в одной из многочисленных человеческих культур.

Нарратив толерантности невероятно усложняется, если его пытаются рассказать с разных точек зрения одновременно, пытаясь укоренить это понятие в самых различных культурах. Любая культура или религия может поведать нам *свою* увлекательную историю, свое собственное повествование о происхождении, развитии и распространении толерантности. Тогда, имея в виду, что «этот мир не есть мир одной культуры или религии», можем ли мы, даже и при условии абсолютной убежденности в наибольшей эффективности нашей культурной модели толерантности, пытаться заставить представителей этих других культур рассказывать для себя ту же историю, что рассказываем мы?

Все сказанное в этой статье, как представляется, дает нам возможность сделать следующие выводы.

Из всех многочисленных дискурсов религиозной толерантности наиболее стабильным, эффективным и гарантирующим отсутствие любого преследования в обществе является, конечно, либеральный дискурс индивидуальных прав человека. Однако, будучи наиболее эффективным, он все же не может рассматриваться как *единственный*, обеспечивающий истинную толерантность между религиями. Это связано как с противоречивостью самой модерна, являющейся компромиссом между нормативными моделями групповых и индивидуальных прав, так и с принципиальным несоответствием этого дискурса внутренним установкам религиозного сознания.

Следовательно, плюрализм современного мультикультурного общества с необходимостью требует признания легитимности самых различных парадигм обоснования толерантности. Такая ситуация, в свою очередь, побуждает нас к созданию разных нарративов — историй о толерантности, являющихся параллельными главами противоречивого нарратива модерна. Плюрализм современного мультикультурного общества требует плюрализма моделей толерантного сознания.

В контексте того, что было сказано в этой статье, признание такого плюрализма будет означать допущение различных обоснований толерантности как равно легитимных. К таким обоснова-

ниям относятся как дискурсы «ослабления несогласия», среди которых выше мы перечислили: скептицизм; рациональный редукционизм; теории безразличных вещей в религии; теории, утверждающие земные функции и мирскую ценность религии; мистицизм и национализм, так и дискурсы уважения к личности — от функционализма до либеральных концепций прав человека. Не следует забывать также и об абсолютно нестабильных, кратковременных, но все же иногда действенных прагматических и утилитарных основах терпимости. Общая атмосфера толерантности при этом будет формироваться либо взаимным перекрыванием этих моделей, либо сходством их результатов. От сущностного «перекрывающегося консенсуса» Дж. Роулза, основанного на консенсусе по поводу «тонкой» (т. е. абстрактной, общей) «теории блага», такое частичное перекрывание будет представлять собой, скорее, витгенштейновское «семейное сходство». Разные теоретические обоснования толерантности обосновывают именно эту ценность вовсе не потому, что являются тождественными друг другу либо же ведут к одному, «правильно» понимаемому толерантному сознанию, но поскольку они «сходны» в своих результатах друг с другом наподобие того, как похожи друг на друга члены одной семьи. В мультикультурном мире, созданном глобализацией, не стоит искать безупречного логического примирения различных дискурсов, нарративов и парадигм; и все же возможность укоренения ценности толерантности в разных культурных мирах позволяет рассчитывать на принципиальную (хотя бы и теоретическую) вероятность установления мирного со-существования этих миров в рамках современной цивилизации.

Раздел V

**Отражение культурных
практик толерантности
в текстах воздействия**

Л. М. Майданова, С. И. Соломатов

Практика присвоения статуса:

Анатолий Чубайс в зеркале

газетных текстов

Конец XX века в России описывается обычно в «терминах» краха, разрушения и разрыва. Рухнула социалистическая система, разрушена экономика, разорваны связи с традициями. Результат последнего изменения рассматривается как аномия — «нравственно-психологическое состояние индивидуального и общественного сознания, которое характеризуется разложением системы ценностей, обусловленным кризисом общества, противоречием между провозглашаемыми целями и невозможностью их реализации для большинства» (Словарь иностр. слов и выражений 2000: 50). У нашего общества, конечно, нет перспективы в течение нескольких столетий естественно-историческим путем выработать новые традиции и ценности, которые привели бы Россию в лоно счастливой западной цивилизации. Во-первых, потому, что упование на естественно-исторический путь вообще не в российских традициях — реформаторы (цари и не-цари) нам ближе, чем миллионы безымянных исторических творцов постепенно совершенствующейся повседневности. А во-вторых, в XXI веке, наверное, уже ни одно общество не может развиваться естественно-исторически, поскольку идея социального конструирования стала вполне осознанной теоретически и, главное, проверенной практически («немецкое чудо», «японское чудо», «китайское чудо»).

В этих условиях на российской исторической сцене неизбежно появление фигур, в силу тех или иных причин выдвинувшихся в

социальном конструировании на первые роли. Положение таких фигур в современном российском обществе весьма противоречиво.

Во-первых, им приписываются реальные исторические деяния (ликвидация СССР, шоковая терапия, приватизация), которые имеют определенные последствия буквально для всех членов социума, а масса оценивает известного деятеля не по его намерениям, а по результатам его дел, причем по результатам сиюминутным, повлиявшим на текущую повседневность. Смысл деяний в далекой исторической перспективе мало влияет на оценку личности общественного / политического деятеля современниками.

Во-вторых, само социальное конструирование затрагивает не только экономические, политические и социальные стороны жизни людей, но и их психологию. Пережив «аномию в 90-е годы, наше общество потеряло представление о культурных образцах, утратило представление о смысле жизни и социально признанных идеалах», в результате «сегодня люмпенизация общества, маргинализация значительной части молодежи (наркотики, гедонизм), отсутствие сострадательности и справедливости в обществе, а значит, и в людях, безжалостность криминала заставляют людей сознавать антропологические провалы и мечтать о хорошем человеке» [Федотова 2003: 16; 12]. Выработка идеала не может начинаться с нуля: один идеал отвергнут — немедленно начали сооружать другой. Люди должны «осмотреться» в новой обстановке, которая не пришла к ним постепенно, перестраиваясь сама и перестраивая поколение за поколением, а обрушилась на них в одночасье (вечером уснул советским человеком, а утром проснулся россиянином; в прошлом месяце жил в хрущевке, а сегодня уже бомж; в прошлом году был скромным завлабом, а нынче в первой сотне самых богатых людей планеты). Практическое освоение новой обстановки требует, в частности, понять, что за личности оказались вокруг, произвести их типизацию и научиться взаимодействовать с людьми этих новых типов. Для процесса типизации необходима информация, а поставляет ее не только бытовая повседневность, но и СМИ, искусство, наука. Каждый из источников выдает информацию в соответствующей воздействующей форме. Социология сообщает о процентном соотношении групп, выделенных по различным признакам. Искусство в лицах показывает складывающиеся поведенческие стандарты. СМИ выделяет и представляет аудитории набор фигур, *vip*-персон, олицетворяющих для ад-

ресата социальные процессы, порой дающих им свои имена. «Средства массовой коммуникации укрепляют и узаконивают статус людей, к которым они проявляют внимание», одну из функций СМИ даже так и называют — «присвоение статуса»; образ личности в общественном сознании во многом зависит от того, «в какой “обертке” нам подается личность и ее деяния» [Katz, Dayan 1986: 135; 137]; «журналисты рассказывают в своих репортажах о действиях и высказываниях тех, кто представляет нацию или общество, таким образом постоянно напоминая всем о реальности и власти этих людей» [Gans 1992: 94]. Так личность, вызвавшая своей деятельностью необходимость типизации, сама становится объектом этой типизации, буквально притчей во языцех, шепкой в море оценок.

Одной из самых крупных политических фигур нынешней России является Анатолий Чубайс. Какой же статус присваивает пресса этой личности?

Начнем историю с конца, в данном случае с положения дел, которое имеет место в момент написания этого текста. Недавно, 7 декабря 2003 г., прошли выборы в Государственную думу, на которых партия Чубайса «Союз правых сил» потерпела поражение. Впереди, 14 марта 2004 г., выборы Президента России, о чем партии не забывали и в период думской предвыборной кампании. 23 декабря 2003 г. радио «Эхо Москвы» сообщает, что, по опросу 1600 респондентов, «Человеком года» избран В. В. Путин, а политиком, получившим наибольшее число отрицательных оценок, стал А. Б. Чубайс (треть опрошенных). Между тем в прессе высказывается предположение о том, что Чубайс может стать альтернативой Путину на президентских выборах (Малашенко И. Кто виноват, тот и кандидат // Московские новости. 2003. 11–17 нояб.), что «за два политических цикла харизма Чубайса может испытать... и удивительную эволюцию. От любви до ненависти — один шаг. Реже случаются обратные метаморфозы. Но на конец первого десятилетия нового века придется эпоха смены поколений. Электоральные предпочтения, равно как и политическое поведение новой генерации избирателей, пока остаются загадкой. Так что сценарное упражнение, как это ни парадоксально, может включать в себя историю с обретением Чубайсом выборной должности» (Колесников А. Путин его не любит. Но ценит // Там же).

Коммунистическая пресса давно объявила реформаторов, в том числе и Чубайса, *палачами*: «Народно-патриотическая оппозиция,

организуя общероссийскую акцию протеста, будет требовать отставки *палачей-реформаторов* и создания правительства народного доверия» (Чикин В., Проханов А. От патриотического информбюро // Советская Россия. 1997. 18 марта). Пресса демократического крыла не скрывает, что такая оценка существует. Газеты могут цитировать читательские письма: «Даже малограмотные понимают, что к власти пришли *монстры* и *хапуги* и стремятся истребить нас... чьи дети учатся за границей? Кто ездит на Канары? Чубайс и ему подобные миллиарды хапают, а простому народу не за что и булку хлеба купить. Вы *подлецы*, на вас придет управа, у вас руки в крови по локоть и в долларах по самые плечи!» (Рыжий // Комсомольская правда. 1997. 10 дек.). Существование такой оценки может просто фиксироваться: «Именно этот грех (успех. — *Авт.*) принес Чубайсу репутацию сущего *князя тьмы*» (Соколов М. Светило российской бюрократии // Коммерсантъ-daily. 1996. 19 сент.); «всемирный аллерген» (Галиев А. «Я вам спою еще на бис...» // Эксперт. 1996. 22 июля). Мы не рассматриваем тексты, просто выражающие эмоциональную оценку героя и представляющие его в утрированно негативном виде. Это, конечно, не типизация. Навешивание ярлыков — это манипулирование сознанием, типизация же — аналитический процесс, неважно, осуществляется ли он на уровне бытового сознания или же в ходе журналистского расследования.

Понятно, что из средств массовой информации аудитория получает сведения о типе «ПОЛИТИК». В данном случае это деятель периода смуты и разброда, к тому же долгожитель политического Олимпа, «ветеран движения либералов-камикадзе, чей политический век, по их собственным подсчетам, не мог превышать нескольких месяцев, а растянулся на годы» (Колесников А. Путин его не любит. Но ценит). Совершенно очевидно, что в новых условиях функционирования СМИ (разная политическая ориентация; хоть и на российский лад, но все-таки свобода слова) меняется объем и качество информации о политическом деятеле, становящейся доступной адресату. Это несравнимо с той абсолютной закрытостью политических фигур, которая была свойственна эпохе СССР. Каким же предстает «Политик» в зеркале прессы?

Публикации СМИ прочно связывают с именем Чубайса две социальные роли. Вокруг этих ролей в текстах влияния выстраиваются ситуации, порождающие оценочность, которую можно оха-

рактизовать как динамическую: в тексте автор высказывает одну оценку, а у адресата в памяти может закрепиться другая оценка, так как с ситуацией он знакомится не только благодаря тексту, но и благодаря собственному жизненному опыту. К концу 2003 г. сформировалась третья социальная роль Чубайса, которая также будет рассмотрена нами.

Первая роль — «ЧИНОВНИК»

До последних дней советской власти ее служителей можно было назвать *чиновниками* только в осуждение за формализм и бездушие (см.: (МАС IV: 678)). Даже «Новый энциклопедический словарь» сообщает, что *чиновник* — это «в России гос. служащий, имевший определ. классный чин по Табели о рангах» (НЭС 2000: 1351). Сегодня мы называем этим словом любого государственного служащего. Однако в России продолжает жить давняя нелюбовь к «винтикам государственного механизма». В пословицах, собранных В. И. Далем, представлен тот же набор претензий к «госслужащему», что и сегодня: *Вершено уставом, да верчено неправо; У приказного и за рубль правды не купишь; Таков, сяков, да лучше приказных дьяков* (Даль 1984, I: 129); *Чей берег, того и рыба* (Там же: 130); *Глаза золотом запорошит — ничего не увидишь* (Там же: 132); *Казенное на грех наводит; Казенное страшно: подержал, да и за пазуху; Казна шатующая корова: не доит ее ленивый; Тащи из казны, что с пожара; Дай на прокорм казенную корову — прокормлю и свое стадо; Казна — первый обидчик; Поучил на торгах казну подрядчик, доконала уплатой и подрядчика казна* (Там же: 189).

Чубайс весьма старательно «отстраивается» от этих укоренившихся в нашем сознании представлений: «Мне не нравится, когда, принимая решения, иные министры — иногда даже вслух — спрашивают: “А что об этом думает господин такой-то олигарх?” Мне это не нравится не только как государственному чиновнику, но и как гражданину»; «Главная проблема, с которой сталкивается малый и средний бизнес, — это рэкет госчиновников... массовые поборы и массовое взяточничество бюрократов... Ситуацию надо менять»; «Это звучит так, что вот Чубайс рвался во власть, а его туда не пускали, тут пришли банкиры и его протолкнули. Я совершенно искренне не хотел возвращаться в госаппарат... Руко-

водителем администрации я стал вынужденно... потому, что ситуация со здоровьем президента и грядущей операцией, о чем я хорошо знал, была слишком серьезной» (Альбац Е. Анатолий Чубайс: «Я против совета директоров России» // Коммерсантъ-daily. 1998. 5 марта).

Журналисты обозначают названную социальную роль по-разному, иногда открыто демонстрируя вызов устоявшимся представлениям. Публикация М. Соколова в «Коммерсанте» (1996. 19 сент) имеет надзаголовок «Феномен Чубайса», заголовок «Светило российской бюрократии» и затейливо, в виде ступенек, оформленную табличку «Карьера бюрократа», а текст ставит героя в ряд с такими политиками, как Сперанский, Столыпин и Ришелье, и наделяет еще одним эпитетом: *гений администрации Чубайс*. Автор и прямо сталкивает два отношения к Чубайсу — свое и бытующее в обществе (уже упоминавшееся *сущий князь тьмы*, а также *совершеннейший штандартенфюрер*). Разумеется, одних эпитетов мало, поэтому автор раскрывает смысл обозначений типа *светило бюрократии*: он говорит о «личной финансовой незамазанности и редкостной административной хватке» Чубайса и о цели его деятельности — «провести назревшие и даже перезревшие административные реформы»; «решение национальной задачи по превращению России в регулярное государство». Характеристика *блестящий администратор* дана Чубайсу и в публикации А. Привалова «Так кто же в лавке останется?» (Эксперт. 1996. 22 янв.). И здесь подчеркивается, что «реализация внятного замысла — вот в чем конек Чубайса — и вот в чем его уникальность... Анатолий Чубайс с первых же месяцев в правительстве стал именно *реализовывать*. При этом он продемонстрировал огромную трудоспособность, блестящий административный дар, феерическое умение “держат удары” — почти без видимого ущерба выносить ожесточеннейшее давление оппонентов, мало какими средствами брезговавших». К. Платонов в публикации «Старый Чубайс эпохи нового Ельцина» (Коммерсантъ-daily. 1996. 23 июля) отмечает, что «годы, проведенные в правительстве, отточили его природный административный талант, превратив в одного из сильнейших аппаратчиков в стране».

Если оставаться на уровне общих обозначений героя (*чиновник, бюрократ, администратор, аппаратчик*), то при настойчивых утверждениях, что это гениальный, превосходный, честный чинов-

ник или даже бюрократ, можно преодолеть языковую оценочность и склониться к положительной характеристике его как политика. Но газетные тексты не сводятся к таким лобовым констатациям.

Высокой частотностью обладает характеристика *жесткий*. Поскольку она присутствует чуть ли не в каждой публикации, приведем несколько цитат без указания авторов и названий текстов: «Профилактикой выглядит и внедряемая сейчас в администрации система *жесткого* единоначалия» (Уральский рабочий. 1996. 23 авг.); «*Жесткое* усекновение феодальных вольностей» (Коммерсантъ-daily. 1996. 19 сент.); «Для этого нужна максимально *твердая*, максимально *жесткая* позиция правительства» (Коммерсантъ-daily. 1997. 28 окт.); «Надо было действовать *жестче*» (Коммерсантъ-daily. 1998. 5 марта); «Он позволяет себе *жестко* оппонировать власти» (Независимая газета. 2003. 1 дек.). Есть даже такая характеристика: «В быстро меняющейся обстановке, где необходимо принимать правильные решения не тактического, а стратегического характера... очень много может делать гибкий и *безжалостный* ум Чубайса» (Коммерсантъ-daily. 1996. 16 окт.). Здесь однозначной оценки уже быть не может, и далеко не каждый читатель согласится с тем, что жесткое лишение зарплаты — это положительное действие государства.

Как один из признаков высокого профессионализма аппаратчика подается в газетных текстах такое обстоятельство: «Административная сила Анатолия Чубайса заключается не только в его образовании и административном складе характера. За ним, в отличие от многих нынешних политиков и администраторов, стоит реальная *команда*» (Платонов К. Старый Чубайс эпохи нового Ельцина). Этот признак постоянно всплывает в публикациях о Чубайсе, а также во многих публикациях о политиках из *команды* Чубайса. В названном тексте явление это анализируется в специальной главе, так и озаглавленной: «Команда». Автор описывает его функцию: «Наличие собственной *команды*, способной в сжатые сроки занять основные места в любой структуре, в какой бы ни оказался Чубайс, сразу же ставит его имя в одну из высших строк аппаратной таблицы о рангах. В политике и в аппарате конкурентоспособность руководителя как раз и определяется способностью его в минимальные сроки заполнить все ключевые посты *своими людьми*». В нашем материале есть публикации, специально посвященные этому процессу расстановки «*своих кадров*», на-

пример аналитическая корреспонденция П. Шинкаренко «Четвертая перестройка Администрации Президента» (Российские вести. 1996. 18 сент.). Став 15 июля 1996 г. главой Администрации, что, по словам автора, является «награждением активистов избирательной кампании», Чубайс осуществил «дальнейшие назначения», в которых «уже сработал принцип *команды*» (далее все назначенцы перечисляются).

Обращение к этому признаку сопровождает рассказы и о Чубайсе юном, и о Чубайсе зрелом. Публикация «Коммерсанта» (1997. 14 июля) «Он любил пилой работать. Нравилась ему почему-то бензопила...» составлена из воспоминаний людей, которые знали Чубайса в студенческие годы. Каждый из трех говорящих отмечает, что он был внимателен к людям и что уже в эти годы установились те *связи*, которые во многом сохранились и до настоящего времени: «Я считаю, что у нас в институте он получил тот колоссальный опыт и *связи*, которые позволили ему стать тем, кем он стал»; «Он по одному, *step by step*, находил единомышленников, и не только в институте». Не обошлась эта публикация и без слова *команда*, правда, речь здесь идет пока еще о стройотряде: «У нас была очень дружная хорошая *команда*».

А в 2003 г. «Новое время» (№ 47) публикует отрывок из книги Андрея Колесникова «Неизвестный Чубайс», и это снова рассказ о его *команде*, о том, как она складывалась: «Чубайсовские семинары были способом поиска *единомышленников*»; «Когда Чубайс в 1982 году вошел в московскую лабораторию, где работал Гайдар, начался отсчет новой экономической истории, которая закончилась осенью 1991 года формированием первого правительства реформаторов».

На протяжении многих лет в рассказах о разных людях в тех или иных формулировках всплывает *команда Чубайса*, кроме того, в публикациях об одном и том же политике эта деталь неизменно фиксируется: «Реформаторские идеи в Ленинграде бурлили в основном вне институтских стен, на тусовках молодых экономистов, где блистали еще доценты и завлабы Гайдар, Чубайс, Васильев, Илларионов, Немцов, Глазьев. Кудрин освоился в этой компании» (Юрьев Е. Ловец щук // Коммерсантъ-daily. 1996. 14 сент.); «В московский политический бомонд А. Кудрин вошел как *игрок чубайсовской команды*» (Нетребя Т. Почему Кудрин такой неулыбчивый? // АиФ. 2003. № 28); «А вскоре *Кох с Чубайсом* стали

не разлей вода. Дружба окрепла на перестроечных дрожжах — в питерском Клубе перестройки, организованном Чубайсом» (Ростовцева И. Альфред ХичКох // Профиль. 2000. 3 июля); «Христенко — очень верный и преданный гайдаровец или чубайсовец, что одно и то же» (Славутинская И., Шанько А. Христенко за пазухой // Профиль. 1999. 7 июня); «Затем его пригласили на работу в Госкомитет РФ по управлению государственным имуществом, где «погоду» в ту пору делали молодые люди с радикально-рыночным мировоззрением, большей частью *выдвиженцы и соратники Анатолия Чубайса*. Шувалов там неплохо прижился, хотя к *клану «чубайсистов»* не принадлежал изначально и не примкнул впоследствии» (Сергеев А. Скромное очарование бюрократии // Независимая газета. 2000. 8 июня); «Переход с дипслужбы на должность пресс-секретаря президента для Ястржембского был неожиданным. Принято считать, что он *человек Чубайса*, который после изгнания шефа президентской охраны Александра Коржакова сразу захотел на ключевой пост президентского “рупора” усадить своего товарища» (Лукиянова И. Ястреб мира // Профиль. 2001. 19 февр.); «Пригодились и *отличные отношения с Чубайсом*: невзирая на тактические расхождения, Петр Авен способствовал тому, что бывший управляющий “Альфы” Андрей Раппопорт стал заместителем “железного Толика” в РАО ЕЭС» (Лукиянова И., Измайлов И. Авель и Каин в одном флаконе // Профиль. 2001. 29 янв.): «Согласно расхожему мнению, в пользу которого говорит ранняя политическая биография Игнатьева, он *близок к команде “старопитерских” и лично к Анатолию Чубайсу*» (Миндич Д. Сам как Зам // Профиль. 2002. 10 июня).

Признак *наличие команды* настолько ярок и важен, что авторы, как видно из материала, формируют некое функционально-смысловое поле с ядром *команда: компания, клан, тусовка, клуб; соратники, единомышленники, выдвиженцы, товарищи, чубайсовцы, чубайсисты, гайдаровцы, старопитерские, свои люди; отношения, связи*.

Наличие команды принимается, оценивается всеми авторами положительно. Исследователи проблемы лидерства отмечают, что «роль “великого человека”... становится еще более законной и важной, если “лидеры высшего эшелона” помогают другим людям из числа их последователей также стать лидерами. Только стоя на плечах этих людей, можно достичь настоящего лидерского вели-

чия» [Burns 1978: 443]. Так что объективно авторы текстов о Чубайсе выдвигают на первый план читательского восприятия поле «команда» правомерно. Но, надо думать, это поле вряд ли может предопределить позитивную оценку героя в глазах широкой аудитории. Мелькание одних и тех же имен, информация о том, что и тот для Чубайса свой человек, и этого он куда-то с выгодой для себя пристроил, у рядового читателя, как кажется, способны вызвать лишь вялое клишированное умозаключение: «все у них там схвачено», но никак не пробудить энтузиазм или негодование.

Гораздо отчетливее противоречивость оценок проявляется в связи с двумя ситуациями, ассоциируемыми с чубайсовской ролью «Чиновник».

Ситуация «Приватизация»

По связи с этой ситуацией в материалах СМИ набирается немало обозначений героя: *отец российской приватизации, главный приватизатор* (Коммерсантъ-daily. 1996. 6 июля); *отец ваучера, главный реформатор, идеолог российских реформ* (Сегодня. 1996. 29 нояб.); *последний гайдаровец* (Эксперт. 1996. 22 янв.); *идеолог приватизации* (Эксперт. 1996. 22 июля); *молодые реформаторы* (Общая газета. 1998. 15–21 янв.); *два главных российских реформатора* (Новое время. 2003. № 47). Эти обозначения в оценочном плане далеко не так безобидны в общении с массовой аудиторией, как гиперболические характеристики *гениальный администратор, светило демократии*. Кто кого хулит или хвалит в Администрации Президента, кто кого тащит на неизвестно в какой мере устойчивый пост, это, по большому счету, широкого читателя не так уж трогает. Другое дело — развал предприятий и потеря работы, месяцы безденежья, закрытые детские сады, превращение Дворцов культуры и кинотеатров в неведомо кому принадлежащие закрытые учреждения. А самое главное, конечно, — массовое обнищание. Оценка политика современниками, повторим, зависит вовсе не от того, какие светлые горизонты открывает его деятельность будущим поколениям. На оценку влияет повседневность. А повседневность 90-х гг. прошлого века характеризуется фрустрацией, «гнетущим напряжением, тревожностью, чувством безысходности» [Тощенко 2001: 92]. «По данным Российского независимого института социальных и национальных проблем, в декабре 1999 г. ситуацию в стране оценивали как кризисную 61 % лю-

дей, и 29 % — как катастрофическую, при 5 % считающих ситуацию нормальной. Эта оценка мало отличается от оценок середины 90-х гг. ...В сентябре 2000 г. каждый второй человек (51,7 % опрошенных) считал, что в течение ближайшего года никакого улучшения жизни не произойдет» [Там же: 95]. Самый большой интерес для нашей темы имеет сообщение Ж. Т. Тощенко о том, что, при сходстве оценок ситуации середины и конца 90-х гг., уменьшился уровень агрессивности масс. По данным ВЦИОМ, готовы были участвовать в акциях протеста «32,6 % людей в сентябре 1998 г. и уже только 18,6 % в сентябре 2000 г.». Не готовы были к таким акциям 47,8 % в 1998 г. и 65,9 % в 2000 г. [Там же]. Автор объясняет это так: «Люди надеются, что сложившаяся ситуация — временное состояние, что стоит подождать, потерпеть — и жизнь повернется к ним своей положительной стороной. Помимо надежды, людей удерживает от участия в акциях протеста страх, что сопротивление взорвет ситуацию, вызовет кровопролитие, серьезные катаклизмы, что обернется как против общества, так и против самого человека» [Там же]. Нам кажется, что аналитические публикации качественной прессы по поводу итогов приватизации обращены именно к этим надеющимся и умеющим сдерживать себя людям. Одобрения, а тем более любви к Чубайсу они не испытают, но и с кулаками на него не набросятся. Они способны выслушать, хотя, скорее всего, с доводами не согласятся.

Пресса не скрывает противоречивого характера приватизации и, следовательно, возможности разных ее оценок. Сложность процесса подчеркивается неоднократной констатацией того, что «приватизаторы» сами удивлены фактом своей долгой политической жизни, например: «Тогда, в ноябре 1991 года, все они считали и публично называли себя “смертниками”» (Привалов А. Так кто же в лавке останется?). Фиксируется и по-разному интерпретируется оценка приватизации обществом: «Массовая приватизация, им проведенная, разъярила почти всех — это является сильным аргументом в ее пользу: это значит, что она практически никому не была очень уж на руку» (Привалов А. Так кто же в лавке останется?); «Миф о том, что *народ Чубайса ненавидит*, скорее всего не миф — достаточно порасспросить таксистов. И это понятно. С одной стороны, г-н Чубайс не производил войн и разрушений. Если честно, он даже ничего ни у кого не отнимал (за ваучер ведь не просили отдать палец или даже ноготь). Но, с другой стороны,

он замахнулся на святое — пообещал справедливость (халяву), да ничего не вышло. Гнев же индивидуума, лишённого обещанной халявы, воистину страшен. Более того, в массовом сознании г-н Чубайс — не просто человек, который обещал, но не дал. В результате загадочной психологической трансформации народ уверен в том, что Чубайс попросту его *обобрал* до нитки, пособничая главному *грабителю Гайдару*» (Малкина Т. У каждой страны может быть только один Чубайс. Время искать рыжего еще не пришло // Сегодня. 1996. 29 нояб.).

Журналист может высказывать и свою собственную оценку ситуации: «Его (Чубайса. — *Авт.*) и выставили на выборы директора — правда, неудачно. Сегодня, впрочем, можно об этом лишь пожалеть: глядишь, займись тогда Гайдар с Чубайсом реальным делом, а не кухонными дискуссиями и мечтами об устройстве российской экономики на чилийский лад, может, и обошли бы стороной Россию и “шоковая терапия”, и ваучерная приватизация, и борьба с инфляцией путем невыплаты зарплат, и все прочие прелести радикал-монетаризма» (Вишневский Б. Согласен быть вторым? // Независимая газета. 2000. 27 апр.).

Особый интерес представляют объяснения приватизации, которые дает сам ее творец. Суть его толкования: иначе было невозможно, хотя мы и допустили некоторые ошибки. Кроме того, в нашем материале зафиксирован случай, когда герой пытается дистанцироваться от термина **приватизация**: «Секрет состоит в том, что мы не делали приватизацию в России, а *делали частную собственность в России*» (Мельников В. «Чубайс — не читатель, Чубайс — писатель» // Коммерсантъ-daily. 1997. 28 окт.). Это, конечно, странное противопоставление, потому что приватизация и есть «передача государственного или муниципального имущества за плату (иногда безвозмездно) в собственность отдельных лиц или коллективов» (Словарь иностр. слов и выражений 2000: 492), а **частный** — значит «принадлежащий отдельному лицу, не обществу, не государству» (МАС IV: 655), т. е., ‘делать приватизацию’ означает ‘вводить частную собственность на какое-то имущество’.

Как герой формулирует неизбежность своих действий? В одном из интервью он говорит: «Можно ли было реформы проводить иначе? Нет, нельзя. Можно ли было не делать ошибок? Можно было бы. Если бы не было сначала хасбулатовского парламента, который выкручивал нам на каждом шагу руки, а потом ны-

нешней Думы, которая все годы жила и живет по принципу «чем хуже — тем лучше». Если бы не было войны в Чечне. Если бы не надо было бороться со спецэкспортерами и льготами. С Национальным фондом спорта. С бывшими финансистами Министерства обороны, разворовывавшими деньги, выделяемые семьям военнослужащих» (Альбац Е. Анатолий Чубайс: «Нас ждут очень тяжелые полтора — два года» // Коммерсантъ-daily. 1998. 8 сент.).

Вряд ли это объяснение может изменить сформировавшуюся в обществе негативную оценку политика. Но люди с хотя бы частично угасшей агрессивностью могут, по крайней мере, сказать: вероятно, при том слабом государстве, которое затеяло приватизацию, все равно это выглядело бы как полный развал и урывание лакомых, да и не очень лакомых кусков разными ловкими личностями; видимо, Чубайс сумел прикрыть это хоть каким-то флером легитимности, даже деньги какие-то государству отвоевал в так называемых залоговых аукционах. Правда, читатель наших дней может добавить к этому: разворовывание государственных средств и сейчас, при частной собственности, ничуть не меньше, чем на заре российского капитализма; принцип «чем хуже — тем лучше» сменился принципом «пусть все остается как есть», а «есть» чуть не для половины россиян не слишком блестяще; война в Чечне еще тлеет, льгот меньше не стало, просто они теперь у других и, наверное, по-другому называются. И мы все еще со всем этим «боремся». Та же Евгения Альбац в более раннем интервью «Анатолий Чубайс: “Я против совета директоров России”» (Коммерсантъ-daily. 1998. 5 марта) задала Чубайсу такой вопрос: «Анатолий Борисович, а не кажется ли вам, что вы сейчас боретесь с тем, что сами и породили? Не только, конечно, вы лично, но все те, кто стоял во главе правительства, Минфина, ГКИ, начиная если и не с осени 1991-го, то с июня 1992 года? ... Банкам дали бюджетные деньги, и, крутя их, банки начали вспухать как на дрожжах. Дальше — залоговые аукционы, когда те же банки получили собственность по бросовой цене... Плюс к этому спецквоты, спецльготы, спецпоставщики и спецэкспортеры, которые привели к тому, что теория называет автономизацией бюрократии... Это же просто классическая схема образования “бюрократического капитализма”, описанная знаменитым немецким политэкономистом Людвигом фон Мисесем еще в пятидесятых годах». Суть ответа: «Вопрос стоял тогда так: либо будет хоть какая-то приватизация, либо ее

не будет вовсе». Звучит это несколько странно, словно кому-то стало абсолютно необходимо немедленно, каким угодно способом раздать кому попало государственное имущество. В литературе отмечается, что политики часто любят создавать «атмосферу отчаяния, намекая, что остался лишь один способ решения проблемы» [Katz, Dayan 1986: 137]. И такой «тоталитаризм решения» (*Иного не дано!; Коней на переправе не меняют!*) рассматривается как средство манипулирования сознанием [Кара-Мурза 2002: 815].

Можно отметить противоречивость некоторых ответов. В интервью «Анатолий Чубайс: “Нас ждут очень тяжелые полтора — два года”» политик говорит, что заем МВФ перед дефолтом 1998 г. был предназначен «для защиты банковской системы страны». Россия получила эти деньги. Однако далее следует дефолт, и герой по этому поводу замечает: «Сейчас совершенно необходимы самые энергичные и жесткие меры по предотвращению коллапса банковской системы». Спрашивается: куда пропали деньги МВФ? Между тем в вопросе журналистки звучит такая мысль: «Многие — особенно западные СМИ — писали, что заем МВФ прежде всего был предназначен для спасения олигархов и международных финансовых спекулянтов, для страны же это лишь лишнее долговое обязательство». Может быть, она права? Если до займа банки нужно было спасать и после займа требуется то же самое, то при чем здесь заем? Понятно, что все эти дефекты снижают убедительность высказывания и отнюдь не содействуют выработке позитивной оценки говорящего.

Ситуация «Скандал»

С именем Чубайса прочно связаны два скандала, которые чаще всего обозначаются как *коробка с долларами* и *дело писателей*. Были, разумеется, и другие, но именно эти скандалы почему-то остались в памяти, особенно второй, породивший в журналистских текстах множество упражнений на тему «слово писатель». Сам герой объясняет все это *происками врагов*. Изъятие пресловутой коробки было организовано А. Коржаковым, который в результате был освобожден президентом от должности начальника службы безопасности (см.: Илюхин В. А говорят, что денег нет... // Республика. 1996. 11 дек.). *Дело писателей*, по словам А. Чубайса, было организовано, чтобы отстранить его от сферы ГКО, ставки по которым к октябрю 1997 г. были в пределах 20–16 % (см.: Аль-

бац Е. Анатолий Чубайс: «Нас ждут очень тяжелые полтора-два года»).

Журналисты, рассказывая об этих скандалах, не бросаются на защиту политика. В оценочном плане они иронизируют: «19 июня сего года бывший пресс-секретарь ГКИ и действующий глава одного из крупнейших рекламных агентств были злодейски схвачены представителями спецслужб на выходе из Белого дома с коробкой из-под ксерокса... Мало кто сомневается в том, что были и коробка, и деньги, и «левые» финансовые источники мощной предвыборной раскрутки кандидатов... Бесстрашность общества, перед которым вот-вот могут приоткрыться тайны крупных финансово-политических сделок, объясняется, по-видимому, своеобразным негласным общественным договором. Суть его примерно такова: раз нам и на этот раз, как всегда, суждено выбирать меньшее из двух зол, то уж, Бог с ним, мы готовы прикинуться слегка идиотами» (Малкина Т. У каждой страны может быть только один Чубайс); «Глава новоявленного союза писателей является по совместительству еще и министром финансов. Скорее всего президент не станет торопиться со следующими кадровыми решениями, однако господин Чубайс, вспомнив народную мудрость о том, на ком обычно шапка горит, поспешил заявить прессе, что он, покорный, «примет любую оценку президента»» (Яков В. Союз писателей Чубайса несет потери // Новые Известия. 1997. 15 нояб.); «Что — по данным опроса населения — стоит на первом месте в 1997 году? ...Скандал с безумно высокими гонорарами для чубайсят и вылет их за это из Белого дома? Нет» (Ряжский Ю. Большая тройка российского правительства. Некоторые итоги борьбы бульдогов под ковром // Московский комсомолец. 1998. 15–22 янв.).

В последней публикации автор дает и прямую оценку случившегося: «Главная потеря Чубайса, которую вполне можно назвать «потерей 1997 года», — это *потеря им репутации* единственного политика, который не запятнан скандалами. Белая мантия человека, ведущего жесткие экономические реформы, «украсилась» пятнами «зеленых» гонораров, полученных из рук коммерсантов. Никто пока не доказал, что гонорары эти были закамуфлированными взятками (да и вряд ли докажет), однако сам факт, что крупный госчиновник позволил себе получить 100 тысяч долларов в том момент, когда полстраны по вине правительства сидело без зарплаты, смотрится некрасиво. Если не сказать больше...» Финансо-

вая сторона скандала может вскрываться и более аналитично: «И вот новая, почти безупречная схема получения легальных доходов для чиновников найдена *авторским коллективом* под руководством Анатолия Чубайса» (Сергеев И., Сполохов Ф. Образ приватизации в русской литературе // Коммерсантъ-daily. 1997. 14 нояб.).

Таким образом, газетные публикации о скандалах поддерживают негативную оценку Чубайса в общественном сознании. Надо, однако, добавить, что сам по себе *скандал* на российского читателя способен производить разное впечатление. Политтехнологам сегодня хорошо известно, что если представить своего «подопечного» *жертвой* скандала, то можно сыграть на народной жалости, сочувствии к обиженным и заработать неплохой политический капитал. Но в случае с чубайсовскими скандалами все было по-другому. Речь шла о больших деньгах (полмиллиона долларов в коробке; гонорар в сто тысяч долларов), в газетном повествовании всегда звучал намек на мошенничество. Здесь на сочувствие аудитории рассчитывать не приходилось. Эти тексты воздействия подогревали в обществе отрицательную оценку Анатолия Чубайса в его социальной роли «Чиновник».

Вторая роль — «МЕНЕДЖЕР»

Данная роль обозначается чаще всего словосочетаниями *председатель правления РАО «ЕЭС России»*, *глава РАО «ЕЭС России»*. Есть и более выразительные номинации: *главный энергетик страны*, *главный электрик страны* (Гликин М.; Родин И. Чубайс может стать депутатом. Не простым // Независимая газета. 2003. 1 дек.).

Данная роль Чубайса привлекает к себе внимание общества ничуть не меньше, чем роль *чиновника-приватизатора*, поскольку ведомство Чубайса успело запугать население веерными, периодическими и тотальными отключениями электроэнергии. С. Г. Кара-Мурза назвал это шантажом: «В любой момент режим может ответить на неповиновение населения лишением его энергии. Видели, как выглядит замороженный город? Видели, какво готовить пищу на кострах? Выключатель — у Чубайса, кран газопровода — у Чернобырдина. *Шантаж* — акт не мира, а войны, уже не вполне холодной. Это надо помнить, когда вспыхивает очередная кампания по поиску гражданского согласия» [Кара-Мурза 2002: 377].

В связи с этим интересно замечание заместителя генерального директора «Дальэнерго» Александра Иуса о том, что население относится к ведомству Чубайса двояко: «Одни считают нас врагами, другие — *спасителями*» (Губенко О. В темноте, но не в обиде // Известия. 2001. 9 февр.). Автор указанной публикации в подзаголовке фиксирует: «Приморье встретило Чубайса по-доброму». И уточняет, что «делегация Чубайса ожидала столкнуться во Владивостоке с народным пикетом, но не столкнулась. Все вспоминали недавний пикет у “Дальэнерго” с плакатом “Чубайс — это рыжая смерть”». Ср. также иронию «АиФ»: «Возможно, на здании РАО ЕЭС даже повесят табличку: “Здесь с 1998 по 2004 год работал Чубайс, повелитель тьмы”» (Рубрика «Жизнеспособность политсубъектов» // АиФ. 2002. Май. № 20).

С рассматриваемой ролью всегда связывались различные политические смыслы. Анализируя грядущее перемещение Чубайса на пост главы РАО «ЕЭС», Андрей Галиев отмечает: «Должность председателя совета директоров носит политический характер. <...> *Эффективный Чубайс* во главе мощной естественной монополии будет крайне полезен кандидату от партии власти на выборах-2000» (От Чубайса к Чубайсу // Эксперт. 1998. 16 марта). Семен Новопрудский снабжает свою корреспонденцию «Неисполнительная власть» подзаголовком «Скандал вокруг энергетической реформы становится политическим кризисом» (Известия. 2000. 22 дек.). Борис Немцов возлагал на Чубайса такие «политические» надежды: «Сегодня *А. Чубайс остался “страшилкой”* для старшего поколения, зато является маяком для солидного слоя бизнесменов и подросткового поколения двадцатилетних россиян. СПС — партия уверенных в себе людей, и Чубайс здесь не просто значимая фигура, а *реальный локомотив*, способный вытянуть партию на самый верх» (Карташев Е. Борис Немцов раскал о реформе ЖКХ // АиФ-Урал. 2003. Сент. № 36). Надо отметить, что надежды не сбылись. На выборах в Госдуму 7 декабря 2003 г. СПС преодолел пятипроцентного барьера и в парламент не прошел.

Однако двигался Чубайс (или двигали его) в «ЕЭС» как *антикризисный управляющий* (см.: Галиев А. От Чубайса к Чубайсу). Поскольку вкус к реформам не оставляет героя и на поприще *менеджера*, общество вынуждено осмысливать и оценивать проблему реформы энергетики, а сегодня еще и реформы ЖКХ. Так как ни одна из реформ пока не реализована, в обществе активно цир-

кулируют два оценочных потока. От инициатора и его сторонников — хвала, от противников — хула.

Инициатор: «Реформа началась. 1 ноября этого года мы пустили — первые, кстати, в стране — либерализованный рынок электроэнергии... Текущая цена на рынке оказалась, как мы и доказывали, ниже, чем государственная цена». На обвинения в том, что это просто предвыборный ход, Чубайс отвечает: «Что касается популистского предвыборного характера, у меня простой ответ: а пусть кто угодно повторит такой популизм. Он меня устраивает. Это же *не популизм* в виде рассказов о том, что мы удвоим бюджет... *а реальное дело* — ценой, между прочим, в миллиард рублей» (Прямая линия // Известия. 2003. 5 дек.).

Его сторонники: «РАО «ЕЭС России» готово вложить в несколько российских городов, подписавших договор с РКС на обслуживание коммунального хозяйства, 500 миллионов долларов» (Карташов Е. Борис Немцов рассказывает о реформе ЖКХ).

По поводу бодрых слов нашего героя о тарифах заметим, что с каждой из двух названных социальных ролей Чубайса (*чиновник и менеджер*) связаны обещания, которые он дает обществу. «Лидеры берут на себя ответственность за свои обещания — если они обещают определенные политические, экономические или социальные изменения, их лидерство предлагается как средство достижения этих изменений» [Burns 1978: 4]. К сожалению, Чубайс, как говорит автор одной из публикаций, «несколько раз избирал неудачные слоганы. Не тверди он при каждом удобном и неудобном случае, что ваучер равноценен двум “Волгам”, а скажи прямо: “Ребята, даем мало, но больше взять неоткуда, и ведь даем же, не отбираем!” — и, быть может, не запомнил бы стар и млад, что *Чубайс ограбил народ*. Не говори он год за годом, что процесс реформ необратим, а сознайся: “Ребята, делаем, что можем, но осталось — начать и кончить”, — и, быть может, не сбросили бы его, как отработанный пар, при первом подходящем случае» (Привалов А. Так кто же в лавке останется?). С обещанием снизить тарифы дела обстоят не лучше. Сразу после Нового года (2004) из Москвы зазвучали грустные новости о повышении платы за электричество, водоснабжение, отопление, общественный транспорт. Вряд ли страна отстанет от Москвы в этой гонке цен. Если учесть замечание о том, что лидерство — это средство достижения обещанных изменений, то лидерство Чубайса предстает как очень

странное, так и не внушившее народу хоть сколько-нибудь доверия ни к самому политику, ни к власти вообще.

Противники, естественно, нападают на то, что все эти «реформы» сводятся только к аккумуляции средств на счетах монополии: «Население систематически переплачивает за электроэнергию, обеспечивая энергетикам значительную сверхприбыль (тарифы за электроэнергию сегодня в несколько раз выше себестоимости ее производства). И при таких огромных прибылях РАО «ЕЭС» не может обеспечить простого воспроизводства?! Куда же исчезают деньги? ... Желание прибрать к своим рукам ЖКХ вполне объяснимо. Это способ «запустить» еще один механизм перетекания государственной собственности в руки группы приближенных» (Глазьев С. В чьих интересах? // Лит. газ. 2003. 2–8 июля); «Рынок ЖКХ пока разрознен, и если быстро его монополизировать, то удастся снять «сливки» и прилично заработать. Видимо, именно поэтому Чубайс так активно пытается захватить рынок ЖКХ» (Гиляжев В. Шагреневая кожа РАО ЕЭС // АиФ-Урал. 2003. Июль. № 27).

Интересно отметить, что эти обвинения начались, можно сказать, сразу после того, как Чубайс пришел в РАО «ЕЭС». Например, в одной из публикаций ему «выговаривают» за результаты работы компании в 1997 г., хотя он возглавил ее в 1998-м: «Если до приватизации половина средств шла на поддержание работоспособности энергосистем, то теперь половина уходит на дивиденды, то есть в карман совладельцев РАО, а на модернизацию вначале — треть, а потом с каждым годом все меньше и меньше. Пока совсем не иссяк тоненький ручеек. По предложению совета директоров — этих гарантов рачительного использования государственных энергетических богатств, — при распределении прибыли за прошлый год на эти цели не выдано ни рубля» (Аксенов О. Если посчитать, во что нам обходится талант А. Чубайса... Счетная палата посчитала — и прослезилась // Российская газета. 1998. 30 окт.). В наших материалах нет точной даты вступления Чубайса в должность председателя правления РАО «ЕЭС», но еще 16 марта 1998 г. «Эксперт» рассуждает только о возможности такого его перехода из правительства и заканчивает публикацию справкой: «Но до конца апреля Анатолий Чубайс точно останется первым вице-премьером: 17 апреля начинается сессия МВФ — ВБ, вместо него ехать в Вашингтон пока некому». Публикация же «Российской газеты», как видим, датируется 30 октября 1998 г. При

всех своих талантах не мог Чубайс за полгода *довести РАО «ЕЭС» до слез Счетной палаты*, а публикация строится так, чтобы всю вину возложить на него. Приведенный текстовый фрагмент интересен тем, что в нем присутствует двусмысленность: «При распределении прибыли за прошлый год на эти цели не выдано ни рубля». Речь идет о прибыли за прошлый год (1997), из которой в 1998 г. «не выделено ни рубля», или о прибыли, из которой за прошлый год (1997) не выделено ни рубля на модернизацию? В публикации не сообщается, что в компанию Чубайс пришел не раньше мая, так что, может быть, в распределении прибыли и не участвовал. В публикации не говорится о том, что Чубайс, допустим, продолжил политику предшествующего руководства, поэтому все недостатки работы в 1997 г. перенесены и в 1998-й. Нет. Изложение строится так, словно *за все грехи* компании, будь то 1993 или 1997 год, *отвечает* один Чубайс, других имен в тексте просто нет. На фоне этой годами складывающейся горестной картины ярчайшими красками пространно рисуется зарплата Чубайса, установленная для него советом директоров. В этом описании присутствует некая путаница, то ли намеренная, то ли допущенная по недосмотру: во-первых, совет директоров назначает Чубайсу должностной оклад 36 тысяч рублей в месяц. «На его зарплату, — пишет автор, — 200 пенсионеров могут жить целый год». Во-вторых, Чубайсу полагается дополнительное вознаграждение — 144 тысячи рублей (в год или за месяц — из текста не очень ясно). Всё вместе — 635 тысяч, или 100 тысяч долларов, опять же неясно, то ли за год, то ли в месяц. Итог: «Повторим: при самых скромных подсчетах *месячной зарплаты председателя правления РАО хватит, чтобы прожить безбедно в течение года 200 пенсионерам*». Таким образом, 200 пенсионеров связываются с двумя цифрами: 36 тысяч в месяц и 100 тысяч долларов то ли в месяц, то ли за год. Понятно, что на читателя действует только мелькание тысяч и вколачиваемое в сознание суждение о двухстах пенсионерах, в течение года роскошествующих на чубайсовскую месячную зарплату. А тут еще автор ехидно добавляет: «Видимо, Анатолий Борисович Чубайс очень любит себя. Ведь уже второй раз (из известных широкой общественности) он оценивает свой труд в 100 тысяч долларов. Первый раз он так оценил свои гипотетические литературные таланты, сейчас — менеджментские». И все. Текстовая оценочность у многих и многих читателей наверняка найдет от-

клик в их собственном опыте переживания повседневных бытовых невзгод, организованных энергетиками.

В связи с социальной ролью Чубайса «Менеджер» возникают и многозначительные переключки дружественных и враждебных голосов. «Советская Россия» (2002. 23 мая) помещает открытое письмо инженера-электрика А. Григорова «Инвестиции Чубайсу карман не тянут», где автор спрашивает, почему у компании не хватает денег даже на ремонт имеющихся станций. Естественно, для него на этот вопрос существует один-единственный ответ: потому что воруют. Понятно, что сторонники, а тем более сослуживцы Чубайса по РАО «ЕЭС» о воровстве не говорят. Но о весьма неэнергичном обновлении фондов сообщают. Так, заместитель председателя Андрей Рапопорт отвечает на вопрос журналиста Петра Нетребы «Какие электростанции еще строит РАО?» с помощью следующих пояснений: «Наша проблема в том, что мы только достраиваем станции, заложенные еще при СССР... Начинать новое строительство с нуля при нынешних инвестиционных возможностях практически невозможно. По сути, сегодня у РАО только один собственный проект — Калининградская ТЭЦ-2. Мы начнем строительство, если в этом году его утвердит Минэкономразвития» (Коммерсантъ. 2001. 19 дек.). И это при заголовке «Крупный бизнес уже вкладывается в энергетику». В общем контексте публикаций эти суждения не способствуют положительной оценке компании и ее главы.

Положение осложняется еще тем, что роль *менеджера*, управленца сомкнулась (или сменилась?) с ролью *олигарха*, причем интересна сама метаморфоза этой роли в судьбе героя. Чубайс-политик когда-то был настроен, во всяком случае судя по его речам, весьма строго по отношению к олигархам. В марте 1998 г. он говорил: «Я считаю, что интересы бизнеса должны учитываться правительством, но из этого вовсе не следует, что министры должны выстраиваться по струнке перед бизнесменами и выполнять их указания». Здесь же он фиксирует: «Существует противостояние между Борисом Березовским, которого более или менее активно поддерживает Владимир Гусинский, с Чубайсом и Немцовым» (Альбац Е. Анатолий Чубайс: «Я против совета директоров России»). Но уже в сентябре того же года Чубайс сам зачисляет себя в категорию *олигархов*. Вопрос журналиста: «Ваша судьба — что будет с вами? Вы останетесь в РАО ЕЭС?». Ответ: «Желающих

убрать будет много. Риски атак есть. Жизнь *олигарха*, знаете ли, нелегка» (Альбац Е. Анатолий Чубайс: «Нас ждут очень тяжелые полтора — два года»). Можно только вспомнить шекспировского Горацио: «Да, правда, это следовало быстро». В 1999 г. герой уже твердо ставится в один ряд с Березовским: «Разумеется, противоречий *между двумя олигархами* достаточно. Наверное, они действительно не очень любят друг друга. Но *стратегическая цель у них одна*. Оба жизненно заинтересованы в сохранении нынешнего режима. Оба нужны Кремлю. И потому им, как и в девяносто шестом, логично работать одной командой» (Чугаев С. Чубайс и БАБ снова в одной команде? Скандалы вокруг формирования правительства, возможно, стали прикрытием для создания в Кремле предвыборного штаба // Комсомольская правда. 1999. 3 июня). В 2000 г. наш олигарх говорит об олигархическом капитализме, который надо бы заменить капитализмом либеральным, и на вопрос журналиста о том, как поведут себя олигархи в отношениях с Путиным, отвечает: «Строиться начнут» (Альбац Е. Любовь к электричеству // Известия. 2000. 5 янв.). Герой, иронизируя, наверное, отделяет себя от олигархов.

Но это скорее всего уже невозможно. Общественное сознание прочно связало его имя с данной группой. В 2003 г. в связи с арестом Ходорковского «на сакраментальный вопрос “Кто следующий?” чаще всего звучит ответ “Чубайс”... После его (Ходорковского. — *Авт.*) ареста осталось только два человека, которых принято называть олигархами и которые позволяют себе политические заявления. Это Владимир Потанин и Анатолий Чубайс» (Гликин М., Родин И. Чубайс может стать депутатом. Не простым). Вряд ли эта новая вариация роли «Управленец» прибавляет положительных красок в образ политика.

Третья роль — «ПУБЛИЧНЫЙ ПОЛИТИК»

Эта роль сформировалась в 2003 г., когда А. Чубайс попытался помочь Союзу правых сил завоевать голоса избирателей на парламентских выборах. Сам он, правда, уверял, что в Думу идти не собирается, во всяком случае на вопрос читательницы «Известий» «Вы останетесь в должности председателя правления РАО «ЕЭС», если СПС пройдет в Госдуму?» Чубайс ответил: «Да. Я с самого начала об этом сказал, что в РАО “ЕЭС” есть масштабная неза-

вершенная работа под названием “Реформа энергетики”» (Прямая линия // Известия. 2003. 5 дек.). Но в предвыборной кампании он участвовал, избрав предметом критики *национал-социализм*, а предметом пропаганды *либеральную империю*. Газеты старательно пытались зафиксировать авторские формулировки того и другого понятий. *Национал-социалисты* «выполняют задачу политического прикрытия действий силовых структур» (Гликин М. Тактический союз с дьяволом. Так Анатолий Чубайс характеризует предвыборные альянсы с национал-патриотами // Независимая газета. 2003. 26 нояб.). А *либеральная империя* — это Россия, которая «напористо, но корректно выстраивает свои отношения с эконо-миками и обществами соседних государств», при этом политик заявляет, что «*империей* являются США, хотя там нет императора, а есть избираемый президент, империей является Великобритания» (Григорьева Е. Анатолий Чубайс, глава РАО «ЕЭС России»: «Единственное, что их не устраивает — что мало. Надо сажать еще и еще» // Известия. 2003. 26 нояб.). В литературе функция «конструирования нации и общества приписывается масс-медиа — журналисты «наращивают мясо» на скелет размытых идей, помогают сделать их реальными» [Gans 1992: 94]. Эти идеи Чубайса были, по-видимому, уж слишком размыты. Никакого «мяса» за время предвыборной кампании на них неросло. Об этом говорит и цитируемая далее публикация, обсуждающая идею выдвижения Чубайса кандидатом в президенты. Игорь Малашенко, первый президент НТВ, отмечает: «Какой же друг Чубайса будет говорить о том, что он-де должен выставиться кандидатом в президенты и начать говорить правду-матку, а не нести всякую ерунду про *либеральную империю*? Тем не менее сегодня именно Чубайс, если он наберется смелости, может реально бросить вызов режиму» (Московские новости. 2002. 11–17 нояб.).

СПС, как известно, выборы проиграл. Фигура Чубайса оказалась, видимо, для избирателей не такой уж привлекательной. Представляется, что президентскую кампанию, которая сегодня, когда пишутся эти строки, уже началась, ему пришлось бы вести, опираясь не на авторитет в массах, а на манипулирование (выдвижение, правда, не последовало).

В общественном сознании, как показывает рассмотренный материал, накопилось много негативных оценок всех трех соци-

альных ролей А. Чубайса. Издания, проанализированные нами, не могут быть обвинены в разжигании ненависти к Чубайсу. Они, во-первых, не скупаются на предоставление своих страниц этому политику. Интервью с Чубайсом занимают часто площадь, превышающую полосу максимального формата, так что он имеет возможность подробно изложить собственное видение политических и экономических проблем государства. «Кроме того, количество времени/места, которое отводят чиновникам те или иные средства массовой информации, позволяют... оценить, насколько важную роль они играют в обществе на данный момент» [Gans 1992: 90]. Даже объем публикаций говорит о том, что статус этого политика оценивается масс-медиа высоко. Во-вторых, тексты часто строятся на опровержении бытующих в обществе стереотипов, связанных с Чубайсом. Для этого авторы в первую очередь стараются преобразовать оценочный ореол слов, которыми обозначаются отдельные социальные роли Чубайса (*бюрократ, администратор*).

Однако негативная оценка деятельности Чубайса, как уже было сказано, главенствует. Повседневность и, наверное, еще не совсем угасшее в народе чувство самосохранения позволяют интуитивно улавливать то, что фиксируется и некоторыми отнюдь не «красными» изданиями, и учеными. «Независимая газета» однажды написала о клане Чубайса так: «Типичному представителю этого клана — скажем, Альфреду Коху, Максиму Бойко или Григорию Томчину (не говоря о самом Анатолии Борисовиче) — как правило, свойственны типично большевистские черты. Презрение к «черни», не понимающей, что экономические эксперименты радикал-реформаторов производятся над ней ради ее же «светлого будущего», высокомерие и зазнайство, умение врать не краснея, неуважение к собеседнику и его мнению, если оно отличается от собственного, уверенность в своем мессианском предназначении и безусловной верности проводимой политики, наконец — полнейшая убежденность в том, что нет таких средств, которые бы не оправдывала цель. Если враг не сдается — его уничтожают, кто не с нами — тот против нас, не знаем что — но доведем до конца... Их профессионализм, как правило, проявляется лишь на ниве скоростной распродажи государственной собственности в нужном направлении или приумножения личного состояния (все российские реформаторы почему-то процветают вопреки собственным реформам)» (Вишневский Б. Согласен быть вторым? // Незави-

симая газета. 2000. 27 апр.). А специалист по философии политики А. С. Панарин говорит о том, что современные элиты, призвав на помощь концепцию постмодернизма, отстаивают идею и осваивают практику «освобождения капитала от всех социальных и национальных обязательств» в условиях, когда отрицательные силы признаются «как единственный агент мировой динамики» [Панарин 2003: 21, 23].

По большому счету, равнодушие к коренным проблемам нации (самосохранение, достойное существование), по-видимому, и улавливается населением. Но «без симбиоза сильного лидера и активного населения кризис постигнет оба института — лидерства и гражданства» (со ссылкой на М. Вебера см.: [Burns 1978: 451]). Этот кризис, видимо, и отражают публикуемые тексты воздействия, вполне корректно запечатлевая противоречивую фигуру политического деятеля, талант которого в период смуты и разброда остается не признанным современниками. По данным СМИ — это крупный политик. По результатам типизации — политик, получающий наибольшее количество отрицательных оценок. Истинная же его значимость выяснится только в будущем.

В. Д. Черняк, М. А. Черняк
**Конфликтность и толерантность
в заглавиях текстов массовой литературы**

Обращение современной филологии к обыденной речи, к речевым произведениям, создаваемым «здесь и сейчас», знаменательно и согласуется с антропоцентрическими устремлениями современной науки. Этими устремлениями обусловлен и интерес к массовой литературе, издаваемой миллионными тиражами и ставшей неотъемлемой частью языкового существования современного общества. Так, по данным социологов, массовая литература сегодня составляет 97 % литературного потока [Гудков 1996: 43].

Говоря о насущных задачах исследования современной языковой ситуации, Ю. Н. Караулов отмечает: «Мы всегда изучали лучшие образцы речи, мы привыкли ориентироваться на мэтров языка, на авторитеты, и старались избегать «отрицательного» языкового материала. Ставя сегодня вопрос о состоянии русского языка, о состоянии текущей языковой жизни общества... мы должны прежде всего думать и говорить... о среднем носителе русского языка, который является средоточием всех его нынешних плюсов и минусов» [Караулов 1991: 85]. Предметом серьезного исследования становятся не только высшие проявления языковой культуры, но и язык улицы, язык города, языковые портреты различных социальных групп, язык средств массовой информации, язык произведений массовой литературы, ранее считавшихся недостойным объектом для научного рассмотрения. Такое расширение поля собственно лингвистических, социолингвистических, лингвокульту-

рологических исследований представляется чрезвычайно важным, поскольку изменения в обыденном языке, трансформации лексико-семантических пластов, в значительной степени обусловленные изменением круга чтения и обеднением определенных фрагментов словаря современника, свидетельствуют о тенденциях развития языка, о динамике языковой личности. Язык эпохи, своеобразие языковой картины мира выразительно воплощаются в заглавиях произведений массовой литературы.

Обращение к этому концептуально и эстетически значимому элементу текста позволяет проследить динамику картины мира носителя русского языка, а также выявить некоторые способы воздействия на сознание современного россиянина.

Как известно, заглавие занимает сильную позицию в тексте, задавая ориентиры для его последующего восприятия. В текстах массовой литературы заглавию отводится особая роль. Именно по нему читатель находит свою книгу (книги для женщин, для интеллигентного, искушенного читателя; для читателя с низким культурным уровнем и примитивным словарным запасом; для людей со сниженным порогом чувствительности). Р. Барт, говоря о функциях заглавий, отмечал, что, поскольку общество должно в силу коммерческих причин приравнивать текст к товарному изделию, для всякого текста возникает потребность в *маркировке* [Барт 1994]. Заглавие призвано маркировать начало текста, тем самым представляя его в виде товара. Как отмечает В. Тюпа, «заглавие есть привилегированная и вынесенная вовне часть художественного целого» и, что очень важно в аспекте рассматриваемой нами проблемы, «заглавие текста в качестве имени произведения есть *энергия сущности* самого произведения» [Тюпа 2001: 115].

Заглавие включает концептуально значимые слова, при этом жесткие жанрово-тематические каноны, являющие собой формально-содержательные модели прозаических произведений, построенных по определенной сюжетной схеме и обладающих общностью тематики, устоявшимся набором действующих лиц и типов героев, определяют клишированность заглавий произведений жанров массовой литературы (детектив, триллер, боевик, мелодрама, фантастика, фэнтези, костюмно-исторический роман и др.). Писатель Л. Жуховицкий видит в выборе заглавия один из важнейших этапов в создании бестселлера: «Надо определить главную задачу заглавия. На мой взгляд, она заключается вот в чем: заста-

вить редактора заглянуть в рукопись, а критика или читателя — открыть обложку. Начали читать — значит, заглавие тем или иным способом, но сработало. Хорошее название похоже на входной билет, который приходится полностью оплачивать. На треть одаренностью, на две трети трудом. Больше нечем...» [Жуховицкий 2000].

В заглавиях текстов массовой литературы последнего десятилетия, как в зеркале, отразились агрессивность и конфликтность, ставшие яркими приметами эпохи глобальных перемен в жизни страны. Следует отметить, однако, что поляризация картины мира в течение десятилетий формировалась как доминанта сознания советского человека и средствами публицистики, и (что при логоцентризме советской эпохи было очень важно) средствами художественной литературы. Языковые процессы, связанные с целенаправленной обработкой сознания советского человека, прекрасно описаны в книге Н. А. Купиной «Тоталитарный язык» [Купина 1995].

Глобальные изменения в жизни российского общества в 80–90-е гг. XX века определили существенные изменения в картине мира современника. Лексические последствия этих изменений, проявившиеся прежде всего в многочисленных лексических инновациях, выразительно представлены в «Толковом словаре русского языка конца XX в.» под ред. Г. Н. Складчиковой. Нами были проанализированы материалы словаря с точки зрения вербализованных концептуальных полюсов: толерантность — конфликтность. Оказалось, что полюс «толерантность» представлен прежде всего актуализировавшейся в языке лексикой православной культуры, не ставшей, однако, неотъемлемой и активно используемой частью лексикона нашего современника. Из других немногочисленных лексических единиц можно привести в качестве примера слова *благодетель, взвешенный, волонтер, вспомоществование, гарант, гарантированный, гуманизировать, гуманистичный, гуманитарный, диалог, доверие (служба доверия, телефон доверия), духовный, законопослушный, защищенность, консенсус, консолидироваться, пожертвование*.

Противоположный полюс представлен несопоставимо большим количеством лексических единиц: *абсурд* (театр абсурда), *Абсурдистан* (о советской России), *абсурдный* (абсурдная экономика, абсурдное общество), *аллергия, аномалия, апокалипсис* (пе-

рен. публ. 'о мировой катастрофе, крупномасштабном бедствии, несущем угрозу гибели человечества, культуры, природной среды'), *асоциальный, бандитизм, банкротство, бардак* ('беспорядок, хаос, неразбериха, развал'), *бедность, беженцы, бездомные, беззаконие, беспредел, блокада* (информационная, финансовая, энергетическая), *бомж, бродяга, вакханалия, взвинчивать, взрывоопасный, выбросы, выживание, вымогать, вышка, гангстер, геноцид, зона, голод, демонтаж, депортировать, депрессия, дестабилизировать, деструктивный, дефицит, замочить, казнокрад, камикадзе, катаклизм, катастрофа, кидала, киллер, кинуть, клан, конфликт, криминалитет, мясорубка* ('бессмысленная война, бойня'), *наколоть* ('обмануть'), *наркомафия, наркобанда, профашистский, психотропный, разборка, теракт, террорист, терроризм* и т. п.). Эти лексические единицы, естественно, оказались востребованными у авторов массовой литературы, прежде всего детективов, поскольку они лаконично и нередко метафорически точно обозначают болевые точки современного мира.

Средства массовой информации, в первую очередь телевидение, стали теми мощными каналами, через которые идет массированное вторжение разговорной стихии, в том числе и субстандарта, в лексикон современной языковой личности. Ключевое слово *массовый*, указанием на адресата объединяющее средства массовой информации и массовую литературу, определяет многие существенные качества текста и, в первую очередь, его язык. Нельзя не согласиться с тем, что «к концу столетия язык художественной литературы утрачивает нормотворческую значимость. Восприимчиком этой функции становится язык медиальных средств. Ориентация на массовую аудиторию требует максимального приближения вербальной оболочки текстов к узусу массовой аудитории, "усреднения", "массовизации" речевого стандарта, подбора общедоступных, общепонятных средств» [Нещименко 2001: 100]. Современная литература отражает этот процесс, воплощая примитивизацию языка и, как следствие, примитивизацию картины мира.

Пренебрежение всеми запретами, обращение к ранее табуированным темам, связанное с массированным вторжением разговорной стихии и субстандарта в текстовое пространство, отчетливо воплотились в заглавиях массовой литературы, демонстрируя их открытую агональность. Как отмечают Н. А. Купина и О. А. Ми-

хайлова, «установка на конфликт, конфронтацию характеризует выбор поведения с активным воздействием на партнера по коммуникации, с доминированием роли говорящего, с использованием негативных средств речевого общения, с нарушением коммуникативных норм» [Купина, Михайлова 2002: 23].

Концептуальные, социальные, художественные, стилистические процессы, происходящие в жизни и воплощенные в массовой литературе, непосредственно реагирующей на изменения в обществе и на запросы массового читателя, отражаются в своеобразии заглавий произведений массовой литературы.

В. А. Кухаренко полагает, что «восприятие слова как ключевого всегда ретроспективно, ибо происходит с опорой на целый текст» [Кухаренко 1985:100]. Это положение, безусловно справедливое по отношению к произведениям литературы «первого ряда», часто «не работает» при обращении к массовой литературе, где нередко название произведения прямолинейно определяет ведущую тему текста. Ср.: «Обреченный убивать» (В. Гладкий), «Курортный роман» (О. Емельянова), «Киллеры в погонах» (П. Милютин), «Убить президента» (Л. Гурский).

Языковые предпочтения современной языковой личности, воплощенные в заглавиях, «ментальный словарь» современника связаны с психологическим статусом слова, с его восприятием: «Слово при его функционировании выполняет роль, сравнимую с ролью лазерного луча при считывании голограммы: оно делает доступным для человека определенный условно-дискретный фрагмент многомерной картины мира во всем богатстве связей и отношений» [Залевская 1999: 245].

Анализ поля толерантности убеждает, что оно формируется в результате взаимодействия двух полюсов, один из которых представлен концептами *терпимость, терпение, доброжелательность, отзывчивость, компромисс*, а другой — концептами *агрессивность, враждебность, нетерпимость, конфликтность, насилие*. Учитывая актуализацию поля агрессивности в заглавиях массовой литературы, обратимся к тому, как представлено одно из ключевых слов, вербализующих концепт *агрессивность*. Ассоциативное поле слова *убивать* в 3-м томе «Русского ассоциативного словаря» представлено следующим образом: время 7, врага 6, нельзя 4, жертву, зверя, кровь, на охоте, насмерть, смерть, человека 2, безжалостно, боль, быстро, в голове, в кино, вера, возродить, война, волк, вра-

гов, всех выживать, гадко, гадов, грех, двух зайцев, дракона, душу человека, жестокость, за деньги, замочить, застрелить, зачем, звери, зверски, зверь, зло, из ружья, кого-нибудь, кошек, кровь на топоре, крыс, ломать людей, люди, медленно, младенца, морально, муху, на месте, <...> надежду, надо, налим, наповал, <...> не надо, ненависть, нехорошо, <...> оружие, пересмешника, плохо, по-дружески, поддерживать, помиловать, правосудие, президента, преступление... просто так, птицу, резать, скуку, страшно, таракан, таракана, террорист, топор, трамвай, убийца, умерщвлять, уничтожать, шлепнуть.

Очевидно, что ассоциативное поле распадается, как минимум, на три зоны:

1) ассоциации на переносные значения слова убивать: *время, скуку, душу человека, морально, двух зайцев, пересмешника, дракона* (две последние ассоциации связаны с прецедентными текстами);

2) ассоциации, связанные с бытовым использованием данного слова: *таракана, муху*;

3) ассоциации, связанные с оценкой действия: *нельзя, грех, зачем, зло, не надо, нехорошо, плохо, помиловать, правосудие, преступление*;

4) ассоциаты, вербализующие концепт убийство: *врага, жертву, смерть, гадов, убийца, умерщвлять, уничтожать, зверски, кровь на топоре*.

Таким образом, приблизительно половина ассоциатов соотносится с разными полюсами поля толерантность / агрессивность.

Сравним концептуальное поле, формируемое в названиях массовой литературы. Оно вербализуется ключевыми словами убийство, убийца, киллер: «Вкус убийства», «Почти невероятное убийство», «Обреченный убивать», «Убийство футболиста», «Трех убийств мало», «Налог на убийство», «Мне давно хотелось убить», «Придется вас убить», «Убить, чтобы воскреснуть», «Убийство в доме свиданий», «Убийца поневоле», «Назначаешься убийцей», «Десерт для серийного убийцы», «Я — убийца» «Я убью тебя, милый», «Убийство и Дама Пик»; «В объятиях убийцы», «Карлик-убийца», «Мой желанный убийца», «Киллер из шкафа», «Киллеры в погонах», «Антикиллер», «Высший пилотаж киллера», «Юрист: дело рыжего киллера», «Мой любимый киллер», «Розы для киллера», «Закон киллера», «Александр Солоник — киллер

мафии», «Александр Солоник — киллер на экспорт», «Юрист: дело рыжего киллера», «Сам себе киллер», «Киллеры в погонах», «Время киллера», «Киллер. Работа по душе», «Призрак киллера», «Ликвидатор» и др. Примечательна чрезвычайная активность слова *киллер*. В синонимической оппозиции *убийца* — *киллер* слово *киллер* специализируется: семантический компонент 'вид профессиональной деятельности'. Оно символизирует обытовление убийства, превращение исключительного, греховного, морально осуждаемого действия в бытовое, приземленное, а в женской (толерантной) интерпретации — даже «симпатичное действие». Особенно показательны оксюморонные сочетания: «*Мой любимый киллер*», «*Киллер. Работа по душе*» (ср.: «*Мой желанный убийца*») и др.

Следует подчеркнуть, что в приведенных примерах отсутствуют указания на авторов текстов, что можно оправдать спецификой массовой литературы. Одной из ее особенностей является нередко наблюдаемая анонимность произведений. Имя автора часто не имеет значения (это говорит об определенной связи массовой литературы с фольклором). Современные популярные серии «Черная кошка», «Народный роман», «Русский проект», «Черная метка» и др. ежемесячно пополняются книгами 10–15 новых авторов, однако лишь некоторые из хорошо разрекламированных имен известны читателю. Современные авторы отечественного детектива в большинстве случаев издаются под псевдонимами, причем очевидна стереотипность в выборе псевдонима: чаще всего это антропонимы, производные от имени (Алешина, Степанова, Яковлева, Васина, Серегин и др.). В серии «Черный квадрат» псевдонимы для авторов серии выбираются по любопытному принципу: на обложках книг появляются имена генералов царской армии — Брусилов, Корнилов, Краснов. Авторы бандитских боевиков публикуются под псевдонимами, ассоциирующимися с названиями преступных группировок: Братья Питерские, Таганцев, Солнцев, Таранов и др. Псевдоним становится не только литературным именем, торговым знаком, но и заметным сигналом для адресата, одним из индикаторов соответствующих семантических полей.

Отражение высокого уровня агрессивности в обществе обнаруживается в концептуальных полях, формируемых заглавиями массовой литературы:

Смерть: «*Имя — смерть*», «*В постели со смертью*», «*Напергонки со смертью*», «*Смерть и немного любви*», «*Смерть на кон-*

чике хвоста», «Смерть под трактором», «Светлый лик смерти», «Смертельный поцелуй», «Смерть по завещанию», «Смерть Меченого», «Смерть ей к лицу», «Возвращение — смерть», «Стриптиз перед смертью», «Нежное дыхание смерти», «Иначе — смерть!», «Контракт со смертью», «Марафон со смертью», «Смертельный конкурс», «Двум смертям не бывать», «Смерть транзитом», «Лабиринт смерти», «За кулисами смерти», «Смерть под занавес», «Дата моей смерти», «Смерть швейцара», «Вызов смерти», «Вопреки смерти», «Смерть и немного любви», «Светлый лик смерти».

Страх: «Фактор страха», «Бездна страха», «В ожидании апокалипсиса», «Венчание со страхом», «Крылья страха», «Прощание с кошмаром».

Безумие: «Территория мрака», «Все оттенки черного», «Темный инстинкт», «Рассудок маньяка», «Наркотик на закуску», «Киндер-сюрприз с героином», «Слепой против маньяка», «Сумерки разума», «День оборотня», «Лютое зверье», «Выбор Дьявола».

Зона: «По закону Колымы», «Письма с Колымы», «Я — вор в законе», «На зоне»; «Разборки авторитетов», «Солнцевская братва», «Клятва зэка», «Маслины для пахана», «Братва. Люди мы резкие», «Братва: век свободы не видать».

Концептуальное поле *игра*, по многим ассоциативным линиям связанное с полями *агрессивность / толерантность*, весьма активное в современном публицистическом дискурсе, широко представлено и в заглавиях массовой литературы: «Игра в гестапо», «Игра Меченого», «Игра по-крупному», «Козырь в рукаве», «Козырная дама», «Дама пик», «Покер с акулой», «Тузы и их шестерки», «Мужские игры», «Пиковый валет», «Игра в "дурочку"», «Звезды — холодные игрушки», «Битая карта», «Дамский пасьянс», «Козырная дама», «Мужские игры», «Поставьте на черное», «Вист в темную», «Злые куклы», «Поединок по чужим правилам», «Поиграли, и хватит», «Игра на чужом поле», «Игра в жмурики», «Абсолютный Игрок», «Аркан для букмекера».

Одним из наиболее существенных, значимых в социокультурном аспекте процессов является чрезвычайно агрессивная жаргонизация языка. Закономерно, что жаргонная лексика стала основной (или, в лучшем случае, заметной) лексической составляющей большинства произведений массовой литературы. Впервые в истории отечественной словесности субстандартная лексика, тюремно-воровской жаргон, «русская феня» оказываются компонента-

ми заглавий (ранее ненормативные включения возможны были лишь внутри текста). Таким образом автор дает своеобразный сигнал, сразу определяя то языковое и ментальное пространство, в которое он приглашает своего читателя: «Привет, уркаганы», «Бомба для братвы», «Прощай, пахан», «Маслины для пахана», «Лох и бандиты», «Путана: кукла для утех», «Королева отморозов», «Отморозки бьют первыми», «Мочилово», «Люберецкие качалки, рэкет, крыши», «Фраер вору не товарищ», «Дикий фраер», «Менты», «Мент обреченный», «Мент», «Мент в законе», «На дело со своим ментом», «Подруга мента», «Сыскарь», «Катала», «Последний трюк каталы», «Кидала», «Кодла», «Дембель против воров», «Заказуха», «Баксы не пахнут», «Большие бабки», «Леди стерва», «Хабалка», «Разборка», «Заказуха», «Разборки авторитетов», «Заговор фраеров», «Воровской общак», «За базар ответим» и др.

Писатель Олег Павлов справедливо отмечает: «За последние пятьдесят лет нашей истории через лагерную систему прошли миллионы и миллионы людей, каждый второй наш гражданин так или иначе соприкасался с этой тюремно-лагерной системой. Лагерный жаргон стал уже основой современного просторечия, он проник в литературу и даже больше — в культуру. Блатная речь вкупе с американизмами — вот новый деловой русский язык, на котором мы не читаем, а день изо дня живем, работаем, является прообразом общественного мышления. Язык — идеальный инструмент управления сознанием не отдельного человека, но всего общества. Сознанием нашим, обществом пытается реально управлять криминальный мир, и самый кровный интерес этого мира — уничтожение слоя культурного, потому что только бескультурным народом и могут управлять все эти вору в законе, авторитеты да паханы. Но, заговорившие их понятиями, напившиеся этой блатной отравы, мы будем не “братки” для них и не люди даже, а “фраера”, “шестерки”» (Огонек. 1998. № 7).

Нельзя не признать, что массовая литература, наряду с публицистикой, стала тем мощным каналом, через который идет вторжение субстандарта в лексикон и тезаурус современной языковой личности. При этом наблюдается отчетливая ориентация лексикона носителя языка, задаваемая авторами детективов, в сторону негативного полюса. Приведем названия произведений одного автора — А. Малышевой: «Отравленная жизнь», «Требуются жер-

твы», «Западня», «Смерть по завещанию», «Стриптиз перед смертью», «Нежное дыхание смерти», «Кто придет меня убить?», «Вкус убийства», «Зачем тебе алиби?», «Имя — смерть», «Мой муж — маньяк?».

Фрагменты картины мира россиянина, конструируемые в СМИ, воссоздаются в массовой литературе и репрезентируются в заглавиях: «Законы преступного мира», «Питерская бойня», «Братву по осени считают», «Наши дом — тюрьма», «От вора в законе до олигарха», «Звезда и смерть авторитета», «По законам волчьей стаи», «Криминальная пехота», «Дембельный аккорд», «Образ врага», «Лютное зверье», «Разборка», «Заказуха», «Мочилово», «Бандитские жены».

Характеризуя речевое поведение современника, проявляющееся в многообразии создаваемых текстов, Н. Д. Бурвикова и В. Г. Костомаров отмечают: «Современная полифония индивидуального разнообразия, формируемая на дистанции — от либерализации языка к его карнавализации — характеризуется символикой, снятием запретов, безрассудством, шалостями, чудачествами, всеобщим пародированием, одновременным утверждением нового и отрицанием старого, смешением стилей, самоутверждением личности, выросшей в мире традиционных ценностей» [Бурвикова, Костомаров 1998:23]. Совокупность заглавий произведений массовой литературы, в частности современных детективов, в полной мере подтверждает это положение.

Заглавия массовой литературы часто строятся на основе прецедентных текстов, являющихся важной частью коллективного языкового сознания. Прецедентные тексты, трансформированные в заглавиях, ориентированы на читателя разной степени образованности. Это могут быть пословицы и афоризмы в их исконном или измененном виде, строки из популярных песен, трансформированные названия литературных произведений, кинофильмов. Ср.: «Авторитетами не рождаются», «Убить футболиста», «Не стреляйте в рекламиста», «И один в поле воин», «Бой не вечен», «Место под солнцем», «Убить, чтобы воскреснуть», «Тропа барса», «Кто на свете всех быстрее», «Я от мафии ушел», «Ни минуты покоя», «У прокурора век недолог», «Место смерти изменить нельзя», «Обнесенные "ветром"», «Здравствуйте, я ваша "крыша"», «Кошмар на улице Стачек», «Как украсть миллион долларов», «Безоружна и очень опасна» и др. Примечательно то, что в большин-

стве случаев эксплуатируется лишь самая примитивная часть корпуса прецедентных текстов, связанная, прежде всего, с массовой культурой. В заглавиях такого типа воплощается «стебовой» образец словесного поведения (в этой связи интересно заключение социолога Б. Дубина об «инфильтрации стебового тона в массовые коммуникационные каналы, а далее — в широкие круги публики» [Дубин 2001:170]).

Современный отечественный детектив — несомненно, наиболее представленный в массовой литературе жанр — внутренне неоднороден. Наряду с «**черным детективом**», «**бандитским детективом**», **триллером** завоевывает все большую популярность «**иронический детектив**», «**уютный детектив**», «**женский детектив**», «**шоу-детектив**». Жанровая специфика детектива четко маркируется заглавиями: «*Я убью тебя, милый*», «*Куколка для монстра*», «*Все девочки любят богатых*», «*Лакомый кусочек*», «*Подарок для девушки по вызову*», «*Маленькое одолжение*», «*Жена моего мужа*», «*Дама с колготками*», «*Кикимора болотная*», «*Невинные дамские шалости*», «*Черное платье на десерт*», «*Конь в пальто*», «*Я жулика люблю*», «*Сестрички не промах*», «*Милое чудовище*», «*Неотразимое чудовище*», «*Не на ту попали*», «*Шутки старых дев*» и др. Женский детектив, каким он сложился в массовой культуре, имеет свойство «обытовлять» страшное, приблизив на такое расстояние, когда оно теряет свой кошмарный вид» [Смирнова 2001:141]. Но в этом обытовлении кроется и безусловная опасность.

- Примечательно, что новые способы представления женского начала в отечественном детективе, предпринятые авторами серии «Детектив глазами женщины» (А. Марининой, П. Дашковой, Т. Поляковой, М. Серовой и др.), находят отражение в том, что в названиях своих произведений писательницы иронически, намеренно сниженно определяют тип главной героини (при этом женщина-сыщик, профессионал или любитель, нередко оказывается умнее и удачливее своих коллег-мужчин): «*Куколка для монстра*», «*Все девочки любят богатых*», «*Золушка из банды*», «*Бой-баба*», «*Крутая барышня*», «*Чумовая дамочка*», «*Шальная девчонка*», «*Овечка в волчьей шкуре*», «*Строптивая мишень*», «*Длинноногая мишень*», «*Красотка из ГРУ*», «*Девушка из службы 907*», «*Сестрички не промах*», «*Леди в камуфляже*», «*Женщина-апельсин*» и др.

Явная пресыщенность современного читателя негативной информацией, стремление выйти за пределы мрачного быта вызва-

ли к жизни произведения совершенно иного рода. На запрос общества ответил своим издательским проектом Б. Акунин. Скрывающийся под этим псевдонимом известный японист, журналист, литературовед Г. Чхартишвили стремится доказать, что детектив может стать качественной и серьезной литературой. Именно его литературная мистификация названа критиками наиболее интересным литературным проектом 1999 года. Г. Чхартишвили считает, что «самоощущение, мироощущение и времяощущение современного человека существенным образом переменялись. Читатель то ли повзрослел, то ли даже несколько состарился. Ему стало менее интересно читать “взаправдашние” сказки про выдуманных героев и выдуманные ситуации, ему хочется чистоты жанра; или говори ему, писатель, то, что хочешь сказать, прямым текстом, или уж подавай полную сказку, откровенную игру со спецэффектами и “наворотами”». Возможно, поэтому первый роман Б. Акунина издан под рубрикой «Детектив для разборчивого читателя» с обращением на обложке: «Если вы любите не читиво, а литературу, если вам неинтересно читать про паханов, киллеров и путан, про войну компроматов и кремлевские разборки, если вы истосковались по добротному, стильному детективу, — тогда Борис Акунин — ваш писатель». Названия произведений Б. Акунина предлагают читателю перенестись в другой мир: *«Левиафан»*, *«Азазель»*, *«Коронация»*, *«Пелагия и черный монах»*, *«Пелагия и белый бульдог»* и др.

Исключительная популярность «иронического детектива» Дарьи Донцовой (*«Дантисты тоже плачут»*, *«Прогноз гадостей на завтра»*, *«Фиговый листочек от кутюр»*, *«Квазимодо на шпильках»*, *«Урожай ядовитых ягодок»*, *«Букет прекрасных дам»*, *«Домик тетушки лжи»*, *«Эта горькая сладкая месть»*, *«Сволочь ненаглядная»*, *«Скелет из пробирки»* и др.), несомненно, отражает смену читательских предпочтений: от всеобщих разоблачений к ироничному и более спокойному восприятию мира.

Заглавия детективов принципиально отличаются от заглавий другого весьма популярного жанра массовой литературы — любовных романов. Для дамской беллетристики характерны ключевые слова сентиментального дискурса (*любовь, сердце, соловей, поцелуй*): *«Лихорадка любви»*, *«Мое сердце танцует»*, *«Жар небес»*, *«И все же любовь остается»* и т. д. В отличие от отечественного детектива, который бурно развивается последние пять лет,

отечественный «розовый», или любовный, роман только начинает появляться на книжном рынке. Вот лишь некоторые названия из серии «Народный роман», отражающие сюжетные стратегии поведения главной героини: *«В зеркале Венеры»*, *«Пение ангелов в вечерних сумерках»*, *«Муж по случаю»*, *«Замуж по справочнику кино»*, *«Путешествие оптимистки»*, *«Лондон у ваших ног»*, *«Арабская ночь»*, *«Привет из Парижа»*, *«Курортный роман»*, *«Искренне ваша грешница»*, *«Русская Дива»*, *«Девушки на распутье»*, *«Кому нужна Синяя птица»*, *«Бабий век — сорок лет»*, *«Дневник женичины времен перестройки»*, *«Потеря»*, *«Роман о любви»* и др.

Толерантность как эстетическая установка авторов массовой литературы отвечает на запросы общества, уставшего от состояния тревожных ожиданий, от катастрофической картины мира, формируемой в средствах массовой информации. Таким образом, «толерантное направление» во «второразрядной литературе» выполняет свою роль в изменении сознания общества и человека.

Н. С. Болотнова

Гармонизация общения и теория регулятивности художественного текста

Проблема *понимания* — ключевая проблема не только филологии, но и жизнедеятельности отдельной личности и социума в целом. Установка на гармоничное общение, которое дарит людям радость, удовольствие, с которым связывается умение принять точку зрения «другого», проявить терпимость к его позиции, понять ее — является показателем общей культуры человека, уровня его нравственного и эстетического воспитания.

В современном речевом общении особую значимость приобретает *риторическая этика*, которая предполагает не только нравственную ответственность за каждое сказанное слово, но и стремление к пониманию адресата и желание быть адекватно понятым им. Не случайно современные интерпретации русского риторического идеала неотделимы от стремления к *истине, добру, красоте* (А. К. Михальская, А. П. Сковородников и др.), а один из законов риторики, сформулированный А. К. Михальской, называется законом «гармонической диалогизации».

Установка на гармоничный диалог «с другим» актуальна для всех сфер коммуникации, включая эстетическую. Художественное слово, способное «потрясать других», несет большой смысловой и прагматический заряд, благотворно воздействует на читателя, приобщая его к авторскому видению мира, лексикону, тезаурусу, ассоциациям.

Для того чтобы творческий диалог с читателем был успешным, а влияние художественного произведения как текста эстетического воздействия благотворным, автор поэтапно приобщает читателя к своему мироощущению в надежде на понимание. В связи с этим в современном текстоведении исключительно актуальным становится изучение диалога автора и адресата, анализ различных средств и способов, определяющих гармоничность их общения. Данная проблема по-разному решается в рамках различных областей знаний.

Наша задача — показать, как *теория регулятивности*, разрабатываемая в рамках одного из направлений коммуникативной стилистики художественного текста, позволяет понять автора, «стоящего за текстом» (Ю. Н. Караулов), и разделить его взгляды, т. е. встать на его точку зрения или вступить в диалог с ним.

Будучи деятельностью по своему характеру, коммуникативная стилистика в качестве объекта исследования рассматривает текст как форму коммуникации. Предметом изучения в данном случае является взаимосвязь лингвистических и экстралингвистических аспектов первичной и вторичной коммуникативной деятельности автора и адресата. Остановимся подробнее на одном из направлений коммуникативной стилистики текста, связанном с разработкой *теории регулятивности*.

Она рассматривается как важное условие эффективного диалога автора и адресата, как лингвистическая основа их понимания и гармонического общения. Теория регулятивности основана на концепциях Е. В. Сидорова [1987] и Л. С. Выготского [1996]. Регулятивность трактуется нами вслед за Е. В. Сидоровым как системное качество текста, заключающееся в его способности «управлять» познавательной деятельностью читателя средствами текста. Учитывая специфику художественного произведения и его творческое восприятие читателем, отметим, что *регулятивность* текста (качество, создающее функциональные условия возникновения образов, смыслов, эмотем) в данном случае имеет нежесткий, вариативный характер, отличается подвижностью, образной ориентацией, ассоциативной направленностью.

Как системное текстовое качество, регулятивность художественного текста связана с другими его особенностями: информативностью, структурностью, интегративностью (данная типо-

логия текстовых качеств выделена Е. В. Сидоровым [1987]). Действительно, регулятивность определяет меру и способ подачи эстетической информации. Связь со *структурностью* выражается в том, что регулятивность охватывает все элементы текстовой структуры, коррелируя с его общей целевой программой (см.: [Дридзе 1976; 1984]). Соотнесенность с иерархией целей определяет взаимосвязь регулятивности текста и его *целостности* и *интегративности*.

Своеобразие регулятивной эпифункции художественного текста, отражающей его эстетическую функцию, обусловлено его особыми функциональными качествами: предсказуемостью / непредсказуемостью текстового развертывания, вариативностью интерпретации, образностью (см.: [Болотнова 1992]).

На уровне макроструктуры целого текста выделяются *способы регулятивности*, т. е. приемы организации текстовых микроструктур, регулирующих процесс восприятия на основе соотнесенности с *целевой программой текста* и спецификой канала связи с адресатом. Регулятивная структура отражает коммуникативную стратегию автора (см.: [Иссерс 2002; Ключев 1998]), т. е. иерархию целей и мотивов, раскрывающих его намерения, замысел. Как отмечал Л. С. Выготский [1996: 358], «за каждым высказыванием стоит волевая задача». В ее осознании и ответном отклике на нее выражается диалогичность текста.

С психологической точки зрения, *регулятивные структуры* ориентированы на «раскрытие мотивов, приводящих к возникновению мысли и управляющих ее течением» [Выготский 1996: 357]. Опираясь на сравнение *мысли* «с нависшим облаком, проливающимся дождем слов», а *мотивации* — с ветром, «приводящим в движение облака» [Там же], и логически продолжая данное суждение, можно заключить: ветром, «приводящим в движение облака», являются регулятивные структуры (регулятивы), стимулирующие ассоциативную деятельность читателя и рождающие мысли («смыслы») на основе осознания «волевых задач автора», его мотивов.

«Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции» [Выготский 1996: 357]. Осознание мотивов — это путь к пониманию автора, его текстовой деятельности и стратегии.

Регулятивы, таким образом, соотносятся с одним из этапов текстового развертывания и эксплицируют микроцели в рамках общей целевой программы текста. На уровне его отдельных элементов можно говорить о *регулятивных средствах*, которые по объему, структуре, значимости и смыслу могут быть нетождественными единицам узуса (хотя и соотносятся с ними). Это порождение конкретной текстовой системы, отражающей авторское мировидение, его творческий замысел. Вовлекаясь в познавательную деятельность читателя, регулятивные средства и структуры приобретают нежесткий ассоциативно-образный характер, соотносясь в сознании воспринимающего с мыслительными структурами («микросмыслами», «микрообразами», «эмотемами», «элементами ситуаций» и т. д.).

Как показали специальные эксперименты (см. [Болотнова 2001]), границы *регулятивов* и *регулятивных средств* определяются по функциональному признаку — на основе их соотнесенности с предполагаемой микроцелью, которая приобщает читателя к общей целевой программе текста (его коммуникативной стратегии).

С помощью *регулятивных средств* выполняется та или иная психологическая операция в интерпретационной деятельности читателя. Отметим, что Л. С. Выготский рассматривал «знак как основное средство направления и овладения психическими процессами» [1996: 124].

Особенно велика роль *лексических* регулятивных средств и структур. Два вида регулятивных средств, *лингвистические* и *экстралингвистические* (композиционные, логические, графические), описаны в работе [Болотнова, 1998].

Отдельные регулятивные структуры стимулируют перевод сообщения на уровне внутренней речи адресата в его собственный микротекст — как догадку об авторской микроцели на уровне локальной интерпретации соответствующего этапа текстового развертывания. В осознании авторской макроцели важны использованные автором *способы регулятивности* и характер *регулятивной макроструктуры* целого текста, дающей ключи к его различным кодам.

Регулятивная стратегия текста, задающая выбор регулятивных средств и их организацию, служит важным фактором, определяющим эффективность творческого диалога автора и читателя. Ре-

гулятивная стратегия текста связана с его коммуникативной стратегией, являясь ее частью, средством, дающим ключ к осознанию замысла автора, его целей и мотивов. Через *регулятивную стратегию* текста и происходит приобщение адресата к мировидению автора, его прагматикону.

Как связана регулятивная стратегия текста с условиями гармонизации общения? Последние включают: 1) наличие контакта; 2) знание языка (кода); 3) общность тезауруса (знание о мире); 4) социальную, историческую, национальную общность коммуникантов; 5) наличие соответствующих интенций (целей, мотивов); 6) учет коммуникативно-прагматических правил общения [Болотнова 1992: 11]. Регулятивная стратегия любого текста опирается на данные факторы: так, в зависимости от *канала связи*, определяемого условиями общения, выбирается речевой жанр и арсенал соответствующих ему регулятивных средств. Знание *языка (кода)* позволяет отбирать наиболее эффективные для соответствующей сферы общения *регулятивные средства* и регулятивные структуры с учетом экстралингвистических факторов общения. Значимая для гармоничного диалога автора и адресата *общность тезауруса* позволяет строить регулятивную стратегию текста путем поэтапного представления нового содержания с опорой на уже имеющиеся у адресата знания. Особые параметры адресата (в их числе *социальные, исторические, национальные особенности*) определяют не только *цель и мотивы* текстовой деятельности, но и *характер, меру и способ представления знаний* о мире. Выбор *регулятивной стратегии* подчиняется и *коммуникативно-прагматическим правилам* общения с учетом обстоятельств, а также целей и задач коммуникантов.

Регулятивная стратегия текста связана с речевой стратегией или комплексом речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [Иссерс 2002: 54]. Регулятивная стратегия является одним из видов речевой стратегии, отражающим поэтапный процесс регулирования познавательной деятельности адресата средствами текста в целях эффективного общения с адресатом.

Исследователи дифференцируют *общие и частные* стратегии. Среди *общих* с функциональной точки зрения выделяют *основные* (семантические, когнитивные) и *вспомогательные* (прагматические, диалоговые, риторические) [Иссерс 2002: 105–106]. Следу-

ет признать, что типология стратегий текстовой деятельности разработана пока недостаточно. Несомненно, есть своя специфика в эстетической сфере коммуникации, в создании характерных для нее регулятивных стратегий, активизирующих ассоциативно-смысловую деятельность адресата и его приобщение к художественному миру автора.

Регулятивные стратегии в эстетической сфере коммуникации имеют *нежесткий ассоциативно-образный характер*, они *прагматичны*, ориентированы на диалог с адресатом, основаны, как правило, на использовании ярких *изобразительно-выразительных средств*. Если соотнести регулятивную стратегию художественного текста с типологией речевых стратегий О. С. Иссерс [2002], то можно сказать, что регулятивные стратегии художественных текстов имеют интегральный характер и фокусируют разные типы выделенных исследователем речевых стратегий (*прагматические, диалоговые, риторические*).

С точки зрения *меры и способа подачи* эстетической информации можно дифференцировать стратегии *эксплицитного, имплицитного и имплицитно-эксплицитного типа*. Для них соответственно характерны: 1) достаточность и ясность эстетической информации и определенность регулятивной эпифункции текста; 2) наличие смысловых лакун, «сокрытие коммуникативных намерений», неоднозначность в проявлении регулятивной эпифункции; 3) использование эксплицитной и имплицитной форм проявления эстетической информации и регулятивной эпифункции на разных этапах текстового развертывания.

С точки зрения *однородности / неоднородности доминирующих средств регулятивности* можно различать регулятивную стратегию *однородного / неоднородного типа*.

По *способам регулятивности*, определяемым характером связи мотивов, можно выделить определенные типы регулятивных стратегий. Рассмотрим их.

1. Регулятивная стратегия *усилительно-конвергентного типа*. Для нее характерна актуализация одного и того же или сходных мотивов, связанных отношениями усиления (ср. стихотворение А. А. Ахматовой «Первое возвращение», в котором читатель последовательно приобщается к трагическому мироощущению автора благодаря сквозной актуализации тем *сна и смерти*, которые рождают предчувствие грядущих бурь и потрясений).

2. Регулятивная стратегия *последовательно-дополнительного типа*. Она заключается в поэтапном непротиворечивом представлении эстетической информации, отражающей разные, но соотносительные мотивы, объединенные отношениями дополнения (ниже в качестве примера предлагается анализ стихотворения А. Ахматовой «Они летят...»).

3. Регулятивная стратегия *парадоксально-контрастивного типа*. Для нее характерна актуализация парадоксальных смыслов и связанных с ними противоположных мотивов, взаимно исключающих друг друга (ср. стихотворение А. Ахматовой «Я живу, как кукушка в часах», в котором выражены противоположные мотивы: в первой части мотив убеждения читателя в смирении лирической героини; во второй части — мотив неприятия, несогласия с жизнью в неволе).

4. Регулятивная стратегия *смешанного типа*. Она предполагает разные виды отмеченных выше отношений между актуализированными в тексте мотивами (ср. стихотворение А. Ахматовой «Царскосельская статуя», в котором читатель приобщается к разным, но соотносительным мотивам, связанным отношениями дополнения и усиления: регулятивная стратегия текста направлена на имплицитное выражение любви лирической героини к Пушкину через окрашенное чувством ревности описание воспетой им царскосельской статуи).

В качестве примера использования теории регулятивности в анализе текста рассмотрим одно из ранних стихотворений А. Ахматовой «Они летят, они еще в дороге...». В нем представлена однородная регулятивная стратегия имплицитно-эксплицитного последовательно-дополнительного типа.

М. Лозинскому

Они летят, они еще в дороге,
Слова освобожденья и любви,
А я уже в предпесенной тревоге,
И холоднее льда уста мои.

Но скоро там, где жидкие березы,
Прильнувши к окнам, сухо шелестят, —
Венцом червонным заплетутся розы
И голоса незримых прозвучат.

А дальше — свет невыносимо щедрый,
Как красное горячее вино...
Уж душным, раскаленным ветром
Сознание мое опалено.

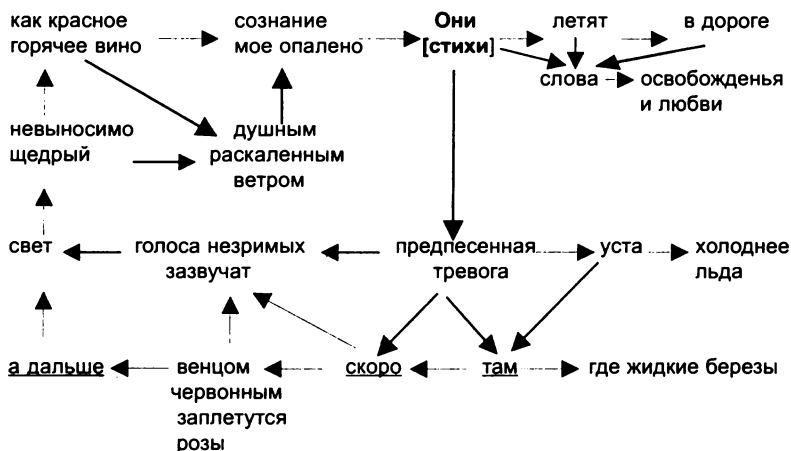
1916

Посвященное тайне рождения стиха, это произведение отражает поэтапное приобщение читателя к творческому процессу, как бы создающемуся на его глазах. В регулировании познавательной деятельности читателя особенно важны изобразительно-выразительные регулятивные средства (тропы), являющиеся ключом к «сборке» моделей сознания (фреймов). Их взаимосвязь в рамках регулятивных структур, на основе которых в сознании читателя последовательно формируются ментальные структуры (образы, фреймы) и регулятивная макроструктура текста, создают представление об общем концепте произведения (см. табл.).

Регулятивные микроструктуры, соотносясь между собой, формируют общую регулятивную макроструктуру поэтического текста, в развертывании которой важны темпоральные элементы *еще — уже — скоро — а дальше*, отражающие общую стратегию поэтапной художественно-образной конкретизации творческого процесса, переживаемого поэтом.

Особенностью регулятивной макроструктуры этого текста является то, что *ключевой концепт* «стихи» прямо не назван (последнее позволяет рассматривать регулятивную стратегию как стратегию имплицитно-эксплицитного типа). Ключевой концепт возникает в сознании адресата на основе прямых и косвенных текстовых ассоциатов: *слова (освобожденья и любви) — предпесенная (тревога) — уста — голоса (прозвучат)*. Представление об *общем концепте текста* «муки и радость рождения стихов» формируется в сознании читателя на основе последовательного приобщения к мотивам («волевым задачам» высказываний, по терминологии Л. С. Выготского). По способу регулятивности (характеру связи мотивов) регулятивную стратегию текста можно отнести к стратегии последовательно-дополнительного типа. В формировании представлений о мотивах важны текстовые ассоциации, стимулированные регулятивными средствами и регулятивными структурами (см. схему, отражающую ассоциативную структуру текста).

Регулятивные средства	Строки (регулятивные микроструктуры)	Микроцели (мотивы)
1) лексемы-импликаты (<i>они — они</i>); 2) метафоры (<i>летят, в дороге — о словах</i>);	1) <i>Они летят, они еще в дороге,</i> 2) <i>Слова освобождения и любви,</i>	1) заинтриговать читателя; 2) усилить семантические признаки «быстроты» и «самопроизвольности» рождения стихов;
3) индивидуально-авторское новообразование (<i>предпесенная тревога</i>); 4) сравнение (<i>уста — холоднее льда</i>); 5) инверсия;	3) <i>А я уже в предпесенной тревоге,</i> 4) <i>И холоднее льда уста мои.</i>	3) описать эмоциональное и психологическое состояния поэта в момент творчества; 4) показать читателю «муки творчества»;
6) эпитет; 7) олицетворение; 8) звукопись;	5) <i>Но скоро там, где жидкие березы,</i> 6) <i>Прильнувши к окнам, <u>тихоцелестят</u></i>	5) представить реалии обыденного мира, их художественно-образную конкретизацию;
9) развернутая метафора; 10) инверсия; 11) средство ирреальной модальности; 12) контраст (<i>жидкие березы — венец червонных роз</i>);	7) <i>Венцом червонным заплетутся розы</i> 8) <i>И голоса незримых прозвучат.</i>	6) показать преобразование мира, связь с воображаемым, фантастическим в момент творчества;
13) метафора, эпитет; 14) сравнение;	9) <i>А дальше — свет невыразимо щедрый,</i> 10) <i>Как красное горячее вино ...</i>	7) выразить ощущение просветления, внутреннего напряжения, творческого накала в момент рождения стихов;
15) эпитеты; 16) развернутая метафора.	11) <i>Уж душным, раскаленным ветром</i> 12) <i>Сознание мое опалено.</i>	8) передать в образной форме значительную внутреннюю концентрацию душевных сил в момент творчества.

Автор последовательно раскрывает тайны поэтического творчества, приобщая к ним читателя: сначала заинтриговав его, скрыв предмет описания, затем поэтапно актуализируя в образной форме разные признаки ключевого концепта «стихи», прямо не называя его, но представляя различные сигналы эстетической информации о нем. Из взаимосвязи образов и микросмыслов формируется общий концепт произведения — «муки и радость поэтического творчества».

Таким образом, *желая быть понятым*, поэт последовательно приобщает читателя к своему мироощущению, обращает в свою веру, создает условия для *адекватного понимания* творческого замысла адресатом. Гармоничный диалог с читателем происходит на основе регулятивных средств и структур, дающих ключи к регулятивной стратегии текста и раскрывающих концептуальный смысл произведения. Выбор регулятивных средств и структур, регулятивных стратегий является ярким показателем идиостиля автора.

Дальнейшее изучение текстов разных типов в аспекте теории регулятивности представляется перспективным для решения проблемы *понимания* с помощью методов и приемов филологического анализа текста.

Ю. Б. Пикулева

Игровые трансформации
рекламных текстов как средство
толерантного языкового сопротивления

Телевизионная реклама как текст влияния традиционно вызывает негативные реакции у российской аудитории. Источниками подобного неприятия становятся разнообразные ситуативные и текстовые факторы. Демонстрация рекламы низкого качества, ее вторжение в досуг телезрителей, влияние на формирование поведенческих и речевых стереотипов рядовых носителей русской культуры становятся причинами большого количества прямых агрессивных высказываний по поводу рекламных текстов. О языковом сопротивлении рекламному воздействию свидетельствует большое количество высказываний-рефлексивов [Вепрева 2002]. Таким образом телезрители дают понять, что манипулятивные средства, ставшие нормой для современного рекламного дискурса, входят в зону недопустимого, нежелательного, неодобряемого.

«Языковое сопротивление — естественная реакция носителей языка на кодификацию норм» [Купина 1999б: 7], а в случае с рекламой — реакция на кодификацию нелимитированного манипулятивного воздействия. Прагматически заряженный текст телевизионной рекламы наполняется вербальными и невербальными знаками, которые призваны привлечь произвольное внимание к рекламному сообщению. Представляется, что манипулятивность становится жанровой характеристикой рекламного дискурса. В современной телевизионной практике крайне редко встречаются рекламные тексты, в которых была бы прямым образом структури-

рована стратегия рекламы — стратегия продвижения товара или услуги. Подобные конструкции должны, очевидно, содержать наименование товара, краткое описание его свойств и открытый призыв к его приобретению (например: *Покупайте пирожки горячие*). Любое отклонение от этой модели (от нормы информативного сообщения) следует признать манипулятивным приемом — «конструктивным принципом организации вербальных и невербальных средств в рамках рекламного текста, продиктованным использованием той или иной манипулятивной тактики» [Попова 2002: 280].

Ответом на ставшее привычным суггестивное воздействие телевизионного рекламного текста становятся агрессивные высказывания телезрителей. Подобный тип реакции представляется самым простым («биологическим»), нетолерантным, а потому неконструктивным, разрушающим. Современная речевая практика предлагает альтернативу: языковое сопротивление навязываемым рекламой стереотипам осуществляется зачастую с помощью производных от нее игровых текстов (анекдотов и шуток), представляющих собой «функционально завершенное речевое целое, структура которого определяется действием игровой когнитивной стратегии» [Доронина 2000: 6]. «Условие для возникновения смеха есть наблюдение, что в окружающем нас мире есть нечто, что противоречит этому заложенному в нас инстинкту должного, не соответствует ему» [Пропп 1976: 144]. Анекдоты и шутки, вызывающие не злой, не циничный, а «насмешливый смех» (по терминологии В. Я. Проппа), становятся фактом толерантного сопротивления манипулятивным приемам, активно используемым в современной рекламе.

Телевизионная реклама, будучи текстом, неоднократно повторяющимся и имеющим широкого адресата, стала значимым феноменом российской жизни, одним из ключевых жанров современного лингвокультурного пространства, постоянно обновляющимся источником вербальных прецедентных культурных знаков (в их числе прецедентные имена собственные, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации/сюжеты). «Основные прецедентные тексты данного общества непременно отражаются в популярных в этом обществе смеховых произведениях» [Слышкин 1999: 10], поэтому рекламные тексты очень часто становятся производящей основой для шуток и анекдотов, которые звучат с

экранов телевизоров, печатаются на страницах газет, размещаются в Интернете*. Если же рекламный текст не функционирует как прецедентный, то создание вторичного игрового текста на его основе не имеет смысла. В силу специфики жанра смеховые произведения не могут сопровождаться каким-либо справочным аппаратом (сносками, ссылками, примечаниями, называющими источник осмеиваемого текста). Анекдоты «понятны только слушателям, способным установить необходимые интертекстуальные связи» [Шмелева, Шмелев 2002: 110]. Имплицитное значение, формируемое ироническим контекстом, должно быть выведено слушающим / читающим мгновенно, следовательно, все, что пародируется или даже просто упоминается в анекдоте, должно входить в фоновые знания аудитории и быть для нее актуальным [Слышкин 1999: 11].

Остановимся подробнее на том, какие элементы рекламного текста, получающие статус манипулятивных, становятся объектами смехового.

К текстовым объектам иронии в рекламе отнесем прежде всего названия рекламируемых товаров. Название предлагаемого продукта — обязательный компонент рекламного сообщения, занимающий сильную позицию в тексте: это имя собственное обычно неоднократно повторяется, а затем обязательно появляется в финале рекламного ролика, активизируя процесс запоминания, для которого «фактор края» является чуть ли не решающим. Данный компонент рекламы несет, по мнению ученых, прежде всего информативную нагрузку, однако не следует категорично отказывать ему в воздействующей функции [Иссерс 2003: 455]. Представляется, что название рекламируемого товара манипулятивно, а потому значимо в плане эмоциональной аргументации. Оно помогает не только закрепить в сознании телезрителя имя предлагаемого продукта, но и формирует его образ, вплетая название товара в уже имеющуюся у него ассоциативную культурную парадигму.

Названия продуктов разделяются исследователями на две группы: мотивированные и немотивированные [Rathmayr 2003]. Мо-

* Материалом данной статьи послужили игровые тексты, опубликованные в популярных газетах («Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Теленеделя», «Телесемь-Екатеринбург» и др.), а также размещенные на некоторых сайтах (www.anekdot.ru; www.amik.ru и др.).

тивированные названия, имеющие четко осознаваемую, явную для носителей языка ассоциативную связь с самим продуктом, его составляющими ингредиентами или другими, связанными с концептом его использования элементами, обычно не переосмысливаются комически, тогда как немотивированные названия порождают множество иронических текстов. Так, например, появление в названии продукта питания антропонима или слова, производного от одушевленного существительного, вызывает шутки, «соль» которых состоит в обнаружении прямой мотивации между названием товара и тем, из чего он был изготовлен.

— Тушенку *«Дядя Ваня»* пробовал? — Пробовал. — И как? — Жилистый был мужик.

Фабрика по производству пельменей *«Богатырские»* скупает оптом муку и богатырей.

— Тут недавно менты каннибала поймали! — Да ну?! На чем погорел-то? — Пельмени продавал... *«Моя семья»!*

Последний пример демонстрирует, как ирония вторгается в востребованную в современной рекламе ассоциативную цепь «пища для всех членов семьи — семья как социальная ценность» [Иссерс 2003: 463] и разрушает устанавливаемые в коммерческом дискурсе аксиологические отношения.

Создатели шуток на основе рекламных текстов высмеивают стремление отечественного производителя произвести впечатление на потребителя с помощью использования в названии товара иностранной лексики и графики: Холодильники *«newРязань»* — гарантия 2 года как на холодильник и 5 лет как на шкаф. Использование в рекламе орфографического знака — латиницы — как символа определенной культуры [Дунев 2003: 171], по мнению производителя, создает привлекательный образ товара. Интенциональное содержание сообщения, скрытое в названии отечественного товара, содержащего элементы чужой графики, очевидно должно быть интерпретировано следующим образом: 'этот товар стоит купить, потому что он новый, изготовленный по западным технологиям, а значит, качественный и прослужит много лет'. Однако игровой текст демонстрирует, что на отечественного потребителя подобное «надевание маски» не производит должного впечатления, скорее, выглядит комичным, т. к. еще очень силен стереотип, в соответствии с которым производимая в России тех-

ника — низкого качества. Традиционная культурная оппозиция «свой — чужой» имеет в данном случае нетипичную реализацию: отечественная техника воспринимается как плохая, импортная же признается хорошей, образцовой.

В последнее время стало привычным включение в название рекламируемого товара конкетизаторов, информирующих об ингредиентах продукта и эффекте его использования. Так, названия жевательных резинок изобилуют подобными определителями: «Дирол “Сладкая черешня с витамином С”», «Дирол “Аэро-эффект Эвкалипт”», «Орбит “Лесные травы”», «Орбит “Белоснежный фруктовый”», «Орбит “Корица с мятой”», «Стиморол white “Сладкая мята”» и др. Наличие подобных двух-трехступенчатых структур провоцирует на создание игровых текстов, в которых последствия потребления этих продуктов представляются абсолютно непредсказуемыми: *Новый «Орбит “Селедка с молоком”» очистит не только вашу полость рта, но и кишечник; Жевательная резинка «Дирол-Арктика»! Почувствуй себя отморозком.*

Бурное развитие в России в последние годы рынка сотовой связи приводит к появлению огромного количества названий тарифов разных операторов. Название обычно мотивировано абонентом, временем или местом, где удобно использовать тот или иной тариф. В игровых текстах имя тарифа реинтерпретируется через активизацию других ассоциативных рядов: *Тариф «Зимний».* Все входящие — матросы с винтовками (Зимний — название резиденции русских царей в Петербурге, которая была захвачена революционерами во время Октябрьской революции 1917 г.); *Новый тариф «Депутатский»:* «Абонент временно неподсуден» (народные избранники получают депутатскую неприкосновенность); *Тарифный план «Олигарх»:* «Абонент находится в зоне и временно недоступен» (в 2003 г. отмечено большое количество возбужденных прокуратурой уголовных дел против представителей деловой элиты); *Тариф «Деревенский»:* абонентская плата — 4 яйца, подключение — телега навоза! (деревенская жизнь в России до сих пор во многом строится на натуральных товарных отношениях, и даже новые технологии не в силах изменить традиционный порядок вещей); *Новый тариф мобильной связи «Супер-пупер-лайт»!* Входящих-исходящих нет. Вы носите телефон только для понта (искусственно смоделированное на-

звание тарифа пародирует наметившуюся рекламную тенденцию к неумеренному расширению имени бренда за счет использования заимствованных приставок и корней с явной оценочностью в значении).

Особый случай — использование в названии товара прецедентного имени собственного, ставшего в обыденном сознании россиян культурным знаком. Здесь прецедентные антропонимы выполняют две функции: наименование товара и отсылка к инварианту восприятия данных «культурных предметов». «Если в качестве торгового названия выбрано какое-то аллюзивное имя собственное, оно, как правило, быстро получает известность в силу известности персонажа, знакомого большинству членов языкового коллектива» [Никитина 1996: 111]. В телевизионной рекламе название товара — прецедентный культурный знак — обычно подкрепляется визуальным рядом. Так, в рекламе духов «Анжелика Варум» (региональный канал СГТРК, 1997 г.) снялась сама певица, именем которой названы духи. Имя собственное и изображение артистки — аудиальный и визуальный синонимы. Образ артистки внушает: «используя изысканные духи, дамы станут такими же изящными и обворожительными, как Анжелика Варум». В рекламе кофе «Пеле» (федеральные каналы, 1998 г.) выявление подтекстного значения, которое всегда сопровождает аллюзивное название, для телезрителей упрощается, потому что футболист Пеле сам объясняет: *Какая связь между мной и кофе? Просто все лучшее в Бразилии называется «Пеле».* Да и во всем мире, пожалуй. Новое контекстное значение в данном рекламном ролике представлено эксплицитно.

В ситуации же, когда мотивирующая связь между прецедентным именем собственным — названием и рекламируемым товаром, не столь очевидна, игровой текст предлагает свою интерпретацию. Так, например, известие о том, что Алла Пугачева купила завод и начинает производство и рекламирование чипсов, которые будут соответственно называться «АБ» (Алла Борисовна), породило большое количество шуток, в которых объектом иронии стала не только сама певица, но и члены ее семьи. Остроты строятся на языковой игре, заключающейся в грамматической трансформации и переосмыслении внутренней формы имени собственного «Киркоров». *После выхода в свет хита А. Пугачевой — чипсов «АБ» — готовятся к выпуску сухарики от Филип-*

на: «Кир-корки». Дефисное написание актуализирует мотивировку людей, присвоивших продукту такое название (слова *корки* и *сухарики* имеют общие семантические доли — ‘сухой, твердый кусок хлеба’). Дальнейшее развертывание метафоры строится на критике. *А вы знаете, почему провалился проект «Сухарики Кир-корки»? В пакетиках вместо сухарей оказалась фанера.* Формируется представление о том, что продукты творческой и коммерческой деятельности «звездного» эстрадного семейства некачественны. *Картофельные чипсы «АБ» (Алла Пугачева) видели? Теперь на очереди вобла «Кристина Орбакайте».* Шутка строится на устойчивой зоометафоре: ‘человек — животное, имеющее общие характеристики с человеком’. *Вобла* в переносном значении — ‘очень худая женщина’. Грубое соединение в одном контексте имени дочери Аллы Пугачевой и зоонима, через призму прямого значения которого просвечивает переносное, уже не свидетельствует о толерантности выбранной игровой стратегии. Представляется, что подобное присваивание названия продукту, который обычно вообще не имеет никакого названия и продается под родовым именем, демонстрирует, насколько ненадежна, можно сказать, провокационна практика использования прецедентных имен собственных на упаковках рекламируемых товаров.

К текстовым объектам иронии в рекламе также следует отнести **средства изобразительности и выразительности**, которые обычно являются неотъемлемой частью рекламного текста, воздействующего на эмоциональную сферу телезрителя и манипулирующего настроением потенциального потребителя. Эмоциональное воздействие осуществляется при помощи экспрессивных средств, которые можно определить как «ненейтральные языковые явления, тем или иным способом осложняющие свое предметно-логическое содержание или обычную функцию» [Майданова 1987: 62–63]. Изобразительные средства позволяют «создать конкретно-чувственный образ рекламируемых объектов, эмоционально оценить факты, о которых идет речь» [Розенталь, Кохтев 1981: 51].

Говоря об изобразительных средствах языка в телевизионной рекламе, прежде всего следует упомянуть о тропах, которые в лингвистическом смысле являются носителями образных значений. В рекламном тексте тропы употребляются с целью достижения большей выразительности, создания более выпуклого рекламно-

го образа. Все тропы объединяет один общий признак — модификация значения слова, имеющая эстетическую значимость. Прямое значение слова становится фундаментом для нового, обогащенного смысла. Образное значение, в отличие от необразного, обязательно содержит коннотативные семы, которые наслаиваются на значение денотативное, предметное [Купина 1983: 54–56]. Такое значение уже в силу своей необычности привлекает внимание, заставляет найти основание для сближения понятий. Таким образом, использование тропов позволяет решить основные задачи, стоящие перед создателем рекламного текста: привлечение внимания, возбуждение интереса и мыслительной деятельности воспринимающего рекламное сообщение.

При исследовании анекдотов можно наглядно наблюдать динамику семантической структуры языковых средств, т. е. «то, как их основные, прямые значения взаимодействуют с вторичными, переносными или контекстуальными» [Норман 2003: 285]. Прием, когда образное выражение берется в прямом смысле и происходит его дальнейшее буквальное развертывание (так называемая реализация тропа), обычно вызывает комический эффект. Поэтому шутки, содержащие рекламные высказывания с тропами, часто построены на обыгрывании прямого и переносного значений слова.

Успешно используются в рекламном тексте эпитеты — образные определения. У меня золотая мама, золотой папа, золотая бабушка, золотой дедушка, а сам я — третий справа в фонтане «Дружба народов»; У меня золотой муж, золотые дети и золотой бульонный кубик «Магги». А свекровь мы переплавили, и теперь у меня еще золотые браслетик, колечко и часики! (золотой в значении ‘замечательный, прекрасный’ > золотой в значении ‘сделанный из золота’). Нередко при развертывании эпитета у неодушевленного рекламируемого объекта обнаруживаются признаки одушевленного существа: Открываю утром холодильник, а там — ничего... Ну, погоди, коварный живой йогурт... (вместо значения ‘натуральный’ актуализируется смысл ‘такой, который живет, обладает жизнью, потребляет пищу’). Слово, используемое в прямом и переносном значениях, вступает в парадигматические системные отношения с разными лексическими единицами, что обыгрывается в шутке: Раньше мои волосы были сухие и безжизненные, а теперь... они мокрые и шевелятся! (в первом значении слово сухой

имеет антоним *мокрый*, в производных значениях появляются терминологизированные антонимичные словосочетания *сухие волосы* — *жирные волосы*).

Метафоры, заложенные в тексте рекламы, также, развиваясь, буквализируются. На съемках сока «Моя семья» лопнуло 3 девочки (реакция на активно воспроизводимую рекламную фразу 2003 г. — реплику отца, персонажа рекламного ролика, который говорит дочери, пьющей очередной стакан сока «Моя семья»: «*Ты же лопнешь, деточка!*»); Новый «Педигри»! *Теперь с радиом и плютонием! Ваша собака просто светится* (трансформация рекламного контекста — усечение компонента «здоровьем» и введение второго восклицательного предложения приводит к актуализации прямого, необразного значения слова *светиться*: вместо ‘проявляться, обнаруживать здоровье’ используется смысл ‘излучать ровный свет’).

Одним из самых популярных тропов в рекламных текстах, которые призваны подчеркнуть лучшие качества предлагаемого товара, является гипербола, представляющая собой «чрезмерное, намеренное преувеличение свойств предмета речи (размеров, возможностей, значения, интенсивности проявления и др.) с целью произвести сильное эмоциональное впечатление» [Матвеева 2003: 47]. Еще советские исследователи рекламных текстов предупреждали, что этот троп следует использовать очень осторожно, так как немотивированное чрезвычайное преувеличение может вызвать недоверие (см.: [Розенталь, Кохтев 1981: 54]). Иногда гипербола в рекламе нарушает точность и логичность высказывания, и сам рекламный текст, даже не подвергнутый трансформации, уже не может восприниматься телеаудиторией без иронии. Так, в рекламе туши для ресниц «Great lash» фирмы «Maybelline» (федеральные каналы, 1999 г.) звучит следующий текст: «Твои ресницы пышнее прически!» Здравый смысл подсказывает, что подобное возможно, только если рекламируемым товаром пользуется лысый человек. Рекламный текст, содержащий гиперболу, выраженную конструкцией со сравнительной степенью, не выдерживает критики с точки зрения коммуникативных качеств речи: логичность и точность принесены в жертву выразительности. Игровые тексты, трансформирующие рекламные прецедентные тексты, подчеркивают подобные нарушения: *Великолепный стопроцентный чай! Теперь с еще большим содержанием чая!* Избыточность рекламно-

го сообщения, его насыщенность клишированными образными преувеличениями и, как следствие, нарушение логичности и лаконичности высказывания. Объект иронии — культурно-речевой облик рекламного текста.

В основе языковой игры в шутках о рекламе может лежать слово в разных его значениях. Активизировать речевую экспрессию позволяет обыгрывание многозначности и омонимии единиц, извлекаемых из рекламного контекста. «Комический эффект здесь нередко основывается на обыгрывании валентностей глагола. А именно: первая реплика настраивает на одно понимание глагольного слова, вторая же разрушает эту установку (эффект обманутого ожидания) и навязывает свое, иное понимание» [Норман 2003: 287].

— *Ну вот тебе и хозяйка! Гости напились и опять порвали скатерть. — А ты пробовала новый «Тайд»? — Пробовала ... Изжога!!!* (в первом (основном) значении слово *пробовать* — ‘испытывать, проверять’; во втором значении — ‘есть для пробы, чтобы определить вкус, готовность чего-нибудь’). Второе значение, как следует из толкового словаря, не является переносным, тропеическим. В ситуации, приближенной к рекламной, метафоры игровой текст актуализирует первое, прямое значение лексической единицы, в то время как при обыгрывании многозначности создатель иронического контекста двигается по парадигме лексико-семантических вариантов от первого значения к производным.

— *Пап, а инопланетяне есть? — Нет, сынок, закончились. На вот, сыру поешь* (омонимы *есть*¹ со значением ‘употреблять в пищу’ и *есть*² со значением ‘существовать’). Тожество звучания омонимов «выступает стимулом их смысловой взаимообратимости» [Гридина 1996: 101]. Возникновение двуденотативности, двуситуативности служит основой создания комического эффекта.

Рекламный текст должен быть кратким, но в то же время содержательным: в рамках предельно сжатой структуры необходимо представить все достоинства предлагаемого товара. Достижение этого качества приводит к возникновению и закреплению в речевой практике стереотипов — клишированных синтаксических структур, реализующих в тексте рекламы разнообразные манипулятивные тактики. Было выявлено, что базовыми средствами вербального оформления аргументации в рекламном тексте становятся речевые штампы и речевые стандарты [Бров-

кина 2000: 8]. Подобные готовые модели построения рекламного сообщения суть своеобразные формулы, компоненты которых легко заменяются, но принцип автоматизации воспроизведения структуры остается. Представляется, что сила манипулятивного воздействия стандарта со временем значительно снижается, а потому **рекламные стереотипы** становятся очередным объектом иронии игровых текстов.

Для рекламного дискурса советского времени была характерна прямая агитация через использование побудительных предложений со значением призыва (*Покупайте... Приобретайте... Храните...*). Отсутствие какой-либо аргументации, в которой не было необходимости во времена нерыночной экономики, приводит к появлению иронических контекстов, предлагающих неожиданную мотивацию для того или иного действия: *Летайте самолетами «Аэрофлота»!!! Спешите, их осталось немного!!!*

Современная реклама часто строится по следующей модели: 1) описание фрустрирующей ситуации; 2) представление рекламируемого объекта как дающего возможность разрешения фрустрирующей ситуации [Пикулева 2003: 256]. Рекламный текст, представляющий названную стереотипную конструкцию, часто оформляется с помощью зпросно-ответного хода. В игровых текстах ответ на поставленные вопросы, содержащие описание очагов напряжения потребителя, демонстрирует абсолютно неожиданный рецепт избавления от проблем. *У вас дефект речи? Вы заикаетесь? Не выговариваете букву «Р»? Новое средство! Иммунооцелистонатрихлорогидрокарбодон! Спрашивайте в аптеках города!* (название лекарственного препарата настолько трудно выговариваемое, что если вы научитесь его произносить, это решит все проблемы с техникой речи); *У вас болят зубы? Ломит кости? Крутит суставы? Скажите, где деньги, и все сразу закончится* (вашей жизни угрожает не болезнь, а ограбление).

Одной из манипулятивных тактик, манифестируемых в рекламных текстах, является тактика переакцентуации. «Суть этой тактики состоит в выдвигании, акцентуации второстепенных, «посторонних» фактов, которые должны сыграть основную роль в формировании нужного восприятия» [Попова 2002: 280]. На позитивное отношение к рекламируемому товару должно настраивать проведение розыгрышей призов, а следовательно, получение дополнительной выгоды. Однако реальная выгода потребителя от

участия в подобной акции оказывается настолько мизерной, что эта ситуация становится объектом иронии в игровых текстах: Акция «*Дураки против видеопиратства*». Пришли 19 пиратских видеокассет и получишь низкий поклон! Не опоздай! Всего 200 клонов; Я вчера участвовал в рекламной акции ГИБДД. Перевел через улицу четырех старушек и пятую получил бесплатно. Манипулятивная тактика переакцентуации вербализуется при помощи стереотипной рекламной конструкции, в первой части которой указывается условие для получения приза, а во второй — сам подарок от рекламируемой фирмы. Приведи в военкомат десять своих друзей и выиграй приз — справку о плоскостопии; Новая акция: «Поймай Саддама Хусейна и получи бейсболку и стильный рюкзачок от Пентагона». Усилению комического эффекта способствует представление о том, что, участвуя в рекламной акции, можно не только добиться какой-то минимальной выгоды, но и серьезно пострадать: Выиграй суперприз! Собери 15 чугунных крышек от водосточных люков — и получи по морде от работников Водоканала.

Самостоятельным объектом иронии могут стать **нарушения коммуникативных качеств хорошей речи**, которые, к сожалению, столь частотны в рекламном тексте. Лингвисты отмечают бесспорную важность соблюдения в рекламе таких свойств речи, как содержательность, правильность, точность, ясность, лаконичность, логичность, выразительность [Розенталь, Кохтев 1981: 27–50]. Присутствие в рекламном сообщении названных коммуникативных качеств речи позволяет обеспечить оптимальное донесение коммерческой информации до потребителя. Однако даже неспециалисты видят, что современные рекламные тексты страдают от большого количества нарушений правильности, логичности, чистоты речи, что приводит, в конечном счете, к расшатыванию нормы, разрушению традиций речевого поведения. Игровые тексты обличают неумение составителей рекламы точно выразить мысль.

— Я пользуюсь щеткой «Рич», она чистит зубы даже в труднодоступных местах, а ты? — А у меня нет зубов в труднодоступных местах (нарушение понятийной точности, а вследствие этого и ясности речи: потребителям непонятно, о каких труднодоступных местах идет речь).

— Товарищи! Нас дурачат! Кубики «Магги» на самом деле па-

раллелелепеды! (отмечено несоответствие между речью и действительностью, которое заключается в фактической неточности: форма продукта воспроизведена произвольно).

Намеренные и ненамеренные языковые аномалии [Бровкина 2000: 16–17], встречающиеся в рекламном тексте, который обычно неоднократно транслируется в телеэфире, не только смещают представление россиян о хорошей речи, но и негативно влияют на образ рекламируемой фирмы, что не позволяет коммерческому общению достичь своей цели.

Современная телевизионная реклама входит в сознание массового потребителя не только в виде прецедентных собственных имен, устойчивых выражений, цитат, но и целиком, как завершённый текст, имеющий свою драматургию. Исследователи условно разделяют рекламные ролики по типу сюжетов на описательные (информационные), «сладкие» (благополучно-сентиментальные), парадоксальные и шоковые [Гермогенова 1994: 153]. В отечественной практике в основе сюжета рекламного ролика зачастую лежит анекдотичная ситуация, призванная поразить воображение, вызвать положительные эмоции у телевизионной аудитории. Однако часто реклама переступает границы между непривычным и нелепым или даже откровенно глупым, что и вызывает осмеяние. Игровой текст становится реакцией на **анормальное поведение персонажей рекламы**.

Одну ногу я побрила обычным станком, а вторую — деревообрабатывающим. Я не обычная девушка. Я — дура! (трансформация, доводящая ситуацию рекламного эксперимента до абсурда, влечет за собой прямую негативную оценку, выраженную бранным разговорным словом).

— *Делми! Что мы приготовим нашим мальчикам на 23 Февраля?* — *Папа! А наша мама опять с маргарином разговаривает!* (обычная для рекламных роликов ситуация, когда рекламируемый продукт оживает и начинает общаться с потребителем, получает здравую оценку из уст ребенка).

Общеизвестно, что российские телезрители с недоверием относятся к информации, распространяемой с помощью рекламных сообщений. Источником фрустрации становится неточная, а чаще заведомо ложная информация, сознательно, с манипулятивной целью, включаемая в рекламный текст. Игровые тексты разоблачают обман, демонстрируя «кухню» рекламного бизнеса. *Срочно*

требуются сестры-близнецы, сильно отличающиеся по весу, для рекламы новой методики похудения (обычно рекламируемые средства для похудения не столь эффективны, поэтому в рекламном ролике могут быть подтасованы данные, например, фотографии полной и худой женщин принадлежат похожим, но разным людям); *Реклама в «Макдональдсе»: «Специальные 50 %-ные скидки: вы покупаете 2 гамбургера по цене четырех и еще 2 получаете бесплатно!»* (информация о скидках обычно свидетельствует о том, что ранее цена на товар была сознательно завышена).

Использование образа популярного человека в рекламе, ставшее одним из самых распространенных манипулятивных приемов, служит поводом для возникновения очага эмоционального напряжения, а следовательно, находит отражение в шутках. Рядовой потребитель имеет основания предполагать, что за участие в рекламной кампании «звезда» получает приличный гонорар, поэтому говорит в камеру все, что от нее потребует рекламоатель. Если за рубежом существуют специальные контролирующие органы, которые следят, чтобы «звезда» действительно пользовалась теми товарами и услугами, которые рекламирует, то в России такого надзора не существует. Сами актеры не раз признавались в интервью, что снялись в рекламе только из-за денег. Поэтому игровые тексты иронически оценивают использование подобного манипулятивного приема, доводя до абсурда ситуацию ложного свидетельства авторитетного человека: *Таможенниками задержана крупная партия циркония с документами на имя Вахтанга Кикабидзе. Сам Вахтанг Кикабидзе сказал, что все 400 тонн циркония — это браслеты для друзей.*

Таким образом, игровые тексты, содержащие прецедентные культурные знаки рекламного происхождения, становятся формой реагирования на заполнившую телеэкраны коммерческую информацию, а точнее, реакцией на вербальные и невербальные знаки рекламного текста: названия товаров, средства выразительности, речевые рекламные стереотипы, нарушения коммуникативных качеств хорошей речи, анормальное поведение персонажей рекламных роликов, лживость коммерческой информации. Все эти компоненты рекламы, реализующие манипулятивную стратегию рекламоателя, занимают сильную позицию в тексте, а потому и обращают на себя пристальное внимание аудитории, порождают ироничную реинтерпретацию. О популярности по-

добного хода свидетельствует, например, тот факт, что из пяти лучших шуток телепередачи «КВН-2003» три были построены на обыгрывании рекламных прецедентных культурных знаков. Общеизвестно, что улыбка в ситуации общения может быть показателем наличия/отсутствия контакта, может демонстрировать успешность/неуспешность коммуникации [Куприянова 1998: 101]. Смех в коммуникативных актах, содержащих рекламные цитаты, становится сигналом того, что данный прецедентный текст опознан слушающим, включен в языковой оборот, «присвоен» языковым сознанием партнера, стал «своим» для коммуникантов. Носитель данной культуры всегда понимает, какие именно компоненты в игровых текстах, содержащих рекламные прецедентные знаки, создают комический эффект.

Можно утверждать, что прием деформации прецедентных рекламных ситуаций и сюжетов становится своеобразным средством языкового сопротивления манипулятивному воздействию, ответом на насаждаемую телевидением «вещную» идеологию нового времени. «Ценностные основы этого мира выступают как объекты смехового» [Купина 1995: 123]. Так, анекдот как «оппозиционный» жанр воспитывает читателя (слушающего) в критическом духе, по меньшей мере — учит приспосабливаться к трудной ситуации и прогнозировать ее развитие [Норман 2003: 284]. Выстраиваемые в подобных иронических контекстах логико-психологические аналогии, ассоциации содержат в себе определенную концепцию нашего времени, описывают быт и нравы постсоветской эпохи. Отражение в шутках и анекдотах о рекламе нашли внешнеполитические (война в Ираке, международный терроризм) и внутренне (финансовые махинации, пьянство, воровство и др.) проблемы страны, которые свидетельствуют о сломе, произошедшем в жизненных установках граждан России.

Неприязненное отношение к рекламе как явлению языка и жизни отмечается практически у всех россиян. В этот очаг напряженности постоянно «подбрасывается» негативный рекламный материал, задевающий вкус телевизионной аудитории и вызывающий поток нетолерантных высказываний. Отечественная речекультурная практика, основанная на игровой стратегии, представляется нам коммуникативной стратегией толерантности. Действительно, «обычный, насмешливый смех тоже не лишен оттенка жестокости. Но это только оттенок» [Пропп 1976: 33].

Игровой текст, производный от рекламного, нацелен на эффект удовольствия, которое возникает при переосмыслении рекламных ценностей, включаемых в инородное культурное пространство. Таким образом, игровые тексты становятся средством разрешения фрустрирующей ситуации, связанной с разнообразными текстовыми причинами неприятия опорного рекламного текста, средством толерантного языкового сопротивления, которое с помощью иронии снимает напряжение телевизионной аудитории.

Е. С. Попова

Способы демонстрации толерантности в рекламном тексте

Понятие *толерантности*, будучи изначально философским, оказалось востребованным и другими гуманитарными научными дисциплинами. В политологии, социологии, психологии и лингвистике осуществляются попытки многоаспектного осмысления и определения толерантности в связи с актуальной для этих наук проблематикой. «Политологи рассматривают толерантность как способность человека, сообщества, государства слышать и уважать мнение других, невраждебно встречать суждение, отличное от своего. Психологи используют это понятие для обозначения способности понять другого человека, способности проникаться ощущениями других людей» [Дзялошинский 2002: 15]. Все это позволяет сделать вывод о том, что понятие «толерантность» еще недостаточно четко оформилось и определилось в современной науке. Кроме того, признаваемая исследователями внутренняя противоречивость феномена толерантности обуславливает необходимость ее междисциплинарного изучения [Мухутдинов 2001; Хомяков 2003].

Потребность изучения толерантности в рамках лингвистических дисциплин не вызывает сомнений. И связано это не только с современной культурно-речевой ситуацией, но и со многими понятиями, находящимися в центре внимания современных исследователей-лингвистов [Купина, Михайлова 2001]. Основываясь на результатах структурно-семантического и лингвокультурологического анализа, О. А. Михайлова предложила 3 определения толе-

рантности: 1) *толерантность* как психологическая сущность; 2) *толерантность* как нравственная установка; 3) *толерантность* как спектр различных типов поведения и межличностных отношений [Михайлова 2003: 111].

Проблема толерантности оказывается актуальной при изучении текстов массово-информационного и рекламного дискурсов (см.: [Давлетшина 2001; Енина 2002; Малькова 2002; Муравьева 2002; Пикулева 2003б и др.]). Если в публицистических текстах толерантность связана прежде всего с этнической проблематикой, то в рекламных, на наш взгляд, *толерантность* можно рассматривать в двух аспектах.

1. Толерантность может проявляться в самом рекламном тексте как способ демонстрации авторского отношения к адресату. В этом случае можно выделить средства создания толерантного отношения, целенаправленно используемые автором и зафиксированные в речевой ткани текста.

2. Толерантность адресата по отношению к рекламной информации может проявляться как запрограммированная автором текста реакция на его восприятие. Формирование толерантного отношения в этом случае будет рассматриваться как положительный результат манипулятивного воздействия, сознательно осуществляемого автором текста. Данный аспект проблемы выходит за рамки собственно лингвистического исследования, так как здесь речь идет о перлокутивном эффекте, который позволяет судить об эффективности манипулятивного воздействия в рекламном тексте. С собственно лингвистических позиций трудно оценить, какое именно речевое средство будет максимально эффективно формировать толерантное отношение адресата текста. Для этого необходимы психолингвистические эксперименты, социологические опросы и т. д.

В рамках лингвопрагматического исследования целесообразно обратиться к первому аспекту проблемы толерантности в рекламном тексте. Изучение этого аспекта позволяет определить, с помощью каких речевых средств автор может продемонстрировать свое толерантное отношение к адресату рекламного текста как партнеру по коммуникации.

Для того чтобы понять специфику проявления толерантности в рекламе, необходимо выделить ее существенные особенности, определяющие сам характер рекламной коммуникации. Одной из таких универсальных характеристик является *манипулятивность*.

Исследователи-лингвисты зачастую пытаются уточнить содержание термина «толерантность» через ряд понятийных синонимов (*терпимость, снисходительность, спокойствие, понимание, ненасилие, комфорт, сочувствие, гармония*), а также понятийных антонимов (*конфликт, экстремизм, враждебность, насилие, речевая агрессия, дисгармония*) (см.: [Голев 2003; Гольдин 2003; Ермакова 2003; Малькова 2002; Михайлова 2003; Пузырев 2001; Стернин, Шилихина 2001; Формановская 2003; Шейгал 2001; Шмелев 2003 и др.]). Учитывая эти парадигматические связи, можно сделать вывод о том, что понятие «манипуляция» антонимично понятию «толерантность» как внутренней, сущностной характеристике человеческого общения.

Отметим, что феномен манипуляции в рамках лингвистических дисциплин стал изучаться совсем недавно. Сама возможность его изучения с точки зрения языка до сих пор вызывает много споров. Тем не менее именно такой подход позволяет исследователям не только понять механизм манипулятивного воздействия, но и выделить языковые/ речевые средства, которые способствуют его осуществлению.

Манипуляция связана прежде всего с неполной и необъективной подачей информации, которая в той или иной степени не соответствует действительности: это может быть дезинформация, фрагментарная подача информации, замалчивание определенной части информации, невыгодной автору текста, акцентуация второстепенных, малозначащих фактов и т. д.. (см.: [Бессонов 1971; Волкогонов 1983; Свинцов 1990; Сергеевичева 2002; Цуладзе 1999; Шейнов 2002; Щербатых 2002 и др.]). Все эти операции с информацией, связанные с усеченной или неточной ее подачей, направлены на то, чтобы создать у адресата определенный эмоциональный настрой и необходимые психологические установки. Тем самым авторы рекламных текстов подготавливают почву для скрытого воздействия, так как сама информация «является лишь строительным материалом, внешней оболочкой, упаковкой, в которую помещают истинное “послание” манипулятора аудитории» [Цуладзе 1999: 77].

В структуре манипулятивного воздействия выделяются два уровня, явный и скрытый: **«Явный уровень»** выполняет функцию «легенды» или «мифа», маскирующего истинные намерения манипулятора. **Скрытым уровнем** является тот, на котором как факт

воздействия, так и его цель тщательно утаиваются от адресата» [Доценко 2001: 659]. Следовательно, скрываются не только цели или интересы адресанта, но и сам факт преследования иных, кроме заявленных в тексте, целей. Явный уровень служит лишь маскировкой, прикрытием осуществляемого манипулятивного воздействия. В качестве явного уровня выступает собственно рекламный текст, который является продуктом манипулятивной деятельности. Остальные этапы его подготовки остаются скрытыми от адресата. Это обстоятельство оказывается основополагающим для осуществления манипулятивного воздействия.

Таким образом, поток информации сознательно контролируется автором рекламного текста в заранее заданном русле. Такой субъективный, оценочный способ подачи информации, в той или иной степени расходящейся с действительным положением дел, задает саму возможность манипуляции. Несмотря на то, что цель коммерческой рекламы (продать товар/ услугу) осознается всеми, средства ее достижения в рекламном тексте настолько убедительны, что выгода автора или рекламодателя затмевается, отходит на задний план или совсем уходит из текста. Таким образом, на явном уровне воздействия происходит своеобразная подмена целей: в центре внимания в тексте оказываются интересы адресата/ потенциального потребителя, его выгода, преимущества от приобретения рекламируемого товара/ услуги.

Проанализируем с этой точки зрения следующий газетный рекламный текст («Наша газета», май 2003 г.).

ВСЯ ТЕХНИКА ЗА 15 % ЦЕНЫ!*

*Магнитола Panasonic RX-ES27 582 рубля**

*Пылесос Electrolux Z2049 1 058 рублей**

*СВЧ печь Samsung CE 2618 553 рубля**

*Холодильник Indesit Forma 1 889 рублей**

*Стиральная машина Zanussi F805N 2 007 рублей**

*Телевизор Sony KV-21FT1K 1 500 рублей**

*Видеомагнитофон Panasonic VHC NV-SJ530EU 750 рублей**

*Стеклокерамическая электроплита Indesit K3CO 2 685 рублей**

УРАЛЬСКИЙ ВАЛ

*** ОСТАЛЬНОЕ В КРЕДИТ!**

Указан размер первого взноса в размере 15 % по кредиту.

Перед нами достаточно распространенный тип газетного рекламного объявления: перечисляется ряд предметов бытовой, аудио- и видеотехники (иногда вербальный текст сопровождается фотографиями), указывается цена и дается краткая характеристика рекламируемых объектов. Цена в данном случае рассматривается как сильная позиция рекламного текста: если она указана, значит, этот факт заслуживает внимания со стороны адресата. Чаще всего такие объявления помещаются в газетах, когда магазин, торгующий техникой, снижает цены или предоставляет существенные скидки на свой товар. Поэтому в объявлении может быть указана старая цена в сравнении с новой, чтобы потенциальный потребитель ощутил свою выгоду от приобретения товара по сниженной цене. Такая аналогия выступает как проверенное средство воздействия. Именно поэтому реклама использует подобные модели регулярно.

Согласно этой модели читатель газеты воспринимает и приведенное нами выше рекламное объявление. Его броский заголовок «*Вся техника за 15 % цены!*» позволяет сделать вывод о том, что в сети магазинов «Уральский вал» можно купить дешевую домашнюю технику. Эта мысль сформулирована в утвердительной форме. Указанные в тексте цены подтверждают формулировку заголовка. Складывается вполне определенное впечатление, что качественный телевизор «Sony» можно купить всего за 1 500 рублей, а холодильник — за 1 889 рублей. Безусловно, цены вызывают недоумение. Тем не менее читатели газеты уже привыкли к гиперболам *грандиозные, беспрецедентные скидки, беспредел скидок*. Результатом коммуникации рекламиста и получателя рекламы является интерпретация фигуры преувеличения: возможно, информация о скидках преувеличена, но скидка скорее всего есть (и немалая), следовательно, покупка может быть выгодной. Таким образом, автором текста изначально запрограммирована эта *цепочка хода мысли* [Матвеева 1990], восстанавливаемая при более аналитическом восприятии текста. Задача рекламиста — дать информацию о возможности выгодной покупки, в то время как читатель текста должен последовательно обдумать возможность выгодного приобретения. Можно предположить, что даже если человеку не нужен в настоящий момент телевизор (или холодильник), он в результате может его купить, поскольку цена позволяет ему сделать соответствующее приобретение. Подобное взаимопо-

нимание автора и адресата рекламного текста служит признаком толерантной коммуникации.

Приведенный текст рекламного объявления несколько отличается от традиционной схемы. Если адресат обратит внимание на звездочку — традиционный знак сноски, — он будет искать текст сноски в конце объявления. В этом случае читатель газеты поймет, что на самом деле в объявлении указана не цена, а размер первого взноса, который как раз равен 15 % от общей суммы. Таким образом происходит «саморазоблачение» автора данного объявления: при восприятии всего текста в целом адресат перестает ощущать свою выгоду от приобретения перечисленных товаров. Возможность покупки техники в кредит в настоящий момент не является уникальным предложением на рынке.

Таким образом, при сопоставлении первого впечатления и целостного восприятия адресат может почувствовать себя обманутым, что заставит его думать о рекламной манипуляции. Поэтому зачастую в обыденном сознании понятия «манипуляция» и «обман» отождествляются. Манипуляция, обман — признаки интолерантной коммуникации.

Зададимся вопросом о правомерности манипуляции в рекламе. Некоторые исследователи рассматривают рекламу как особый мир, живущий по своим законам. Это крайняя точка зрения. Нельзя рассматривать рекламу в изоляции от общей системы коммуникации. Взаимодействие и неизбежное соотнесение разных участков картины мира позволяют выявлять манипуляцию, содержащуюся в рекламном тексте. Прежде всего, речь идет о пересечении массово-информационных и рекламных текстов (на экране телевизора, на страницах журналов, газет и др.). Так, например, чередование *фрагмент фильма — рекламные ролики — фрагмент текста — рекламные ролики — новостийная программа — рекламные ролики* — обуславливает особый коммуникативный результат: зритель в ряде случаев перестает опознавать, где должна быть достоверная информация, а где вымышленная. Поэтому рекламный ролик (как и печатное объявление) часто сопровождается надписью *На правах рекламы*, содержащей предостережение: данный текст создавался человеком, заинтересованным в реализации рекламируемого товара/ услуги, значит, информация в тексте не может быть объективной. Манипуляция сама по себе подразумевает необъективность при подаче информации. Именно поэтому зритель/ чи-

татель/ слушатель должен воспринимать информацию рекламного характера «с большей степенью критичности» [Карасик 2002: 97].

Определяя манипуляцию как разновидность скрытого речевого воздействия, при котором адресант преследует свои корыстные цели, идущие вразрез с мнением или интересами адресата, мы делаем вывод о том, что манипуляция по сути своей противоречит толерантности. Толерантность предполагает паритетность отношений коммуникантов. В рекламе нет и не может быть равноправных позиций: автор текста всегда занимает позицию «над» адресатом. Проявляться это может в том, что адресант, владея полным объемом информации о рекламируемом объекте, сознательно интерпретирует и контролирует подачу информации с учетом образа адресата, чтобы усилить эффективность воздействия (учитываются потребности, психологические особенности, жизненный опыт, возможные реакции и другие значимые параметры). Таким образом, можно говорить лишь о направленной обратной связи адресата с автором текста, причем целенаправление этой связи устанавливается последним.

Необходимо подчеркнуть, что обязательным условием для проявления толерантности является ситуация конфликта, которая характерна и для изначальной установки адресата/ потенциального потребителя по отношению к информации рекламного характера.

Толерантность рассматривается как «переходное состояние от конфликта, который может вылиться в насилие, к взаимопониманию и сотрудничеству» [Перцев 2003: 29]. Но при этом сама по себе толерантность не разрешает, не устраняет конфликт, а позволяет перевести его в относительно мирное русло. Это обстоятельство оказывается основополагающим для обозначения явного и скрытого уровней манипулятивного воздействия. Толерантность выступает как «специфическая технология взаимодействия людей, такая технология, которая обеспечивает достижение целей через уравнивание интересов» [Дзялошинский 2002: 16].

Учитывая то, что манипулятивная стратегия в рекламном тексте направлена на снятие предвзятого, критического отношения адресата к рекламной информации и на формирование положительной эмоциональной установки на покупку рекламируемого товара, можно говорить о том, что отдельные манипулятивные

тактики выполняют функцию демонстрации толерантного отношения к получателю рекламной информации. Автор рекламного текста намеренно использует эти тактики, чтобы расположить к себе потенциального потребителя, снять конфликтность, устранить коммуникативную дистанцию, занять в представлении адресата позицию друга, помощника. Рекламный слоган компании «Би Лайн» — *Мы делаем все, чтобы Вам было удобно!* — точно отражает специфику подобного ролевого коммуникативного взаимодействия.

Рассмотрим ряд примеров, позволяющих судить о демонстрации толерантного отношения автора рекламного текста к адресату. В данном случае понятие «манипулятивная тактика» напрямую соотносится с понятием «уловка», которое изначально появилось в риторике спора и определялось как «прием, с помощью которого хотят облегчить спор для себя и затруднить спор для противника» [Поварнин 1996: 69]. Учитывая тот факт, что уловки могут использоваться не только в споре, но и в любом типе общения, мы определяем *уловку* как способ достижения собственной коммуникативной или практической цели, которая может идти вразрез с желаниями или намерениями аудитории. Отметим, что выделяются позволительные и непозволительные уловки (подробнее см.: [Поварнин 1996]). Использование последних характерно для интолерантного общения, так как эти уловки, хотя и позволяют добиться цели, нарушают этические или коммуникативные нормы.

Манипулятивная рекламная тактика **комплимента** («уловка к значительности») направлена на установление контакта, завоевание расположения адресата — потенциального потребителя. Для формулировки комплимента автор рекламного текста выделяет конкретный положительный признак в характеристике адресата. Этот признак должен иметь непосредственное отношение к предполагаемому адресату, чтобы «задеть» его. Комплимент может сопровождать оценку одежды человека (*В джинсах Вы неотразимы!*), внешности (*Красота Вам к лицу!*; *Все в восторге от тебя!*), умений и навыков (*Все для Хозяина и Хозяйки; Ты можешь остановить стихию: она подвластна тебе*), особенностей личности (*Для солидных мужчин и милых дам; Для истинных ценителей чая*) и др. Комплимент как средство личностного воздействия в рекламном тексте может быть прямым (в форме 2-го лица) и косвенным

(в форме 3-го лица). В любом случае адресат проецирует комплиментарное высказывание на себя, чего и добивается рекламист.

С помощью комплимента автор текста подчеркивает уважительное отношение к адресату (особенно это значимо при обращении на *вы*), но движет им не стремление сделать приятное адресату (это поверхностный уровень), а необходимость благорасположения и положительного восприятия рекламируемого объекта (адресат должен соединить представление о себе и о рекламируемом объекте воедино). Комплиментарную тактику можно оценить как позволительную.

Рекламная манипулятивная тактика *подмены мотива покупки* заключается в следующем: потребитель покупает тот или иной товар не потому, что этот товар необходим ему, а потому, что к товару прилагается нечто приятное. Предлагаемый дополнительный подарок в любом случае вызывает положительные эмоции и желание его получить. Например, в рекламном тексте — *Теперь, покупая «Раму» 500 грамм, Вы можете получить магнитик, который в Вашем доме полюбят все* — мотивом покупки маргарина становится подарок, который можно получить бесплатно (магнит). Та же тактика используется в рекламе кофе «Nescafe» (вам подарят красную кружку за 3 присланные вами мембраны от банок кофе), кофе «Tchibo» (присылая каждый месяц этикетки от банок кофе, вы можете собрать кофейный набор), шоколада «Alpen Gold» (отправив по почте девять этикеток от шоколада, вы можете получить замечательный брелок «Домик»).

Часто мотивом покупки становится бесплатное приобретение какой-то части товара: например, *10–15 % тюбика зубной пасты «Colgate» или одного бульонного кубика «Knorr»* при покупке пяти.

Другим мотивом покупки может быть сознательно придуманный автором несущественный признак товара. Например, в рекламе красного «Stimorol» мотивом покупки становится его *модный цвет*. Судя по данному рекламному тексту, чтобы стать *модным*, достаточно купить именно жевательную резинку в цветной упаковке.

Данная манипулятивная тактика соотносится с «карманным доводом», с помощью которого автор текста концентрирует внимание на выгоде/ невыгоде того или иного действия для адресата. В рекламном тексте акцент переносится на выгоду потенциального потребителя, тогда как интересы рекламодателя и рекламиста остаются «за кадром».

Апелляция к авторитету — одна из самых популярных и действенных манипулятивных рекламных тактик (см., например: [Пикужева 2003a]). Суть ее заключается в привлечении к рекламированию человека, которому доверяет большинство людей или представителей определенной социальной группы. Что бы ни сказал этот человек, его слова не подвергнутся сомнению, не будут оспариваться или критиковаться.

В рекламе авторитетная личность воспроизводит тот текст, который необходим его разработчику. Произнесенные слова далеко не всегда соответствуют реальному положению дел или мнению ролевого героя. Подобные различия зачастую не осознаются адресатом рекламного текста. Уловка «апелляция к авторитету» реализуется в игровой ситуации, центром которой оказываются известные, популярные в данное время люди: теннисист *М. Южный* и фигурист *Е. Плющенко* как обладатели многочисленных спортивных наград советуют открыть для себя «*Chupa-Chups*», так как именно в нем заключается секрет чемпионов; пилот гонки «Формула-1» *Хуан Пабло Монтойя* во время пит-стопа, пренебрегая потерей времени, пьет «*7up*» (получается, что газированная вода для него ценнее, чем возможность сэкономить время и обогнать своих соперников); певица *Валерия* рекомендует «*Данон*», чтобы избавиться от проблем с пищеварением, которые были и у нее; актеры *Анна Самохина*, *Александр Лазарев-мл.*, *Александр Калягин* пьют только кофе «*Nescafe Gold*», подчеркивая его уникальные качества; популярный актер *Гоша Куценко* настойчиво советует жевать освежающие пастилки «*Smint*», а не обычные жевательные резинки; актрис *Екатерину Стриженову*, *Марину Александрову*, *Амалию Мордвинову (Гольданскую)* восхищают шампуни «*Pantene PRO-V*», которые, в отличие от привычных шампуней, самым неожиданным образом изменили состояние их волос; солисты группы «*Иванушки-International*», исполняющие песню «Тополиный пух», рекламируют средство от аллергии; модельер *Слава Зайцев*, актер *Ивар Калныньш*, певцы *Валерий Сюткин* и *Александр Малинин* утверждают, что любят пить кофе «*Гранд*».

В ряде случаев в рекламном тексте воспроизводится ситуация консультации, чаще условная, а не реальная. Главным действующим лицом в данном случае выступает специалист. Например, стоматологи предлагают покупать ту или иную зубную пасту/жевательную резинку; специалисты по ремонту стиральных машин

советуют хозяйкам использовать «Calgon», чтобы обеспечить продолжительность работы машины; высококвалифицированные врачи рекомендуют пить минеральную воду «Обуховская-11», так как она действительно обладает целебными свойствами. В текстах подобного рода активно используется воздействующий потенциал таких речевых жанров, как рекомендация, совет, выражение удовольствия/ восхищения.

Тактика «апелляция к авторитету» далеко не всегда позволительна, но именно она обладает наибольшим потенциалом влияния. Интолерантность, основанная на обмане, нередко имеет обратную сторону: реальное лицо, участвующее в предложении/ продвижении вредных товаров/ услуг, может потерять доверие телевизионной аудитории.

Основу рекламы как текста воздействия составляют манипулятивные тактики. Лишь отдельные тактики можно считать позволительными, не препятствующими толерантной коммуникации в сфере предложения/ принятия информации о товарах, услугах и др. Большая часть манипулятивных тактик, основанных на обмане, проспективно формирует у взрослых людей настороженность, недоверие, нежелание слушать или смотреть рекламу. Часто это объясняется тем, что рекламист, преследуя сиюминутную задачу (повлиять любыми средствами), не учитывает возможных негативных последствий, вызванных несовпадением информации рекламного характера с реальным положением дел.

Рассмотренные нами способы демонстрации толерантного отношения автора рекламного текста к потенциальному потребителю позволяют снять критичность, предвзятость восприятия рекламной информации и тем самым замаскировать саму процедуру манипулирования. Именно поэтому мы говорим о «поверхностной», а не глубинной толерантности рекламного текста, как о способе маскировки скрытого уровня воздействия, осуществляемого автором в соответствии с замыслом. Истинная толерантность противоречит манипуляции, рассматриваемой нами в качестве типовой характеристики рекламы.

И. Е. Ким

О текстах письменных обращений граждан к представителям власти: языковые аспекты интолерантности

Взаимоотношения государственной власти и народа отличаются амбивалентностью: с одной стороны, можно говорить об антагонизме, а с другой — о единстве. Антагонизм проявляется в представлении о власти как насилии и государстве как аппарате насилия; единство реализуется в функциональном подходе к государству как органу, обеспечивающему взаимодействие разных социальных субъектов. Эта антиномия единства/антагонизма проявляется и в языке.

Р. Барт, осмысляя результаты социолингвистических исследований, сформировал представление о «разделении» и «войне» языков, то есть о существовании двух типов дискурса, которые он назвал **энкратическим** (языком господствующего класса) и **акратическим** (оппозиционным) [Барт 1994а; 1994б]. В терминах социолингвистики он говорит о социолектах, формах языка, обслуживающих разные социальные группы. Основным отношением, разделяющим социолекты, Р. Барт считает отношение к власти, поэтому энкратический и акратический языки (или дискурсы: автор употребляет эти термины как синонимы) надстраиваются над социолектами. Более того, по Р. Барту, это более общее деление характеризует язык помимо его социолектных форм, пронизывая лексический, грамматический и риторический (экспрессивно-синтаксический) уровни системы языка.

Возникает вопрос о взаимодействии социальных страт, с одной стороны, и о взаимодействии народа и власти, с другой. Разделение и война языков создают проблемы для полноценной **властной коммуникации**, речевого взаимодействия между властью и народом. Очевидно, что должна существовать и социальная форма (формы) языка, обслуживающая этот тип коммуникации.

Назовем эту форму языка, явно переходную, существующую на границе социальных страт, **языком власти**, имея в виду не столько средство взаимодействия властей, сколько средство контакта между властью и народом.

Язык как моделирующая система обладает большой свободой в создании объектного по отношению к нему мира. Мы говорим о естественном языке, сформированном как продукт непосредственного опыта этноса и, шире, человечества, который, к тому же, является первичной семиотической системой, т. е. такой, на базе которой строятся уже более специализированные и рафинированные знаковые системы (понятно, что языковые модели мира неэксплицитны и нерелективны). В то же время, обслуживая разные сферы общения разных социальных страт, язык дифференцируется, и в нем существуют релективные формы, надстраивающиеся над обыденным языком. В качестве таковых, несомненно, выступают язык науки, религии, философии и официально-деловой язык (в терминологии функциональной стилистики — официально-деловой стиль). Собственно, официально-деловой стиль и есть специализированный язык, который обслуживает взаимодействие властей разного уровня и разных ветвей, а также официальное взаимодействие «власть — народ». В этом смысле он является **экратическим**, поскольку разные участники взаимодействия (чиновник и обыватель) обладают разной степенью компетенции в этой форме языка. Кстати, развитый институт адвокатуры в США и Западной Европе связан во многом с тем, что основная часть населения не владеет официальным языком. В этом случае адвокат выступает «переводчиком» с обыденного языка клиента на официально-деловой язык власти, и наоборот. Ту же функцию, но с большей специализацией (на собственно языковой стороне дела), выполнял в России сельский писарь, переводивший тексты с устно-разговорной, **акратической**, формы языка, которой владели крестьяне, на письменную-официальную форму, принятую для общения с властью.

Властная коммуникация в настоящее время подразделяется на два типа: непосредственное общение представителей власти с народом и общение опосредованное, через каналы массовой информации. Особенность второго типа коммуникации заключается в существовании специализированных субъектов — журналистов и предприятий массовой информации — издательств, редакций, телестудий и радиостанций. Формируемый ими язык власти — **язык СМИ**, или, в терминах функциональной стилистики, **публицистический стиль**, — характеризуется одновременно чертами, присущими официально-деловому и разговорному стилям, и самостоятельными свойствами. В частности, он обладает чертами **идеологического дискурса** [Паршин 1997; ср. также Купина 1997].

Особенно интересна практически не описанная прямая коммуникация «власть — народ»: в ней существует проблема «перевода» с энкратического языка на акратический для представителя власти и с акратического на энкратический для представителя населения. Можно, например, вспомнить, как много и долго в разных общественных кругах обсуждался «поход в народ» президента Путина, предлагавшего чеченских боевиков «мочить в сортире». Воздействующий эффект, как правило, вызывает прямое публичное использование представителем власти **акратического языка**.

Проанализируем тексты письменных обращений населения в органы власти (в нашем случае — заявления граждан в Красноярский городской совет за период с 1998 по 2000 г.). Эти тексты обнаруживают проблемы «перевода» двух типов.

Первая связана с плохим владением авторами заявлений официально-деловым стилем, а чаще — нормами письменного языка. Ср., например: *Я <Фамилия Имя Отчество> // Проживающая по ул. ... обращаюсь к вам с прозьбой. Дело в том, что я решила сделать обмен, через агента по недвижимости. Через знакомого друга я с ним познакомилась, и решила зделать обмен квартиры* (Письм. обращение в Красноярский горсовет. 17.11.1999; далее указывается только дата). Автор явно стремился создать текст в соответствии со стандартами официально-делового стиля, но не справился с этой задачей в силу низкой лингвистической компетенции: обнаруживается невладение письменной формой языка. Непреднамеренный корневой повтор в пределах предикативной единицы (*знакомого — познакомилась*), дословный повтор словосочетания в контактно расположенных предложениях (*решила с(з)де-*

ать обмен), «разговорный» порядок слов, многочисленные орфографические и пунктуационные ошибки характеризуют приведенный фрагмент текста. В целом орфографические, пунктуационные и стилистические ошибки нередки в такого рода письменных заявлениях граждан.

Другая проблема заключается в отступлениях от норм официально-делового стиля. Эти отступления искажают стилистический облик фрагмента текста и текста в целом. Приведем соответствующий пример:

Просим помочь нашей беде (а это для нас именно беда). Три недели назад в доме отключили воду. А вода для нас единственная роскошь из всех существующих благоустройств. Поблизости нет ни единой колонки и приходится ходить с ведрами за 2-3 квартала, да еще переходить дороги при таком движении транспорта и гололеде. Вот и приходится экономить воду почти как в блокадном Ленинграде. А в доме почти половина пенсионеров.

Каждый день звоним по всем инстанциям, а нас отфутболивают один к другому.

Ремонтных работ никаких не ведется. Отключал воду Горводоканал, а сейчас отвечают, что по их линии все в порядке, и мы уже не знаем к кому еще обращаться.

Просим Вас убедительно не оставить нашу просьбу без внимания. (8.12.1999).

В данном случае авторы даже не пытаются имитировать официально-деловой стиль.

В других случаях отступления от норм делового стиля охватывают меньшие по объему фрагменты текста или представляют собой «вкрапления» в текст, в целом или хотя бы по исходной установке соответствующий официально-деловому языку. Приведем в качестве примера начало заявления и фрагмент его середины части: *Обращаемся к Вам от имени частных предпринимателей города Красноярска, осуществляющих в городе перевозки пассажиров городскими автобусами <...> Почему-то такая ситуация снова не устроила... КОФТИ! И вот спустя всего пол-года, нас опять вынуждают заключать договор, но уже ссылаясь на Устав автомобильного транспорта, изданный аж в 1969 году! ... А родная власть опять же проводит свое согласование (опять же совершенно формально) при условии ежемесячной оплаты своих «услуг» (10.12.1998).*

Можно отметить, особенно в индивидуальных ходатайствах граждан, наличие кодового переключения с официально-делового стиля на стиль разговорный. Такое переключение используется как особый композиционный прием, обладающий функциональной значимостью. Официально-деловой язык приспособлен для отображения (в частности, но не во всех своих свойствах, обозначения) институциональных социальных отношений между автором, адресатом и другими лицами. Сферу этих отношений можно определить как **официальную область социальной сферы** человеческого общения. В этой сфере возможна только служебная (в рамках служебных обязанностей) мотивация действий адресата (должностного лица), каузируемых текстом автора. Автор (носитель по преимуществу разговорного, а иногда и просторечного варианта языка) для увеличения эффективности своего обращения / ходатайства / требования стремится активизировать личную мотивацию адресата. Для этого он с помощью переключения на акратическую форму языка вовлекает адресата в **личную сферу**.

Понятие личной сферы человека введено в лингвистику Ю. Д. Апресяном. Описывая довольно разнородные факты лексики — предикатные слова со значением мысли и речи, — а также грамматики — дейктические местоимения и актуализационные категории глагола и предложения, — он использовал понятие личной сферы, которая удобна для толкования этих лексем и определения инвариантного значения грамматических категорий (см.: [Апресян 1986]).

Ю. Д. Апресян различает личную сферу говорящего и личную сферу героя. По его мнению, личную сферу говорящего образуют «сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально... все, что находится в момент высказывания в его сознании» [Апресян 1986: 28]. Личная сфера говорящего реализуется при использовании, например, личного местоимения *ты*, включая не только случаи «этикетного» употребления, фиксирующего переход от официального общения к интимному, личному, но и случаи непрямого употребления, например во внутренней речи или в ситуации одностороннего визуального или слухового контакта (просмотр телепередачи, прослушивание радио). Другой пример, приведенный Ю. Д. Апресяном, — использование нового звательного падежа: *Маш, Коль, пап, мам*. Еще один факт — возникновение «псевдоинклюзивных» форм, напри-

мер в ситуации врачебного осмотра (*мы* докторское: *Как мы (=адресат) себя чувствуем?*).

Понятие личной сферы героя в концепции Ю. Д. Апресяна аналогично понятию личной сферы говорящего, но связано не с прагматической ситуацией, а с денотативным аспектом языковых единиц.

В исследовании Ю. Д. Апресяна представлено в основном описание личной сферы говорящего. О личной сфере героя Ю. Д. Апресян говорит, что понятие это входит, например, в толкование таких слов, как *гордиться*, *стыдиться* и их производных, слов *комплимент*, *обида* [Апресян 1986: 29–30]. Понятие личной сферы было использовано в толковании нескольких групп глаголов со значением речи в специальном исследовании (см.: [Гловинская 1993]).

Личная сфера представляет собой неопределенный (и неопределимый) круг объектов и явлений, поэтому она непредставима в актуализированном употреблении, в высказывании. По этой причине личная сфера как конструкт входит в описание виртуальных (по Э. Бенвенисту) языковых объектов: прагматических факторов (ср. *личная сфера говорящего*), грамматических форм и лексем (*личная сфера героя*), а уже в составе этих объектов реализуется в высказывании.

Приведенные выше фрагменты обиходно-деловых письменных текстов граждан показывают, что в них используются не специфические маркированные средства перевода в личную сферу, а именно грамматические: инклюзивное *мы*, использование *ты*, диминутивы, новый вокатив. «Интимизация» достигается «кодовым переключением» со стиля на стиль и использованием предикатной лексики.

Рассмотрим употребление в текстах деловых бумаг двух предикатов, обозначающих действие органа власти, ожидаемое автором текста: *помочь* (и производное *помощь*), *разобраться*. Первый предикат актуализирует вовлечение автора в личную сферу адресата. Второй, напротив, апеллирует к институциональной зоне социальной сферы, не устанавливая внутренней связи адресата и автора.

Предикат *помочь/помощь* встречается в следующих формах (через тире указывается количество текстов, в которых встретилась данная форма):

- 1) *помочь* — 52;

2) *помощь* (в разных падежных формах) — 49;

3) *помогите* — 22;

4) *если вы не поможете* — 1.

Особого внимания заслуживает использование разных форм предиката. **Существительное** *помощь* представляет обозначаемое действие как элемент номенклатуры зафиксированных в социуме форм поведения и, таким образом, предполагает не непосредственное протекание процесса, а реализацию некоего культурного образца. Форма **инфинитива** семантически во многом близка существительному. Инфинитив представляет собой форму с самой слабой реализацией процессности, т. е. такую, в которой общая идея протекания и существования во времени сохраняется, однако ослабляется связь с непосредственным нахождением на временной оси и в пространстве, а также связь с производящим действием субъектом вследствие ослабленной субъектной валентности. **Второе лицо императива** наиболее точно соответствует жанру текста — императивному, просьбе или жалобе, однако оказывается слишком категоричной формой, с чем связана меньшая, чем у инфинитива, встречаемость отглагольного существительного.

Предикат *разобраться* встречается только в форме инфинитива (в 32 текстах). Как правило, он используется в сочетании *разобраться в вопросе / в ситуации*, хотя возможны и словосочетание *разобраться с + творит. падеж* и абсолютное употребление. Например: *Прошу разобраться в сложившейся ситуации и решить вопрос по возврату мне товара (10. 12. 1998)*. Основное местонахождение — в жанре жалобы. В психоментальной сфере этот глагол имеет значение ‘приложив интеллектуальные усилия, понять’. В социальном смысле он реализует более сложное значение: ‘рационально оценив сложную ситуацию, принять и реализовать правильное решение’. Семантический компонент ‘реализовать’ означает обязательное наличие управляющего действия, что в целом характерно для социальной сферы. Употребление данного предиката в императивном жанре иерархически более весомым, чем адресат, автором текста (начальником) для адресата как представителя власти неприятно, поскольку несет пресуппозицию незнания, непонимания последним ситуации. Если же этот предикат употребляется автором, стоящим на более низкой иерархической ступени, то в соответствующей форме в жанре жалобы он, скорее, воспринимается как знак доверия и нежесткой каузации действий вла-

стителя. Именно по этой причине предикат *разобраться* в жалобах используется в форме инфинитива, а не в повелительном наклонении, характерном для императивного жанра с иерархически более весомым автором текста, например, распоряжения.

Эффективность используемых предикатов оценивалась по практическому результату, т. е. по принятым красноярским горсоветом мерам. Как показало исследование, предикат *помочь/помощь* чаще употребляется в текстах-просьбах, которые оказались неэффективными: заявителем был получен отказ или ему было дано разъяснение: почему выполнить соответствующую просьбу невозможно; в какую инстанцию целесообразно обращаться. Предикат *разобраться* встречается в жалобах и просьбах, которые были удовлетворены. Таким образом, наблюдается оппозиция результативности в паре *помочь / разобраться*.

Выясняется, что оппозиция личного/служебного в интерпретации данных предикатов отступает на второе место перед **образом автора и адресата** обиходно-делового текста. Социальное значение глагола *помочь* связано со слабостью, зависимостью адресата помощи от субъекта, а также с неглавной ролью субъекта в ситуации. Этот предикат обозначает содействие. Суть содействия заключается в том, что лицо, выступающее в роли адресата помощи, совершает некое действие, которое выражается факультативной позицией инфинитива (например, *помочь купить что-либо*) или предложно-падежной группы (например, *в + местн. надеж*). Лицо (или более сложный социальный объект), выступающее субъектом помощи, совершает вспомогательное действие, которое должно привести к осуществлению действия основного. Однако в некоторых употреблениях в социальной сфере предикат *помочь/помощь* обозначает основное действие, но его процессная составляющая, приводящая к улучшению состояния адресата помощи, все равно остается за кадром. При этом сам адресат помощи оценивается не как действующий, а как пассивный. Образ власти (периферийного по значимости действующего лица) при образе заявителя (лица бездеятельного) создает неявную, но влияющую на ощущения адресата негативную картину соотношения власти и народа. Предикат *разобраться* обладает противоположными характеристиками: субъект характеризуется как наделенный интеллектуальными способностями и контролирующий ситуацию, при этом автор текста не предъявляет себя в качестве бенефициен-

та, заинтересованного лица. Возможно, именно эти факторы обуславливают различную эффективность употребленных предикатов.

Как видим, употребление в обращениях «во власть» предикатов, характеризующих действия представителей власти, связано с тонкими прагматическими и социальными различиями, которые нельзя не учитывать при составлении такого рода обиходно-деловых текстов. Каждый из обозначенных предикатов формирует образ представителя власти и представителя населения, и заявителю необходимо найти именно такой образ, который позволит представителю власти совершить адекватные ситуации действия. Оценить же результативность стратегии вовлечения представителя власти в личную сферу просителя, хоть последнее и является элементом письменного ритуала обращения к власти, очень сложно. Проведенный нами анализ показывает, скорее, ее неэффективность.

Представляется, что в современном коммуникативном пространстве нет полноценного **языка власти**, одинаково понятного и власти, и народу. Это обстоятельство ставит перед обеими сторонами властных отношений проблему взаимопонимания, которое является необходимым условием общественной толерантности.

Раздел VI

**Лингвотехнологические
аспекты культурных практик
толерантности**

Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров

Традиции и новации в методике
преподавания русского языка
как иностранного:
к проблеме толерантности

В современной методике уже не вызывает сомнения тот факт, что преподавание русского языка как иностранного (далее: РКИ) направлено на обеспечение межкультурной коммуникации.

При этом в научно-методических исследованиях последних лет представление национально-культурной специфики общения ориентировано на выявление тех средств выражения, которые, связывая культуру и язык, реализуются в коммуникативном процессе.

Конкретные высказывания носителей языка очень часто появляются не в результате их конструирования, а как воспроизведение устоявшихся в памяти (применительно к ситуации и с учетом характера отношений с речевым партнером) речевых блоков, сочетаний слов, целых предложений, цитат, ассоциаций. Эта мысль кажется продуктивной для определения новых направлений в методике обучения РКИ. Ведь знание того или иного речевого фрагмента, которым оперирует носитель языка, определяется языковым опытом, памятью, в том числе и ассоциативной, ранее имевшими место мыслительными усилиями, воспоминаниями, переживаниями и т. п. При этом в процессе продуцирования речи грамматика отступает на второй план, отложившиеся в памяти коммуникативные фрагменты сращиваются с помощью речевых швов [Гаспаров 1996]. Методический выход концепции Б. М. Гаспарова (лингвистика языкового существования) удачно монтируется с предложенной идеей наличия выразительных средств национально-культурной специфики.

Карнавализация окружающей действительности в переломный момент жизни российского общества стимулировала карнавализацию русского языка. Языковые игры, которые раньше осуществлялись в пространстве художественного текста, вдруг стали применяться повсеместно, и в особенности в языке средств массовой информации, где наблюдается деформация фразеологизмов, цитат, прецедентных высказываний, афоризмов и царит общий дух травестирования.

Использование современного русского языка стало нестандартным. Стремясь соответствовать, причем как можно быстрее, процессам развития российского общества, язык стал меняться аномально ускоренными темпами. Опровергаются и ссылаются в запасники идеологические формулы, происходят оценочные замены понятий, русские и общечеловеческие категории все чаще получают иностранные наименования. Налицо эйфория освобождения от осторожности в выборе выражений. Текст становится многомерным, многопространственным, часто состоит целиком из иноконтекстных или видоизмененных цитат, характеризуясь наложением смыслов и предполагая активное соучастие получателя информации в их расшифровке, задавая горизонтально ассоциативный маршрут нового вертикального контекста, новой смысловой парадигмы. Буквального понимания становится все меньше и меньше, даже в обыденной речи (см.: [Касавин 2003]).

Языковые средства, которые выявил и заставил заметить языковой карнавал, значат больше, чем они означают. Обзор этих средств выражения показывает, что их невозможно связать с какой-либо лингвистической категорией: словом, словосочетанием, предложением, фразеологизмом, клише, метафорой. Они трансуровневы, поскольку относятся фактически к коммуникативным фрагментам (недаром употребление каждого из них можно сопроводить словами «как говорится»). Поэтому представляется целесообразным предложить для этих средств выражения особый термин — логозпистема, и в перспективе разработать основы соответствующей теории — логозпистемологии (см.: [Костомаров, Бурвикова 2000; Бурвикова, Костомаров 2003]).

Логозпистема — маргинальный знак, адекватное понимание которого предполагает способность ориентироваться и в области кода (язык), и в области сообщаемой этим кодом информации (культура).

В логоэпистемы человек облакает мысли, желания; логоэпистемы создаются как артефакты для передачи результатов своей культурной деятельности другим людям. Человек с детства усваивает логоэпистемы — разновидность коммуникативных фрагментов: в результате воспитания и образования в самом широком смысле слова, и направленного обучения в школе и в вузе, и через саму языковую среду, в которой он живет. Образование при этом понимается как возможность правильного в рамках соответствующей культуры истолкования культурных и языковых смыслов.

Поиск механизмов и единиц взаимодействия языка и культуры мы связываем с пониманием их как этнокультурных адаптаций общечеловеческого мировосприятия в форме ментальных конструкций и соответствующих вербализаций. Такой подход создает благоприятные условия для преподавания языка. Будучи противоположным распространенному тезису о невозможности познания других миров, он предлагает реальную основу для диалога культур и продуктивного преподавания языка, прежде всего — русского языка XXI века.

Логоэпистема определяется как языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате создания и постижения ими духовных ценностей отечественной и мировой культур. С точки зрения лингвистики, такая единица имеет словесное выражение, является указанием на породивший ее текст или ситуацию: в процессе коммуникации она не создается заново, но возобновляется, а также может видоизменяться в пределах сохранения опознаваемости. С точки зрения культурологии, эта единица характеризуется указанием на некоторый факт культуры, семиотичностью и символичностью, герменевтичностью и дидактичностью.

Логоэпистемы, с одной стороны, являются непосредственными материальными единицами, служащими символами действий, фактов и мифов, этикетками привычек и ритуалов, материализуя национальную духовность, историческую память, образуя костяк этнокультурной ментальности. С другой стороны, они как ментальная составляющая жизни отдельного человека и всего этноса в его истории, в его «национальной идее», иррациональны и субъективны. Примеры логоэпистем: *Не дай бог увидеть русский бунт: бессмысленный и беспощадный; Тридцать три богатыря; А судьи кто?; Бояться, как черт ладана.*

В современном русском языке имеют место активные процессы, стимулированные следующими факторами: «распространение просвещения, территориальные перемещения народных масс, создание новой государственности, развитие науки, техники, международных контактов; фактор активного действия средств массовой информации (печать, радио, телевидение), а также фактор социально-психологической перестройки личности в условиях новой государственности и, соответственно, степени адаптации ее к новым условиям» [Валгина 2001: 8].

Эти процессы по-своему отражены в лексике, фразеологии и грамматике. Соответственно, меняется сфера приложения интересов собственно лингвистики, ведутся споры о смене исследовательской парадигмы.

При таких интенсивных изменениях в русском языке и в теории его описания правомерно ожидать переоценки сложившихся ценностей и в сфере методики преподавания русского языка иностранцам. Постоянно изменяется содержание учебного предмета РКИ, поэтому перемены не могут не коснуться отбора языкового материала и осмысления закономерностей его употребления в речи. К тому же, учитывая особенности нынешнего языкового русского бытия, разумным представлялось бы оценить с современных позиций некоторые достаточно популярные теории усвоения языка.

Сколько существует методика преподавания РКИ, столько же говорят о необходимости приучать иностранца, изучающего русский язык, мыслить на нем. Особенно это относится к аудиовизуальному методу и к разнообразным интенсивным методам. Но что значит — мыслить на изучаемом языке? Это значит — в первом приближении — обозначать с помощью взятого из изучаемого языка знака предмет, лицо, ситуацию, действие, качество и т. п. без посредничества такого же знака, услужливо предлагаемого родным языком. А может быть, в следующем приближении, точнее будет назвать это «мышление» навыком достаточно быстрого выбора (применительно к предмету, лицу, ситуации, действию, качеству) нужной словоформы, словосочетания, выражения, извлеченного из ресурсов памяти, хранящей изученный русский языковой и речевой материал?

Мы опять, таким образом, возвращаемся к лингвистике языкового существования. Интенсивные методы, как нам кажется, приносят успех не столько потому, что апеллируют к подсозна-

нию, а потому, что предлагают к повторению большое количество коммуникативных фрагментов. А подобное повторение может эффективно обеспечить особым образом организованная языковая среда.

Современная лингвистика начинает активно использовать определенные когнитивные установки (см.: [Баранов, Добровольский 1997]). Это разрушение идеологии структурализма, обращение к мыслительным категориям, установление связей языкового выражения со структурами знаний и процедурами их обработки, реабилитация тенденции экономии языковых усилий, признание коммуникативной значимости нелинейных структур, ориентация не только на норму.

Методика преподавания иностранных языков (в особенности — русского языка как иностранного) всегда ориентировалась на лингвистику, реже — на психологию (расхожее мнение — пусть лингвисты (психологи) скажут нам, что такое язык и владение им, а мы уж этому научим). Идеология структурализма в методике преподавания РКИ выявилась при изучении языкового материала в структуре предложения с помощью речевых образцов. Изучаемое слово, словоформа, словосочетание помещались в предложение. Конструирование речи на русском языке иностранные учащиеся начинали с предложения (в сравнении с временами переводно-грамматического метода). Такой подход долгое время считался революционным. Если учащийся находился вне языковой среды, он проделывал это до тех пор, пока в его памяти не накапливалось определенное количество речевых фрагментов, позволявших автоматически извлекать из памяти нужный фрагмент (в готовом виде).

В языковой среде, естественно, этот процесс убыстрялся, и постепенно конструирование отходило на задний план. Но преподаватель тем не менее был настроен на конструирование. Он старательно исправлял ошибки и соответствующим образом готовил учебный материал. И даже если «продвинутый» учащийся на занятиях уже не конструировал, а извлекал из памяти языковые фрагменты, преподаватель этот процесс проследить не мог, да и не испытывал такого желания.

То есть учебный процесс строился в зависимости от глубинной преподавательской установки на конструирование, пусть даже это облекалось в рамки методов с привлекательными, но никак не изменяющими состояние обучения названиями.

Обращение к мыслительным категориям в методике XX века

закключалось в уже упоминавшемся лозунге — мыслить на изучаемом языке. Отдельные смелые преподаватели пытались проводить аналогию процесса усвоения иностранного языка с процессом усвоения родного языка ребенком, но дальше деклараций дело не пошло.

Тенденция языка к экономии языковых усилий была отражена разве что в неполных репликах диалогов, обычно сопровождающих текст учебника или пособия. Проблема коммуникативной значимости нелинейных структур при общем стремлении к буквальному пониманию вообще не ставилась. Ориентация преподавания только на литературную норму отражалась на содержании обучения — например, молодежный сленг, всегда вызывающий интерес иностранцев, не мог быть включен даже в спецкурс.

Не резки ли высказанные выше соображения по отношению к традициям преподавания РКИ? Не следовало ли нам проявить больше терпимости? Представляется, что мы стремились подготовить почву для дальнейшего взаимодействия сложившихся тенденций и нового. Вышеописанные традиции методики не могли быть иными: и они не были плохими — они вполне соответствовали времени, самоопределению питающей их лингвистики, отношению общества того времени к изучению иностранных языков. Сейчас в методику РКИ приходит новое поколение преподавателей; многие представители этого поколения овладевали иностранными языками в языковой среде (чего, к сожалению, были лишены их предшественники). Поэтому, сами не конструируя речь на иностранном языке, а вспоминая в определенной ситуации тот или иной языковой фрагмент, они не будут требовать конструирования речи от своих учеников на том этапе, на котором ученики продемонстрируют уже некоторую самостоятельность.

Каков же вывод — не конструировать речь на изучаемом языке, а извлекать из памяти заложенные речевые фрагменты и комбинировать их в речи? Это теория языкового существования Б. Гаспарова в ее практическом аспекте. Может ли эта мысль вызвать толерантное отношение в среде преподавателей РКИ, очень много сделавших для развития и функционирования этой отрасли?

Высоким уровнем толерантности методический менталитет не отличался. Его особенностью всегда были споры. Спор уместен и в рамках толерантности, если он не переходит в ссоры школ. Ведь, как известно, худой спор лучше доброй ссоры...

И. П. Лысакова

Методологические аспекты обучения тактикам толерантности на родном и на иностранном языках

Семантика толерантности как коммуникативно-прагматической категории связана с *терпимостью* к «чужому», «другому», а следовательно, в поведенческом плане — с поиском компромисса и нерасположенностью к конфликту. Толерантность является важнейшей категорией *межкультурной коммуникации*. Это общее социально-философское понятие активно разрабатывается в этнопсихологии, в социальной психологии, в социолингвистике. Рассмотрим различные аспекты исследований по межкультурной коммуникации, чтобы учесть их при обучении тактикам толерантного общения.

Успешность межкультурной коммуникации особенно остро волнует человечество начиная с конца XX века, когда стала очевидной необходимость выживания в условиях мультикультурного мира. Лингвистика, изучающая естественный язык как средство общения, является одной из приоритетных отраслей знания в сфере исследования процессов мирной коммуникации людей разных этносов. Обучение успешной «межкультурной коммуникации» — важный методический принцип при изучении иностранных языков; он связывается с обучением «адекватному взаимопониманию участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [Верещагин, Костомаров 1990: 26].

Родиной учебной дисциплины «Межкультурная коммуникация» являются Соединенные Штаты Америки, эта «страна эмиг-

рантов», в «плавильном котле» которой соприкасались, сталкиваясь или сливаясь, привычки, обычаи и традиции людей разных культур и стран. Названная учебная дисциплина преподается в каждом университете Соединенных Штатов. Исследователи этой проблематики создали Общество межкультурного воспитания, обучения и исследований (SIETAR-Society for Intercultural Education, Training and Research), которое проводит международные и всеамериканские научные конференции, издает журналы и учебные пособия на самые разнообразные темы, волнующие людей в мультикультурном обществе: *язык и культура, коммуникативные стратегии и стили общения, взаимодействие культур при обучении второму языку, организация эффективного сотрудничества внутри мультикультурного коллектива учащихся, межкультурное приспособление в разноязычных семьях* и др.

Ключевое понятие американских исследований по межкультурной коммуникации — **diversity (различия)**. Исследователи (Milton J. Bennet, Larry A. Samovar, Richard E. Porter, R. Michael Paige, Rosita Albert, Barbara Kappler [Basic concepts 1998; Culture 1999; Samovar, Porter 1995]) анализирует такие явления, как *конфликт, этноцентризм, адаптация, взаимодействие (интеракция), идентичность, ценности, «плавильный котел», переходный шок, мультикультурное образование, политкорректность, культурная мозаика, стиль общения, культурный стиль, речевая коммуникация* и др.

Содержание учебных занятий по дисциплине «Intercultural Communication», на которых я присутствовала в Университете Миннесоты в 2001 г., охватывает опыт общения в разных странах (активно используются личные впечатления студентов; обсуждаются литературные тексты и фильмы). Акцент на таких занятиях делается на обсуждении конфликтных ситуаций и способов их преодоления. Прагматическая направленность этих занятий на поиск компромисса стала особенно актуальной в американских университетах после 11 сентября 2001 г., и это стимулирует развитие «Intercultural Communication».

Методика обучения бесконфликтному общению пока эмпирична. Для развития ее научных основ необходимо создать банк данных из многочисленных элементов коммуникативных ситуаций, так как именно расчлененность явления, по словам академика Л. В. Щербы, позволяет изучать составные элементы в изолированном виде: тогда «формула “попробуем” уступает место созна-

тельно построенному эксперименту над искусственно изолированным явлением» [Щерба 1974: 9]. Попытаемся определить элементы коммуникативных ситуаций, которые можно использовать для моделирования толерантного дискурса.

Базовая сема толерантного дискурса — *множественность*; в терминологической парадигме лингвистики это понятие связано с *вариативностью*. Вариативность — предметная область функциональной стилистики и социолингвистики. Наиболее точным аппаратом, ориентированным на изучение межкультурной коммуникации, сегодня располагает социальная лингвистика. Основной операционной единицей социолингвистического анализа являются *социолингвистические переменные (стратификационные и ситуативные)* [Швейцер, Никольский 1978: 66–85] — языковые и речевые корреляты стратификационной и ситуативной вариативности коммуникативного акта. Так как стратификационная и ситуативная вариативность определяются достаточно точно (социальный статус, социальная роль коммуникантов и пр.), то и речевые корреляты этих вариантов доступны изучению и моделированию (см.: [Крысин 1989; Земская, Крысин 1998] и др.). Представители московской школы функциональной социолингвистики планомерно рассматривают зависимость речевого поведения от социального статуса, возраста, социальной роли участников общения, их социальных установок и ценностей.

Зарубежные и российские исследователи второй половины XX века значительно расширили набор детерминантов речевого поведения. Один из наиболее известных американских социолингвистов Д. Хаймс предложил включать в модель социальной детерминации речевой деятельности такие факторы, как *форма, содержание и тема* сообщения, мотивируя это зависимостью выбора речевых вариантов от *темы* разговора (*бытовая тема* — разговорная лексика; *обсуждение политической обстановки* — книжная и терминологическая лексика), от *обстановки* (время, место) и «*сцены*» (официальная, торжественная или неформальная, непринужденная тональность) речевого акта (см.: [Hymes 1972]). В число компонентов данной модели входят не только *участники коммуникативного акта* (говорящий, слушающий / аудитория), но и условия их взаимодействия (например, речь детей в присутствии взрослого иная, чем в его отсутствие; речь представителей одной культуры в присутствии человека из другой культурной среды

отличается от речи без посторонних, и т. д.). Формула Д. Хаймса в последние годы значительно дополнена К. А. Долининым [Долинин 2001: 17–24] и конкретизирована на русском материале Н. И. Формановской, которая предлагает обобщенный классификационный минимум речевых актов: *репрезентативы* — сообщения, *комиссивы* — обязательства, *директивы* — побуждения, *рогативы* — вопросы, *декларативы* — объявления (декларации), *экспрессивы* — выражения эмоций, *контактивы* — выражения речевого этикета [Формановская 1998: 156]. Содержащиеся в работах Н. И. Формановской примеры анализа различных коммуникативных актов и коммуникативных неудач подтверждают мнение автора о больших возможностях теории речевых актов для оптимизации современной методики обучения иностранным языкам, а следовательно, и межкультурной коммуникации. И хотя термин *межкультурная коммуникация* не используется автором (Н. И. Формановская говорит о «национально-специфичных фрагментах речевого поведения в социостилистических вариантах» [Там же: 259]), книга «Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения» — одно из немногих теоретических исследований на русском языке, посвященных изучению вербальной и невербальной межкультурной коммуникации.

Особого внимания при изучении коммуникативных аспектов толерантности заслуживают работы И. А. Стернина, который в 1989 г. ввел в научный оборот российской науки термин *коммуникативное поведение* [Стернин 2002в], обозначив этим термином «совокупность норм и традиций общения определенной группы людей». И. А. Стернин создал теоретический аппарат описания коммуникативного поведения [Стернин 2000б] и доказал, что при обучении иностранному языку необходимо обучать *коммуникативному поведению* в различных ситуациях и сферах общения. Среди ключевых понятий теории коммуникативного поведения (их определено более 40) ученый называет *национальное коммуникативное поведение*, *коммуникативную культуру*, *коммуникативные нормы*, *коммуникативные традиции*, *коммуникативный шок*, *коммуникативные табу* и др. [Стернин 2001г]. Помимо понятийного аппарата, И. А. Стернин создал методику описания коммуникативного поведения. Эта методика, апробированная его учениками и последователями в Воронежском государственном университете, на наш взгляд, может быть активно использована на учебных занятиях.

И. А. Стернин определяет коммуникативный аспект толерантности как «коммуникативное поведение личности, в котором соблюдается принцип вежливости, доминируют недирективные речевые акты, отражающие внимательное, тактичное отношение к собеседнику, а также преобладают речевые стратегии и тактики, характерные для бесконфликтного общения» [Стернин, Шилихина 2001: 96] Какие тактики коммуникативного поведения можно отнести к толерантным? Авторы книги «Коммуникативные аспекты толерантности» называют тактики *уступки, подбадривания, комплимента, согласия, уговора, переговоров, авансирования, ухода от неприятной темы* [Там же: 73]. Среди параметров толерантного общения И. А. Стернин выделяет *стремление к достижению компромисса* (высокое, заметно пониженное, низкое отсутствует), *публичное обсуждение разногласий* (допустимо, недопустимо), *категоричность выражения несогласия* (очень высокая, заметная, пониженная, низкая, отсутствует), *настаивание на своей позиции* (очень широко используется, достаточно широко используется, редко используется), *допустимость инакомыслия* (приветствуется, допускается, не поощряется, осуждается) и др. [Стернин 2000а]. Некоторые из выделенных параметров, на наш взгляд, могут характеризоваться как *тактики*, например *категоричность выражения несогласия или настаивание на своей позиции*. И в научном, и в методическом планах очень важно определиться в дефинициях терминов и в содержании понятий, потому что обучение толерантному общению на родном и на иностранном языках предполагает опору на сознательное усвоение норм коммуникативного поведения. Какова же дефиниция речеповеденческой тактики?

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров в работе о концепции речеповеденческих тактик дали такое определение РП-тактики: «это предпосылка (программа) соответствующего речевого и невербального поведения, которую член языкового коллектива усвоил в процессе социализации» [Верещагин, Костомаров 1999: 14]. В докладе на X Конгрессе МАПРЯЛ Е. М. Верещагин уточняет это определение: «РП-тактика — это (в границах определенной речеповеденческой ситуации) однородная по интенции и реализации установка, стоящая за вербальным поведением коммуниканта и входящая в его усилия ради достижения стратегического перлокутивного эффекта. РП-тактика ...состоит из вербальных (т. е. речевых) актов, а также из актов поведенческих(нередко в переплетении)»

[Верещагин 2003: 364–365]. Рече-поведенческие тактики имеют национально-культурные особенности, поэтому авторы концепции считают, что необходимо систематическое описание (хотя бы в основных сферах современного общения) речеповеденческих тактик для каждого национального языка, так как это описание «откроет ментальные скрепы, восходящие к фундаментальной и единой духовной ценности национальной культуры» [Верещагин, Костомаров 1999: 19]. Таким образом, изучение речеповеденческих тактик В. Г. Костомаров и Е. М. Верещагин связывают с изучением сознания и ментальности.

Концепция речеповеденческих тактик опирается на понятие *речевого действия*, представляющего собой минимальную единицу речевого общения, совмещающую интенцию и содержание. Это понятие было введено в методику русского языка как иностранного коллективом авторов труда «Пороговый уровень русского языка для повседневного общения» [1996].

В «Пороговом уровне» дана типология речевых действий [Там же: 18–46] и описано понятие *тактики общения* как последовательности интенций для достижения коммуникативной цели. В основу типологии речевых действий «Порогового уровня» положено такое их интенциональное содержание, которое способствует *успешности* непосредственного общения, в то время как главная цель общения манифестируется как достижение взаимопонимания и взаимодействия [Там же: 17]. Стремлением к толерантной коммуникации на иностранном языке мотивировано обучение уже на пороговом уровне таким речевым действиям, как *коррекция, выяснение и уточнение* информации; *предложение* совместного действия, *согласие* с предложением, *просьбой; совет, побуждение, поощрение* к началу действия и др. Специальный раздел посвящен обучению речевого этикета. Здесь представлены 23 позиции: от *привлечения внимания* до *ответа* на благодарность, на комплимент, на поздравление и др. [Там же: 20–21].

Симптоматично, что типология речевых действий опирается на мотивы и цели говорящего, объем и сходство знаний о мире участников общения, на их взаимоотношения, на статус и социальные роли коммуникантов. Эти позиции положены авторами и в основу формирования «коммуникативной компетенции», которая является главной целью обучения иностранному языку. Авторы «Порогового уровня» выделяют шесть видов компетенций:

лингвистическую, социолингвистическую, дискурсивную, социокультурную, социальную и стратегическую. Таким образом, социолингвистическая компетенция стоит на втором месте после лингвистической. Она определяется авторами как «умение выбрать нужную лингвистическую форму, способ выражения, в зависимости от условий коммуникативного акта: ситуации, коммуникативной цели и намерения говорящего, социальной и функциональной роли коммуникантов, взаимоотношений между ними и т. п.» [Там же]. Это определение социолингвистической компетенции соответствует тому качеству речи, которое Аристотель в своей «Риторике» назвал *уместностью*. Другой великий ритор — Цицерон — считал *уместность* главным свойством успешности общения оратора с аудиторией.

О том, насколько важен уместный выбор лингвистической формы для создания толерантной коммуникации, свидетельствует работа С. Эрвин-Трипп [Ervin-Tripp 1972] о выборе речевого варианта *обращения* в коллективе преподавателей американского университета. Показателен список селекторов, определяющих выбор речевой формы: *ситуация с маркированным статусом* (зал суда, зал ученого совета, Конгресс и др.), *родственник, друг, коллега, возраст* (адресат старше, младше адресанта), *мужчина, женщина* и др. Мы знаем, как часты конфликтные столкновения из-за некорректного использования формы обращения в русскоязычной аудитории (Ср., например, обращение «мамаша» к женщине средних лет в автобусе: — *Мамаша, вы выходите на следующей остановке ? — Какая я вам мамаша?!* или обращение иностранного студента к русскому пожилому преподавателю по имени без отчества: *Привет, Татьяна!*). В русских семьях есть огромный спектр суффиксальных образований для разных эмоциональных оттенков имени. Игра этими оттенками создает душевную ауру семьи, служит сигналом близости или отчуждения в отношениях между людьми и маркирует настроение адресанта (ср. *Танюша* и *Танька*, *Татьяна* и *Тата*, *Танечка* и *Танюха*). Обучение выбору номинации в обращении к адресату имеет существенное значение для формирования толерантного акта общения как в семейной, так и в деловой обстановке.

Для создания теории толерантной коммуникации в поликультурном сообществе важны разные дисциплинарные подходы. А. Д. Швейцер считает, что перспективны *комплексные* исследо-

вания речевой деятельности с учетом всего многообразия ее социальных детерминантов: обстановки, сферы использования языка, ролевых отношений между коммуникантами и всех других определителей речевого акта. Такие исследования помогают вычленять формы некорректного (нетолерантного) общения, социально значимые речевые действия, маркирующие напряжение в коммуникативной ситуации. В качестве примера А. Д. Швейцер приводит анализ речевого поведения билингвов в социально-историческом контексте (роман Л. Н. Толстого «Война и мир») [Швейцер, Никольский 1987: 169–176]. Социальную информацию несет сам факт выбора (предпочтения) французского или русского языка героями романа. Использование того или другого варианта играет роль социального символа и отражает намеренное отчуждение говорящего от собеседника, маркируя его принадлежность к другой культуре и мировоззрению. Например, в отличие от князя Василия Курагина, старый князь Болконский почти никогда не переходит на французский язык, демонстрируя таким образом свою неприязнь к великосветским нравам. Выбор речевого варианта в данном случае отражает ценностную ориентацию личности.

Поведенческие нормы, принятые в разных культурах, требуют различных речевых и неречевых реализаций в одной и той же ситуации. Определение селекторов для описания речевого поведения в толерантном дискурсе дает возможность моделировать коммуникативное поведение представителей разных этнических групп. Конечно, моделирование упрощает реальный процесс, но правильный выбор селекторов описания помогает найти существенные признаки речевой модели, которая может быть использована для создания толерантного дискурса. Образцы толерантного поведения могут быть описаны в социалингвистических терминах с опорой на выбор определенной стратегии социалингвистических переменных или с помощью логической модели, когда социальные факторы, ограничивающие выбор речевых средств и определяющие его, могут быть представлены в виде последовательности селекторов. В идеале каждый селектор должен основываться на бинарной оппозиции социальных признаков. Было бы желательно установить иерархию этих признаков, выявить относительную силу их влияния на речевое поведение.

Множество переменных величин, сложность и неоднозначность выбора речевых вариантов в каждой ситуации определяют *интер-*

претационный характер модели толерантного дискурса, хотя, безусловно, в ряде случаев она может иметь и *предсказательную* силу.

Выявление социолингвистических переменных в разных культурах имеет большое значение для обучения через иностранный язык стратегиям и тактикам толерантной коммуникации, чтобы чужое слово было *понято* и *принято* собеседником с учетом отраженных в нём норм *другой* культуры. При описании речевых формул, коррелирующих с определенными социальными признаками, и использовании их при обучении иностранному и родному языкам необходимо иметь в виду, что применительно к социолингвистике норма — это совокупность правил, устанавливающих списки социально приемлемых вариантов и конкретизирующих социальные условия их употребления. Даже в пределах литературного языка норма характеризуется вариативностью в социальном измерении.

А. И. Дунев

Толерантность как свойство учебного текста

Появление толерантности в качестве одной из западноевропейских культурных ценностей в культуре русской, своеобразно преломляющей и вбирающей в себя европейское и азиатское, не осталось незамеченным гуманитарными науками. Осмысление толерантности с позиций современной лингвистики позволяет говорить о толерантности как о лингвокультурологической и коммуникативно-прагматической категории, находящей различные способы проявления как в языке, так и в речевой коммуникации.

Понимая толерантность как лингвокультурологическую и коммуникативно-прагматическую категорию, мы видим возможность приложения этого относительно нового понятия к анализу языковых явлений, непосредственно связанных с речевой коммуникацией и культурно-речевой ситуацией.

Содержательный аспект рассматриваемой категории неоднозначен. Одним из способов проявления толерантности можно считать категорию вежливости (респективности). Но, как отмечается в «Теории функциональной грамматики» [ТФГ 1987: 31], категория вежливости (респективности) имеет специфический статус в русском языке и не может быть поставлена в один ряд с категориями онтологической направленности (такими как бытийность, локативность, качественность, количественность, темпоральность и др.). Иной аспект проявления толерантности отражается в со-

пряженности с категорией адресованности и связан с выбором средств адресованности в речи и тексте.

О. А. Михайлова соотносит понятие толерантности с двумя лексико-семантическими полями: одно из них — «свойство, качество», а другое — поле «отношения» [Михайлова 2003: 103].

Толерантность как отношение — это, скорее, явление дискурса, чем текста, которое нельзя рассматривать вне среды функционирования объекта. Обнаруживая функциональный аспект толерантности, попытаемся интерпретировать рассматриваемую категорию и явление в парадигме «система — среда». Толерантность — такое соотношение элементов системы и среды, при котором система в ее функционировании не вступает в противоречие со средой. Такое понимание толерантности применимо при исследовании языковой нормы в ее развитии и функционировании (см.: [Вепрева 2003]). В качестве многоуровневых отношений системы и среды возможно рассматривать толерантность при изучении таких языковых феноменов, как языковая игра, языковая рефлексия.

Несомненно, что толерантность — это оценочная категория, выражающая непротиворечивые взаимоотношения системы и среды: наличие антагонистических, противоречивых, взаимоотрицающих отношений может характеризоваться как интолерантность.

Применительно к тексту толерантность может быть рассмотрена как свойство языковой личности, речевой коммуникации и даже самого текста.

Прикладной аспект, связанный с изучением толерантности, обнаруживается при анализе учебно-научных фрагментов из школьных учебников по русскому языку. Так как учебная коммуникация в большинстве случаев не предполагает равноправия, паритетности субъектов (учитель — ученик), то важно, что носителем толерантности как культурной ценности может стать учебный текст.

Для анализа способов выражения толерантности при передаче научных знаний в учебном тексте нами выбраны параграфы «Виды глагола» в нескольких современных школьных учебниках по русскому языку. Этот выбор обусловлен тем, что, с одной стороны, вид русского глагола — слабо интенциональная (слабо осознаваемая) категория [Бондарко 1996: 70], с другой — знание и умение определять вид глагола связано с овладением нормами образования глагольных форм, правописания отглагольных прилагательных и построения полипредикативных конструкций.

При анализе учебно-научного текста перед нами встает ряд вопросов. *Какие параметры учебного текста отражают толерантность? Как жанровая специфика связана с проявлением толерантности? Какие средства текстовой модальности способствуют проявлению толерантности / интолерантности? Как характер и средства адресованности влияют на трансляцию толерантности в учебном тексте?*

В учебнике «Русский язык» для 5 класса (Русский язык: 5: Учеб. для общеобразоват. учреждений / Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. Т. Григорян и др. 21-е изд. М. : Просвещение, 1994) в параграфе 99 «Виды глагола» на с. 258 представлены самые общие сведения о грамматической категории вида русского глагола.

Глаголы бывают совершенного и несовершенного вида.

Глаголы несовершенного вида отвечают на вопросы: *что делать? что делал? что делаю? что буду делать?*

Глаголы совершенного вида отвечают на вопросы: *что сделать? что сделал? что сделаю?*

В этом учебнике текст преподнесен как правило, которое нужно выучить и запомнить. В тексте доминирует реальная модальность. Информация представлена как исчерпывающая, истинная (отсутствует аргументация), требующая заучивания. Текст состоит из трех высказываний и полностью дан полужирным шрифтом. Значок около текста указывает, что он содержит теоретические сведения. Небольшой объем и шрифтовое выделение подчеркивают, что перед читателем-учеником самая главная информация параграфа, которую следует заучить наизусть.

В учебнике «Русский язык: Теория. Практика. Речь» для 5 класса (Русский язык: Теория. Практика. Речь. 5 класс: Учеб. для общеобразоват. учеб. заведений / Под ред. П. А. Леканта. М.: Дрофа, 2000) на с. 311 соответствующая информация выглядит так:

Все глаголы имеют значение **вида**. Глаголы бывают совершенного и несовершенного вида.

Глаголы **несовершенного вида** отвечают на вопрос *что делать?* и обозначают действие, не имеющее предела.

Глаголы **совершенного вида** отвечают на вопрос *что сделать?* и обозначают действие, имеющее предел.

Глаголы, которые различаются только грамматическим значением вида, называются **видовой парой**.

Это текст-информирование. Преобладает модальность реаль-

ных действий. Текст делится на 4 части, каждая начинается с новой строки. Обращает на себя внимание выделенность терминов.

В учебнике «Русский язык: Теория» (Бабайцева В. В., Чеснокова Л. Д. Русский язык: Теория. 5–9 кл.: Учеб. для общеобразоват. учреждений. 11-е изд. М.: Дрофа, 2002; 6 класс) на с. 120–121 находим иной способ представления знаний о видах русского глагола.

Глаголы бывают совершенного и несовершенного вида. Вид определяется по вопросам. Глаголы **несовершенного вида** отвечают на вопрос *что делать?: говорить*. Глаголы **совершенного вида** отвечают на вопрос *что сделать?: сказать*.

Глаголы несовершенного вида указывают на продолжительность и повторяемость действия: прыгал (долго и много раз).

Глаголы совершенного вида указывают на результат действия. Так; глагол *выучить* обозначает, что действие достигло результата. Глагол несовершенного вида *учить* значения результата не имеет: можно что-то учить, но не выучить. Глаголы совершенного вида могут также обозначать однократные действия: *прыгнул* (совершается один раз) и начало или окончание действия: *запеть, спеть*.

Глаголы несовершенного и совершенного вида могут различаться оттенками значений. Так, глаголы *делать — сделать, разрушать — разрушить, подписывать — подписать* различаются только видом. А глаголы *писать — переписать, ехать — приехать* различаются не только видом, но лексическим значением.

Перед нами текст-объяснение, требующий понимания. Модальность реального действия сопряжена с модальностью возможности. Информация представлена как истинная, но логически и эмпирически проверяемая (верифицируемая). Текст состоит из трех абзацев и включает в себя 14 высказываний.

Еще один научно-учебный текст, освещающий категорию вида русского глагола, содержится в учебнике «Русский язык. Теория» для 5–11 классов (Бабайцева В. В. Русский язык. Теория. 5–11 классы. Учебник для общеобразовательных школ, гимназий, лицеев с углубл. изуч. рус. яз. 4-е изд. М.: Дрофа, 2002) на с. 165–167.

В русском языке различаются глаголы несовершенного и совершенного вида.

Вид глагола можно определить по вопросам.

Глаголы **несовершенного вида** отвечают на вопрос *что делать?: читать*. Глаголы **совершенного вида** отвечают на вопрос *что сделать?: прочитать*.

Глаголы несовершенного вида указывают на продолжительность и повторяемость действия: прыгал (долго и много раз).

Виды глагола служат для выражения тончайших смысловых оттенков в протекании действия. Однако выделить какое-либо одно различие между видами трудно. Смысловое различие между видами русского глагола — это «непокоренная вершина» («Энциклопедический словарь юного филолога»).

Основное различие в значениях видов: 1) несовершенный вид обозначает длительное, продолжающееся действие; 2) совершенный вид — законченное, завершённое действие.

Глаголы совершенного вида обозначают действие, достигшее результата (достигнутый результат). Так, в словосочетании *прочитать книгу* есть результат — прочитанная книга. В словосочетании *изучать правило* — правило ещё только надо выучить (изучить) и т. п.

Глаголы несовершенного вида часто употребляются в описательном тексте: *Я сидел у раскрытого окна... ранним утром первого мая. Заря ещё не занималась; но уже бледнела, уже холодела темная, теплая ночь. Туман не вставал, не бродил ветерок, все было одноцветно и безмолвно... но чуялась близость пробуждения — и в поревшем воздухе пахло жёсткой сыростью росы* (И. С. Тургенев).

Глаголы совершенного вида часто употребляются при повествовании:

Осторожно ветер
Из калитки вышел,
Постучал в окошко,
Пробежал по крыше,
Поиграл немного
Ветками черемух,
Пожурил за что-то
Воробьёв знакомых.

(М. Исаковский)

Несколько пар глаголов несовершенного вида различаются по значению, которое не является видовым, но связано по способам действия: *бежать* — *бежать*, *летать* — *лететь*, *ходить* — *идти*, *плавать* — *плыть* и др.

Так, глагол *бежать* обозначает действие, которое совершается в одном направлении (однонаправленное движение):

Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана.

(А. Пушкин)

Глагол *бегать* обозначает длительное действие, не имеющее определённого направления:

Вот бегает дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив...

(А. Пушкин)

Текст представляет собой развернутое объяснение. Параграф написан преимущественно в гипотетической модальности, т. е. не отрицается возможность иной интерпретации сведений о видах глагола. Отсутствие сведений о двувидовых глаголах создает информационную неполноту, незавершенность. Информация представлена как образец для рассуждения (что подтверждается последующими заданиями). (Ср.: *Вид глагола можно определить по вопросам. Вид определяется по вопросам.*)

Во всех рассмотренных текстах «выстраивается» различный «образ читателя». Тексты ориентированы на разные способы восприятия и изучения материала: 1) прочитать и выучить наизусть; 2) прочитать и понять; 3) прочитать, понять, составить рассуждение по образцу.

Формулировка заданий представляется одним из важных типов учебно-дидактического текста. Учебно-дидактический текст транслирует толерантность прежде всего благодаря средствам адресации, таким как форма глагола: *образовать видовую пару; образуй видовую пару; образуйте видовую пару, образовывайте видовую пару; выписать глаголы совершенного вида; выпиши глаголы совершенного вида; выпишите глаголы совершенного вида; выписывайте глаголы совершенного вида.*

Продуцирующими толерантность можно считать задания, которые представляют научные знания, но не требуют заучивания наукообразных формулировок. Такие задания направлены на формирование языковых умений, способствуют непосредственному применению знаний в языковой (речевой) практике. Например: *Определите вид глаголов, распределите их по группам: а) обозначающие повторяющиеся действия; б) способность к действию; в) единичное конкретное действие.*

Другой вид — задания, развивающие способность к языковой рефлексии. *Что важнее и интереснее: читать или прочитать? Как различие действий проявляется в глаголах разных видов?*

Такие задания способствуют пониманию и признанию учащимися важности знаний, формируют у школьников деятельностный подход к языку и его изучению.

Толерантность как культурная ценность может транслироваться самим содержанием учебного текста-упражнения, может быть заложена как тематический и идейный компонент текста. Тексты с подобной тематикой часто используются в учебной практике:

это, например, тексты, посвященные этикету или мирному сосуществованию народов, наций, религий.

Толерантность в тексте проявляется не только как свойство, но и как способ преподнесения знаний.

Связь толерантности как с формой выражения знаний, так и с содержанием текста представлена объемом и способами подачи информации (смысла). Ключевым аспектом, разграничивающим толерантность/интолерантность учебного текста, является фактор адресата (ориентация на читателя, образ читателя). Ориентация на читателя школьного учебника должна учитывать не только возрастные особенности, но и целевую установку, задаваемую средствами текста.

В последнее время в учебниках и пособиях успешно используется еще одна жанрово-стилистическая разновидность учебных текстов — тексты-образцы и дефектные тексты. Такие тексты, как правило, снабжаются комментариями, объясняющими достоинства или недостатки текста. Кроме того, что образцовые и дефектные учебные тексты развивают у учеников способность к лингвистической интерпретации, они являются одним из способов толерантного обучения языку.

Таким образом, можно сказать, что толерантность учебного текста определяется его функциональной направленностью на передачу знаний и развитие умений. Важными текстовыми параметрами являются объем и степень сложности для восприятия. При создании школьного учебника учитываются возрастные особенности читателей. Различные способы трансляции толерантности связаны с жанрово-стилистической дифференциацией учебного текста: различаются учебно-научный (теоретический материал параграфа); учебно-дидактический (задания, вопросы); учебно-демонстрационный тексты (тексты-образцы, дефектные тексты). Текстовая модальность обеспечивает характер восприятия учащимися смысловой основы текста и его целевой установки. Одним из средств текстовой модальности, активно используемой авторами современных учебников, являются разнообразные параграфические средства (шрифт, размещение текста, иллюстрации и т. п.).

Приверженность толерантности расширяет обучающие возможности текста как основного инструмента на уроках русского языка.

Н. С. Павлова

Проблема толерантности в практике перевода инновативных художественных текстов (на материале произведений Ф. Кафки, П. Вайса, Б. Шлинка)

Сегодня мы все чаще слышим о процессах глобализации и интеграции, межнациональных контактах, мультикультурном социуме, всемирной паутине и межкультурной коммуникации. Это неотъемлемые характеристики современного мира, говорящие о свойственных ему постоянных процессах взаимодействия культур, наций, социумов. Формы такого взаимодействия разнообразны. В данном исследовании мы остановимся на одной из них, а именно на взаимодействии автора художественного произведения как представителя одного типа культуры с переводчиком данного произведения, относящимся к иному типу культуры.

Художественная литература — вот то, что способно объединить представителей разных эпох, социальных групп, наконец, разных наций. Зачастую именно из художественного произведения мы черпаем знания о традициях и обычаях других народов, особенностях жизни людей. Читая то или иное художественное произведение, мы вступаем в своеобразный процесс коммуникации с его автором, а следовательно, и с культурой, которую он тем или иным образом представляет в своем произведении.

Важно заметить, что любое взаимодействие предполагает определенные отношения между его участниками. При этом можно говорить либо о принятии одним участником позиции другого, понимании и акцептации его действий, согласии с ним (иными сло-

вами, о толерантности в отношениях), либо об отказе от такого принятия (интолерантности).

Переводчик, будучи транслятором иной культуры, связывает посредством перевода носителей разных языков, представителей разных культур. Его целью является одновременно и адекватная передача содержания текста, и сохранение формальных элементов, благодаря которым текст эстетически воздействует на читателя.

Так как в любом литературном произведении содержание и форма неотделимы друг от друга, качество художественного (литературного) перевода определяется тем, в какой степени удалось переводчику передать средствами языка перевода выразительность, содержательность, национальный характер произведения-оригинала. В художественном тексте функции языка реализуются в полном объеме. Кроме того, литературное произведение «непредсказуемо» в плане содержания [Koller 1997: 80], в основе его могут лежать профессиональные знания автора, которыми среднестатистический читатель не владеет. С одной стороны, это затрудняет прочтение такого произведения. С другой стороны, текст художественного произведения представляет собой определенным образом организованную систему, в которой важен каждый элемент, так как включение в эту систему предполагает актуализацию в ее рамках той или иной художественной функции данного элемента. Таким образом, вкрапление в ткань художественного произведения элементов научного стиля может рассматриваться как особенность индивидуального стиля автора. Следовательно, терминологическая лексика как элемент научной коммуникации выполняет в художественных произведениях не информационную, а скорее эстетическую функцию.

В процессе художественного перевода важно обращать внимание на формально-эстетическую эквивалентность произведения-оригинала и произведения-перевода, суть которой заключается в адекватном воспроизведении с помощью художественных средств языка перевода как формальной стороны текста-оригинала, так и его эстетических качеств. В центре внимания переводчика при таком подходе к литературному произведению находятся художественные принципы автора произведения. Именно в художественных текстах формально-эстетические характеристики приобретают конститутивное значение, и потеря их в переводе означает утрату художественности.

Еще одна особенность литературных текстов — их социокультурная обусловленность [Jörn 1998: 53]. Именно поэтому при работе с художественным произведением переводчик должен уделять внимание тому, насколько понятно носителям другого языка переложение текста-оригинала.

Как же должен действовать переводчик? Как создать текст на языке перевода, не исказив и не исправив при этом текст оригинала? Как не преступить грань, отделяющую художественный перевод текста оригинала от создания произведения «по мотивам» оригинального?

Мы попытались найти ответ на следующий вопрос: существует ли переводческая стратегия, которая позволила бы, с одной стороны, сохранить в тексте перевода национальную окраску юридических терминов, а с другой стороны, не создала бы существенных затруднений при восприятии переводного произведения читателями, которые не принадлежат к языковому сообществу автора оригинала и не владеют специальными юридическими знаниями. Основная сложность при переводе таких произведений заключается в том, что переводчик должен одновременно стремиться сохранить художественную информацию и адекватно и понятно для читателя, не владеющего понятийным аппаратом в области правоведения, представить терминологический материал.

Материалом для нашего исследования послужили роман Ф. Кафки «Процесс», драма П. Вайса «Расследование» и роман Б. Шлинка «Чтец». Эти произведения можно назвать инновативными, или ненормативными, так как: 1) они выполняют не только эстетическую, но и историческую функцию (все произведения исторически значимые — драма П. Вайса представляет собой интерпретацию реального исторического факта, роман Ф. Кафки считается одним из самых биографичных его произведений и, наконец, сюжет романа Б. Шлинка «Чтец» заключается в описании типичного для Германии 50-х гг. XX века судебного процесса); 2) их стилистическое наполнение нетрадиционно (терминологическая лексика — элемент научного стиля); 3) они рассчитаны на подготовленного читателя (обладающего знаниями в области юриспруденции).

Главная особенность указанных художественных произведений заключается в их нестандартном лексическом составе. Тематика, а также личностный фактор — юридическое образование авторов

всех произведений — обусловили проникновение в них терминологической юридической лексики. При переводе подобных ненормативных литературных текстов переводчик должен решить, в какой мере ему необходимо воспроизводить в тексте перевода указанную стилистическую особенность, значительно усложняющую восприятие произведения. Необходимо также помнить, что текст перевода должен оказать на читателя такое же эстетическое воздействие, как и текст оригинала. Восприятие текста перевода усложняется в значительной степени тем, что он, в отличие от текста оригинала, существует в другом языковом контексте, в другом текстовом пространстве. Ситуация, в которой воспринимается переведенное произведение, отличается от той, в которой существовало и воспринималось произведение на языке оригинала. В переводе утрачиваются ассоциации, которые мог вызвать текст оригинала, значения, понятные носителям языка оригинала из повседневной практики, и т. д. Поэтому зачастую при переводе художественного произведения переводчик эксплицитно добавляет утраченную информацию, прибегает к комментированию, другими словами — пытается восполнить дефицит знаний читателей текста перевода. При этом также важно сохранять целостность оригинального произведения, передавая по возможности лишь тот объем семантической информации, который содержится в оригинале. Именно поэтому пояснения, замечания к тексту произведения в переводе часто выносятся за рамки самого произведения и оформляются как сноски или комментарии.

Итак, переводчик преследует две цели: с одной стороны, понять авторский замысел, а также формы его языкового воплощения (стремиться к аналогии воздействия через аналогию изображения), с другой стороны, — передать содержание оригинала средствами своего языка максимально доступно для читателей, принадлежащих к другому культурному сообществу.

В исследованных нами произведениях может быть выделена группа слов и выражений, относящихся к языку юриспруденции. Такие единицы рассматривались нами как инновативные стилистические элементы, выполняющие в литературных произведениях специфические эстетические функции. Так, драме П. Вайса «Расследование» юридические термины и выражения придают краткость и четкость протокольной речи; в романе Ф. Кафки «Процесс» они создают метафоричность изложения; роман Б. Шлинка,

представляющий собой повествование от лица юриста, обретает большую достоверность благодаря многочисленным элементам специального юридического языка.

Из 230 слов и выражений юридической тематики, извлеченных из этих произведений, примерно половина относится к специальным юридическим терминам, например *Angeklagte* (обвиняемый), *Urteil* (приговор), *Verbrechen* (преступление), *Gericht* (суд), *Kaufrecht* (коммерческое право) и т. д. Все эти слова четко дефинированы в научных источниках и являются элементами соответствующей системы юридических понятий. Остальные слова и выражения не принадлежат к классу терминов, но употребляются в языке специального юридического общения: *Gerichtsbank* (скамья подсудимых), *vor Gericht stehen* (предстать перед судом), *Hereinführung der Angeklagten* (введение в зал обвиняемых) и т. д.

Лексика немецкого юридического языка в анализируемых литературных произведениях образует несколько групп, релевантных для переводчика:

1) слова, обозначающие денотаты, которые существуют в обоих языках (языке оригинала и языке перевода) и эквивалентны друг другу (*das Starfrecht* — уголовное право, *der Richter* — судья);

2) элементы устного и письменного общения в суде (обращения: *Herr Zeuge*, *Frau Zeugin*; *Herr Präsident*, *Hohes Gericht*, *Herr Vorsitzender*; клише: *j-n als Zeuge aufrufen*, *den Antrag stellen/ablehnen*, *das Urteil vollstrecken*, *Eingabe einbringen*);

3) «ложные друзья переводчика» (*die Robe* — мантия, *der Präsident* — председатель);

4) терминологическая лексика с ярко выраженной национальной спецификой (денотат не известен / малоизвестен носителям другой культуры: *das Schwurgericht* — суд присяжных, *der KZ-Prozess* — процесс по делу о концентрационных лагерях).

Не всегда элементы специального языка требуют от читателя (переводчика) художественных произведений определенных специальных знаний. Так, чтобы объяснить значения общеизвестных слов *Gericht* (суд), *Richter* (судья), *Zeuge* (свидетель), достаточно повседневных знаний. Гораздо важнее для переводчика суметь адекватно перевести одно и то же слово, встречающееся в разных контекстах, сохраняя при этом его эстетическое воздействие. Проиллюстрируем это следующими примерами из текста:

K. zwang sich auch zu antworten, dachte aber hauptsächlich daran, dass es

am besten sein werde, Sonntag um neun Uhr vormittags hinzukommen, da zu dieser Stunde an Werktagen alle Gerichte zu arbeiten anfangen [Kafka 1958: 29].

К. заставил себя ответить, но думал он в это время главным образом о том, что лучше всего будет в воскресенье пойти по вызову к девяти утра, так как по будням все судебные учреждения начинают работать именно в это время [Кафка 1965: 45].

Schließlich stieg er doch die Treppe hinauf und spielte in Gedanken mit einer Erinnerung an den Ausspruch des Wächters Willem, dass das Gericht von der Schuld angezogen werde, woraus eigentlich folgte, dass das Untersuchungszimmer an der Treppe liegen musste, die K. zufällig wählte [Kafka 1958: 31].

Наконец он все же поднялся по лестнице, мысленно повторяя выражение Виллема, одного из стражей, что вина сама притягивает к себе правосудие, из чего, собственно говоря, вытекало, что кабинет следователя должен находиться именно на той лестнице, куда случайно поднялся К. [Кафка 1965: 48].

В первом случае перевод слова *Gericht* не требует какой-либо конкретизации. В романе не уточняется, о каком именно суде идет речь, какова компетенция этого органа и к судам какой инстанции он относится. Поэтому переводчик позволил себе использовать обобщающее словосочетание «судебное учреждение». Во втором случае суд понимается как метафора власти вообще, соответственно *Gericht* переводится как *правосудие*.

Однако в большинстве случаев переводчику все-таки необходима специальная информация. Приведем пример из драмы П. Вайса «Расследование».

<i>Richter</i>	<i>Angeklagter Boger</i>
	<i>Wollen Sie noch etwas sagen</i>
<i>Angeklagter 2</i>	<i>Nein danke</i>
<i>Richter</i>	<i>Frau Zeugin</i>
	<i>Woher stammte diese Lili Tofler</i>
	[Weiss 1991: 104].
<i>Судья</i>	<i>Обвиняемый Богер</i>
	<i>Хотите что-нибудь сказать*</i>
<i>Второй обвиняемый</i>	<i>Нет спасибо</i>
<i>Судья</i>	<i>Госпожа свидетельница</i>
	<i>Откуда была эта Лили Тофлер [Пер. автора].</i>

* В переводе сохранена пунктуация текста-оригинала.

Используемые в этом фрагменте обращения, на первый взгляд, не представляют собой большой трудности для переводчика. Сразу бросается в глаза отличие в способе обращения к обвиняемому: *Angeklagter Boger* — и к свидетельнице: *Frau Zeugin*. Внимательный переводчик сразу отметит наличие в первом абзаце оценочного отношения автора ко всем перечисленным в произведении обвиняемым. Ведь в соответствии с нормой немецких процессуальных обращений к обвиняемому применимо обращение *Herr* (господин), *Frau* (госпожа)*. Отсутствие этих слов в тексте драмы П. Вайса, вероятно, отражает негативное отношение автора к обвиняемым. При переводе на русский данная негативная оценка теряется, так как строгое обращение *Подсудимый* (обвиняемый) — обычный способ называния этого участника процесса на русском языке. Таким образом, выражение негативного отношения автора к этому лицу можно компенсировать с помощью подчеркнуто вежливого обращения к свидетельнице. По нашему мнению, возможны следующие варианты перевода:

Судья *Госпожа свидетельница ответьте пожалуйста*
 Откуда была эта Лили Тофлер

Или:

Судья *Госпожа свидетельница знаете ли вы / известно ли вам*
 Откуда была эта Лили Тофлер

Слова *пожалуйста*, *знаете ли вы* не свойственны холодной и точной протокольной речи драмы П. Вайса, поэтому они, безусловно, подчеркнут различие в отношении автора (а возможно, и судьи) к участникам процесса и могут рассматриваться как лексическая компенсация. В рассмотренных выше примерах мы не буквально передали содержание фрагмента текста драмы, добавив вежливые обращения к одной из участниц описанного П. Вайсом процесса. Однако смеем заметить, что наши добавления не исказили, а, напротив, подчеркнули имеющее место в оригинале авторское отношение к персонажам.

Приведем еще один пример из этого же произведения. Труд-

* Интересно заметить, что, несмотря на презумпцию невиновности и в германском, и в российском уголовном законодательстве, в немецкой речи, в отличие от русской коммуникативной практики, недоказанность вины формально поддерживается вежливым обращением к подсудимому.

ность перевода текстового фрагмента заключается в клише, свойственном любому специальному языку.

*Verteidiger Wir protestieren auf das Dringlichste
gegen diese Angriffe auf unseren Mandanten
Pauschale Beschuldigungen
sind ohne jegliche Bedeutung
Zur Behandlung stehen nur
klar bewiesene Fülle von Täterschaft
und Mittäterschaft
im Zusammenhang mit Mordvorwürfen
Jeder auch nur leiseste Zweifel muß
zugunsten des Angeklagten ausschlagen [Weiss 1991:152].*

*Адвокат Мы настойчиво протестуем
Против подобных нападков на нашего подзащитного
Обвинения общего характера
Не могут повлиять на ход процесса
Рассмотрению подлежат исключительно
Доказанные факты участия и соучастия в преступлении
А также обвинение в убийстве
Любое даже самое незначительное сомнение
Должно разрешаться в пользу обвиняемого*

Само восприятие специализированных клише требует от читателя подготовки. В подобных случаях определенную помощь переводчику мог бы оказать опыт участия в судебных процессах (в том числе простое присутствие на заседаниях), а также видео-, аудиозаписи хода судебных разбирательств. П. Вайс, сам наблюдавший процесс, создал произведение на основе сделанных им записей в зале суда, появлявшихся в те дни заметок в прессе, а также реальных исторических документов. Главной задачей автора было максимально реалистичное изображение событий, имевших место в истории Германии. При этом совсем не значит, что Вайс избегал художественного оформления материала. И юридические термины, и клише, традиционно используемые в германской судебной практике, и полное отсутствие знаков препинания (выражающее сухость и строгость протокола), выполняют, прежде всего, художественную функцию, создавая у читателя впечатление присутствия в зале суда. Таким образом, в стремлении реалистично изобразить историческое событие автор избегал его поэтизации, но не художественного оформления.

Большие трудности могут вызвать у переводчика лексемы, принадлежащие, по нашей классификации, к группе «ложные друзья переводчика». Такие слова, как *Robe*, *Präsident*, *Strafe*, *Klient*, требуют от переводчика не меньшего внимания, чем узкоспециальные термины. Ведь, несмотря на полное формальное сходство, немецкое *Strafe* и русское *штраф* не эквивалентны. Значение русского слова уже, чем в немецком, так как слово штраф обозначает лишь ‘денежное взыскание, налагаемое в виде наказания’ (Ожегов 1999: 832), в то время как основное значение немецкого *Strafe* — наказание вообще [Duden 2001: 1527]. Точно так же немецкое *Klient* (основное значение ‘клиент адвоката’ [Duden 2001: 910]), отличается по смыслу от более широкого смысла русского существительного *клиент*. Приведем следующие примеры:

Das Gericht, drei Richter in schwarzen Roben und sechs Schuffen, saß an der Stirn des Saals, und rechts war die Bank der Angeklagten und Verteidiger, wegen der grossen Zahl mit Tischen und Stühlen bis in die Mitte des Saals vor die Reihen des Publikums verlängert [Schlink 1997: 91].

Суд — три судьи в черных мантиях и шесть заседателей — сидел во главе зала, справа стояла скамья подсудимых, рядом с которой сидело так много адвокатов, что их столы и стулья были вытянуты до середины зала и заканчивались прямо перед рядами присутствующих [Пер. автора].

Или:

*Angeklagter 17 Herr Präsident
Dienstschluß war bei uns um 18 Uhr
Ich bin nie nach 18 Uhr im Lager gewesen*
[Weiss 1991: 170].

17-й обвиняемый Господин председатель
Мы заканчивали службу в 18 часов
После 18 часов меня никогда не было в лагере
[Пер. автора].

Приведенные примеры показывают, что в стремлении сохранить оригинальный текст переводчик не должен пренебрегать словарем, так как многие лексические единицы, абсолютно сходные по форме с единицами переводящего языка, в языке оригинала могут иметь другое, казалось бы непредсказуемое значение.

Немецкие реалии в области юстиции выделены нами в особую группу. Любое произведение, независимо от своей видовой при-

надлежности (художественное, научное), возникает на национальной почве, оно в той или иной степени отражает национальные проблемы, национальные черты. Передача в переводе национального, присущего одному конкретному народу, — одна из основных трудностей, с которыми сталкивается переводчик. Чем ярче произведение отражает национальную жизнь, чем более характерные ситуации оно освещает, тем сложнее переводчику подобрать соответствующие лексические единицы. Полная невозможность найти какое бы то ни было соответствие слову подлинника, явление лакунарности в чистом виде встречается относительно редко. Безэквивалентная лексика оригинала обозначает локальное явление, которому нет соответствия в быту и в картине мира другого народа. Тем не менее существуют переводы, авторы которых по неопытности, а иногда и по убеждению, переносят в свой текст неперевоенные слова из оригинальных произведений. В этом случае читатель должен «пробиваться» к сюжету через сплетения непонятных слов, и все время обращаясь к примечаниям [Влахов, Флорин 1980: 112]. Таким образом, переводчику при работе с реалиями необходимо одновременно стремиться, с одной стороны, к сохранению в тексте перевода национального, специфического, авторского, а с другой стороны, — искать понятные для читателя вербальные варианты передачи смысла.

Вообще перевод любых реалий требует основательной работы по сбору информации, тем более если это реалии из такой специфической сферы, как юриспруденция. Рассмотрим в качестве примера следующий фрагмент из романа Б. Шлинка:

Es war nicht der erste KZ-Prozess und keiner der grossen [Schlink 1997: 186].

Это был далеко не первый и не самый громкий процесс по делу о концлагерях [Пер. автора].

Существительное *KZ-Prozess* — яркий пример обозначения исторической реалии. Слово состоит из двух частей: *KZ* — аббревиатура, обозначающая концентрационный лагерь, и *Prozess* — судебный процесс. Данное слово, бесспорно, требует объяснения, так как в русском языке не существует подобного сокращения. Скорее всего, чтобы не «дополнять» автора в рамках самого текста, переводчику необходимо прибегнуть к комментарию в сноске или приложении к переводу романа. Вариант комментария:

Процессы по делу о концентрационных лагерях — судебные процессы, имевшие место в Германии в 1950–60-е годы, рассматривавшие преступления, совершенные в концентрационных лагерях фашистской Германии (Освенцим, Бухенвальд).

Концентрационные лагеря (концлагеря) — лагеря, строившиеся некоторыми странами в XX веке прежде всего для политических заключенных и военнопленных. Например, гитлеровские лагеря в фашистской Германии и на оккупированных ею территориях в годы второй мировой войны.

Обозначения национально специфических реалий встречаются и в драме П. Вайса. А вот роман Ф. Кафки не содержит подобных лексических единиц. Объясняется это прежде всего тем, что, в отличие от П. Вайса и Б. Шлинка, Ф. Кафка описывал вымышленный, мифический процесс, смысл которого остался неясен даже протагонисту.

Терминологическая лексика в каждом произведении требует особого подхода, который обусловлен особенностями содержания и формы произведения. Так, при переводе драмы П. Вайса полезно было бы изучить протоколы судебных заседаний как на русском, так и на немецком языках. При переводе терминологической лексики в романе Ф. Кафки необходимо понять и передать отношение автора к власти во всех ее проявлениях. В этом случае иногда можно пренебречь точностью перевода терминов и сосредоточить внимание на эстетическом воздействии стилистически маркированных элементов на читателя. Множество обозначений правовых реалий в романе Б. Шлинка потребует от переводчика глубокой работы по сбору и сравнению информации о немецких и русских юридических реалиях.

Как было показано, при работе с инновативными произведениями не существует универсальной стратегии перевода терминологической юридической лексики. Каждый текст, каждый конкретный пример требует от переводчика индивидуального подхода и специальных юридических знаний. Кроме того, как в любом художественном переводе, в данном случае очень важно умение переводчика сохранить ту семантическую и, главное, художественную информацию, которая была заложена автором оригинального текста. Стремиться быть толерантным, т. е. уважать и понимать автора произведения, его замысел, его поэтику, — вот одна из трудноразрешимых задач художественного перевода.

Переводчику отводится роль транслятора авторской идеи в иную социокультурную среду. Однако, по нашему мнению, такая «второплановая» роль ничуть не умаляет заслуг переводчиков литературных (и любых других) произведений. Не всем дано умение донести до своего народа часть иной культуры, познакомить читателя, не владеющего иностранным языком, с лучшими образцами зарубежной литературы.

Таким образом, адекватный перевод художественного произведения требует от переводчика не только знания иностранного языка, но и владения научным понятийным аппаратом (в нашем случае — юридическим), и умения ясно комментировать переводимый терминологический материал оригинала в ориентации на не подготовленного в специальной области читателя, и способности передать средствами языка перевода особенности произведения-подлинника.

Источники

Kafka 1958 — *Kafka F. Der Prozess. Frankfurt am Main, 1958.*

Кафка 1965 — *Кафка Ф. Процесс: Пер. с нем. Р. Райт-Ковалевой. М.: Худож. лит., 1965.*

Schlink 1997 — *Schlink B. Der Vorleser. Zürich, 1997.*

Weiss 1991 — *Weiss P. Die Ermittlung. Frankfurt a/M., 1991.*

Литература

Влахов, Флорин 1980 — *Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1980.*

Латышев 2000 — *Латышев Л. Технология перевода. М.: Высш. школа, 2000.*

Хяутин 1971 — *Хяутин А. О градации терминологичности и о составе и терминологии «терминологии» // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1971.*

Jörn 1998 — *Jörn A. Literarische Übersetzung: Geschichte, Theorie, kulturelle Wirkung. Darmstadt, 1998.*

Koller 1997 — *Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Wiesbaden, 1997.*

Словари

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999.
Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim, 2001.

Metzler-Lexicon Sprache / Hg. von H. Glük. Stuttgart, Weimar, 2000.

Г. Майс, Н. Далюгге-Момме
Прикладные аспекты перевода
и проблемы межкультурной коммуникации

Сегодня объем переводных текстов постоянно возрастает. Это и инструкции по пользованию, и информация о средствах по уходу за кожей лица и тела, и договоры, и т. п. Сферы работы переводчиков и цели перевода различны: просто понять содержание факса партнера, заключить договор, насладиться новой технологией домашнего кинотеатра из Японии, воспринимая инструкцию о пользовании как оригинал. В то же время бизнесмен, заключая договор с зарубежными партнерами, должен понять «чужест» правовой системы зарубежья.

В. Н. Комиссарову удалось очень точно передать суть перевода: «Общепризнанно, что перевод не означает абсолютного тождества содержания исходного и конечного текстов, иначе говоря, при переводе всегда происходит утрата, приращение или преобразование информации (лингвистической или экстралингвистической, явно выраженной или подразумеваемой и т. п.)» [Комиссаров 1976: 37]. Несмотря на это, существуют переводы, обеспечивающие полноценную межкультурную коммуникацию, то есть успешно выполняющие те задачи, ради которых они осуществляются. Иначе говоря, любой оригинал «одновременно может считаться непереводаемым в смысле отсутствия абсолютного тождества с переводом и должен быть признан принципиально переводаемым в смысле возможности создания полноценной функциональной замены его на другом языке и передачи любой части содержания

оригинала, которую переводчик считает важной для данного акта межкультурного общения, и возможности компенсации неизбежных потерь» [Horn-Helf 1999].

Приведем примеры из разных сфер переводческой деятельности: рассмотрим технический, экономический, юридический виды перевода и перевод рекламных текстов.

Технический перевод

Вопрос: играют ли роль культурные особенности стран при переводе технической инструкции? Ответ: да!

Инструкции описывают работу и функции машин и оборудования и одновременно призывают оператора что-то сделать: закрыть клапан, урегулировать давление, ввести данные в компьютер и т. д.

Сравнительное исследование английских, немецких и русских инструкций показало, что в английском языке употребляется чаще всего повелительное наклонение, в немецком — неопределенная форма глагола, а в русском языке — неопределенная форма глагола в сочетании с глаголами, выражающими долженствование и необходимость (*следует*) (52 %); неопределенная форма глагола (29 %) и настоящее время (19 %).

Исследование использования страдательного залога в естественнонаучных и технических статьях показало, что в трех названных языках доля страдательного залога приблизительно равна 40–50 % [Horn-Helf 1999].

Новое понятие на рынке переводческих услуг — локализация. Оно означает процесс адаптации продукта или услуги к региональному рынку, например адаптацию компьютерной операционной системы или программы обработки текстов к российскому рынку. В наше время разрабатываются версии продукта, приспособленные к региональным рынкам. Например, следует приспособлять размеры кнопки к длине переведенного слова.

Проблемой при локализации программного обеспечения являются, например, символы на экране (рис. 1).

Корзинка = trash (отходы) = Papierkorb. Символ (у американцев — мусорное ведро) не совпадает с наименованием.

Стартовая = Anfang, Startseite = home (домой). Символ (домик) не совпадает с наименованием, наоборот — наименование основано на символе (рис. 2).

	Englische Benennung: trash Deutsche Benennung: Papierkorb Problem: Abbildung passt nicht zur Benennung
	Englische Benennung: clipboard Deutsche Benennung: Zwischenablage Problem: Abbildung passt nicht zur Benennung
	Englische Benennung: home Deutsche Benennung: Anfang oder Startseite Problem: Abbildung passt nicht zur Benennung
	Englische Benennung: table (spreadsheet) Deutsche Benennung: Tabelle Problem: Homonym (table = Tisch / Tabelle)
	Englische Benennung: paws (in a game software) Deutsche Benennung: Pause Problem: Homophon (paws = pause)

Рис. 1.

Примечание. См.: [Schmitz 2002].

Рис. 2.

Примечание. См.: [Копыл 2003].

Гомонимы или гомофоны английского языка:

Table = стол или таблица. Символ стола непонятен, речь идет о таблицах.

Paws = лапы.

Pause = пауза. Символ лапы непонятен (см.: [Schmitz 2002]).

В японских инструкциях часто используются изображения, похожие на комиксы или карикатуры (рис. 3), а в европейских странах — изображения, похожие на технические чертежи.

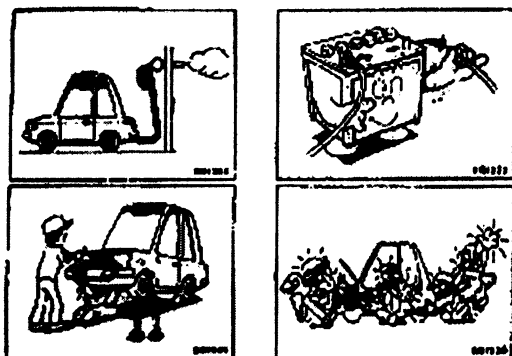

Рис. 3.

Примечание. См.: [Schmitz 2002].

Общеизвестен тот факт, что в разных культурах цвета имеют разное значение.

Красный цвет чаще всего символизирует опасность, а в Китае — радость [Schmitz 2002].

Желтый цвет: предостережение, а в арабских странах — благополучие.

Белый цвет: добродетель, а в Китае и в Японии — смерть.

Следует учитывать, что шрифт также несет определенное значение: в Финляндии и других странах готический шрифт (*Deutschland*) считается типично немецким, а в Германии и Австрии он воспринимается как тесно связанный с фашизмом [Schopp 1999].

Бизнес-перевод

В сфере экономической деятельности востребован в основном перевод договоров. Это договоры купли-продажи, договоры о торговом представительстве и т. п., а также таможенные документы, свидетельства о рождении и др.

Наиболее трудным является язык договоров, так как при неточном переводе возникает большая опасность того, что партнеры неправильно поймут друг друга.

При переводе договоров следует соблюдать ряд правил:

- Сохранение макроструктуры текста. Следует перенять разделение, надписи и нумерацию оригинала, а также разделение на

абзацы и предложения. Немецкие юристы цитируют следующим образом: согл. Статье 1, абзац 7, предложение 5.

• Адаптация текста к правилам языка. Самое важное для перевода договора — сохранение содержания. Из этого следует, что текст неизбежно останется «иностранным», так как договор отражает правовую систему страны исходного языка. Что касается употребления глагольных форм, то при переводе рекомендуется переход на принятую в языке модальную и временную форму. В немецком языке предложение *Der Käufer zahlt* означает, например, что покупатель должен платить, что соответствует английскому: *The buyer shall pay*.

При переводе договоров рекомендуется дать понять читателю, что речь идет о правовой системе и правовых понятиях другой страны. Так, в частности, Гражданские кодексы Российской Федерации и Гражданский кодекс Германии имеют множество различий.

Другая страна — другая система образования. Как известно, слово доктор — «ложный друг переводчика». Например, германский *доктор* соответствует российскому *кандидату наук*.

Имеются и другие примеры: российская средняя школа не соответствует немецкой средней школе. В немецкой средней школе нет возможности получить аттестат, дающий право поступить в университет. Высшее образование в Германии означает, что школьник посещает гимназию и приобретает право поступить в университет (без вступительных экзаменов). Русское высшее образование соответствует «академическому образованию» в Германии.

Итак, дословный перевод *простого* понятия «аттестат» может значительным образом отразиться на карьере этнических немцев и других лиц, переселяющихся из России в Германию.

Русская реклама

При переводе рекламы необходимо соблюдать следующие условия:

- отношение к адресату должно быть толерантным;
- адресат должен быть толерантным.

Перевод в данном случае может быть вольным «подражанием» [Федоров 1958: 29], но должен отвечать принципам толерантности и корректности.

Коммерческая реклама в России прошла все степени развития западной рекламы — но вовсе не так медленно.

Проблема усугубляется тем, что русский потребитель не имел представления о спектре необходимых товаров и услуг. Оказалось, что реклама внушает потребности, не существовавшие прежде и вдруг оказавшиеся насущными. Русский человек не был подготовлен к этому, и язык рекламы быстро повлиял на нравы общества.

Определенные импортные продукты, как, например, йогурты, первоначально нуждались в объяснении. Потребитель должен был понять, что значит «*живые*» йогурты и что такое «*не живые*» йогурты (проходившие дополнительную обработку, при которой живые бактерии не сохраняются); где и как следует хранить эти продукты. Все это объяснялось в немецких рекламных роликах.

Название нового йогурта должно было вызывать приятные ассоциации. Так, немецкое агентство использовало в рекламном тексте слово *Мрамор*, которое у русского человека не ассоциируется со съедобным продуктом. Проблемы рекламным ассоциациям приносят неожиданные лингвокультурные сложности. Например: от такой рифмы, как «Зотт — в рот», отказывались русские агентства, и это было непонятно немецкой фирме. Марка «*Хохланд*» не пользуется успехом на Украине, и подобную ситуацию также трудно предусмотреть иноязычному агентству.

Демонстрировавшиеся по русскому телевидению ролики, представляя новые продукты, не адаптировались к русской реальности, а лишь механически переводились. Экзотический для русского потребителя кадр, неудачные ситуации вызывали раздражение. Например: женщина после утомительных покупок приходит домой, хочет отдохнуть и насладиться йогуртом марки «*Зотт*», но пакеты она приносит из магазинов, не существующих в России; одежда не соответствует российской моде; европейская домашняя обстановка не вписывается в российский культурный контекст. Не случайно рекламные ролики сегодня снимаются в основном в России.

Юридические термины в России и Германии: трудности перевода

Категория толерантности, степень толерантности общества находят отражение в законе, регулирующем социокультурные отношения в Федеративной Республике Германии.

Иностраннный присяжный переводчик долгие годы работал с советскими и русскими словарями дореволюционного времени. И в России адвокаты, нотариусы не были в состоянии помочь ему или разъяснить новые законы. Появились также термины давно забытые, но хранящиеся в русской литературе, международных средствах массовой информации и в памяти старожилов. Термины, существующие в Германии, в США и во Франции, появились вновь и в странах СНГ, например: *Сенат/сенатор, депутат, премьер/вице-премьер, Апостиль* (см. Гаагская конвенция от 5 октября 1961 г. — Россия с 1992 г.).

В России появилась новая для иностранцев эмблематика, вызывающая дискуссии за рубежом. Вместо привычного «серпа и молота» — «двуглавый орел» царской эпохи и т. п. Возникает вопрос: вернут ли они монархию?!

И в русском, и в немецком обществе изменились социокультурные отношения. И в Германии, и за рубежом появился «Федеральный закон об альтернативной гражданской службе».

Изменившиеся социокультурные отношения в немецком обществе отразились также на отмене «Закона об иностранцах».

В связи с иностранцами, приезжающими в Германию, немецкое законодательство («Закон об иностранцах» — *Ausländergesetz*) очень четко определяет, при каких условиях иностранцу позволяется въезд и проживание в Германии. Вследствие этого и существует четыре основных вида разрешений на жительство. В русском законодательстве нет таких четких разграничений.

Необходимо напомнить, что юридический перевод не должен быть «адекватным» [Смирнов 1929–1939: 527] или «точным» [Мкртчян 1970: 5–46]. Он должен быть «буквальным» [Wills 1977: 17] и «полноценным» [Федоров 1958: 132].

В следующем примере такой перевод невозможен.

Вид на жительство — это общий термин, существующий и в России. Немецкие термины, перевод которых дословно дается в словаре параллельными терминами *разрешение, позволение, авторизация и допущение*, требуют в обязательном порядке дополнительного объяснения:

1. Немецкий термин *Aufenthaltserlaubnis (befristet oder unbefristet)* (§§ 15, 24–25 *AuslG*) переводится немецкой стороной: **вид на жительство (краткосрочный или бессрочный)**, а русской стороной: **вид на жительство (в том числе бессрочный)**. *Aufenthaltserlaubnis* (вид

на жительство) выдается иностранным гражданам, которым разрешено пребывание в Германии вне связи с какой-то определенной целью. Прежде всего, его без всяких условий получают члены семьи — супруги и несовершеннолетние дети /.../.

2. Немецкий термин **Aufenthaltberechtigung** (§27 AuslG: (1) (право на проживание) **Die Aufenthaltberechtigung ist zeitlich und räumlich unbeschränkt...**) переводится немецкой стороной: **бессрочное право на (постоянное) проживание**, а русской стороной: **право на проживание**.

3. Немецкий термин **Aufenthaltbewilligung** (§§ 28, 29 AuslG) (Kann z. B. Studenten zum Studium erteilt werden. In manchen Fällen können die Ehegatten oder Kinder der Studenten nachkommen. § 29) переводится немецкой стороной: **разрешение на пребывание, связанное с определенной целью**, а русской стороной: **разрешение на проживание для достижения определенной цели**.

4. Немецкий термин **Aufenthaltbefugnis** (§§ 30–32 AuslG) переводится немецкой стороной: **разрешение на пребывание, предоставленное согласно международно-правовым нормам или по гуманитарным причинам**, а русской стороной: **предоставление права на проживание**.

Кроме этих четырех видов проживания существуют еще два дополнительных вида **разрешений для проживания**: допущение проживания или замена депортации (**Duldung**) и позволение на проживание (**Aufenthaltsgestattung**) [Guthart 2002: 62–66].

Адвокаты советуют переводчику, на всякий случай, привести и немецкий термин к русскому переводу (см.:

<http://www.deep.deu.net/germany/Gesetz/contents.html>

<http://www.zagran.kiev.ua/pages/23/emigl.htm>).

Новые компьютерные технологии развиваются в мире с огромной скоростью. Возможно, именно по этой причине русский язык усвоил английскую терминологию, хотя он вполне в состоянии создать собственную.

«Словообработывание» воспринимается в русском языке как допустимое, толерантное явление, в отличие от фонетических вольностей. Способы создания неологизмов определяются четкими правилами.

Термины компьютерной технологии, используемые в русском языке, можно разделить на пять групп по отношению к языку-источнику [Slavistik, Computer, Internet 2002].

1. Перевод иностранных терминов на русский язык:

- сеть;
- программное обеспечение (ПО) — по аналогии: сетевое обеспечение;
- ввести данные;
- кибервзломщик, ср. хакер;
- жесткий диск;
- электронная почта;
- электронный кошелек;
- мышь;
- материнская плата (Motherboard);
- оперативная память = Arbeitsspeicher;
- вентилятор и др.

2. Английские термины, переданные кириллицей:

- сервер;
- сайт;
- принтер;
- линк;
- файл;
- хакер;
- юзер;
- реселлер и др.

Англицизмы употребляются и в глаголах:

- бэкапить = to backup;
- хакнуть = to hack;
- чатиться = to chat;
- даунлоднуть = to download.

3. Образование сложных терминов в соединении кириллицы и латиницы:

- Internet-провайдер;
- Chat-сервер, по аналогии: проху-сервер;
- Offline-браузер, а иная орфография: offline-броузер;
- Web-серфинг;
- Е-бизнес (пишется и без дефиса, в таком случае оказываясь недозволенным термином!).

4. Термины, существующие в русском языке в других сферах:

- Код = code;
- Меню = menu;
- Пароль = parole;

- Платформа = plate-forme;
- Профиль = profile;
- Ресурс = ressource;
- Стилль = style;
- Фаворит = favori;
- Экран = écran.

Из немецкого языка (из сферы печати) заимствованы следующие термины:

- абзац = Absatz;
- брандмауэр = Brandmauer (Firewall);
- клавиатура = Klaviatur/Tastatur.

5. Сокращения по правилу объясняются добавлением русского слова:

- Шина USB = Universal Serial Bus — Bus= шина;
- Протокол HTTP = Hyper Text Transfer Protocol;

Интересно подчеркнуть, что в разговорной речи употребляют русские переводы иноязычных терминов:

- прошивка = Treiber;
- компьютер упал = abstürzen;
- компьютер завис = sich aufhängen;
- форточки = Windows;
- левое ПО = illegale Kopie der Software;
- педаль = Tastatur;
- веревка (шнур) = Kabel;
- Вова Воротов/Калиткин = Bill Gates;
- блин = CD-Rom;
- бацилла/зверь/вирусяка = Virus;
- обезьяна/собака/лягушка/масямба/кракозябра = @;
- король дров = Corel Draw;
- пентюх = Pentium;
- мамка = Motherboard;
- мозги = Arbeitsspeicher*.

Иностранцу необходимо постоянно следить за русской прессой, подбирая точные термины для перевода. Немецко-русские словари новейшей культурологической специфики не отражают.

* По материалам Русской Службы «Радио Свобода», из цикла передач «Седьмой континент», ведущий Алексей Цветков, 12 мая 1998 г.

Итак, переводчики, чтобы устранить «чуждость» при переводе, должны использовать определенные механизмы преодоления проблемы трансляции инокультурных стереотипов.

Иностранные термины, вошедшие в русский язык, переводчик может условно разделить на четыре подгруппы:

1. Термины, вошедшие в русский язык так естественно, что мы даже не замечаем, что они заимствованы из иностранного языка.
2. Термины, которые употреблялись когда-то, а теперь не употребляются или почти не употребляются.
3. Термины, которые с развитием техники, медицины и т. д. приобрели новые значения.
4. Термины, появившиеся в результате развития техники, различных наук, промышленной продукции.

Е. В. Харченко

Моделирование толерантного вербального поведения в профессиональной среде

Коммуникация и язык являются неотъемлемыми компонентами всех областей профессиональной деятельности. Последние 20 лет характеризуются повышенным интересом лингвистики к вопросам языковой коммуникации в деловой сфере, где можно говорить о профессиональном или непрофессиональном общении. Это в первую очередь относится к областям повышенной речевой ответственности, в которых умение общаться выступает как необходимое условие успеха профессиональной деятельности. Профессиональные коммуникаторы, к которым мы относим специалистов, способных предложить варианты толерантного речевого поведения с учетом ситуации и поставленных целей, могут оказать помощь в оптимизации профессиональной коммуникации.

Одной из задач современной психолингвистики можно считать моделирование эффективного речевого поведения профессиональных коммуникаторов, т. е. выявление оптимальных вариантов на каждом этапе деятельности. На первом этапе целесообразно собрать и проанализировать бытующие удачные и неудачные речевые конструкции (типичные и нетипичные для конкретной сферы деятельности). За несколько лет работы нами был собран материал, фиксирующий устную речь (картографирование, аудио- и видеозаписи специалистов преимущественно из сферы торговли и обслуживания). Мы провели анкетирование разных групп населения и использовали для формулировки технологических решений

его результаты. Нами были выявлены модели вербального поведения для сферы торговли и услуг. Эта сфера деятельности человека благоприятна для подобных исследований, поскольку при предоставлении какой-либо услуги особое внимание клиента обращено именно на речь (услуга часто является нематериальной, ее нельзя увидеть и потрогать, а следовательно, трудно и оценить, особенно заранее). *Сервис — это то впечатление, которое остается у клиентов после встречи с сервисодателем,* — не случайно такое определение используют на Западе.

Мы приведем итоги анализа анкет, содержащих ряд социально одобряемых и порицаемых речевых стереотипов в сфере торговли и услуг. Именно эти стереотипы могут послужить основой для моделирования эффективного коммуникативного поведения.

В одном из пунктов анкеты содержалась просьба указать, как продавцы обращаются к респондентам. Обращение традиционно считается очень важным этапом взаимодействия, поскольку именно начало разговора, как правило, задает тон коммуникативного взаимодействия.

Таблица 1

Положительно оцениваемые обращения	Отрицательно оцениваемые обращения
1. Номинации	
<i>бабуля // бабушка (3)* // вы // голубушка // господин // дамочка // девочка (1) // девунька // девушка (21) // бабушка // дочка // дружище // женщина (6) // красавчик // мадам // мальчик (1) // милая женщина // молодой человек (11) // женщина (8) // сударыня // товарищ (2) // товарищ покупатель // уважаемая // уважаемый покупатель</i>	<i>бабушка (1) // гражданин // гражданка // гражданочка // девочка (2) // девушка (6) // девушка в шапочке // женщина (18) // мальчик (1) // милочка // молодой человек (1) // женщина (3) // следующий // старуха // тетка // товарищ (1) // товарищ покупатель (2) // ты // эй // эй! // эй, вы // эй, женщина // эй, старушка // эй, ты // эй, ты, ну-ка // юноша</i>
2. Вопросы	
<i>вам помочь? (4) // вам чем-нибудь помочь? // вам что? (1) // вам что-</i>	<i>вам нужна моя помощь? // вам помочь? (2) // вам чего? // вам что? (5) //</i>

* Выделенные речевые формулы встречаются дважды (в двух колонках), поэтому в скобках дано количество их упоминаний в анкетах.

нибуть показать? // вам что-нибудь предложить? // **вам что-то нужно?** (1) // вы хотите что-то посмотреть? // вы что-нибудь хотели? // вы что-то хотели купить? // здравствуйте, что желаете? // извините, вы что-нибудь хотели? // могу ли я вам предложить? // может, что-нибудь показать? // чем вам помочь? // чем я могу вам помочь? // что бы вы хотели приобрести? // что бы вы хотели? (12) // что вам нравится? // что вам показать? // что вам угодно? // **что вам?** (13) // что вас интересует? // что вы желаете? // что вы заказываете? // что вы хотели? // **что вы хотите?** (1) // что для вас? // **что желаете?** (2) // что я могу вам предложить? // я могу вам помочь?

вам что-то нужно? (3) // вы что-то ищете? // вы что-то хотели? // еще что? // знаете что...? // могу ли я вам помочь? // можно вам предложить? // не видите, я занята? // ну, а вам что? // совет не требуется? // ты что-то хотел? // че на этот раз? // че надо? // че? // чего вам? // чего хотите? // что? // что будем брать? // что будете брать? // что бы вы хотели? (1) // что вам нужно? // что вам показать? // **что вам?** (9) // **что вы хотите?** (3) // **что желаете?** (1) // что изволите? // что надо? // что тебе? // что хотели? // что? // что?!!

3. Номинация + вопрос

девушка, вам что-нибудь показать? // девушка, вам что-нибудь предложить? // девушка, как вас зовут? // командир, купишь цветы? // мужчина, чем я могу вам помочь? // уважаемый, что вам предложить?

вы что-то хотели, женщина? // девочка, что тебе? // девушка, вы что-то хотели? // женщина, что будете брать? // чего тебе, девушка?

4. Этикетные формулы вежливости

будьте добры // будьте любезны // возьмите, пожалуйста // возьмите, пожалуйста, покупку // здравствуйте! Заходите, посмотрите // да // извините // слушаю вас // **я вас слушаю** (13) // я к вашим услугам

слушаю // **я вас слушаю** (1)

5. Регулирующие выражения, команды

говорите // говорите быстрее // да? // вали отсюда // давайте быстрее // подождите // подождите минуту // посмотрите // у нас много покупателей — быстрее

Можно заметить, что некоторые обращения попали в обе колонки. Это говорит о том, что во многом на результат коммуникативного взаимодействия влияют паралингвистические факторы (особенно ситуативный контекст, невербальные составляющие общения, личность продавца). В области номинаций как положительные отмечаются обращения, которые содержат в семантике сему уважение (*господин; сударыня; уважаемая; уважаемый покупатель*), указание на положительные качества собеседника (*голубушка; милая женщина; красавчик*), а как отрицательные — безличные (*следующий; гражданин*), указывающие на возраст (*старуха; тетка; женщина*), грубые, с использованием местоимений (*эй; эй!; эй, вы; эй, ты; эй, ты, ну-ка*).

Если провести количественный анализ обращений (количество упоминаний) и формул отношения, то чаще как **положительные** формулы упоминаются: *девушка* (21 раз); *девушка, вам что-нибудь показать?* (19 раз); *что вам; я вас слушаю* (по 13 раз); *что бы вы хотели; да* (по 12 раз). В качестве **отрицательных** формул используются: *никак* (27 раз); *женщина* (18 раз); *что хотели?* (10 раз); *что вам?* (9 раз).

Кроме обращений, в одном из пунктов анкеты информантам предлагалось записать запомнившиеся высказывания продавцов в две колонки (понравившиеся и не понравившиеся). Все высказывания мы разделили на следующие группы.

Вопросы

Положительная оценка: *девушка, что бы вы хотели у нас приобрести? // вам какое, — крупное или мелкое? // вам показать эту вещь? // вам помочь выбрать? // вам чем-нибудь помочь? // вам что-нибудь предложить? // вы на чем-то остановили свой выбор? // девушка, что бы вы хотели? // добрый день! что вам предложить из данного ассортимента? // здравствуйте, что я вам могу предложить? // могу ли я вам помочь? // могу ли я предложить свою помощь? // может быть, я смогу вам что-то подобрать? // мужчина, чем я могу вам помочь? // разрешите вам показать товар? // хотите кофе? // чем вам помочь? // чем интересуетесь? // что брать будете, дружище? // что бы хотели примерить? // что вам?(3) // что вам показать? // что вам угодно? // что вас интересует? // что вы хотели? (5) // что вы хотите посмотреть? // что вы хотите, у нас все свежее? // что для вас? // что желаете? // что-нибудь еще вам предло-*

жить? // я могу вам помочь в выборе? // я могу вам что-то предложить? // я чем-то могу вам помочь? // а можно я сдачу себе заберу?

Отрицательная оценка: вы что-нибудь покупаете, или просто? // долго вас ждать? // долго вы будете выбирать эту вещь? // ну и че тогда просите, если брать не будете? // так вы будете брать что-нибудь? // вам чего? // вам что? // вам? // что-то брать? // вы долго? // вы будете выбирать? // вы заплатить сможете? // вы чего хотели бы? // вы что-то хотели? // вы что-то хотите приобрести? // здесь же есть цена, вы что, не видите? // на какую сумму вы рассчитываете? // ну, что вы хотите? // ну, чего еще помочь вам выбрать? // смотрите, что желаете? // так возьмете или вернуть? // че хотите купить? // че брать будете? // че вам не нравится? // че за фигня? // че надо? // че покупать будете? // че претесь, не видите, обед? // что брать будете? // что вам еще нужно? // что вам?(2) // что вы хотели? (10) // что вы хотите? // что еще? // что изволите? // что надо? // это все? // а как вам вон то нравится?

Регуляторы поведения, советы

Положительная оценка: берите тот, который на вас смотрит // берите, не пожалеете // возьмите эти конфеты, они очень вкусные // возьмите это, этот товар лучше // да-да это хороший, берите // девушка, быстрее, мы закрываемся // считайте деньги не отходя от кассы // этот продукт не очень свежий // этот товар очень хорошо берут покупатели // я бы не советовала вам брать это // не ложитесь на прилавок, пожалуйста // оплатите, пожалуйста, стоимость товара в кассе // попробуйте, это очень вкусно // хорошо что примерили — мучиться не будешь / спасибо вам // спасибо //

Отрицательная оценка: бери, пока есть // быстрее выбирайте // в очередь, в очередь, а то ничего не получите // встаньте на мое место и обслуживайте быстрее // выбирай быстрее // выбирайте быстрее, у меня нет времени // выбирайте быстрее, у меня очередь // выбирайте и уходите // выбирайте сами // говорите быстрее // гони бабки // готовьте мелочь // давай деньги // давайте быстрее // девушка, говорите быстрее // давайте еще что-нибудь посмотрим // закрывайте двери — холодно // иди в другой магазин // идите в другое место // идите у других берите // ложите на место и не трогайте // мелочь готовьте, а то не буду обслуживать // не загораживайте витрину // не загораживайте проход // не задерживайте // не занимайте очередь, у нас скоро обед // не нравится — идите в дру-

гой магазин // не нравится — не бери // не нравится — не смотри // не нравится — уходите // не подходите близко к прилавку // не прислоняйтесь к прилавку // не суй мне деньги под нос, положи в тарелочку и я их возьму // не трогайте руками // не хотите, не берите // отойдите от витрины! Не загораживайте // очередь не задерживайте // пересчитайте // покупайте в другом месте // покупайте что-нибудь // поторапливайтесь // пройдите в кассу // пройдите на склад // проходите дальше // сдачу-то возьмите // смотрите на витрине, там все есть // смотри сам, не видишь что ли? // товар перед глазами, выбирайте сами // уйдите, и так много народу // что столбенели, говорите // все на прилавке, смотрите сами // осторожно, руками не трогать // вы забыли сдачу, женищина // забыли сдачу // не берите сырок, он уже несвежий // дешевле нигде нет // вам будет как раз // денег нет — сиди дома // че стоишь, как столб, говори, что тебе?

Оценка, комплименты

Положительная оценка: вам все подходит // вам очень идет // вам это клево! // вам этот цвет к лицу // вы такая стройная в этом костюме // как будто шили для вас // как вам к лицу! // как будто специально для вас сшито // молодой человек, у вас хороший вкус // не правда ли, вам так хорошо // у вас хороший вкус // эта блузка вам очень идет! // этот фиолетовый пуховик вам очень к лицу // этот цвет вам очень к лицу!

Отрицательная оценка: а что вы хотите за такую цену? // ваши запросы не соответствуют вашим возможностям // вы понимаете, что это дорого? // здесь вещи не для вашего кармана // как хотите // какой привередливый покупатель // ну надо же, полчаса стояла и ничего не выбрала // нехорошо // нечего руками трогать // откуда вы такой пьяный? // сами не знают, что хотят // старая уже, ничего не понимаешь // у вас что, глаз нет? // у вас нет вкуса // ходят тут всякие // что спрашиваешь, все равно не купишь // что, не видите, цена есть! // эта вещь слишком дорогая, если будете брать, то покажу // брать будешь, покажу // вам это очень идет // это платье — на стройного // этот сарафан 44-го размера, вам нужно походить...

Предложение помощи, напоминание, поддержание беседы

Положительная оценка: давайте я помогу вам выбрать // девушка, давайте я вам помогу // о, я конечно помогу вам! // к вашим

услугам // я вам помогу // я к вашим услугам // я вас слушаю // я могу назначить вам огромную скидку // я могу помочь // я могу посоветовать вам // я могу решить вашу проблему // я очень рад помочь вам // я с удовольствием помогу вам // девушка, вы забыли молоко...

Отрицательная оценка: *вам помощь нужна?*

Маркировка завершения разговора:
благодарность, пожелание, прощание

Положительная оценка: *благодарю за покупку // большое спасибо за покупку // будем рады вас видеть еще // всегда рады вас видеть // всегда рады помочь // всего наилучшего // всего хорошего // заходите еще // кушайте на здоровье // мы будем рады видеть вас снова // мы вам всегда рады // мы очень рады вашему приходу // носите на здоровье // приходите еще // приходите еще, мы будем рады // приходите завтра, я буду свободен // приходите завтра, я обязательно оставлю вам этот диск // рады будем видеть вас снова // рады видеть вас у нас // с вами приятно иметь дело // с нашей вещью вы не пропадете // спасибо за покупку (59) // с радостью увидим вас еще раз в нашем магазине // счастливо, бабуля, донести // удачного вам дня // спасибо; заходите еще! // спасибо за покупку, мы будем вас ждать еще // спасибо за покупку, приходите к нам еще...*

Отрицательная оценка: *до новых встреч // спасибо за покупку (1).*

Интенсивный отказ от контакта

Отрицательная оценка: *вам здесь не базар, я сама выберу // вы не видите, я занят // вы сами не знаете, что хотите // вы что не видите, где очередь? // дайте спокойно пообедать // мне некогда с вами // много разного, что не распишешь // надоели уже // надоели, ходят и ходят // не видите, я занята // ничем не могу помочь // ну что вы мнете их, все они одинаковы // о, господи, как я ненавижу свою работу // скоро надо плакаты вешать, чтобы цены видели // все, у меня сейчас свои дела // у нас нет сдачи // цены все на витрине // я не буду вас обслуживать: у меня обед // я сейчас занята, подойдите позже // я так мало не взвешиваю...*

Проанализировав данные высказывания, мы выявили некоторые общие закономерности.

Покупателям нравятся вопросы, содержащие слова и словоформы *помочь, разрешите, позвольте* и глаголы в условном наклонении, т. е. те, которые подчеркивают свободу выбора покупателя. Не нравятся вопросы со словами *долго, брать, приобрести, купить, покупать* и откровенные манипулятивы (*так возьмете или вернут?*), т. е. все те, которые ограничивают выбор и принуждают к немедленному действию.

Негативно воспринимаются глаголы в повелительном наклонении (*говорите, берите, проходите, идите*), особенно в сочетании с усиливающим их императивность наречием (*быстрее*) и высказывания, начинающиеся с НЕ: *не загораживайте витрину // не загораживайте проход // не задерживайте // не нравится — уходите // не подходите близко к прилавку // не прислоняйтесь к прилавку*.

Параллельно с уже проинтерпретированным проводился опрос продавцов, работающих в салонах по продаже мебели, одежды и стройматериалов. В ходе эксперимента продавцам был предложен для оценки список выражений, зафиксированных с помощью аудиозаписи в подобных торговых предприятиях. Оценивание проводилось по двум параметрам: анкетированные ставили знак «плюс», если выражение нравится и продавец сам его употребляет или готов употребить, и знак «минус», если выражение не нравится и респондент не хочет его употреблять. Было опрошено 120 человек. Данные опроса представлены в табл. 2.

Таблица 2

Выражения, оцененные преимущественно положительно	Количество ответов		Выражения, оцененные преимущественно отрицательно	Количество ответов	
	+	-		+	-
Что для вас?	59	58	Если вы не купите, найдется другой	19	97
У вас хороший вкус!	58	58	Не стоит откладывать покупку	36	78
Это модно сейчас	69	47	Я лично не покупаю такой товар	7	108
Знаете, многие берут такой товар	80	35	На вашем месте я бы хорошо подумала, прежде чем остановиться на этом товаре	17	99
Мне самой очень нравятся такие вещи	68	47	Не советую вам брать это	39	79
Не могу ли я быть вам чем-нибудь полезен?	67	48	Да вы что! Это некрасиво!	9	108
			Это старая коллекция (залежалый товар)	19	97

Выражения, оцененные преимущественно положительно	Количество ответов		Выражения, оцененные преимущественно отрицательно	Количество ответов	
	+	-		+	-
Вас что-то интересует?	83	34	Вам не надо помочь?	34	84
Здравствуйте! Я могу помочь вам выбрать...	74	41	Что вам нужно?	32	86
Вам помочь в выборе товара?	72	44	Давайте я дам вам характеристику товара	41	75
Что вы желаете приобрести?	76	41	Добрый день! Вы хотите сделать покупку?	32	82
Вам подсказать?	58	57	Вы выбрали очень красивую вещь	57	59
Добрый день! Вам чем-нибудь помочь?	89	28	Здравствуйте! У вас хороший вкус, могу я вам поподробнее рассказать о данном товаре?		
Что из нашего товара вас больше интересует?	69	48	Ведь вы хотите купить наилучший товар, не так ли?	30	89
Я могу вам чем-нибудь помочь?	95	21	Добрый день! С вашего позволения, я смогу оказать вам услугу в выборе товара	45	72
Вас что-нибудь интересует?	91	26	Что для вас, милая дама?	34	83
Разрешите помочь вам в выборе товара!	72	45	Если у вас возникнут вопросы по наличию и качеству товара, обращайтесь, пожалуйста	57	60
Что бы вы хотели посмотреть в первую очередь?	68	51	Здравствуйте! Мы рады видеть вас в нашем магазине!	57	60
Чем я могу вам помочь?	92	28	Добрый день! Я вижу, вас интересует... Если вы располагаете временем, я могу рассказать вам о качестве этого товара	32	85
			Я вижу, вы отлично разбираетесь в данном вопросе	36	84
			Я бы хотела помочь вам определиться с выбором	56	61
			Вы должны это иметь!	23	91
			Вам необходимо это купить!	23	93
			У нас очень много товара... но он очень дорогой	17	101
			Я вас правильно поняла?	56	62

Одним из следствий проделанной работы стало составление стандартных речевых формул для конкретных коммерческих организаций городов Челябинска и Екатеринбурга, а также их апробация. Результаты эксперимента позволяют сделать несколько выводов: стандартные речевые формулы меняются в зависимости от сферы использования. Положительно воздействующие конструкции должны разрабатываться для конкретной организации (при этом следует учитывать ее назначение, цели, стратегические принципы) и могут варьироваться.

Можно утверждать, что стандартные речевые формулы позволяют сформировать фирменный стиль в обслуживании; поднять общую культуру персонала (отсутствие в речевой памяти устойчивых деловых формул приводит к поиску фраз из бытовой речи, которая изобилует сниженной лексикой); свести к минимуму недоразумения, связанные с непониманием или уходом от делового общения (последнее может привести к конфликту); увеличить скорость обслуживания и оставить время на корректировку поведения в зависимости от ситуации; обеспечить возможность обучения персонала в заданных условиях; определить наличие критериев, позволяющих отслеживать профессионализм и соответствие стандартам («так говорит профессионал» — «так говорит дилетант»).

Стандартные речевые формулы формируют корпоративную культуру определенной организации, так же, как, например, фирменная одежда, ритуалы награждения, нормативы обслуживания и контроля. Освоению собственно языковых, коммуникативных и этических норм толерантного взаимодействия всеми сотрудниками контактной зоны помогут технологии, разработанные на основе данных психолингвистических экспериментов.

Л. А. Шкатова

Технологии управления
конфликтной коммуникацией:
лингвистические основания

Конфликтология в нашей стране — молодая отрасль знания. С 70-х гг. XX века она стала развиваться как междисциплинарная наука, пытаясь синтезировать достижения социологии, политологии, правовых дисциплин, экономики, этнографии, истории, психологии и др. В России развитие конфликтологии было начато фактически лишь в конце 80-х гг. XX века. Российские конфликтологи стремятся учитывать опыт Запада и специфику России. В конце 80-х — начале 90-х гг. появилось новое направление в изучении социальных конфликтов, получившее название *conflict resolution* (теория разрешения конфликтов). Цель этого направления — создание теории и «техники» разрешения конфликтов всех типов, изучение методов предотвращения и аналитического разрешения конфликтных ситуаций [Большаков 2001].

Ряд наук уже внесли значительный вклад в исследование конфликтов (история, педагогика, психология, социология, философия и др.); лингвистика в этом отношении не столь активна, хотя роль языковых средств в возникновении, предупреждении и разрешении конфликтов несомненна. Изучением конфликтов занимаются лишь новые области языкознания: контактология, в которой конфликт рассматривается как один из видов контактов [Базылев 1999], и персоналогия, предметом изучения которой является конфликтная языковая личность [Нерознак 1996; Степанов 1999; Воркачев 2001].

Современная конфликтология состоит из двух разделов: теории конфликта и технологии управления развитием конфликта. К теоретическому разделу относятся такие методы лингвистики, как изучение текстов, ассоциативный эксперимент, проективный тест незаконченных предложений, моделирование речевого поведения в конфликтных ситуациях, анализ невербального поведения; к технологиям — выработка коммуникативных стратегий и тактик конфликтного взаимодействия.

Изучение русских фольклорных текстов подтверждает четыре основных стратегии конфликтного взаимодействия:

1) уклонение от конфликта: *Худой мир лучше доброй ссоры; Кто спорит, ни гроша не стоит; Иное зло и терпеньем одолеть можно; Не ума набраться — с дураком подраться; Дракою прав не будешь; Без спора скоро да крепко; С миром везде простор, с бранью везде теснота; Без спора скоро да крепко; Лишний спор — лишняя склока; Глупца не оспаривай; Криком изба не рубится, а шумом дело не спорится; Говори, но не спорь, а хоть спорь, да не вздорь; О пустяках спорить — дело упустить; Дальше в спор — больше слов; Не ради дела, а ради спора; Дураки о добыче спорят, а умные ее делят;*

2) компромисс как способ разрешения конфликта к удовлетворению обеих сторон: *Всякая ссора красна миром; Люби ссору, люби и мир; Хорошо браниться, когда мир готов; Лучшие мириться, чем браниться; С кем мир да лад, тот и брат; Где прыжком, где бочком, где ползком, а где и на карачках; Гнев — плохой советчик; С умным браниться — ума набираться, с дураком мириться — свой растерять; Поклонившись, голова не отломится;*

3) доминирование (подавление): *Мягко стелет, да жестко спатъ; Всякому спускать — и на свете не жить; Еду, еду — не свищу, а кто затронет — не спущу (из сказки); Нахалу спускать — на себя пенять; Палка о двух концах: либо ты меня, либо я тебя; За правое дело стой смело; Око за око, зуб за зуб; Кому время спорить, тот ни о чем не грустит; Лучшие первый спор, чем последний; Нашла коса на камень; Наскочил топор на сучок; Наскочила кость на кость; Наскочил обух на обух; Сошлись, как клин с обухом; Нашла на перец горчица; Наскочила подкова на булыжник; Налетел острый топор да на крепкий сук; Была бы спина, найдется и вина; Терпя и камень треснет;*

4) толерантность, или интегративная стратегия разрешения

конфликта, которая предполагает пересмотр или корректировку целей и притязаний конфликтующих: *Всякое зло терпением одолеть можно; Терпение дает умение; Лучше терпеть самому, нежели беду сделать кому; Терпение и труд все перетрут; На всякое хотение имей терпение; Не везде сила: где умение, а где и терпение; Терпеть не беда, было бы чего ждать; При горе терпение — невольное спасение; Лихо терпеть, а стерпится — слюбится; Будь прям, да не будь упрям; Быть сильным хорошо, быть умным — вдвое лучше.*

Ассоциативный эксперимент в студенческой аудитории позволил выявить следующие реакции на стимул «конфликтный человек»: *недоброжелательный, наглый, бессовестный, злой на язык, эгоистичный, неконтролируемый, вздорный, едкий, бестактный, грубый, непочтительный, упрямый, вспыльчивый, нахальный, враждебный, неприятный, неустойчивый, высокомерный, подлый, агрессивный, злопамятный, напористый, отталкивающий, склонный к полемике, язвительный, коварный, раздражительный, назойливый, подозрительный, придирчивый, всегда готовый к бою, подозрительный скептик, хитрый смутьян, втаптывающий в грязь* (реакции расположены по уровню частотности — от наиболее частотных к единичным).

Тест незаконченных предложений дал возможность проецировать поведение реципиентов в конфликтных ситуациях: *Когда я вижу конфликт...; Мне всегда во время протекания конфликта...; Если бы я мог, я бы конфликты...; Однажды я видел, как красиво разрешился конфликт...; Когда я ссорюсь... и меня раздражает...; Почему мы не можем жить мирно...; Я грубо обидел своего товарища...; Если вы не... то я вынужден буду...*

В созданном нами методическом пособии по конфликтологии представлены 20 конфликтных ситуаций из области туристического сервиса и по 4 варианта речевого поведения для каждого конфликтного случая. Обучаемым предлагается выбрать эффективный коммуникативный вариант и обосновать свой выбор. Например:

При покупке туристической путевки за ребенка уплачено 50 % стоимости. Однако выясняется, что в ряде случаев необходимы доплаты за отдельное место в гостинице, за транспорт, за банкет. Мать возмущена и в разговоре с руководителем категорически отказывается платить. Какими должны быть слова руководителя:

1. *Вы что, хотите, чтобы я сам за вас расплачивался?*
2. *Все нельзя предусмотреть заранее. Давайте вместе подумаем, как быть.*
3. *Навязались вы на мою голову. Я вас предупреждал, что проблем с вашим ребенком не оберешься.*
4. *Думаю, что требования принимающей стороны разумны, и нам надо пойти им навстречу. Дополнительные расходы не так уж велики, по крайней мере несоизмеримы с удовольствием, которое получит ребенок!*

Анализ невербального поведения коммуникантов помогает получить представление об особенностях расположения конфликтующих партнеров, их жестах и мимике (см.: [Дерябо, Ясвин 1996: 126–127; Ламберт 2001: 32–38]). Например:

— *дистанция*: обычно увеличивается, но при выраженной агрессии может происходить сближение партнеров и переход на «территорию» противника;

— *мимика ярости*: тесно сжатые брови, горизонтальные складки на переносице, нос раздут, зубы стиснуты, рот оскален, уголки губ резко и напряженно оттянуты вниз, шея судорожно стянута;

— *жесты* напряжения и недовольства: помахивание и «тыканье» указательным пальцем, крепко сжатые руки в области груди или крепко сцепленные руки в области подбородка и т. п.

Наиболее приемлемым видом практического анализа конфликта является, как показала наша практика обучения толерантному поведению, прагмалингвистический метод. В процессе подготовки специалистов для сферы обслуживания автором данной статьи была разработана методика предупреждения и разрешения конфликтов на основе прагмалингвистики. Она нашла отражение в спецкурсах «Деловое общение», «Основы клиентурного поведения», «Конфликтология», «Организационное поведение» [Мешин, Шкатова 1998], прочитанных в ряде вузов: Челябинском государственном университете, Южноуральском государственном университете, Экономической академии им. Плеханова, Российском университете дружбы народов и др., на курсах повышения квалификации Академии Сбербанка и в коммерческих организациях (страховая компания АСКО, АО «Примула-мод», «Дом немецких обоев», «БОН», «Дом паркета и дверей» и др.).

Анализ конфликта на прагмалингвистическом уровне — это совокупность исследовательских процедур и методов изучения

особенностей выражения цели высказывания и интерпретации результатов речевой деятельности индивидов в конкретных ситуациях. За единицу анализа принимается дискурс как «целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» (БЭС 1998: 136–137).

С точки зрения лингвиста, конфликт — это совокупность высказываний, составляющих описание ситуации. Особенностью конфликтной коммуникации является наличие конфликтогенов — слов, оценок, суждений одной или взаимодействующих сторон, способных привести к конфликту.

Сформулируем задачи прагмалингвистического анализа:

1. Описать ситуацию как краткое повествование о событии, указать на особенности вербального и невербального поведения участников коммуникации. Найти признаки конфликта в описываемой ситуации. Выявить конфликтогены.

2. Сформулировать ситуацию, дав ей наименование, позволяющее выявить первопричину конфликта и показать пути его устранения. Формулировка конфликтной ситуации должна быть конкретной, понятной и краткой, вытекать из первопричины (проявление агрессивности или эгоизма, стремление к превосходству) и подсказывать, что делать.

3. Определить личностные позиции участников конфликтной ситуации, их коммуникативные стратегии и тактики.

4. Установить этап конфликтности: 1) уровень ощущений — *что-то не так*; 2) уровень смыслов — *вы меня неправильно поняли*; 3) уровень взаимодействия — *мы не находим общего языка*; 4) психологическая война — *с вами невозможно договориться*.

5. Выявить стереотипные формы речевого поведения с персонами, участвующими в конфликте. Например, взяв за основу классификацию конфликтных личностей [Шейнов 1996: 38–40], личностные позиции участников ситуации (демонстративные, ригидные, неуправляемые, сверхточные и др.), мы предложили определенные тактики толерантного речевого поведения в конфликте (см. табл. 1).

6. Установить тип конфликта: конфликт деятельности (конфликтность «красной зоны», где обычно происходит столкновение интересов), поведения (непрофессиональное высказывание, негативная кинесика) или отношений (неприязнь к одной из взаимодействующих сторон).

Личность: типологическая характеристика	Характеристика	Тактика речевого поведения
Демонстративная	Идет на конфликт, чтобы быть на виду, стремится всегда быть в центре внимания.	«Увод со сцены», лишение зрителей: <i>Давайте поговорим вдвоем. Готов вас выслушать в своем кабинете.</i>
Ригидная	Конфликт вызывается нежеланием считаться с мнением окружающих и противоречием между меняющимися условиями и непластичностью поведения.	«Присоединение» и «ведение»: <i>Не могу с вами не согласиться. Однако мы с вами понимаем, что все равно придется... Да, но...</i>
Неуправляемая	Причиной конфликта является отсутствие самоконтроля, импульсивность поведения.	«Сбой программы», неожиданное действие или вопрос: <i>Простите, как вас зовут? Вы не помните столицу Румынии? А вы давно не были в Греции?</i>
Сверхточная	Вступает в конфликт, исходя из завышенных требований к окружающим и подозрительности.	«Похвала»: <i>Очень хорошо, что вы заметили это. Никто до вас не видел этого изъяна. Спасибо, теперь мы будем внимательнее.</i>

7. Определить характер взаимодействия участников конфликта: деловой спор, отчуждение или антагонизм. В первом случае можно решить проблему за счет убедительной для другой стороны аргументации, во втором необходим посредник, медиатор, в третьем требуется радикальное управленческое решение (передача дела в судебные инстанции, разведение сторон, ограничение зоны взаимодействия, перевод в другую структуру и т. п.).

Пример анализа конфликтной ситуации

1. Описание ситуации.

Отец туристки, уехавшей в Санкт-Петербург, после телефонного разговора с ней пришел в туристическое агентство выяснить ряд обстоятельств, вызвавших у него сомнение и недовольство.

Так, ему непонятно, почему не все экскурсии автобусные и вообще, за что он заплатил деньги. В частности, его интересует калькуляция стоимости поездки: «Проверьте, почему экскурсии пешие. Где у вас калькуляция? Не думайте, что я такой же лох, как моя дочь. На мне вам не удастся нажиться. Я найду на вас управу!».

2. Формулирование конфликтной ситуации. Формулировка не может совпадать с описанием ситуации, она должна быть ориентирована на возможные пути разрешения конфликта.

Первопричиной конфликта, как выяснилось в процессе обсуждения, является стремление к превосходству в виде прямых проявлений (Приказание: *Проверьте!*; Угроза: *Найду на вас управу!*; Обвинение: *Хотите нажиться!*).

Наиболее показательны слова «*Меня не проведешь!*». Они подсказывают, что надо сделать, чтобы снять агрессивность инициатора конфликта.

3. Определение личностных позиций участников ситуации, их реальных целей. Судя по поведению конфликтера, он относится к числу сверхточных клиентов, поскольку характеризуется повышенной тревожностью, проявляющейся, в частности, в подозрительности, предъявлении завышенных требований. Его цель — пере-проверить, «вывести на чистую воду». Стратегия поведения профессионалов — прийти к интегративному решению, проявив толерантность.

4. Осознание познавательной ценности ситуации. В данном случае это возможность управлять конфликтом, которая может проявиться на всех четырех этапах в зависимости от речевого поведения профессионалов.

Первый этап: — *Хорошо, что вы пришли к нам со своими сомнениями. Вот перед вами калькуляция со всеми статьями расходов. К ней приложен факс принимающей фирмы, где указана общая стоимость и программа обслуживания, в том числе перечень экскурсий. Согласитесь, за эту сумму подача дорогостоящего автобуса на все запланированные экскурсии нереальна. Для сравнения посмотрите прайс-лист местной турбазы — цены одинаковы, но никакие экскурсии не заложены.*

Второй этап: — *Давайте вместе посмотрим договор, заключенный между нашим агентством и вашей дочерью. Все услуги сюда включены, в том числе количество автобусных экскурсий. Договор подписан ею лично.*

Третий этап: — *Вы, вероятно, понимаете, что каждая торгующая фирма имеет свои коммерческие тайны. Почему, собственно, мы должны показывать вам калькуляцию? Ваша дочь подписала договор, в котором все прописано. Если вам это очень нужно, договор мы дадим вам посмотреть.*

Четвертый этап: — *А на стоимость колбасы или автомобиля вы тоже требуете калькуляцию?*

5. Определение типа конфликта: конфликт деятельности, поведения или отношений.

Конфликт типичен для деятельности в сфере обслуживания, поэтому требуется обучение оптимальным способам поведения в подобных стереотипных ситуациях.

6. Анализ взаимодействия участников ситуации.

От профессионального коммуникатора зависит характер взаимодействия: перевод конфликта в деловой спор, который решается между самими участниками; отчуждение, когда возникает взаимная неприязнь и требуется медиатор для разрешения конфликта; или антагонизм, при котором обе стороны вступают на путь психологической войны.

7. Выбор средств и приемов воздействия на конфликтующего:

Урегулирование конфликта возможно при условии выбора такого варианта речевого поведения в конфликтном процессе, при котором основные усилия конфликтеров сосредоточены на взаимоприемлемом для соперников решении самой проблемы, породившей конфликтную ситуацию (см. табл. 2).

Формулировки разрешения межличностных конфликтов включают также прецедентные тексты, которые содержат максимумы толерантного поведения: *Плохой мир лучше доброй ссоры; Дать возможность почувствовать себя «своим человеком»; Мы с вами свои; Мы против проблемы; У каждого есть чему поучиться; Лучше напрягать мышцы, а не нервы; Не переживать, а действовать!*

Бесконфликтное общение предполагает отказ от употребления конфликтогенов: *Это неприемлемо. Это несерьезно. Ничтожество. Недотепа. Недостаточно компетентен. Плохо информирован. Неблагодарумен. Вы всегда... Вы вечно... Вы никогда... От вас всего можно ожидать... Вам следует... Вы бы лучшие...*

Тип конфликта	Технология урегулирования
Конфликт ценностей	Отделение от сферы взаимодействия, определение условий сосуществования. Дискурс: <i>Я признаю ваши ценности, но давайте договоримся...</i>
Ресурсный конфликт	Определение порядка использования ресурса. Дискурс: <i>В соответствии с... устанавливается, что....</i>
Конфликт интересов	Выявление и удовлетворение (полное или частичное) реальных интересов. Дискурс: <i>Обе стороны выиграют, если...; Вы получите... при условии...</i>
Конфликт потенциалов	Ориентация на перспективное расширение потенциалов или на пересмотр предъявляемых требований. Дискурс: <i>Мы еще можем предложить... или: У вас нет оснований предъявлять подобные требования...</i>
Конфликт нормы	Пересмотр или уточнение норм коммуникативного взаимодействия. Дискурс: <i>Почему вы придаете этому такое значение? или: Это можно принять при условии...</i>

Правила толерантности

1. Совместное решение проблемы: *не ты против меня, а мы против проблемы.*
2. Диалог: *суть конфликта в отказе от общения.*
3. Тактика соучастия: *Представляю себя на вашем месте.*
4. «Свертывание» личностного противоборства, переключение на деловую сторону проблемы. *Факты, а не эмоции.*
5. Прием психологического сближения: *Все люди ошибаются. И мы не исключение.*

Таким образом, проблемы толерантности могут решаться технологически и на лингвистическом уровне в процессе анализа диалогических текстов, использования психолингвистической, прагматической и лингвокультурологической методик, а также моделирования речевого поведения в конфликтных ситуациях.

Литература

- Августин Блаженный 1992** — *Августин Блаженный. Исповедь.* М., 1992.
- Акишина, Формановская 1974** — *Акишина А. А., Формановская Н. И. Русский речевой этикет.* М., 1974.
- Алексеев 1991** — *Алексеев А. П. Аргументация. Познание. Общение.* М., 1991.
- Алексеев, Крылов 2001** — *Алексеев М. Ю., Крылов К. А. Особенности национального поведения.* М., 2001.
- Алещанова 2000** — *Алещанова И. В. Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы): Дисс. ... канд. филол. наук.* Волгоград, 2000.
- Алпатов 2000** — *Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства.* М., 2000.
- Апресян 1986** — *Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28.*
- Апресян 1995** — *Апресян Р. Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы.* М., 1995.
- Арендт 2000** — *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни.* СПб.: Алетейя, 2000.
- Арутюнова 1990** — *Арутюнова Н. Д. Феномен второй реплики, или о пользе спора // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова.* М., 1990.
- Арутюнова 1999** — *Арутюнова Н. Д. Оценка в механизмах жизни и языка // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека.* М., 1999.
- Асмолов 2002** — *Асмолов А. Г. XXI век: психология личности в век психологии // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность — ком-*

муникация — толерантность / Под ред. В. И. Кабрина. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2002.

Астафурова 1997 — *Астафурова Т. Н.* Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения: Автореф. ... дисс. д-ра филол. наук. М., 1997.

Астафурова 2003 — *Астафурова Т. Н.* Типология коммуникативных стратегий в научных парадигмах // Лингводидактические проблемы межкультурной коммуникации: Сб. науч. ст. к 20-летию каф. англ. филологии ВолГУ. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003.

Баженова, Лапчева 2003 — *Баженова Е. А., Лапчева С. А.* Оппозиция «свой — чужой» в политическом дискурсе // Современная политическая лингвистика: Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 30.09.2003–3. 10. 2003. Екатеринбург, 2003.

Базылев 1999 — *Базылев В. Н.* Контакты и конфликты. Междисциплинарный лингвистически ориентированный подход // Проблемы лингвистической контактологии: Материалы рабочей конф. Москва, 23 окт. 1999 г. / МГУ. М.: Диалог, 1999.

Байкулова 2001 — *Байкулова А. Н.* Семейная беседа // Хорошая речь / Под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Саратов, 2001.

Бакумова 2002 — *Бакумова Е. В.* Ролевая структура политического дискурса: Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.

Балли 1955 — *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

Баранов 1989 — *Баранов А. Г.* Принцип функционализма в текстовой деятельности // Функционирование языка в различных типах текста. Пермь, 1989.

Баранов, Добровольский 1997 — *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Постулаты когнитивной семантики // Изв. АН: Сер. литературы и языка. 1997. Т. 56, № 1.

Баранов, Караулов 1994 — *Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.* Словарь русских политических метафор. М., 1994.

Баранов, Крейдлин 1992 — *Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопр. языкознания. 1992. № 2.

Барт 1983 — *Барт Р.* Нулевая степень письма // Семиотика / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М., 1983.

Барт 1994 — *Барт Р.* Семиотика. Поэтика. М., 1994.

Барт 1994a — *Барт Р.* Разделение языков // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Изд. группа «Прогресс»; «Универс», 1994.

Барт 1994b — *Барт Р.* Война языков // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Изд. группа «Прогресс»; «Универс», 1994.

Бахтин 1979 — *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Бахтин 1986 — *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

Бахтин 1993а — *Бахтин М. М.* Под маской. Маска первая. Волошинов В. Н. Фрейдизм. М., 1993.

Бахтин 1993б — *Бахтин М. М.* Под маской. Маска третья. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. М., 1993.

Бахтин 1994а — *Бахтин М. М.* Работы 1920-х годов. Киев, 1994.

Бахтин 1994б — *Бахтин М. М.* Под маской. Маска четвертая. Проблемы творчества Достоевского. М., 1994.

Бейлинсон 2001 — *Бейлинсон Л. С.* Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций). Автореф. дисс.... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.

Беликов, Крысин 2001 — *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социолингвистика. М., 2001.

Бердяев 1991 — *Бердяев Н.* О фанатизме, ортодоксии и истине // Филол. науки. 1991. № 8.

Берн 1992 — *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. СПб., 1992.

Бессонов 1971 — *Бессонов Б. Н.* Идеология духовного подавления. М., 1971.

Битянова 2001 — *Битянова М. Р.* Социальная психология: наука, практика и образ мыслей. М., 2001.

Бодрийяр 2000 — *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М., 2000.

Болотнова 1992 — *Болотнова Н. С.* Гармонизация общения и лексическая структура художественного текста. СПб.: Образование, 1992.

Болотнова 1998 — *Болотнова Н. С.* О теории регулятивности художественного текста // *Stylistyka*. Вып. VI. Opole, 1998.

Болотнова 2001 — *Болотнова Н. С.* О соотношении прагмем и информем в поэтическом тексте как форме коммуникации (по данным экспериментов) // Художественный текст и языковая личность: проблемы изучения и обучения: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Томск, 11–12 окт. 2001 г. Томск, 2001.

Болотнова 2002 — *Болотнова Н. С.* Художественный текст в коммуникативном аспекте: поиск ключей к эстетическому коду // Слово. Семантика. Текст: Сб. науч. тр., посв. юбилею проф. В. В. Степановой / Отв. ред. В. Д. Черняк. СПб.: Изд-во РГПУ, 2002.

Большаков, Несмелова 2002 — *Большаков А. Г., Несмелова М. Ю.* Конфликтология организаций: Учеб. пособие. М.: МЗ Пресс, 2001.

Бондарко 1996 — *Бондарко А. В.* Проблемы грамматической семантики и вопросы аспектологии. СПб., 1996.

Борисова 1997 — *Борисова И. Н.* Цельность разговорного текста в свете категориальных сопоставлений // *Stylistyka*. Вып. VI. Opole, 1997.

Борисова 2001 — *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: Структура и динамика. Екатеринбург, 2001.

Борисова 2003 — *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: зоны

толерантного и нетолерантного общения // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр.* Екатеринбург, 2003.

Бровкина 2000 — *Бровкина Ю. Ю.* Газетное рекламное объявление как речевой жанр: риторический аспект. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2000.

Бубер 1999 — *Бубер М.* Два образа веры. М., 1999.

Бурвикова, Костомаров 1998 — *Бурвикова Н. Д., Костомаров В. Г.* Особенности понимания современного русского текста // *Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века: Сб. в честь профессора С. Г. Ильенко.* СПб., 1998

Бурвикова, Костомаров 2003 — *Бурвикова Н. Д., Костомаров В. Г.* Единицы лингвокультурного пространства в аспекте проблемы толерантности // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности.* Екатеринбург, 2003.

Буряковская 2000 — *Буряковская В. А.* Признак этничности в семантике языка (на материале русского и английского языков). Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.

Бушев 2002 — *Бушев А. Б.* Филологические ресурсы переубеждения: терапевтическая метафора // *Межкультурные коммуникации: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. А. Панова; Челябинский гос. ун-т. Челябинск, 2002.*

Валгина 2001 — *Валгина Н. С.* Активные процессы в современном русском языке. М., 2001.

Ван Дейк 1989 — *Ван Дейк Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Введенская, Павлова 2000 — *Введенская Л. А., Павлова Л. Г.* Деловая риторика. Ростов н/Д, 2000.

Вежбицкая 1996 — *Вежбицкая А.* Язык, культура, познание. М., 1996.

Вепрева 2002 — *Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002.

Вепрева 2003 — *Вепрева И. Т.* Вербализация метаязыкового сознания как реализация принципа толерантности // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр.* Екатеринбург, 2003.

Верещагин 2003 — *Верещагин Е. М.* Речеповеденческие тактики в аспекте лингвострановедения (новые материалы и интерпретации) // *Русское слово в мировой культуре: X конгресс МАПРЯЛ. 30 июня–5 июля 2003 г. Пленарные заседания: Сб. докл.* СПб., 2003. Т. 1.

Верещагин, Костомаров 1990 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М., 1990.

Верещагин, Костомаров 1999 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М., 1999.

Вилюнас 1990 — *Вилюнас В. К.* Психологические механизмы мотивации человека. М., 1990.

Виноградова 1993 — *Виноградова Т. Ю.* Основы моделирования публичной речи в суде (вопросы теории и практики публичных выступлений по уголовным делам). Казань, 1993.

Винокур 1993 — *Винокур Т. Г.* Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.

Влахов, Флорин 1980 — *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М.: Высш. школа, 1980.

Водак 1997 — *Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997.

Волкогонов 1983 — *Волкогонов Д. А.* Психологическая война. М., 1983.

Волошинов 1995 — *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка // Волошинов В. Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995.

Воркачев 2001 — *Воркачев С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филол. науки. 2001. № 1.

Выготский 1982 — *Выготский Л. С.* Мышление и речь // Выготский Л. С. Собр. соч. М., 1982. М., 1982.

Выготский 1996 — *Выготский Л. С.* Мышление и речь: Психологические исследования. М., 1996.

Гаспаров 1996 — *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

Гвоздарев 1994 — *Гвоздарев Ю. А.* Библизмы в русской фразеологии (к истории освоения) // Эволюция лексико-фразеологического и грамматического строя русского языка. Магнитогорск, 1994.

Гермогенова 1994 — *Гермогенова Л. Ю.* Эффективная реклама в России: Практика и рекомендации. М., 1994.

Гловинская 1992 — *Гловинская М. Я.* Русские речевые акты и вид глагола // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.

Гловинская 1993 — *Гловинская М. Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993.

Голев 2003 — *Голев Н. Д.* Толерантность как вектор антиномического бытия языка // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003.

Голик 2002 — *Голик Н. В.* Этическое в культуре. СПб., 2002.

Голомидова 2001 — *Голомидова М. В.* Образ пространства и пространственные образы в названиях старого Екатеринбурга // Изв. Урал. гос. ун-та. Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2001. № 20. Вып. 4.

Гольдин 2000 — *Гольдин В. Е.* Внутренняя типология русской речи и строение русистики // Русский язык сегодня. Вып. 1 / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000.

Гольдин 2003 — *Гольдин В. Е.* Толерантность как принцип культуры речи // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003.

Гончарова 2001 — *Гончарова Е. А.* Научная коммуникация — дискурс — интердискурсивность // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб., 2001.

Городецкий и др. 1985 — *Городецкий Б. Ю., Кобозева И. М., Сабурова И. Г.* К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1985.

Грайс 1985 — *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.

Гранин 1990 — *Гранин Д.* Нравственный пример // Сахаров А. Д. Мир. Прогресс. Права человека: Послесловие. М., 1990.

Гридина 1996 — *Гридина Т. А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.

Гришук 2000 — *Гришук Е. И.* Концепт «толерантность» в сознании учащихся // Вестник ВИПКРО. Вып. 6. Воронеж, 2000.

Грушко, Медведев 1996 — *Грушко Е. А., Медведев Ю. М.* Словарь славянской мифологии. Н. Новгород, 1996.

Гудков 1996 — *Гудков Л. Д.* Массовая литература как проблема. Для кого? // Новое литературное обозрение. 1996. № 22.

Давлетшина 2001 — *Давлетшина Н.* Проблема толерантности в российских СМИ (по документам электронных библиотек) // Толерантность в современной цивилизации: Материалы междунар. конф. Екатеринбург, 14–19 мая 2001 г. Екатеринбург, 2001.

Данилов 1999 — *Данилов С. Ю.* Жанр проработки в тоталитарной культуре // Стереотипность и творчество в тексте / Под ред. М. П. Котуровой. Пермь, 1999.

Данилов 2000 — *Данилов С. Ю.* Идеологический канон проработки: оценка и эмоции // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2000.

Данилов 2001 — *Данилов С. Ю.* Лингвокультурологический анализ: жанр проработки в «Словаре Ушакова» // Принципы и методы исследования филологии: Конец XX века: Сб. ст. науч.-метод. семинара «TEXTUS». Вып. 6 / Под ред. К. Э. Штайн. СПб.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001.

Данилов 2002 — *Данилов С. Ю.* Стереотипизация вопроса как элемента жанровой структуры // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2002.

Дацюк 2003 — *Дацюк С.* Коммуникативные стратегии. Проект сетевого журнала «XYZ», 2003. См. сайт http://www.xyz.ua/datsjuk/communicative_strategies/.

Декларация 2000 — Декларация принципов толерантности // Первое сентября. 2000. 16 сент.

Дементьев 1999 — *Дементьев В. В.* Прагматика речевого жанра // Русский язык в контексте культуры / Под ред. Н. А. Купиной. Екатеринбург, 1999. С. 99–114.

Дементьев 2000 — *Дементьев В. В.* Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000.

Дементьев 2003 — *Дементьев В. В.* Традиции изучения жанров русской РР в саратовской лингвистике // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов, 2003.

Дерябо, Ясвин 1996 — *Дерябо С., Ясвин В.* Гроссмейстер общения. М.: Смысл, 1996.

Дзялошинский 2002 — *Дзялошинский И. М.* Культура, журналистика, толерантность (о роли СМИ в формировании в российском обществе атмосферы толерантности и мультикультурализма) // Роль СМИ в достижении социальной толерантности и общественного согласия: Материалы междунар. конф. 21–22 декабря 2001 г. Екатеринбург, 2002.

Добренко 1990 — *Добренко Е.* Фундаментальный лексикон: литература позднего сталинизма // Новый мир. 1990. № 2.

Добрович 2000 — *Добрович А. Б.* Систематика общения // Морозов А. В. Психология влияния. СПб., 2000.

Долинин 2001 — *Долинин К. А.* Высказывание и ситуация общения // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения. СПб., 2001.

Доронина 2000 — *Доронина С. В.* Содержание и внутренняя форма русских игровых текстов: когнитивно-деятельностный аспект (на материале анекдотов и речевых шуток): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2000.

Доценко 1996 — *Доценко Е. Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 1996.

Доценко 2001 — *Доценко Е. Л.* Манипулятивные технологии // Реклама: внушение и манипуляция. Медиа-ориентированный подход. Самара, 2001.

Дридзе 1976 — *Дридзе Т. М.* Текст как иерархия коммуникативных программ (информативно-целевой подход) // Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976.

Дридзе 1984 — *Дридзе Т. М.* Текстовая деятельность и структура социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.

Дробижева 2003 — *Дробижева Л. М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.

Дубин 2001 — *Дубин Б. В.* Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М., 2001.

Дунев 2003 — *Дунев А. И.* Толерантность и интенциональность ор-

фографии в текстах современной рекламы // *Философские и лингвистические проблемы толерантности*. Екатеринбург, 2003.

Евзеров 2000 — *Евзеров Р. Я.* Украина: с Россией вместе или врозь? М., 2000.

Енина 2002 — *Енина Л. В.* Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации // *Мы — сограждане (СМИ и общество)*. М., 2002. Т. 2.

Ермакова 2003 — *Ермакова О. П.* Толерантность и некоторые особенности русского менталитета в зеркале языка // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности*. Екатеринбург, 2003.

Ермакова, Земская 1993 — *Ермакова О. П., Земская Е. А.* К построению типологии коммуникативных неудач: (На материале естественного русского диалога) // *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. М., 1993.

Ермолин 1996 — *Ермолин Е. А.* Материализация призрака. Тоталитарный театр советских массовых акций 1920–1930-х годов. Ярославль, 1996.

Ерофеева 1994 — *Ерофеева Т. И.* Социолект: Стратификационное исследование: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1994.

Ерофеева 2000 — *Ерофеева Е. В.* Статус просторечия в современном русском языке // *Русский язык сегодня*. Вып. 1 / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000.

Желтухина 2003 — *Желтухина М. Р.* Механизм воздействия: когнитивные структуры и когнитивные операции // *Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста*. Материалы междунар. симп. Волгоград: Перемена, 2003. Ч. 1.

Жельвис 1997 — *Жельвис В. И.* Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 1997.

Жуков 2001 — *Жуков И. В.* Война в дискурсе современной прессы. Сетевой проект «Русский язык». 2001: см. электр. версию на сайте <http://faq.at/rusjaz>.

Жуховицкий 2000 — *Жуховицкий Л.* Писатель за 10 часов // *Книжное обозрение*. 2000. № 33.

Залевская 1999 — *Залевская А. А.* Введение в психолингвистику. М., 1999.

Занадворова 2003 — *Занадворова А. В.* Речевое общение в малых социальных группах (на примере семьи) // *Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация* / Отв. ред Л. П. Крысин. М., 2003.

Захарова 2000 — *Захарова Е. П.* Типы коммуникативных категорий // *Проблемы речевой коммуникации*. Саратов, 2000.

Зверева — *Зверева Г.* Чеченская война в дискурсах массовой культуры России: формы репрезентации врага // <http://www.polit.ru/documents/519753.html>

Здравомыслов 1996 — *Здравомыслов А. Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1996.

Земская 1994 — *Земская Е. А.* Категория вежливости в аспекте речевых действий // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.

Земская 1997 — *Земская Е. А.* Категория вежливости: общие вопросы — национально-культурная специфика русского языка // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1997. Heft. 2.

Земская, Китайгородская 1984 — *Земская Е. А., Китайгородская М. В.* Наблюдения над просторечной морфологией // *Городское просторечие: Проблемы изучения* / Под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. М., 1984.

Земская, Крысин 1998 — *Земская Е. А., Крысин Л. П.* Московская школа функциональной социолингвистики: Итоги и перспективы исследований. М., 1998.

Зимбардо, Ляйппе 2000 — *Зимбардо Ф., Ляйппе М.* Социальное влияние. СПб., 2000.

Зинченко 1997 — *Зинченко В. П.* Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили: К началам органической психологии. М., 1997.

Иванова 2003 — *Иванова Ю. М.* Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов. Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.

Иванчук 1998 — *Иванчук И. А.* Культура речи в деятельности врача (к проблеме формирования элитарного типа языковой личности в профессиональной медицине) // *Вопр. стилистики*. Вып. 27: Человек и текст. 1998.

Ивахненко — *Ивахненко Е.* Российская альтернатива «притерпелости» — веротерпимость и толерантность // *Науч.-публицист. вестн. «Век толерантности»*. Вып. № 3–4. <http://www.tolerance.ru>

Ильенко 1996 — *Ильенко С. Г.* К поискам ориентиров речевой конфликтологии // *Аспекты речевой конфликтологии*: Сб. ст. СПб., 1996.

Иссерс 1999a — *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1999.

Иссерс 1999b — *Иссерс О. С.* Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий // *Вестн. Омск. гос. ун-та*. Омск, 1999. Вып. 1.

Иссерс 2002 — *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2002.

Иссерс 2003 — *Иссерс О. С.* Текст на упаковке продуктов: когнитивно-прагматический анализ // *Русский язык сегодня*. М., 2003. Вып. 2.

Йокояма 1998 — *Йокояма О.* Коммуникативные неудачи в рамках транзакционной модели дискурса // *Лики языка. К 45-летию науч. деятельности Е. А. Земской*. М., 1998.

Йокояма 2001 — *Йокояма О.* Свои и чужие: межкультурная коммуникация и национальные стереотипы в чеховской России // *Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тез. докл. междунар. науч. конф.* Екатеринбург, 24–26 октября 2001 г. Екатеринбург, 2001.

Казаков 2003 — *Казаков Ю. В.* «Язык вражды» и свобода слова: Межэтническое и межконфессиональное в российских СМИ как проблемное поле // Профессиональная этика журналиста: Рабочие материалы: В 2 ч. М., 2003.

Кара-Мурза 2002 — *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М., 2002.

Карасик 1992 — *Карасик В. И.* Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН, 1992.

Карасик 2001 — *Карасик А. В.* Лингвокультурные характеристики английского юмора: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.

Карасик 2002 — *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Караулов 1991 — *Караулов Ю. Н.* О состоянии русского языка современности: Докл. на конф. «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». М., 1991.

Касавин 2003 — *Касавин И. Т.* Язык повседневности: между логикой и феноменальностью // Вопр. философии. 2003. № 5.

Касьянова 1994 — *Касьянова К.* О русском национальном характере. М., 1994.

Китайгородская 1988 — *Китайгородская М. В.* Наблюдения над построением устного просторечного текста // Разновидности городской устной речи / Отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. М., 1988.

Китайгородская, Розанова 1999 — *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.

Китайгородская, Розанова 2003 — *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003.

Клюев 1998 — *Клюев Е. В.* Речевая коммуникация: Учеб. пособие для университетов и вузов. М., 1998.

Кобозева 2001 — *Кобозева И. М.* Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2001. № 6.

Кобозева, Лауфер 1994 — *Кобозева И. М., Лауфер Н. И.* Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.

Комиссаров 1976 — *Комиссаров В. Н.* Теория перевода на современном этапе: (Из «Тетради переводчика»). М., 1976.

Конституция 2001 — Конституция Украины // Конституции государств Европы: В 3 т. / Общ. ред., вступ. ст. Л. А. Окунькова. М., 2001. Т. 3.

Копыл 2003 — *Копыл В. И.* Знакомьтесь: Интернет, Какие кнопки нажимать. Минск, 2003.

Косова 2001 — *Косова И. О.* Информативно-насыщенные глаголы английского языка в коммуникативном аспекте (на материале текстов англо-американских масс-медиа). Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.

Костомаров, Бурвикова 2000 — *Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д.* Старые мехи и молодое вино. Златоуст, 2000.

Котюрова 1996 — *Котюрова М. П.* Актуализация преемственности знания в научном тексте // Стилистика научного текста. Пермь, 1996. Т. 2, ч. 1, гл. VI.

Кохтев 1991 — *Кохтев Н. Н.* Ассоциации в рекламе // Русская речь. 1991. № 3.

Кочесоков — *Кочесоков Р.* Политическая корректность как средство формирования религиозной толерантности // Науч.-публицист. вестн. «Век толерантности». Вып. № 3–4. <http://www.tolerance.ru>

Кочкин 2003 — *Кочкин М. Ю.* Политический скандал как лингвокультурный феномен: Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.

Красных 1998 — *Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М., 1998.

Кристева 1995 — *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Вестн. Моск. ун-та. Филология. 1995. № 1.

Крысин 1989 — *Крысин Л. П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.

Крысин 1996 — *Крысин Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.

Крысин 2000 — *Крысин Л. П.* Вместо введения. Речевое общение в лингвистически и социально неоднородной среде // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000.

Крысин 2001 — *Крысин Л. П.* Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.

Крысин 2003а — *Крысин Л. П.* Социальная маркированность языковых единиц // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003.

Крысин 2003б — Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003.

Крысин 2003в — *Крысин Л. П.* Социальная дифференциация системы современного русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003.

Кудрявцева 2003 — *Кудрявцева Л. А.* Функции и статус русского языка в украинской языковой среде // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2003. № 3.

Куницына и др. 2001 — Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение. СПб., 2001.

Купина 1983 — Купина Н. А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. Красноярск, 1983.

Купина 1990 — Купина Н. А. Разговорное диалогическое единство как текст // Языковой облик уральского города / Под ред. Н. А. Купиной. Свердловск, 1990.

Купина 1995 — Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и языковые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.

Купина 1996 — Купина Н. А. Лингвоидеологические аспекты разговорного текста // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.

Купина 1997 — Купина Н. А. Идеологическое состояние лексики русского языка // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997.

Купина 1999а — Купина Н. А. Риторика в играх и упражнениях. Екатеринбург, 1999.

Купина 1999б — Купина Н. А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999.

Купина 2000 — Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня: Сб. ст. М.: Азбуковник, 2000. Вып. 1.

Купина 2001 — Купина Н. А. Идеологическая толерантность // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тез. докл. междунар. конф. Екатеринбург, 2001.

Купина, Михайлова 2001 — Купина Н. А., Михайлова О. А. Лингвокультурологические проблемы толерантности // Толерантность в современной цивилизации: Материалы междунар. конф. Екатеринбург, 14–19 мая 2001 г. Екатеринбург, 2001.

Купина, Михайлова 2002 — Купина Н. А., Михайлова О. А. Лингвистические проблемы толерантности // Мир русского слова. 2002. № 5.

Купина, Михайлова 2003 — Купина Н. А., Михайлова О. А. Просторечная семейная культура: лингвокультурологический очерк // Проблемы речевой коммуникации / Под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Саратов, 2003.

Купина, Муратова 2003 — Купина Н. А., Муратова К. В. Бытовая и идеологическая толерантность в художественном мире Владимира Высоцкого // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003.

Купина, Шалина 2004 — Купина Н. А., Шалина И. В. Современное просторечие: взгляд изнутри (в печати).

Куприянова 1998 — Куприянова Н. С. Смех как значимый компонент коммуникации // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и в шко-

ле: Материалы Всерос. школы молодых лингвистов. Пенза, 24–28 марта 1998 г. М.; Пенза, 1998.

Курганов 1997 — *Курганов Е.* Анекдот как жанр. СПб., 1997.

Курганов 2001 — *Курганов Е.* Похвальное слово анекдоту. СПб., 2001.

Курнаева, Рябов 2004 — *Курнаева Н. А., Рябов О. В.* «Гусары денег не берут»: Свои и Чужие в гендерном дискурсе коллективной идентичности // Гендер: Язык. Культура. Коммуникация. М., 2004 (в печати).

Кухаренко 1985 — *Кухаренко В. А.* Семантическая структура ключевых и тематических слов целого художественного текста // Лексическое значение в системе языка и в тексте. Волгоград, 1985.

Ладыженская 1998 — *Ладыженская Т. А.* Устная речь как средство и предмет обучения. М., 1998.

Ламберт 2001 — *Ламберт Д.* Мини-энциклопедия. Язык тела. М., 2001.

Ларина 2003 — *Ларина Т. В.* Неимпозитивность как одна из доминантных черт английской коммуникативной культуры // Межкультурная коммуникация и перевод: Межвуз. науч. конф. М.: МОСУ, 2003.

Латышев 2000 — *Латышев Л.* Технология перевода. М.: Высш. школа, 2000.

Лебедева 2003 — *Лебедева Н. Б.* Толерантность и естественная письменная речь // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003.

Лебединская 2001 — *Лебединская В.* Фразеологизмы с компонентами *черт* и *бог* // Христианизация, дехристианизация, рехристианизация в теории и практике русского языка. Poznac, 2001. С. 119–126.

Левинсон 1999 — *Левинсон А.* Об эстетике насилия: армия и общество в СССР / России за последние 10 лет // Сетевой журнал «Неприкосновенный запас». 1999. № 2 (4).

Левонтина, Шмелев 2000 — *Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* За справедливостью пустой // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000.

Леонтьев 1977 — *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.

Леонтьев 2001 — *Леонтьев А. А.* Деятельный ум (Деятельность. Знак. Личность). М., 2001.

Леонтьев, Панов 1963 — *Леонтьев А. Н., Панов Д. Ю.* Психология человека и технический прогресс // Философские вопросы высшей нервной деятельности и психики. М., 1963.

Локк — *Локк Дж.* Послание о веротерпимости // Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3.

Ломоносов 1952 — *Ломоносов М. В.* Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. 7.

Лоренц 2001 — *Лоренц К.* Агрессия (так называемое «зло»). СПб., 2001.

Майданова 1987 — *Майданова Л. М.* Структура и композиция газетного текста. Средства выразительного письма. Красноярск, 1987.

Макаров 1998 — Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.

Макинтайр 2000 — Макинтайр А. После добродетели. М., 2000.

Максапетян 2001 — Максапетян А. Г. Язык и метафизика. Мир и язык его описания. Ереван, 2001. См. электрон. версию на сайте: <http://www.philosophy.ru>.

Максимов 2002 — Максимов Б. Б. Фильтруй базар: словарь молодёжного жаргона города Магнитогорска. Магнитогорск: МаГУ, 2002.

Малькова 2002 — Малькова В. Российская пресса и проблемы этнической толерантности и конфликтности // Мы — сограждане (СМИ и общество). М., 2002. Т. 2.

Марова 2001 — Марова Н. Д. Толерантность интерпретации, или принцип ангела // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тез. докл. междунар. науч. конф. Екатеринбург, 24–26 окт. 2001 г. Екатеринбург, 2001.

Маслова 1997 — Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. М.: Наследие, 1997.

Маслоу 2003 — Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2003.

Матвеева 1990 — Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск, 1990.

Матвеева 1995 — Матвеева Т. В. К лингвистической теории жанра // Collegium. 1995. № 1–2. С. 64–71.

Матвеева 2000 — Матвеева Т. В. Нормы речевого общения как личностные права и обязанности // Юрис-лингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии / Отв. ред. Н. Д. Голев. Барнаул, 2000.

Матвеева 2003 — Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003.

Мацковский — Мацковский М. Толерантность как объект социологического исследования // Науч.-публицист. вестн. «Век толерантности». Вып. № 3–4. <http://www.tolerance.ru>

Мечковская 1996 — Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 1996.

Мечковская 1998 — Мечковская Н. Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство «ФАИР», 1998.

Мешин, Шкатова 1998 — Мешин А. В., Шкатова Л. А. Конфликтология: Учеб. пособие по спецкурсу. Челябинск: Изд-во ЮурГУ, 1998.

Миллз 2000 — Миллз М. Коммуникативный анализ медицинского профессионального общения «врач — пациент» // Русский язык сегодня. Вып. 1 / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000.

Михайлова 2000 — Михайлова О. А. Чужое слово в современной газете: прагматический аспект // Культурно-речевая ситуация: вопросы тео-

рии и образовательных технологий: Тез. докл. и сообщ. Всерос. науч.-метод. конф.; Екатеринбург, 19–21 марта 2000 г. Екатеринбург, 2000.

Михайлова 2001 — *Михайлова О. А.* Толерантность как лингвокультурологическая категория // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тез. докл. междунар. конф. Екатеринбург, 24–26 окт. 2001 г. Екатеринбург, 2001.

Михайлова 2003 — *Михайлова О. А.* Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. Екатеринбург, 2003.

Михальская 1996 — *Михальская А. К.* Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М.: Изд. центр «Академия», 1996.

Михальская 1998 — *Михальская А. К.* Педагогическая риторика: История и теория. М., 1998.

Мкртчян 1969 — *Мкртчян Л.* Поэзия в переводе // Мастерство перевода / Изд. К. Чуковский. Сб. 6. 1969. М., 1970.

Муравьева 2002 — *Муравьева Н.* Мотивы журналистской конфликтности // Мы — сограждане (СМИ и общество). М., 2002. Т. 2.

Мухутдинов 2001 — *Мухутдинов О. М.* Онтологические основания толерантности // Толерантность в современной цивилизации: Материалы междунар. конф. Екатеринбург, 14–19 мая 2001 г. Екатеринбург, 2001.

Нерозник 1996 — *Нерозник В. П.* Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. М., 1996.

Нещименко 2001 — *Нещименко Г. И.* Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития // Вопр. языкознания. 2001. № 1.

Никитина 1996 — *Никитина А. А.* Аллюзивные имена собственные — товарные знаки (на материале англоязычной рекламы) // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 2. 1996. № 2.

Николаева 1991 — *Николаева Т. М.* «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Докл. всесоюз. науч. конф. М., 1991. Ч. 2.

Норакидзе 1975 — *Норакидзе В. Г.* Методы исследования характера личности. Тбилиси, 1975.

Норман 2002 — *Норман Б. Ю.* [Рецензия] // Russian Linguistics. 2002. № 26. Рец. на кн.: Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. М.; Вена, 2001.

Норман 2003 — *Норман Б. Ю.* К анализу анекдота как жанра непрямой коммуникации // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003.

Павлов 1991 — *Павлов И. П.* Русская мысль // Лит. газ. 1991. 31 июля.

Падучева 1983 — *Падучева Е. В.* Проблема коммуникативной неудачи в сказках Льюиса Кэрролла // Tekst i zdanie: Zbiór studiów. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1983.

Панарин 2003 — *Панарин А. С.* Постмодернизм и глобализация: про-

ект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств // *Вопр. философии*. 2003. № 6.

Паршин 1997 — *Паршин П. Б.* Функционально-семантические основания идеологического дискурса // *Тр. междунар. семинара «Диалог-97 по компьютерной лингвистике и ее приложениям»*. Ясная поляна, 10–15 июня 1997 г. М., 1997.

Пауфوشيца 1989 — *Пауфوشيца Р. Ф.* Житель современной деревни как языковая личность // *Язык и личности*. М., 1989.

Педагогическая риторика 2001 — Педагогическая риторика / Под ред. Н. А. Ипполитовой. М., 2001.

Перцев 2003 — *Перцев А. В.* Современный миропорядок и философия толерантности // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности*. Екатеринбург, 2003.

Петровский 1990 — *Петровский А. В.* Что такое установка? // *Популярная психология: Хрестоматия*. М., 1990.

Пешков 1998 — *Пешков И. В.* Введение в риторику поступка. М., 1998.

Пикулева 2003а — *Пикулева Ю. Б.* Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

Пикулева 2003б — *Пикулева Ю. Б.* Телевизионная реклама как источник фрустрации // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности*. Екатеринбург, 2003.

Питина 2002 — *Питина С. А.* Что случилось с английским чертом? // *Межкультурные коммуникации* / Отв. ред. А. А. Панова. Челябинск, 2002.

Поварнин 1994 — *Поварнин С. И.* Спор: о теории и практике спора. Псков, 1994.

Попова 2002 — *Попова Е. С.* Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте // *Изв. Урал. гос. ун-та*. 2002. № 24. Гуманитарные науки: История. Филология. Искусствоведение. Екатеринбург, 2002. Вып. 5.

Попова, Стернин 2003 — *Попова З. Д., Стернин И. А.* Очерки по когнитивной лингвистике. 3-е изд. Воронеж, 2003.

Пороговый уровень 1996 — Пороговый уровень. Русский язык. Т. 1: Повседневное общение / Совет Европы. 1996.

Почепцов 2000 — *Почепцов Г. Г.* Информационные войны. М.; Киев, 2000.

Почепцов 2001 — *Почепцов Г. Г.* Психологическая война. М.; Киев, 2001.

Прияткина 2000 — *Прияткина А. Ф.* Просторечные новообразования: их основа и судьба // *Русский язык сегодня*. Вып. 1 / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000.

Пропп 1976 — *Пропп В. Я.* Проблемы комизма и смеха. М., 1976.

Пропп 1984 — *Пропп В. Я.* Русская сказка. Л., 1984.

Протасова 1998 — *Протасова Е. Ю.* Особенности русского языка у живущих в Финляндии // Русистика сегодня. 1998. № 3–4.

Протасова 2002а — *Протасова Е. Ю.* Динамика рефлексии интеграционных процессов по данным русскоязычной прессы Финляндии // Тр. по русской и славянской филологии. Лингвистика. Т. VI: Проблемы языка диаспоры. Тарту, 2002.

Протасова 2002б — *Протасова Е. Ю.* К проблеме самоопределения русскоязычного меньшинства в Финляндии (по данным русскоязычной прессы) // Полифония в культуре, тексте и языке / Под ред. Б. Синочкиной. Каунас: Ун-т Витаутас Магнус, 2002.

Протасова, Ниemenсиву 2002 — *Протасова Е., Ниemenсиву Х.* Русский язык в Финляндии // Русский язык в диаспоре: проблемы сохранения и преподавания / Под ред. Г. В. Хрушова. М.: Наука; Флинта, 2002.

Прохвачева 2000 — *Прохвачева О. Г.* Лингвокультурный концепт «приватность» (на материале американского варианта английского языка) // Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.

Прохоров, Стернин 2002 — *Прохоров Ю. Е., Стернин И. А.* Русское коммуникативное поведение. М., 2002.

Пузырев 2001 — *Пузырев А. В.* Многоплановость толерантности // Толерантность в современной цивилизации: Материалы междунар. конф. Екатеринбург, 14–19 мая 2001 г. Екатеринбург, 2001.

Пуляев, Шеляпин 2001 — *Пуляев В. Г., Шеляпин Н. В.* Социальные ценности в системе российской национальной государственной идеологии // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 5.

Ратмайр 1998 — *Ратмайр Р.* Простите, если что не так, или К вопросу о формах извинения в русской устной речи // Лики языка. М., 1998.

Ратмайр 2003 — *Ратмайр Р.* Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М., 2003.

Рахилина 2000 — *Рахилина Е. В.* О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Изв. РАН. Сер. лит. и языка. 2000. Т. 59, № 3.

Речевая агрессия... 1997 — Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997.

Рождественский 1997 — *Рождественский Ю. В.* Теория риторики. М.: Добросвет, 1997.

Розенталь, Кохтев 1981 — *Розенталь Д. Э., Кохтев Н. Н.* Язык рекламных текстов. М., 1981.

Розина 1999 — *Розина Р. И.* От редактора // Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.

Рубинштейн 2003 — *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003.

Рябов 1999 — *Рябов О. В.* Русская философия женственности (XI–XX века). Иваново, 1999.

Рябов 2001 — *Рябов О. Е.* «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анали-

за поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001.

Рябов 2003 — *Рябов О. В.* Образ врага в гендерном дискурсе отечественной историософской публицистики периода Первой мировой войны // Социальная история. Ежегодник-2003: Женская и гендерная история / Ред. Н. Пушкарева. М, 2003.

Рябова 2000 — *Рябова Т. Б.* Маскулинность в политическом дискурсе российского общества: История и современность // Женщина в российском обществе. 2000. № 4.

Рябцева 1999 — *Рябцева Н. К.* Помехи, преграды и препятствия в физическом, социальном и ментальном пространстве // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999.

Рябцева 2000 — *Рябцева Н. К.* Этические знания и их «предметное» воплощение // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000.

Рябцева 2003 — *Рябцева Н. К.* Любопытство как организующая и как дезорганизующая сила // Логический анализ языка. Космос и хаос. М., 2003.

Савоскул 2001 — *Савоскул С. С.* Русские нового зарубежья: выбор судьбы. М., 2001.

Свинцов 1990 — *Свинцов В. И.* Истинностные аспекты коммуникаций и проблемы совершенствования речевого сообщения // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.

Седов 1998 — *Седов К. Ф.* Анатомия жанров бытового общения // Вопр. стилистики. Саратов, 1998. Вып. 27.

Седов 1999 — *Седов К. Ф.* Жанры речи в становлении дискурсивного мышления языковой личности // Русский язык в контексте культуры / Отв. ред. Н. А. Купина. Екатеринбург, 1999.

Седов 2000 — *Седов К. Ф.* Речевое поведение и типы языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред. Н. А. Купиной. Екатеринбург, 2000.

Седов 2001 — *Седов К. Ф.* Этический компонент коммуникативной компетенции личности // Лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2001.

Седов 2003 — *Седов К. Ф.* О манипуляции и актуализации в речевом воздействии // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М. А. Кормилициной. Саратов, 2003.

Сергеевичева 2002 — *Сергеевичева В.* Азы общения: стратегия и тактика. СПб., 2002.

Сидоров 1987 — *Сидоров Е. В.* Проблемы речевой системности. М., 1987.

Сиротинина 1998 — *Сиротинина О. Б.* Социолингвистический фактор в становлении языковой личности // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград; Саратов: Перемена, 1998.

Сиротинина 2003 — *Сиротинина О. Б.* Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации / Под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов, 2003.

Сковорода 1973 — *Сковорода Г.* Книжечка о чтении Священного Писания, нареченная Жена Лотова // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1973. Т. 2.

Скребцова 2002 — *Скребцова Т. Г.* Метафоры современного русского внешнегополитического дискурса // *Respectus philologicus*. 2002. № 6.

Слышкин 1999 — *Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.

Смирнов 1929–1939 — *Смирнов М.* Литературная энциклопедия. М., 1929–1939. Т. 3.

Смирнова 2001 — *Смирнова Н.* Женский детектив // Гендерный конфликт и его репрезентация в культуре: Мужчина глазами женщины. Екатеринбург, 2001.

Современный русский язык 2003 — Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. РАН. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Соколов 1996 — *Соколов А. В.* Введение в теорию социальной коммуникации. СПб., 1996.

Солдатова 2001 — *Солдатова Г. У.* Толерантность и интолерантность — две грани межнационального взаимодействия // Век толерантности. 2001. № 1.

Солженицын 1998 — *Солженицын А. И.* Россия в обвале: Предисловие. М., 1998.

Степанов 1997 — *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.

Степанов 1999 — *Степанов Ю. С.* Теоретическая лингвистика входит в новый век многополюсной дисциплиной // *Вопр. филологии*. 1999. № 3.

Степанов 2001 — *Степанов С.* Язык внешности. М.: Эксмо-пресс, 2001.

Стернин 2000a — *Стернин И. А.* Русское коммуникативное поведение и толерантность // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. Воронеж, 2000. Т. 1.

Стернин 2000б — *Стернин И. А.* Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж, 2000. Вып. 1.

Стернин 2000в — *Стернин И. А.* Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж, 2000.

Стернин 2001a — *Стернин И. А.* Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.

Стернин 2001б — *Стернин И. А.* О понятии коммуникативного сознания // Культура общения и ее формирование. Воронеж, 2001. Вып. 8.

Стернин 2001в — *Стернин И. А.* Толерантность: слово и концепт // Лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2001.

Стернин 2001г — *Стернин И. А.* Очерк американского коммуникативного поведения. Воронеж, 2001.

Стернин 2002а — *Стернин И. А.* Коммуникативная толерантность и категоричность // Проблемы преподавания литературы, русского и иностранных языков в современной школе (гуманитаризация образовательного процесса). Воронеж, 2002.

Стернин 2002б — *Стернин И. А.* «Можно ли культурно формировать культуру в России?» // Культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред. Н. А. Купиной. Екатеринбург, 2002.

Стернин 2002в — *Стернин И. А.* Коммуникативное поведение как предмет изучения и обучения // Русистика и современность: лингвокультурология и межкультурная коммуникация. СПб., 2002.

Стернин 2002г — *Стернин И. А.* Толерантность как коммуникативная категория // XXI век: мир без войны и насилия. Воронеж, 2002.

Стернин 2003 — *Стернин И. А.* Толерантность и коммуникация // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. Екатеринбург, 2003.

Стернин, Шилихина 2001 — *Стернин И. А., Шилихина К. М.* Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2001.

Стивенсон 1985 — *Стивенсон Ч.* Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.

Сухих 1989 — *Сухих С. А.* Языковая личность в диалоге // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989.

Сухих, Зеленская 1997 — *Сухих С. А., Зеленская В. В.* Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализации. Краснодар, 1997.

Тарасова 1993 — *Тарасова И. П.* Структура личности коммуниканта и речевое воздействие // Вопр. языкознания. 1993. № 5.

Телия 1996 — *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

Токарева 2001 — *Токарева И. И.* Этнолингвистика и этнография общения. Минск, 2001.

Толстая 1994 — *Толстая С. М.* Вербальные ритуалы в славянской народной культуре // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.

Тощенко 2001 — *Тощенко Ж. Т.* Парадоксальный человек. М., 2001.

Трансформация 1995 — Трансформация личности / Анализ и комментарии О. Ксендзюк. Одесса, 1995.

Трембовольский 1989 — *Трембовольский Я. Л.* Молчание и текст // Probleme der Textlinguistik. Проблемы лингвистики текста. Gemein-

schaftsarbeit von Wissenschaftlern der Partneruniversitäten Bochum und Minsk. Hg. von H. Jachnow, A. E. Suprun. München, 1989.

Третьякова 2002 — *Третьякова В. С.* Речевой конфликт и гармонизация общения. Екатеринбург, 2002.

Тульчинский 2002 — *Тульчинский Г. Л.* Логика, толерантность, насилие // Логика толерантности и права: Материалы науч. конф. Екатеринбург, 24–25 декабря 2001 г. Екатеринбург, 2002.

ТФГ 1987 — Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

Тюпа — *Тюпа В.* Аналитика художественного: введение в литературоведческий анализ. М., 2001.

Узнадзе 1966 — *Узнадзе Д. Н.* Основные положения теории установки // Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1966.

Уолцер 2000 — *Уолцер М.* О терпимости, М.: Идея-пресс, 2000.

Урысон 2003 — *Урысон Е. В.* Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М., 2003.

Ухтомский 2002 — *Ухтомский А. А.* Доминанта. СПб., 2002.

Федоров 1941 — *Федоров А.* О художественном переводе. Л., 1941.

Федоров 1958 — *Федоров А.* Введение в теорию перевода. М., 1958.

Федосов 1993 — *Федосов В. А.* Тема «говорить — молчать» в русском народном языкознании // *Studia Slavica Savariensia*. 1993. № 1.

Федосюк 1997 — *Федосюк М. Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров // *Вопр. языкознания*. 1997. № 5.

Федотова 2003 — *Федотова В. Г.* Социальное конструирование приемлемого для жизни общества: К вопросу о методологии // *Вопр. философии*. 2003. № 11.

Филинский 2001 — *Филинский А. А.* Солидаризация в политическом дискурсе // *Лингвистические исследования 2001 г.*: Сб. науч. тр. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2001.

Фишер, Юри 1987 — *Фишер Р., Юри У.* Путь к согласию // *Язык и моделирование социального взаимодействия*. М., 1987.

Формановская 1989 — *Формановская Н. И.* Речевой этикет и культура общения. М., 1989.

Формановская 1998 — *Формановская Н. И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998.

Формановская 2003 — *Формановская Н. И.* Ритуалы вежливости и толерантность // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности*. Екатеринбург, 2003.

Фуко 1996 — *Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996.

Хазагеров, Ширина 1994 — *Хазагеров Т. Г., Ширина А. С.* Общая риторика: курс лекций и словарь риторических фигур. Ростов н/Д, 1994.

Хализев 1991 — *Хализев В. Е.* Наследие М. М. Бахтина и классическое видение мира // *Филол. науки*. 1991. № 5.

- Хализев 2002** — *Хализев В. Е.* Теория литературы. М., 2002.
- Хаяутин 1971** — *Хаяутин А.* О градации терминологичности и о составе и терминологии «терминологии» // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1971.
- Ходаренок 2003** — *Ходаренок М.* Военный новояз: как задача поставлена, так она и выполняется // Независимое военное обозрение. 2003. 4 апр. № 12 (327).
- Хомяков 2000а** — *Хомяков М. Б.* Толерантность как социокультурная проблема // Толерантность и ненасилие: теория и международный опыт. Екатеринбург, 2000.
- Хомяков 2000б** — *Хомяков М. Б.* Толерантность и современная цивилизация // Толерантность: Сб. науч. ст. / Под ред. М. Б. Хомякова. Екатеринбург, 2000.
- Хомяков 2003** — *Хомяков М. Б.* Толерантность и ее границы: размышления по поводу современной англо-американской теории // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003.
- Хорошая речь 2001** — Хорошая речь / Под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Саратов, 2001.
- Хямяляйнен 2003** — *Хямяляйнен Э.* Из жизни русских в Финляндии. Финляндские тетради. Вып. 1 / Ин-т России и Вост. Европы. Хельсинки, 2003.
- Ценности... 1996** — Ценности гражданского общества. Томск, 1996.
- Цуладзе 1999** — *Цуладзе А. М.* Политические манипуляции, или Покорение толпы. М., 1999.
- Чепкина 2000** — *Чепкина Э. В.* Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург, 2000.
- Чепкина 2003** — *Чепкина Э. В.* Журналист как медиатор в межкультурной коммуникации // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003.
- Чернявская 1999** — *Чернявская В. Е.* Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. СПб., 1999.
- Чернявская 2001** — *Чернявская В. Е.* Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб., 2001.
- Чернявская 2002** — *Чернявская В. Е.* Дискурс и дискурсивный анализ: традиции, цели, направления // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2002 (в печати).
- Чинова 1999** — *Чинова Л. Н.* Просьба о прощении и принесение извинения // Жанры речи-2. Саратов, 1999.
- Чудинов 2001** — *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.
- Чудинов 2002** — *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. 2001. № 1, 3, 4; 2002. № 1, 2, 3; 2003. № 1.

Чудинов 2003 — Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации (1999–2003). Екатеринбург, 2003.

Шалина 2000 — Шалина И. В. Коммуникативно-речевая дисгармония: ее причины и виды // Культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред. Н. А. Купиной. Екатеринбург, 2000.

Шамьенова 2001 — Шамьенова Г. Р. Вежливость как качество хорошей речи // Хорошая речь. Саратов, 2001.

Швейцер, Никольский 1978 — Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М., 1978.

Шевченко 1983 — Шевченко Н. В. Устная официальная речь в разных ситуациях (на материале речи юристов). Саратов, 1983.

Шевченко 2000 — Шевченко А. Лингвистическая война // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: Бюллетень / ИЭА РАН. 2000. Март-апрель. № 30.

Шейгал 2000 — Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград: Перемена, 2000.

Шейгал 2001 — Шейгал Е. И. Толерантность в системе дискурсивных категорий // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тез. докл. междунар. науч. конф. Екатеринбург, 24–26 октября 2001 г. Екатеринбург, 2001.

Шейнов 1996 — Шейнов В. П. Конфликты в нашей жизни и их разрешение. Минск, 1996.

Шейнов 2002 — Шейнов В. П. Скрытое управление человеком: Психология манипулирования. М.; Минск, 2002.

Шилихина 1997a — Шилихина К. М. The Usage of Reprimands in Russian and American cultures // The Pleasures and Joys of TESOL. Proceedings of the 4th Annual TESOL-Russia Conference. Voronezh, 1997.

Шилихина 1997b — Шилихина К. М. Модификация поведения собеседника в русской и американской коммуникативных культурах // Филологические записки. Воронеж, 1997. Вып. 8.

Шилихина 1999 — Шилихина К. М. Вербальные способы модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника в российской и американской коммуникативных культурах: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Воронеж, 1999.

Ширяев 1996 — Ширяев Е. Н. Культура речи как особая лингвистическая дисциплина // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

Шмелев 2002 — Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.

Шмелев 2003 — Шмелев А. Д. Терпимость в русской языковой картине мира // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003.

Шмелева 1995 — Шмелева Т. В. Речевой жанр: опыт общелингвистического осмысления // Collegium. 1995. № 1–2.

Шмелева 1997 — *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997.

Шмелева, Шмелев 2002 — *Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М., 2002.

Шмитт 1992 — *Шмитт К.* Понятие политического // Вопр. социологии. 1992. Т. 1, № 1.

Шостром 1994 — *Шостром Э.* Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор. М., 1994.

Щерба 1974 — *Щерба Л. В.* Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. 2-е изд. М., 1974.

Щербатых 2002 — *Щербатых Ю.* Искусство обмана. М., 2002.

Якубинский 1923 — *Якубинский Л. П.* О диалогической речи // Русская речь. Пг., 1923. Вып 1.

Иностранная литература

Aho 1994 — *Aho J. A.* This thing of darkness: a sociology of the enemy. Seattle, 1994.

Anup 2003 — *Anup Sh.* War, Propaganda and the Media // Mainstream Media Website. 2003. 1 febr.

Aquinas — *Thomas Aquinas.* Summa Theologiae, Sec., Qu. 10, Art. 11.

Attardo 1993 — *Attardo S.* Violation of conversational maxims and cooperation: The case of jokes // Journal of Pragmatics. 1993. № 19.

Austin 1961 — *Austin J. L.* A Plea for Excises // Philosophical Papers. Oxford, 1961.

Barsky 1997 — *Barsky R. F.* Discourse analysis. 1997.

Baschmakoff, Leinonen 2001 — *Baschmakoff N., Leinonen M.* Russian life in Finland 1917–1939. Studia Slavica Finlandesica. T. XVIII. Helsinki, 2001.

Basic concepts 1998 — Basic concepts of Intercultural Communication: Selected Readings / Ed. by Milton J. Bennett. 1998.

Becton 1998 — *Becton J. Jr.* The Military and Public Behavior // Public Talk: Online Journal of Discourse Leadership. Penn National Commission on Society, Culture and Community. © 1998 Trustees of the University of Pennsylvania.

Bhabha 1994 — *Bhabha H. K.* The location of culture. L.; N. Y., 1994.

Blom 2000 — *Blom I.* Gender and Nation in International Comparison // Gendered Nations: Nationalisms and Gender Order in the Long Nineteenth Century / Eds. I. Blom, K. Hagemann, C. Hall. Oxford; N. Y., 2000.

Bourdieu 1998 — *Bourdieu P.* Practical reason: on the theory of action. Stanford, 1998.

Burns 1978 — *Burns J.* Leadership. N. Y., 1978.

Clark, Schaefer 1989 — *Clark H. H., Schaefer E. F.* Contributing to discourse // Cognitive Science. 1989. Vol. 13.

- Cohn 1993** — *Cohn C.* Wars, Wimps, and Women: Talking Gender and Thinking War // *Gendering War Talk* / Eds. M. Cooke, A. Woollacott. Princeton, 1993.
- Connell 1995** — *Connell R. W.* Masculinities. Berkeley: University of California Press, 1995.
- Connell 2000** — *Connell R. W.* The Men and the Boys. Berkeley: University of California Press, 2000.
- Constituting... 2001** — Constituting cultural difference through discourse / Eds. Collier, Mary Jane. Thousand Oaks, 2001.
- Culture 1999** — Culture as the Core: Integrating Culture into the Language Curriculum / Ed. by R. Michael Paige, Dale L. Lange & Yelena A. Yershova. 1999.
- Czarmicki 1996** — *Czarmicki B.* Nie ma tolerancji dla nietolerancji // «Trybuna». 13. VII. 1996.
- D'mbska 1971** — *D'mbska I.* O funkcjach semiotycznych milczenia // *Studia Semiotyczne*. II. Wrocław etc., 1971.
- Дубічинський 2001** — *Дубічинський В. В.* Статус російської мови в Україні // *Політехнік* (Харків). 2001. 21.05. № 9.
- Encarta 1998** — Encarta © 98 Desk Encyclopedia © & 1996–97 Microsoft Corporation.
- Ervin-Tripp 1972** — *Ervin-Tripp S.* On sociolinguistic rules: alternation and cooccurrence // *Directions in sociolinguistics*. N. Y., 1972.
- Foucault 1972** — *Foucault M.* Die Ordnung des Diskurses. Frankfurt a/M., 1996 (оригинал^ L'ordre du discours. Paris, 1972).
- Frank 1967** — *Frank J.* The image of enemy // *Sanity and survival: Psychological aspects of war and peace*. N. Y., 1967.
- Gans 1992** — *Gans H. J.* Some of Functions Journalists // *State of the Art*. N. Y., 1992.
- Goldstein 2001** — *Goldstein J. S.* War and gender: How gender shapes the war system and vice versa. Cambridge, 2001.
- Grey 2000** — *Grey J.* Pluralism and Toleration in Contemporary Political Philosophy // *Political Studies*. 2000. Vol. 48.
- Guthart, Eberwein-Hetz, Renner 2002** — *Guthart M., Eberwein-Hetz I., Renner M.* Übersetzer treffen zur russischen Rechtsterminologie // *MDÜ*. 2002. № 4.
- Hall 1992** — *Hall S.* The West and the Rest: Discourse and power // *Formations of modernity* / Eds. S. Hall, B. Gieben. Cambridge, 1992.
- Harle 2000** — *Harle V.* The enemy with a thousand faces: The tradition of the Other in Western political thought and history. Westport, 2000.
- Heyd 1996** — *Heyd D.* Introduction // *Toleration. An Elusive Virtue* / Ed. by D. Heyd. Princeton University Press, 1996.
- Hooper 2001** — *Hooper Ch.* Manly states: Masculinities, international relations, and gender politics. N. Y., 2001.

- Horn 1997** — *Horn F.* Russians in Finland // Cultural minorities in Finland. An overview towards Cultural Policy / Eds. J. Pentikäinen, M. Hiltunen Helsinki Publications of the Finnish National Commission for UNESCO. 1997. № 66.
- Horn-Helf 1999** — *Horn-Helf B.* Technisches Übersetzen in Theorie und Praxis. Tübingen, 1999
- Hubbs 1988** — *Hubbs J.* Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture. Bloomington, 1988.
- Hymes 1972** — *Hymes D.* Models of the interaction of language and social life // Directions in sociolinguistics / Eds. J. Gamperz, D. Hymes. N. Y., 1972.
- Ignatieff 1999** — *Ignatieff M.* Nationalism and Toleration // The Politics of Toleration / Ed. by S. Mendus/ Edinburgh University Press, 1999.
- Jäger 1993** — *Jäger S.* Kritische Diskursanalyse. Duisburg, 1993.
- Jasinskaja-Lahti 2000** — *Jasinskaja-Lahti I.* Psychological acculturation and adaptation among Russian-speaking immigrant adolescents in Finland. Helsinki, 2000.
- Jezirowski 1999** — *Jezirowski A.* Milczenie i mowa // Rzeczywistość języka / Pod red. B. Trojanowskiej. Wrocław, 1999 (Filozofia XXXVI. Acta Universitatis Wratislaviensis, № 2124).
- Jörn 1998** — *Jörn A.* Literarische Übersetzung: Geschichte, Theorie, kulturelle Wirkung. Darmstadt, 1998.
- Katz 1961** — *Katz J.* Exclusiveness and Tolerance. Studies in Jewish-Gentile Relations in Medieval and Modern Times. Behrman House, 1961.
- Katz, Dayan 1986** — *Katz E., Dayan D.* Contests, Conquests, Coronations: On media Events and their Heroes // Changing Conceptions of Leadership. N. Y., 1986.
- Keen 1986** — *Keen S.* Faces of the enemy: reflections of the hostile imagination. San Francisco, 1986.
- Kennedy 2000** — *Kennedy V.* Edward Said: A critical introduction. Oxford, UK; Malden, MA, USA, 2000.
- King 1976** — *King P.* Toleration. L.: Allen and Unwin, 1976.
- Kita 2002** — *Kita M.* Użytkownik języka wobec niewyraźnego, niewyraźanego i niewyraźonego // Stylistyka. XI. Opole, 2002.
- Kołakowski 1997** — *Kołakowski L.* Mini wykłady o maxi sprawach. Kraków, 1997.
- Koller 1997** — *Koller W.* Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Wiesbaden, 1997.
- Kreuz and Roberts 1993** — *Kreuz R. J., Roberts R. M.* When collaboration fails: Consequences of pragmatic errors in conversation // Journal of Pragmatics. 1993. № 19.
- Krishnaswamy 1998** — *Krishnaswamy R.* Effeminism: The economy of colonial desire. Ann Arbor, 1998.
- Kurhila 2003** — *Kurhila S.* Co-constructing understanding in second language conversation. Helsinki, 2003.

Kymlicka 2000 — *Kymlicka W.* Two models of Pluralism and Tolerance // Tolerant: An Elusive Virtue / Ed. by D. Heyd. Princeton University Press, 2000.

Lakoff 1991 — *Lakoff G.* Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf // Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf / Ed. by D. Yallet. Honolulu, 1991.

Lamprecht 1993 — *Lamprecht R.-R.* Предварительное представление проблемы языковых конфликтов. СПб., 1993 (рукопись).

Leisiö 2001 — *Leisiö L.* Morphosyntactic convergence and integration in Finland Russian. Tampere, 2001.

Łętowska 1997 — *Łętowska E.* Można inaczej // Polityka. 1997. 15. III.

Lewis 1996 — *Lewis R.* Gendering Orientalism: Race, femininity and representation. L.; N. Y., 1996.

Mantila ** — *Mantila H.* Kielipolitiikka Suomessa (языковая политика в Финляндии). <http://www.finland.or.jp/mantila-f.html>

Marcuse 1969 — *Marcuse H.* Repressive Tolerance // A Critique of Pure Tolerance. Boston, 1969.

Margalit 1996 — *Margalit A.* The Ring: On Religious Pluralism // Tolerant: An Elusive Virtue / Ed. by D. Heyd. Princeton University Press, 1996.

McClintock 1995 — *McClintock A.* Imperial leather: Race, gender, and sexuality in the colonial conquest. N. Y., 1995.

Mendus 1989 — *Mendus S.* Tolerant and the Limits of Liberalism. Humanities Press International, 1989.

Mensching 1955 — *Mensching G.* Tolerance and Truth in Religion / Trans. by H.-J. Kimkeit. The University of Alabama Press, 1955.

Metzler-Lexikon, Helmut Glück 2002 — Metzler-Lexikon Sprache. Hg. von Helmut Glück. Stuttgart; Weimar, 2000.

Michnik 1995 — *Michnik A., Tischner J., Żakowski J.* Między Panem a Plebanem. Kraków, 1995.

Mohanty 1997 — *Mohanty C. T.* Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses // Dangerous Liaisons: Gender, nation, and postcolonial perspectives / Ed. by A. McClintock, A. Mufti, E. Shohat. Minneapolis, 1997.

Mufwebe 2002 — *Mufwene S. S.* Colonisation, Globalization, and the Future of Languages in the Twenty first Century // International Journal on Multicultural Societies. 2002. Vol. 4, №. 2. (Electronic journal: <http://www.unesco.org/most/jmshome.htm>)

Nederman 2000 — *Nederman C. J.* Worlds of Difference. The Pennsylvania State University Press, 2000.

Newman 1982 — *Newman J.* Foundations of Religious Tolerance. University of Toronto Press, 1982.

Nicholas of Cusa 1990 — *Nicholas of Cusa.* On Interreligious Harmony /

Text, Concordance and Translation of *De Pace Fidei*. N. Y.: Edwin Mellen Press, 1990.

Nicholson 1985 — *Nicholson P.* Toleration as a Moral Ideal // *Aspects of Toleration* / Ed. by J. Horton, S. Mendus. Methuen and Co. Ltd.; L.; N. Y., 1985.

Niva 1998 — *Niva S.* Tough and tender: new world order masculinity and the Gulf War // *The «Man» Question in International Relations* / Eds. M. Zalewski, J. Parpart. Boulder, 1998.

Ossowska 1996 — *Ossowska M.* Normy moralne. Próba syntezy i systematyzacji. Warszawa, 1970.

Partia-Religia... 1991 — *Partia-Religia i Partia-Narzędzie* // *Gazeta Wyborcza*. 1991. 20.III.

Pickering 2001 — *Pickering M.* Stereotyping: The politics of representation. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; N. Y., 2001.

Pietkiewicz 1996 — *Pietkiewicz B.* Nietolerancja: siła tchórzów // *Polityka*. 1996. 23. XI.

Pietrasik 1995 — *Pietrasik Z.* Nowy cham w nowych czasach // *Polityka*. 1995. 21. X.

Pietro 1982 — *Pietro J.* Linguistics and the Professions. Norwood / New-Jersey, 1982.

Piirainen 1997 — *Piirainen T.* Towards a new social order in Russia: transforming structures everyday life. Dartmouth Aldershot, 1997.

Polinsky — *Polinsky M.* American Russian: Language Loss Meets Language Acquisition // *Formal Approaches to Slavic Linguistics* / Eds. W. Browne et al. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications. P. 370–407.

Popper 1987 — *Popper K.* Toleration and Intellectual Responsibility // *On Toleration* / Ed. by Susan Mendus and David Edwards. Oxford: Clarendon Press, 1987.

Popper 1993 — *Popper K.* Społeczeństwo otwarte i jego wrogowie. Warszawa, 1993. T. 1.

Rathmayr 2003 — *Rathmayr R.* Produktamen als wesentlicher Bestandteil der Textsorte Lebensmittelverpackungen // *Slavistische Linguistik*. 2001. Referate des XXVII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens / Hgg. von H. Kuße (= Münchner Slavistische Beiträge 422). München, 2003.

Riabov — *Riabov O.* Gendering Russianism: «Mother Russia» in the Western Philosophy of History // *Gender Studies, Gender Boundaries, and Gender Critique in Russia and East Europe* / Ed. by J. G. Harris. N. Y.: M. E. Sharpe (forthcoming).

Richmond 1996 — *Richmond Y.* From Da to Yes. Understanding the East Europeans. Intercultural Press, Inc., 1996.

Rieber et al. 1991 — *Rieber R. W., Kelly R. J.* Substance and Shadow: Images of the Enemy // *Psychology of war and peace: the image of the enemy* / Ed. by R. W. Rieber. N. Y., 1991.

Ringle 1982 — *Ringle M. H., Bruce B. C.* Conversation failure // Strategies for natural languages processing / Ed. by W. G. Lehnert, M. H. Ringle. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1982.

Robert 1993 — *Robert E.* Xenophobe's Guide to the Russians. L., 1993.

Rokoszowa 1983 — *Rokoszowa J.* Język a milczenie // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. XL. Wrocław, 1983.

Romaine 2002 — *Romaine S.* The impact of Language Policy on Endangered Languages // International Journal on Multicultural Societies. 2002. Vol. 4, № 2 (electronic journal: <http://www.unesco.org/most/jmshome.htm>).

Said 1978 — *Said E. W.* Orientalism. N. Y., 1978.

Samovar, Porter 1995 — *Samovar L. A., Porter R. E.* Communication between cultures. 2nd ed. 1995.

Schmitz 2002 — *Schmitz K.-D.* Lokalisierung: Konzepte und Aspekte // Lokalisierung Technischer Dokumentation / Hrsg J. Henning, M. Tjarks-Sobhani. Lübeck, 2002.

Schopp 1999 — *Schopp J. F.* Typographie und Layout // Handbuch Translation / Hrsg. M. Snell-Hornby, H. G. Höning, P. Kussmaul, P. A. Schmitt, Tübingen, 1999.

Schueller 1998 — M. J. U. S. orientalism: Race, nation, and gender in literature, 1790–1890. Ann Arbor, 1998.

Scollon, Scollon 2001 — *Scollon R., Scollon S. W.* Intercultural communication: A discourse approach. Malden, 2001.

Seligman 2003 — *Seligman A. B.* Introduction // Journal of Human Rights. Carfax Publishing, 2003.

Sharp 2000 — *Sharp J. P.* Condensing the Cold War: Reader's digest and American identity. Minneapolis, 2000.

Shiffman 1996 — *Shiffman H.* Linguistic Culture and Language Policy. L.: Routledge, 1996.

Shogimen 2001 — *Shogimen Takashi.* From Disobedience to Toleration: William of Ockham and the Medieval Discourse on Fraternal Correction // Journal of Ecclesiastical History. Vol. 52, № 4. Cambridge University Press, 2001.

Skutnabb-Kangas 2000 — *Skutnabb-Kangas.* Tove. Linguistic Genocide in Education — or Worldwide Diversity and Human Rights? Mahwah, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 2000.

Slavistik, Computer, Internet 2002 — Slavistik, Computer, Internet // Bruns Hg. Th. Trierer Abhandlungen zur Slavistik. Bd. 4. Frankfurt/M.; Berlin; Bern; Bruxelles; N. Y.; Oxford; Wien, 2002.

Sprache 1998 — Sprache als Mittel der Identifikation und Distanzierung / Hrsg. Reiher R., Kramer U. Frankfurt a/M. etc.: Lang, 1998.

Ssuzanne Last Stone 2003 — Ssuzanne Last Stone. Tolerance Versus Pluralism in Judaism // Journal of Human Rights. 2002. Vol. 2, № 1. Carfax publ.

- Tazbir 1997** — *Tazbir J.* Polska na zakrętach dziejów. Warszawa, 1997.
- Tischner 1993** — *Tischner J.* Nieszczęsny dar wolności. Kraków, 1993.
- Tischner 1997** — *Tischner J.* W krainie schorowanej wyobraźni. Kraków, 1997.
- Tischner 2000** — *Tischner J.* Myśli wyszukane. Kraków, 2000.
- Tischner 2002** — *Tischner J.* Polski kształt dialogu. Kraków, 2002.
- Tischner, Źakowski 1997a** — *Tischner J., Źakowski J.* Tischner czyta katechizm. Kraków, 1997.
- Toleration 1996** — *Toleration: An Elusive Virtue* / Ed. by D. Heid. Princeton University Press, 1996.
- Walicki 2000** — *Walicki A.* Polskie zmagania z wolnością. Kraków, 2000.
- Walton 1987** — *Walton D. N.* Informal Fallacies: Towards a Theory of Argument Criticisms // *Pragmatics & Beyond Companion*. Ser. 4. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1987.
- Wasilewski 1995** — *Wasilewski A.* Oszoiomstwo i realizm. Warszawa, 1995.
- Welsch 1996** — *Welsch W.* Estheticization processes: Phenomena, distinction and prospects // *Theory, culture & society*. Cleveland, 1996. Vol. 13, № 1.
- Wierzbicka 1992** — *Wierzbicka A.* Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configuration. N. Y., Oxford, 1992.
- Williams 1996** — *Williams B.* Toleration: An Impossible Virtue? // *Toleration. An Elusive Virtue* / Ed. by D. Heid. Princeton University Press, 1996. P. 18–27].
- Wilss 1977** — *Wilss W.* Übersetzungswissenschaft. Probleme und Methoden. Stuttgart, 1977.
- Wolff 1994** — *Wolff L.* Inventing Eastern Europe: The map of civilization on the mind of the Enlightenment. Stanford, 1994.
- Wolf-Powkska 1999** — *Wolf-Powkska A.* Nowa dyktatura miłości // *Gazeta Wyborcza*. 1999. 23. I.
- Yokoyama 1988** — *Yokoyama O. T.* Disbelief, Lies and Manipulation in a Transactional Discourse Model. Argumentation, 1988.
- Zieliński 1999** — *Zieliński T.* Apostołowie nietolerancji // *Przegląd Tygodniowy*. 1999. 15. XII.

Словари и справочники

- БСЭ** — Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров. Т. 7. М., 1972; Т. 18. М., 1974; Т. 22. М., 1975.
- БТСРЯ 1998** — Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.
- БЭС 1998** — Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В. Н. Яреца. 2-е изд. М., 1998.
- Даль 1957** — *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957.

Даль 1984 — *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1984. Т. 1, 2.
ЖРУГ 1995 — Живая речь уральского города: Тексты. Екатеринбург, 1995.

Краткая литературная энциклопедия 1964 — Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. М., 1964. Т. 2.

Кубрякова и др. 1996 — *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Малая советская энциклопедия 1959 — Малая советская энциклопедия / Гл. ред. Б. А. Введенский. М., 1959. Т. 3.

МАС (малый академический словарь) — Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. М., 1981–1984.

Мокиенко, Никитина 1998 — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.

НЭС 2000 — Новый энциклопедический словарь. М., 2000.

Ожегов 1999 — *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999.

Российская юридическая энциклопедия 1999 — Российская юридическая энциклопедия / Гл. ред. А. Я. Сухарев. М., 1999.

Русские пословицы 1969 — Русские пословицы и поговорки / Сост. А. М. Жигулев. М., 1969.

Словарь иностранных слов и выражений 2000 — Словарь иностранных слов и выражений. М., 2000.

Словарь русского языка 1958 — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1958. Т. 2.

Современный философский словарь 1998 — Современный философский словарь. Лондон; М.; Минск, 1998.

Степанов 1997 — *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

СУ 1935 — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: В 4 т. М., 1935. Т. 1.

Фразеологический словарь 1986 — Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1986.

Duden 2001 — *Duden.* Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim, 2001.

Słownik... 1995 — *Słownik wyrazów obcych,* wydanie nowe. Warszawa, 1995.

Сведения об авторах

- Болотнова Нина Сергеевна** — доктор филологических наук. Томский государственный педагогический университет (Томск, Россия).
- Борисова Ирина Николаевна** — доктор филологических наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).
- Бурвикова Наталья Дмитриевна** — доктор филологических наук. Институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия).
- Вепрева Ирина Трофимовна** — доктор филологических наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).
- Далюгге-Момме Наташа** — свободный переводчик (Гамбург, Германия).
- Данилов Сергей Юрьевич** — кандидат филологических наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).
- Денисюк Елена Викторовна** — кандидат филологических наук. Уральский государственный технический университет — УПИ (Екатеринбург, Россия).
- Дунев Алексей Иванович** — кандидат филологических наук. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

- Дымарский Михаил Яковлевич** — доктор филологических наук. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).
- Енина Лидия Владимировна** — кандидат филологических наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).
- Ермакова Ольга Павловна** — доктор филологических наук. Калужский государственный университет (Калуга, Россия).
- Йокояма Ольга** — профессор славянских языков и литератур. Калифорнийский университет (Лос-Анджелес, США).
- Ким Игорь Ефимович** — кандидат филологических наук. Красноярский государственный университет (Красноярск, Россия).
- Коженевска-Берчинска Иоанна** — доктор филологических наук. Варшавско-Мазурский университет (Ольштын, Польша).
- Крысин Леонид Петрович** — доктор филологических наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова (Москва, Россия).
- Купина Наталия Александровна** — доктор филологических наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).
- Лысакова Ирина Павловна** — доктор филологических наук. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).
- Майданова Людмила Михайловна** — доктор филологических наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).
- Майс Георгия** — свободный переводчик (Гамбург, Германия).
- Матвеева Тамара Вячеславовна** — доктор филологических наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).
- Михайлова Ольга Алексеевна** — доктор филологических наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).
- Михайлова Юлия Николаевна** — аспирант. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).

- Мустайоки Арто** — доктор филологических наук. Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия).
- Норман Борис Юстинович** — доктор филологических наук. Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия).
- Олянич Андрей Владимирович** — кандидат филологических наук. Волгоградский государственный технический университет.
- Павлова Наталья Сергеевна** — аспирант. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).
- Пикулева Юлия Борисовна** — кандидат филологических наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).
- Попова Елена Сергеевна** — аспирант. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).
- Рябов Олег Вячеславович** — доктор философских наук. Ивановский государственный университет (Иваново, Россия).
- Салимовский Владимир Александрович** — доктор филологических наук. Пермский государственный университет (Пермь, Россия).
- Соломатов Станислав Иванович** — сотрудник «Областной газеты», журналист (Екатеринбург, Россия).
- Стернин Иосиф Абрамович** — доктор филологических наук. Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия).
- Туксаитова Райхан Омерзаковна** — кандидат филологических наук. Аграрный университет им. Сакена Сейфуллина (Акмалы, Казахстан).
- Харченко Елена Владимировна** — кандидат педагогических наук. Институт языкознания РАН (Москва, Россия).
- Хомяков Максим Борисович** — доктор философских наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).
- Чепкина Элина Владимировна** — доктор филологических наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).
- Чернова Оксана Евгеньевна** — аспирант. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).

- Чернявская Валерия Евгеньевна** — доктор философских наук. Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов (Санкт-Петербург, Россия).
- Черняк Валентина Даниловна** — доктор филологических наук. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).
- Черняк Мария Александровна** — кандидат филологических наук, докторант. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).
- Чудинов Анатолий Прокопьевич** — доктор филологических наук. Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).
- Шалина Ирина Владимировна** — кандидат филологических наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).
- Шарафутдинов Джалиль Рафаилович** — кандидат филологических наук. Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Екатеринбург, Россия).
- Шкатова Людмила Александровна** — доктор филологических наук. Челябинский государственный университет (Екатеринбург, Россия).
- Шилихина Ксения Михайловна** — кандидат филологических наук. Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия).

Программа «Межрегиональные исследования в общественных науках» была инициирована Министерством образования РФ, ИНО-центром (Информация. Наука. Образование) и Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Мак-Артуров (США) в 2000 г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОН), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. ИНО-центр (Информация. Наука. Образование) осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей Программы: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231

Электронная почта: info@ino-center.ru

Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство образования и науки Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности, а также в сфере молодежной политики, воспитания, опеки, попечительства, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

АНО «ИНО-центр (Информация. Наука. Образование)» — российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Билдингтона и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Билдингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX в., который, благодаря своим стараниям и книгам о России, сыграл важную роль в развитии лучшего понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от мира политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки «развития и распространения знаний и понимания». Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна «творить реальное и прочное добро в этом мире».

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. Мак-Артуров (США) — частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго США. С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению результатов просвещения и профессиональной подготовки, и практической деятельности.

Научное издание

**Культурные практики толерантности
в речевой коммуникации**
Коллективная монография

Редактор *О. А. Виноградова*
Оформление переплета и макет *А. Л. Бондаренко*
Оператор компьютерной верстки *Л. А. Хухарева*
Ответственный за выпуск *Ф. А. Еремеев*

Подписано в печать 18.08.2004. Формат 84 × 108/32.
Уч.-изд. л. 32,5. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 1825.

Издательство Уральского университета
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ»
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.